

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

ISSN 1684-8519

ИЗВЕСТИЯ

ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 321, № 6, 2012

Экономика. Философия,
социология и культурология.
История

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ

г. Томск

ИЗВЕСТИЯ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

Чубик П.С. (председатель), д.т.н., ректор ТПУ (г. Томск)
Пестряков А.Н. (заместитель председателя),
д.х.н., проректор ТПУ по НИИ (г. Томск)
Алексеенко С.В., д.ф.-м.н.,
член-корреспондент РАН (г. Новосибирск)
Болдырев В.В., д.х.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Боровиков Ю.С., к.т.н. (г. Томск)
Гуляев Ю.В., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Дамамм Ж., PhD, д.н. (Франция)
Дмитриев А.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Долматов О.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Ершов Ю.Л., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Замятин А.В., к.т.н. (г. Томск)
Клименов В.А., д.т.н. (г. Томск)
Конторович А.Э., д.г.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Крёнинг М., PhD, д.н. (Германия)
Летников Ф.А., д.г.-м.н., академик РАН (г. Иркутск)
Месяц Г.А., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Михайленко Б.Г., д.ф.-м.н.,
академик РАН (г. Новосибирск)
Накоряков В.Е., д.т.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Панин В.Е., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Томск)
Сигов А.С., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Сигфуссон Т.И., PhD, д.н. (Исландия)
Третьяков Ю.Д., д.х.н., а. РАН (г. Москва)
Турнаев В.И., д.и.н. (г. Томск)
Филлипов Г.А., д.т.н., академик РАН (г. Москва)
Чайковский Д.В., к.ф.н. (г. Томск)
Шень Джаоли, PhD, д.н. (Китай)
Яковлев А.Н., к.ф.-м.н. (г. Томск)

Редакционная коллегия:

Пестряков А.Н. (председатель, главный редактор), д.х.н.
Коробейников А.Ф. (зам. председателя), д.г.-м.н.
Глазырин А.С. (главный редактор Издательства ТПУ), к.т.н.
Могильницкий С.Б. (учёный секретарь), к.ф.-м.н.
Барышева Г.А., д.э.н.
Григорьев В.П., д.ф.-м.н.
Заворин А.С., д.т.н.
Иванчина Э.Д., д.т.н.
Ильин А.П., д.ф.-м.н.
Корниенко А.А., д.ф.н.
Лавринович В.А., д.т.н.
Погребной В.К., д.т.н.
Савичев О.Г., д.г.н.
Тузовский А.Ф., д.т.н.
Шаманин И.В., д.ф.-м.н.

Журнал зарегистрирован Министерством
Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-16615 от 24 октября 2003 г.
Учредитель: Томский политехнический университет

Издается с 1903 г.

© ФГБОУ ВПО НИ ТПУ, 2012

BULLETIN OF THE TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY

Editorial Board:

Chubik P.S. (Chairman), D.E., rector of TPU (Tomsk)
Pestryakov A.N. (Deputy Chairman) D. Chem.,
pro-rector of TPU for Research and Innovation (Tomsk)
Aleksenko S.V., Phys. and Math. D. Sc.,
corresponding member of RAS (Novosibirsk)
Boldyrev V.V., D. Chem., member of RAS (Novosibirsk)
Borovikov Yu.S., Candidate of Science (Tomsk)
Gulyaev Yu.V., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Damamme G., Phys. and Math, D. Sc. (France)
Dmitriev A.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Dilmatov O.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Ershov Yu.L., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Zamyatin A.V., Candidate of Science (Tomsk)
Klimenov V.A., D.E. (Tomsk)
Kontorovich A.E., Geol. and Mineral. D. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Kröning M., Dr.h.c. (Germany)
Letnikov F.A., Geol. and Mineral. D. Sc., member of RAS (Irkutsk)
Mesyats G.A., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Mikhailenko B.G., Phys. and Math. D. Sc.,
member of RAS (Novosibirsk)
Nakoryakov V.E., D. E., member of RAS (Novosibirsk)
Panin V.E., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Tomsk)
Sigov A.S., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Sigfusson T.I., Ph. D. (Island)
Tretyakov Yu.D., D. Chem., member of RAS (Moscow)
Turnaev V.I., Ph. D. (Tomsk)
Filippov G.A., D.E., member of RAS (Moscow)
Chaikovskij D.N., Candidate of Science (Tomsk)
Shen Zhaoli, Ph. D. (China)
Yakovlev A.N., Candidate of Science (Tomsk)

Editorial:

Pestryakov A.N. (Chairman, Editor in Chief), D. Chem.
Korobeinikov A.F. (Deputy Editor in Chief), Geol. and Mineral. D. Sc.
Glazyrin A.S. (Editor in Chief), Candidate of Science
Mogilnitsky S.B. (Science Secretary), Candidate of Phys. and Math. Sc.
Barysheva G.A., Ec. D.
Grigoriev V.P., Phys. and Math. D. Sc.
Zavorin A.S., D.E.
Ivanchina E.D., D.E.
Ilyin A.P., Phys. and Math. D. Sc.
Kornienko A.A., Ph. D.
Lisitzyn V.M., Phys. and Math. D. Sc.
Pogrebnoy V.K., D.E.
Savichev O.G., Geol. D. Sc.
Tuzovsky A.F., D.E.
Shamanin I.V., Phys. and Math. D. Sc.

Подписной индекс по каталогу
Агентства «Роспечать» – 18054

Журнал рассылается в адреса 50-и библиотек РФ,
США, ФРГ, Великобритании, Франции
и 9-и стран ближнего зарубежья

Полнотекстовый доступ к электронной версии
журнала возможен на сайтах ТПУ: portal.tpu.ru/izvestiya/;
ООО «Научная электронная библиотека»:
www.elibrary.ru, www.e-library.ru,
а также поисковой системы scholar.google.com

Импакт-фактор РИНЦ 2011 г. 0,210

© Tomsk Polytechnic University, 2012

ЭКОНОМИКА	ECONOMICS
5 Применение вероятностных методов к исследованию экзотических опционов купли европейского типа на основе экстремальных значений цены рискованного актива Андреева У.В., Данилюк Е.Ю., Демин Н.С., Рожкова С.В., Пахомова Е.Г.	5 Application of probability methods to investigation of exotic purchase options of European type based on extreme values of risk assets price Andreeva U.V., Danilyuk E.Yu., Demin N.S., Rozhkova S.V., Pakhomova E.G.
13 Европейский опцион купли ЛУКБЭК с плавающим страйком Андреева У.В., Данилюк Е.Ю., Демин Н.С., Рожкова С.В., Пахомова Е.Г.	13 European purchase look back option with floating strike Andreeva U.V., Danilyuk E.Yu., Demin N.S., Rozhkova S.V., Pakhomova E.G.
16 Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона Барышева Г.А., Черданцева И.В.	16 Migratory processes during the innovative reformation in regional economics Barysheva G.A., Cherdantseva I.V.
20 Банковская система России: проблемы развития и взаимодействия с вузами Никулина И.Е.	20 Russian banking system: development problems and interrelation with universities Nikulina I.E.
25 Энергоэффективность и энергосбережение в России на фоне опыта зарубежных стран Яковлев А.С., Барышева Г.А.	25 Energy efficiency and energy conservation in Russia against the background of foreign countries experience Yakovlev A.S., Barysheva G.A.
31 Инновационный статус Метропольрегиона Рейн-Неккар в системе европейских Метропольрегионов Энгельбрехт-Зенкина З.В.	31 Innovative status of Metropolitan region Rhein-Neckar in the system of European metropolitan regions Engelbrekht-Zenkina Z.V.
37 Стратегическое развитие России на современном этапе Антонова З.Г.	37 Strategic development of Russia at the present stage Antonova Z.G.
44 Влияние рисков на инвестиционный потенциал Арктического континентального шельфа Российской Федерации Болсуновская Л.М., Болсуновская Ю.А.	44 The impact of risks on investment potential of Arctic continental shelf of the Russian federation Bolsunovskaya L.M., Bolsunovskaya Yu.A.
48 Проблема оценки эффективности инновационной экономики и выбора модели развития для современной России СклярOVA Е.Е.	48 The problem of estimating the efficiency of innovative economy and selecting the development model for modern Russia Sklyarova E.E.
51 Стратегия развития кластеров предприятий в межотраслевой региональной интеграции Бородин А.И., Кочугуева М.Н.	51 The strategy of developing the clusters of enterprises in inter-sectorial regional integration Borodin A.I., Kochugueva M.N.
56 Европейские технологические платформы: понятие, история создания, характеристика Густап Н.Н.	56 European technological platforms: notion, origin, characteristic Gustap N.N.
59 Борьба с рейдерством как неформальным институтом передела собственности Таран Е.А.	59 Fighting with raid as the informal institute of property repartition Taran E.A.
62 Классификация рисков в сфере жилищно-коммунальных услуг в современных условиях Спицына Л.В.	62 Classification of risks in housing and communal services under current conditions Spitsyna L.V.
66 Этика лидерства в современном управлении Черепанова Н.В., Тухватулина Л.Р.	66 Ethics of leadership in contemporary management Cherepanova N.V., Tukhvatulina L.R.
71 Преимущества эвристик при принятии потребительских решений Рыжкова М.В.	71 The advantages of heuristics when making consumer decision Ryzhkova M.V.
77 Анализ системы ограничений потребительского выбора Рыжкова М.В.	77 The analysis of a constraint system of consumer choice Ryzhkova M.V.
82 Мотивационные механизмы многоуровневых продаж Серикова Г.Н., Сериков А.Л.	82 Motivational mechanisms of multi-level selling Serikova G.N., Serikov A.L.
85 Применение PESTEL-анализа для оптимизации систем управления на предприятиях на примере рынка недвижимости Плучевская Э.В., Кондратьева А.А.	85 Application of PESTEL-analysis for control system optimization at enterprises by the example of real estate market Pluchevskaya E.V., Kondratyeva A.A.
91 Малое и среднее предпринимательство: закономерности развития Пиньковецкая Ю.С.	91 Small and medium enterprises: laws of development Pinkovetskaya Yu.S.
96 Принципы оптимизации жизненного цикла изделий машиностроения Петрушин С.И., Губайдулина Р.Х.	96 Principles of optimization of engineering product life cycle Petrushin S.I., Gubaydulina R.Kh.
100 Конкурентоспособность и стратегические приоритеты инновационного развития Томской области Спицын В.В., Черноног С.В.	100 The competitiveness and strategic priorities of the innovative development in Tomsk region Spitsyn V.V., Chernonog S.V.
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCE AND CULTURAL STUDIES
105 Предпосылки и основания формирования новых моделей историко-культурной реконструкции науки Корниенко Анна А.	105 Prerequisites and bases for forming new models of historical-cultural science reconstruction Kornienko An.A.
109 Тематизация синтеза как единства когнитивного и социально-культурного в западной социологии науки: к определению тенденций и подходов Корниенко Анна А.	109 Thematization of synthesis as the entity of cognitive and social cultural components in west science sociology: determination of tendencies and approaches Kornienko An.A.
114 Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски Черникова Д.В., Черникова И.В.	114 Human enhancement: cognitive technologies and their risks Chernikova D.V., Chernikova I.V.
119 Эпистемологические аспекты исследования телесности человека Ардашкин И.Б.	119 Epistemological aspects of researching person corporality Ardashkin I.B.
126 Социальная эпистемология как подход в решении современных проблем научного познания Чмыхало А.Ю.	126 Social epistemology as the approach to the solution of current problems in scientific knowledge Chmykhalo A.Yu.

О концепте «образ будущего» в эпистемологическом конструктивизме Налетова А.И.	132	The concept «image of the future» in epistemological constructivism Naletova A.I.
Реальность в средствах массовой информации Чубик А.П.	136	Reality in mass media Chubik A.P.
Философско-методологические аспекты создания кодекса этики научного сообщества Черепанова М.В.	140	Philosophic and methodological aspects of developing the code of ethics for scientific community Cherepanova M.V.
Тотальность коммуникации Чубик А.П.	144	Communication totality Chubik A.P.
Религия, свобода совести и новые технологии в постсекулярном мире Минченко Т.П.	147	Religion, freedom of conscience and new technologies in the postsecular world Minchenko T.P.
Перспективы устойчивого развития человеческих экосистем Чубик М.П.	152	The prospects of sustainable development of human ecosystems Chubik M.P.
Постнеклассические стратегии решения проблемы сознания и здравый смысл Мигуренко Р.А.	157	Post non-classical strategies in solving the consciousness problem and common sense Migurenko R.A.
Возникновение топологического восприятия пространства в теориях социальных полей Макогон Т.И.	162	The origin of topological space perception in theories of social fields Makogon T.I.
«Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе Макогон Т.И.	167	«Spatial turn» and opportunity of novative approaches in social and philosophic discourse Makogon T.I.
Молодежь как дефиниция перехода Кирдяшкин И.В.	173	Youth as definition of transition Kirdyashkin I.V.
Лидерство как механизм институционализации порядка и развития социальной системы Иванкина Л.И., Мартынова Н.В.	178	Leadership as the mechanism of order institutionalization and social system development Ivankina L.I., Martynova N.V.
Вячеслав Иванович Иванов об Андрее Белом и Андрей Белый о Вячеславе Ивановиче Иванове: проблемы творческих отношений Сычева С.Г.	183	Vyacheslav Ivanovich Ivanov about Andrey Bely and Andrey Bely about Vyacheslav Ivanovich Ivanov: art problems Sycheva S.G.
Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации Дементьева С.В., Гениятова Е.В.	187	Study migration into Tomsk polytechnic university: mechanisms and practices of the efficient adaptation Demyntseva S.V., Giniyatova E.V.
Уровни соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве Лукьянова Н.А.	191	Subordination levels of semiotic elements in the communicative space Lukyanova N.A.
Культурное разнообразие в контексте мультикультурализма Коробейникова Л.А.	197	Cultural diversity within the context of multiculturalism Korobeynikova L.A.
Портрет в контексте культурфилософских проблем Лихацкая Л.Н.	200	Portrait within the context of cultural and philosophic issues Likhatskaya L.N.
Особенности формообразования предметно-функциональных структур в дизайне Захаров А.И., Кухта М.С.	204	The features of shaping process of object-functional structures in design Zakharov A.I., Kukhta M.S.
ИСТОРИЯ		
Основные направления развития иностранного туризма в России и за рубежом в 1950–1960-е гг. Колупанова И.А.	210	The principle directions in development of foreign tourism in Russia and abroad in 1950–1960-s Kolupanova I.A.
Украинские этнолокальные группы в Восточной Европе (конец XIX – XX вв.) Бабута М.Н.	214	Ukrainian ethnolocal groups in East Europe (the end of XIX – XX cc.) Babuta M.N.
Творческое содружество деятелей науки и производства в конце 1950-х – 1960-е гг. (на материалах вузов Сибирского региона) Петрик В.В.	218	Creative cooperation of the men of science and manufacture at the end of 1950-s–1960-s (based on the materials of higher schools of the Siberian region) Petrik V.V.
Развитие учебно-материальной базы высших учебных заведений г. Иркутска в 1960–1980-е гг. Петрик В.В.	223	The development of teaching and material resources of the higher educational establishments of Irkutsk in 1960–1980-s Petrik V.V.
Роль общественных организаций Западной Сибири в решении экологических проблем. 1950–1960-е гг. Першиков А.Н.	230	The role of social organizations in Western Siberia when solving the environmental problems. 1950–1960-s Pershikov A.N.
Партийные и советские руководители Томской губернии (1920–1923 гг.) Гузаров В.Н.	234	Party and soviet leaders of Tomsk guberniya (1920–1923) Guzarov V.N.
Роль газеты «Советский Карабах» в формировании армяно-азербайджанского противостояния в Нагорном Карабахе (февраль – март 1988 г.) Юматов К.В.	240	The role of the newspaper «Soviet Karabakh» in formation of Armenian-Azerbaijan opposition in Nagorny Karabakh (February–March 1988) Yumatov K.V.
Готы и империя: восстание Гайны как кризис идентичности Коньков Д.С.	245	Goths and the empire: Gainas rebellion as the identity crisis Konkov D.S.
Г.П. Федотов о концепции истории России в трудах В.О. Ключевского Гумерова Ж.А.	250	G.P. Fedotov about the concept of the history of Russia in the works of V.O. Klyuchevsky Gumerova Zh.A.
РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ	255	SUMMARIES
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	260	INFORMATION ABOUT AUTHORS

УДК 519.865

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТНЫХ МЕТОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ОПЦИОНОВ КУПЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА НА ОСНОВЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЦЕНЫ РИСКОВОГО АКТИВА

У.В. Андреева, Е.Ю. Данилюк, Н.С. Демин, С.В. Рожкова*, Е.Г. Пахомова*

Томский государственный университет
E-mail: egi@sibmail.com; daniluc_elena@sibmail.com

*Томский политехнический университет
E-mail: rozhkova@tpu.ru

Рассматриваются два вида экзотических опционов купли Европейского типа в диффузионной модели (B, S) -финансового рынка, основанных на экстремальных значениях цены рискованного актива, по которому выплачиваются дивиденды. Получены формулы, определяющие стоимости опционов, портфели (хеджирующие стратегии) и соответствующие им капиталы. Рассматриваются свойства решения.

Ключевые слова:

Финансовый рынок, опцион, платежная функция, капитал, портфель, хеджирование.

Key words:

Financial market, option, payoff function, capital, portfolio, hedging.

Опцион – это производная ценная бумага, являющаяся контрактом, по которому покупатель опциона приобретает право покупки (call option) или продажи (put option) по оговоренной цене заявленного в контракте базисного актива, а продавец опциона за премию – цену опциона – обязан исполнить требование покупателя в момент исполнения опциона [1–5]. Если платежные обязательства характеризуются только ценой базисного актива в фиксированный момент исполнения опциона S_T (спотовая цена, spot price) и ценой исполнения контракта K (страйковая цена – striking price), то такие опционы являются стандартными опционами Европейского типа. С развитием рынка деривативов стали появляться дополнительные требования к условиям заключения контракта. Возник класс экзотических опционов (exotic options) [6–8]. Одно из дополнительных условий – учет ценовой истории базисного актива от момента заключения контракта $t=0$ до момента исполнения $t=T$ (path-dependent options, history-dependent options, look forward options, look back options) [4–11]. Важным частным случаем подобных опционов являются опционы, основанные на учете экстремальных

значений цены базисного актива на интервале $t \in [0, T]$ (options on extremes). В достаточно подробном и обстоятельном обзоре [8] отмечается, что в настоящее время на рынках используется несколько десятков экзотических опционов, теория которых разработана в незначительной степени, и контракты по которым заключаются, исходя из эвристических соображений и опыта работы брокеров.

В данной работе на основе диффузионной модели (B, S) -финансового рынка с выплатой дивидендов по рискованному активу рассматриваются два вида экзотических опционов, основанных на экстремальных значениях цены рискованного актива. В качестве спотовых цен рассматриваются экстремальные значения актива $S_T^{\max} = \max_{0 \leq t \leq T} S_t$ и $S_T^{\min} = \min_{0 \leq t \leq T} S_t$ с фиксированной страйковой ценой K (соответственно fixed strike look back call option и reverse fixed strike look back call option [10]).

1. Постановка задачи

Рассмотрение задачи проводится на стохастическом базисе $(\Omega, \mathcal{F}, \mathbb{F}=(\mathcal{F}_t)_{t \geq 0}, P)$ [1–3]. На финансо-

вом рынке обращаются рисковые (акции) и безрисковые (банковский счет, государственные безрисковые облигации) активы, текущие цены которых S_t и B_t в течение интервала времени $t \in [0, T]$ определяются уравнениями

$$dS_t = S_t(\mu dt + \sigma dW_t), \quad dB_t = rB_t dt, \quad (1.1)$$

где W_t – стандартный винеровский процесс, $S_0 > 0$, $\mu \in R = (-\infty, +\infty)$, $\sigma > 0$, $B_0 > 0$, $r > 0$, решения которых имеют вид

$$S_t(\mu) = S_0 \exp\{(\mu - (\sigma^2/2))t + \sigma W_t\}, \\ B_t = B_0 \exp\{rt\}. \quad (1.2)$$

Считаем, что текущее значение капитала инвестора X_t определяется в виде $X_t = \beta_t B_t + \gamma_t S_t$, где $\pi_t = (\beta_t, \gamma_t)$ – пара F_t -измеримых процессов, составляющая портфель ценных бумаг инвестора. Аналогично [12] предполагается, что за обладание акцией происходят выплаты дивидендов в соответствии с процессом D_t со скоростью $\delta \gamma_t S_t$, пропорциональной рисковой части капитала с коэффициентом $0 \leq \delta < r$, а именно: $dD_t = \delta \gamma_t S_t dt$. Тогда изменение капитала в задаче с дивидендами происходит в виде $dX_t = \beta_t dB_t + \gamma_t dS_t + dD_t$. Так как $dX_t = \beta_t dB_t + \gamma_t dS_t + B_t d\beta_t + S_t d\gamma_t$, то $B_t d\beta_t + S_t d\gamma_t = dD_t$, что является балансовым соотношением, заменяющим условие самофинансируемости $B_t d\beta_t + S_t d\gamma_t = 0$ в стандартной задаче [1–3]. Тогда капитал определяется уравнением $dX_t = rX_t dt + \sigma \gamma_t S_t dW_t^{\mu-r+\delta}$ [12], где процесс $W_t^{\mu-r+\delta} = W_t + ((\mu-r+\delta)/\sigma)t$ является винеровским относительно меры $P^{\mu-r+\delta}$ такой, что $dP_t^{\mu-r+\delta} = Z_t^{\mu-r+\delta} dP_t$, а

$$Z_t^{\mu-r+\delta} = \exp\left\{ \begin{aligned} & -((\mu-r+\delta)/\sigma)W_t - \\ & -(1/2)((\mu-r+\delta)/\sigma)^2 t \end{aligned} \right\}.$$

Так как

$$Law(W^{\mu-r+\delta} | P^{\mu-r+\delta}) = Law(W | P),$$

то из [1]

$$Law\left(S_0 \exp\left\{ \begin{aligned} & \left(\frac{r-\delta}{\sigma} - \frac{\sigma^2}{2} \right) t + \\ & + \sigma W_t^{\mu-r+\delta} \end{aligned} \right\}; t \leq T | P^{\mu-r+\delta} \right) =$$

$$Law(S_0 \exp\{(r-\delta - (\sigma^2/2))t + \sigma W_t\}; t \leq T | P).$$

Таким образом,

$$Law(S(\mu, r, \delta) | P^{\mu-r+\delta}) = Law(S(r, \delta) | P),$$

т. е. относительно меры $P^{\mu-r+\delta}$ вероятностные свойства процесса $S(\mu, r, \delta)$, определяемого уравнением

$$dS_t(\mu, r, \delta) = S_t(\mu, r, \delta)((r-\delta)dt + \sigma dW_t^{\mu-r+\delta}),$$

совпадают со свойствами процесса $S(r, \delta)$, определяемого уравнением

$$dS_t(r, \delta) = S_t(r, \delta)((r-\delta)dt + \sigma dW_t),$$

относительно меры P .

Задача: сформировать хеджирующие стратегии (портфели) $\pi_t^c = (\beta_t^c, \gamma_t^c)$, а также соответствующие им капиталы X_t^c таким образом, чтобы выполнить платежные обязательства $X_T = f_T(S_T)$ относительно платежных функций

$$f_T = f_T^{\max}(S) = (\max_{0 \leq t \leq T} S_t - K)^+, \\ f_T = f_T^{\min}(S) = (\min_{0 \leq t \leq T} S_t - K)^+, \quad (1.3)$$

а также найти стоимости опционов $C_T = X_0$, где $K > 0$, $a^+ = \max\{a; 0\}$.

Используемые обозначения: $P\{\cdot\}$ – вероятность события; $E\{\cdot\}$ – математическое ожидание; $N\{a; b\}$ – плотность нормального распределения с параметрами a и b ; $I\{A\}$ – индикаторная функция события A ; интеграл без указания пределов означает интегрирование на интервале $R = (-\infty, +\infty)$;

$$\Phi(x) = \int_{-\infty}^x \varphi(y) dy, \quad \varphi(y) = [1/\sqrt{2\pi}] \exp\{-y^2/2\}.$$

Замечание. Дополнительные условия, вносимые в платежные обязательства экзотических опционов, могут быть как в пользу покупателя, так и в пользу продавца опциона, что в первом случае должно приводить к увеличению, а во втором – к уменьшению цены опциона относительно стандартного опциона купли с платежной функцией $f_T(S_T) = (S_T - K)^+$. Так как $\max_{0 \leq t \leq T} S_t \geq S_T$ и $\min_{0 \leq t \leq T} S_t \leq S_T$,

то опционы с платежной функцией $f_T^{\max}(S)$ соответствуют платежному обязательству в пользу покупателя опциона, поскольку относительно стандартного опциона увеличивается вероятность исполнения опциона, а с $f_T^{\min}(S)$ – в пользу продавца опциона, так как вероятность исполнения опциона уменьшается.

Утверждение. Если

$$J = [1/\sqrt{2\pi d}] \int \exp\{cx\} \exp\{-(x-a)^2/2d\} dx, \quad (1.4)$$

то

$$J = \exp\{ca + (c^2 d/2)\} [1/\sqrt{2\pi d}] \times \\ \times \int \exp\{-(x - (a + cd))^2/2d\} dx. \quad (1.5)$$

Пусть $X \rightarrow N\{a; b\}$. Тогда

$$E\{\exp\{cX\} I[X \leq d]\} = \\ = \exp\{ca + (c^2 d/2)\} \Phi((b - (a + cd))/\sqrt{d}), \quad (1.6)$$

$$E\{\exp\{cX\} I[X \geq d]\} = \\ = \exp\{ca + (c^2 d/2)\} \Phi(-(b - (a + cd))/\sqrt{d}), \quad (1.7)$$

$$E\{\exp\{cX\} I[b_1 \leq X \leq b_2]\} = \exp\{ca + (c^2 d/2)\} \times \\ \times [\Phi((b_2 - (a + cd))/\sqrt{d}) - \Phi((b_1 - (a + cd))/\sqrt{d})]. \quad (1.8)$$

Представление (1.5) для J следует из (1.4) в результате элементарных преобразований, (1.6) следует непосредственно из (1.4) и (1.5), (1.7) – из (1.6) с учетом того, что $1 - \Phi(z) = \Phi(-z)$, а (1.8) – из (1.6).

2. Основные результаты

Согласно (1.1), (1.2), (1.5)

$$S_t(r, \delta) = S_0 \exp\{\xi_t^c\}, \quad \xi_t^c = W_t + (h/a)t, \\ h = r - \delta - (\sigma^2/2). \quad (2.1)$$

Лемма 1. Пусть $M_t = \max_{0 \leq \tau \leq t} \sigma \xi_\tau = \max_{0 \leq \tau \leq t} (\sigma W_\tau + ht)$ для $t \leq T$. Тогда для $x \geq 0$ и $h \in R$ функция распределения $P\{M_t \leq x\}$ и плотность вероятности $p^M(t, x) = \partial P\{M_t \leq x\} / \partial x$ имеют вид

$$P\{M_t \leq x\} = \Phi((x - ht) / \sigma \sqrt{t}) - \exp\{(2h/\sigma^2)x\} \Phi(-(x + ht) / \sigma \sqrt{t}), \quad (2.2)$$

$$p^M(t, x) = [1/\sigma \sqrt{2\pi t}] \exp\{-(x - ht)^2 / 2\sigma^2 t\} - (2h/\sigma^2) \exp\{(2h/\sigma^2)x\} \Phi(-(x + ht) / \sigma \sqrt{t}) + [1/\sigma \sqrt{2\pi t}] \exp\{(2h/\sigma^2)x\} \exp\{-(x + ht)^2 / 2\sigma^2 t\}. \quad (2.3)$$

Вывод формулы (2.2) проводится аналогично выводу формулы (5.9) в [1] и поэтому не приводится. Формула (2.3) – результат дифференцирования (2.2) по x .

Пусть

$$d_1(t) = \left(\frac{r - \delta}{\sigma} + \frac{\sigma}{2} \right) \sqrt{T - t},$$

$$d_2(t) = \left(\frac{r - \delta}{\sigma} - \frac{\sigma}{2} \right) \sqrt{T - t}, \quad \alpha = 2 \frac{r - \delta}{\sigma^2}, \quad (2.4)$$

$$\begin{cases} y_1(t) = \frac{[\ln(K/S_t) - (r - \delta + (\sigma^2/2))(T - t)]}{[\sigma \sqrt{T - t}]}, \\ y_2(t) = \frac{[\ln(K/S_t) + (r - \delta - (\sigma^2/2))(T - t)]}{[\sigma \sqrt{T - t}]}, \\ y_3(t) = \frac{[\ln(K/S_t) - (r - \delta - (\sigma^2/2))(T - t)]}{[\sigma \sqrt{T - t}]}, \end{cases} \quad (2.5)$$

а d_1, d_2, y_1, y_2, y_3 определяются формулами (2.4), (2.5) при $t=0$.

Теорема 1. Цена опциона с платежной функцией $f_T^{\max}(S)$ задается формулами:

$$C_T^{\max} = S_0 \left[\frac{(1 + \alpha^{-1})e^{-\delta T} \Phi(d_1) + (1 - \alpha^{-1})e^{-rT} \Phi(-d_2)}{\alpha} \right] - Ke^{-rT},$$

если $S_0 \geq K;$ (2.6)

$$C_T^{\max} = S_0 \left[\frac{(1 + \alpha^{-1})e^{-\delta T} \Phi(-y_1) - \alpha^{-1} e^{-rT} \left(\frac{K}{S_0} \right)^\alpha \Phi(-y_2)}{\alpha} \right] - Ke^{-rT} \Phi(-y_3),$$

если $S_0 < K.$ (2.7)

Доказательство: поскольку платежная функция $f_T^{\max}(S)$ является естественной [1, 2], то

$$C_T^{\max} = \exp\{-rT\} E\{f_T^{\max}(S(r, \delta))\}.$$

Тогда из (1.3), (2.1), (2.3) следует

$$C_T^{\max} = e^{-rT} E\{f_T^{\max}(S(r, \delta))\} = e^{-rT} E\{(S_0 \exp\{M_T\} - K)^+\} = e^{-rT} F_T(S_0), \quad (2.8)$$

$$F_T(S_0) = E\{(S_0 \exp\{M_T\} - K)^+\} = \int_0^\infty (S_0 \exp\{x\} - K)^+ p^M(T, x) dx. \quad (2.9)$$

а) Случай $S_0 \geq K$. Учет (2.3) в (2.9) и условие нормировки для $p^M(T, x)$ дают

$$F_T(S_0) = S_0 \int_0^\infty \exp\{x\} p^M(T, x) dx - K = S_0 (J_1 - J_2 + J_3) - K, \quad (2.10)$$

$$J_1 = \frac{1}{\sigma \sqrt{2\pi T}} \int_0^\infty \exp\{x\} \exp\left\{-\frac{(x - hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx, \quad (2.11)$$

$$J_2 = \frac{2h}{\sigma^2} \int_0^\infty \exp\left\{\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)x\right\} \Phi\left(-\frac{(x + hT)}{\sigma \sqrt{T}}\right) dx = \frac{2h}{\sigma^2} J'_2, \quad (2.12)$$

$$J_3 = \frac{1}{\sigma \sqrt{2\pi T}} \times \int_0^\infty \exp\left\{\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)x\right\} \exp\left\{-\frac{(x + hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx. \quad (2.13)$$

В (2.11) согласно Утверждению для $X \rightarrow N\{hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $c=1, b=0$. Тогда применение (1.7) к (2.11) дает, что

$$J_1 = E\{\exp\{X\} I\{X \geq 0\}\} = \exp\{hT + (\sigma^2 T/2)\} \Phi((hT + \sigma^2 T) / \sigma \sqrt{T}). \quad (2.14)$$

Используя (2.1), (2.4) в (2.14), получаем $J_1 = \exp\{(r - \delta)T\} \Phi(d_1)$. В (2.13) по Утверждению $X \rightarrow N\{-hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $c=1 + [2h/\sigma^2], b=0$. Тогда применение (1.7) к (2.13) дает, что

$$J_3 = E\{\exp\{(1 + (2h/\sigma^2))X\} I\{X \geq 0\}\} = \exp\left\{\frac{-hT(1 + (2h/\sigma^2)) + (1/2)(1 + (2h/\sigma^2))^2 \sigma^2 T}{\sigma \sqrt{T}}\right\} \times \Phi((-hT + (1 + (2h/\sigma^2))\sigma^2 T) / \sigma \sqrt{T}). \quad (2.15)$$

Использование (2.1), (2.4) в (2.15) приводит к тому, что

$$J_3 = J_1 = \exp\{(r - \delta)T\} \Phi(d_1). \quad (2.16)$$

Интегрирование по частям в (2.12) с учетом (2.13) дает, что

$$J'_2 = [\sigma^2 / (\sigma^2 + 2h)] [J_3 - \Phi(-(h/\sigma)\sqrt{T})]. \quad (2.17)$$

Подстановка (2.17) в (2.12) с использованием (2.1), (2.4) приводит к

$$J_2 = (1 - \alpha^{-1}) [J_3 - \Phi(-d_2)]. \quad (2.18)$$

Тогда из (2.16), (2.18) следует, что

$$J_1 - J_2 + J_3 = (1 + \alpha^{-1}) J_3 + (1 - \alpha^{-1}) \Phi(-d_2). \quad (2.19)$$

Подставляя (2.19) в (2.10), получаем

$$F_T(S_0) = S_0 \left[\frac{(1 + \alpha^{-1}) \exp\{(r - \delta)T\} \Phi(d_1) + (1 - \alpha^{-1}) \Phi(-d_2)}{\alpha} \right] - K. \quad (2.20)$$

Тогда (2.6) следует из (2.8), (2.20).

б) Случай $S_0 < K$ Из (2.9) следует

$$F_T(S_0) = F_T^1 - F_T^2, \quad (2.21)$$

$$F_T^1 = S_0 \int_0^\infty \exp\{x\} p^M(T, x) dx,$$

$$F_T^2 = K \int_0^\infty p^M(T, x) dx, \quad b = \ln(K/S_0). \quad (2.22)$$

При вычислении F_T^1 пусть

$$J_1 - J_2 + J_3 = \int_0^\infty \exp\{x\} p^M(T, x) dx. \quad (2.23)$$

Использование (2.3) в (2.23) дает, что J_1, J_2, J_3 определяются формулами вида (2.11)–(2.13), интегралы в которых нижним пределом имеют величину b вида (2.22). Таким образом, аналогично (2.14), (2.15)

$$\begin{aligned} J_1 &= E\{\exp\{X\}I[X \geq b]\} = \\ &= \exp\{hT + (\sigma^2 T/2)\} \times \\ &\times \Phi(-(b - (hT + \sigma^2 T))/\sigma\sqrt{T}), \end{aligned} \quad (2.24)$$

$$\begin{aligned} J_3 &= E\{\exp\{(1 + (2h/\sigma^2))X\}I[X \geq b]\} = \\ &= \exp\left\{-hT\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right) + \frac{1}{2}\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)^2 \sigma^2 T\right\} \times \\ &\times \Phi\left(-\left(b - \left(-hT + \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)\sigma^2 T\right)\right)/\sigma\sqrt{T}\right). \end{aligned} \quad (2.25)$$

Использование (2.1), (2.5), (2.22) в (2.24), (2.25), интегрирование аналогично (2.18) дает

$$\begin{aligned} J_3 &= J_1 = \exp\{(r - \delta)T\}\Phi(-y_1), \\ J_2 &= (1 - \alpha^{-1})[J_3 - (K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2)]. \end{aligned} \quad (2.26)$$

Тогда из (2.23), (2.26) следует

$$\begin{aligned} J_1 - J_2 + J_3 &= \\ &= (1 + \alpha^{-1})J_3 + (1 - \alpha^{-1})(K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2). \end{aligned} \quad (2.27)$$

Подставляя (2.27) в (2.22), получаем с учетом (2.23), (2.26), что

$$F_T^1 = S_0 \left[\frac{(1 + \alpha^{-1}) \exp(r - \delta)T \Phi(-y_1) +}{1 + (1 + \alpha^{-1})(K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2)} \right]. \quad (2.28)$$

При вычислении F_T^2 аналогично имеем

$$J_1 = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \int_0^\infty \exp\{x\} \exp\left\{-\frac{(x - hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx, \quad (2.29)$$

$$J_2 = \frac{2h}{\sigma^2} \int_0^\infty \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2} x\right\} \Phi\left(-\frac{(x + hT)}{\sigma\sqrt{T}}\right) dx = \frac{2h}{\sigma^2} J_2', \quad (2.30)$$

$$J_3 = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \int_0^\infty \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2} x\right\} \exp\left\{-\frac{(x + hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx. \quad (2.31)$$

Из сравнения (2.29)–(2.31) с (2.11)–(2.13) следует, что вычисления по нахождению J_1, J_2, J_3 будут аналогичны вычислениям при получении формул (2.26), только при применении (1.7) величина c будет принимать значения соответственно $c=0$ и $c=2h/\sigma^2$. В результате получим

$$J_1 = J_3 = \Phi(-y_3), \quad J_2 = J_3 - (K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2). \quad (2.32)$$

Подстановка (2.32) в (2.22) дает, что

$$\begin{aligned} F_T^2 &= K[\Phi(-y_3) + (K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2)] = \\ &= K\Phi(-y_3) + S_0(K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2). \end{aligned} \quad (2.33)$$

Используя (2.28), (2.33) в (2.21), получаем

$$\begin{aligned} F_T(S_0) &= S_0 \left[\frac{(1 + \alpha^{-1}) \exp\{(r - \delta)\} \Phi(-y_1) -}{-\alpha^{-1}(K/S_0)^\alpha \Phi(-y_2)} \right] - \\ &\quad - K\Phi(-y_3). \end{aligned} \quad (2.34)$$

Тогда (2.7) следует из (2.8), (2.34). Теорема доказана.

Теорема 2. Капитал и портфель в случае платежной функции $f_T^{\max}(S)$ определяются формулами:

$$\begin{aligned} X_t^{\max} &= S_t \left[\frac{(1 + \alpha^{-1}) e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_1(t)) +}{+(1 - \alpha^{-1}) e^{-r(T-t)} \Phi(-d_2(t))} \right] - \\ &\quad - K e^{-r(T-t)}, \end{aligned} \quad (2.35)$$

$$\begin{aligned} \gamma_t^{\max} &= (1 + \alpha^{-1}) e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_1(t)) + \\ &\quad + (1 - \alpha^{-1}) e^{-r(T-t)} \Phi(-d_2(t)), \end{aligned} \quad (2.36)$$

$$\beta_t^{\max} = -(K/B_t) e^{-r(T-t)}, \quad (2.37)$$

если $S_t \geq K$;

$$\begin{aligned} X_t^{\max} &= S_t \left[\frac{(1 + \alpha^{-1}) e^{-\delta(T-t)} \Phi(-y_1(t)) -}{-\alpha^{-1} e^{-r(T-t)} \left(\frac{K}{S_t}\right)^\alpha \Phi(-y_2(t))} \right] - \\ &\quad - K e^{-r(T-t)} \Phi(-y_3(t)), \end{aligned} \quad (2.38)$$

$$\begin{aligned} \gamma_t^{\max} &= (1 + \alpha^{-1}) e^{-\delta(T-t)} \Phi(-y_1(t)) + \\ &\quad + (1 - \alpha^{-1}) e^{-r(T-t)} (K/S_t)^\alpha \Phi(-y_2(t)), \end{aligned} \quad (2.39)$$

$$\beta_t^{\max} = -(1/B_t) e^{-r(T-t)} \left[\frac{K\Phi(-y_3(t)) +}{+S_t(K/S_t)^\alpha \Phi(-y_2(t))} \right], \quad (2.40)$$

если $S_t < K$.

Доказательство: согласно [1, 2] для платежной функции $f_T^{\max}(S)$

$$\begin{aligned} X_t^{\max} &= e^{-r(T-t)} E\{f_T^{\max}(S(r, \delta)) | S_t\} = \\ &= e^{-r(T-t)} F_{T-t}(S_t) = X_t^{\max}(S_t), \end{aligned} \quad (2.41)$$

$$F_{T-t}(S_t) = E\{f_T^{\max}(S(r, \delta)) | S_t\}.$$

Формулы (2.35), (2.38) с учетом (2.41) следуют из (2.6), (2.7) с заменами $S_0 \rightarrow S_t, T \rightarrow (T-t)$.

Согласно [1, 2]

$$\gamma_t^{\max} = (\partial X_t^{\max}(s) / \partial s) \Big|_{s=S_t},$$

$$\beta_t^{\max} = (X_t^{\max}(s) - \gamma_t^{\max} S_t) / B_t. \quad (2.42)$$

Использование (2.35) в (2.42) приводит к (2.36), а (2.37) следует из (2.35), (2.36), (2.42).

Из определения $\Phi(x)$ вытекает

$$\frac{\partial \Phi(a(s))}{\partial s} = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \exp\left\{-\frac{1}{2}a^2(s)\right\} \frac{\partial a(s)}{\partial s},$$

$$\frac{\partial \Phi(-a(s))}{\partial s} = -\frac{\partial \Phi(a(s))}{\partial s}. \quad (2.43)$$

Тогда из (2.38), (2.43) следует

$$\partial X_T^{\max}(s)/\partial s = (1 + \alpha^{-1})e^{-\delta(T-t)}\Phi(-y_1(t)) + (1 - \alpha^{-1})e^{-r(T-t)}(K/s)^\alpha \Phi(-y_2(t)) + \Psi \quad (2.44)$$

$$\Psi = \Psi_1 + s\alpha^{-1}\Psi_2, \quad (2.45)$$

$$\Psi_1 = Ke^{-r(T-t)}[\partial \Phi(y_3(t))/\partial s] - se^{-\delta(T-t)}[\partial \Phi(y_1(t))/\partial s], \quad (2.46)$$

$$\Psi_2 = e^{-r(T-t)}(K/s)^\alpha [\partial \Phi(y_2(t))/\partial s] - e^{-\delta(T-t)}[\partial \Phi(y_1(t))/\partial s]. \quad (2.47)$$

Согласно (2.5)

$$y_1(t) = y_3(t) - \sigma\sqrt{T-t},$$

$$y_1(t) = y_2(t) - 2((r-\delta)/\sigma)\sqrt{T-t}. \quad (2.48)$$

Из (2.43), (2.5) следует, что

$$\begin{cases} \partial \Phi(y_3(t))/\partial s = \\ = -[1/s\sigma\sqrt{2\pi(T-t)}]\exp\{-y_3^2(t)/2\}, \\ \partial \Phi(y_2(t))/\partial s = \\ = -[1/s\sigma\sqrt{2\pi(T-t)}]\exp\{-y_2^2(t)/2\}. \end{cases} \quad (2.49)$$

Тогда из (2.48), (2.49), (2.5) следует

$$\begin{aligned} \partial \Phi(y_1(t))/\partial s = \\ = -\left[\frac{(K \exp\{-(r-\delta)(T-t)\})}{(s^2\sigma\sqrt{2\pi(T-t)})}\right] \exp\{-y_3^2(t)/2\}, \end{aligned} \quad (2.50)$$

$$\begin{aligned} \partial \Phi(y_1(t))/\partial s = \\ = -\left[\frac{(\exp\{-(r-\delta)(T-t)\})}{(s\sigma\sqrt{2\pi(T-t)})}\right] (K/s)^\alpha \times \\ \times \exp\{-y_2^2(t)/2\}. \end{aligned} \quad (2.51)$$

Использование (2.49), (2.50) в (2.46) и (2.49), (2.51) в (2.47) дает, что $\Psi_1=0$, $\Psi_2=0$. Тогда, согласно (2.45), $\Psi=0$, и (2.39) следует из (2.42), (2.44), а (2.40) следует из (2.42), (2.38), (2.39). Теорема доказана.

Теорема 3. Цена опциона с платежной функцией $f_T^{\min}(S)$ задается формулами

$$C_T^{\min} = S_0 \left[\begin{aligned} & (1 + \alpha^{-1})e^{-\delta T}[\Phi(-d_1) - \Phi(y_1)] + \\ & + (1 - \alpha^{-1})e^{-rT}\Phi(d_2) + \\ & + \alpha^{-1}e^{-rT}(K/S_0)^\alpha \Phi(y_2) \\ & - Ke^{-rT}\Phi(-y_3), \end{aligned} \right] \quad (2.52)$$

если $S_0 > K$, и $C_T^{\min}=0$, если $S_0 \leq K$.

Доказательство: из (1.3), (2.1), (2.4) аналогично (2.8), (2.9) следует, что

$$\begin{aligned} C_T^{\min} &= e^{-rT} E\{f_T^{\min}(S(r, \delta))\} = \\ &= e^{-rT} E\{(S_0 \exp\{m_T\} - K)^+\} = e^{-rT} F_T(S_0), \end{aligned} \quad (2.53)$$

$$\begin{aligned} F_T(S_0) &= E\{(S_0 \exp\{m_T\} - K)^+\} = \\ &= \int_{-\infty}^0 (S_0 \exp\{x\} - K)^+ p^m(T, x) dx. \end{aligned} \quad (2.54)$$

Выражение под знаком интеграла в (2.54) больше нуля, если $S_0 \exp\{x\} - K > 0$, т. е. если $x > b$, где b имеет вид (2.22). Так как $x \leq 0$, то условие $x > b$ может выполняться только для отрицательного b , когда $S_0 > K$. Таким образом, утверждение теоремы $C_T^{\min}=0$, если $S_0 \leq K$, очевидно, и из (2.54) следует

$$\begin{aligned} F_T(S_0) &= S_0 \int_{-\infty}^0 \exp\{x\} p^m(T, x) dx - \\ &- K \int_{-\infty}^0 p^m(T, x) dx = S_0 J - K \bar{J}. \end{aligned} \quad (2.55)$$

Использование (2.3) в (2.55) дает, что

$$J = J_1 + J_2 + J_3, \quad (2.56)$$

$$J_1 = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \int_b^0 \exp\{x\} \exp\left\{-\frac{(x-hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx, \quad (2.57)$$

$$\begin{aligned} J_2 &= \frac{2h}{\sigma^2} \int_b^0 \exp\left\{\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)x\right\} \Phi\left(\frac{x+hT}{\sigma\sqrt{T}}\right) dx = \\ &= \frac{2h}{\sigma^2} J_2', \end{aligned} \quad (2.58)$$

$$\begin{aligned} J_3 &= \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \times \\ &\times \int_b^0 \exp\left\{\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)x\right\} \exp\left\{-\frac{(x+hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx. \end{aligned} \quad (2.59)$$

В (2.57) согласно Утверждению для $X \rightarrow N\{hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $b_1=b$, $b_2=0$, $c=1$, $a=hT$, $d=\sigma^2 T$. Тогда применение (1.8) к (2.57) дает, что

$$\begin{aligned} J_1 &= E\{\exp\{X\} I[b \leq X \leq 0]\} = \\ &= \exp\{hT + (\sigma^2 T)/2\} \times \\ &\times \left[\begin{aligned} & \Phi(-(hT + \sigma^2 T)/\sigma\sqrt{T}) - \\ & - \Phi(-(b - (hT + \sigma^2 T))/\sigma\sqrt{T}) \end{aligned} \right]. \end{aligned} \quad (2.60)$$

Использование (2.1), (2.4), (2.5) в (2.60) приводит к тому, что $J_1 = \exp\{(r-\delta)T\}[\Phi(-d_1) - \Phi(y_1)]$. В (2.59) согласно Утверждению для $X \rightarrow N\{-hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $b_1=b$, $b_2=0$, $c=1 + [2h/\sigma^2]$, $a=-hT$, $d=\sigma^2 T$. Тогда применение (1.8) к (2.59) дает, что

$$\begin{aligned} J_3 &= E\{\exp\{(1 + (2h/\sigma^2))X\} I[b \leq X \leq 0]\} = \\ &= \exp\left\{-hT\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right) + \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)\frac{\sigma^2 T}{2}\right\} \times \\ &\times \left[\begin{aligned} & \Phi\left(\frac{-hT + (1 + (2h/\sigma^2))\sigma^2 T}{\sigma\sqrt{T}}\right) - \\ & - \Phi\left(\frac{b - (-hT + (1 + (2h/\sigma^2))\sigma^2 T)}{\sigma\sqrt{T}}\right) \end{aligned} \right]. \end{aligned} \quad (2.61)$$

Использование (2.1), (2.4), (2.5) в (2.61) приводит к тому, что

$$J_3 = \exp\{(r-\delta)T\}[\Phi(-d_1) - \Phi(y_1)] = J_1. \quad (2.62)$$

Интегрирование по частям в (2.58) с учетом (2.59) дает, что

$$J'_2 = \frac{\sigma^2}{\sigma^2 + 2h} \left[\Phi\left(\frac{h\sqrt{T}}{\sigma}\right) - \Phi\left(\frac{b+hT}{\sigma}\right) \times \exp\left\{\left(1 + \frac{2h}{\sigma^2}\right)b\right\} - J_3 \right]. \quad (2.63)$$

Подстановка (2.63) в (2.58) с последующим использованием (2.1), (2.4), (2.5), (2.22), (2.62) приводит к тому, что

$$J_2 = (1 - \alpha^{-1}) \left[\Phi(d_2) - (K/S_0)^\alpha \Phi(y_2) - \exp\{(r - \delta)T\} \times [\Phi(-d_1) - \Phi(y_1)] \right]. \quad (2.64)$$

Тогда из (2.56), (2.62), (2.64) следует, что

$$J = (1 + \alpha^{-1}) \exp\{(r - \delta)T\} [\Phi(-d_1) - \Phi(y_1)] + (1 - \alpha^{-1}) [\Phi(d_2) - (K/S_0)^\alpha \Phi(y_2)]. \quad (2.65)$$

Использование (2.3) в (2.55) дает, что

$$\bar{J} = \bar{J}_1 + \bar{J}_2 + \bar{J}_3, \quad (2.66)$$

$$\bar{J}_1 = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \int_b^0 \exp\left\{-\frac{(x-hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx, \quad (2.67)$$

$$\bar{J}_2 = \frac{2h}{\sigma^2} \int_b^0 \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(\frac{x+hT}{\sigma\sqrt{T}}\right) dx = \frac{2h}{\sigma^2} \bar{J}'_2, \quad (2.68)$$

$$\bar{J}_3 = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi T}} \int_b^0 \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \exp\left\{-\frac{(x+hT)^2}{2\sigma^2 T}\right\} dx. \quad (2.69)$$

Вычисление \bar{J}_1 из (2.67) проводится аналогично вычислению J_1 при $c=0$. Получаем

$$\bar{J}_1 = \Phi(-h\sqrt{T}/\sigma) - \Phi((b-h\sqrt{T})/\sigma\sqrt{T}). \quad (2.70)$$

Использование (2.4), (2.5), (2.22) в (2.70) дает, что $\bar{J}_1 = \Phi(-d_1) - \Phi(y_3)$. Вычисление \bar{J}_3 в (2.68) проводится аналогично вычислению J_3 при $c=[2h/\sigma^2]$, (2.69) аналогично J_2 :

$$\bar{J}_3 = \Phi(-d_1) - \Phi(y_3) = \bar{J}_1, \quad (2.71)$$

$$\bar{J}_2 = \Phi(d_2) - (K/S_0)^\alpha \Phi(y_2) - \Phi(-d_2) + \Phi(y_3). \quad (2.71)$$

Использование (2.71) в (2.66) дает, что

$$\bar{J} = \Phi(-y_3) - (K/S_0)^{\alpha-1} \Phi(y_2) = \Phi(-y_3) - (S_0/K)(K/S_0)^\alpha \Phi(y_2). \quad (2.72)$$

Подстановка (2.65), (2.72) в (2.55), а затем в (2.53) приводит к (2.52). Теорема доказана.

Теорема 4. Капитал и портфель в случае платежной функции $f_T^{\min}(S)$ определяются формулами:

$$X_T^{\min} = \left[\begin{aligned} &(1 + \alpha^{-1})e^{-\delta(T-t)}[\Phi(-d_1(t)) - \Phi(y_1(t))] + \\ &(1 - \alpha^{-1})e^{-r(T-t)}\Phi(d_2(t)) + \\ &+\alpha^{-1}e^{-r(T-t)}(K/S_t)^\alpha \Phi(y_2(t)) \\ &-Ke^{-r(T-t)}\Phi(-y_3(t)), \end{aligned} \right] \times S_t \quad (2.73)$$

$$\gamma_t^{\min} = (1 + \alpha^{-1})e^{-\delta(T-t)}[\Phi(-d_1(t)) - \Phi(y_1(t))] + (1 - \alpha^{-1})e^{-r(T-t)}[\Phi(d_2(t)) - (K/S_t)^\alpha \Phi(y_2(t))], \quad (2.74)$$

$$\beta_t^{\min} = -(1/B_t)e^{-r(T-t)} \times [K\Phi(-y_3(t)) - S_t(K/S_t)^\alpha \Phi(y_2(t))], \quad (2.75)$$

если $S_t > K$, и $X_t^{\min}=0$, $\gamma_t^{\min}=0$, $\beta_t^{\min}=0$, если $S_t \leq K$.

Доказательство: формула (2.73) следует из (2.52) аналогично тому, как формулы (2.35), (2.38) следовали из (2.6), (2.7). Аналогично (2.42)

$$\gamma_t^{\min} = (\partial X_t^{\min}(s)/\partial s)|_{s=S_t}, \quad (2.76)$$

$$\beta_t^{\min} = (X_t^{\min}(s) - \gamma_t^{\min} S_t)/B_t.$$

Из (2.73) с учетом (2.74) следует, что

$$\begin{aligned} \partial X_t^{\min}(s)/\partial s &= (1 + \alpha^{-1})e^{-\delta(T-t)} \times \\ &\times [\Phi(-d_1(t)) - \Phi(y_1(t))] + \\ &+(1 - \alpha^{-1})e^{-r(T-t)} \times \\ &\times [\Phi(d_2(t)) - (K/s)^\alpha \Phi(y_2(t))] - \Psi, \end{aligned} \quad (2.77)$$

где Ψ определяется формулами (2.45)–(2.47). Поскольку, как было доказано, $\Psi=0$, то (2.74) следует из (2.76), (2.77), а (2.75) – из (2.73), (2.74), (2.76). Теорема доказана.

3. Обсуждение результатов

I. Пусть $S_t^{\max} = \max_{0 \leq \tau \leq t} S_\tau$, $S_t^{\min} = \min_{0 \leq \tau \leq t} S_\tau$. На

рис. 1–6 приведены результаты численных расчетов, иллюстрирующие свойства цен опционов, как зависимостей от волатильности σ , начальной цены S_0 и цены исполнения K . Аргумент на всех графиках – σ , а параметр семейства кривых – S_0 (рис. 1, 3, 5) и K (рис. 2, 4, 6).

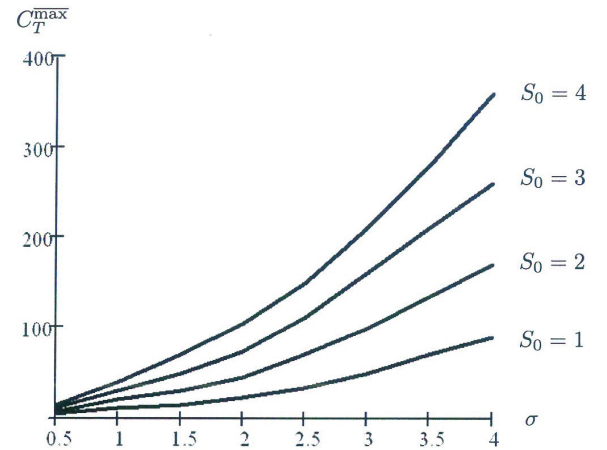

Рис. 1. Зависимости C_T^{\max} от σ и S_0

При возрастании σ увеличивается степень хаотичности траекторий S_t , что приводит к возрастанию выбросов вверх S_t^{\max} и вниз S_t^{\min} . В результате этого вероятность предъявления к исполнению опционов с платежной функцией $f_T^{\max}(S)$ увеличивается, с платежной функцией $f_T^{\min}(S)$ – уменьшается. Поскольку за уменьшение риска следует платить больше, а за его увеличение – меньше, то стои-

мость опционов на основе $f_T^{\max}(S)$ должна быть возрастающей функцией σ , а на основе $f_T^{\min}(S)$ – убывающей. Эти свойства отражены соответственно на рис. 1–4 и рис. 5, 6.

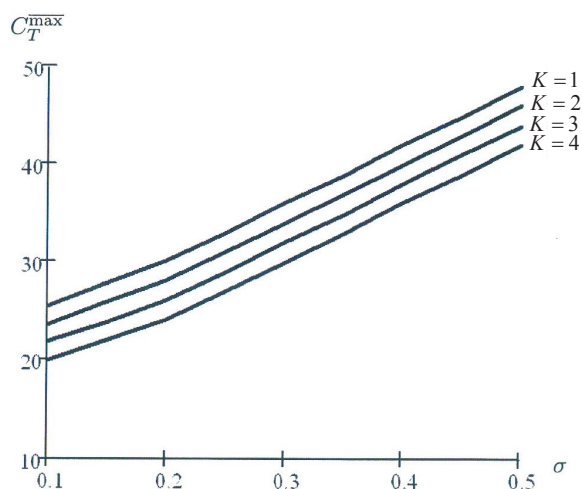

Рис. 2. Зависимости C_T^{\max} от σ и K ($S_0=10$)

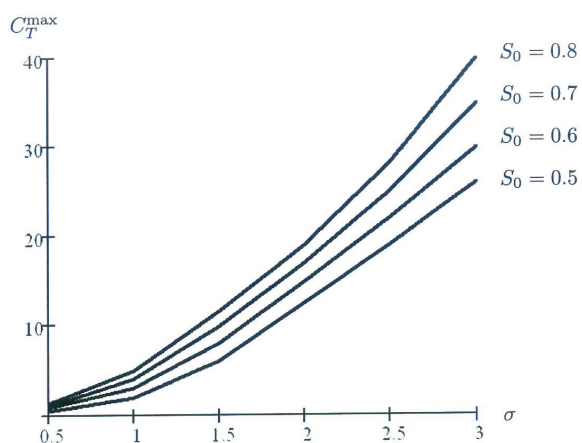

Рис. 3. Зависимости C_T^{\max} от σ и S_0 ($K=1$)

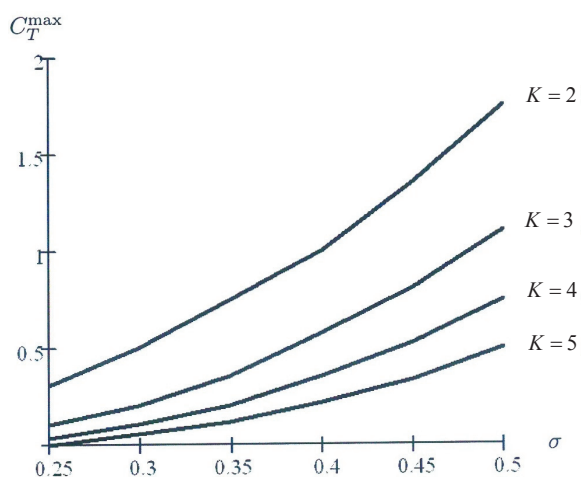

Рис. 4. Зависимости C_T^{\max} от σ и K ($S_0=1$)

Возрастание S_0 влечет возрастание в среднем S_i^{\max} и S_i^{\min} , что увеличивает вероятности исполнения опционов с платежными функциями $f_T^{\max}(S)$ и

$f_T^{\min}(S)$. Стоимости опционов должны быть возрастающими функциями S_0 (кривые должны подниматься вверх с ростом S_0). Эти свойства отражены на рис. 1, 3, 5.

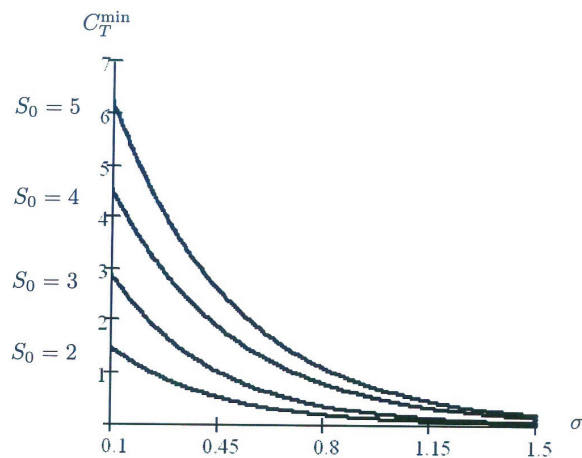

Рис. 5. Зависимости C_T^{\min} от σ и S_0 ($K=1$)

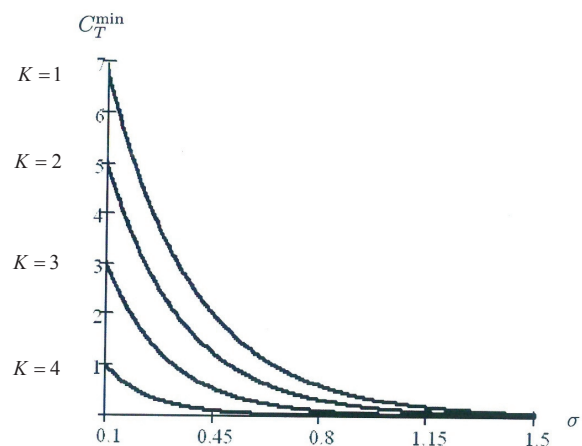

Рис. 6. Зависимости C_T^{\min} от σ и K ($S_0=5$)

Возрастание K приводит к уменьшению вероятности предъявления к исполнению опционов с платежными функциями $f_T^{\max}(S)$ и $f_T^{\min}(S)$. Следовательно, стоимости опционов должны быть убывающими функциями K (кривые должны опускаться вниз с ростом K). Эти свойства отражены на рис. 2, 4.

II. Существенным параметром, определяющим стоимости рассматриваемых опционов, является параметр $\eta_0 = K/S_0$, равный отношению цены исполнения к начальной цене рискованного актива (Теоремы 1, 3), и существенным параметром, определяющим структуру портфеля и капитала, является параметр $\eta_i = K/S_i$, равный отношению цены исполнения к текущей цене рискованного актива (Теоремы 2, 4). Так как $S_i^{\min} \leq S_i$, то обнуление капитала X_i^{\min} при условии $S_i \leq K$ объясняется тем, что опционы с платежной функцией $f_T^{\min}(S)$ не будут предъявлены к исполнению и нет необходимости формировать капитал для исполнения платежных обязательств.

III. Проведенные по формулам из Теоремы 1 и 3 вычисления показывают, что в достаточно широком диапазоне значений параметров выполняются

свойства $C_T^{\max} > C_T^{\max} > C_T^{\min}$, что подтверждается соответствующими значениями функций на приведенных рисунках. Эти свойства свидетельствуют, что покупатель опциона платит за тот тип опциона, вероятность предъявления которого к исполнению выше и по платежному обязательству которого он может получить больший доход. Проведенные вычисления стоимостей стандартных опционов C_T с платежной функцией $f_T(S_T) = (S_T - K)^+$ показывают выполнение свойств $C_T^{\max} > C_T^{\max} > \tilde{C}_T > C_T^{\min}$. В случае $K = S_0$ для величин C_T^{\max} и \tilde{C}_T может быть проведено аналитическое сравнение. Действительно, согласно [1–3] с учетом (2.5)

$$\tilde{C}_T = S_0 e^{-\delta T} \Phi(-y_1) - K e^{-rT} \Phi(-y_3). \quad (3.1)$$

Так как $y_1 = -d_1$, $y_3 = -d_2$ при $K = S_0$, то из (2.6), (3.1) следует, что

$$\begin{aligned} C_T^{\max} &= \tilde{C}_T + S_0 \alpha^{-1} [e^{-\delta T} \Phi(d_1) - e^{-rT} \Phi(-d_2)] = \\ &= \tilde{C}_T + D C_T^{\max}. \end{aligned} \quad (3.2)$$

Так как $0 < \delta < r$, $d_1 > -d_2$, то из (3.2) следует, что $\Delta C_T^{\max} > 0$, т. е. величина ΔC_T^{\max} характеризует величину превышения стоимости опциона с платежной функцией $f_T^{\max}(S)$ над стоимостью стандартного опциона при цене исполнения (страйковой цене), равной начальной цене акции.

Заключение

В соответствии с поставленной задачей приведено решение, заключающее в себе формулы для цен опционов, хеджирующих стратегий и отвечающих им капиталов. Дана графическая демонстрация свойств решения задачи с последующей интерпретацией результатов. На величину цены опциона влияют колебания цен базисных активов, при этом дериватив на основе функции выплат $f_T^{\max}(S)$ будет дорожать с увеличением хаотичности траектории цены актива. Стоимость опциона с платежным

обязательством $f_T^{\min}(S)$ будет выше в условиях стабильного и незначительного изменения цены рисковой бумаги. При прочих равных условиях высокую цену рассматриваемых опционов обуславливает высокая начальная цена базисного актива и низкий страйк опционного контракта.

Выделен параметр, определяющий стоимость изучаемых опционов, и параметр, определяющий структуру портфеля и капитала. Последний параметр выступает в качестве показателя необходимости формировать капитал для исполнения платежных обязательств и дает информацию в любой момент до экспирации о том, будет ли предъявлен опцион к исполнению или нет.

Исследована связь между ценами одного из рассматриваемых экзотических и стандартного опционов, а также приведено соотношение цен ванильного и заявленных в статье опционов. С позиции покупателя самым надежным, а значит, и самым дорогим, является опцион на максимум цены базисного актива, начальная цена которого превышает договорную цену исполнения. Данный тип дериватива имеет смысл приобретать в расчете на значительные колебания стоимости основной ценной бумаги, и может ожидаемого «скачка» не произойти. В самом худшем случае все значения актива окажутся ниже страйка, тогда в роли максимального выступит начальное значение цены актива, тем самым опцион будет предъявлен к исполнению, а покупатель получит прибыль. Меньший риск и соответственно стоимость связаны с опционом на максимум цены актива при условии большей цены исполнения, чем начальная стоимость базисной бумаги. Аналогичные рассуждения приводят к тому, что стоимость ванильного опциона превосходит стоимость опциона на минимум цены актива, но меньше стоимости опционов на максимум цены актива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ширяев А.Н., Кабанов Ю.М., Крамков Д.О., Мельников А.В. К теории расчетов опционов Европейского и Американского типов. II. Непрерывное время // Теория вероятностей и ее применения. – 1994. – Т. 39. – Вып. 1. – С. 80–129.
2. Ширяев А.Н. Основы стохастической финансовой математики. – М.: Фазис, 1998. – 544 с.
3. Мельников А.В., Волков С.Н., Нечаев М.Л. Математика финансовых обязательств. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 260 с.
4. Willmott P. Derivatives: the theory and practice of financial engineering. – New-York: John Wiley & Sons, 2000. – 768 p.
5. Халл Д.К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты. – М.: Вильямс, 2007. – 1056 с.
6. Rubinstein M. Exotic options // Finance working paper. Berkeley: Inst. of Business and Economic Research. – 1991. – № 220. – P. 3–45.
7. Zang P.G. An introduction to exotic options // European Financial Management. – 1995. – V. 1. – № 1. – P. 87–95.
8. Кожин К. Все об экзотических опционах // Рынок ценных бумаг. – 2002. – Т. I. – № 15. – С. 53–57.
9. Кожин К. Все об экзотических опционах // Рынок ценных бумаг. – 2002. – Т. II. – № 16. – С. 61–64.
10. Кожин К. Все об экзотических опционах // Рынок ценных бумаг. – 2002. – Т. III. – № 17. – С. 68–73.
11. Conze A., Viswanathan V. Path dependent options: the case of lookback options // Journal of Finance. – 1991. – V. 46. – № 5. – P. 1893–1907.
12. Buchen P., Konstandatos O. A new method of pricing lookback options // Mathematical Finance. – 2005. – V. 15. – № 2. – P. 245–259.
13. Инглис-Тейлор Э. Производные финансовые инструменты. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 224 с.
14. Шепп Л.А., Ширяев А.Н. Новый взгляд на расчеты «Русского опциона» // Теория вероятностей и ее применения. – 1994. – Т. 39. – Вып. 1. – С. 130–148.
15. Котловский И.Б., Тутубалин В.Н., Угер Е.Г. Оценка возможности внедрения «Русского опциона» на американском фондовом рынке // Обзор прикладной и промышленной математики. – 2005. – Т. 12. – № 1. – С. 78–98.

Поступила 05.02.2012 г.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЦИОН КУПЛИ ЛУКБЭК С ПЛАВАЮЩИМ СТРАЙКОМ

У.В. Андреева, Е.Ю. Данилюк, Н.С. Демин, С.В. Рожкова*, Е.Г. Пахомова

Томский государственный университет
E-mail: egj@sibmail.com; daniluc_elena@sibmail.com

*Томский политехнический университет
E-mail: rozhkova@tpu.ru

Исследуется экзотический опцион купли Европейского типа на диффузионном (B, S) -финансовом рынке, основанный на экстремальном значении цены рискового актива, по которому осуществляются выплаты дивидендов. Получены формулы, определяющие стоимости опционов, портфели (хеджирующие стратегии) и соответствующие им капиталы. Рассматриваются свойства решения.

Ключевые слова:

Финансовый рынок, опцион, платежная функция, капитал, портфель, хеджирование.

Key words:

Financial market, option, payoff function, capital, portfolio, hedging.

В [1] была обозначена область финансовой экономики, являющаяся объектом исследования авторов настоящей статьи. На основе анализа ряда научных публикаций в [1] обоснована актуальность изучения механизмов опционных контрактов и заявлена необходимость построения математической структуры для нахождения характеристик опциона. В данной работе, как и в [1], на основе диффузионной модели (B, S) – финансового рынка с выплатой дивидендов по рисковому активу рассматривается экзотический опцион, основанный на экстремальном значении цены рискового актива. Однако в качестве спотовой цены рассматривается конечное значение рискового актива S_T , а в качестве страйковой цены – S_T^{\min} (floating strike lookback call option [2]), что представляет собой еще один подкласс опционов с возможностью траекторного описания.

1. Постановка задачи

В [1] детально были описаны основные категории, с помощью которых формулируется задача. В предлагаемом пункте целесообразно ввести эти категории в формате перечисления без подробных обоснований.

На стохастическом базисе $(\Omega, \mathcal{F}, \mathbf{F}=(F_t)_{t \in [0, T]}, P)$ текущие цены рисковых S_t и безрисковых B_t активов в течение интервала времени $t \in [0, T]$ определяются уравнениями

$$dS_t = S_t(\mu dt + \sigma dW_t), \quad dB_t = rB_t dt, \quad (1.1)$$

где W_t – стандартный винеровский процесс, $S_0 > 0$, $\mu \in R = (-\infty, +\infty)$, $\sigma > 0$, $B_0 > 0$, $r > 0$, решения которых имеют вид

$$S_t(\mu) = S_0 \exp \left\{ \left(\mu - \frac{\sigma^2}{2} \right) t + \sigma W_t \right\}, \\ B_t = B_0 \exp \{rt\}. \quad (1.2)$$

Инвестор в текущий момент времени обладает капиталом X_t , определяемым портфелем ценных бумаг $\pi_t = (\beta_t, \gamma_t)$, причем производятся выплаты ди-

видендов по акциям в соответствии с процессом D_t со скоростью $\delta \gamma_t S_t$.

В [1] было показано, что

$$Law(S(\mu, r, \delta) | P^{\mu-r+\delta}) = Law(S(r, \delta) | P),$$

т. е. относительно меры $P^{\mu-r+\delta}$ вероятностные свойства процесса $S(\mu, r, \delta)$, определяемого уравнением

$$dS_t(\mu, r, \delta) = S_t(\mu, r, \delta)((r - \delta)dt + \sigma dW_t^{\mu-r+\delta}),$$

совпадают со свойствами процесса $S(r, \delta)$, определяемого уравнением

$$dS_t(r, \delta) = S_t(r, \delta)((r - \delta)dt + \sigma dW_t), \quad (1.3)$$

относительно меры P .

Задача: сформировать хеджирующие стратегии (портфели) $\pi_t^c = (\beta_t^c, \gamma_t^c)$, а также соответствующие им капиталы X_t^c таким образом, чтобы выполнить платежные обязательства $X_t = f_t(S_t)$ относительно платежных функций

$$f_t = f_t(S) = S_t - \min_{0 \leq t \leq T} S_t, \quad (1.4)$$

а также найти стоимость опциона $C_T = X_0$.

Используемые обозначения: $P\{\cdot\}$ – вероятность события; $E\{\cdot\}$ – математическое ожидание; $N\{a; b\}$ – плотность нормального распределения с параметрами a и b ; $I\{A\}$ – индикаторная функция события A ; интеграл без указания пределов означает интегрирование на интервале $R = (-\infty, +\infty)$;

$$\Phi(x) = \int_{-\infty}^x \varphi(y) dy, \quad \varphi(y) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \exp \left\{ -\frac{y^2}{2} \right\}.$$

Замечание. Дополнительные условия, вносимые в платежные обязательства экзотических опционов, могут быть как в пользу покупателя, так и в пользу продавца опциона, что в первом случае должно приводить к увеличению, а во втором – к уменьшению цены опциона относительно стандартного опциона купли с платежной функцией $f_t(S_t) = (S_t - K)^+$. Так как $\min_{0 \leq t \leq T} S_t \leq S_T$, то опцион с платежной функцией $f_t(S)$ вида (1.4) в пользу по-

купателя опциона, поскольку он может быть предъявлен всегда, а стандартный – только при выполнении условия $S_T > K$.

2. Основные результаты

Согласно (1.1)–(1.3)

$$S_t(r, \delta) = S_0 \exp\{\sigma \xi_t\}, \quad \xi_t = W_t + (h/a)t, \\ h = r - \delta - (\sigma^2/2). \quad (2.1)$$

Лемма 1. Пусть $M_t = \max_{0 \leq \tau \leq t} \sigma \xi_\tau = \max_{0 \leq \tau \leq t} (\sigma W_\tau + h\tau)$

для $t \leq T$. Тогда для $x \geq 0$ и $h \in R$ функция распределения $P\{m_t \leq x\}$ и плотность вероятности $p^M(t, x) = \partial P\{m_t \leq x\} / \partial x$ имеют вид

$$P\{M_t \leq x\} = \Phi\left(\frac{(x - ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) - \\ - \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(-\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right), \quad (2.2)$$

$$p^M(t, x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi t}} \exp\left\{-\frac{(x - ht)^2}{2\sigma^2 t}\right\} - \\ - \frac{2h}{\sigma^2} \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(-\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) + \\ + \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi t}} \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \exp\left\{-\frac{(x + ht)^2}{2\sigma^2 t}\right\}. \quad (2.3)$$

Вывод формулы (2.2) проводится аналогично выводу формулы (5.9) в [3] и поэтому не приводится. Формула (2.3) – результат дифференцирования (2.2) по x .

Лемма 2. Пусть $m_t = \min_{0 \leq \tau \leq t} \sigma \xi_\tau = \min_{0 \leq \tau \leq t} (\sigma W_\tau + h\tau)$

для $t \leq T$. Тогда для $x \geq 0$ и $h \in R$ функция распределения $P\{m_t \leq x\}$ и плотность вероятности $p^m(t, x) = \partial P\{m_t \leq x\} / \partial x$ имеют вид

$$P\{m_t \leq x\} = \Phi\left(\frac{(x - ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) + \\ + \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right), \quad (2.4)$$

$$p^m(t, x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi t}} \exp\left\{-\frac{(x - ht)^2}{2\sigma^2 t}\right\} + \\ + \frac{2h}{\sigma^2} \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) + \\ + \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi t}} \exp\left\{\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \exp\left\{-\frac{(x + ht)^2}{2\sigma^2 t}\right\}. \quad (2.5)$$

Доказательство: для $x \geq 0$ последовательно имеем

$$P\{m_t \leq -x\} = P\{\min_{0 \leq \tau \leq t} (\sigma W_\tau + h\tau) \leq -x\} = \\ = 1 - P\{\max_{0 \leq \tau \leq t} (-\sigma W_\tau - h\tau) \leq x\}. \quad (2.6)$$

С учетом симметрии траекторий процесса W_t относительно знака использование (2.2) в (2.6) дает, что

$$P\{m_t \leq -x\} = 1 - \Phi\left(\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) + \\ + \exp\left\{-\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(-\frac{(x - ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right). \quad (2.7)$$

С учетом свойства $\Psi(z) + \Psi(-z) = 1$ из (2.7) следует

$$P\{m_t \leq -x\} = \Phi\left(-\frac{(x + ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right) + \\ + \exp\left\{-\frac{2h}{\sigma^2}x\right\} \Phi\left(-\frac{(x - ht)}{\sigma\sqrt{t}}\right). \quad (2.8)$$

Так как $P\{m_t \leq x\}$ для $x \leq 0$ совпадает с $P\{m_t \leq -x\}$ для $x \geq 0$, то, меняя в (2.8) x на « $-x$ », приходим к (2.4). Формула (2.5) следует в результате дифференцирования (2.4) по x . Лемма доказана.

Пусть

$$d_1(t) = \left(\frac{r - \delta}{\sigma} + \frac{\sigma}{2}\right) \sqrt{T - t}, \\ d_2(t) = \left(\frac{r - \delta}{\sigma} - \frac{\sigma}{2}\right) \sqrt{T - t}, \quad \alpha = \frac{2(r - \delta)}{\sigma^2}, \quad (2.9)$$

а d_1, d_2 определяются формулами (2.9) при $t=0$.

Теорема 1. Цена опциона, капитал и портфель в случае платежной функции $f_T(S)$ определяются формулами:

$$C_T = S_0 \left\{ [e^{-\delta T} \Phi(d_1) - e^{-\delta T} \Phi(d_2)] + \right. \\ \left. + \alpha^{-1} [e^{-\delta T} \Phi(d_2) - e^{-\delta T} \Phi(-d_1)] \right\}, \quad (2.10)$$

$$X_t = S_t \left\{ [e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_1(t)) - e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_2(t))] \right. \\ \left. + \alpha^{-1} [e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_2(t)) - e^{-\delta(T-t)} \Phi(-d_1(t))] \right\}, \quad (2.11)$$

$$\gamma_t = [e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_1(t)) - e^{-\delta(T-t)} \Phi(d_2(t))] + \\ + \alpha^{-1} [e^{-r(T-t)} \Phi(d_2(t)) - e^{-r(T-t)} \Phi(-d_1(t))], \quad (2.12)$$

$$\beta_t = 0. \quad (2.13)$$

Доказательство: Поскольку платежная функция $f_T(S)$ является естественной [3, 4], то $C_T = \exp\{-rT\} E\{f_T(S(r, \delta))\}$. Из (1.4) следует

$$C_T = e^{-rT} E\{f_T(S(r, \delta))\} = \\ = e^{-rT} E\{S_T(r, \delta) - \min_{0 \leq t \leq T} S_t(r, \delta)\}. \quad (2.14)$$

Согласно (1.1)–(1.3)

$$S_T(r, \delta) = S_0 \exp\{(r - \delta - (\sigma^2/2))T + \sigma W_T\}.$$

Тогда из (2.14) с учетом (2.1) и леммы 2 получаем, что

$$C_T = S_0 e^{-rT} \left[\begin{array}{l} e^{-\delta T} E \left\{ \exp \left\{ \left(\begin{array}{l} r - \delta - \\ -(\sigma^2/2) \end{array} \right) T + \right\} \right\} - \\ - E \{ \exp \{ m_T \} \} \end{array} \right]. \quad (2.15)$$

Так как $E\{\exp\{\sigma W_T\}\} = \sigma^2/2$ [1–3], то из (2.15) с учетом (2.5) следует, что

$$C_T = S_0 \left[e^{-\delta T} - e^{-rT} \int_{-\infty}^0 \exp\{x\} P^m(T, x) dx \right]. \quad (2.16)$$

Использование (2.5) в (2.16) дает, что

$$C_T = S_0 [e^{-\delta T} - e^{-rT} (J_1 + J_2 + J_3)], \quad (2.17)$$

$$J_1 = \frac{1}{\sigma \sqrt{2\pi T}} \int_{-\infty}^0 \exp\{x\} \exp \left\{ -\frac{(x-hT)^2}{2\sigma^2 T} \right\} dx, \quad (2.18)$$

$$J_2 = \frac{2h}{\sigma^2} \int_{-\infty}^0 \exp \left\{ \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right) x \right\} \Phi \left(\frac{(x+hT)}{\sigma \sqrt{T}} \right) dx = \frac{2h}{\sigma^2} J'_2, \quad (2.19)$$

$$J_3 = \frac{1}{\sigma \sqrt{2\pi T}} \times \int_{-\infty}^0 \exp \left\{ \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right) x \right\} \exp \left\{ -\frac{(x+hT)^2}{2\sigma^2 T} \right\} dx. \quad (2.20)$$

В (2.18) согласно Утверждению для $X \rightarrow N\{hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $c=1$, $b=0$. Тогда применение формулы (1.6) из [1] к (2.18) дает, что

$$J_1 = E\{\exp\{X\} I[X \leq 0]\} = \exp\{hT + (\sigma^2 T/2)\} \Phi(-hT + \sigma^2 T) / \sigma \sqrt{T}. \quad (2.21)$$

Использование (2.1), (2.5) в (2.21) приводит к тому, что $J_1 = \exp\{(r-\delta)T\} \Phi(d_1)$. В (2.20) согласно Утвер-

ждению $X \rightarrow N\{-hT; \sigma^2 T\}$ имеем, что $c=1+[2h/\sigma^2]$, $b=0$. Тогда применение (1.6) из [1] к (2.20) дает, что

$$J_3 = E \left\{ \exp \left\{ \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right) X \right\} I[X \leq 0] \right\} = \exp \left\{ -hT \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right) + \frac{1}{2} \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right)^2 \sigma^2 T \right\} \times \Phi \left(\frac{hT - \left(1 + \frac{2h}{\sigma^2} \right) \sigma^2 T}{\sigma \sqrt{T}} \right). \quad (2.22)$$

Использование (2.1), (2.5) в (2.22) приводит к тому, что

$$J_1 = J_3 = \exp\{(r-\delta)T\} \Phi(-d_1). \quad (2.23)$$

Интегрирование по частям в (2.19) с учетом (2.20) дает, что

$$J'_2 = [\sigma^2 / (\sigma^2 + 2h)] [\Phi((h/\sigma)\sqrt{T}) - J_3]. \quad (2.24)$$

Подстановка (2.24) в (2.19) с использованием (2.1), (2.5) приводит к

$$J_2 = (1 - \alpha^{-1}) [\Phi(d_2) - \exp\{(r-\delta)T\} \Phi(-d_1)]. \quad (2.25)$$

Подстановка (2.23), (2.25) в (2.17) с учетом свойства $\Phi(z) + (-z) = 1$ приводит к (2.10). Формулы (2.11)–(2.13) следуют из (2.10). Теорема доказана.

Выводы

Согласно Теореме 1 в случае опционов с платежной функцией $f_t(S)$ капитал формируется только на основе рискового актива ($\psi \neq 0$, $\beta = 0$), а безрисковый актив присутствует лишь виртуально в виде зависимости цены опциона от процентной ставки r , и в этом смысле подобный тип опционов является вырожденным. Это свойство объясняется отсутствием такого внешнего фактора, как договорная цена исполнения опциона K , и стоимость опциона определяется только эволюцией цены опциона S_t на всем временном интервале $t \in [0, T]$ жизни опциона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева У.В., Данилюк Е.Ю., Рожкова С.В., Пахомова Е.Г. Применение вероятностных методов к исследованию экзотических опционов купли европейского типа на основе экстремальных значений цены рискового актива // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 6–12.
2. Buchen P., Konstandatos O. A new method of pricing lookback options // Mathematical Finance. – 2005. – V. 15. – № 2. – P. 245–259.

3. Ширяев А.Н., Кабанов Ю.М., Крамков Д.О., Мельников А.В. К теории расчетов опционов Европейского и Американского типов. II. Непрерывное время // Теория вероятностей и ее применения. – 1994. – Т. 39. – Вып. 1. – С. 80–129.
4. Ширяев А.Н. Основы стохастической финансовой математики. – М.: Фазис, 1998. – 544 с.

Поступила 05.02.2012 г.

УДК 621.37

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Г.А. Барышева, И.В. Черданцева

Томский политехнический университет

E-mail: ganb@tpu.ru

Рассматриваются вопросы интенсивности миграционных потоков на примере Томской области, проводится анализ миграционной статистики, выявляются тенденции миграции, оценка влияния иностранной рабочей силы на рынок труда, предлагаются пути повышения миграционной привлекательности региона.

Ключевые слова:

Естественный прирост населения, демографические тренды, миграционные процессы, экономические прогнозы, структура миграции, миграционная статистика.

Key words:

Natural increase of population, demographic trends, migratory processes, economic forecasts, migration structure, migratory statistics.

Для реализации инновационных преобразований экономики в соответствии со стратегической целью России необходима разработка перспективных региональных стратегий. В Томской области в настоящее время разрабатывается новая стратегия развития до 2022 г. Однако демографические тренды и низкая интенсивность миграции ставят под угрозу реализацию модели устойчивого инновационного экономического развития. Согласно прогнозам ООН население Земли к 2025 г. вырастет с 5900 до 7800 млн чел., но это будет происходить неравномерно. Численность населения в США увеличится, в Западной Европе стабилизируется при небольшом сокращении, в России же все прогнозы показывают ее существенное снижение (до 124,9 млн чел. к 2025 г. и 111,8 млн чел. к 2050 г.). Ежегодно страна теряет 650–700 тыс. чел., что примерно составляет численность населения среднестатистического города [1, 2].

Для большинства регионов России численность населения незначительно растёт только в базовых и оптимистичных сценариях развития. В пессимистичных прогнозах, как правило, отмечается его сокращение. Стабилизация демографического развития наметилась в Тюменской, Томской и Иркутской области, Красноярском и Забайкальском крае, Республике Хакасии, Бурятии, Алтае и Тыве.

Наибольший естественный прирост населения на 1000 человек в 2010 г. отмечался в республике Тыва – 15, 3 человека. В Томской области впервые за 18 лет так же зафиксирован естественный прирост населения. В 2010 г. данный показатель составил 0,5 на 1000 человек населения. Это седьмое рейтинговое место в Сибирском федеральном округе и 25-е рейтинговое место в целом по России.

Экономические прогнозы по численности населения Томской области показывают незначительный рост, к 2025 г. – всего 1094 тыс. чел. (2010 г. – 1047, 2011 г. – 1054,6). Это связано с наметившейся тенденцией увеличения рождаемости и снижением смертности населения. Естественный прирост населения увеличился в 2011 г. по сравне-

нию с 2010 г. в 1,9 раза. Показатель естественного прироста на 1000 человек населения в Томской области составил (0,8), по СФО данный показатель равен (0,3), по РФ показатель естественной убыли населения составил (–1,0). В целом по области на 100 человек родившихся приходилось 94 умерших (в 2010 г. – 97). Но даже при таком оптимистичном сценарии развития доля старше трудоспособного возраста будет расти, согласно экспертной оценке, значительно быстрее – 264 тыс. чел. (2010 г. – 206 тыс. чел.), а доля трудоспособного возраста уменьшится: с 666 до 631 тыс. чел.

Стабилизация демографического развития непосредственно связана с миграционными процессами. Сохранение нынешней численности и существующего уровня экономически активного населения невозможно без увеличения ежегодного притока иммигрантов в страны Европы и в Россию численностью до одного миллиона человек. Наблюдающийся процесс депопуляции объективно обуславливает необходимость увеличения интенсивности как внешних, так и внутренних миграционных потоков, что подтверждается успешным опытом борьбы за миграцию США. По мнению специалистов Международной организации труда, без иммигрантов уровень европейских жизненных стандартов к 2050 г. снизится до 78 %, по сравнению с существующим уровнем [3].

Данный подход к миграции разделяют не все ученые и представители политических организаций. Есть точка зрения, что нехватку трудовых ресурсов следует компенсировать в основном «своими силами» с помощью роста рождаемости. Трудовая миграция как масштабное явление в условиях глобализации отрицается по следующим причинам: снижается количество носителей национальной культуры; обостряется конкуренция на рынке за счет готовности мигрантов работать на более выгодных для работодателя условиях, ухудшается качество трудовых ресурсов и профессионально-квалификационного уровня значительной части населения, снижается уровень жизни.

С 2005 г. в Томской области наблюдается стабильный миграционный прирост населения, сравнимый по масштабам с наиболее развитыми субъектами Российской Федерации, такими как Санкт-Петербург, Москва, Татарстан, Пермь. На протяжении семи лет Томская область занимает 2-е место среди регионов СФО по миграционному приросту на душу населения [3].

Таблица. Динамика и структура миграционного прироста в Томской области

Год	Миграционный прирост, чел.		
	город	село	всего
2005	1505	2347	-842
2006	1392	2325	-933
2007	2707	2782	-75
2008	3568	4078	-510
2009	4919	5148	-229
2010	4972	4835	137
2011	8354	11480	-3126

Комплексный анализ миграционных процессов на территории Томской области показывает, что за период с 2005 по 2011 гг. в Томскую область прибыло 155,22 тыс. чел., выбыло 127,80 тыс. чел. Структура миграционного прироста (27,4 тыс. чел.) показывает, что на межрегиональное переселение приходится примерно половина из субъектов Российской Федерации, другая половина — из стран СНГ. Страны дальнего зарубежья представлены незначительно.

Всего за указанный период в регион из государств — участников СНГ и Балтии — прибыло 20,4 тыс. чел., выбыло 1,8 тыс. чел. Выезд из области в эти государства снизился в 1,4 раза — с 302 чел. в 2005 г. до 210 чел. в 2011 г. Иммиграция из стран СНГ и Балтии имеет тенденцию к увеличению. В 2011 г. в область из этих стран прибыло 4399 чел. против 1905 чел. в 2005 г., то есть увеличение составило 2,3 раза.

Выезд населения Томской области в страны дальнего зарубежья на постоянное место жительства сократился в 2011 г. до 117 чел. против 376 чел. в 2005 г. (снижение в 3,2 раза). Приток сельских жителей в более крупные российские города продолжается. За 2005–2011 гг. городская местность Томской области за счет миграционного прироста увеличила свою численность на 33,0 тыс. чел., только в областном центре миграционный прирост за данный период составил 17,2 тыс. чел. Сельская местность за эти годы потеряла за счет миграционного оттока населения 5,6 тыс. чел.

По данным Томскстата в 2011 г. в Томскую область прибыло 34925 человек, выбыло 26571 человек. Миграционный прирост составил 8354 человека. В сравнении с 2010 г. наблюдается его увеличение на 68 %. Общий миграционный оборот (сумма прибытий и убытий) в целом по области в 2011 г. был на 53,2 % выше, чем в 2010 г. Однако

следует отметить, что тенденция миграционного прироста характерна для крупных городских округов, в остальных муниципальных образованиях, как правило, наблюдается миграционная убыль населения.

Значительная часть внутриобластных мигрантов выбирает местом постоянного жительства областной центр. Из 11330 чел., выбывших из сельской местности, в город Томск прибыло 10004 чел., что составило 88,3 % (в 2010 г. — 70,5 %) [4].

Внутренняя миграция населения является доминирующей составляющей миграционных процессов. В общем миграционном обороте Томской области внутриобластные и межрегиональные перемещения в 2011 г. составили 92,1 % (в 2010 г. — 89,7 %).

Анализ структуры мигрантов по возрастному составу показывает, что наиболее мобильным неизменно является население в трудоспособном возрасте. Из приведенной ниже диаграммы видно, что наибольшая миграционная активность присуща населению в молодом (20–34 года) возрасте [4].

Структура миграционного прироста по основным возрастным группам сформировалась таким образом, что население в возрасте моложе и старше трудоспособного составляет весьма незначительную долю. На протяжении последних лет доля лиц трудоспособного возраста составляет в среднем около 80,0 % от общего числа прибывших и примерно столько же от общего числа выбывших.

Значительную часть мигрантов составляет молодежь, прибывающая в Томскую область на учёбу (в 2011 — 25,9 %). За последние 5 лет в структуре миграционного прироста населения Томской области от 2,0 до 2,7 тыс. чел. в год составляют студенты.

В миграционных потоках последних лет число прибывающих в область женщин превышает число мужчин в среднем на 9,2 %. В 2011 г. в структуре миграционного прироста мужчины составили 49,5 %, женщины — 50,5 %.

Интенсивность современного миграционного потока и показатели его структуры непосредственно связаны с уровнем социально-экономического развития региона, состоянием системы образования, реализацией глобализационных тенденций и формированием инновационной экономики.

Привлечение на территорию Томской области мигрантов, прежде всего молодежи и квалифицированных специалистов, обусловлено:

- высоким уровнем и качеством жизни, которое оказывается выше, чем в территории предыдущего проживания мигрантов, в основном благодаря совокупности экономических и социальных условий;
- дефицитом трудовых ресурсов для экономики Томской области, создающим возможность трудоустроиться с оплатой труда выше, чем в среднем по России и СФО;

Рисунок. Возрастной состав мигрантов Томской области по итогам 2011 г.

- наличием в Томске ведущего российского научно-образовательного комплекса, который является центром миграционного притяжения для тысяч абитуриентов: 10 вузов, в том числе 6 государственных университетов, из них 3 инновационных, 2 национальных исследовательских; 11 НИИ, 7 институтов ТНЦ СО РАН, 6 институтов ТНЦ РАН; 76 субъектов научной деятельности. Значительная доля студентов после окончания вузов остается в регионе на постоянное жительство. Число трудоустроенных выпускников на территории Томской области в 2011 г. составило 51 % от выпуска;
- признанием Томска как центра инноваций (реализация проектов «ИНО Томск-2020», ОЭЗ ТВТ, консорциум университетов), развитой инфраструктурой инновационной деятельности;
- ведущими местами в российских рейтингах томских вузов, которые ведут подготовку более чем по 300 специальностям, 60 из которых связаны с приоритетными направлениями модернизации и технологического развития России;
- привлекательностью студенческой жизни. Томская область является одним из лидеров по численности студентов вузов на 10 000 человек населения. Ближайшим конкурентом из регионов СФО является Новосибирская область. Каждый пятый житель Томска – студент;
- формированием зон опережающего развития на территории региона (южная зона – территория инновационного развития и создания высоких технологий, северная зона – территория промышленной площадки).

Среди основных причин, влияющих на миграционный приток населения Томской области, следует отметить активную международную маркетинговую деятельность высших учебных заведений по привлечению иностранных граждан с целью обучения, возрастающий интерес к деятельности научных сообществ города Томска к проводимым форумам и съездам международного уровня. Приток

мигрантов также обеспечивает возможность устройства переселенцев за счет удовлетворения потребности в продовольствии на базе подсобного хозяйства и возможности быстрого получения жилья (в том числе вследствие ценовой доступности), особенно в сельской местности.

Немаловажную роль играет возможность быстрой адаптации мигрантов на территории области и их интеграция в современную общественно-политическую и экономическую жизнь региона вследствие высокого уровня его культурного развития и гражданского общества. Об этом свидетельствует наличие здесь более 5000 тысяч общественных организаций, в том числе национально-этнического характера.

Положительно отразилось на показателях интенсивности миграции применение Росстатом новой методики регистрации прибывших и выбывших мигрантов. Листки статистического учета прибытий заполняются на каждого гражданина Российской Федерации, прибывшего к месту проживания на срок 9 месяцев и более (ранее – на 1 год и более). По данным ФМС России по Томской области в 2011 г. на миграционный учет по месту временного пребывания поставлено 47970 иностранных граждан и лиц без гражданства (2010 г. – 41671 человек, увеличение в 1,15 раза).

Доля иностранных граждан, прибывающих на территорию Томской области за счет международной миграции, составляет 19,8 % (9486 человек). Наибольшее количество иностранных граждан прибыло из государств-участников СНГ: Кыргызстан – 22,7; Казахстан – 22,4; Таджикистан – 20,1; Украина – 11,9; Узбекистан – 10,0; Армения – 6,9; Азербайджан – 5,4 %.

Основными целями въезда иностранных граждан в рамках внешней миграции являются частные и деловые визиты, обучение, трудоустройство, туризм, решение гуманитарных задач. В Томскую область большинство иностранных граждан прибывает с частным визитом или с целью обучения.

Регулирование притока квалифицированной иностранной рабочей силы осуществляется через формирование квоты на осуществление иностранными работниками трудовой деятельности. В Томской области за 2010–2011 гг. квота увеличилась в 1,8 раза и составила на 2011 г. 3778 человек. Распределение квоты сложилось следующим образом: строительство – 60,1 % от общего объема, обрабатывающее производство – 13,9 %, транспорт – 5,9 %, добыча полезных ископаемых – 5,3 %, лесное хозяйство – 5,1 %. Оставшиеся 9,7 % распределены на деятельность ресторанов и кафе, сельское хозяйство, предоставление услуг, торговлю.

В профессионально-квалификационном разрезе доля специалистов составляет 7,9 %, квалифицированных рабочих – 90,0 %. Интеллектуальная миграция специалистов на высокотехнологичные производства – это наиболее востребованный миграционный поток, требующий комфортных условий ведения и свободы бизнеса, академической мобильности. Интеллектуальная миграция пока носит случайный, единичный характер и имеет место при запуске нового производства, проведении технологических аудитов и консультаций, организации визитов зарубежных профессоров для чтения лекций и проведения мастер-классов, работе в представительствах зарубежных компаний. Интеллектуальную миграцию не следует противопоставлять неквалифицированной трудовой миграции. Трудовая миграция может быть как квалифицированной (в строительных отраслях, энергетике), так и неквалифицированной. Чаше всего интеллектуальная миграция представлена достаточно тонким слоем интеллигенции. Для того чтобы стать масштабным явлением, необходимо фокусироваться на создании новых рабочих мест в отраслях с высоким уровнем производительности, снижении значений показателя уровня преступности.

В 2011 г. 17 высококвалифицированных специалистов были привлечены по упрощенной схеме (сверх квоты) из 14 тыс. человек по Российской Федерации в целом (по данным Минэкономразвития РФ):

- 14 человек из Индии привлечены ООО «Норд-империал» (главные советники 4, генеральный директор – 1, директор департамента – 1, советники – 5, менеджер – 1, директор дирекции – 1);
- 3 человека привлечены в Национальный исследовательский Томский политехнический университет (2 научных сотрудника из Германии, 1 главный эксперт из Бельгии).

Регулирование притока иностранной рабочей силы в Томскую область осуществляется с учётом потребности экономики в трудовых ресурсах, их качества и обеспечения приоритетного права российских граждан на вакантные рабочие места. Привлечение иностранных работников осуществляется в муниципальные образования с низким уровнем безработицы на рабочие места, невостребованные населением региона. Кроме того, привлекаются квалифицированные специалисты из-за

рубежа для занятия теми видами трудовой деятельности, которые не могут быть обеспечены в полном объеме местными трудовыми ресурсами.

По данным Управления ФМС по Томской области в 2011 г. квота выбрана работодателями Томской области на треть от утверждённого объема. Низкий уровень освоения квоты обусловлен снижением объема выполняемых работ организациями, заявившими о потребности в строительстве и нефтегазовом секторе экономики в связи с банкротством, сменой собственника, реорганизацией, отсутствием заказов на выполнение работ. Снизились объемы добычи сырья отдельными организациями нефтегазовой отрасли, заявившими при формировании квоты о потребности в трудовых ресурсах из-за рубежа. Кроме того, изменение миграционного законодательства РФ расширило перечень профессий, на которые квотирование не распространяется (строительной и лесной отраслях). Иностранцы работники, получившие патенты для работы у физических лиц, зачастую фактически заняты в организациях по договорам подряда.

Анализ демографических процессов на примере Томской области показывает, что миграционная составляющая является важнейшим компонентом демографической динамики населения региона.

Для повышения интенсивности инновационных преобразований в регионе за счет миграционной привлекательности Томской области необходимо дальнейшее развитие следующих направлений:

1. Стимулирование муниципальных образований Томской области на создание и сохранение рабочих мест для добровольных переселенцев.
2. Привлечение в регион носителей высоких квалификаций.
3. Стимулирование образовательной иммиграции, с последующей интеграцией и трудоустройством в области иностранных выпускников томских вузов.
4. Развитие социальной и экологической инфраструктуры.
5. Регулирование притока квалифицированной иностранной рабочей силы в соответствии с приоритетами развития экономики.

Мало быть богатыми нефтью и газом, чтобы добиться высокой рентабельности вложений, необходим рост продолжительности жизни и решение демографических проблем. Необходимо признать угрозы демографического характера, связанные с прогнозируемой депопуляцией. В ряде регионов России благодаря проводимой социально-экономической политике, созданию благоприятных условий для развития бизнеса, для применения интеллектуальных способностей наметилась стабилизация демографического развития.

Одним из основных демографических процессов наряду с рождаемостью и естественным воспроизводством населения является миграция. На региональном уровне необходимо продолжить

разработку целенаправленных форм регулирования миграции:

- на основе достоверной информации о трудовой миграции в регионах для формирования квот по осуществлению трудовой деятельности иностранными гражданами;
- с учетом ориентации на привлечение не физической, а интеллектуальной силы из-за рубежа;
- с выявлением на территории приоритетных факторов привлекательности миграции, кото-

рые могут быть связаны с работой медицинских учреждений, дорожных служб, средним специальным образованием или преступностью;

- с сокращением теневого использования иностранных работников в частном секторе за счёт усиления соответствия выполняемой ими работы заявленной квалификации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 12.741.11.0170).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Наследие.Ru. 1999–2012. URL: <http://www.nasledie.ru> (дата обращения: 25.09.2012).
2. Медведков В.М. Депопуляционные прогнозы численности населения России в 2005–2050 годах // Демография.ру. Институт демографических исследований. URL: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=254 (дата обращения: 25.09.2012).
3. Черевичко Т.В. Глобализация и современная миграция трудовых ресурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2009. – Вып. 1. – С. 16–22.
4. Миграция населения Томской области: Стат. сборник. – Томск: Томскстат.Т., 2012. – 52 с.

Поступила 22.07.2012 г.

УДК 336.71:378.09(47+57)

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВУЗАМИ

И.Е. Никулина

Томский политехнический университет

E-mail: dss@tpu.ru

Исследована роль банковской системы России в становлении и развитии инфраструктуры институтов экономики, включая высшие учебные заведения. Проанализированы проблемы банковской системы России, продолжающие быть препятствием на пути выхода российской экономики из кризиса и не способствующие развитию университетов. Приведены направления совместных финансовых интересов и точек соприкосновения коммерческих интересов банков и вузов.

Ключевые слова:

Банковская система, проблемы коммерческих банков, банковские программы, услуги банков, кризис банковской системы, взаимодействие банков и вузов.

Key words:

Banking system, problems of private banks, bank programs, bank services, crisis of banking system, interrelation of banks and universities.

Деятельность и развитие высших учебных заведений Российской Федерации зависят от тесного взаимодействия с элементами макросреды, одним из которых являются банки, входящие в банковскую систему. Известно, что российская банковская система находится с одной стороны, в непосредственной зависимости от макроэкономической среды, а с другой, — существенно влияет на состояние этой среды, являясь элементом ее инфраструктуры. Такое положение банков в экономике обуславливается их задачей проводить расчетное обслуживание, осуществляя и поддерживая на должном уровне денежный оборот страны, а также, в силу объективных и субъективных причин, того, что банковская система выступает сейчас в качестве основного источника финансирования реального сектора экономики. Су-

ществую в условиях перманентного кризиса, банковская система России остается в стадии формирования и поиска форм управления ее деятельностью. Сейчас Россия выходит из глубокого системного кризиса, находится в поиске новых форм и подходов в социально-экономической политике, выбирает приоритеты и выстраивает концепцию развития, выявляя первоочередность решаемых задач в построении цивилизованной рыночной экономики.

В этой связи значимость последовательных мер по финансовой стабилизации России в целом и ее административных регионов неумолимо возрастает. Поскольку банковская система входит в единую экономическую систему страны, она отражает происходящие в ней изменения и потрясения. Начало XXI в. стало достаточно сложным

периодом для всей экономики России, в том числе и для банковской системы. Кризис российской банковской системы (конец 2008 г.), инициированный всемирным экономическим кризисом, обнажил призрачность устойчивости и надежности банковской системы, ее несоответствие современным требованиям и стандартам ведения банковского дела.

Попытаемся исследовать, что представляет сегодня банковская система России, на каком этапе своей эволюции она находится, и какова роль банков в развитии высших учебных заведений.

Пониманию изучения закономерностей осуществления банковской деятельности способствует раскрытие понятия «банковская система» и ее системных свойств. В Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» говорится, что **банковская система** – это совокупность банков и других кредитных организаций, действующих в соответствии с выданными им лицензиями на территории России и возглавляемых Центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ) [1]. А в соответствии со ст. 2 закона «О банках и банковской деятельности» состав банковской системы определяется следующим образом: «Банковская система Российской Федерации включает в себя Банк России, кредитные организации, а также филиалы и представительства иностранных банков» [2].

Как следует из приведенных определений, в редакции закона «О банках и банковской деятельности» понятие «банк» как таковое отсутствует, это понятие заменено понятием «кредитные организации», что не корректно в отношении функциональной значимости указанных организаций, так как они имеют и схожие черты, и различия. Кроме того, «в состав нижнего уровня кредитно-банковской системы входит и ряд элементов банковской инфраструктуры».

На развитие деятельности банковской системы России на современном этапе оказывает существенное влияние мировая экономическая интеграция и финансовая глобализация, а также ее последствия для национальной финансово-экономической системы [3–5]. Отрицательные последствия мы уже увидели, переживая сегодня очередной кризис банковской системы. Однако в указанном влиянии есть и положительные моменты:

- возрастающая глобализация и, как следствие, рост межстрановых финансовых потоков с течением времени могут привести к более эффективному вложению средств в экономику нашей страны, помогая формировать и развивать ее не только за счет национальной инвестиционной базы;
- подчиняясь глобальным, объективно существующим финансовым законам, рыночная дисциплина российской банковской системы усиливается;
- глобальный финансовый рынок способствует консолидации банков, а также росту значения

небанковских учреждений финансового рынка;

- кроме того, глобализация финансового рынка помогает перенять прогрессивный опыт, а не учиться на собственных ошибках. Этому способствует положительная тенденция и заинтересованность в необходимости внедрения международной системы финансовых и регулирующих стандартов, воплощающих лучший мировой опыт;
- слияние банков, усиливающееся в условиях возрастающей конкуренции на рынке финансовых услуг;
- расширение международной банковской деятельности, заметно возросшей при устранении торговых барьеров, отмеченной глобализации экономических процессов, развитие средств связи и т. п.;
- использование новых банковских технологий, как следствие информационного этапа развития мировой экономики.

Однако следует отметить, что финансовая глобализация привносит в национальную экономическую, а, следовательно, и в банковскую среду большой риск, что, несомненно, приводит к отрицательным явлениям глобализации финансового рынка и стиранию национальных особенностей ее развития.

Следует отметить, что некоторые задачи модернизации банковской системы полностью или частично решены, например, такие как:

- Приведение российских банковских процессуальных основ в соответствие с основными «Базельскими принципами», для чего были созданы условия для улучшения национальной расчетно-платежной банковской системы, интенсивного внедрения банковского капитала в реальный сектор экономики, освоения новых банковских технологий.
- Оптимизация надзора, форм отчетности и регулирования банковской деятельности. Сегодня продолжают действовать несколько десятков форм банковской отчетности, что никак не уменьшает трудозатраты банковских служащих. Эффективность надзора, качество содержания отчетности, а не его жесткости продолжает оставаться актуальной задачей, предполагающей изменение процедур взаимоотношения ЦБ РФ с кредитными организациями, в том числе и по сокращению и упорядочению отчетности, улучшению внутрибанковского контроля.
- Совершенствование системы управления рисками, позволяющей учитывать существенность принимаемых банками рисков, адекватность реального уровня рисков, предотвращение рисков за счет системы предварительного мониторинга потенциальных клиентов банков.
- Создание системы гарантирования вкладов при помощи реализации механизмов защиты при размещении населением и юридическими лицами собственных средств.

- Государственное участие в вовлечение банковской системы в развитие экономики, которому в немалой степени будут способствовать совместные инвестиционные программы и проекты в различных отраслях экономики.
- Интеграция российской банковской системы в международные финансовые институты, что должно заметно препятствует отмыванию «грязных» денег и способствует расширению поля освоения новых финансовых рынков.

Однако целый ряд проблем и противоречий современной российской банковской системы не позволяет нам с уверенностью прогнозировать реальные темпы социально-экономического развития России и ее территорий. Эти же проблемы мешают активному взаимодействию вузов и коммерческих банков в формировании совместных финансовых программ. Обозначим некоторые из таких проблем российской банковской системы и попытаемся понять, как они влияют на финансовые взаимоотношения банков и университетов:

- Одна из по-прежнему актуальных проблем, доставшаяся от советской банковской системы — неумение применять активные современные методы конкурентной борьбы за клиентов, стремление получать кредитные ресурсы легкодоступными средствами, не требующими заметных изменений в видах деятельности и материально-технической базе — в той или иной степени все еще присущи деятельности современной банковской системе. Специалисты отмечают целый ряд серьезных диспропорций, нерешенных проблем, являющихся следствием кризиса и субъективных факторов, вызванных недостатками существующей системы управления деятельностью банков их узкокорпоративными интересами и тенденциями развития, в крайней незаинтересованности участия коммерческих банков в инвестиционных проектах.
- Недостаточность совокупного капитала банковской системы. Совокупный капитал всей банковской системы России 75 % ВВП, что «в 2,5 раза ниже уровня развития европейских банков, активы которых в среднем превышают 200 % ВВП» [6]. При столь малой капитализации банковская система России могла развиваться преимущественно лишь за счет спекулятивных рискованных операций. Ни о каком вкладе банков в промышленность, в развитие региона, не могло быть и речи, им для участия в финансировании крупных инвестиционных проектов на российском или региональном уровне не хватает ресурсов, часть из которых еще и была вывезена за рубеж.
- Продолающийся отток капитала из страны — одна из проблем российской банковской системы. В проблематике вывоза капитала из России, широко обсуждаемой в экономической литературе, затрагиваются вопросы незаконного вывоза с помощью и посредством кредитных организаций, но проблема оттока сбережений за пределы страны не вышла на должный уровень решения. В реальной практике (особенно это касается граждан с высоким уровнем дохода) создалась ситуация, когда юридические и физические лица стремятся сохранить сбережения не только в твердой валюте, но и за пределами страны. Не стоит заблуждаться, что проблема вывоза капитала касается только стран со слабой экономикой. Желание скрыть свои средства от налогообложения заставляет коммерсантов во всем мире искать убежища «на стороне», а государство теряет огромные капиталы. В какой-то мере поставленную проблему может помочь решить сохранение и расширение присутствия иностранного капитала в российской банковской системе как одно из условий, облегчающих работу иностранных инвесторов на российских рынках.
- Слабая взаимосвязь банковской системы и реального сектора экономики. Несмотря на то, что в конце 2008 г. зафиксирован значительный темп роста инвестиций в основной капитал (8,7 % к уровню 2007 г.), определенная обособленность банковской деятельности от реальной экономики сегодня проявляется в явном недостатке инвестиционных программ, грамотной кредитной политики, вариативных подходов к стоимости кредитов и т. п.
- Проблема низкой эффективности системы безналичного оборота, нормальное прохождение расчетов, продолжает сказываться на состоянии экономики, особенно усугубляясь в регионах. Прежде всего, эта проблема обусловлена проходящим кризисом, однако и в предыдущие годы не уделяли серьезного внимания научно-обоснованным нормам прохождения расчетных документов, низкой платежеспособности многих банков и несовершенству системы безналичного оборота.
- Остаются острыми проблемы слабого развития рынка кредитования в России, заключающиеся: в недостаточности объемов кредитных портфелей банков; в несовершенстве системы предотвращения кредитных рисков; в низкой привлекательности кредитов для юридических и физических лиц по разным причинам; в предпочтительности краткосрочного кредитования; в перекосе структуры кредитных вложений; в структурных переменах в валюте кредита; в высокой плате за кредитные услуги; в неуверенности предприятий-заемщиков в возврате не только суммы кредита, но и процентов по нему в силу неустойчивости российской экономики; в невозможности многих предприятий брать новые кредиты из-за пролонгации старых кредитов, часто в валюте.

Перспективы динамики кредитной системы будут во многом определяться способностью банков преодолеть сложившиеся трудности продолжающегося кризиса, путем внедрения или совершен-

ствования кредитного менеджмента, включающего планово-системный подход к совершенствованию механизма управления кредитным портфелем и инвестиционными программами коммерческих банков.

- Серьезной проблемой банковской системы России остается концентрация кредитных учреждений, особенно крупных, в центре (преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге) при относительно слабой развитости банковской сети в регионах, где, в основном, действуют малые и средние кредитные учреждения, а также филиалы крупных столичных банков, с которыми появляются существенные проблемы, связанные с оттоком денег из этих регионов в центр страны.
- Немаловажную роль в качестве негативного фактора воздействия на функционирование и развитие банковской системы, по мнению специалистов банковского дела, играют налоговая система и налоговая политика России. Жесткость налоговой политики государства не способствует развитию долгосрочной кредитной и инвестиционной деятельности банковских структур.

Сегодня развитие банковской системы России наглядно показывает настоятельную необходимость глубокой проработки вопросов взаимодействия ее структурных единиц с вузами, а также создания определенных целевых инвестиционных программ оплаты обучения будущих специалистов реального сектора экономики страны [7]. Сейчас банковская система России не только не помогает решению общеэкономических проблем различным организациям, включая и образование, но в ряде случаев даже мешает разрешению вопросов более высоких темпов экономического роста, развития мелкого и среднего бизнеса, стимулирования иностранных инвестиций и ограничения нелегального вывоза российского капитала за границу, финансового урегулирования взаимоотношений между центром и периферией, изыскания долгосрочных ресурсов для внутренних капитальных вложений.

Как же влияют все перечисленные проблемы банковской системы на развитие образования в России? Напрямую перечисленные проблемы банков не влияют на развитие образования, но, воздействуя на всю экономику страны, затрагивают в немалой степени и сферу образования. Слабая организация тесного сотрудничества вузов с банками взаимообусловлена двумя действующими сторонами. Коммерческие банки, занимаясь активами, приносящими прибыль в краткосрочный период, и не имея прямой возможности взаимодействовать со средствами вузов, не разрабатывают специальные кредитные и инвестиционные программы для высших учебных заведений, так как таковые не приносят мгновенного коммерческого успеха. Тем не менее, институты системы образования остро нуждаются в таковых. Следует отметить, что банковская система, несмотря на несовершенство

финансового законодательства, работает с вузами: существуют безналичные расчеты с коммерческими партнерами – агентами вузов, есть зарплатные безналичные проекты, наличествуют образовательные кредиты, но все это занимает небольшую долю финансовых отношений между вузами и коммерческими банками.

Сегодня практически все финансовые отношения строятся через казначейскую систему государства, таким образом, вузы отрезаны от всех финансовых инструментов: кредитов, формирования финансовых портфелей, депозитов, вложения средств в ценные бумаги государства и крупного бизнеса и прочее. Кроме того, проявляя неготовность активно содействовать экономическому росту регионов и страны в части направления инвестиционных потоков в реальную экономику, банки не способствуют развитию бизнеса в России, а последний, в свою очередь, является заказчиком и потребителем услуг вуза в самой главной своей деятельности – формировании и пополнении кадровых ресурсов. Здесь без активного взаимодействия с вузами не обойтись как банкам, так и хозяйствующим субъектам всех отраслей.

Результатом деятельности банковских структур чаще всего является показатель рентабельности, который, безусловно, важен с микроэкономических позиций и для отчетности перед акционерами, однако роль банковской системы должна оцениваться с позиций государственной денежно-кредитной политики на макро- и мезоуровнях. В этой связи современная банковская система оказывает огромное многообразие услуг своим клиентам: от традиционных депозитно-ссудных и расчетно-кассовых операций, определяющих основу банковской деятельности, до новейших форм финансовых инструментов, используемых банковскими структурами (траст, лизинг, факторинг и т. д.). При этом основная, важнейшая цель банковской системы в экономике – стать финансовым посредником между социально-экономическими рыночными институтами, куда входят и высшие учебные заведения. Посреднической деятельностью банковских структур могут воспользоваться вузы, несмотря на жесткость законов, применяемых к их финансовой деятельности.

Реализуя банковские операции, достигая их слаженности и сбалансированности, банковская система должна обеспечивать тем самым выполнение общих функций финансовых посредников, а именно:

- мобилизацию временно свободных денежных средств экономических структур и его граждан с целью превращения их в капитал;
- приведение активов и долговых обязательств в соответствие с потребностями клиентов;
- уменьшение финансового риска путем диверсификации и другими методами хеджирования;
- уменьшение издержек обращения денежных средств, главным образом за счет обеспечения расчетно-платежного механизма;

- получение побочного продукта, денег, осуществляя банкнотную и депозитную эмиссию;
- кредитование экономических и социальных структур регионов и населения;
- эмиссионно-учредительскую функцию, осуществляемую путем выпуска и размещения ценных бумаг;
- консультации по широкому кругу финансово-экономических проблем.

В современных условиях круг функций банковской системы как финансового посредника расширяется и продолжает развиваться, вплоть до предоставления и осуществления нетрадиционных финансовых услуг. Однако в данном исследовании внимание фокусируется на выполнении функций, способствующих повышению эффективности деятельности нефинансового сектора экономики, в частности высших учебных заведений, к таким функциям, кроме перечисленных выше, можно отнести:

- обслуживание текущего оборота всевозможных расчетов с агентами и контрагентами вузов и различных структур, поставляющих товары и услуги вузам;
- финансовое посредничество в поиске необходимых инвестиционных средств для вузов;
- предоставление услуг клиентам на базе электронной техники (зарплатные проекты, стипендии, различные формы клиентских оплат и т. п.);
- ведение валютных расчетов;
- оказание кредитных услуг сотрудникам вузов и студентам;
- доверительное управление эндаумент фондом вуза;
- осуществление операций с драгоценными камнями (таковые в наличии у технических вузов);
- лизинговые операции;
- консультационные, информационные услуги и другие.

Законодательство Российской Федерации и экономическая политика государства накладывают ограничения на возможность банковской системы по предоставлению финансово-посреднических услуг вузам. Тем не менее, монополия на расчетно-кассовое обслуживание гарантирует банкам доступ к заемным ресурсам даже в условиях сокращения финансовых операций прочими экономическими институтами, которые могут быть инвестированы банковскими структурами в развитие вузов на взаимовыгодных условиях.

Эффективность выполнения всех функций банковской системой напрямую зависит от организации расчетов, которые активно используют университеты. К факторам, от которых зависит качество обслуживания текущего оборота и инвестиционных программ организаций, в том числе и вузов, можно отнести следующие:

- Политику системы расчетов, осуществляемую ЦБРФ: установление системы тарифов, пополнение и обновление нормативных документов,

обеспечивающих данную политику, организация регулирования и надзора за созданной системой расчетов, механизмы гарантированности и надежности осуществления данной системы и др.

- Построение системы межбанковских расчетов, их автоматизация и скорость осуществления. Здесь следует отметить особенность этого фактора: чем теснее контактируют в таких расчетах банковские структуры, входящие в банковскую систему России, тем качественнее выполняются расчеты. Информация о расчетах в режиме реального времени поступает непрерывно и в момент инициирования платежа, следовательно, средства связи, обслуживающие данные платежи должны соответствовать современным требованиям и быть совместимыми.
- Степень концентрированности и высокой технологичности банковской системы РФ: чем выше концентрация банков в географическом регионе, тем меньше денежных переводов между ними. Технологичная и слаженная работа отдельных банков является составляющей компонентой расчетной системы всей банковской системы.
- Развитие «пластикового бизнеса» помогает налаживать партнерские отношения банковских структур с клиентами.
- Дифференциация кредитных услуг банков, включая различные формы кредитования закладчиков вузовских услуг.

Значительная часть ресурсов банковских структур формируется за счет привлечения средств по депозитам физических лиц, а затем перераспределяется в виде кредитования юридических лиц, и, что печально, в последнем процессе высшие учебные заведения не имеют право участвовать, т. е. получить кредит в коммерческом банке вузу законодательно не разрешено. Университетам предлагается участие в государственном кредите, технология получения которого, как известно, очень обременительна различными условиями и является трудо- и временно затратной.

Высокое значение в рыночной экономике финансового посредничества заставляет банковскую систему изменять направленность финансовых потоков в сторону кредитования реального сектора экономики, инвестирования региональных программ и инновационных проектов, в которых участие вузов не только возможно, но и желательно. В настоящее время наметились некоторые подвижки в этом направлении совместной деятельности банков и вузов, но не в тех пропорциях, которые требуются для развития последних. Наиболее важной задачей на текущем этапе развития экономики остается формирование условий, стимулирующих расширение рынка кредитования. При решении данной задачи было бы оптимальным использовать банковские, бюджетные ресурсы и ресурсы высших учебных заведений на совместные программные мероприятия.

Отметим, что российское экономическое сообщество давно и планомерно настаивает на расширении возможности вузов в получении кредитов и участии в совместных с коммерческими банками инвестиционных программах. Существует острая необхо-

димость и в пересмотре некоторых элементов и положений 94 Федерального Закона. Некоторая работа в данном направлении уже ведется, можно надеяться на то, что взаимосвязи высшей школы и банковской системы в ближайшее время расширятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон № 86. От 10.07.2002 (с дополнениями и изменениями последующих годов) «О Центральном банке Российской Федерации».
2. Федеральный закон № 395-1. От 2.12.1990 (с дополнениями и изменениями последующих годов) «О банках и банковской деятельности».
3. Замаев Б., Киюцевская А., Назарова А., Суханов Е. Экономические итоги 2008 года: конец «тучных» лет // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 4–25.
4. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 5–24.
5. Навой А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найдите 10 отличий // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 24–38.
6. Аганбегян А.Г. Еще раз о новой роли банков в современных условиях // Деньги и кредит. – 2011. – № 12. – С. 7–11.
7. Никулина И.Е. Банковский менеджмент: проблемы теории и практики. – Томск: Изд-во ТПУ, 2000. – 187 с.

Поступила 24.02.2012 г.

УДК 620.9:658.5

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ В РОССИИ НА ФОНЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.С. Яковлев, Г.А. Барышева

Томский политехнический университет

E-mail: alexyakovlev90@gmail.com

Статья посвящена проблемам и перспективам развития законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности. Основное внимание уделяется прямым механизмам стимулирования энергосбережения, которые должны применяться исключительно к непосредственному потребителю энергетических ресурсов или к производителю энергоэффективных технологий. Произведен анализ механизмов стимулирования в различных странах и приведены его результаты.

Ключевые слова:

Энергоэффективность, энергосбережение, механизмы стимулирования, законотворчество об энергосбережении, энергоаудит.

Key words:

Energy efficiency, energy conservation, incentive schemes, legislation on energy conservation, energy audit.

Топливо-энергетическая сфера является ведущей отраслью в структуре российской экономики. Доступная для конечного потребления энергия расходуется в различных отраслях экономики страны. По умолчанию данная структура может быть разделена на 4 крупных группы энергорасходов:

- энергопотребление домохозяйств (освещение, отопление);
- потребление энергии промышленными предприятиями;
- транспорт (бензин, электроэнергия);
- затраты на оказание коммерческих и общественных услуг, т. е. энергопотребление организаций, не относящихся к промышленному сектору экономики.

Согласно статистическим данным Международного экономического агентства (International Energy Agency, IEA), главным потребителем энергии в Российской экономике является промышленный сектор (рис. 1) [1].

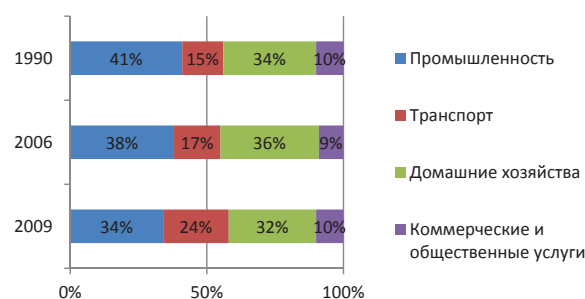

Рис. 1. Динамика энергопотребления по различным секторам

Исходя из этого, можно с уверенностью полагать, что нехватка энергетических ресурсов, а также повышение энергоёмкости производства является существенным фактором сдерживания развития промышленности и отсутствия ее конкурентоспособности.

Стратегия повышения уровня энергосбережения и энергетической эффективности в различных секторах и сферах экономики России является одним из ключевых направлений развития современной экономики. Решение задач, связанных с планированием, прогнозированием и внедрением различных административных воздействий, должно опираться на более успешный опыт в рассматриваемой области ведущих зарубежных стран.

Для того чтобы в полной мере оценить опыт зарубежных стран в развитии энергосбережения, необходимо выяснить, когда впервые люди начали уделять должное внимание данному виду деятельности [2]. Энергосбережение как отдельное направление деятельности сформировалось в начале 70-х гг. прошлого века, если не принимать во внимание попытки ограничения потребления энергии после Второй Мировой войны и партийных призывов к необходимости снижения удельных энергозатрат на единицу продукции. Острая необходимость формирования данного направления связана с четвертой арабо-израильской войной, начавшейся в октябре 1973 г., известной как «Война Судного Дня», когда Организация арабских стран – экспортеров нефти – заявила в ходе Октябрьской войны, что она не будет поставлять нефть странам, поддерживавшим Израиль в этом конфликте. Это касалось, прежде всего, США и их союзников в Западной Европе. Эти действия положили начало энергетическому кризису («нефтяное эмбарго»), который охватил практически весь Западный мир в 1973 г. и оказал огромное влияние на дальнейшее развитие стран [3].

Несмотря на экономическую нестабильность, которую вызвал кризис на многие годы, этот период послужил отличным стимулом для успешной реализации разработок энергетических законодательств, систем поощрений и штрафов. В этот период были сформулированы и применены первые механизмы стимулирования рационального и сберегающего использования энергии, основанные на субсидировании и выдаче льгот организа-

циям и гражданам, способствующим энергосбережению, а те, кто считал это необязательным, подвергались штрафным санкциям. Новые законы того времени были несовершенны и в дальнейшем неоднократно подвергались корректировке, но, с другой стороны, именно возникшая у западных стран необходимость в рациональном использовании энергетических ресурсов позволила им развить национальную идею о том, что экономить энергию выгодно, престижно, и это соответствует общепринятой гражданской позиции. В итоге к окончанию энергетического кризиса во второй половине 80-х гг. XX в. страны запада сумели достичь значительного прогресса в энергосберегающих технологиях, и эти наработки стали активно внедряться.

По окончании «нефтяного эмбарго», начиная с середины 80-х гг. Министерство энергетики США начало разработку первого в истории комплексного документа, который был призван определить основные проблемы в энергосбережении и направления их решения – Energy Act 1992 г. [4]. Этот документ был весьма кстати, когда в 1991 г. стартовал новый энергетический кризис из-за резкого повышения цен на нефть после начала знаменитой операции США против Ирака «Буря в пустыне».

Определение направления развития энергосбережения является значимым аспектом и присутствует в политике рационального использования энергетических ресурсов ведущих стран, в большинстве случаев это затрагивает непосредственно потребителя и производителя энергии, как и меры административного воздействия. В России на сегодняшний день также определены данные аспекты. Одним из главных мероприятий по повышению энергоэффективности, определенных в программе № 2446-р «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», является вывод из эксплуатации устаревшего, отработавшего свой срок оборудования и замена его новым.

Цены на электричество, руб./кВт·ч

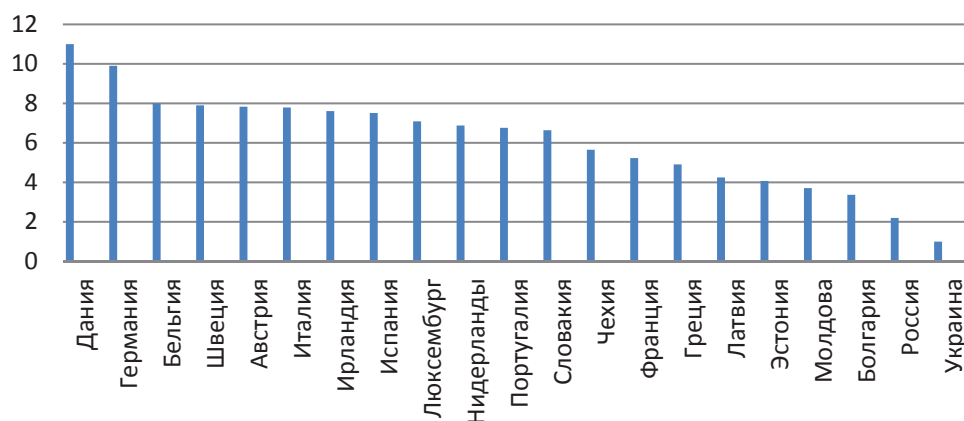

Рис. 2. Цены на электроэнергию, потребляемую населением в странах Европы

Одной из слабых сторон российской энергетики является слаборазвитая индустрия энергосберегающих технологий и недостаточный спрос на эти технологии, энергосбережение еще не стало нормой жизни. Корни этой проблемы уходят не только в энергетический кризис 1973 г. Дело в том, что большинство стран Западной Европы являются импортерами топливно-энергетических ресурсов. В качестве наглядного примера можно привести сравнение цен на электроэнергию (рис. 2).

Приведенные на рис. 2 данные соответствуют первому полугодию 2011 г. [5]. Как видно, самую дорогую электроэнергию среди европейских стран получает Дания (11 руб./кВт·ч) из-за отсутствия своих топливных запасов и гидроресурсов для производства энергии, а также введенного запрета на атомную энергетику. Если из всех рассмотрен-

ных стран сравнивать богатейшие, у которых ВВП на душу населения составляет более 30 тыс. дол. США, самой дешевой электроэнергией пользуется Франция (5,2 руб./кВт·ч), где активно развивается атомная энергетика. Среди 37 рассмотренных Европейских стран Россия занимает пятое место с ценой электроэнергии 2,2 руб./кВт·ч. Это значение в 5 раз меньше, чем у Дании, и в 2,5 раза меньше среднего значения по Европе. Следует отметить, что представленные данные соответствуют ценам на электроэнергию для населения стран, отличная ситуация будет наблюдаться при рассмотрении стоимости промышленной электроэнергии, однако это не меняет основной тенденции.

Данный пример наглядно демонстрирует, что тарифы на электроэнергию в большей степени определяются наличием собственных энергоресурс-

Таблица. Анализ механизмов стимулирования энергосбережения в разных странах и его результаты

Страна	Механизм стимулирования	Результат
Дания	Централизация систем теплоснабжения	Затраты первичного топлива в стране снизились вдвое
	Государственные субсидии в размере 30 % от затрат на сооружение систем солнечных коллекторов, установку ветроэлектрических турбин и бойлеров на биомассе	
Германия	При установке ветрогенератора собственник получает из государственной казны 5 тыс. евро	Повышенный спрос на возобновляемые источники энергии (ВИЭ)
	Льготное кредитование строительства или внедрения ВИЭ. Сетевая компания обязана по закону принять всю энергию, выработанную с помощью ВИЭ	
	Полное или частичное освобождение от налогов производителей энергоэффективных технологий и оборудования	Низкая стоимость энергоэффективной продукции
	Для собственников жилья, планирующих произвести реконструкцию дома с целью повышения его теплотехнических характеристик, предусматривается снижение налогового бремени на 20 %	Активное участие частного сектора экономики в реализации энергосберегающих мероприятий
При установке счетчика потребитель имеет право на компенсацию за счет бюджета в размере 50 % от фактически понесенных затрат по установке счетчика		
Франция	К собственникам, утепляющим дома, сданные в эксплуатацию до 1977 г., применяются налоговые льготы в размере 40 %	Высокий спрос на энергоэффективную продукцию
	Затраты на приобретение энергоэффективного оборудования вычитаются из налогооблагаемой базы граждан	
	Чем эффективнее используемое электрооборудование, тем ниже тариф на электрическую энергию	
США	Льготные тарифы на оплату энергии для энергоэффективных зданий	Стимулирование инвестиций в строительство энергоэффективных домов
	Госсубсидии в размере от 50 до 200 долларов при покупке новой, более энергоэффективной бытовой техники	Переход населения на более энергоэффективные приборы
Тайвань	Правительственные низкопроцентные кредиты на приобретение энергосберегающего оборудования	
Швейцария	Все застройщики, решившие построить «пассивный дом» (отсутствие необходимости отопления или малое энергопотребление), получают государственную субсидию размером 50 тыс. евро	В стране выводятся из эксплуатации действующие атомные электростанции
Япония	Правительство оплачивает собственникам жилых домов треть стоимости установки солнечных батарей	Активный переход частного сектора на гелиоэнергетику
Бразилия	Правительственные субсидии производителям сахарного тростника, из которого изготавливается биотопливо (этиловый спирт) для автомобилей	Доля этилового спирта в общем объеме автомобильного топлива превышает 50 %
Россия	Прямых механизмов стимулирования нет. Государством предусмотрено выделение субсидий региональным бюджетам на софинансирование мероприятий по энергосбережению, но механизм реализации данной программы находится в стадии разработки	

сов и мощностей, хотя также в значительной мере могут определяться и политикой правительства стран. В силу высоких цен на электроэнергию население большинства стран запада имеет более высокую экономическую мотивацию к экономии энергоресурсов, чем население России. Государственные политики зарубежных стран применяют для своего населения довольно большой перечень экономических стимулов [6–11]. Некоторые примеры представлены в таблице.

Приведенные в таблице механизмы стимулирования энергоэффективности не являются единственными. Важным является наличие данного способа и возможность его применения для повышения эффективности использования энергетических ресурсов.

Таким образом, результаты функционирования энергосберегающих мероприятий в зарубежных странах являются прямым доказательством доброкачественного функционирования используемых ими механизмов. Особое внимание следует обратить на механизмы стимулирования энергосбережения, т. к. в нашей стране, как выяснилось, они до сих пор отсутствуют, в то время как за рубежом умело и эффективно используются уже длительное время. Здесь, несомненно, идет речь о прямых механизмах стимулирования, которые должны применяться исключительно к непосредственному потребителю энергетических ресурсов или к производителю энергоэффективных технологий.

История российского законодательства об энергосбережении показывает, что данный вид современной деятельности внедряется в нашей стране недостаточно эффективно. Создание первых экономических и организационных условий, направленных на эффективное использование энергетических ресурсов в нашей стране связано с принятием первого закона «Об энергосбережении», который был издан в 1996 г. (№ 28-ФЗ от 3 апреля 1996 г.). В качестве дальнейших мер было принято несколько региональных законов, был издан ряд правительственных распорядительных документов. В 2003 г. в России впервые была принята «Энергетическая стратегия РФ на период до 2020 г.» (Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р).

Но, несмотря на содержательность данной стратегии, относительно конкретизации задач и основных направлений долгосрочной энергетической политики РФ на длительную перспективу с учетом складывающейся внутренней и внешней ситуации в энергетическом секторе, механизм разработки стратегии подвергся значительной критике со стороны многих специалистов (И.А. Башмаков [12–14], Ю.Ф. Тихоненко [2]). Один из ведущих экспертов России по проблеме повышения энергоэффективности, директор Центра по эффективному использованию энергии (ЦЭНЭФ) И.А. Башмаков пишет: «Системными прогнозами развития ТЭК страны занимаются немногочисленные группы экспертов, а используемые ими моде-

ли и допущения часто непрозрачны, что превращает прогнозы в «черный ящик» даже для их основных потребителей – правительства и крупнейших энергетических компаний, не говоря уже о сторонних экспертах» [12, С. 110]. Под большим сомнением в стратегии 2003 г. также находится горизонт планирования. Например: «На Западе действуют несколько исследовательских групп, которые анализируют проблемы развития глобальной экономики, энергетики и климата с горизонтом до 2100 г. Даже 2030 г. – это слишком близкий рубеж, чтобы можно было добиться существенных изменений в траектории развития мировой цивилизации» [13, С. 141].

В своей критике первой российской энергетической стратегии И.А. Башмаков опирался на зарубежный опыт прогнозирования, прежде всего американскую модель, где правительство ежегодно публикует прогноз до 2030 г. в трех вариантах, а по мере изменения ситуации эти прогнозы ежегодно корректируются группами экспертов, которые специализируются на таком прогнозировании. Правительство тщательно анализирует все имеющиеся прогнозы и вырабатывает собственный, являющийся совершенно прозрачным и понятным [12].

И все же, какое влияние на развитие энергетической отрасли России оказала первая энергетическая стратегия? Фундаментальный показатель энергоэффективности – коэффициент полезного действия (КПД). Чем ниже КПД электрической станции, тем больше необходимо сжечь топлива для выработки 1 единицы энергии. Как показано на рис. 3, средний КПД российских электростанций в период с 2000 по 2007 г. оставался на уровне 34...35 % для станций на угле и 37...38 % для газовых электростанций, в то время как КПД современных западных станций, удовлетворяющих стандарту Международного энергетического агентства (МЭА), приблизительно на 10 процентных пунктов выше [14].

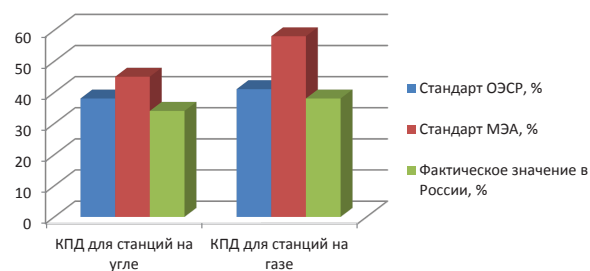

Рис. 3. Средние показатели КПД для станций на угле и на газе в 2000–2007 гг.

Такие низкие характеристики являются результатом высокой степени износа основных фондов на тепловых электростанциях России (более 50 %). В ведущих зарубежных странах подобные проблемы снимаются своевременным развитием индустрии энергосберегающих технологий и постоянной реконструкцией электростанций, не удовлетворяющих требованиям международных стандар-

тов.

Очевидно, что отсутствие мотивации отечественных граждан, в результате ошибочного прогнозирования спроса на энергоносители и недостаточной проработки мер административного воздействия, не вызвало большого интереса к замене устаревшего оборудования и проведению энергосберегающих мероприятий. Таким образом, можно утверждать, что наша первая Энергетическая стратегия устарела уже через год.

Несмотря на то, что стратегия впервые определила перспективы развития энергетики в России, ее роль могла бы быть более значимой, а актуальность более долгосрочной, если бы в полной мере был учтен зарубежный опыт планирования развития энергетической отрасли.

Новый толчок в развитии энергосбережения и повышения энергетической эффективности начался с создания ведомства, ответственного за эффективное использование топливно-энергетических ресурсов (Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724) – Министерства топлива и энергетики РФ (Минэнерго), которое было создано в результате разделения Министерства промышленности и энергетики РФ. В 2009 г. был принят новый федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В 2010 г. Минэнерго России совместно с ЗАО «АПБЭ» (Агентство по прогнозированию балансов в электроэнергетике), ООО «ЦЭНЭФ» и ФГУ «РЭА» (Российское энергетическое агентство) разработало Государственную программу Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.12.2010 № 2446-р. Главное направление данной программы сосредоточено на решении масштабной задачи по снижению к 2020 г. энергоёмкости ВВП на 40 %. На наш взгляд, данные документы в некоторой мере повторяют ошибку предыдущего закона в плане недостаточного обращения к существующему зарубежному опыту.

В настоящее время Россия предпринимает действия для организации сотрудничества с зарубежными странами в сфере энергоэффективности. 13 февраля 2012 г. в Брюсселе состоялась встреча сопредседателей тематической группы по энергоэффективности и инновациям ЭнергодIALOGA Россия-ЕС. Ключевыми направлениями сотрудничества России и ЕС в сфере энергоэффективности на 2012 г., по мнению Минэнерго РФ, могут стать [15]: содействие принятию мер по обеспечению благоприятной инвестиционной среды для сотрудничества России и ЕС в сфере энергоэффективности; выявление лучших международных практик в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности; совершенствование системы подготовки кадров в области энергосбережения и энергоэффективности; отбор, запуск и со-

проведение конкретных проектов по энергоэффективности и ВИЭ; работа России и ЕС в области синхронизации технических стандартов по энергоэффективности; совместные информационно-консультационные мероприятия России и ЕС.

На сегодняшний день достигнуты следующие итоги реализации государственной программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года»: подготовка нормативной базы в области энергоэффективности и ВИЭ; создание и запуск системы мер государственной поддержки энергосбережения и повышения энергетической эффективности; проведение пилотных курсов обучения государственных и муниципальных служащих по теме энергоменеджмент [16].

Как показывает зарубежный опыт, для достижения национальной цели по повышению энергосбережения и энергоэффективности одним из приоритетных направлений должно стать формирование бережливой модели поведения населения.

Одна из ведущих энергокомпаний России, ОАО «ФСК ЕЭС», выдвинула инициативу разработки общегосударственных образовательных стандартов в энергетике. Компания выступила с предложением о создании и включении в государственные образовательные программы обучения в ВУЗах новой специальности «системная инженерия». Также энергокомпания предложила создать на базе высших учебных заведений Центры компетенций для проведения информационно-аналитической и методической работы среди студентов.

Нужно сказать, что ВУЗы наиболее активно откликнулись на воплощение программы энергосбережения и энергоэффективности в жизнь.

Проект «Интеллектуальные энергосистемы» (Smart Grid) Энергетического института Томского политехнического университета успешно прошёл экспертизу и получил статус резидента Фонда «Сколково» [17]. Во многих ВУЗах страны прошли мероприятия, направленные на энергосбережение. Так, во ВГУЭС (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса) произведена маркировка выключателей в учебных корпусах и общежитиях в зеленые и красные цвета (зеленый цвет – включение необходимого освещения в помещении, красный – экстренное освещение, на тот случай, если возникает неисправность основного или требуется дополнительное освещение), а так же замена люминесцентных ламп на светодиодные, что должно снизить энергопотребление одного светильника примерно в два раза. Кроме того, ВГУЭС вступает в саморегулируемую организацию энергоаудиторов. Участие в ней позволит сократить затраты на проведение обязательного энергетического обследования и выполнения его без привлечения сторонних специалистов [18].

К сожалению, реализация 261-ФЗ «Об энергосбережении» споткнулась об аудит. Для того чтобы в полном объеме выполнить все необходимые энергетические обследования одних только бю-

джетных организаций до конца 2012 г., нужно примерно 10 тыс. аудиторских компаний. На данный момент их 5,5 тысяч, и не каждая из них может проводить соответствующие обследования. Профессиональная энергоаудиторская компания из западной практики – это, прежде всего, подготовленные люди, собственный приборный парк и опыт. Увы, но эксперты отмечают, что таких компаний у нас немного. Конечно, подтвердить необходимый профессионализм энергоаудиторской организации может СРО (саморегулируемых организаций энергоаудиторов сегодня около ста тридцати). Однако действующее законодательство разрешает провести проверку деятельности СРО только через три года после регистрации, а большинство СРО – в возрасте до года, и это не позволяет понять, действительно ли профессионалы работают в данном СРО [19].

Отдельным вопросом является заинтересованность отечественных предприятий в проведении энергетического аудита. Предприятиям, проводящим энергосберегающие мероприятия, следует законно и обоснованно получать налоговые, тарифные и прочие льготы, которые имеют огромную популярность в зарубежных странах. Рассмотрев подробно мероприятия энергосберегающих политик зарубежных стран можно привести множество примеров стимулирующих льгот: государственные

субсидии и льготное кредитование на реализацию проектов по внедрению энергосберегающих технологий, низкая тарификация для энергоэффективного оборудования и модернизированных с целью экономии энергии зданий, и многое другое. Именно в этом случае проведение качественного энергоаудита станет выгодным, и он перестанет быть непонятной обязательной процедурой. Ведь энергоаудит является ключевым инструментом снижения расходов на потребляемые топливно-энергетические ресурсы, что очень важно для экономики нашей страны.

Выводы

Таким образом, развитие и внедрение энергосберегающих технологий должно базироваться на разумном сочетании требований и регламентов, включающих в себя привлечение к ответственности за нарушение установленных норм, с одной стороны, и экономических стимулов, с другой стороны. Опираясь на опыт ведущих зарубежных стран, следует также отметить, что результативное развитие энергоэффективности не может быть осуществимо только лишь административными мерами и обновлением оборудования, необходимо также развивать индустрию энергосберегающих технологий, чему в России до сих пор не уделяют должного внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- International Energy Agency. Statistics and Balances. Countries Beyond the OECD: Russian Federation. 2011. URL: <http://www.iea.org/stats> (дата обращения: 21.08.2012).
- (5) Тихоненко Ю.Ф. Об организации энергосбережения за рубежом и российские реалии // Портал-энерго. 2012. URL: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/483> (дата обращения: 27.05.2012).
- Спиридонов А.В., Шубин И.Л. Законодательство по энергосбережению в США, Европе и России. Пути решения // Вестник МГСУ. – 2011. – Т. 1. – № 3. – С. 4–14.
- Спиридонов А.В. Шубин И.Л. Что немцу хорошо, то русскому – лень? // Газета «Строительный эксперт». – 2011. – № 11, 12. – С. 3–4.
- Цены на электричество в странах Европы // РосИвест. 2011. URL: <http://rosinvest.com/acolumn/blog/jelektrojenergija/193> (дата обращения: 22.05.2012).
- Кузник И.В. Принципы бюджетного стимулирования энергосберегающих мероприятий в России // СтройПРОФИЛЬ. – 2007. – № 2. – С. 12–22. URL: <http://stroyprofile.com/archive/2555> (дата обращения: 27.06.2012).
- Сумленный С.В. Экономика и финансы // Эксперт-Урал. – 2010. – № 27. – С. 24–32. URL: <http://www.expert-ural.com/1-443-9098> (дата обращения: 27.06.2012).
- Ильягуев Р.И. Стимулировать энергосбережение // NewsHouse. 2008. URL: <http://www.newshouse.ru/page-id-2459.html> (дата обращения: 27.06.2012).
- Фаднер К. Схемы стимулирования энергосбережения и сертификация в Дании // Электронный журнал энергосервисной компании «Экологические системы». – 2003. – № 5. – С. 6–12. URL: http://esco-ecosys.narod.ru/2003_5/art41.htm (дата обращения: 27.06.2012).
- Энергосбережение в Дании // Северо-западный информационный центр «Энергоэффективность и ресурсосбережение». 2012. URL: <http://www.spbenergo.com/zarub/664-danemark-energoberezhnie.html> (дата обращения: 05.08.2012).
- Опыт стран Европы и Азии в энергосбережении // Портал по энергосбережению «ЭнергоСовет». 2009. URL: <http://www.energosovet.ru/stat58.html> (дата обращения: 05.08.2012).
- Башмаков И.А. Энергетика России: стратегия инерции или стратегия эффективности? // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 104–122.
- Башмаков И.А. Россия – 2050 // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 140–144.
- Башмаков И.А. Интегрированное планирование энергетических ресурсов в электроэнергетике // Энергосбережение. – 2009. – № 7. – С. 20–30.
- Россия и ЕС обсудили ключевые направления сотрудничества в сфере энергоэффективности на 2012 год // Новости Минэнерго РФ от 14.02.12. URL: http://minenergo.gov.ru/press/min_news/10962.html (дата обращения: 03.06.2012).
- Динамика реализации проектов по ЭнергодIALOGу // Россия–ЕС. 2012. URL: <http://formodernization.com/dialogues/power/dinamika.php> (дата обращения: 03.06.2012).
- «Интеллектуальные энергосистемы» стали резидентом Сколково // Газета ТПУ «За кадры». 2011. URL: <http://za-kadry.tpu.ru/smi/2011/08/26/1405.htm> (дата обращения: 20.08.2012).
- Во ВГУЭС внедряется программа по энергосбережению // Новости ВГУЭС. 2012. URL: http://www.vvsu.ru/latest/article/10274614/vo_vgues_vnedryaetsya_programma (дата обращения: 12.06.2012).
- Канарейкин А.В. Кому и зачем нужен энергоаудит // Газета «Энергетика и промышленность России». 2012. URL: <http://www.eprussia.ru/epr/194/13840.htm> (дата обращения: 12.06.2012).

Поступила 06.09.2012 г.

ИННОВАЦИОННЫЙ СТАТУС МЕТРОПОЛЬРЕГИОНА РЕЙН-НЕККАР В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МЕТРОПОЛЬРЕГИОНОВ

З.В. Энгельбрехт-Зенкина

Томский политехнический университет

E-mail: engelbrehtz@tpu.ru

Рассмотрена необходимость анализа инновационного пространства европейских Метропольрегионов и отдельного Метропольрегиона Германии, роль инновационной инфраструктуры области Рейн-Неккара в создании конкурентоспособной экономики региона. Региональная инновационная экономика Метропольрегиона с её инновационной инфраструктурой и стратегией представляет интерес как инновационный опыт для технико-внедренческих зон России.

Ключевые слова:

Метропольрегион, инновационная инфраструктура, технопарк, бизнес-инкубатор.

Key words:

Metropolitan region, innovation infrastructure, technology park, business incubator.

Важная роль государства в формировании национальной инновационной системы заключается в разработке стратегии инновационного развития экономики, определении научно-технологических приоритетов, развитии инновационной инфраструктуры, построении институтов воздействия на модернизацию экономики, и одним из таких институтов можно назвать функционирование европейских Метропольрегионов.

В Германии с начала XXI в. начался инновационный прорыв в национальной экономике благодаря целой системе инновационных преобразований: изменениям в финансовой системе, льготному налогообложению, созданию венчурных и консалтинговых фирм, бизнес-инкубаторов, технопарков, технополисов, инновационных экономических областей – Метропольрегионов (МР). В Метропольрегионах была создана инновационная инфраструктура, позволившая через трансфер технологий в рекордно короткие сроки научному потенциалу соединиться с промышленным [1. S. 13–14]. В России таким инновационным прорывом в экономике является создание особых экономических зон.

Успех инновационных преобразований объясняется также продуманной системой налогообложения, которую Германия ввела в результате налоговой реформы 2005 г. Так, налоговая нагрузка на предприятия малого и среднего бизнеса снизилась за счет значительного уменьшения ставок подоходного налога: минимальной – на 10 процентных пунктов (с 25 до 15 %) и максимальной – на 11 (с 53 до 42 %), а также за счет уменьшения фактических выплат промыслового налога (при обложении подоходным налогом промысловый налог стал вычитаться из налогооблагаемой базы в качестве производственных расходов предприятия) [2].

Метропольрегионы являются моторами экономического развития не только Германии, но и Европы в целом. Практически все Метропольрегионы вовлечены в проекты с финансовой поддержкой от подъемных программ ЕС, сотрудничают

с большими городами и «пространствами с высокой концентрацией населения, административными, учебными заведениями, банками, индустрией и т. д.» [3] в других государствах-участниках ЕС. При этом Метропольрегионам уделяется недостаточное внимание в представлении регионов на уровне ЕС в Брюсселе. Основу экономических, политических решений и мероприятий Европейского Союза можно увидеть во многих статистических сборниках. Так, например, регион в его европейском понимании, бывает не всегда целиком охвачен статусом МР. Гамбург с его более чем 4 млн жителей не считается Метропольрегионом, а почти в два раза меньший Ганзэ́йский город (Hanses-tadt) Гамбург уже имеет статус Метропольрегиона, по мнению экспертов, это требует других решений на высоком уровне [3].

Метропольрегионы в Германии по их интеграции в европейские и международные инфраструктурные сети являются довольно активными в европейском масштабе. Идея создания Метропольрегионов в Германии возникла в конце 80-х гг. Экономическое развитие Германии требовало сконцентрировать внимание на «ядрах агломерации населённых пунктов». Территории с высокой концентрацией населения, административными, учебными заведениями, банками, индустрией оказывали большое влияние на экономическую политику страны. Далеко идущий потенциал новой экономики требовал от государства правильных политических решений [3]. Несмотря на то, что в некоторых сегодняшних Метропольрегионах Германии уже долгие десятилетия велась активная деятельность, частично даже в дифференцированных, самостоятельных структурах, способных принимать решения и проводить мероприятия по этому решению, Метропольрегионы были официально признаны в ФРГ лишь в 90-х гг. прошлого века. 8 марта 1995 г. Министерством регионального планирования (Ministerkonferenz für Raumordnung (MKRO)) было принято постановление об особых областях Германии [4]. Сначала 7 Метропольрегионов в Гер-

мании были признаны «моторами государственного, экономического, социального и культурного развития на европейском и международном уровнях», способными в дальнейшем воздействовать на более обширные региональные территории.

Для Метропольрегионов Германии характерны следующие функции:

- принятия решения и контроля, относительно количества и поля деятельности «центров решений» — органов государственной власти, экономики и финансового мира;
- инновационная и функция соревнований, проявляющих себя как двигатель технико-научных, социальных и культурных инноваций. Измеряется, например, количеством учащихся в вузах, количеством специфических областей, в которых ведутся исследования;
- функция шлюза. Она осуществляет функцию интеграции Метропольрегиона в национальные и международные потоки товаров, людей и информационные потоки [5].

Все эти функции дают представление эффективности и международного самовыражения конкретного Метропольрегиона. Кроме того, эти функции делают возможным анализ слабых и сильных сторон, касающихся стратегии инновационной экономики и развития государственно-частного партнерства.

В 2005 г. с принятием Федеральным правительством отчёта о региональном планировании и с новой формулировкой об образцах и торговой стратегии для территориального развития в Германии в 2006 г., принятой Министерством регионального планирования (МКРО), Метропольрегионы получили еще большее признание как на федеральном, так и на региональном уровне (отдельных земель Германии) [6]. В этот же период Метропольрегионы были территориально сформированы. Опираясь на различные критерии и принимая во внимание соответствующие усилия самих Метропольрегионов, всего в Германии было признано 11 Европейских Метропольрегионов. На сегодняшний день это: Берлин—Бранденбург на северо-западе, Франкфурт на Рейне/Майне, Nansstadt Гамбург, Ганновер—Брауншвайг—Гёттинген, Мюнхен, Нюрнберг, Рейн—Неккар, Рейн—Рур, Саксонский треугольник и Штутгарт.

Поскольку их развитию предавалось большое значение, дальнейшее усиление Метропольрегионов происходило по трём главным направлениям:

- рост и инновации;
- обеспечение запланированного уровня жизни;
- сохранение ресурсов и видов культурных ландшафтов.

Необходимо обратить внимание, что особые надежды возлагались на направление «Рост и инновации», именно оно и должно было внести наибольший вклад в развитие Метропольрегионов. Территориальное инновационное экономическое развитие было целью этого направления.

Ситуация во всех регионах на территории ФРГ должна выглядеть таким образом:

- развитие инновационного экономического потенциала;
- поддержка специализации и международного профилирования отраслевого и наукоёмкого кластера;
- укрепление сильных сторон производства и экономики;
- усиление связи между городом и областью;
- улучшение самоорганизации, роста региональных союзов, профилирования регионов.

Для достижения большего в направлении «Рост и инновации» стратегия и проекты в Метропольрегионах должны сконцентрироваться на следующем:

- построение обширной и значимой дорожной инфраструктуры для региональной и международной связи Метропольрегионов;
- обеспечение порядка через соблюдение общей ответственности в больших интеграционных территориях через процесс «*bottom-up*» для стабильных организационных региональных форм и растущих компетенций (систем) управления;
- содействие перспективам европеизации Метропольрегионов и присутствия их на европейской и международной трибуне через интернализацию;
- создание территории и сети научного общества (общества знания) через концентрацию и создание кооперационных связей, как инструмента инновационному содействию, и развития регионального менеджмента знаний.

Модернизация экономики Германии, опирающаяся на продуманную стратегию её регионального развития, представляет полезный опыт для особых экономических зон России, в частности, для её технико-внедренческих зон с их научным потенциалом и способностью к созданию наукоёмких кластеров.

В 2001 г. был основан Инициативный округ европейских Метропольрегионов в Германии (Initiativkreises Europäische Metropolregionen in Deutschland (IKM)). С этого момента он был взят под патронаж федерального научно-исследовательского учреждения по краеведению и землеустройству (Bundesamt für Bauwesen und Raumordnung (BBR)). В настоящее время 11 Метропольрегионов, признанных в 2006 г. министерством МКРО, являются членами ИКМ в Германии [7].

Инициативный округ европейских Метропольрегионов в Германии, как информационная и обменная платформа, а также представитель интересов, преследует следующие цели:

- формулировку самооценки и требования европейских Метропольрегионов в Германии, применительно к немецкой и европейской политике территориального планирования и развития, а также ведомственной политике;
- усовершенствование конкурентоспособности и торговых возможностей Метропольрегионов как на региональном, так и на уровне Германии в целом, а также общеевропейском уровнях;

- дальнейшее развитие и трансформацию концептов эффективно работающей сети Метропольрегионов в Германии.

Метропольрегион Рейн–Неккар (МРН) получил свой статус в апреле 2005 г. благодаря наличию промышленно-технологического, информационного, научно-образовательного потенциала. Примерно 7 лет назад из «треугольника Рейн–Неккар» вырос Метропольрегион Рейн–Неккар (Metropolregion Rhein–Neckar). С тех пор партнеры из разных отраслей работают вместе, воплощая в жизнь многочисленные проекты, чтобы сделать МРН до 2015 г. одним из самых экономически привлекательных и самых конкурентоспособных регионов Европы.

Метропольрегион Рейн–Неккар – это инновационный экономический гигант [8] с 134000 предприятий, где работают 780000 работников, имеющих гарантии социального страхования. Валовая стоимость Метропольрегиона Рейн–Неккар составляет – 74,8 млрд евро (31699 евро на жителя). Валовая добавленная стоимость 67,2 млрд евро (28441 евро на жителя) [9].

Здесь находятся 10 крупнейших предприятий Германии. Замечательная инфраструктура Метропольрегиона Рейн–Неккар делает возможным быстрый доступ к глобальным рынкам. Более 56 % продукции экономической области МРН уходит на экспорт – доказательство ориентации на международные рынки и конкурентоспособности региональной экономики.

Метропольрегион Рейн–Неккар принадлежит к самым важным экономическим центрам Германии. Здесь находится самый большой химический кластер Европы. Многие его крупные предприятия отмечены на биржах. Только BASF – химический гигант с мировым значением [10] и SAP – лидер программных решений [11] объединяют (с рыночной капитализацией 52 млрд евро) примерно 13 % всего рыночного капитала германского индекса акций.

Предприятия малого и среднего бизнеса также делают Метропольрегион Рейн–Неккар одним из самых значительных экономических центров Германии. Речь идёт о таких известных предприятиях как Лэми, Sigma, Weldebräu, а также только созданных инновационных предприятиях Cytonet и BRAIN AG. В «Индустриально-торговой палате» трёх земель (округов) Рейланд-Пфальц, Баден-Вюртемберг и Гессен говорят о предприятиях малого и среднего бизнеса как о кузнице инноваторов и индустрии будущего. Предприятия малого и среднего бизнеса являются экономическим стержнем как в инновационно-экономическом отношении, покупательной способности, так и в предоставлении рабочих мест.

Для инновационного Метропольрегиона Рейн–Неккар характерны такие же положения базовой модели инновационной экономики, как в Силиконовой долине США, технополисах Японии [12], особых экономических зонах России (см. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ)

[13]. Это особые экономические и юридические условия для резидентов особых экономических областей, создание и развитие инновационной инфраструктуры, создание био- и нанотехнологий, новых IT-технологий. Режим льготного финансирования – одно из условий экономической стратегии для инновационных областей Германии. Например, Министерство образования и науки (BMBWF) поддерживает инновационные проекты Метропольрегиона Рейн–Неккар: размер субсидирования составил в 2008 г. 80 млн евро [14], в 2010 г. – 200 млн евро [15].

Льготы в налогообложении, создание венчурных предприятий, слияние научно-исследовательских лабораторий и производства позволили особой экономической области Метропольрегион Рейн–Неккар в короткие сроки превратиться в инновационную экономическую зону мирового значения. Темпы модернизации этого Метропольрегиона представляют важный опыт, например, для ТВЗ Томской области.

Ярко выраженным конкурентным преимуществом МРН является высокий уровень научных достижений в области нанотехнологий и новых материалов, электроники и информационных технологий, биотехнологий и медицинского приборостроения. Данные направления исследований и разработок закреплены в особой экономической области МРН как приоритетные, при этом учитывается следующее:

- важной и необходимой предпосылкой для создания благоприятных условий ведения инновационной деятельности является создание развитой инновационной инфраструктуры (рисунок);
- степень обеспеченности МРН объектами инфраструктуры, их постоянная модернизация;
- развитая инженерная, транспортная и социальная инфраструктура МРН;
- инновационно-экономические показатели коммерчески перспективных проектов, планируемых к реализации на территории МРН, их отбор на конкурсной основе в соревновании «высших кластеров»;
- степень инновационной актуальности научных исследований и разработок,
- обоснованность продвижения предполагаемых технологий и продукции по сравнению с зарубежными аналогами;
- уровень развития на территории инновационной особой экономической области МРН высших учебных заведений, научных организаций, ведущих научные исследования и разработки по профилю инновационной экономической области;
- кластерный подход к инновационному производству, тесная связь инновационных предприятий с научными исследованиями и разработками;
- финансирование: объемы и доли расходов федерального и регионального бюджета, иных ис-

точников, обеспечивающих функционирование МРН.

В Метропольрегионе Рейн–Неккар инновационная инфраструктура представлена полным спектром организаций:

- научные и исследовательские парки, осуществляющие функции ведения научных исследований, отбора коммерчески перспективных проектов, формирования команды, способной данный проект довести до готового продукта;

- технологические парки, занимающиеся коммерциализацией разработанных технологий;
 - центры подготовки/переподготовки кадров для инновационных предприятий МРН;
 - бизнес-инкубаторы, представляющие помещения, а также доступ к ресурсам вновь созданных малых наукоемких предприятий;
 - консалтинговые и сервисные компании и др.
- Технологические парки МРН представляют собой оптимально организованные научно-промы-

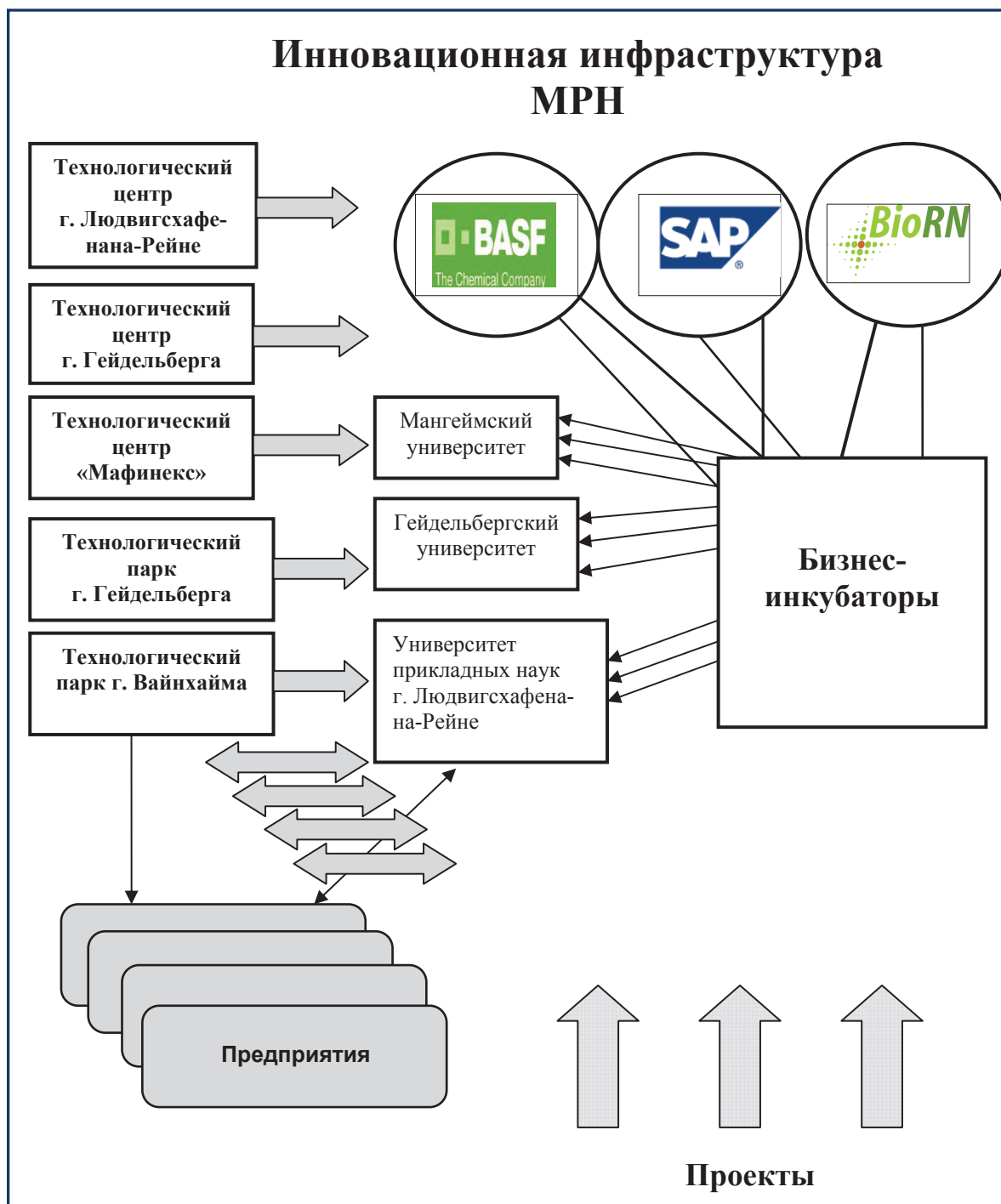

Рисунок. Схема инфраструктуры МРН

шленные зоны, где осуществляется сотрудничество и обмен идеями и информацией между предприятиями и научными организациями в целях внедрения нововведений. У технопарков имеется в распоряжении целая сеть наукоёмких фирм и производств.

Технологический центр г. Мангейм – «MAFI-NEX-Technologiezentrum GmbH» («MTZ GmbH») расположен в двух районах: на севере и юге г. Мангейма. В его создание было инвестировано более 14 млн евро. Сейчас на его территории работают около 40 компаний.

Задачей «MTZ GmbH» (далее MTZ) является оказание всесторонней помощи начинающим технологически ориентированным предприятиям. Основное целевое направление MTZ – выращивание в бизнес-инкубаторе инновационных проектов новых предприятий. Аренда помещений – это только один из видов оказываемых услуг и помощи. MTZ предлагает различные услуги, прежде всего, консалтинг и непосредственную поддержку, которые помогают создавать экономически стабильные и успешные предприятия. Стратегическая задача MTZ – формирование технологически диверсифицированного экономического пространства, чтобы генерировать взаимодействие и использовать все рыночные преимущества, как, например, обмен опытом, поддержку сбыта, двусторонние деловые связи, кооперации и т. д. В MAFI-NEX-Technologiezentrum GmbH уделяется внимание надёжному, с низким риском финансированию и, прежде всего, реалистичной оценке использования рыночных возможностей.

Центр оказывает помощь при становлении предприятия:

- консалтинг, бизнес план и его реализация;
- поддержка при расширении предприятия;
- информация и консалтинг для содействия финансированию;
- контакты с органами власти, кредитными учреждениями, университетами, институтами;
- поддержка при маркетинге и сбыте.

Технологический парк г. Гейдельберг – **Technopark-heidelberg**. В системе инновационной экономической зоны МРН Технологический парк Гейдельберга, как одна из форм инновационной инфраструктуры, занимает важное место. Это, прежде всего, биотехнологический парк мирового значения [16].

В Гейдельберге находятся современные научные лаборатории и центры биотехнологической направленности, тесными корнями связанные с Гейдельбергским университетом. Научно-исследовательские институты, научные лаборатории, малые и большие биотехнологические предприятия Гейдельбергского технологического парка стремятся создавать мощные биотехнологические кластеры. Технологический парк в Гейдельберге насчитывает 126 предприятий-партнёров. В настоящее время Технологический парк г. Гейдельберга представляет собой классический образец инновационной инфраструктуры.

Предметом исследований и предпринимательства Гейдельбергского технологического парка являются также технологическая экология, геонауки, геронтология, медицинская техника, геновая техника, а также информационно-коммуникационная техника. Большое внимание уделяется возобновляемым энергиям, они давно относятся к одной из важных научных разработок в экологическом и энергетическом секторах.

В технопарке Гейдельберга функционируют несколько биопарков, основной задачей которых является создание инноваций в сфере биотехнологий.

Биопарк «Im Neuenheimer Feld» – центр исследований, трансферта наукоёмких технологий и предпринимательства в области биологии, биохимии и медицины. Научно-теоретические исследования и обучение, услуги и сбыт продукции для биотехнологии и в области медицины – все эти направления представляют основную сферу деятельности этого биотехнологического парка. В биопарке «Czernynging» исследования ведутся в областях биотехнологии, молекулярной, клеточной биологии, биохимии и медицины. В технологическом парке г. Гейдельберг функционирует экологический парк «Wieblinger Weg». В экологическом парке «Wieblinger Weg» основными областями исследований являются: возобновляемые энергии, производственная техника, охрана окружающей среды, обучение новым технологиям.

Бизнес-инкубаторы г. Гейдельберга. Бизнес-инкубаторы (БИ) неотъемлемая часть инновационной инфраструктуры особых экономических областей Германии.

Целью создания бизнес-инкубаторов МРН является формирование особого предпринимательского подхода в научно-технической сфере, способствующего капитализации богатейшего научно-технического потенциала вузов, исследовательских лабораторий и реальному содержательному наполнению мега-проекта «Особая экономическая область МРН».

Как правило, бизнес-инкубаторы МРН функционируют в системах технологических парков. В спектр услуг БИ входит помощь учредителям предприятий при переходе в мир самостоятельного бизнеса. Преодоление трудностей в процессе становления предприятия поддерживается на проектном уровне при содействии студентов, доцентов и профессоров специального высшего учебного заведения (Fachhochschule) [17].

Бизнес-инкубатор технологического парка г. Гейдельберга предлагает полное обслуживание по всем аспектам развития собственного бизнеса:

- проверка идеи на рыночную пригодность;
- развитие прототипов;
- содействие коммерциализации научных разработок институтов, а также сторонних организаций;
- посредничество между предприятиями и вузами;
- написание бизнес планов;

- консалтинг: оказание консалтинговых услуг малым и средним инновационным предприятиям на стадии организации бизнеса;
- предоставление информации о программах поддержки;
- семинары, мастер-классы и т. д.

Выводы

Показано, что функционирование Метрополь-регионов в хозяйственной жизни страны определяется мощностью экономики, производства разных отраслей промышленности и хозяйства Германии, инженерной и транспортной инфраструктурой, густонаселённостью территорий, научно-образовательным комплексом, научным потенциалом ре-

гиона. Территориально ограниченные области объявлены Метропольрегионами и наделены преференциями, льготами, правительственным субсидированием с учётом их отдачи в качестве инновационных лидеров экономики Германии таких, как инновационная область Рейн–Неккар.

Основные инновационные направления Метропольрегиона Рейн–Неккар – нанотехнологии и новые материалы, информационные технологии, биотехнологии и клеточная медицина, успешное развитие которых обеспечено созданием развитой инновационной инфраструктуры. В этом плане данный регион представляет интерес как инновационный опыт для технико-внедренческой зоны Томской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aring J. Europäische Metropolregionen. Annäherungen an eine raumordnerische Modernisierungsstrategie. – Hannover: (Hrsg.) Knieling, Metropolregionen Innovation, Wettbewerb, Handlungsfähigkeit, 2009. – 359 S.
2. Steuerpolitik für den Mittelstand – Bilanz der Steuerreformpolitik der Bundesregierung // Bundesministerium der Finanzen, Monatsbericht. – Berlin: (Hrsg.), Juni 2005. – 119 S.
3. Ludwig J., Mandel K., Schwiager Ch., Terizakis G. Metropolregionen in Deutschland. 11 Beispiele für Regional Governance. – (Hrsg): Nomos, 2009. – S. 17–18.
4. Raumordnungspolitische Handlungsrahmen // Bundesministerium für Raumordnung, Bauwesen und Städtebau. – Düsseldorf: (Hrsg.), 8 März 1995. – S. 27.
5. Blotvogel H., Schulze K. Zum Problem der Quantifizierung der Metropolfunktionen deutscher Metropolregionen. – Hannover: (Hrsg) Knieling, Metropolregionen Innovation, Wettbewerb, Handlungsfähigkeit, 2009. – S. 33–34.
6. Bundesministerium für Verkehr, Bau- und Stadtentwicklung. Leitbilder und Handlungsstrategien für die Raumentwicklung in Deutschland // Geschäftsstelle der Ministerkonferenz für Raumordnung im Bundesministerium für Verkehr, Bau und Stadtentwicklung (BMVBS). – Berlin: (Hrsg), 30 Juni 2006. – 35 S.
7. Информационный сайт Initiativkreis Europäische Metropolregionen in Deutschland (IKM). 2012. URL: <http://www.deutsche-metropolregionen.org/index.php?id=4747> (дата обращения: 23.04.2012).
8. Metropolregion Rhein–Neckar. 24 Studien, 100 Prozent. – Mannheim: (Hrsg.) Metropolregion Rhein–Neckar GmbH. – 2008. – № 7. – S. 5–6.
9. IHK-Konjunkturbericht für die Metropolregion Rhein-Neckar zu Jahresbeginn 2011 / (Hrsg) IHKs Darmstadt, Pfalz, Rheinessen und Rhein-Neckar, Februar 2011. – S. 1. URL: http://www.m-r-n.com/fileadmin/user_upload/Image/01_Wirtschaft/Daten.pdf (дата обращения 21.04.2012).
10. BASF Report 2011 / Ludwigshafen, Germany: (Hrsg.) BASF SE Communications and Government Relations. – 2011. – 36 S. URL: http://report.basf.com/2011/q2/en/servicepages/downloads/files/BASF_First_Half_Results_2011.pdf (дата обращения 19.05.2012).
11. S-BOX Metropolregion Rhein Neckar Performance Index. Leben in Bewegung. – Mannheim: (Hrsg.) Rosario Beteiligungen GmbH, 2008. – S. 31.
12. Марухленко И.Л. Обзор состояния инновационного сектора экономики Японии. – Томск: ТГУ, 2004. – 93 с.
13. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30. – Ст. 3127.
14. Lesche F. Leben in Bewegung. Das Jahr 2008. – Mannheim: (Hrsg.) Metropolregion Rhein–Neckar GmbH, 2009. – 59 S.
15. Сайт ВМБФ: «Кластер – конференция». Берлин. 2010. URL: http://www.hightech_strategie.de:8001/de/1637.php (дата обращения 16.08 2012).
16. Официальный сайт Технологического парка г. Гейдельберга. 2012. URL: <http://www.technologiepark-hd.de/index.php> (дата обращения 30.04.2012).
17. Официальный сайт Технологического центра г. Гейдельберга. 2012. URL: <http://www.gz-hd.de/> (дата обращения 19.05.2012).

Поступила 08.06.2012 г.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

З.Г. Антонова

Томский политехнический университет

E-mail: economics@tpu.ru

Рассмотрены вопросы стратегического развития России. Выявлены основные причины утраты страной своих позиций на мировом и внутреннем рынках. Указанные проблемы связываются с несовершенством правовой и налоговой политики, а также с финансовым кризисом и общими проблемами национальной экономики. Выявлено, что в силу ряда объективных внешних и внутренних обстоятельств условием сохранения позиционирования России в современном мире выступает её инновационная составляющая и модернизация экономики. В рамках реформирования национальной экономики рассматривается стратегическое развитие в свете новой Концепции долгосрочного развития страны, путем создания инвестиционно-инновационного климата, который обеспечил бы экономический рост страны и превратил Россию в лидирующую мировую державу через создание государственно-корпоративного сектора экономики.

Ключевые слова:

Экономический рост, модернизация, инвестиции и инновации в бизнесе, государственные корпорации.

Key words:

Economic growth, modernization, investment and innovation in business, public corporation.

Стратегия развития России – это национальная стратегия, основные положения которой определены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., разработанной Правительством России. Под концепцией понимается единый комплекс взглядов, идей, которые дают общее представление о предполагаемом развитии общества и национальной экономики в целом. Государство как субъект рынка несёт ответственность за реализацию выбранной стратегии. В Концепции перескочили взгляды различных научных школ как некоторой предпосылки для устойчивого и динамичного развития российской экономики на долгосрочный период. Можно согласиться с ректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России профессором В.А. Мау, который отмечает, что «...сама задача выбора долгосрочных приоритетов исключительно сложна, а цена ошибки здесь может быть огромной» [1].

Претворяя в жизнь Концепцию долгосрочного социально-экономического развития страны, мы не имеем права на ошибки, Россия – богатая страна, надо просто эффективно управлять и использовать все имеющиеся у нас ресурсы. На современном этапе устойчивое развитие России, на наш взгляд, возможно только при качественном государственном регулировании, направленном на повышение инвестиционной и инновационной активности, на модернизацию экономики в целом. Необходимо преодолеть сырьевую направленность и деиндустриализацию, и направить развитие экономики на формирование наукоёмких производств с высокой добавленной стоимостью.

Долгосрочная стратегия развития нашей страны стала необходима по нескольким причинам.

Во-первых, страны с развитой рыночной экономикой, например, Япония, США, Китай, выбрали

для себя в качестве устойчивого исходного развития страны долгосрочные стратегии развития. Долгосрочные цели развития избрали и те страны, которые хотят претендовать на лидерство в своих регионах, это, к примеру, Республика Корея, Малайзия и Турция.

Во-вторых, сегодня сложилось общее понимание главной цели национальной стратегии: в силу ряда объективных внешних и внутренних обстоятельств условием сохранения позиционирования России в современном мире выступает её инновационная составляющая.

В-третьих, для инновационной составляющей необходимо радикально модернизировать производственно-технологическую базу экономики России; освоить производства пятого технологического уклада, для которого характерно возникновение глобального информационного пространства, интеллектуализация орудий труда, генная инженерия. Необходимо также занять свою «нишу» в рамках шестого технологического уклада, именуемого неоиндустриализацией.

В-четвертых, национальный человеческий капитал (потенциал) является важнейшим фактором обеспечения устойчивого развития страны в долгосрочном периоде, поэтому на первый план выдвигаются задачи развития здравоохранения, образования, культуры. Правительством делается всё для создания материальных условий жизни человека.

Наконец, *в-пятых*, государству как субъекту рынка необходимы активные действия, чтобы осуществить данный инновационный переход.

Все эти перечисленные выше моменты нашли отражение в утвержденной правительством РФ 17 ноября 2008 г. «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Главной целью в концепции является «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе

(2008–2020 гг.) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе» [2]. В Концепции человеческий фактор рассмотрен как средство для достижения долгосрочных стратегических целей. Таким образом представляется для нас возможность обеспечить инновационный прорыв в стране, где происходила и происходит деградация крупнейших и важных сегментов в хозяйственной системе национальной экономики страны. Структурная диверсификация национальной экономики позволит повысить конкурентные преимущества как в традиционных сферах экономики, так в новом технологическом укладе неоиндустриализации, формируя совершенно новую модель развития экономики. Поэтому долгосрочную стратегию развития можно представить как *оптимальную* модель перехода экономики России к неоиндустриальной экономике, способной решить масштабные исторические задачи. Целевой функцией в этой экономике будет являться высокотехнологическая модернизация с основным акцентом, направленным на обновление производственной базы, структурную перестройку и внедрение инновационной составляющей в национальное хозяйство.

Но станет ли это реальностью жизни. В нашей стране технологические инновации за последние годы были незначительными, как и экономический рост. За период среднесрочной программы развития России удвоения ВВП не произошло. Поэтому проблема перехода России на новую траекторию развития выявила различные взгляды учёных, занимающихся этим вопросом. В стране потребуется заново возрождать и создавать все составляющие элементы инновационной системы: фундаментальную науку, образование, инновационный процесс производства.

Казалось бы, всё это уже было, в проекте Правительства России «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 года» переход к новому технологическому укладу должен был быть уже осуществлён. Но по каким-то причинам этот проект так и остался именно проектом. Поэтому «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» можно определить как следующую, вторую попытку Правительства, результатом которой стала бы экономика России, основой развития и процветания которой стали бы инновации. В своём Послании Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев отметил: «...мы так и не избавились от примитивной структуры экономики, от униженной сырьевой зависимости... Конкурентоспособность нашей продукции позорно низка» [3]. Но надо отметить при этом, что среднегодовой темп прироста ВВП к началу 2008 г. был достаточно высокий – 6,9 %. Этот прирост дал в большей мере частный корпоративный сектор

экономики, представленный сегодня в основном компаниями холдингового типа, занимающимися продажей сырьевых ресурсов.

Говоря о причинах сложившейся ситуации в России, ученые и практики сходятся в одном: государственная политика несовершенна, а иногда идёт в противовес развитию инноваций. Сегодня «Россия остаётся страной с преимущественно сырьевой специализацией в международном разделении труда. Она экспортирует 50 видов сырья в более чем 90 стран мира...80 % никеля, ...70 % меди, более половины добываемой нефти» [4]. И как эту статистику совмещать с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», согласно которой должны быть созданы условия для «модернизации традиционных отраслей экономики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств» [2]? Вместо продукции специализированных производств мы снова экспортируем природные ресурсы. А это можно рассматривать как тормоз инновационного развития и экономического роста.

Чтобы глубже понять проблемы нашей экономики в реализации стратегии развития, рассмотрим основу и составляющие экономического роста, а также его связь с ВВП. Основной целью экономического роста страны является «увеличение объёмов производства материальных благ, улучшение их качества, обеспечение более высокого уровня жизни» [5]. Устойчивый экономический рост любой страны должен иметь в своей основе существующую объективную реальность как в экономике, так и в политической жизни страны. Государству как субъекту рынка необходимо проводить политику по стимулированию экономики, которая выражается в увеличении производства материальных благ для того, чтобы обеспечить развитие национальной экономики. Эта политика государства должна быть увязана в соответствующих направлениях с бюджетно-налоговой, кредитной и промышленной политикой.

Механизмы экономического роста страны должны быть устремлены на то, чтобы основная цель – увеличение производства материальных благ с их высокими характеристиками качества – была достигнута. Источниками финансирования экономического роста могут быть ресурсы финансовых рынков (кредитных, страховых, трастовых компаний), хозяйствующих субъектов всех форм собственности, а также государство. В сегодняшней России ключевыми факторами, обеспечивающими экономический рост, становятся его качественные параметры. Качественные факторы экономического роста были приведены Э. Денисоном [6].

Модели экономического роста, использующие качественные параметры, были предложены Н. Калдором, Дж. Робинсон [7]. Начиная с 1999 г., в России наблюдается рост ВВП. Но по оценке Всемирного банка рост экономики страны по-

прежнему в большей степени зависит от цен на нефть и газ. И эти энерго-сырьевые факторы наполняемости экономического роста никогда не будут являться его качественными параметрами, т. к. именно они усиливают отставание в технико-экономическом развитии страны.

Экономический рост должен отражать *расширенное* воспроизводство экономики страны. Можно согласиться с И. Теняковым, который отметил, что: «...взяты от прочих показателей темпы роста ВВП ничего не говорят о качестве воспроизводства нашей экономики... Если экономический рост есть выражение расширенного воспроизводства национальной экономики, то в этом случае растёт не только конечный продукт (в системе национальных счетов ему соответствует показатель ВВП), увеличивается и экономический потенциал страны – производственные фонды, материальные оборотные средства, рабочая сила. В свою очередь возросший экономический потенциал страны остановится основой для последующего роста конечного продукта (ВВП); рост экономики в этом случае опирается на собственный материально-технический базис» [8]. Таким образом, если идет качественный экономический рост, то происходит обновление основных производственных фондов как технической базы производства, улучшается эффективность использования основного и оборотного капитала, улучшаются условия труда работающих на предприятиях, заработная плата становится формой, достойной цены рабочей силы. В нашей стране на протяжении рыночного реформирования практически не произошло обновления основного капитала, хотя были достаточно большие темпы прироста ВВП, «...в ключевых отраслях промышленности – машиностроении, химии, нефтепереработки – качественные мощности составили лишь 6...12 %» [8]. Как видим из статистики, даже нефтяная отрасль экономики, обеспечивающая экономический рост, на который уповала программа Правительства до 2012 г., до сих пор использует практически исчерпавший себя ресурсный потенциал плановой экономики. Износ основных средств очень высокий, «...динамика обновления основных фондов такова, что тенденция физического и морального износа сохраняется» [8].

Таким образом, положительные темпы роста ВВП не всегда отражают положительный темп роста экономического потенциала страны: он может иметь и *отрицательный рост*. Отрицательный рост экономического потенциала страны происходит при упадке экономического потенциала всех отраслей национальной экономики, и в долгосрочной стратегии развития расширенного воспроизводства эта задача не сможет стать выполнимой как в количественном, так и в качественном её аспекте.

Можно предположить, что проводимая государственная политика за период своего двадцатилетнего существования содержала ряд ошибок и недочетов. Потоки инвестиций в России шли

в основном на разведку и разработку новых месторождений нефти и газа. И, судя по прогнозам, эта тенденция будет еще долго сохраняться. На наш взгляд, эти ошибки чреваты своими последствиями: они не смогут дать рост новому национальному бизнесу, обеспечивающему конкурентоспособную экономику, даже и в том случае, если на его товар будет определённый спрос. Новые индустриальные страны сделали прорыв вперед только благодаря государственной политике, направленной на инновационно-инвестиционную деятельность.

Крупные компании холдингового типа (представляющие частный олигархический капитал) будут неохотно вкладывать деньги в венчурный капитал, представленный научными и исследовательскими работами. Их источник богатства – природная рента, поэтому предприятия добывающих отраслей национальной экономики имеют благоприятные условия для нормы прибыли, финансовый рынок тоже развивается, он необходим для перераспределения и аккумуляции доходов корпораций от добычи и продажи сырьевых ресурсов. Моделей партнёрства частного капитала и государства по инновациям практически не существует. Сейчас много научных работ, в которых идут дискуссии о партнёрстве государства и частного бизнеса. Руководство крупных частных компаний относится осторожно ко всему тому, что предлагает Правительство РФ. Малый и средний бизнес в нашей стране недостаточно развит.

Точки роста ВВП обеспечивает в основном крупный олигархический бизнес. Но этот рост опирается на конъюнктуру благоприятных внешнеэкономических факторов. А такой экономический рост – неустойчивый, он не создает для себя внутренних предпосылок. А это означает, что при неблагоприятных событиях на внешних рынках сбыта фактический экономический рост просто прекратится. И тогда проблемы по обеспечению расширенного воспроизводства нашей экономики будут для нас иметь необратимый характер. Этого не стоит ждать. Если частный капитал не в состоянии или не хочет создавать условия для роста экономического потенциала страны, то кто же должен решить эту задачу? Ответ один – государство. Резервы для претворения в жизнь концепции долгосрочного социально-экономического развития есть, заделы в стратегически важных отраслях имеются. «В частности, Россия ... строит за рубежом 5 атомных энергоблоков, контролирует 40 % мирового рынка услуг по обогащению урана и 20 % по поставкам ядерного топлива» [9]. «Зеленоградская компания NT-MDT, производящая сканирующие зондовые микроскопы, уже сейчас занимает 14 % рынка ЕС, 9 % – азиатских стран и 35 % – рынка Израиля» [9].

Так что вполне логично стало образование в России новых организационно-правовых форм бизнеса – государственных корпораций, где имен-

но государство является и носителем, и спонсором инноваций. И это тоже вполне закономерно. На наш взгляд, эффективная вертикаль власти в период каких-либо политических или экономических преобразований в стране должна быть особенно значимой: без активной поддержки государства некоторые отрасли экономики могут просто исчезнуть, а это приведёт, в свою очередь, к катастрофическим последствиям, касающимся потенциала страны. Достаточно вспомнить опыт Китая, который добился успеха лишь при значительном государственном вмешательстве при реформировании своей экономики.

Чтобы исправить ошибки, нашему государству необходимо продвигать свою инвестиционно-инновационную политику в жизнь, продвигать активно. Самое опасное для страны это то, что она из некогда индустриальной страны становится сырьевым придатком развитого капитала. «Частный бизнес России в принципе не может стать движущей силой инноваций и модернизации. Важно изменить атмосферу в обществе, утвердить вместо идеологии наживы идеологию трудовой морали, творчества и созидания. ...В создавшихся условиях реальной силой, способной осуществить неоиндустриальную модернизацию, видится, прежде всего, государство» [10].

На основании изложенного, можно предположить, что в условиях господства олигархической собственности, которая блокирует модернизацию и неоиндустриализацию, государство само должно стать *субъектом* инновационной деятельности.

Для решения проблем нашей экономики необходимо не только ликвидировать её экспортно-сырьевую модель, хотя она сегодня ещё нужна, но и заменить старую систему новой – вертикально-интегрированной экономической системой с базисом в виде государственно-корпоративной формы собственности. Многие говорят, что за последние годы именно эта модель и выстраивалась в России. Да, с этим можно согласиться, но *механизма согласования экономических интересов* в ней ещё не выработано, эта модель, по нашему мнению, должна быть ещё и планово-регулируемой. На наш взгляд, создание такой модели актуально для России. Может ли модернизация осуществляться стихийно, без определённых планов? Ответ на это однозначен: конечно, нет, совершенно абсурдно отрицать планирование в организации неоиндустриальной модернизации. Неоиндустриализацию в России необходимо проводить по плану государства. Основные причины утраты нашей страной ведущих позиций на внутреннем и мировом рынках производства наукоёмких товаров стало дерегулирование в инновационной деятельности, резкое снижение инвестиций в науку, потеря связи производства и науки.

Но вместе с тем, нельзя отрицать и того, что государство за прошедший период делало, хотя и незначительные, вложения в фундаментальную науку. Обратимся к табл. 1.

Таблица 1. Затраты на исследования и разработки (% к ВВП по паритету покупательской способности национальных валют), на основе [11]

Страна	Всего	Государство	Бизнес	Прочие источники	
				национальные	иностранные
Япония	3,40	0,50	2,60	0,2	0,10
США	2,70	0,70	1,80	0,20	0,00
Германия	2,50	0,70	1,30	0,40	0,10
Франция	2,10	0,80	1,10	0,10	0,10
Великобритания	1,80	0,50	0,80	0,20	0,30
Китай	1,50	0,40	1,10	0,00	0,00
Россия	1,30	0,60	0,20	0,44	0,06
Бразилия	1,10	0,50	0,40	0,10	0,10
Индия	0,80	0,60	0,20	0,00	0,00

По данным в табл. 1, Россия финансировала научные исследования и разработки на достаточно приличном уровне в *процентном отношении* к ВВП. А так как ВВП у нас недостаточно высокий, отсюда и *низкий уровень* финансирования науки.

В современной экономической ситуации выйти на путь устойчивого экономического роста возможно лишь на основе вмешательства государства и создания предприятий государственного сектора экономики, которые имели бы достаточное количество ресурсов, мотивировали на творчество работающих людей на данных предприятиях. И эти предприятия обязательно должны быть вертикально и горизонтально интегрированными. Горизонтальная интеграция уменьшает издержки производства. Вертикальная интеграция – это слияние науки, капитала, производства (добывающего и обрабатывающего), а также сбыта конкретных видов наукоёмких товаров. Благодаря интеграции Россия сделает рывок вперёд по пути инноваций. Вертикальная интеграция, направленная на конечный продукт, сведёт системное получение прибыли из промежуточных элементов технологического цикла к нулю и даст полный ход модернизации российской экономики, направленной на экономический рост.

Итак, кроме крупных финансово-промышленных групп и компаний холдингового типа, которые появились в 1993 г. и которые в большей мере представляли частный олигархический капитал, сегодня появились новые для России организационно-правовые формы бизнеса: государственные корпорации. Это явление тоже было продиктовано временем. В других странах с рыночной экономикой, когда ни государственные предприятия, ни частные корпорации не были способны претворять в жизнь стратегию развития экономики, создавались государственные корпорации. Это были гибкие, инициативные организации, создаваемые для реализации крупных долгосрочных проектов развития экономики страны. Если рассматривать мировую практику, то государственные корпорации используются для того, чтобы управлять государственными финансовыми потоками при реализации целевых программ и проектов. В США, Испа-

нии, Греции институт государственных корпораций был использован при национализации собственности в этих странах и после второй мировой войны, когда экономика была дестабилизирована. И это дало значимый экономический эффект.

В России, где происходила деградация крупнейших секторов национальной экономики, где значительная часть предприятий в стогнирующих отраслях экономики находилась на грани банкротства, создание государственных корпораций, осуществляющих свою деятельность в конкурентной рыночной среде, представляется как наиболее оптимальное решение государства для разрешения этих экономических проблем. Никто не будет сомневаться в том, что в некоторых сферах производства без участия государства восстановить хозяйственную деятельность практически невозможно. Хотя находятся и противники этих организационно-правовых форм. На наш взгляд, институт государственных корпораций поможет России модернизировать её производственно-технологическую базу и занять свою нишу в рамках шестого технологического уклада – неоиндустриализации.

Государственные корпорации получили большие функциональные полномочия, им предоставили достаточно большие объёмы государственного имущества, а также производственные и финансовые активы. Государственные корпорации – это такие крупные структуры, как «Внешэкономбанк», «Роснано», «ЖКХ», «Олимпстрой», «Ростехнологии», «Росатом».

Например, в госкорпорацию «Росатом» входит примерно 240 предприятий. «Росатом» лидирует на мировом рынке ядерных технологий, занимая первое место в мире по количеству АЭС, сооружаемых за границей. Корпорация занимает второе место по добычи и запасам урана, претворяя в жизнь международные обязательства России по нераспространению ядерных отходов и мирному использованию атома. Госкорпорация «Роснано» реализует политику государства в наноэкономике, в проектах по перспективным нанотехнологиям и наноиндустрии.

Госкорпорация «Внешэкономбанк» – это кредитная организация. От подобных отличается тем, что проводит в жизнь политику государства. Главной целью «Внешэкономбанка» является не получение максимальной прибыли, а содействие в реализации программы долгосрочного развития России.

В создавшихся условиях именно государственный сектор экономики должен реализовывать на практике концепцию модернизации и диверсификации экономики страны, направленную на экономический рост. «...Для восстановления полноценной инвестиционной способности экономики, что является ныне проблемой, государственная собственность России должна занимать более весомый удельный вес – 60..65 % против 37 % за кризисный период» [12]. Для реализации плана стратегического развития России возникает необходимость в государственном

регулировании таких параметров, как норма и эффективность накопления. По расчётам академических институтов фонд внутреннего накопления для предприятий обрабатывающей промышленности должен быть не меньше 25 % ВВП, тогда как в России норма накопления всего 18 %. Все страны с рыночной экономикой, проводя модернизацию, в течение длительного времени осуществляли высокий уровень инвестиций в производственный капитал.

Надо отметить и то, что в период финансового кризиса не все предприятия пострадали, выжил корпоративный бизнес, и он обязан помочь государству стать лидером на мировом рынке, производя наукоемкую продукцию, внедряя новые ресурсосберегающие технологии, нанотехнологии, биотехнологии, проявлять заботу о человеке-работнике. А государство, реализуя свою политику в развитии национальной экономики, будет, в свою очередь, поддерживать этот бизнес.

Президент России в своем Послании Федеральному собранию в 2009 г. сделал акцент на то, что «Правительство России будет оказывать поддержку предприятиям, которые не растратили своего производственно-экономического потенциала, оставаясь жизнеспособными и во время кризиса» [3].

Как отметил Президент РФ Д.А. Медведев в 2010 г., в стране за последнее время «...целенаправленно занимались реализацией проектов по главным направлениям технологической модернизации ...отечественная атомная отрасль вернулась к серийному строительству...эти проекты Россия реализует в Индии, Иране, Китае и других странах. За последние три года заказы атомной промышленности, машиностроения выросли в 10 раз, по сравнению с 2005 годом – в 25 раз». Президент отметил также и то, что «льготы и государственное финансирование должны быть доступны всем», кто хочет заниматься научно-исследовательской деятельностью [11].

В рамках реализации концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и модернизации экономики был создан проект «Сколково». Проект «Сколково» представляет новый государственный бизнес-инкубатор новых идей, уникальных технологий и исследований. Хотя по этому проекту среди учёных ведется много дискуссий, споров и обсуждений.

Таким образом, государство становится сегодня не только контролирующим и регулирующим органом, но и субъектом, претворяющим в жизнь инновационную политику, направленную на экономический рост страны по пути движения к цивилизованному рынку в плане реализации Концепции экономического развития России до 2020 г.

Но, на наш взгляд, этого не достаточно, государство должно создавать условия для инновационной активности частного корпоративного бизнеса.

Для корпораций, занимающихся инновационной деятельностью, модернизацией морально и физически изношенного оборудования необходимо предусмотреть некоторый временной период с уста-

новлением ставки отчислений на социальные нужды на уровне 2010 г. – 26 %, а, может быть, и ниже.

Как показывает практика, минимальная активность в использовании инноваций отмечается в самых успешных и прибыльных секторах сырьевого, в основном нефте-газового комплекса страны, удельный вес фирм, взявших на вооружение технологические инновации, составляет сегодня лишь 5...7 %. Это крайне низкие показатели. В низкорентабельной сегодня машиностроительной отрасли экономики использование инноваций редко превышает 26 %. Таким образом, происходит резкое снижение технологического уровня российского топливно-энергетического комплекса.

Так что, если у крупного бизнеса спрос на инновации не велик, то можно предположить, что сама система ведения бизнеса России несовершенна: нет преференций в налогах у инноваторов, отмечается недоразвитость правовой базы. Поэтому именно государство должно создать институциональные условия активизации инновационной деятельности крупных компаний. Сегодня часто можно слышать и говорить о создании инвестиционного климата в России. Но на самом деле высокая налоговая нагрузка тормозит этот процесс. К примеру, Казахстан среди других стран Содружества перегнал Россию по многим показателям и, если обратиться к данным табл. 2, бизнес-среда Казахстана более комфортна для хозяйственной деятельности и инвестирования в инновации. Налоговое бремя в России тормозит сам процесс инновационной деятельности, табл. 2.

Таблица 2. Ставки налогов в России и Казахстане, %, на основе [13]

Страны	Налоги на			Страховые взносы
	добавленную стоимость	доходы физических лиц	прибыль	
Россия	18	13	20	26 (с 2011 г. – 34)
Казахстан	12	10	15	21

Данные таблицы говорят сами за себя.

В России природные ресурсы сокращаются, инвестиции в сырьевой сектор используются в основном на пополнение оборотного капитала. Реализация президентской программы технологической модернизации может значительно повысить производительность труда, а это, в свою очередь, приведёт к сокращению работающих в этих сырьевых секторах экономики. Для этой категории работников необходимо создавать новые рабочие места. Их необходимо переобучать, чтобы они могли работать в высокотехнологичных отраслях и секторах экономики. И сделать это может и крупный частный бизнес, и государственные корпорации, главное – чтобы была мотивация. Каждый собственник лишь тогда воспримет инновации как самый *главный* успешный фактор в своей предпринимательской деятельности, когда эти инновации принесут ему более значимую прибыль, чем прибыль от прежней деятельности.

Сегодня в России сложилась такая ситуация, когда государство должно «избыточно» присутствовать в экономике. Главной задачей государства должна быть задача, заключающаяся «в создании социально-экономической и политической атмосферы, при которой устраняются различные препоны для реализации индивидуальной общественной активности граждан, создания ими соответствующей материальной (экономической) базы» [11]. Но для того, чтобы всё, что планирует Правительство в Концепции долгосрочного развития России было реализовано, необходимо также пересмотреть структуру расходов на технологические инновации. Например, «доля затрат на НИОКР собственными силами в 2009 г. составила 16,4 % от общего объёма. На приобретение оборудования компании направляют 51,2 % всех инновационных затрат, на обновление программных средств – 1,3 %» [10]. Такие цифры распределения затрат на инновации характерны для тех стран, в которых отмечается низкий научный потенциал. «...В Нидерландах доля исследований и разработок, выполненных собственными силами, составляет 62,5 %, на приобретение машин, оборудования и программных средств приходится 19 % общих затрат» [10]. Поэтому главной стратегической задачей в реализации и претворении в жизнь Концепции долгосрочного развития России является также задача эффективности научно-технического потенциала. Для того чтобы страна стала инновационной развитой державой, необходима крупномасштабная неоиндустриализация экономики.

Но и здесь можно согласиться с профессором финансового университета при Правительстве России Р. Кучуковым в том, что в Концепции развития России надо признать «неприемлемость и односторонность ориентации на модель дерегулирования, навязанную Западом» [10]. В развитых странах «действует жесткая государственно-корпоративная модель управления экономикой, включая прямые плановые методы» [10]. Сама модернизация и структурные сдвиги, вызванные ею, в экономике сами по себе *не произойдут*, их надо мотивировать и направлять. А этого можно достичь посредством планово-централизованного, целенаправленного воздействия на процессы неоиндустриальной модернизации. А самым заинтересованным субъектом в реализации модернизации должно быть государственное руководство.

Таким образом, претворять в жизнь Концепцию развития России могут лишь те структуры, которые глубоко понимают, как важна для России наукоёмкая продукция. Будет спрос на инновационный продукт, будет для него и национальный рынок. Мы все осознаём тот факт, что модернизация неизбежна, не будет её – не будет и России. Носителями и двигателем новых стратегических задач Правительства должны стать национальные предпринимательские структуры и государственные корпорации. Хотя о последних в настоящее время идёт настоящая полемика среди учёных: а

нужны ли они экономике России именно сейчас? На этот вопрос никто не может ответить однозначно. Профессор Л. Черный отмечает, что «в России начата, по сути, законодательная ликвидация недавно созданных государственных корпораций» [14].

По нашему мнению, ликвидировать госкорпорации нельзя, можно ликвидировать лишь те, которые были созданы для выполнения какой-либо стратегически важной краткосрочной цели, которая практически уже достигнута, к примеру «Олимпстрой», а важные для экономического развития страны корпорация, к примеру, госкорпорацию «Роснано» можно, например, преобразовать в ОАО, где контрольный пакет акций принадлежал бы государству. Нельзя забывать о том, что в ведущих странах с развитой рыночной экономикой создавались государственные корпорации тогда, когда ни государственные предприятия, ни частный бизнес не могли и были не способны решать глобальные проблемы, касающиеся долгосрочных стратегий развития экономики. Поэтому движущими силами реализации стратегии развития России, сочетающими становление социального государства и решение проблем экономического роста, должны стать развитые институты гражданского общества, в том числе и госкорпорации, реализующие экономические интересы всего национального предпринимательства.

Выводы

Стратегия развития России — это национальная стратегия, основные положения которой

определены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Эту долгосрочную стратегию развития можно представить как *оптимальную* модель перехода России к неоиндустриальной экономике, целевой функцией в которой будет являться высокотехнологическая модернизация с основным акцентом, направленным на обновление производственной базы и внедрение инновационной составляющей в национальное хозяйство. Модернизация и структурные сдвиги в экономике сами по себе *не произойдут*, их надо мотивировать и направлять. Этого можно достичь посредством плано-централизованного, целенаправленного воздействия на процессы неоиндустриальной модернизации. Самым заинтересованным субъектом в реализации модернизации на современном этапе развития должно быть *государство*.

Для реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. необходимо не только ликвидировать экспортно-сырьевую модель, но и заменить старую систему новой, вертикально-интегрированной экономической системой с базисом в виде государственно-корпоративной формы собственности. Движущими силами реализации стратегии развития России, сочетающими становление социального государства и решение проблем экономического роста, должны стать развитые институты гражданского общества, реализующие экономические интересы всего национального предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мау В. Модернизация в условиях политической стабильности // Вопросы экономики. — 2009. — № 9. — С. 32–50.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. — М.: Проспект, 2009. — 124 с.
3. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. — 2009. — № 214. — С. 3–5.
4. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. — 2011. — № 8. — С. 3–17.
5. Общая экономическая теория (политэкономия) / под общей ред. акад. В. Видяпина, акад. Г. Журавлевой. — М.: ПРОМО-Медиа, 1995. — 608 с.
6. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. — М.: Прогресс, 1971. — 150 с.
7. Шараев Ю. Теория экономического роста. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 250 с.
8. Теняков И. К вопросу о природе экономического роста // Экономист. — 2007. — № 11. — С. 28–30.
9. Семенова Е. Возможности инновационного типа развития // Экономист. — 2006. — № 3. — С. 6.
10. Кучуков Р. Государственный сектор и его роль в стратегии—2020 // Экономист. — 2011. — № 9. — С. 3–14.
11. Сорокин Д. Стратегия модернизации России: вызовы и ограничения // Вопросы экономики. — 2010. — № 8. — С. 28–39.
12. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. — 2010. — № 271. — С. 3–4.
13. Кардинальные пути улучшения инвестиционного климата (экономический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия») // Вопросы экономики. — 2010. — № 10. — С. 68–90.
14. Черный Л. Нужны ли экономике России государственные корпорации // Экономист. — 2011. — № 4. — С. 3–9.

Поступила 03.11.2011 г.

УДК 332.334.4:62:330.322.2(985)

ВЛИЯНИЕ РИСКОВ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИЧЕСКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.М. Болсуновская, Ю.А. Болсуновская

Томский политехнический университет

E-mail: bolsunovskayaua@tpu.ru

Рассмотрены факторы формирования инвестиционного климата, а также виды рисков, влияющих на инвестиционный потенциал Арктического континентального шельфа РФ. Описаны последствия их воздействия и степень влияния на реализацию нефтегазовых проектов в регионе.

Ключевые слова:

Арктический континентальный шельф, углеводороды, инвестиционный климат, риски, углеводородный проект, инвестиционные издержки.

Key words:

Arctic continental shelf, hydrocarbons, investment climate, risks, hydrocarbon project, investment costs.

В современных условиях развитие мировой экономической системы во многом определяется использованием углеводородных ресурсов в качестве эффективных энергоносителей. Во всем мире устойчивый высокий спрос на нефть и газ определяет приоритеты в сфере наращивания добычи и введения в эксплуатацию новых месторождений. Несмотря на это, существуют некоторые угрозы сбалансированного развития мирового нефтегазового комплекса, такие как: ухудшение структуры новых открытий, приближение сроков исчерпания активных эксплуатируемых запасов, нарастающие доли трудноизвлекаемых запасов и трудноосваиваемых месторождений и другие. В связи с этим в мировом пространстве становится актуальной тенденция реализации крупномасштабных проектов по разработке и эксплуатации шельфовых месторождений.

Арктика обладает значительными запасами разнообразных природных ресурсов, в том числе уникальных. Но наибольший интерес вызывают значительные по мировым масштабам запасы энергоресурсов. Согласно опубликованным прогнозам здесь находятся: 90 млрд барр. нефти; 47,3 трлн м³ газа; 44 млрд барр. газового конденсата.

По зарубежным оценкам, это составляет около 25 % от мировых неразведанных запасов углеводородов. В абсолютном выражении это эквивалентно 375 млрд барр. нефти. Для сравнения, запасы Саудовской Аравии составляют 261 млрд барр. нефти. По данным Геологической службы США, около 84 % всей нефти и газа Арктики находится в зоне шельфа на глубинах до 500 м. Это означает, что большинство запасов должно оказаться в пределах исключительной экономической зоны пяти арктических государств. Американские эксперты отмечают, что в мировых запасах углеводородов удельный вес арктического газа значительно выше (30 %), чем нефти (13 %) [1. С. 21].

В настоящее время добыча углеводородов на российском шельфе только начинает развиваться. Континентальный шельф Российской Федера-

ции является самым большим в мире по площади, его территория составляет 5,2...6,2 млн км², из них 4 млн км² являются перспективными на нефть и газ [2]. Поэтому Российский Арктический континентальный шельф представляет собой регион особых геостратегических интересов государства и долговременных экономических интересов общества, прежде всего с точки зрения освоения и рационального использования природных ресурсов и обеспечения глобального экологического равновесия, что обуславливает его выделение в самостоятельный объект государственной политики. Это мотивируется также международными обязательствами России в рамках Арктического совета, призванного осуществлять согласованную политику арктических стран в области охраны окружающей среды и устойчивого развития макрорегиона [3].

Дальнейшее освоение ресурсов Арктики Россией требует, прежде всего, проведения масштабных геолого-разведочных работ, создания соответствующей инфраструктуры, овладения безопасными для окружающей среды технологиями бурения, переработки, хранения и доставки сырья. Поэтому целесообразно рассмотреть, как в настоящее время формируется инвестиционный климат Арктического региона.

В общем смысле инвестиционный климат состоит из двух элементов: инвестиционного потенциала (объективные возможности региона) и инвестиционных рисков. Рассмотрим факторы, формирующие инвестиционный климат Арктического региона (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что, несмотря на большой потенциал, минерально-сырьевая база континентального шельфа страны обладает невысокой инвестиционной привлекательностью.

Организация добычи полезных ископаемых на арктическом шельфе возможна на объектах, представляющих реальный интерес для инвесторов: когда доход от освоения покрывает капитальные и текущие затраты и обеспечивает приемлемый уровень прибыли с учетом возникающих до-

полнительных инвестиционных рисков. Поэтому для создания благоприятных инвестиционных условий освоения месторождений арктического шельфа необходимо определить основные риски, возникающие при реализации углеводородных проектов, и оценить их влияние на экономическую эффективность проектов (рисунок).

Таблица 1. Факторы, формирующие инвестиционный климат Арктического региона РФ

Виды факторов	Описание факторов		
	Позитивные	Негативные	
Объективные	Природно-климатические условия	Большие потенциальные запасы полезных ископаемых	Малоустойчивые экосистемы
	Состояние окружающей среды	Богатство биоресурсов	Изменение климата. Загрязнение и деградация компонентов природной среды (антропогенное воздействие)
	Географическое положение	Открытый выход к мировому океану	Низкая геологическая изученность
Субъективные	Экономическое положение	Высокий промышленно-производственный потенциал	Сырьевая экспортно-ориентированная модель развития. Незначительная доля продукции с высокой валовой добавленной стоимостью
	Законодательная и нормативная база	Формирование согласованной политики и сотрудничества приарктических государств	Неопределенный налоговый режим. Недостаточно развитая нормативно-правовая база
	Трудовые ресурсы	Сравнительно высокие качественные характеристики кадрового потенциала, включая образовательный уровень. Относительно низкая стоимость труда	Отток высококвалифицированных кадров из приарктических районов в другие регионы и за рубеж
	Социальная инфраструктура	Сильная промышленная инфраструктура: объекты нефтегазового комплекса, магистральные трубопроводы большой протяженности, электростанции и др.	Устаревание транспортной инфраструктуры и гидрометеорологического обеспечения хозяйственной деятельности

Рассмотрим представленные группы инвестиционных рисков подробнее.

В группу экологических рисков входят:

- Разливы нефти. Нефтяные разливы в море могут произойти на любом из этапов добычи, хранения или транспортировки нефти [4. С. 9]. В настоящее время недостаточное финансирование мер по предупреждению и локализации аварийных разливов нефти уже привело к масштабному загрязнению окружающей среды Арктической

зоны (авария на Кумжимском газоконденсатном месторождении (1980 г.), авария в Усинском районе Республики Коми (1994 г.), авария в Онежской губе Белого моря (2003 г.), авария в Северном море (2012 г.)) [5. С. 7–8].

Рисунок. Инвестиционные риски углеводородных проектов Арктического шельфа РФ

Ликвидация аварийных разливов нефти приводит к масштабным издержкам, что делает проект экономически нецелесообразным. В связи с этим для инвесторов единственной возможностью извлечь прибыль из разработки месторождений является экономия на безопасности.

- Дegradация ландшафтов. Фрагментация почвенно-растительного покрова и активизация деструктивных мерзлотных процессов в Арктике вследствие антропогенного воздействия способствуют деградации арктических земель и могут в перспективе привести к необратимым экологическим последствиям [6. С. 7].
- Загрязнение атмосферы: последствия для климата, токсические загрязнения. Например, к 2008 г. выбросы в атмосферу загрязняющих веществ в Ямало-Ненецком округе выросли в 2 раза по сравнению с уровнем 2000 г., что связано с увеличением добычи углеводородного сырья и увеличением объемов сжигания природного и попутного газа. Из этого можно сделать вывод, что существующая практика утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ) не меняется даже на новых месторождениях, и вряд ли нефтяным компаниям удастся достигнуть утилизации ПНГ на 95 % к 2014 г. [5. С. 12].
- Ущерб биоразнообразию.

Группа социальных рисков включает:

- Ущемление прав коренных народов. Разработка материковых месторождений Арктического региона, как правило, проходит без учета прав коренных народов Арктики. Несмотря на это, в России нет правового механизма, который бы обеспечивал возмещение ущерба, нанесенного традиционному природопользованию коренных народов.

- Ущерб здоровью населения. Загрязнение почвенно-грунтовых и подземных вод, включая питьевые, нефтепродуктами — одна из наиболее серьезных проблем в регионах нефте- и газодобычи, которая приводит к значительному увеличению уровня заболеваемости Арктической зоны.

Группа финансовых рисков включает:

- Снижение объемов добычи нефти и газа при росте себестоимости.

Разработка континентального шельфа России характеризуется трудными условиями освоения. Доходность нефтедобычи здесь зависит от качества добываемой нефти. На Арктическом шельфе нефть классифицируется как тяжёлая, поэтому она достаточно низкого качества. В связи с этим добыча падает, а себестоимость увеличивается.

Финансовые риски, связанные с добычей газа на Арктическом шельфе, крайне высоки. В ситуации волатильности рынка газа арктические проекты будут крайне чувствительны к периодам спада цен на мировых рынках газа [5. С. 19].

- Воздействие налоговой и бюджетной политики РФ.

Нефтяные компании и потенциальные инвесторы в значительной мере зависят от налоговых льгот. Налоговые льготы, в свою очередь, зависят от ситуации, складывающейся с федеральным бюджетом, который на 50 % формируется за счёт поступлений от газо- и нефтедобычи. Нагрузка налоговых льгот ложится, в основном, на доходы федерального бюджета РФ, который, по состоянию на 2011 г., уже почти на 50 % зависит от нефтегазовых налогов и платежей. В результате бюджет России чрезвычайно чувствителен к динамике мировых цен на углеводородное сырьё [5. С. 22].

Чтобы компенсировать финансовые риски, проекты нефтяного освоения Арктического шельфа потребуют масштабных и долговременных налоговых льгот и других форм субсидирования.

В группу операционных рисков входят:

- Вероятность коррупционных действий.

Коррупционный фактор значительно увеличивает риск неопределенности, произвола властных структур в принятии решений и непредсказуемость коммерческих результатов инвестиционных проектов. (Пример институциональной коррупции в российской нефтегазовой отрасли: стоимость строительства 1 км российской части трубопровода Nord Stream оказалась почти в 3 раза выше, чем 1 км его германской части (5,8 млн евро против 2,1 млн евро) [5. С. 22].

- Некорректная оценка запасов месторождений.

Риски, связанные с объемом и качеством запасов нефти, можно проиллюстрировать на примере Южно-Хыльчюуского месторождения (Ненецкий АО) компании ОАО «ЛУКОЙЛ». Объем нефтедобычи ОАО «ЛУКОЙЛ» в России в 2010 г. составили 90 млн тонн — второй по величине результат по стране. Ожидалось, что Южно-Хыльчюуское месторождение обеспечит 10 % объема добычи

«ЛУКОЙЛа» в России, но в 2010 г. содержание воды в нефти на этом месторождении оказалось на уровне 31,4 % вместо ожидаемых в 2009 г. 2,1 %. В отчёте за 4-й квартал 2009 г. компании Сопосо Phillips (которая на тот момент владела 20,6 % акций ОАО «ЛУКОЙЛ») было заявлено, что за указанный период компания потеряла на обесценивании её активов 575 млн долл. Одной из причин произошедшего, по мнению компании Сопосо Phillips, стало снижение текущей стоимости её активов в связи с более низкими перспективными ресурсами Южно-Хыльчюуского месторождения [5. С. 23].

- Большой временной промежуток между получением лицензии и началом промышленной эксплуатации месторождений.

Образование огромного временного промежутка между получением лицензии и началом промышленной эксплуатации месторождений обусловлено юридическими барьерами доступа к углеводородным ресурсам Арктического шельфа России и значительными временными затратами на проведение разведки месторождений и создание необходимой инфраструктуры.

Сокращение этого времени возможно только за счет усиления экологических и экономических рисков, путем сокращения времени на проведение разведки и создание необходимой инфраструктуры для освоения месторождения. В случае сокращения этих сроков возникает риск ввода в разработку недостаточно разведанных и недостаточно подготовленных месторождений и их преждевременный выход из строя с замораживанием значительной части извлекаемых ресурсов в недрах [5. С. 24].

- Несоблюдение норм безопасности и низкое качество технического исполнения проектов России.

Технические риски, связанные с нефтегазовым освоением Арктики, в большой степени усугубляются тем, что эффективный экспертно-технический контроль со стороны призванных осуществлять его надзорных органов либо полностью отсутствует, либо обеспечен на низком уровне (Пример: осуществление бурения на платформе «Кольская» (до ее гибели) без обязательной Государственной экспертизы) [5. С. 25].

Необходимо отметить, что рассмотренные риски взаимосвязаны, а наличие экологических и социальных рисков приводит к появлению высоких репутационных рисков, на которые в связи с противоречивым характером развития Арктического региона компаниям стоит обратить особое внимание.

Следовательно, углеводородные проекты, реализуемые на Арктическом шельфе РФ, могут одновременно подвергаться разным группам инвестиционных рисков. Последствия их влияния на реализацию углеводородных проектов представлены в табл. 2.

Проведенный анализ показывает, что в связи с большой концентрацией инвестиционных рисков экономическая целесообразность осуществления углеводородных проектов на Арктическом

Таблица 2. Последствия влияния рисков на реализацию углеводородных проектов

Группы рисков	Последствия	Степень влияния на реализацию углеводородного проекта
Экологические	Экономическая нецелесообразность проекта в связи с масштабными издержками от ликвидации аварийных разливов нефти	Высокая
Социальные	Ущемление прав и интересов коренных народов. Увеличение уровня заболеваемости коренного населения	Средняя
Финансовые	Снижение добычи нефти, увеличение себестоимости. Необходимость масштабных и долговременных налоговых льгот и других форм субсидирования	Высокая
Операционные	Неопределенность властных структур в принятии решений и непредсказуемость коммерческих результатов инвестиционных проектов. Значительные временные затраты на проведение разведки месторождений и создание необходимой инфраструктуры в связи с юридическими барьерами доступа к углеводородным ресурсам Арктического шельфа России	Высокая

шельфе для инвесторов зачастую неопределенна. Поэтому необходим надежный комплексный аналитический подход к управлению рисками. Реализация комплексных мер позволит использовать нефтегазовый потенциал Арктики для обеспечения перехода региона на путь устойчивого социально-экономического развития и укрепления позиций России. Анализ рисков в данном случае должен быть одним из ключевых элементов стратегии развития региона.

В качестве мер по снижению рисков предлагается рассматривать следующие:

- масштабное инвестирование в научные исследования Арктического региона со стороны государственных органов и частных компаний с целью сокращения неопределенности и управления рисками;
- инвестирование в инфраструктуру и технический надзор с целью обеспечения безопасной экономической деятельности;

- формирование сильной и стабильной экологической политики, направленной на комплексное управление экосистемами, включая экономические факторы;
- предоставление компаниям масштабных субсидий, предпочтительно в форме разнообразных налоговых льгот;
- развитие системы морского страхования, страхования энергетики, страхования политических рисков;
- разработка и внедрение лучших эксплуатационных стандартов и стандартов безопасности на корпоративном и отраслевом уровнях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема: «Организационно-техническое обеспечение проведения всероссийской молодёжной конференции «Россия в Арктике. XXI век: среда обитания, общество, освоение»»; ГК № 12.741.12.0135).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? – М.: РИСИ, 2011. – 194 с.
2. Месторождения Арктики. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/Месторождения> (дата обращения: 15.05.2012).
3. Вектор устремлений – Арктика. 2010. URL: <http://www.vko.ru/DesktopModules/Articles/ArticlesView.aspx?tabID=320&ItemID=256&mid=2869&wversion=Staging> (дата обращения 31.05.2012).
4. Разливы нефти: проблемы, связанные с ликвидацией последствий разливов нефти в Арктических морях // Отчет Всемирного фонда дикой природы (WWF). – 2007. – 35 с.
5. Углеводородные проекты на российском Арктическом шельфе: инвестиционные риски // Greenpeace. 2012. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/press/reports/16_04_12_report_on_investments_risks/ (дата обращения: 17.05.2012).
6. Стратегическая программа действий по охране окружающей среды арктической зоны Российской Федерации. 2009. URL: <http://npa-arctic.ru> (дата обращения: 17.05.2012).

Поступила 07.06.2012 г.

УДК 330.101

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ВЫБОРА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Е. Склярова

Международный институт компьютерных технологий, г. Воронеж

E-mail: SEE1-business@yandex.ru

Приводятся описание авторской методики и результаты оценки эффективности инновационной экономики, даются рекомендации по выбору модели инновационного развития для России.

Ключевые слова:

Инновационная экономика, предпринимательство, эффективность экономики, модель инновационного развития.

Key words:

Innovative economy, entrepreneurship, economic efficiency, innovation development model.

Переход российской экономики на инновационный путь поставил многих исследователей перед проблемой выбора наиболее эффективной модели инновационного развития. Однако данное направление не получило должной разработки, и остается открытым вопрос создания методологической базы для эффективности инновационной экономики.

В отношении российской экономики многие авторы, занимающиеся исследованием данного вопроса, сходятся во мнении, что инновационная система России должна быть построена преимущественно на принципах альтернативной модели инновационного развития, но это убеждение является не достаточно верным, хотя и имеет веские аргументы в свою пользу. Поэтому, чтобы сделать окончательный выбор в пользу той или иной модели инновационного развития экономической системы (МИРЭС), необходимо определить эффективность каждой из них на основе методики интегральной оценки эффективности инновационной экономики. Данная методика была разработана в целях оценки вклада малого и среднего предпринимательства (МСП) в повышение эффективности инновационной экономики [1]. Кратко изложим суть предлагаемой методики.

Эффективность любой экономической системы, особенно инновационной экономики, зависит от множества факторов: человеческого капитала, научно-исследовательского потенциала, ресурсных возможностей, наличия венчурного инвестирования, развитой инфраструктуры, системы трансфера инноваций и ИТ, активной государственной поддержки и стимулирования частного бизнеса к инвестициям в инновационные исследования и ряда других факторов. Поэтому методика основывается на многофакторном анализе экономической системы.

По предлагаемой методике эффективность инновационной экономики может быть определена как соотношение показателей результата инновационной деятельности (индекс результативности инновационной экономики – ИВИР) к затрачиваемым ресурсам на обеспечение функционирования инновационного процесса в экономике и соз-

дания инновационной продукции (индекс возможностей инновационного развития – ИРИЭ). Данный показатель получил название коэффициента эффективности инновационной экономики (КЭИЭ) [1].

ИВИР характеризует совокупность факторных показателей, отражающих ресурсный потенциал экономической системы и являющихся движущими силами развития инновационной экономики, и рассчитывается как среднее арифметическое агрегированных ресурсных субиндексов, отражающих состояние таких ресурсов, как: человеческие, финансовые, интеллектуальные, предпринимательские, информационно-коммуникационные технологии, ресурс сотрудничества, ресурс внешних по отношению к данной экономической системе знаний.

ИРИЭ отражает такие результаты инновационной деятельности, которые были получены при использовании имеющихся ресурсов, и рассчитывается как среднее арифметическое от пяти агрегированных субиндексов, характеризующих результаты в сфере создания интеллектуальных ресурсов, полученных экономических эффектов от их использования, распространения знаний, инновационного предпринимательства и создания международного имиджа.

Следовательно, коэффициент эффективности инновационной экономики ($K_{ЭИЭ}$) равен отношению индекса результативности инновационной экономики ($I_{РИЭ}$) к индексу возможностей инновационного развития ($I_{ВИР}$).

Если $K_{ЭИЭ} > 1$, то ресурсы, имеющиеся в распоряжении экономической системы, используются эффективно. Если $K_{ЭИЭ} < 1$, то ресурсы используются не эффективно. Для того чтобы можно было сравнить между собой различные показатели, их необходимо привести к одинаковой размерности. Каждый субиндекс рассчитывается на основе нормализованных значений индикаторов. По итогам преобразований значения индикаторов располагаются в интервале от 0 до 1.

Для исследования были отобраны 46 стран, включая Россию. В целях проведения в дальней-

шем сравнительного анализа страны были сгруппированы в соответствии с тремя основными моделями инновационного развития (МИРЭС): евроатлантическая, восточноазиатская и альтернативная, более подробно рассмотренным в работе [2]. Критерием отбора той или иной страны послужили два фактора. *Во-первых*, возможность отразить эффективность функционирования инновационной составляющей в соответствии с выделенными МИРЭС. *Во-вторых*, наличие необходимых данных. С учетом международного опыта и уровня доступности необходимой информации было принято решение об установлении порогового значения наличия данных по стране на уровне 70 %.

Результаты расчетов коэффициента эффективности свидетельствуют о том, что в 70 % случаев страны имеют $K_{инз} > 1$. Из них 68 % – страны, относящиеся к евроатлантической МИРЭС. Доля стран с восточноазиатской и альтернативной МИРЭС составляет по 16,1 %. Однако следует отметить, что в десятку стран-лидеров по коэффициенту эффективности инновационного развития вошли 5 стран европейской МИРЭС (50 %), 3 страны восточноазиатской МИРЭС (30 %) и 2 страны альтернативной МИРЭС (20 %). Причем все три восточноазиатские страны вошли в пятерку лидеров. Россия недостаточно рационально использует имеющиеся инновационные возможности, хотя и входит в состав стран с эффективной инновационной экономикой, занимая 20-е место (для РФ $K_{инз} = 1,099$, что ниже значения страны-лидера (Китай) на 39 %; РФ имеет $I_{вир} = 0,279$ и $I_{риз} = 0,307$, уступая Китаю 17 и 34 % соответственно).

Весьма интересным является сопоставление результатов по трем показателям: ИВИР, ИРИЭ и КЭИЭ. Лидерство страны по показателю возможностей инновационного развития или по результативности их использования не обеспечивают высокой эффективности ее экономики. Так, например, наибольшей ресурсообеспеченностью инновационного развития обладает Великобритания ($I_{вир} = 0,573$), но используются эти ресурсы не эффективно: $K_{инз} = 0,811$. Китай занимает среднее положение по возможностям инновационного развития ($I_{вир} = 0,337$), отставая от Великобритании на 41 %, но при этом индексы результативности этих стран примерно одинаковы (соответственно 0,466 и 0,464). Однако Китай занимает лидирующее положение по КЭИЭ, опережая Германию – лидера по результативности инновационной экономики ($I_{риз}$ Германии равен 0,662 при $I_{вир} = 0,504$), почти на 5 %. США используют имеющийся достаточно высокий инновационный потенциал ($I_{вир} = 0,546$) с невысокой отдачей ($I_{риз} = 0,569$). Коэффициент инновационной эффективности экономики этой страны составляет 1,075, что даже ниже, чем у России.

По среднегрупповому значению КЭИЭ все рассмотренные модели являются эффективными ($K_{инз,ср} > 1$), но наиболее эффективной является восточноазиатская МИРЭС (ее $K_{инз,ср} = 1,174$, что при-

мерно на 11...12 % выше, чем у двух других МИРЭС).

Для того чтобы лучше понять, какой модели инновационного развития следует придерживаться России, построим аналитические диаграммы, сравнивая средние групповые значения по каждой МИРЭС со значениями соответствующих показателей по России.

Попарное сравнение многоугольников, отражающих общую ресурсообеспеченность и результативность России и каждой МИРЭС, представлено на рисунке.

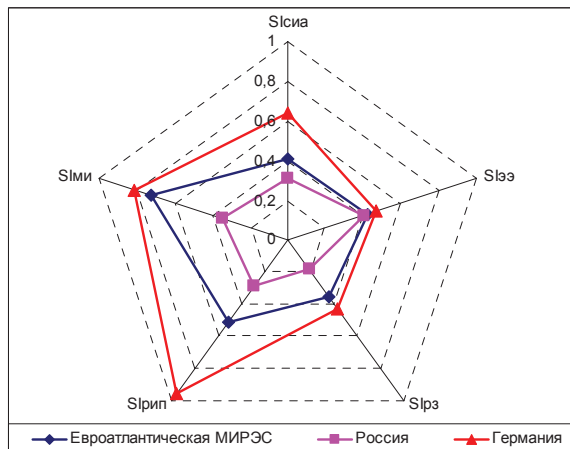
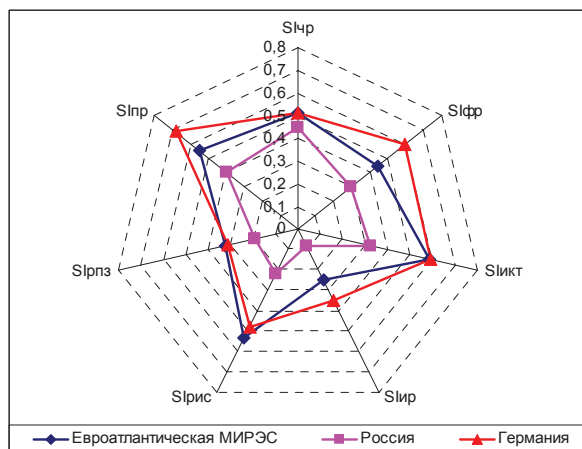
На рисунке, а, ресурсообеспеченность и результативность российской экономики сравнивается со среднегрупповыми значениями данных показателей инновационно развитых стран евроатлантической МИРЭС. Как видно из рисунка, Россия существенно отстает от этих стран в объеме ресурсных возможностей, необходимых для инновационного развития. Существенно меньшей является и площадь многоугольника результативности инновационной экономики России. Однако контуры многоугольников, характеризующих состояние российской экономики, практически повторяют контуры фигур для евроатлантической МИРЭС, только в уменьшенном виде. Следовательно, использование этой модели с учетом сегодняшнего состояния российской экономики невозможно, но с течением времени, после того, как России удастся увеличить свой ресурсный потенциал до уровня экономики развитых стран и повысить результативность их использования, евроатлантическая модель развития может стать реальностью.

В сравнении с восточноазиатской МИРЭС (рисунок, б) Россия также значительно отстает по обоим показателям, хотя и разрыв уже несколько меньше, чем в первом случае. А по показателю человеческих ресурсов Россия даже опережает среднегрупповые значения стран данной модели. Однако использование этой модели также является весьма затруднительным. Сравнение со среднегрупповыми значениями альтернативной МИРЭС (рисунок, в) позволяет сделать вывод о том, что на данный момент времени для России является оптимальным использование принципов этой модели инновационного развития, т. к. многоугольник ресурсообеспеченности сопоставим с аналогичным многоугольником этой модели.

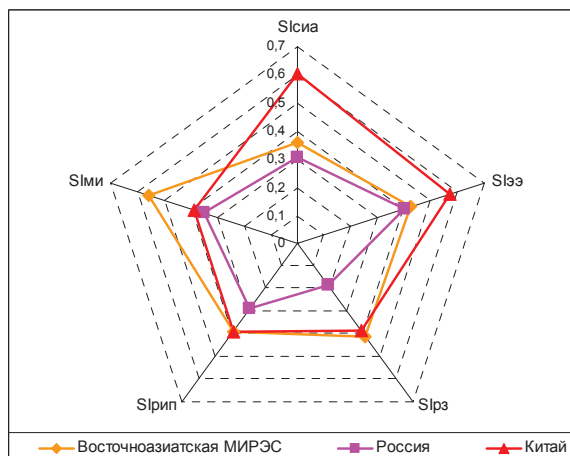
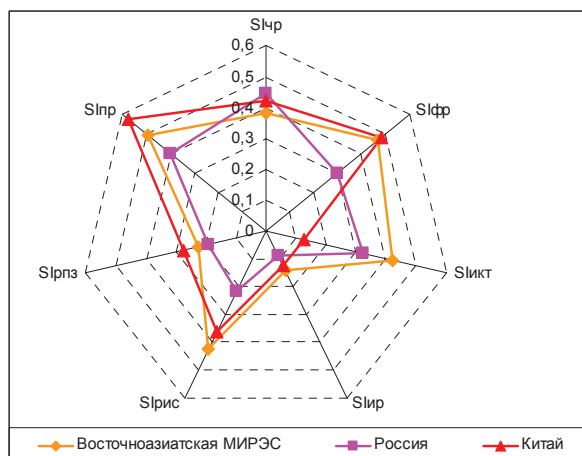
Однако при выборе модели инновационного развития следует учитывать и тот факт, что уровень развития регионов РФ не одинаков: одни регионы обладают всеми потенциальными и реальными возможностями для развития по традиционной модели, у других таких возможностей нет. Большинство регионов РФ являются реципиентами, у них отсутствует база фундаментальной и прикладной науки, и создать в них инновационные зоны с высокой результативностью вряд ли удастся. Кроме того, при выборе инновационной модели развития России необходимо учитывать территориальные масштабы страны, дифференцирован-

Ресурсные возможности
инновационного развития экономики

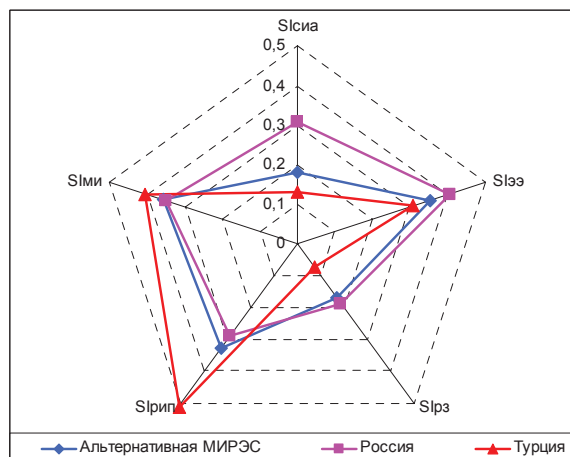
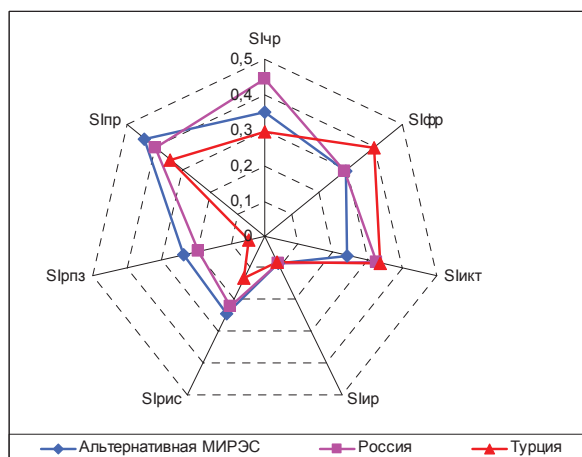
Результативность инновационной
экономики

a

б

в

Рисунок. Сравнение ресурсообеспеченности инновационного развития российской экономики и ее результативности с аналогичными показателями различных МИРЭС и лидирующими странами

ность ее финансовых, человеческих, образовательных и иных ресурсов, их размещение и плотность в зависимости от региона, а также многонациональный аспект культурного потенциала и многое другое.

Таким образом, более эффективным будет использование смешанной или дифференцированной модели инновационного развития с учетом разного уровня экономического, инновационного и многонационального потенциала ее регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Склярова Е.Е. Проблема выбора модели инновационного развития для современной России // Актуальные экономические и социополитические проблемы развития современного мира и России: Матер. V Междунар. научной конф. – Воронеж: ВГУ-МИКТ, 2011. – С. 89–93.
2. Склярова Е.Е. Основные модели инновационного развития экономических систем и роль МСП в их эффективности // Перспективы России в глобальном мире / под ред. С.С. Чернова. Кн. 1. – Новосибирск: Сибпринт, 2011. – 200 с.

Поступила 03.02.2012 г.

УДК 339.9

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В МЕЖОТРАСЛЕВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.И. Бородин, М.Н. Кочугуева

Высшая школа экономики, г. Москва

E-mail: aib-2004@yandex.ru

Раскрыты особенности и преимущества использования кластеров в контексте усиления региональной интеграции России. Определены факторы региональной экономики, которые способствуют росту эффективности кластеров и территории в целом на микро и макроуровне; обоснованы составляющие стратегии развития кластеров.

Ключевые слова:

Кластеры предприятий, территориальный маркетинг, потенциал региона, международная конкурентоспособность, инвестиции, государственно-частное партнерство, стратегия регионального развития.

Key words:

Clusters of enterprises, territorial marketing, potential of region, international competitiveness, investments, state-private partnership, strategy of regional development.

Кластерам в информационной экономике отводится роль связующего звена между государственным и частным капиталом, фундаментальными исследованиями и технологическими инновациями, которая была утрачена в странах бывшего СССР в связи с переходом от плановой к рыночной экономике.

Одним из преимуществ командно-административной системы хозяйствования был сбалансированный плановый подход к региональному социально-экономическому развитию регионов.

В рыночной экономике социальная сфера и экология остаются вне фокуса приоритетов крупного бизнеса, вследствие чего в большинстве отраслей сложилась тенденция к выкачиванию ресурсов из бизнеса. В таких условиях у государства отсутствуют рычаги влияния на стратегию развития частного бизнеса. Поэтому поиск мотивов к формированию отношений в рамках государственно-частного партнерства является актуальным аспектом регионального развития. В этом контексте кластерные образования позволяют достигать высокой эффективности промышленного и социально-экономического развития региона.

В настоящее время кластерная теория развития широко обсуждается в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирной торговой организации (ВТО), Евросоюза, США и России. Кластеры рассматриваются как ключевой инструмент привлечения прямых иностранных инвестиций, развития пятого и шестого технологических укладов в рамках национальной инновационной стратегии, повышения международной конкурентоспособности стран. Например, в ЕС формируется общеевропейская модель стимулирования роста кластеров за счет национального и регионального их финансирования, повышения степени кооперации между ними.

Идеи о преимуществах кластерной организации бизнеса возникли в конце XIX в. в работе Альфреда Маршала «Принципы экономики», где впервые было отмечено проявление стратегического эффекта, как следствия слияния и усиления специализации коммерческих структур.

Е. Дахмен (1950) на примере шведских корпораций показал инновационную динамику их развития за счет взаимной поддержки внутри кластеров («блоков развития»). Л.Г. Метсон (1987) иссле-

довал внутрикластерные взаимосвязи. М. Портер (1993) сопоставил конкурентоспособность кластеров и стран. М. Энрайт (1995) и С. Розенфельд (1996) разработали систему классификации кластеров [1].

Необходимость создания кластеров в экономике России не вызывает сомнений, что доказано работами ведущих ученых в этой области. Вместе с тем проблема участия России в различного рода интеграционных объединениях решается сегодня с отрывом от теории кластеров.

Цель работы – раскрыть особенности и преимущества использования кластеров в контексте усиления региональной интеграции России.

Результаты. Кластером считается группа территориально локализованных предприятий, ориентированных на комплексное удовлетворение спроса потребителей и повышение конкурентоспособности региона на мировом рынке.

Направления деятельности кластера могут принимать различные формы в зависимости от масштаба деятельности: от одного города до региона, объединяющего ряд стран; а также в зависимости от отраслевой специфики и охвата каналов сбыта, взаимодействия с кластером органов государственной власти, местного самоуправления, научно-исследовательских институтов.

В соответствии с этим в развитых и развивающихся странах различной является экономическая эффективность функционирования кластеров в связи с разной степенью интеграции его участников. Факторы, способствующие росту эффективности кластеров:

- производство конечного или промежуточного продукта (добыча и обработка сырья, полуфабрикаты, машины и агрегаты);
- вовлечение в кластер производителей узкоспециализированного оборудования и оказание деловых услуг специфического характера;
- наличие в регионе финансовых институтов и доступность финансовых средств;
- взаимодействие с отраслями сопутствующих продуктов и видов деятельности;
- обратная связь с потребителями, наличие разветвленной сбытовой сети, устоявшихся каналов сбыта;
- наличие технологий и производств по утилизации и переработке отходов и побочных продуктов;
- развитие соответствующих видов инфраструктуры (рыночной, производственной, транспортной);
- уровень региональной подготовки кадров в системе общего и специального образования, службы повышения квалификации персонала;
- региональные и отраслевые научные центры, обеспечивающие поступление информации, проведение научных исследований, консультирование и техническую поддержку;
- центры стандартизации и сертификации продукции, а также другие правительственные

агентства, которые могут входить в состав кластеров, тем самым повышая его значимость в контексте государственно-частного партнерства;

- стратегические альянсы и другие формы государственной кооперации в производственной и торговой сферах деятельности кластера, которые в ассоциативной форме поддерживают деятельность его членов.

Рассмотрение экономики с позиции кластеров имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным группированием по отраслевому признаку или видам производственной деятельности.

Во-первых, кластеризация экономики не противоречит теории конкуренции, в соответствии с которой каждый участник кластера приобретает собственные конкурентные преимущества, что не вступает в противоречие с отраслевым подходом, в котором внутриотраслевая конкуренция игнорируется или приобретает характер монопольного соглашения.

Во-вторых, внутри кластера производственные (коммерческие) связи достигают более высокой степени эффективности за счет скорости и своевременности движения информации о технологических особенностях, удовлетворении требований потребителей, удачных маркетинговых решениях, проблемных контрагентах. Также в кластерах высоко выражена индивидуальная адаптация, которая проявляется в минимизации конкуренции при ориентации на конкретные сегменты и ниши рынка. В конечном итоге, за счет данной особенности кластеры существенно повышают внутреннюю производительность труда, эффективность привлечения и использования инноваций, в т. ч. в контексте местного регионального развития, а также повышения международной конкурентоспособности региона.

В-третьих, общность условий регионального развития и условий международной конкуренции, угроз и возможностей для роста позволяют участникам кластера формировать подобные стратегии развития с учетом кооперации действий и обеспечивать взаимодействие компаний внутри и за пределами кластера, с государственными структурами и другими институтами рыночной инфраструктуры. Подобное взаимодействие выгодно отражается на участниках кластера за счет совместного использования инфраструктуры и результатов от внедрения государственных и частных инвестиций, направленных в соответствующий регион.

В-четвертых, выделение кластеров в структуре промышленности позволяет снизить уровень коррупции – заказное лоббирование отраслей, льготное субсидирование и снижение налогового давления. Отсутствует нерациональное распределение инвестиций и целевое финансирование, которое может деформировать сложившуюся структуру рынка.

В-пятых, отсутствие непосредственного соперничества участников кластера друг с другом не ос-

лабляет его перед внешними конкурентами, снижая интенсивность производства и деловую активность; предприятия не боятся ослабить друг друга и усилить конкурентов.

В конечном итоге, развитие промышленности с учетом теории кластеров позволяет увеличить приток капиталов и технологий, прямых инвестиций, которые привносят в регион кроме финансовых средств и новые технологии, и интеллектуальные ресурсы, и управленческие навыки, и всемирно известные торговые марки. Региональная конкуренция стимулирует рост международной конкурентоспособности кластеров, в отличие от отраслевого подхода, который деформирует конкурентные отношения.

Различают два основных вида кластеров:

- «горизонтально интегрированные» – образуются за счет объединения малых и средних предприятий (итальянская модель);
- «вертикально интегрированные» – образуются за счет объединения малых и средних предприятий вокруг крупных промышленных структур (скандинавская модель).

Производственно-коммерческие связи оказывают стимулирующий эффект для разработки различных типов инноваций и внедрения наиболее эффективных технологий и позволяют существенно улучшить результаты экономической деятельности. Это способствует интенсификации информационного обмена и продвижению новых продуктов распространителям и конечным потребителям. Усиление взаимозависимости членов кластера позволяет выявить новые возможности конкурентных преимуществ. Кластеризация позволяет предприятиям-участникам за счет развития партнерского взаимодействия и учета интересов друг друга уйти от инерции, концентрации на внутренних задачах, и тем самым существенно повысить свою конкурентоспособность и оказать позитивное воздействие на их поступательное развитие.

Таким образом, кластер – это сообщество экономически тесно связанных и близко расположенных фирм смежного профиля, взаимно способствующих общему развитию и росту конкурентоспособности друг друга. Преимущественно это неформальные объединения крупных лидирующих фирм с множеством средних и малых предприятий, создателей технологий, ориентирующихся на сходные потребительские сегменты в рамках единой цепи продвижения продукта, сосредоточенных на ограниченной территории и осуществляющих совместную деятельность в процессе производства и поставки определенного типа продуктов и услуг. Роль крупного бизнеса в процессе образования кластеров заключается в привлечении малых и средних предприятий для налаживания производства на основе тесной кооперации и субконтрактных связей при активном деловом и информационном взаимодействии. Это способствует развитию всех участников кластера и обеспечивает им конкурентные преимущества по сравнению с

другими обособленными предприятиями, не имеющими столь крепких взаимосвязей.

Развитие кластеров позволяет национальным экономикам развивать и поддерживать свое конкурентное преимущество, ориентируясь в конкуренции на страны, развитые в социально-экономическом и технологическом плане. Члены кластера осуществляют инвестиции в специализированные исследования, в развитие родственных технологий, в информацию, в развитие инфраструктуры и в человеческие ресурсы, что проявляется в синергетическом эффекте и позволяет малому предпринимательству выстоять в обостренной конкурентной борьбе на глобальном рынке. В рамках государства кластеры выполняют роль точек роста внутреннего рынка и обеспечивают продвижение производимых ими товаров и услуг на международные рынки. Это способствует повышению международной конкурентоспособности страны в целом благодаря ряду преимуществ, присущих кластерной форме взаимодействия крупных, средних и малых предприятий по всем направлениям деловых связей. Являясь точками экономического роста, кластеры становятся объектом крупных капиталовложений, на которых сосредоточено пристальное внимание правительства и местных администраций.

Кластеры имеют повышенный экономический и инновационный потенциал. Это объясняется трансфером технологий и продуктов, обладающих высокой ценностью для целевого рынка, и наличием других конкурентных преимуществ по отношению к предприятиям-смежникам, что заставляет поднимать качество поставляемых ими полуфабрикатов и этим повысить конкурентоспособность. Обостренная конкуренция предприятий-членов кластера на всех типах рынка (как внутренних, так и внешних) приводит к существенной экспансии. Фирмы кластера благодаря тесному взаимодействию становятся носителями одной и той же коммерческой идеи, обеспечивающей преимущественное положение на внутренних и внешних рынках. Это, например, повышение использования знаний или создание новых сетей сотрудничества внутри кластеров с целью повышения конкурентоспособности и освоения новых рыночных ниш.

Особое значение кластерный подход имеет для малых предприятий. Некоторые эксперты рассматривают его в качестве эффективного метода, позволяющего в глобальной экономике выжить малым формам предприятий [2].

Конкурентные преимущества кластеров в контексте их региональной интеграции зависят от вектора движения информации, степени свободы ее обмена, готовности совместно внедрять в практическую деятельность достигнутые коллективные решения, которые соответствуют интересам кластера.

В условиях информационной экономики региональная структура кластера приобретает особое значение. Не все кластеры могут реализовать кон-

курентные преимущества, основанные на концентрации деятельности и ресурсов. Так, кластерные объединения в формирующихся экономиках объединяют меньшее число предприятий по сравнению с кластерами, образующимися в экономически развитых странах, и характеризуются другой социальной структурой, но рассматриваются как один из важнейших путей социально-экономического развития.

Стратегия развития кластеров высоких технологий предполагает освоение новых подходов в различных сферах экономики: науки и технологии, образования и профессиональной подготовки/переподготовки кадров, содействия экспорту продукции и привлечения инвестиций. На уровне социально-экономического развития региона существенное влияние оказывают местные и национальные органы власти, хотя региональная составляющая кластера всегда является доминирующей. В отдельных случаях влияние правительства иногда пересекает государственные границы, когда кластер охватывает ряд соседних стран, и они формируют согласованную региональную политику.

На микроэкономическом уровне региональной интеграции теория кластеров показывает, что при выборе места расположения необходимо ориентироваться на уровень доходов и расходов, а также учитывать общий потенциал кластера в области системной эффективности (синергии).

Степень успешности стратегии региональной интеграции кластеров будет зависеть от взаимодействия ряда факторов:

- признания прогрессивной роли кластеров в развитии региональной экономики и выделения их в качестве субъектов экономических отношений;
- формализации государственной политики в отношении кластеров (процедура инициации, законы и подзаконные акты);
- концепции долгосрочного видения и роли кластеров (стратегия, программы, мотивация, контроль, место в стратегии социально-экономического и научно-технического развития региона);
- поддержки со стороны государства кластерных инициатив (особенно на стадии формирования кластера);
- активного использования государственного заказа как инструмента первичной поддержки кластеров и формирования стратегического направления его развития в контексте развития новых технологий;
- развитой научно-образовательной базы;
- инновационной рыночной инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, технологических и научных парков, институтов венчурного инвестирования, налоговых оффшоров и других специальных экономических зон);
- активной маркетинговой политики государственных и региональных органов власти, общественных (международных) организаций, направленной на презентацию и продвижение кластеров на мировом рынке;
- обеспечения свободного доступа участников кластера к стратегической и маркетинговой информации.

Доказано, что кластеры являются одним из эффективных методов регионального развития, которые преодолевают ряд недостатков, свойственных информационной экономике, что особенно актуально для современного этапа развития России в этом направлении.

Во-первых, информационная экономика не может обеспечить такую высокую эффективность функционирования промышленных предприятий, в которой остро нуждается Россия, в части развития социальной и производственной инфраструктуры, фундаментальных исследований, проведения прикладных исследований, организации опытных производств.

Во-вторых, возможности плановой экономики относительно формирования территориально-производственных комплексов и научно-производственных объединений существенно превышают готовность коммерческих предприятий нести затраты по широкомасштабной организации НИОКР и внедрению их результатов в производство. Напротив, в рамках кластера совокупность малых и средних предприятий в состоянии взять на себя его инновационное развитие в «подсобках или гаражах», как это было в момент становления кластеров высоких технологий в США и ЕС, и обеспечить в развивающихся странах формирование новых высокотехнологичных производств.

В современном мире высоких технологий кластерам отводится важнейшая роль. Благодаря развитию новых кластеров и государственной поддержке существующих технологически развитые страны постоянно повышают свою международную конкурентоспособность и общий жизненный уровень населения. Складывается тенденция вывода в третьи страны всех видов производств, за исключением связанных кластерами. Последние демонстрируют такую эффективность функционирования, которая превышает экономию от перемещения производства: Силиконовая долина и Детройт в США, телекоммуникации в Финляндии, виноделие в Португалии, индустрия моды в Италии.

Кластеризация промышленности способствует:

- формированию эффективных методов взаимодействия государства и бизнеса, ориентированных на установление государственно-частного партнерства;
- усилению действия мультипликативного эффекта, который проявляется в увеличении оборачиваемости инвестиций, в росте прибыльности и конкурентоспособности региона;
- превращению науки и образования из дотационной социальной сферы в высокодоходные виды деятельности;

- повышению степени интеграции региональных кластерных образований в глобальную систему мирового партнерства;
- усилению независимости региона от экономических колебаний за его пределами;
- стимулированию развития малого и среднего бизнеса в регионе;
- увеличению количества предприятий-участников того или иного кластера, увеличению занятости населения региона, росту заработной платы и отчислений в бюджеты разных уровней;
- росту покупательной способности населения и росту емкости региональных товарных рынков, повышению инвестиционной привлекательности регионов;
- формированию экономических предпосылок для перехода от политики страны усредненного инвестирования промышленности к политике поддержания и стимулирования регионов-«локомотивов роста», которые за счет целевых вложений в формирование кластеров смогут показать устойчивую динамику развития регионов;
- проявлению эффекта масштаба и эффекта агломерации, которые в созданных кластерах способствуют развитию регионов, а такие регионы-«локомотивы роста» создают импульсы для развития соседних регионов.

В основе кластеризации региона лежит модернизационный процесс, базирующийся на инновациях. Структурно он охватывает технические, технологические, организационно-управленческие и институциональные нововведения. Вследствие этого кластеры могут иметь различную направленность — инновационную, промышленную, рекреационную, финансовую, сельскохозяйственную, те-

лекоммуникационную, строительную, портово-рыболовную, а также дополняться активной логистической и маркетинговой деятельностью.

Таким образом, одним из основных факторов, обеспечивающих эффективное развитие промышленности России, может выступать кластерный подход как основа региональной интеграции.

Выводы

Преимущества формирования кластеров как основного элемента реформирования промышленной политики России многообразны. Усиливается концентрация научного и производственного потенциала, свойственная плановой экономике, при сохранении внутрикластерной конкуренции, дополненной международным разделением труда, специализацией предприятий региона, установлением кооперационных связей, существенно увеличивая международную конкурентоспособность регионов, характерных рыночной системе. Именно представленная комбинация отражает специфику кластерного подхода.

В результате реализации кластерной политики формируется четкое видение о сильных и слабых сторонах промышленного развития, усиливается продуктивность партнерского диалога, диверсифицируется региональная экономика. Все это приводит к росту числа налогоплательщиков, и как следствие налогооблагаемой базы, снижению зависимости бюджетов от отдельных бизнес-групп.

Кластерный подход стимулирует развитие бизнеса: более полно используя кадровый потенциал и инфраструктуру территории, открывая доступ к исследованиям и рекомендациям научных центров, результатом чего является снижение издержек, обеспечение выхода на новые рынки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Welford R. Environmental Strategy and sustainable Development. The corporate challenge for 21st century. — London-N.Y.: Routledge, 1995. — 356 p.
2. Бильчак В.С., Бородин А.И. Формирование устойчивого развития предприятия региона: механизмы, методы, управление (эколого-экономический аспект). — Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. — 185 с.

Поступила 30.01.2012 г.

УДК 334.726

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА

Н.Н. Густап

Томский политехнический университет
Институт физики прочности и материаловедения СО РАН, г. Томск
E-mail: gustap@mail.ru

Дано понятие технологической платформы, изучена история возникновения Европейских технологических платформ, описан процесс формирования первой Европейской технологической платформы и причины ее создания, описаны принципы формирования Европейских технологических платформ, дана характеристика Европейских технологических платформ и их жизненного цикла.

Ключевые слова:

Технологическая платформа, рамочная программа, Евросоюз, стратегическая программа исследований.

Key words:

Technologic platform, framework program, European Union, strategic research agenda.

С целью углубления экономической интеграции в 1957 г. ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Италия учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок; ЕЕС – European Economic Community) и Евратом – Европейское сообщество по атомной энергии (European Atomic Energy Community – Euratom). Изначально ЕЭС был создан как таможенный союз шести государств, призванный обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капиталов и людей. Евратом должен был способствовать объединению мирных ядерных ресурсов этих государств. Самое важное из этих трех европейских сообществ – Европейское экономическое сообщество – позднее, в 1990-е гг., стало именоваться просто Европейским сообществом (European Community – ЕС).

Научно-техническая политика ЕС в её сегодняшнем виде сформировалась в середине 1980-х гг., когда сообщество стало на регулярной основе принимать четырехлетние программы научно-технического развития (Framework Programmes for Research and Technological Development).

Первая рамочная программа была одобрена 25 июля 1983 г. Она действовала в течение 1984–1987 гг., на её реализацию из бюджета ЕС было выделено 4,269 млрд экю. С тех пор рамочные программы стали главным инструментом научно-технической политики ЕС. В них намечаются цели научно-технического сотрудничества государств-членов на заданный период, определяются тематические приоритеты, размер и формы финансового участия ЕС в научно-технических проектах [1].

Бюджет VI рамочной программы на 2002–2006 гг. составлял 17,5 млрд евро, что на 17 % превышает бюджет предыдущей рамочной программы.

Европейский совет 18 декабря 2006 г. утвердил VII рамочную программу научных исследований и технологического развития ЕС на 2007–2013 гг. и правила участия в ней. Программа стартовала 1 января 2007 г. Нацеленная на поддержку и развитие науки и исследований в едином пространстве

стран – членов Евросоюза, программа с общим объемом финансирования 54582 млрд евро объединяет все исследовательские инициативы Евросоюза и ставит задачу повышения конкурентоспособности европейских исследований, образовательной и инновационной сфер. Кроме того, она является основным инструментом финансирования научных исследований и технологических разработок на период с 2007 по 2013 гг., а также одним из важнейших элементов реализации Лиссабонского договора по развитию и конкурентоспособности. Эта программа направлена на построение европейской зоны исследований на базе достижений предыдущих рамочных программ, а также на продолжение исследований в интересах развития экономики и общества в Европе.

Основной особенностью VII рамочной программы является создание технологических платформ на основе определенных тематических приоритетов. Технологическая платформа – коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов/услуг, на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, государства, гражданского общества), совершенствования нормативно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития [2].

Однако технологические платформы появились намного раньше. Процесс формирования Европейских технологических платформ (ЕТП) начался в 2001 г., когда было признано необходимым не только добиваться увеличения инвестиций в НИОКР, но и обеспечить их координацию на общеевропейском, национальном и региональном уровнях. Одним из инструментов такой координации и стали ЕТП, призванные объединить усилия ключевых промышленных игроков, представителей среднего и малого бизнеса, финансовых структур, различных органов власти на национальном

и региональном уровнях, научного сообщества, университетов, неправительственных организаций и гражданского общества [3].

Первая платформа получила название Консультативный совет по авиационным исследованиям (Advisory Council for Aeronautics Research in Europe, ACARE). Ее создание стало логичным результатом длительного процесса выстраивания кооперации, возникшей в ходе разработки самолета Airbus A380, между корпорацией «Airbus», другими промышленными компаниями и исследовательскими европейскими центрами.

Подготовка к созданию этого сверхпассажирского самолета началась в «Airbus» еще летом 1988 г. Компания хотела преодолеть доминирование «The Boeing Company» (американская корпорация – производитель авиационной техники) в этом сегменте рынка. В 1990 г. был дан официальный старт разработке нового самолета с заявленной целью снижения эксплуатационных расходов на 15 % по сравнению с Boeing 747-400. А 19 декабря 2000 г. была запущена окончательная программа создания нового самолета.

Решимость «Airbus» приступить к созданию нового самолета основывалась, в том числе и на том, что это стало задачей всего Евросоюза, последовательно включавшего исследования в области авиации в свои рамочные программы научных исследований.

Однако достигнутого компанией «Airbus» и рамочными программами уровня сотрудничества между различными компаниями и научными учреждениями оказалось недостаточно для решения столь масштабной задачи. Нужны были новые механизмы кооперации, которые бы подключили к работе национальные правительства и национальные научные и образовательные учреждения.

Вот почему в конце 2000 г. группа ведущих специалистов Евросоюза предложила создать первую

технологическую платформу – ACARE. В ее состав вошли представители 24 государств Евросоюза, Еврокомиссии, промышленности, авиакомпаний, исследовательских центров, университетов.

Уже на первом этапе своей деятельности ACARE успел внести весомый вклад в создание нескольких важнейших авиационных разработок, таких как тот же Airbus A380, самолет Falcon 7X и вертолет Eurocopter 175. В настоящее время ACARE подготовил программу развития авиации до 2050 г. «Траектория полета-2050» (Flightpath 2050).

Первым масштабным интеллектуальным продуктом, подготовленным ACARE, стал стратегический план исследований – создание таких планов на начальной стадии развития затем было признано обязательным условием и для остальных европейских техплатформ. А поскольку предложения технологических платформ разрабатываются при активном участии структур Евросоюза, финансирование немалой их части плавно перетекает в текущую рамочную программу, где предусмотрены бюджетные статьи по доконкурентным исследованиям. Таким образом, Евросоюз нашел способ вернуть свою программу научных исследований в сторону интересов не только научного сообщества, но и промышленности.

Всего к настоящему времени принято 38 ЕТП (некоторые из них впоследствии перешли на более высокий уровень – совместных технологических инициатив). Пик активности в формировании ЕТП пришелся на 2003–2006 гг., когда было принято 34 платформы, рисунок [4].

Технологические платформы ориентированы на технологическую модернизацию экономики, повышение конкурентоспособности отдельных отраслей, эффективности и снижения ресурсоемкости сырьевых секторов, решение значимых социальных проблем (здоровье, безопасность, экология, образо-

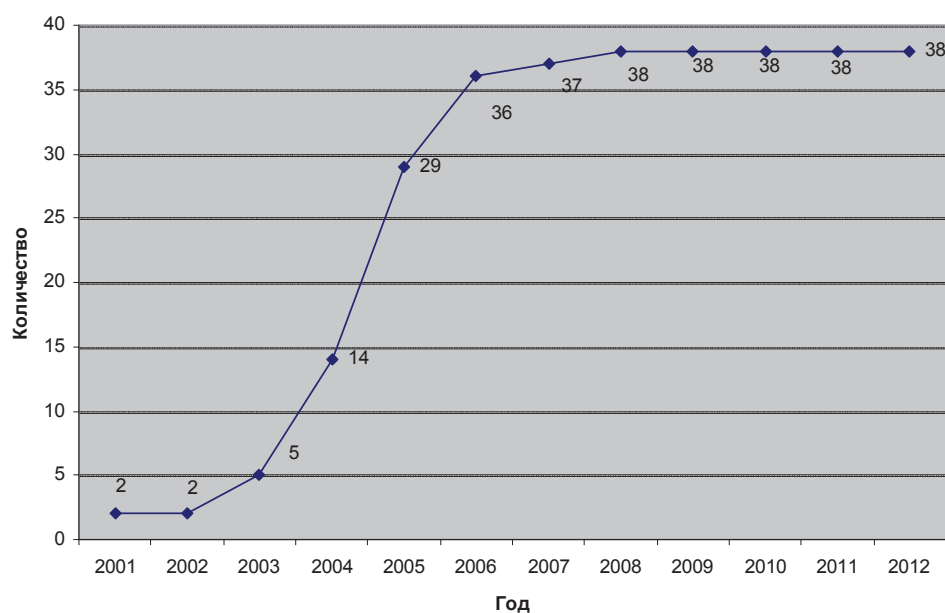

Рисунок. Динамика роста принятых ЕТП

вание, культура), а также на стимулирование развития новых рынков высокотехнологичной продукции и соответственно новых компаний в этих сферах.

Важнейшая характеристика всех европейских техплатформ такова, что сам процесс их создания инициируется «снизу вверх» («*bottom-up*» process), и все ЕТП являются добровольными самоорганизующимися объединениями заинтересованных сторон, образующих что-то вроде расширенного консультативного совета. Как правило, в роли ключевых инициаторов создания и координаторов последующей работы выступают крупнейшие промышленные компании и отраслевые объединения [5].

При формировании новых техплатформ их инициаторы руководствуются несколькими базовыми принципами. *Во-первых*, платформы должны представлять стратегический интерес для всей Европы. *Во-вторых*, для их реализации необходим интенсивный НИОКР, в свою очередь требующий межгосударственной финансовой поддержки и привлечения серьезных частных инвестиций. *В-третьих*, должен быть достигнут четкий предварительный консенсус внутри промышленного и исследовательского сообществ, вовлеченных в разработку и коммерциализацию новых технологий, а также проявлена готовность этих сообществ активно инвестировать собственные средства. *В-четвертых*, каждая ЕТП имеет свои характеристики, историю происхождения и операционную модель. Соответственно ЕТП должны иметь свободу в выборе своей организационной структуры. *И, наконец*, ТП должны быть изначально открытыми для всех потенциально заинтересованных участников (как в плане нового членства, так и с точки зрения информационной доступности) [6].

Каждая ЕТП индивидуальна в плане создания и используемых подходов к работе. Тем не менее, как показывает опыт их деятельности, все они следуют трехфазному процессу, а успешное окончание каждой фазы является необходимым условием реализации следующей.

Этап 1. Создание платформы

Участники ТП объединяются для того, чтобы согласовать общее долгосрочное (на 20–30 лет) видение для данного технологического сектора. Основной результирующий документ для этой фазы – стратегическое видение (*strategic vision document*), в котором описывается стратегическая важность данной технологии, а также средне- и долгосрочные цели конкретной ЕТП.

Этап 2. Разработка Стратегической программы исследований – «Strategic Research Agenda»

Данный этап включает:

- определение средне- и долгосрочных приоритетов в проведении исследований и разработок, основных потенциальных участников;
- выстраивание научной кооперации, научно-производственных цепочек, определение возможных консорциумов;

- оценка объема необходимого финансирования исследований и разработок;
- оценка необходимых направлений развития научной инфраструктуры;
- формирование программ обучения;
- определение направлений и принципов развития стандартов, системы сертификации.

В рамках данного этапа разрабатывается дорожная карта исследований и разработок для достижения поставленных на первом этапе стратегических целей.

Этап 3. Внедрение стратегического плана исследований – «Implementation of the Strategic Research Agenda»

Обычно в рамках данного этапа предполагается генерация постоянно меняющегося портфеля программ и проектов с различным финансированием, исследовательскими группами и бенефициарами, подчиненная достижению поставленных стратегических задач с учетом временных, ресурсных рамок, имеющегося научно-технического потенциала, а также создание организационной структуры, обеспечивающей необходимые условия реализации взаимодействия между предприятиями, научными и образовательными организациями [7].

В 2006 г., рассмотрев работу технологических платформ, Европейская комиссия приняла решение о создании нового института – Объединенных технологических инициатив. Каждая инициатива объединяет несколько технологических платформ, которые достигли таких масштабов и такого охвата, что требуют особой мобилизации государственных и частных инвестиций, а также большого объема фундаментальных исследований, когда рамочной программы научных исследований уже недостаточно.

Таким образом, механизм технологической платформы призван решить проблему источников ресурсов для проведения научных исследований и продвижения инноваций, создавая точки соприкосновения инновационной активности государства и бизнеса, и при этом дающий возможность наблюдать конечный результат деятельности инноваторов. Пример Евросоюза в общем и целом является руководством к действию и для Российской Федерации. В нашей стране технологические платформы постепенно становятся наиболее используемым инструментом создания и вывода на рынок инновационных продуктов. Развитие европейских технологических платформ прошло несколько стадий: создание платформ, их развитие, создание совместных технологических инициатив; в результате этого процесса они превратились из инструмента технологического развития в инструмент глобального социального планирования. Россия находится на первой стадии создания платформ, в настоящее время на этом пути для нас наиболее актуальны вопросы становления частно-государственного партнерства как в плане законодательных основ, так и в части вывода инновационных разработок на рынок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История европейского союза. Википедия. 2012. URL: ru.wikipedia.org/wiki/История_Европейского_союза (дата обращения: 25.02.2012).
2. Сендецкий В. Россия и технологические платформы Евросоюза. ЕС: международная организация или сверхдержава? // Лес-ПромИнформ. – 2009. – № 2 (60). – С. 3–9.
3. Сапрыкин И. Куда вписать технологические платформы // Независимая Россия. – 2011. – № 2. – С. 55–60.
4. Понарина Е. Не слепок, но похоже. В России начинают создавать новые формы ответственного взаимодействия науки, высшей школы и промышленности // Поиск. – 2011. – № 4. – С. 48–53.
5. Лукша О.П. Европейские технологические платформы: возможности использования европейского опыта для создания нового инструмента содействия инновационному развитию российской экономики // Инновации. – 2010. – № 9 (143). – С. 43–46.
6. Механик А., Оганесян Т. Кто поедет на платформе // Эксперт. – 2011. – № 37 (768). – С. 16–19.
7. Применение технологических платформ в России // Федеральный портал protown.ru. 2011. URL: <http://protown.ru/information/hidden/4502.html> (дата обращения: 25.02.2012).

Поступила 06.03.2012 г.

УДК 334.758.2

БОРЬБА С РЕЙДЕРСТВОМ КАК НЕФОРМАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ

Е.А. Таран

Томский политехнический университет
E-mail: ektaran@tpu.ru

Исследован неформальный институт передела собственности – рейдерство. Показано современное состояние данного явления. Определены основные методы борьбы с рейдерством на макро- и микроуровне.

Ключевые слова:

Рейдерство, неформальный институт, передел собственности, законодательство, государственная политика, защита предприятия.

Key words:

Raid, informal institute, property repartition, legislation, state policy, protection of an enterprise.

Очевидно, что переход от командно-административной экономики к рыночной в России определялся рядом специфических черт, одной из которых стало неполноценное формирование института частной собственности. Более того, существование этого института, не предполагающегося в социалистической экономике, является базой для функционирования законов рынка. Поэтому одним из важнейших результатов изменения национальной экономической модели должно быть полное формирование института частной собственности, что, к сожалению, до сих пор не достигнуто. Неуверенность и неопределенность в макроэкономической политике государства по вопросам защиты прав собственности приводят к развитию как формальных, так и неформальных институтов передела собственности. Причем доминирование одних над другими определяется институциональными условиями, сложившимися в данной экономической системе. Так, например, во всем цивилизованном мире при распределении прав собственности в большей степени преобладают формальные институты. Однако в России такие явления как институциональная незрелость перераспределения прав собственности, своеобразность экономического развития, особенности национального менталитета, отсутствие регулярной рыночной оценки ликвидных активов предприятий, низкая инфор-

мационная транспарентность российских предприятий и другие факторы обусловили гипертрофированную роль такого неформального института передела собственности, как рейдерство.

На современном этапе экономического развития, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны государства, рейдерство остается одной из наиболее актуальных и противоречивых российских проблем. Данный неформальный институт передела собственности выступает своеобразным метастазом, который охватил всю социально-экономическую систему. Рейдерство снижает инвестиционную привлекательность российской экономики, препятствует развитию отраслей экономики. Это явление порождает глобальные угрозы безопасности. Прежде всего, рейдерство разрушает информационную безопасность страны. В условиях, когда любая конфиденциальная бизнес-информация становится объектом купли-продажи, расширяется поле возможностей для промышленного шпионажа. Особенно беспокоит эта тенденция в ситуации, когда предметом рейдерства становятся стратегические для страны предприятия.

Не вызывает сомнений, что рейдерство весьма серьезно мешает развиваться российскому бизнесу. Оно блокирует развитие цивилизованной конкуренции, подрывает фундамент рыночной экономики – отношения собственности. Масштабы рей-

дерства грозят торможением экономического роста. Кроме того, действия рейдеров напрямую мешают выполнению государственных экономических программ, в которых участвуют захватываемые (и, соответственно, дезорганизуемые) предприятия.

Существенную роль в развитии российского рейдерства играет и специфика развития экономики, и особенности национального менталитета. Более подробно факторы, способствующие генезису российского рейдерства, были рассмотрены в работе Ю.С. Нехорошева, Е.А. Таран «Рейдерство как неформальный институт передела собственности» [1].

В российских условиях рейдерство приводит к множеству негативных последствий, остро проявляющихся в краткосрочном периоде. Это обуславливает необходимость эффективного противодействия рейдерству как на микро- так и на макроуровне. При этом особенности российской институциональной среды «блокируют» возможность эффективного использования решений, зарекомендовавших себя в других странах, и диктуют необходимость выработки политики, учитывающей российскую специфику.

В последнее время со стороны государства предпринимаются активные действия для борьбы с рейдерством. Так, например, в июле 2010 г. вступили в силу изменения в Уголовный кодекс РФ, определяющие само понятие «рейдерство» и ужесточающие наказания за совершение преступлений в данной сфере. Однако, не смотря на все предпринимаемые государственными органами усилия, количество рейдерских захватов в России увеличивается с каждым годом. Так, согласно статистическим данным Следственного комитета Российской Федерации, если в 2010 г. было получено всего 69 сообщений о рейдерских захватах, то в 2011 г. – заявлений было почти 400. При этом количество уголовных дел также увеличилось в три раза: с 82 в 2010 г. до 251 в 2011 г. [2]. По словам председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А.И., данная тенденция наблюдается и в 2012 г. Так, за 5 месяцев текущего года в производстве комитета находилось уже 156 уголовных дел о рейдерских захватах предприятий, что в 1,5 раза превышает число дел за этот же период 2011 г. [3].

Принятие «антирейдерских поправок» позволило предотвращать рейдерские налеты на объекты бизнеса и на сами предприятия еще на начальном этапе. Но сами рейдеры не стоят на месте и постоянно развиваются, становятся юридически образованными, более тщательно продумывают свои атаки на предприятия.

Основной стратегической целью на макроуровне должно стать формирование благоприятных условий для трансформации «белого» рейдерства в иную инвестиционную активность, необходимую для экономического развития. Параллельно необходимо принятие мер по искоренению неза-

конного рейдерства. Достижение указанной цели возможно путем решения следующих основных задач: коррекция мотивов к рейдерству путем создания условий для падения инвестиционной привлекательности захватов и поддержания на высоком уровне привлекательности альтернативных видов инвестиционной активности; создание эффективных механизмов управления конфликтами, вызванными деятельностью захватчиков и преодоления последствий рейдерства.

Более того, проблема рейдерства не является исключительно правовой и не может быть ликвидирована исключительно административными методами. Только комплекс мероприятий, включающий обширную профилактическую систему действий, даст желаемый результат. И здесь большая роль отводится действиям самого предприятия. Проведенное исследование российского корпоративного рынка позволяет выделить следующие основные точки уязвимости предприятий:

- соответствие предприятия стратегическим целям рейдера;
- наличие внутрикорпоративного конфликта;
- присутствие у предприятия привлекательных недооцененных активов;
- явно недоиспользуемый долговой потенциал предприятия;
- игнорирование прав и интересов миноритарных акционеров;
- существование неподконтрольной кредиторской задолженности.

Для осуществления борьбы с таким неформальным институтом передела собственности как рейдерство владельцам предприятий необходимо проводить предупреждающие меры, направленные на снижение привлекательности данного предприятия для захвата, а именно:

- Соблюдать все нормы российского законодательства. Ведение надлежащего бухгалтерского учета и делопроизводства, соблюдение техники безопасности на предприятии и правил хранения документации. Данная мера позволит предприятию обратиться за защитой своих прав в компетентные органы. Если бизнес ведется незаконно, то ни о какой добросовестной и качественной защите, по понятным причинам, говорить не приходится. Кроме того, в случае обращения в суд, у предприятия на руках будут все необходимые правоустанавливающие документы.
- Иметь грамотную юридическую и финансовую службу на предприятии. Данные службы должны осуществлять постоянный контроль за текущей и просроченной кредиторской задолженностью, предоставление руководству еженедельной отчетности о состоянии уплаты задолженности, о возникающих при этом проблемах, необходимо выявление рисков банкротства и выработка мер по их предотвращению.
- Защищать информацию и документы предприятия. В случае рейдерского захвата очень боль-

шое значение имеет даже не имущество компании или ее финансовые средства, а информация и документы: учредительные документы, внутренняя документация, финансовые документы, кадровая документация, гражданско-правовые договоры, клиентская база данных, рабочая информация на внутренних серверах фирмы или на компьютерах сотрудников компании. Если данная информация защищена, то захват будет существенно затруднен.

- Консолидировать пакет акций. Рейдерство является реальной угрозой для многих преуспевающих предприятий, а особенно для тех предприятий, которые имеют в собственности большие активы. Зачастую объектом внимания рейдеров становятся предприятия, где пакет акций распылен между большим количеством мелких акционеров.
- Не допускать просрочки исполнения обязательств. Следует держать все расчеты под контролем таким образом, чтобы сумма средств по финансовым обязательствам в случае их скупки не могла привести к переходу права управления предприятием к рейдеру.

Выстраивание защиты по основным точкам вивитивности будет способствовать более успешной защите предприятия. Если рейдерский захват в отношении предприятия уже осуществляется, то борьба должна проводиться с применением следующих защитных мер.

Во-первых, защита своих прав в соответствующих государственных структурах: налоговых органах, МВД, прокуратуре, суде, антикоррупционном комитете и т. п. Данные органы имеют все возможности для борьбы с рейдерским захватом. В этом, собственно, состоит одна из функций вышеперечисленных структур. Именно поэтому нужно активно заявлять о нарушении своих прав и бороться с рейдерами на уровне государственных органов.

Во-вторых, обращение к компетентным специалистам, так называемым «антирейдерам». Как правило, антирейдеры – это специалисты, которые имеют опыт проведения рейдерских захватов и обладают большим набором инструментов противостояния им. Если у предприятия возникла какая-либо проблема, то своевременная реакция

профессионала поможет, даже если не ликвидировать ее, то хотя бы значительно облегчить и ускорить выход из сложившейся ситуации. Ведь основные проблемы возникают не из-за неграмотности специалистов, а из-за того, что предприятие не обратилось за помощью в нужный момент, пытаясь пустить все на самотек, либо решить проблему «своими силами».

В-третьих, проведение антирейдерской компании в средствах массовой информации. Активный «пиар» проблемы в интернете, газетах и на телевидении позволяет обличить попытки рейдерского захвата, добиться резонанса в широких кругах и, тем самым, указать на имеющуюся проблему и получить дополнительный «бонус» в борьбе с рейдерами.

Рейдерский захват, как и любой другой вид мошенничества, почти невозможно спрогнозировать. Нет стандартных правил осуществления рейдерского захвата и, соответственно, нет унифицированных методов защиты от него. Каждый захват имеет свою специфику, и точно также индивидуальна и реакция пострадавшего. Если предприниматель готов бороться за свой бизнес, то скорее всего он сможет отстоять свое имущество и защитить свои права. Государство постоянно пытается активно противодействовать рейдерским захватам и вносит дополнения в законы, регламентирующие ответственность за рейдерскую деятельность.

Таким образом, на основе полученных результатов исследования и сформулированных выводов в статье изложена система рекомендаций по борьбе с рейдерством как на государственном уровне, так и на уровне отдельного предприятия. Рейдерство есть экономическое явление (и чаще всего преступное). Административными и уголовно-карательными методами его можно притормозить, загнать в подполье. Но ликвидировать нельзя. Нужно продолжить макроэкономические реформы, укрепляющие позиции успешно работающего малого и среднего бизнеса. Необходимо понимать, что решение проблем рейдерства возможно, прежде всего, на основе экономического, а не правового механизма, т. к. юридические меры оказывают влияние на стратегию и тактику захватов, тогда как адекватная экономическая политика способна лишить захватчиков самой мотивации к действиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нехорошев Ю.С., Таран Е.А. Рейдерство как неформальный институт передела собственности // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 318. № 6. – С. 33–35.
2. Гридасов А., Евстифеев Д. Рейдерских захватов становится все больше // Известия. 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/521674> (дата обращения: 30.10.2012).
3. Тезисы выступления Председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А.И. на расширенном заседании коллегии в г. Санкт-Петербурге // Следственный комитет Российской Федерации. 2012. URL: http://www.sledcom.ru/actual/130151/?sphrase_id=168822 (дата обращения: 01.11.2012).

Поступила 12.11.2012 г.

УДК 332.87:338.46

КЛАССИФИКАЦИЯ РИСКОВ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л.В. Спицына

Томский политехнический университет
Управление жилищно-коммунальным хозяйством администрации г. Прокопьевска
E-mail: slv2007-77@mail.ru

Определены и классифицированы риски в жилищно-коммунальной сфере в современных условиях. Рассмотрена совокупность направлений оптимизации рисков в жилищно-коммунальном хозяйстве. Даны рекомендации по регулированию рисков ситуаций на уровне городских округов, муниципальных образований.

Ключевые слова:

Риск, жилищно-коммунальное хозяйство, классификация рисков в жилищно-коммунальном хозяйстве, оптимизация риска, регулирование риска.

Key words:

Risk, housing and communal services, classification of risks in housing and communal services, risk optimization, risk regulation.

Жилищно-коммунальное хозяйство является важнейшей составляющей в системе жизнеобеспечения граждан, охватывает практически всё население страны и в связи с этим занимает исключительное положение в ряду прочих отраслей экономики как государства в целом, так и отдельно взятого города (муниципального образования), оказывающих существенное влияние на все стороны жизнедеятельности общества.

Являясь отраслью сферы услуг, жилищно-коммунальное хозяйство состоит из предприятий, которые осуществляют строго определенные виды деятельности по таким направлениям, как:

- жилищное хозяйство (обслуживание и содержание жилищного фонда, в том числе ветхого жилого фонда, общежитий, внутриквартальных инженерных сетей, локальных очистных сооружений, специализированного жилищного фонда, муниципальных административных зданий, обслуживание лифтового хозяйства);
- коммунальное хозяйство (предоставление услуг теплоснабжения, горячего водоснабжения и водоотведения, осуществление энергосберегающих мероприятий);
- благоустройство городских объектов (содержание дорожных покрытий, тротуаров, мостов, путепроводов, эстакад, зеленых насаждений, уличного наружного освещения, вывоз и утилизация твердых бытовых отходов);
- непроизводственные виды бытового обслуживания населения (гостиничное и банно-прачечное хозяйство, оказание ритуальных услуг).

Хотелось бы отметить, что жилищно-коммунальные услуги представляют собой такие виды услуг, в процессе выполнения которых не создается нового, ранее не существующего вида услуг, а лишь изменяется качество уже имеющихся. Яркими особенностями жилищно-коммунальных услуг являются, прежде всего, их бесперебойность, т. е. невозможность отказа от их получения на длительный период и невозможность компенсации недо-

поставленных услуг в их реальном выражении (кроме денежного возмещения).

Если рассматривать жилищно-коммунальное хозяйство как систему, то оно, как и любая другая система, имеет свою структуру, ряд взаимосвязанных элементов и, что самое главное — цель. Именно в зависимости от степени актуальности поставленной цели появляется возможность правильно оценить ситуацию в режиме реального времени, разработать концепции и комплекс конкретных действий.

Начало изменения ситуации в жилищно-коммунальной сфере было отмечено принятием Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики» № 4218-1 от 24.12.1992 г., Указа Президента РФ от 28.04.1997 г. (ред. от 25.05.1997 г.) № 425 «О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации». Детальная оценка мнений относительно того, что же является целями реформирования системы жилищно-коммунального хозяйства, позволяет сделать вывод, что среди ученых, политиков, чиновников, экспертов нет единства их трактовки. В частности среди прочих называются такие цели, как повышение эффективности, устойчивости и надежности функционирования жилищно-коммунальных систем жизнеобеспечения населения, привлечение инвестиций в жилищно-коммунальный комплекс, улучшение качества предоставляемых услуг с одновременным снижением нерациональных затрат, адресная социальная защита населения, развитие конкуренции на рынке жилищно-коммунальных услуг [1].

Рассмотрение суждений об основных целях реформы сферы жилищно-коммунальных услуг позволяет выдвинуть предположение, что главными её целями являются — кардинальное повышение качества жилищно-коммунальных услуг как одного из основных жизненных благ, удовлетворение которого ощущается населением особо остро, достижение надёжности и стабильности функционирования всей инженерной инфраструктуры, формирования

конкурентных отношений. Только развитие рыночных отношений приведет к возрастанию неопределенности, а как следствие и риску, как основному отрицательному фактору при переходе к рынку.

Согласно определению Л.Н. Тэпмана, риск «...является одним из видов опасности, связанной с политической, социальной и экономической деятельностью людей, реально осознаваемой, вероятностно оцениваемой, для минимизации которой имеются ресурсы и возможности» [2].

При определении риска в жилищно-коммунальной сфере правильным следует считать, что это неопределенность, которая связана со стоимостью затрат на обслуживание жилого фонда, либо вероятность неблагоприятного исхода как для предприятий, так и для конечных потребителей жилищно-коммунальных услуг, в связи с деятельностью по обслуживанию жилья.

Изучая уникальные точки зрения зарубежных и российских экспертов (в частности, работы Л.Н. Чернышова, Н.А. Васильевой) по определению понятия «риск», основываясь на уже существующей классификации рисков по видам, как наиболее часто применяемым на практике, рассмотрим содержание тех рисков, которые характерны для управления жилищным фондом [3, 4].

В соответствии с возможностью регулирования рисков выделяют два его вида:

- Экзогенный. Риск, который не поддается регулированию участниками процесса по управлению жилищным фондом.
- Эндогенный. Риск, который подвержен влиянию и, следовательно, оптимизации со стороны субъекта жилищно-коммунальной сферы.

Классификация составляющих экзогенного и эндогенного рисков отношений, возникающих в сфере жилищно-коммунального хозяйства, представлена в таблице.

Выделенные риски характерны в целом для структуры управления жилищным фондом. Отличительной особенностью является лишь причина возникновения того или иного фактора риска и степень его влияния среди хозяйствующих субъектов (муниципальных образований).

Рассматривая дифференциацию степени влияния приведенных факторов риска на предприятия жилищно-коммунальной отрасли, стоит отметить, что самым значимым является производственный риск, так как он напрямую связан с состоянием жилого фонда, который зачастую находится в ветхом или аварийном состоянии. На конец 2010 г. жилищный фонд в Российской Федерации, отнесенный к ветхому и аварийному жилью, составил 99,4 млн м², увеличившись по сравнению с 2000 г. более чем в 1,5 раза. Возросла и его доля в общей площади жилищного фонда за этот период – с 2,4 до 3,1 %. Значительную часть жилищного фонда составляют дома, построенные 40 и более лет назад, имеющие высокий (свыше 30 %) процент износа [5].

К основным причинам производственного риска следует отнести:

1. Снижение объема оказания услуг вследствие снижения производительности труда, простоя оборудования, потерь рабочего времени в связи с ликвидацией поломок оборудования, аварийных ситуаций на инженерных сетях.
2. Увеличение расхода материальных затрат, сырья, топлива, энергии, увеличение транспортных и накладных расходов в структуре себестоимости в период устранения аварий.
3. Рост налоговых и иных платежей (например, налог на загрязнение окружающей среды).

Стоит отметить, что при оценке производственного риска рассматривается не столько сам объект (жилищный фонд), сколько степень опасности и потенциального ущерба в работе жилищно-коммунального предприятия в результате возникновения аварийной ситуации (любого иного сбоя в работе) и вероятность потерь как физического, так и морального плана конечным потребителем услуг – населением. Для предприятий сферы жилищно-коммунальных услуг такого рода потери могут быть материальные (дополнительные затраты и прямые потери оборудования, материалов, иных ресурсов), трудовые (дополнительные затраты рабочего времени при устранении аварийных ситуаций), финансовые (денежный ущерб, связанный с непредусмотренными платежами, выплатой штрафов, неустоек). Для потребителей услуг – ущерб в виде нанесения вреда здоровью и жизни, окружающей среде.

Исследование и конкретизация категорий риска применительно к субъектам управления жилищным фондом в современных тенденциях развития позволяют выявить совокупность рискообразующих факторов жилищно-коммунального хозяйства. Данная классификация рисков помогает:

- 1) определить ряд основных структурных компонентов риска, включая источники, факторы, оказывающие влияние, величину или вероятность последствий;
- 2) определить воздействие рисков на бизнес-процессы организации, в результате чего могут быть установлены владельцы рисков на всех уровнях управления;
- 3) определить наиболее агрессивные факторы внешней среды;
- 4) определить общую величину рисков, связанных с деятельностью организации;
- 5) рассчитать объем рисков под управлением владельцев рисков [6].

При реализации данного подхода по разделению рисков можно говорить об эффективном партнерстве между государством, частным бизнесом, потребителями и поставщиками жилищно-коммунальных услуг, инвесторами.

Учитывая то, что риски взаимосвязаны, а их устранение полностью невозможно, может быть лишь снижено их влияние и ущерб при реализации. При полноценном развитии рыночных отношений в сфере жилищно-коммунальных услуг целесообразным предполагается передача части

Таблица. Классификация составляющих экзогенного и эндогенного рисков в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Экзогенный риск		Эндогенный риск	
Общие риски – подвержены субъекты любой сферы деятельности, в том числе жилищно-коммунальной			
Инфляционный риск	Возможность обесценения денег (реальной стоимости активов) в результате инфляционного роста цен	Операционный	Риск возникновения прямых или косвенных потерь в результате неправильного построения внутренних бизнес-процессов, неправильного поведения людей в той или иной ситуации, неблагоприятных внешних событий, за исключением нарушения действующего законодательства
Экологический	Вероятность возникновения отрицательных изменений в окружающей природной среде или отдаленных неблагоприятных последствий этих изменений, возникающих вследствие отрицательного воздействия на окружающую среду		
Политический	Возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием государственной политики; принятие органами власти непопулярных административных решений; вероятность получения административных взысканий в связи с грубым нарушением действующего законодательства	Кадровый	Определяются как потенциальные потери, связанные с собственным персоналом предприятия; неудовлетворительный уровень квалификации персонала, который влечет за собой риск принятия неверных производственных и управленческих решений. Кадровые риски нельзя заранее просчитать на сто процентов, так как человек подвержен изменениям, а его поступки, мотивы деятельности определяются как сознательным мышлением, так и сферой бессознательного
Нормативно-правовой	Законодательное регулирование тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг; введение норм, правил стандартов обслуживания		
Индивидуальные риски определяются спецификой жилищно-коммунального хозяйства		Стратегический	Особенности комплекса внутренних организационно-технологических регламентов и инструкций, регулирующих постановку технологической деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства, обеспечивающих соотношение качества сервиса и уровня тарифов, которые могут обеспечить продление договора управления многоквартирным домом после окончания срока его действия, как залог долгосрочной стратегии бизнеса
Отраслевой	Наличие административных барьеров, слабая развитость конкурентных отношений; тяжелое прохождение механизма выбора способа управления многоквартирными домами в рамках проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства; объективное отсутствие возможности дополнительного привлечения денежных средств за счет всех уровней бюджета для проведения капитального ремонта многоквартирных домов; низкий прирост жилищного фонда		
Финансовый	Несовершенство тарифной политики и, как следствие, отрицательные показатели финансовых результатов. Бюджетное недофинансирование в части восстановления выпадающих доходов от оказания услуг в дотационных регионах		
Социальный	Высокая социальная значимость управления жилищным фондом, как реализация потребности социальных групп в комфортном жилье	Финансовый	Нечистоплотность со стороны руководителей товариществ собственников жилья, управляющих компаний в использовании денежных средств; долевая ответственность собственников в товариществах собственников жилья; низкий сбор платежей за оказанные жилищно-коммунальные услуги вследствие неплатежеспособности определенных слоев населения либо целенаправленного отказа от осуществления коммунальных платежей; возникновение кредиторской задолженности перед ресурсоснабжающими организациями
Юридический	Особенности объектов обслуживания в жилищно-коммунальной сфере – многоквартирные дома с частично приватизированными и сдаваемыми муниципалитетом в наем квартирами; нестыковки в Жилищном и Гражданском кодексах РФ		
Региональный	Особенности экономического, политического и социального положения отдельных административных или географических регионов: дефицит бюджета, низкий уровень доходов населения	Производственный	Вероятность убытков или дополнительных издержек, связанных с неудовлетворительным состоянием жилищного фонда, инженерных сетей, основных фондов, низким качеством материалов и других ресурсов, что приводит к сбоям или остановке производственных процессов
Культурологический	Менталитет собственников жилых помещений	Репутационный	Угроза деловой репутации организаций жилищно-коммунального комплекса в глазах потребителей, которая может быть вызвана некорректными расчетами с потребителями, перебоями в поставке услуг
Природно-климатический	Возмещение ущерба, понесенного из-за произошедших природных катаклизмов		

функции по регулированию рисков добровольным объединениям собственников, ассоциациям товариществ собственников жилья. При этом программа регулирования рисков должна строиться си-

стемно и комплексно, охватывая все нюансы возникновения рисков в системе управления жилищным фондом того или иного экономического субъекта. Должны быть сгенерированы иннова-

ционные управленческие решения, направленные на повышение эффективности функционирования предприятий жилищно-коммунального хозяйства и связанные с идентификацией рисков, их анализом, минимизацией отрицательных последствий наступления рисков событий.

В целом предполагаемые направления регулирования рисков могут быть сведены к реализации следующего комплекса мер:

1. Уменьшение неблагоприятного влияния тех или иных факторов риска на результаты оказания жилищно-коммунальных услуг. Предполагается принятие всех возможных превентивных мер:

- повышение качества планирования, организации предоставления услуг, контроль качества оказания данных услуг. Является особо важным в связи с высокой социальной значимостью жилищно-коммунальных услуг. Реализация возможна при полноценном функционировании органов контроля. Таких, как администрации муниципальных образований, отделы инспекторской службы Государственной жилищной инспекции, органы добровольной сертификации, саморегулируемые организации;
- контроль состояния основных объектов оказания услуг (в первую очередь, многоквартирного жилого фонда). Целесообразно проведение мониторинга состояния жилищного фонда, что позволит создать актуальную и полную базу данных о техническом состоянии многоквартирных домов. Для вновь принимаемых в эксплуатацию жилых домов усилить контроль качества строительства и наладки работы по гарантийным обязательствам со стороны генеральных подрядчиков строительства;
- обеспечение условий для создания и функционирования субъектов рыночного контроля. Предполагает участие управляющих компаний в саморегулируемых организациях, создание добровольных объединений собственников жилья, таких как, например, товарищество собственников жилья;
- подготовка квалифицированных кадров. Может быть реализовано в подготовке, аттестации, повышении квалификации специалистов, задействованных в жилищно-коммунальной сфере, специалистов управляющих компаний, председателей товариществ собственников жилья; организации и проведении семинаров, конференций, тренингов. Разработка и внедрение методологической базы;
- создание системы резервных фондов материальных и финансовых ресурсов. Особый интерес представляет модель конструирования базового финансового актива из денежных потоков нескольких муниципальных образований;
- внедрение «института» финансовых, экономических и правовых гарантий для основных участников управления жилищным фондом. Целесообразно рассмотреть внедрение в практику привлечения к работе по обслуживанию жилищного фонда тех управляющих компаний, которые имеют банковские гарантии возмещения убытков. Заключение тарифных соглашений, направленных на регулирование социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений в жилищно-коммунальной сфере. Полноценное и всестороннее регулирование правоотношений между субъектами при оказании жилищно-коммунальных услуг, поскольку каждый субъект наделен как правами, так и обязанностями. Одной из таких гарантий считаю обоснованным принятие законодательного акта о защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг;
- оптимизация дебиторской и кредиторской задолженности жилищно-коммунальных предприятий. Предполагает проведение разъяснительной работы среди домовладельцев, развитие системы претензионно-исковой работы, вплоть до привлечения специализированных коллекторских агентств. Начисление платы за фактически потребленные коммунальные ресурсы посредством установки индивидуальных и общедомовых приборов учета. Постановка правильной финансовой политики на предприятиях жилищно-коммунальной сферы при заключении договоров, с подрядчиками;
- выбор оптимальной стратегии поведения на рынке жилищно-коммунальных услуг предпринимательскими структурами. Может быть реализован путем создания рациональной структуры управления в сфере жилищно-коммунальных услуг, упорядочения взаимодействия управляющих организаций с органами исполнительной власти, собственниками, арендаторами и нанимателями жилья, разграничения полномочий, функций и задач по уровням и субъектам управления. Повышение экономической заинтересованности предприятий в улучшении жилищно-коммунального обслуживания населения, развитие конкурентной среды. Привлечение частных управляющих компаний путем проведения открытых конкурсов с предоставлением обоснованной тарифной политики.
- обеспечение прозрачности функционирования жилищно-коммунальных предприятий. Может быть осуществлено путем издания информационных буклетов, создания специализированных интернет-сайтов, формирования баз данных с целью оперативного и полноценного раскрытия информации о субъектах жилищно-коммунальной сферы.

2. Формирование эффективной структуры страхования в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг, за исключением нестрахуемых видов риска.

Следует отметить, что внедрение органами городских округов и муниципалитетов стратегии выявления, классификации и регулирования рисков в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг

даст возможность повысить контроль качества оказания такого рода услуг. Это позволит обеспечить надежное и устойчивое функционирование систем жизнеобеспечения населения, социальную защиту собственников многоквартирных домов и, что немаловажно, осуществить внедрение рыночных отношений, сформировать конкуренцию среди предприятий жилищно-коммунальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цели и задачи реформы // Российские Коммунальные системы: информационно-аналитический портал. 2012. URL: <http://www.roscomsys.ru/tasksreform.html> (дата обращения: 24.02.2012).
2. Тэпман Л.Н. Риски в экономике / под ред. В.А. Швадара. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 380 с.
3. Чернышов Л.Н. Управление жилищно-коммунальным хозяйством России. – М. АСВ, 2003. – 313 с.
4. Васильева Н.А. Проблемы и технология реформирования ЖКХ // Муниципальная власть. – 2004. – № 9. – С. 82–84.
5. Жилищные условия населения // Статбюллетень. – 2011. 2012. – № 09 (180). URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 26.02.2012).
6. Соколов Д.В. Классификация рисков, как многозадачный инструмент риск-менеджмента организаций // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами». 2012. URL: <http://uecs.ru/uecs30-302011/item/489-2011-06-16-07-22-37> (дата обращения: 26.02.2012).

Поступила 27.02.2012 г.

УДК 316.46:17

ЭТИКА ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Н.В. Черепанова, Л.П. Тухватулина

Томский политехнический университет
E-mail: cherepanova_natalia@tpu.ru

Анализируется этический аспект влияния лидера на поведение сотрудников в современной организации. Рассматриваются основные уровни влияния менеджера, отвечающие за организационную этику. Проанализированы уровни морального развития лидера и влияние национальных особенностей лидерства на деловую этику в организации.

Ключевые слова:

Этика, лидерство, современное управление, моральное развитие, моральный интеллект, этические аспекты организационного поведения.

Key words:

Ethics, leadership, contemporary management, moral development, moral intelligence, ethical aspects of organizational culture.

В современном менеджменте роль руководителя уже не сводится исключительно к основным функциям менеджмента: планированию, организации, мотивации и контролю. Современное руководство имеет не менее важные задачи: вести за собой, быть помощником для своих подчиненных, устанавливать моральные ориентиры, иными словами, быть лидером.

Существуют различные подходы к определению лидерства. Один из классических подходов к управлению указывает на принципиальные различия между руководителем (менеджером) и лидером, поскольку один из них обладает формальным влиянием на подчиненных, а второй воздействует исключительно на психологическом уровне за неимением формальных оснований власти [1]. Вместе с тем в современной литературе постепенно стирается грань различий, и теперь любого успешного руководителя принято называть лидером

[1–4]. Руководитель остается для механистических компаний, а лидер существует в компаниях, выстроенных по типу экосистемы [2. С. 16].

В данной статье мы будем придерживаться современного подхода и под лидером будем понимать руководителя любого уровня, обладающего, помимо реализации общих функций, существенным морально-психологическим влиянием на своих подчиненных.

Определяя составные части организационной этики ранее, мы остановились на трех главных элементах, способных влиять на этический уровень организации: лидер, сотрудник и организационная культура [5].

Главной задачей данной статьи мы видим выявление особенностей лидера как транслятора этических принципов в организации в целом, а также определение влияния национальных черт лидерства на деловую этику организации.

Лидер как транслятор этических принципов в организации

Этика лидера складывается из собственных этических воззрений, из уровня принятия целей организации и направления собственных целей. А принятие управленческого решения будет зависеть от важности и уровня воздействия каждого из этих составляющих на конкретного человека. В подавляющем большинстве случаев менеджер сообщает подчиненным этику и цели организации, которые могут находиться за пределами его этических убеждений и собственных целей. Если же приятие менеджером этики организации высоко, то возрастает его убежденность в правильности принимаемых решений.

Возникает вопрос, почему именно лидер несет ответственность за уровень морального развития организации? Принимая как данность тот факт, что лидер — это всего лишь человек, который может ошибаться, принять неверное решение, мы, тем не менее, возлагаем на него тяжкую ношу ответственности за моральное развитие организации в целом и подчиненных в частности.

Дело в том, что менеджер в организации, *во-первых*, обладает властью, закрепленной за ним его должностью. Эта власть основана на принятии подчиненными факта, что менеджер, обладая полнотой информации, управленческими компетенциями, опытом, в конечном итоге примет правильное со всех точек зрения решение, которое будет направлено на достижение целей организации, разделяемых каждым сотрудником. Если менеджер, обладающий властью, использует ее в своих интересах или во вред компании, это заметно снижает мотивацию и моральный дух подчиненных, поскольку вызывает чувство негативной справедливости.

Во-вторых, если речь идет о лидерстве, то подчиненные *доверяют* своему руководителю, полагаясь на его моральную целостность, верят тому, что он им говорит. Небезосновательно принято считать, что доверие подчиненных это то, что руководителю очень сложно заслужить, но легко потерять. Вместе с тем, многие управленцы часто задаются вопросом: для чего руководителю необходимо доверие подчиненных? Обладая должностными полномочиями, руководитель вправе рассчитывать на выполнение распоряжений и при отсутствии к нему доверия со стороны его сотрудников. Дело в том, что состояние современной внешней и внутренней среды организации настолько нестабильно, что компаниям очень редко удается долгое время находиться на гребне успеха. Успех сменяется неудачами, и в это время от сотрудников требуются дополнительные усилия, приверженность компании. (Приверженность организации (*organizational commitment*) — понятие современного менеджмента, относящееся к специфическому поведению сотрудника, выражающееся в благодарном, преданном отношении к компании даже в трудные времена). Иными словами, компания в лице мене-

джера обращается к подчиненным с просьбой о самоотверженном поведении в трудные для фирмы времена с надеждой на лучшее будущее. Ответное поведение сотрудников на подобную просьбу, как правило, строится на *доверии*, которое подчиненные оказывают своему менеджеру. Если менеджер в прошлом не раз демонстрировал неэтичное поведение, едва ли стоит ожидать поддержки в трудную минуту со стороны подчиненных.

В-третьих, именно перед управленцами стоит задача разработки миссии организации, ее целей, на которые ориентируется коллектив. Классики менеджмента [3] утверждают, что миссия, как главный социальный ориентир любой компании, разрабатывается руководством для двух целей: с одной стороны, показать стейкхолдерам общественную пользу организации, с другой стороны, миссия ориентирована непосредственно на сотрудников, так как с ее помощью руководство пытается корректировать их поведение. Поскольку миссия — это своего рода «путеводная звезда», ее принятие всеми сотрудниками просто необходимо. Разработка миссии — это задача высшего руководства. Сложность её разработки состоит в том, что миссия должна отражать сущность организации, не противоречить реальному состоянию дел. В противном случае, миссия будет лишь красивым слоганом, который вызывает неприятие и насмешку сотрудников.

Например, известная российская компания, производящая шоколад и шоколадные конфеты, всегда позиционировала свой товар как марку «премиум» класса, размещаясь в соответствующем ценовом сегменте. При этом состав конфет наглядно демонстрирует то, что продукция изначально не может быть отнесена к высококачественной, так как при производстве используется дешевое сырье, заменители, концентраты и т. д. Иными словами, фирма, производящая эти конфеты, вводит людей в заблуждение относительно качества продукции, заставляя переплачивать за красивую упаковку. Возникает закономерный вопрос: может ли организация требовать от сотрудников высокоморального поведения, если топ-менеджмент обманывает доверие и потребителей, и подчиненных на самом элементарном уровне — на уровне миссии?

Вместе с тем, миссия — это не единственный этап целеполагания, за который отвечает менеджер. Менеджеры всех уровней ответственны за разработку индивидуальных целей сотрудников. Как же данный процесс может повлиять на этическое поведение в коллективе? Устанавливая индивидуальные цели, менеджеры вновь ориентируются на две группы влияния. В первую группу входят акционеры, высшее руководство, политики и т. д. Во вторую группу входят подчиненные, которым и предстоит достигать поставленных целей. Сложность заключается в том, что на менеджеров оказывают давление и акционеры, требующие увеличения прибыли, и желание менеджеров выглядеть успешными в глазах высшего руководства, и об-

ещения, данные лоббирующим интересы отрасли политикам. В результате у менеджеров возникает искушение поставить перед своими подчиненными завышенные цели с надеждой, что метод кнута или агрессивная мотивационная политика сыграют свою роль. Иными словами, менеджер из самонадеянности, страха за свою должность, корыстных интересов ставит перед подчиненными цели, которые фактически достичь невозможно. Что остается делать в этом случае подчиненным? Осознавая, что достичь запрашиваемых результатов не в их силах, сотрудники начинают саботировать задания, меняя показатели, перекаладывая ответственность, передвигая сроки выполнения. Иными словами, сотрудники начинают демонстрировать неэтичное поведение. При этом необходимо подчеркнуть, что в основе данного поведения лежит управленческая ошибка – намеренное завышение целевых показателей.

В-четвертых, менеджер всегда, так или иначе, является объектом пристального внимания подчиненных; поведение менеджера обсуждается, одобряется, критикуется, но, в конечном итоге, принимается за образец для подражания. Таким способом менеджер вносит вклад в развитие организационной культуры.

Роль менеджера в рамках организационной культуры и этики можно рассматривать с двух позиций.

С одной стороны, поведение менеджера – это эталон, которому должны следовать подчиненные. С этой точки зрения, поведение менеджера является залогом этичного либо неэтичного поведения подчиненных. Ниже мы рассмотрим влияние культурных факторов на восприятие подчиненными поведения лидера.

С другой стороны, именно организационная культура дает руководство к действию, когда сотрудник сталкивается с этической дилеммой. Организационная культура диктует сотруднику, как поступать при возникновении неоднозначной с моральной точки зрения ситуации: нужно ли обращаться к вышестоящему по должности или возможно решить проблему самостоятельно. Американские компании поощряют самостоятельность сотрудников при решении этических дилемм. При этом сперва сотрудникам предоставляются все «инструменты», позволяющие принимать решения в подобных ситуациях: этические кодексы, профессиональные кодексы, тренинги по этичному поведению. Например, исполнительный директор компании «Семко» Риккардо Семлер обычно берет отпуск на два месяца в год, и сотрудники не имеют возможности поддерживать связь с ним в это время. Данный лидер мотивирует свои поступки тем, что модель «большого босса» на вершине пирамиды – неправильная модель, сотрудники должны учиться самостоятельно справляться с проблемами, тем самым раскрывая свой потенциал [2. С. 20].

Вместе с тем, организационная культура диктует отношение коллег к проступку сослуживца.

В традиции российских организаций, доставшейся в наследство с периода командной экономики, «покрывать» провинившихся. Это считается этичным и правильным. Вместе с тем, скрывая ошибки сотрудников, организации теряют возможность на их устранение и гарантию, что подобные ошибки не повторятся в будущем.

Большинство зарубежных управленцев создают в рамках организационной культуры атмосферу одобряющую доносительство на своих коллег любого уровня. Если сотрудник американской компании замечает, что его коллега допустил ошибку – его первое действие – сообщить руководству. Здесь важно отметить один факт: цель «доносчика» не поймать нерадивого сотрудника за руку «на месте преступления» и проследить, чтобы тот получил наказание, а зафиксировать ошибку, которую допускает коллега по пока неизвестной причине. Отчет о проступке фиксируется руководством и рассматривается. При этом если у допустившего ошибку не было злого умысла, то наказания он не понесет. При необходимости его отправят на курсы повышения квалификации. Допущенная им ошибка больше не будет повторена ни кем из его коллег, так как ее причины обнаружат и устранят прежде, чем ошибка станет системной.

Влияние организационной культуры на этическое поведение сотрудников в организации многомерно и может как способствовать моральному росту коллектива, так и превратить сотрудников в заложников этически некомпетентных руководителей.

Итак, ответственность за моральное развитие коллектива, возлагаемая на менеджера, правомерна, поскольку во власти руководителя находятся факторы, влияющие на которые, менеджер может управлять поведением своих подчиненных.

При этом необходимо учитывать иные факторы, влияющие на этичность принимаемых менеджером решений. О них речь пойдет ниже.

Уровни морального развития лидера

Учитывая вышесказанное, мы, вместе с тем, отдаем себе отчет в том, что любой лидер – это, в первую очередь, человек, обладающий определенным характером, ставящий перед собой собственные цели. Как и любой человек, управленец обладает определенными этическими воззрениями, которые он сформировал, исходя из собственного опыта в течение жизни. Причем эти представления о том, что такое «хорошо» и «плохо», могут меняться или подавляться под воздействием организационной этики, организационных целей. Цели выступают как маяки, на которые ориентируется организация. Менеджер как капитан, который ведет свое судно так, чтобы в конечном итоге прийти по нужному курсу.

Иногда на принятие того или иного решения менеджера толкают не только цели вверенного ему подразделения. Помимо организационных целей, на этику менеджера воздействуют и его собствен-

ные цели. Можем ли мы заранее определить, какими моральными принципами будет руководствоваться менеджер при принятии решений?

Уровень развития морального сознания человека можно определить на основе теории Лоренса Колберга [3]. Изначально данная теория создавалась для определения стадий морального развития детей, однако она была так же адаптирована зарубежными исследователями для оценки моральной мотивации лидеров при принятии управленческих решений [3. С.153].

Согласно теории Л. Колберга, человек, в нашем случае обремененный управленческой властью, может находиться на любом из трех уровней морального сознания:

Уровень 1. При принятии решений человек ориентируется исключительно на собственные интересы, всеми силами стараясь добиться одобрения и избежать наказания.

Уровень 2. При принятии решений человек старается оправдать ожидания окружающих.

Уровень 3. Человек руководствуется исключительно собственными моральными ориентирами при принятии решений.

Согласно данной теории, человек, развивая свое моральное сознание, продвигается вверх от первого уровня к третьему. Важно отметить, что, используя теорию Л. Колберга в целях исследования моральных воззрений лидера, мы акцентируем внимание не на том, *какое* решение примет лидер, а *как* он его примет. Итак, рассмотрим применение данной теории подробнее. Каждый из трех уровней, в свою очередь, состоит из двух этапов, которые преодолевает человек [3. С. 154].

Уровень 1. Преконвенциональный

1.1. Человеческое поведение продиктовано вышестоящими авторитетами, ожиданием похвалы, избеганием наказания. Такой уровень морального сознания можно наблюдать у молодого менеджера, не до конца уверенного в своих управленческих возможностях, ищущего поддержку со стороны высшего руководства. В этом случае существует ожидание принятия им неэтичного решения в интересах компании.

1.2. На данном этапе взгляд человека на «правильное» и «неправильное» управленческое решение ограничивается узким кругом собственных приоритетов, которые нужно подчеркнуть и которые могут быть далеки от интересов компании. Иными словами, данную стратегию поведения можно описать: «Ты – мне, я – тебе». Поведение, соответствующее второму этапу первого уровня развития морального сознания, характерно, например, для человека, обладающего большими амбициями на продвижение по карьерной лестнице. В этом случае принятие решений будет нацелено на «умасливание» вышестоящих по должности с надеждой на скорейшее повышение.

Уровень 2. Конвенциональный

2.1. На данном этапе моральные воззрения менеджера зависят от его ближайшего окружения. Стратегия, которую можно назвать: «Делай как все». Например, в большинстве компаний менеджером любого звена (как и прочим работникам) запрещено использовать активы фирмы в личных целях. Вместе с тем, если менеджер видит, что люди, занимающие подобную должность в организации, используют, например, автомобили компании в личных целях, то это может выглядеть как стимул для принятия неэтичного решения.

2.2. Моральные воззрения менеджера на этом этапе продиктованы чувством долга, приятием его решений социальным большинством, избеганием чувства вины. Например, управленец может пойти навстречу своим сотрудникам в требовании повышения уровня заработной платы исключительно в силу того, что эта ситуация освещается в СМИ. И в случае отказа в повышении заработной платы, его решение вызовет неодобрение социума. В данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что принятое решение можно отнести к морально верным, в то время как основа принятия этого решения далека от истинно этической.

Уровень 3. Постконвенциональный

3.1. Принятие управленческих решений на этом уровне строится на признании общечеловеческих ценностей, прав и свобод, уважении принципов других людей. К примеру, менеджер может отказаться от сотрудничества с поставщиком сырья, которое не до конца отвечает требованиям качества, исключительно в интересах потребителей, которые заслуживают продукции отличного качества.

3.2. Управленческие решения принимаются лидером исходя из собственных этических воззрений, даже если эти принципы не согласуются с принципами людей, находящихся на предыдущих уровнях развития морального сознания. Например, высокие моральные принципы менеджера могут заставить его принять управленческое решение, которое пойдет вразрез со стратегией компании и вызовет недовольство акционеров. Выплатить дополнительное вознаграждение из чистой прибыли работникам, проявившим выдающиеся качества во время работы, – правильное решение, но это лишит акционеров прибыли и однозначно вызовет протест с их стороны. Менеджер, находящийся на первом уровне, не принял бы подобного решения из-за боязни последствий, а лидер, находящийся на третьем уровне, способен на независимые, пусть и осуждаемые, решения.

Обращая внимание на мотивы, которыми руководствуется менеджер, мы можем оценить уровень развития его морального сознания. Вместе с тем, возникает вопрос, каким уровнем развития морального сознания должен обладать лидер в современной организации? Очевидно, что менеджер

преконвенционального уровня не будет являться моральным оплотом организации: у него и цели другие, и суждений самостоятельных не бывает. Менеджер конвенционального уровня – предпочтительней, поскольку на первое место выходит долг перед людьми и компанией. Однако его решения будут отражением внешнего давления, а не результатом работы этически ориентированного сознания. Лидер *постконвенционального* уровня обладает независимыми от чужого мнения или давления моральными воззрениями, которые могут воспринимать подчиненные. Такая ситуация характерна для человека на этапе 3.1, поскольку лидер последнего этапа может проявить излишнюю деспотичность, жесткость в принятии решений и насаждении собственных принципов подчиненным.

Влияние национальных особенностей лидерства на организационную этику

Рассматривая влияние лидера на этику в организации, нельзя не учитывать культурных особенностей лидерства. Большинство теорий лидерства предполагают, что существуют универсальные черты, отличающие хорошего лидера. Например, партисипативное лидерство предполагает, что руководитель активно вникает в работу подчиненного, помогает ему, уважая автономию сотрудника, учитывая его мнение. Однако теория партисипативного лидерства не делает поправок на национальные особенности, утверждая, что лидер будет демонстрировать подобное поведение независимо от страны, в которой функционирует организация.

В исследованиях влияния лидера на этику организации, напротив, культурные различия играют ключевую роль [4, 6, 7]. Лидерство в России обладает особенностями, обусловленными культурными традициями [4].

Лидер в России демонстрирует *патернализм* в отношении подчиненных. Лидер – это больше, чем управленец, наделенный властными полномочиями. Это человек, у которого ищут защиты и справедливости в кризисной ситуации. Следствием патерналистического поведения лидера является выстраивание отношений в организации «руководитель–подчиненный» как «родитель–ребенок». Можно предположить, что следствием этого является преобладающая централизация власти в большинстве отечественных организаций. При этом лидер особенно часто входит в роль родителя для наказания проштрафившегося «подчиненного-ребенка», что в сложившихся организационных культурах воспринимается как норма.

Интересно, что за поведением российских лидеров замечают жесткость и даже жестокость [5]. В России лидер – это человек, который противостоит серьезным изменениям во внешней среде и не теряет присутствия духа, поскольку в критических ситуациях все подчиненные будут рассчитывать только на него. Осознание единоличной ответственности за то, что происходит в организации, делают лидера мало чувствительным к мо-

ральному состоянию подчиненных. Им предлагается принять стиль руководства лидера или уйти из компании.

Важной особенностью российского лидера является то, что он обладает большими возможностями, чем «не лидер» в данной организации, использовать должностные полномочия в личных целях. Например, начальнику можно уйти раньше с работы без объяснения причин, использовать ресурсы организации для решения личных проблем и т. п. Подчиненному, в силу занимаемой должности, этого делать нельзя, поскольку только лидеру позволено «играть» по своим правилам. Как следствие, лидер в своем поведении и принятии решений демонстрирует чрезвычайную напористость и уверенность в себе. Решения лидера – это не то, в чем нужно сомневаться подчиненному или партнеру.

Итак, *во-первых*, лидер в России – это человек, которому традиционно разрешено нарушать организационные правила. Соответственно, он не может стать «примером», демонстрируя этическое поведение своим подчиненным. Скорее наоборот, подчиненные стремятся добиться более высокой должности, чтобы иметь возможность пользоваться благами организации, которые предоставляет новая должность.

Во-вторых, патернализм в поведении лидера затрудняет восходящую коммуникацию в организации и делает нисходящую единственно приемлемой. Лидерство в России предполагает, что руководитель всегда лучше владеет информацией, поэтому подчиненному отводится исключительно роль слушателя. Это делает движение этических воззрений «снизу-вверх» достаточно проблематичным.

В-третьих, требования среды и традиции предполагают, что лидер должен быть жестким и уверенным в своих воззрениях и решениях. Порой (не всегда) жесткость во взгляде на управление и этическое поведение являются несовместимыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что лидерство в России традиционно не направлено на трансляцию этических ценностей в организации. Вместе с тем, существует ряд культурно обусловленных проблем с лидерством и в других странах, которые успешно преодолеваются.

Например, в США также предполагается наличие у лидера черт, которые выделяли бы его среди подчиненных. При этом власть, влияние и более развитые способности используются лидером исключительно для пользы организации и ее членов. Использование лидером влияния и власти в собственных интересах принято считать неэтичным [4]. Каждое действие лидера может быть оспорено подчиненным, может быть поднят вопрос об этичности принятого решения.

В Германии ситуация иная. Современный лидер – это человек, который может и не обладать отличительными особенностями (интеллектуальными, физическими и т. д.), но при этом он является частью команды и также выполняет необходимые консультативные функции. Его роль предпо-

лагают активное влияние на подчиненных, но, в то же время, ожидается активная обратная связь с их стороны. Наличие данной связи создает эффективный барьер для неэтичных поступков лидера [6].

Итак, в заключение можно сделать вывод о том, что лидерство и этическое поведение сотрудников в организации взаимосвязано. При этом поведение лидера может способствовать как укреплению этического сознания, так и его разрушению. Способами трансляции этического поведения является процесс целеполагания, включающий разработку миссии и индивидуальных целей, организационная культура, позволяющая находить сотруднику ори-

ентиры в этически непростых ситуациях. При этом этическое или неэтичное поведение лидера может зависеть от уровня развития его морального сознания и культурных особенностей.

Современное состояние лидерства в России не может рассматриваться как ориентированное на создание этической организации. Выходом из этой ситуации может стать анализ образцов лидерского поведения, принятых в других странах. Но прежде руководителям необходимо осознание того, что отсутствие этического компонента в их поведении может отрицательно сказаться на организации в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Goleman D. Leadership that gets results // On managing people. – Boston: HBR Press, 2011. – 224 p.
2. Томс М. Душа бизнеса: современная этика предпринимательства. – СПб.: Весь, 2010. – 224 с.
3. Crane A., Matten D. Business ethics. – New York: Oxford University Press, 2010. – 610 p.
4. Kessler E., Wong-Ming Ji D. Cultural mythology and global leadership. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2009. – 390 p.
5. Черепанова Н.В. Этические составляющие управления персоналом организации // Развитие системы управления персоналом в современных организациях: Сб. науч. статей I Междунар. научно-практ. конф. / под науч. ред. Э.Э. Сыманюк, Л.Ю. Шемятихиной. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009. – С. 51–52.
6. Lennic D., Keil F. Moral intelligence. – New Jersey: Pearson Education Inc., 2005. – 300 p.
7. Sandbu M. Just business. Arguments in business ethics. – New Jersey: Prentice Hall, 2011. – 206 p.

Поступила 18.10.2012 г.

УДК 339.133.017:330.16

ПРЕИМУЩЕСТВА ЭВРИСТИК ПРИ ПРИНЯТИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЕШЕНИЙ

М.В. Рыжкова

Томский политехнический университет
E-mail: marybox@tpu.ru

Показана эволюция понимания эвристик в науке и экономической теории, предложен смысловой оттенок термина «эвристики» для анализа потребительских решений. Приведены основные социальные теории, объясняющие эвристическое мышление, и в каждой из них показан экономический эффект от существования эвристик. Систематизированы причины превосходства эвристики над рациональным выбором при принятии потребительских решений.

Ключевые слова:

Эвристика, принятие решений, потребительский выбор.

Key words:

Heuristics, decision making, consumer choice.

Впервые эвристики проявились как алгоритмы решения математических задач, следуя которым пошагово, можно было механически получить правильное решение. В математике к простейшим видам алгоритмов можно причислить Алгоритм Евклида (алгоритм для нахождения наибольшего общего делителя двух целых чисел) и алгоритм нахождения обратной матрицы. Очевидные успехи в применении эвристик у математиков побудили философов исследовать проблему алгоритмов по получению универсальной, прежде всего научной, истины. В результате был разработан ряд методов по алгоритмическому поиску решений.

В частности, Р. Декарт предложил 21 эвристику для научного поиска. Р. Луллий, испанский философ XIII в., разработал механизм автоматического изобретения путем семантического перебора («круги Луллия»). Г.В. Лейбниц в трактате «Об искусстве комбинаторики» (1666) утверждал возможность выведения из простых элементов по определенным правилам всех сложных явлений. Астрофизик Ф. Цвики предложил идею морфологического поиска новых идей в астрономии. Алгоритм состоит в следующем: определить проблему как можно точнее, определить все факторы, влияющие на решение, объединить эти факторы и протести-

ровать каждую комбинацию с точки зрения полезности для решения, и наконец, выбрать оптимальное из решений. Такой исчерпывающий метод имеет важное преимущество: он оценивает те возможности, которые, как правило, пропущены из-за разного рода психологических блоков. Конечно, эта процедура применима к практическому выбору, если количество соответствующих факторов невелико.

Чтобы понять место эвристик в процессе принятия решения, необходимо отличать разные его уровни [1]:

- 1) умозаключение (*inferring*). Означает получение нового знания из старых положений, из того, что раньше уже знали, но напрямую не применяли;
- 2) мышление (*thinking*). Позволяет использовать результаты логических выводов для достижения целей, принятия решений, решения проблем, тестирования гипотез;
- 3) рассуждение (*reasoning*). По мере развития рефлексии и возможности оценивать результат мышления у человека появляется возможность выбирать наиболее результативные образцы мышления с точки зрения достигнутых на практике целей.

В основном научные и программные эвристики касаются уровня умозаключений либо в лучшем случае получения результатов на уровне науки, эффективность применения в которой определяется действующей научной парадигмой. Для того чтобы полученный результат был проверен и/или применен в реальной экономической практике, необходимо, *во-первых*, его конкретизировать, лишив «всех возможных» и «любых» обстоятельств, отчего он, за редкими исключениями, утрачивает свою стройность и не подтверждается. *Во-вторых*, при применении разработанных философами всеобщих алгоритмов возможно получение точного решения, но по мере усложнения ситуации время на решение растет по экспоненте.

Экономисты обратили внимание на процедурный характер принятия решения относительно недавно. В исследования по принятию решений эвристики пришли как альтернатива стратегиям теории вероятностей, они являются попыткой заменить экономического «сверхчеловека» на существо, более приближенное к реальному индивиду, не способному и не готовому производить расчеты вероятностей [2]. Новый смысл эвристик как упрощений, суррогатов процедур оптимизации, а не как необходимого инструмента исследования социального поведения, возник в 1960-х гг., когда статистические процедуры, такие как дисперсионный анализ (ANOVA) и байесовские методы, стали инструментами прикладных исследований. Термин эвристика был введен для отражения разницы между рациональными стратегиями и реальным человеческим поведением.

Идею использования эвристик для объяснения принятия решений впервые предложил Нобелев-

ский лауреат Г. Саймон. В дальнейшем его идеи были развиты психологами А. Тверски и Д. Канеманом. Было введено даже специальное понятие — оценочная эвристика. В психологии считается, что эвристики представляют собой простые и эффективные правила, выработанные эволюционным путем у человека или устоявшиеся в общественном сознании и нормах. Они показывают, как люди принимают решения, выносят суждения и решают проблемы, когда сталкиваются со сложной ситуацией в отсутствии полной информации. Такие правила хорошо работают в большинстве случаев, однако приводят к систематическим ошибкам или когнитивным искажениям. Эвристика как механизм стала ассоциироваться с когнитивными искажениями (*cognitive biases*) и иррациональностью [3]. Человек, как инвалид без руки, вынужден приспособиться к своим недостаткам. Эвристики и есть такие приспособления. В дальнейшем Г. Гигеренцер и П. Тодд [4] показали, как эвристики способны приводить к, в принципе, точным решениям без систематического смещения (быстрые и экономные эвристики — «*fast and frugal*»).

В экономической теории использование альтернативной, эвристической модели принятия решений характерно для посткейнсианского и институционального подходов, первый из которых утверждает процедурную рациональность в качестве основы для принятия повседневных (в том числе и потребительских) решений. Второй способствует достижения социальными психологами в области объяснения механизма выбора и применяет их для анализа устоявшихся экономических структур.

Традиционная модель экономистов (теория рационального выбора) никоим образом не отражает поиск решения. Она представляет процесс либо в статике (как готовое равновесие, распадающееся на элементы), либо в сравнительной статике (как цепочки равновесий, которые проходит система под действием внешних влияний). Но это не позволяет понять, каким образом реальная ситуация выбора может быть преобразована в равновесие.

После столь подробного анализа истории взглядов на понимание эвристических процессов поясним, что же можно считать эвристикой, и как это понятие может быть использовано в экономической теории.

Эвристики (от греческого «*Ερίσκω*» — «найти» или «открыть») являются эмпирическими техниками решения проблем и обучения. Приведем смысловые оттенки термина:

- 1) методы решения задач, в противовес формальным методам, которые сокращают время решения задачи по сравнению с перебором (эвристические методы);
- 2) методы продуктивного творческого мышления, метатеория решения творческих задач (эвристическая деятельность);
- 3) попытка программиста заложить в программный код интуитивно понимаемый им метод

- решения задачи, которым пользуется человек при решении подобных задач (эвристическое программирование);
- 4) методы обучения, при котором обучаемому задается серия наводящих вопросов и примеров (эвристическое обучение);
 - 5) раздел науки о мышлении, изучающий творческую деятельность, находящийся на стыке психологии, теории искусственного интеллекта, структурной лингвистики, теории информации (эвристическая наука);
 - 6) процедура решения проблемы, с помощью которой можно в ситуации неопределенности и разового выбора получить удовлетворительное решение (прикладная эвристика).

Из всех предложенных оттенков смысла для анализа реального выбора может быть востребован прикладной аспект, а именно способность эвристики помочь в принятии индивидуальных экономических (предпринимательских и потребительских) решений.

Эвристический метод позволяет ускорить процесс поиска удовлетворительного решения проблемы в том случае, если расширенный поиск информации и тщательное обдумывание не имеет смысла. Примерами могут служить приближенный подсчет, интуитивное суждение, здравый смысл. Эвристика, в этом смысле, – стратегия принятия решения, использующая доступную, однако сложно применимую информацию в упрощенном, снятом виде. Общим принципом появления собственной эвристики является метод проб и ошибок: люди делают выбор, если он приносит удовлетворительный уровень чистого выигрыша, значит эвристика закрепляется.

В социальных науках имеется несколько теорий для объяснения процессов, происходящих в мозге человека и приводящих к появлению эвристики. Все они связаны с выявлением сознательных и бессознательных компонент и описанием их роли и процесса комбинации. В предложенной Вашему вниманию статье рассмотрим три основные теории: подмена объекта прототипом, теория неосознанного мышления, теория трех систем, последовательно проанализировав описываемый ими экономический эффект от использования бессознательного в принятии решений.

1 теория: Подмена объекта прототипом

Механизм действия эвристики связан с подменой объекта его прототипом (эффект атрибуции «*attribute substitution*») [5]: при формировании мнения о сложной ситуации (описании сложной характеристики объекта) легче принять решение, заменив сложное шаблоном (прототипом). Реальная ситуация классифицируется по усредненным характеристикам и подгоняется под уже имеющийся у потребителя прототип ситуации, который оказывается более доступным для понимания, чем реальность. Далее принимается решение исходя из прототипа.

Замещение происходит легче, если складываются следующие обстоятельства:

1. Характеристика объекта четко не определена. Например, вопрос «Назовите дату своего рождения?» является конкретным и подразумевает прямой ответ. Другой вопрос «Что бы вы хотели получить на день рождения?» вызывает необходимость размышления, сопоставления различных вариантов будущего, оценки возможностей дарителя, а потому, если раньше потребитель не размышлял об этом, вызывает ступор и подмену ситуации шаблоном.
2. Имеются в доступе другие, напрямую не связанные характеристики. Например, потребитель может переносить характеристики своего эмоционального состояния на продукт.
3. Подмена характеристик не отслеживается и не корректируется в сознании потребителя. Например, блокнот и ручка стоят 110 р., блокнот стоит на 100 р. больше чем ручка, сколько стоит ручка? В этой задаче быстрый и неправильный ответ – 10 рублей, хотя правильный ответ – 5 р. ($x + (100 + x) = 110$). Потребитель может найти правильный ответ, если немного поразмышляет, но он этого не делает, находя быстрое и приблизительное решение.

Подмена на прототип приводит к экономии ресурсов потребителя. Сделанные однажды на основе анализа ситуации выводы, интегрированные в прототип, применяются вновь и вновь, что дает экономию от масштаба, сберегая ресурсы для более жизненно важных решений.

2 теория: Теория неосознанного мышления

Для того чтобы понять механизмы неосознанного принятия решения, обратимся к теории неосознанного мышления (Unconscious Thought Theory) [6]. При осознанном принятии решения человек отдает себе отчет в том, исходя из каких соображений, и как он принимает решение. Неосознанный процесс размышления происходит параллельно и влияет на итоговое решение. Неосознанное размышление лучше всего определить как процесс взвешивания информации в случае, если внимание нацелено на иную сознательную деятельность. Теория исходит из принципов:

- 1) неосознанного мышления. Неосознанное мышление более эффективно, когда внимание направлено на другую активность. Бессознательная система автоматически включает соответствующие задаче механизмы, о существовании которых субъект и не подозревает;
- 2) емкости. Человек способен в кратковременной памяти одновременно удерживать не более семи информационных единиц, подсознание же имеет большую емкость;
- 3) «снизу-вверх» или «сверху-вниз». Бессознательное работает «снизу-вверх», что означает отсутствие жестких схем восприятия. Сознание воспринимает мир по шаблону, то есть работает «сверху-вниз» или схематично. Мысль, руково-

- димая схемой, обычно ведет к рассуждениям в соответствии с предыдущими убеждениями. Все, что им не соответствует, отбрасывается.
- 4) взвешивания. Принимая решение сознательно, люди получают возможность обращать слишком много или слишком мало внимания на различные характеристики объекта, что смещает выбор относительно оптимума. Бессознательный процесс делает процесс обращения с атрибутами «более объективным и естественным».
 - 5) конвергенции или дивергенции. Сознательное размышление конвергентно, поскольку может накапливать объемы информации. После сбора разнородной информации необходимо время или пауза, во время которой произойдет подсознательная сортировка информации, поверхностные и неважные сигналы исчезнут из памяти, произойдет дивергенция, и будет принято более удачное решение.
 - 6) инкубации, особенно актуальный для творческого решения проблем. После начального периода сбора информации иногда не стоит сознательно концентрироваться на проблеме, нужное решение приходит совершенно неожиданно спустя некоторое время.

Применение неосознанного мышления обычно дает более взвешенные решения в сложных ситуациях, о чем свидетельствуют экспериментальные данные психологов.

Как известно, сознательные процессы в человеческом мозге используют 4...6 % его потенциала, 20 % занимают неосознанные процессы. Выражаясь экономическим языком на первый взгляд получается, что человек находится «под кривой своих производствен-

ных возможностей». Принимая во внимание вышеизложенную теорию неосознанного мышления, можно утверждать, что приблизиться к оптимальному использованию ресурсов мозга человек может, если не будет отвергать возможность протекания части аналитических процессов по принятию решения в бессознательном. Это и позволяют делать эвристики.

3 теория: Модель трех систем

Включение в анализ процесса принятия решения неосознанных процессов согласуется с моделью трех систем Д. Канемана [5] (рисунок). В данном случае сознательное принимает форму рассуждения (или системы 1), неосознанное – интуиции (система 2) (рисунок).

Рассуждение происходит намеренно и когнитивно затратно, интуитивная система спонтанно дает решения, без сознательного поиска или вычислений, без усилий. Повседневные наблюдения и систематические исследования показывают, что большинство мыслей и действий, как правило, интуитивны. Процессы системы 1 быстры, автоматичны, незатратны, ассоциативны, эмоционально подкреплены, они часто закреплены в привычках, и потому их тяжело контролировать и изменять. Процессы в системе 2 медленнее, последовательны, сознательно контролируются, а потому затратны. Они могут быть подвергнуты корректировке и потенциально основаны на правилах.

Разница в усилиях, затрачиваемых на применение правила, является самым эффективным способом указания, относится ли данный психический процесс к системе 1 или системе 2. Так как общий когнитивный потенциал ограничен, затратные

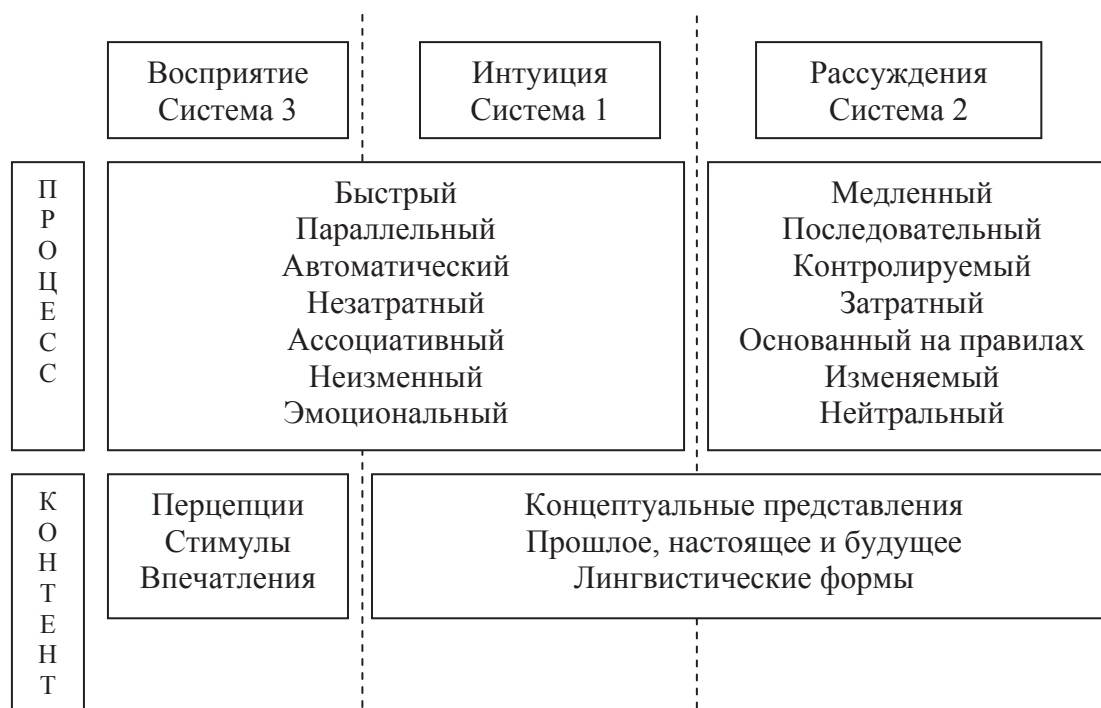

Рисунок. Схема трех когнитивных систем на основе [5]

процессы, как правило, конкурируют друг с другом в сознании, в то время как менее затратные процессы (восприятия и системы 1) не вызывают помех друг другу. Системы восприятия и интуиция создают впечатления от атрибутов объектов. Эти впечатления ненамеренные и не нуждаются в вербализации. Суждения же всегда явные и намеренные, и не важно, были ли они вербализованы. Система 2, тем не менее, участвует в вынесении всех суждений. Просто те из них, которые берут свое начало в системе 1, непосредственно отражают впечатления, которые проходят фильтр и вербализуются в системе 2.

Если необходимо обучение новому правилу, то это происходит в неосознанном режиме: процесс, первоначально происходящий в системе 2, незаметно для индивида переходит в систему 1 либо передается неосознанно из системы 1 одного индивида в систему 1 другого.

Модель трех систем указывает на то, что в ситуации перегруженности внимания современного человека и необходимости принятия решения по множеству направлений одновременно быстрота и незатратность первой системы дают конкурентное преимущество индивиду, ее использующему. В усложняющейся и постоянно меняющейся среде попытки вербализации таких зачастую неважных решений как потребительские приводят к потере конкурентоспособности индивида в профессиональной сфере.

Фактически автоматическое, эвристичное поведение у людей превалирует, поскольку во многих случаях оно наиболее целесообразно, а в других случаях – просто необходимо [7]. Иногда люди долго размышляют, сопоставляют, но, несмотря на это, менее удовлетворены своим выбором, чем в ситуации случайного поступка. Это происходит потому, что эвристики имеют перед рассуждением ряд преимуществ:

1. Эвристики малозатратны в отношении когнитивных ресурсов. В ситуациях мультиатрибутного выбора потребители могли бы улучшить свой выбор, составив лист характеристик на бумаге. Многие ли так делают? Проблема состоит в том, что держать все атрибуты и их значения по альтернативам в памяти человек не способен.
2. Человеческая способность ранжировать характеристики ограничена. И этому есть две причины: под вопросом способность человека определить веса в соответствии с имеющейся информацией, а также способность сохранить ранжировку в условиях действия информационного шума и меняющейся ситуации.
3. Не все характеристики могут быть вербализованы, определены и измерены, но это не значит, что они не важны. Наиболее важный выбор в своей жизни (выбор спутника жизни, выбор профессии) человек делает именно на основе слабо поддающихся описанию характеристик [8].
4. Рациональный расчет обращает внимание потребителя на контекстуальную информацию,

часть которой стоит в некоторых случаях игнорировать.

5. У потребителя может иметься некая теория по отношению к выбору, применяя которую потребитель «зашоривает» выбор и получает меньшее удовольствие. Примером этого служит ошибка диверсификации (*diversification bias* [9]): студенты в эксперименте посчитали, что заказывая питание на неделю вперед, они получают больше удовольствия от потребления разнообразной пищи. Если им предоставляли каждый раз заново выбирать, они склонялись к выбору одного и того же любимого блюда. Причиной этого была ложная посылка о том, что необходимо разнообразить питание, хотя если сейчас блюдо нравится, то почему завтра и послезавтра оно должно надоест? И. Симонсон показал в эксперименте, что те, кто выбирал разнообразие, позже жалели о своем выборе [9].
6. Иногда индивиды подходят к проблеме напрямую, пытаются решить ее тотчас же, но они не обладают достаточной информацией и применяют смещенный подход. Не решая проблему или откладывая ее решение, потребители получают новую информацию, которая упрощает принятие верного решения, а иногда проблема может сняться сама собой. Этот подход особо верен при определении потребностей. Когда под давлением маркетингового пресса потребитель не особо уверен в том, действительно ли ему стоит покупать новый товар, необходимо применить «правило трех гвоздей» (данное правило не является эвристикой в полном смысле, оно скорее относится к разряду практических разновидностей – *rule of thumb*): сначала отложить покупку до лучших времен («повесить на 1 гвоздь»), позже, если все же человек сталкивается с необходимостью, например, в бытовом приборе, отложить покупку до повода (праздника и т. п. – «перевесить на 2 гвоздь») и, только если до праздника желание действительно не пропало, стоит товар все же купить («перевесить на 3 гвоздь»).
7. Потребитель не может различить близкие оттенки получения удовольствия. Он может принципиально отличить, улучшает ли товар его благосостояние или нет, но провести градации улучшения ему бывает не под силу. Здесь вступают в действие эвристики.
8. Если при применении эвристики были допущены неверные выводы, но они мало повлияли на исход потребления, и нет возможности «дважды войти в ту же воду» (произошла оценка товара, повторный выбор которого в тех же условиях невозможен), то факт применения эвристики, а не рассуждения, будет иметь мало значения, а экономия когнитивных усилий велика.
9. При применении эвристики были допущены ошибки, которые могут быть исправлены. Человек редко встречается с ситуацией выбора,

неправильные решения в которой в дальнейшем не могут быть устранены или скорректированы активными действиями самого человека. Если потребитель, например, понял, что правило, которое он применял в ходе выбора, неправильное, то он может в будущем его скорректировать, хотя вероятнее всего повинной в неправильном выборе будет объявлена не эвристика, а другой субъект или обстоятельство. Сам же потребитель будет им противодействовать, разрешение проблемной ситуации будет представлено как личная победа или достижение.

10. Эвристика – это вероятные стратегии для создания социальных, а также несоциальных оценок. Социальные оценки относятся к другим индивидам, несоциальные – к предметам живой и неживой природы. Рассмотрение несоциальных оценок как предмета эвристик происходит по нескольким причинам. *Во-первых*, различие между социальными и несоциальными оценками условно, фактически любая существенная оценка имеет социальные последствия. *Во-вторых*, социальные оценки включают те же виды неопределенности, которые характеризуют несоциальные оценки. *В-третьих*, социальные оценки включают новые источники неопределенности. Информация относительно людей более неоднозначна, менее надежна и более непостоянна, чем информация относительно предметов или несоциальных событий, так как личные признаки не «написаны на лицах людей», как у предметов обозначен их цвет, форма или размер. Таким образом, личные признаки скорее должны быть выведены, чем наблюдае-

мы непосредственно. У людей есть намерения, не все из которых непосредственно обозначены. Учитывая, что наиболее существенные социальные действия могут совершаться по различным причинам и могут привести к различным последствиям, значение социального действия по существу неоднозначно. Хотя предметы сохраняют свои признаки независимо от ситуации и времени, мотивы людей меняются как с минуты на минуту, так и в течение жизни. Таким образом, даже правильный вывод в одной ситуации может быть бесполезен с точки зрения прогнозов. Отсутствие полной, надежной информации для прогноза относительно людей и социальных взаимодействий предполагает, что люди используют эвристики, позволяющие им делать выводы и предсказания, отталкиваясь от тех скудных и ненадежных данных, которые являются доступными [10. Р. 221].

Получается, что с экономической точки зрения применение эвристик вместо затратного механизма рационального выбора вполне обосновано. Человек как существо в ходе биологической эволюции приобрел чрезвычайно сложный мыслительный аппарат, что позволило ему занять положение господствующего вида. Одновременно с этим человеческое сообщество превращается в настолько сложную, быстро меняющуюся и перегруженную информацией окружающую среду, что индивиды под прессом избытка информации вынуждены все чаще упрощать принятие решений до уровня простых реакций, уподобляясь животным, которых люди давно превзошли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Moshman D. From inference to reasoning: The construction of rationality // *Thinking & Reasoning. Special Issue: Development and Reasoning.* – 2004. – V. 10. – Iss. 2. – P. 221–239.
2. Goldstein D.G., Gigerenzer G. Models of Ecological Rationality: The Recognition Heuristic // *Psychological Review.* – 2002. – V. 109. – Iss. 1. – P. 75–90.
3. Tversky A., Kahneman D. Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science. New Series.* – 1974. – V. 185. – № 4157. – P. 1124–1131.
4. Gigerenzer G., Todd P.M. Simple Heuristics that Make Us Smart. – New York: Oxford Univ. Press. 1999. – 443 p.
5. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review (American Economic Association).* – 2003. – V. 93. – Iss. 5. – P. 1449–1475.
6. Dijksterhuis A., Nordgren L. A Theory of Unconscious Thought // *Perspectives on Psychological Science.* – 2006. – V. 1. – № 2. – P. 95–109.
7. Bodenhausen G.V., Lichtenstein M. Social Stereotypes and Information-Processing Strategies: The Impact of Task Complexity // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1987. – V. 52. – № 5. – P. 871–880.
8. Wilson T.D., Schooler J.W. Thinking Too Much: Introspection Can Reduce the Quality of Preferences and Decisions // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1991. – V. 60. – № 2. – P. 181–192.
9. Simonson I. The Effect of Purchase Quantity and Timing on Variety-Seeking Behavior // *Journal of Marketing Research.* – 1990. – V. 27. – № 2. – P. 150–162.
10. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 630 p.

Поступила 28.12.2011 г.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА

М.В. Рыжкова

Томский политехнический университет

E-mail: marybox@inbox.ru

На основе общей схемы рационального действия представлена классификация экономических факторов потребительского поведения, для трех основных направлений экономической мысли (политэкономическое, неоклассическое, кейнсианское) выявлены возможности характеристики каждой из групп факторов, предложена классификация экономических потребительских рисков на основе анализа ситуаций неопределенности.

Ключевые слова:

Факторы потребительского выбора, история экономической мысли, потребительские риски.

Key words:

Factors of consumer choice, history of economic thought, consumption risks.

Все случайное в нашей жизни – результат многообразия факторов, действующих или действовавших в прошлом на объекты, вовлеченные во взаимодействие. Человек не является исключением: его воля, желания, способности есть результат стечения обстоятельств, под воздействием которых шло его формирование. Возражение по поводу генетических задатков также легко отвергнуть: за то, что геном конкретного индивида сложился таким, а не иным образом, ответственны факторы, действовавшие во всей истории объектов, причастных к появлению на свет маленького существа. Таким образом, каждый поступок индивида является результатом действия обширной системы факторов, часть из факторов носят латентный характер, но это не означает, что факторы незначимы для нашего поведения. Даже мимолетно оказавшие влияние, они могут значимо изменить нашу жизнь.

Объектом нашего исследования является потребительская деятельность индивида. Факторы, оказывающие влияние на эту сферу жизнедеятельности, можно условно разделить на две группы [1. С. 80–82]: неэкономические, как результат длительного воздействия социума на человека в ходе социализации, сформировавшей предпочтения индивида, и экономические, как объективные характеристики конкретной ситуации потребления, ограничивающие проявления предпочтений.

Покажем место каждой из групп факторов в общей схеме рационального действия, рисунок. Логически мыслящий индивид поступает следующим образом:

- 1) мотивация выбора ведет к формированию предпочтений (вкусов) и целевой функции. Индивид формирует параметры желаемого. От целей, как и формирующихся на их основе предпочтений, требуется, чтобы они были ранжированы непротиворечиво и были различимы одна от другой;
- 2) индивид ищет правило выбора, которое гарантирует, что из известных вариантов будет выбран тот, который согласно мнению или ожиданиям человека в некоторой степени будет отве-

чать его предпочтениям. В общем случае степень заявляется как оптимизационная;

- 3) с помощью правила устанавливается связь между упорядоченными предпочтениями, имеющимися внешними и внутренними ограничениями, с одной стороны, и актом выбора или действием, с другой. В общем, люди выбирают то, что они предпочитают. На рынке это выражается в наблюдаемом покупательском поведении, при агрегировании которого на микроуровне явление предстает в виде рыночного спроса, на макроуровне – потребительских расходов.

Рисунок. Общая схема рационального действия

Ограничивающие условия проявления предпочтений можно обозначить как экономические факторы потребительского поведения.

Среди экономистов нет консенсуса по поводу того, как выявлять экономические факторы, влияющие на потребление, а значит и изучать его, что считать экономическими факторами. Критерием для выявления экономических факторов в данной статье будет выступать одно из положений деятельностной парадигмы изучения социальных субъектов, но в его узкой трактовке, а именно: **экономические факторы касаются ресурсов потребителя и возможностей их использования.**

Отграничив таким образом экономические факторы потребительского поведения, получим следующую их классификацию:

- 1) ресурсы. К ресурсам потребителя относятся доход, получаемый от использования факторов производства, ему принадлежащих, информация о товаре, время, которое потребитель готов потратить на осуществление покупки;
- 2) возможности использования ресурсов (условия, ограничивающие использование ресурсов потребителем). К ним относятся цена товара,

ожидания потребителя относительно будущего, наличие товара (его месторасположение).

При этом логично рассматривать три фактора – информацию, время и наличие товара – совместно в силу их тесной взаимосвязи. Наличие товара (зона досягаемости потребителя) зависит от времени, которое потребитель может затратить на поиск, и информации о возможных местах нахождения товара. Информация, имеющаяся у потребителя относительно товара, зависит от наличия товара в доступных потребителю местах и от времени, которое потребитель может потратить на ее сбор. Время поиска зависит от заинтересованности человека в поиске товара или информации о нем и наличии информации о местах, где этот товар может находиться. Все три категории связаны через уровень транзакционных издержек, который потребитель считает для себя достаточным (удовлетворительным).

В дальнейшем экономические факторы, влияющие на поведение потребителя, будут рассматриваться в следующей последовательности: доход, цена, ожидания, наличие, информация и время. Такая последовательность в рыночной экономике обусловлена большим значением дохода среди ресурсов, а среди ограничений – цены.

Среди современных российских экономистов нет единого мнения относительно методологии изучения вышеназванных факторов применительно к сфере потребления. Все многообразие концепций можно условно объединить в три направления исследований, по своему понятийному и методологическому содержанию соответствующих основополагающим концепциям экономической мысли, а именно:

1. Политэкономическое (концепции потребительских минимумов).
2. Неоклассическое (экономические модели поведения потребителей).
3. Кейнсианское (функциональный подход к поведению потребителей).

Целью данной статьи будет анализ по каждому из выделенных направлений особенностей характеристики экономических факторов, действующих на потребление.

1. Концепции потребительских минимумов

1.1. Доход. Расчет этой переменной потребительского поведения является основной целью концепций потребительских минимумов. Различия в расчете минимума на основе разных методик состоят в разном ответе на вопросы «Что считать минимумом?» и «Что считать воспроизводством?». Воспроизводство данного индивида может быть физиологическое (сохранение индивида как биологического существа), простое (уровень расходов обеспечивает поддержание на стабильном уровне текущих характеристик потребителя или его человеческого капитала) и расширенное (расходы при этом учитывают все предыдущие направления плюс предполагают затраты на совершенствование

человека). Исходя из анализа методик [1. С. 82–98] и при допущении о полностью рыночных источниках потребительских товаров, можно утверждать, что прожиточный минимум не обеспечивает даже воспроизводства первого уровня. Минимальный потребительский бюджет и минимальный социальный бюджет можно считать бюджетами потребителя, отражающими его простое воспроизводство. Только бюджет высокого достатка позволяет не только воспроизводить, но и улучшать качество человеческого капитала, что, по нашему мнению, является жизненно необходимым условием отсутствия деградации работника на современном рынке труда.

1.2. Цена. Из основной цели подхода – расчета типового минимума средств существования – вытекает необходимость усреднения. Это касается и цен. Для расчетов принимаются среднестатистические цены на укрупненные группы товаров по данным официальной статистики. В каждую из этих групп попадают товары разного уровня качества. Это качество широко варьируется не только по объективным параметрам, но и по «виртуальным» характеристикам, наличие которых не обязательно для удовлетворения первоочередных потребностей (престижность марки, престижность места продажи и так далее). Исходя из замысла исследования, для удовлетворения первоочередных потребностей человека нужно брать недорогие товары, у которых, как правило, и качество не на высоте. Товары с невысоким качеством не могут служить столько, сколько предусмотрено нормами износа. Тогда нормативные сроки для этих товаров необходимо скорректировать с учетом того, что товары могут выхлывать из употребления раньше срока.

1.3. Ожидания. Ожидания потребителей могут учитываться введением статей накоплений на ожидаемые и непредвиденные события. Такими событиями могут быть жизненные ситуации, требующие повышенных расходов, которые, в то же время, не являются роскошью (свадьба, похороны, серьезная болезнь потребителя или его близких, «черный день» и так далее). Отдельные элементы ожиданий учтены в минимальном социальном бюджете, а именно накопления на жилье и статья «Прочие расходы» в каждой крупной группе товаров (хотя это сделано скорее для учета ассортиментного разнообразия, чем для осуществления накоплений). Отдельные элементы учтены в минимальном потребительском бюджете, как то услуги правового характера, ритуальные услуги, сбережения (как процент от дохода). Относительно рассчитываемых минимумов в целом можно сказать, что не сформирована система резервов на непредвиденные расходы в бюджетах: «идеальный потребитель», который может прожить на рассчитываемых минимумах, не подготовлен к изменениям в жизненной ситуации.

1.4. Наличие, информация и время. Наличие, информация и время не учтены как факторы, влияющие на построение потребительского бю-

джета. Предполагается, что потребителю доступен товар именно по тем ценам, которые учтены в минимумах. Товар всегда есть в наличии, и потребитель знает, где он находится и, следовательно, не тратит время на его поиск и приобретение. Трансакционные издержки, таким образом, в этом подходе равны нулю.

2. Экономические модели поведения потребителя

Сосредоточим свое внимание на неоклассической модели в ее варианте, изложенном в работах У. Джевонса, М. Фридмена, Л. Вальраса, Дж. Хикса. Особенности анализа потребительского поведения в рамках этой модели сводятся к следующему:

2.1. Доход. В неоклассической модели потребительского выбора, использующей инструментарий кривых безразличия и бюджетных линий, сумма координат точки на бюджетной линии соответствует реальному доходу потребителя. Модель потребительского поведения может учитывать доход как экзогенный фактор, но в более современной ее трактовке рассматривается совместно три рынка, на которых действует домохозяйство (потребительский рынок, рынок труда, рынок активов). Основной акцент ставится не на выявление закономерностей потребительского поведения, а на моделирование совместного равновесия этих рынков.

2.2. Цена. В неоклассической теории относительные цены товаров отражаются через наклон бюджетной линии. Представляется проблематичным построение карты кривых безразличия для разных товарных групп, не связанных отношениями замещения. Изменение цены ведет к изменению положения n -мерного бюджетного пространства через перераспределение ценового эффекта между товарами (эффект дохода и эффект замены). Полезным инструментом анализа поведения, введенным неоклассической школой, стало использование коэффициентов эластичности для выявления степени этого перераспределения, которые носят усредненный по данному рынку характер. При оперировании индивидуальными характеристиками использовать рыночные коэффициенты не совсем корректно. Большинство рынков потребительских товаров функционирует в условиях монополистической конкуренции, которая предоставляет большой выбор потребительских товаров, обладающих достаточно обширным набором характеристик, каждая из которых должна учитываться. В итоге получается карта кривых безразличия и бюджетных плоскостей в многомерном пространстве даже для одной товарной категории. Ценность результата несопоставима со степенью усложнения анализа.

2.3. Ожидания. В ортодоксальной модели потребитель предполагается рациональным, то есть знающим исходы своих действий со стопроцентной точностью (знающим математические ожидания этих исходов). Это означает, что ожидания совпадают с предвидением. Развитие ортодоксальной модели пошло двумя путями: включение в анализ

межвременных предпочтений и учет неопределенности в поведении потребителей. Межвременные предпочтения смещают потребление дохода между временными периодами: при оптимистических ожиданиях относительно будущей ситуации потребитель не станет ограничивать свое потребление и наоборот. Учет неопределенности – очередная модификация исходной модели. Предпосылка о знании потребителем матожидания событий отвергается, вместо этого предполагается, что потребитель субъективно оценивает вероятности каждого события. Тогда в простейшем случае потребитель может максимизировать полезность, оценивая вероятности получения удовольствия от различных исходов, различных благ. Случай, когда предпочтения потребителя не аддитивны, то есть полезности у различных исходов взаимозависимы, получается замкнутый круг: полезность от первого события зависит от наступления другого события, которое, в свою очередь, входит как переменная в общую функцию полезности и также зависит от наступления первого. Отделить такие полезности не представляется возможным. С введением ожиданий изменяются переменные функции полезности: вместо полезности от товара потребитель оценивает вероятность исходов, каждый из которых дает определенный уровень полезности. Оба направления модификации исходной модели в настоящее время бурно развиваются.

2.4. Наличие, информация и время. Изначально неоклассическая модель рассматривала потребительское поведение в условиях совершенной конкуренции. Причем предполагалось, что товары находятся в одном месте – на рынке, где присутствует и сам потребитель, а значит затраты на осуществление покупки нулевые; у потребителя имеется вся информация о товаре, его цене и других важных для выбора параметрах. Тот факт, что подобные условия сложно соблюсти на практике, стал основой для дальнейшего развития концепции. Теория трансакционных издержек сводит факторы времени, информации и наличия к издержкам экономического агента. Потребитель преждем взвешивает выгоды и издержки, только теперь дополнительное время на поиск информации и осуществление покупки для него выступает в качестве сдерживающего фактора. Сравнивая дополнительные выгоды от получения информации с дополнительными издержками ее получения, потребитель максимизирует свою полезность. Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в целом дополнительная информация приводит к увеличению степени рациональности субъекта [2].

3. Функциональный подход к потребительскому поведению

Особенностью этого подхода к потребительскому поведению является то, что исследователь не рассматривает конкретные акты выбора, а анализирует поведение агрегатов.

3.1. Доход. Самый знаменитый функционал, связывающий доход и потребление, носит название функция потребления Дж.М. Кейнса, которая предполагает, что единственной эндогенной переменной, влияющей на потребление, является располагаемый доход. Современные функциональные концепции потребительского поведения представлены двумя основными направлениями: подход Холла–Эйлера и подход, утверждающий существование потребительской функции.

Первый [3] вводит в анализ феномен «случайного блуждания» (*random walk*): согласно гипотезе постоянного дохода, потребители сталкиваются с колебаниями дохода и прилагают все усилия для того, чтобы сделать свое потребление на протяжении жизни более или менее равномерным. В каждый конкретный момент потребители выбирают уровень потребления на основании их текущих ожиданий в отношении будущего дохода. Получая новую информацию, они перестраивают свои планы и изменяют уровень потребления. Если потребители оптимально пользуются всей имеющейся информацией, то пересмотр их ожиданий в отношении будущих доходов в течение жизни должен быть непредсказуемым. Поэтому изменения в их потреблении также непредсказуемы.

Второй объединяет ряд феноменов, таких как: 1) «избыточное сглаживание» (*excess smoothness*) или парадокс Дитона [4], статистически доказывающий, что потребление оказывается чрезмерно сглаженным, то есть недостаточно изменчивым в ответ на изменения в доходе; 2) «избыточная чувствительность» (*excess sensitivity*). По сути, потребитель определяет уровень своего потребления на период времени t , не располагая полной информацией о доходе этого периода, на его выбор влияет доход $t-1$ периода.

3.2. Цена. Функциональные концепции связывают цену как фактор потребительского поведения с общим направлением движения всех цен в экономике – инфляцией, которая также влияет на потребительское поведение. Вследствие большой инфляции потребитель ограничен в выборе альтернатив осуществления сбережений. Он вынужден больше ориентироваться на расходование своих доходов в текущем периоде в попытке избежать их обесценения. Более того, непредсказуемость уровня самой инфляции формирует негативные ожидания у потребителей, то есть ожидания ухудшения как ситуации на потребительском рынке и в сфере реальных доходов, так и в целом макроэкономической ситуации. В ситуации умеренной инфляции средняя норма потребления ниже, чем при галопирующей и гиперинфляции. Это еще более верно для предельной нормы потребления, которая играет роль опережающего индикатора: в ситуации ожидания высокой инфляции потребители реагируют прежде всего высокими расходами из дополнительного дохода.

3.3. Ожидания. Самым распространенным агрегированным вариантом изучения потребительских ожиданий является гипотеза постоянного дохода с учетом рациональных ожиданий дохода М. Фридмена, которая описывает изменения дохода во вре-

мени. Доход распадается на две компоненты: постоянный доход, который потребители ожидают сохранить в будущем, и временный, который, как правило, является результатом использования активов. Потребление в основном зависит от постоянного дохода. Потребители консервативны в потреблении и при колебаниях дохода используют свои сбережения и заемные средства для того, чтобы сгладить эти колебания. В функции потребления это отражается через выделение двух компонент: постоянной и переменной частей. Согласно гипотезе постоянного дохода, средняя склонность к потреблению зависит от отношения постоянного дохода к текущему доходу. Когда текущий доход временно превышает уровень постоянного, значение средней склонности к потреблению на время падает, и наоборот. На основании результатов исследования временных рядов М. Фридмен обосновал, что колебания дохода из года в год определяются, прежде всего, колебаниями временного дохода, следовательно, колеблется средняя склонность к потреблению. В долгосрочной перспективе колебания в доходе отражают изменение постоянного компонента, и средняя склонность к потреблению постоянна. В настоящее время рассматриваются два вида ожиданий дохода: точные ожидания дохода (ожидание индивида, а именно его вера, что доход следующего периода будет скорее составлять определенную величину, чем набор значений дохода и вероятностей их получения) и стохастические ожидания.

Гипотеза М. Фридмена – неплохая теория для построения производных моделей. Но на практике используют результаты социологических исследований (опросов) – Индекс потребительских настроений. Этот индекс характеризует потребительские оценки текущего материального положения и ожидания его изменения в ближайшем будущем. В России Индекс потребительских настроений стал рассчитываться ВЦИОМ с 1993 г. ежемесячно. Позже Росстат начал рассчитывать Индекс потребительской уверенности, но уже ежеквартально.

Индекс потребительской уверенности в России 2000-х гг. практически всегда был в зоне пессимизма (отрицательные значения), фактически только в 2008 г. количество оптимистов и пессимистов в обществе уравнилось, и то ненадолго. Индекс четко коррелирует с общей макроэкономической ситуацией кризиса 2008–2009 гг., когда индекс упал до –35 пунктов [5]. После кризиса настроения населения улучшались очень медленно, что вполне соответствует медленному выходу из кризиса реального сектора.

Достоинством этого метода является небольшой лаг обработки результатов, что повышает ценность Индекса потребительской уверенности для прогнозирования потребительского поведения и в целом макроэкономической ситуации. Опыт наблюдения в других странах показывает, что через некоторое время (3–4 месяца) после резкого изменения Индекса потребительских настроений нужно ожидать важных эндогенно стимулированных событий в экономике страны.

3.4. Наличие, информация и время. На уровне агрегатов из трех факторов в концепциях исследователей находят отражение только факторы неопределенности и риска через понятие «потребительский риск». Ниже предложим классификацию экономических потребительских рисков на основе анализа ситуаций, в которых потребитель сталкивается с неопределенностью. Неопределенность в потреблении затрагивает:

А. Доход и потребности. Запас активов обеспечивает страхование от риска так, что потребители могут тратить больше, в то время как долги будут делать потребителей более осторожными перед лицом неопределенного дохода. Можно также показать, что непредсказуемые изменения в потребностях имеют такое же влияние как неопределенность дохода на стимулирование осторожного поведения. Важное следствие неопределенности: если будущий доход сильнее обесценен из-за неопределенности, то текущий доход должен обязательно играть большую роль в определении текущего потребления. Это помогает объяснить, почему потребление ближе следует за доходом по циклу жизни, чем предлагает простая теория жизненного цикла. При неопределенности используется более высокий дисконт (то есть реальная ставка процента плюс премия за риск неопределенности дохода и потребностей). Ф. Хайаши [6], используя ежегодные американские данные, находит, что, если реальная ставка процента будет около 3,4 %, то ставка дисконта дохода будет составлять 13,2 %. Таким образом, данные предполагают, что американские домашние хозяйства дисконтируют будущий доход по намного более высокой ставке, чем реальная ставка процента.

Б. Дату смерти. Согласно обследованиям, пенсионеры не тратят сбережения в такой степени, как предсказывает простая теория жизненного цикла. Неопределенность потребностей, обсужденная выше, вероятно, будет особенно остра, когда возраст индивидуумов достигнет 70-ти и 80-ти лет, когда здоровье становится плохим, и возникает риск больших медицинских или других непредвиденных расходов. Эти соображения означают, что предельная норма потребления доходов из активов с возрастом потребителя изменяется гораздо меньше, чем подразумевает простая теория жизненного цикла.

В. Доходность сбережений. Многие сторонники моделей потребительского капитала, исчисленного из стоимости активов, предполагают, что существу-

ют безопасные активы. В ряде стран, например, Великобритании, существуют финансовые инструменты, индексированные на динамику котировок на золото. Но в большинстве стран таких ценных бумаг не существует. В реальности, неопределенность прибыльности и дохода часто повышается вместе с неопределенностью инфляции и инфляцией. В России к этому добавляется правовая неопределенность.

Неопределенность в России связана, прежде всего, с разрушением старых институтов и структур и отсутствием или неотлаженной деятельностью новых. В такой ситуации потребитель не может ожидать последствий своих действий даже приблизительно. Это подтверждают и эмпирические исследования социологов.

Особенностью изучения факторов потребительского поведения с помощью функциональных концепций является направленность на построение математических моделей и функциональных зависимостей. Этот подход имеет целью прогнозирование, что и делается с переменным успехом и некоторой вероятностью; однако когда случаются шоки любого характера, прогнозы ошибаются не только в цифрах на порядки, но и зачастую в направлении тенденции, что лишает модели прогностической значимости.

Выводы

1. Дальнейшее развитие теоретического экономического знания ведется в направлении углубления наших познаний о механизмах действия объективных ограничений выбора и реакции потребителя на эти ограничения. Появляется множество новых гипотез. Часть из них достаточно интересны, по ним накоплен достаточный материал, но они подтверждаются не во всех случаях, а значит, их пока еще рано причислять к доказанным экономическим утверждениям. Большинство не преодолели даже рубеж общепринятой гипотезы.
2. Истина не в крайностях, а где-то между. Возможно, для того, чтобы понять поведение потребителя, нужно прислушаться к тому, что говорят и делают ученые других социальных наук и даже естественнонаучных дисциплин (как делают это экономисты институционального направления). Такой междисциплинарный синтез позволит провести качественный анализ потребительского поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыжкова М.В. Социально-экономические факторы потребительского поведения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 202 с.
2. Cangelosdi V.E., Robinson M., Schkade L.L. Information and Rational Choice // Journal of Communication. – 1968. – V. 18. – № 6. – P. 131–143.
3. Hall R.E. Stochastic Implications of the Life Cycle-Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence // Journal of Political Economy. – 1978. – V. 86. – № 6. – P. 971–987.
4. Campbell J., Deaton A. Why is Consumption So Smooth? // Revi-

ew of Economic Studies. – 1989. – V. 56. – Iss. 3. – P. 357–373.

5. Потребительские ожидания в России в I квартале 2012 года // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Isswww.exe/Stg/d03/71.htm (дата обращения: 10.04.2012).
6. Hayashi F. The Permanent Income Hypothesis: Estimation and Testing by Instrumental Variables // Journal of Political Economy. – 1982. – V. 90. – № 5. – P. 895–916.

Поступила 10.04.2012 г.

УДК 339.17

МОТИВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ МНОГОУРОВНЕВЫХ ПРОДАЖ

Г.Н. Серикова, А.Л. Сериков*

Томский политехнический университет

*Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

E-mail: gnsarikova@mail.ru

Проведено исследование деятельности компаний многоуровневых продаж. Определен характер товаров, типично распространяющихся через сетевой маркетинг. Выявлены основные мотивационные механизмы, использующиеся в компаниях многоуровневого маркетинга. Выделены типичные мифы, характерные для разнообразных сетевых фирм: ипохондрические и экономические. Обсуждается следствие этой идеологии для экономического и социального благополучия распространителей товаров компаний, работающих по принципу многоуровневых продаж. Сделаны выводы о значимом присутствии сетевого маркетинга в современной экономике и использовании мифотворчества в качестве мотивационных механизмов.

Ключевые слова:

Многоуровневый маркетинг, многоуровневые продажи, сетевые продажи, сетевой маркетинг, мотивация продаж сетевого маркетинга, мотивация многоуровневых продаж.

Key words:

Multi-level marketing, multi-level selling, network sales, network marketing, network sales motivation, multi-level selling motivation.

Актуальность изучения проблем, связанных с многоуровневым маркетингом, определяется несколькими обстоятельствами. Первое из них — многоуровневый маркетинг является частью современной экономики, обладая собственными мотивационными и организационными механизмами. Второе обстоятельство заключается в привлечении значительного количества населения в качестве потребителей и распространителей. Наконец, третье обстоятельство связано юридическими и психологическими противоречиями, сопровождающимися многоуровневым маркетингом.

Синонимами многоуровневых продаж являются сетевой маркетинг, многоуровневый маркетинг [1–3]. Многоуровневые продажи — разновидность прямых продаж, при которых реализация товара конечным потребителям осуществляется непосредственно у них дома или по месту работы независимыми распространителями. За реализацию товара выплачиваются комиссионные. Рост бизнеса основывается на формировании новых уровней — привлечении распространителями товаров новых распространителей и их продажи полагаются дополнительные вознаграждения.

Следует отметить, что сетевой маркетинг чрезвычайно мало освещен в научной литературе. Информация о сетевом маркетинге представлена преимущественно в популярной литературе руководствами по быстрому обогащению, интернет-сайтами подобного содержания и носит рекламный и псевдонаучный характер. Поскольку значительная часть занятых в сетевом маркетинге не имеет официальной предпринимательской регистрации, их «теневая» деятельность находится вне поля зрения официальной статистики.

Сетевой маркетинг — молодое экономическое явление. Одной из первых компаний сетевого маркетинга, успешно работающей до настоящего времени является «Amway Corporation» (название

Amway состоит из двух слов — American Way — «американский путь»). Она возникла в 1959 г. По заявлениям официального сайта этой корпорации, у нее 3 млн распространителей, работающих в 80 странах и регионах.

В 1970–1980-х гг. в США проходили судебные разбирательства, в которых «Amway Corporation» смогла защититься от обвинений в построении «экономической пирамиды», фиксации цен и искажении информации о возможном доходе. Ряд судебных разбирательств (в Канаде, Корее) были связаны с обвинениями «Amway» в налоговых махинациях.

Первой компанией сетевого маркетинга в Российской Федерации стала «Herbalife International», вышедшая на отечественный рынок в 1989 г. Вслед за ней получили распространение другие зарубежные сетевые компании: «Mary Kay», «Oriflame», «Zepher» и другие. В 90-х гг. прошлого века на рынок вышли отечественные компании сетевого маркетинга, такие как «Арго», «Витамакс», «Мирра-Люкс» и другие.

Ряд публикаций говорит как о перспективности многоуровневых продаж для быстрого роста бизнеса без значительных капитальных вложений: экономии на складских помещениях, затратах на розничную реализацию и рекламу [1–3], так и об экономических, психологических и социальных неблагоприятных последствиях многоуровневых продаж для значительной части их участников [4]. На сегодняшний день неизвестен охват населения сетевым маркетингом, механизмы мотивации продаж, ограничения по характеру распространяемых товаров, последствия для занятых в сетевом маркетинге. С целью изучения этих проблем нами было предпринято настоящее исследование.

Материалы и методы

Исследование компаний многоуровневых продаж осуществлялось нами в 2011 г. с помощью ан-

кетирования случайной выборки населения, насчитывающей 250 жителей г. Томска и текстового анализа буклетов, которыми снабжаются распространители, работающие в сетевом маркетинге. Для проведения анкетирования была выбрана форма устного опроса. Интервьюеры проводили опрос на центральных улицах города, в городских парках, перед входами в крупные магазины. Для сбора данных авторами была разработана анкета, состоящая из 6 вопросов. Интерес для интервьюеров представляло совершеннолетнее население активного возраста (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 65 лет). В ходе опроса изучались знакомство населения с сетевым маркетингом, характер распространяемых товаров через сетевой маркетинг, охваченность населения сетевым маркетингом и мотивация участия в нем населения. Также задавался вопрос о владении какой-либо рекламной продукцией сетевого маркетинга и возможности ее временного предоставления для изучения.

Результаты

В ходе исследования 250 жителей г. Томска соотношение опрошенных мужчин и женщин оказалось 1:1.5 (100 мужчин и 150 женщин). В табл. 1 показано, что в выборку попали представители всех возрастных категорий. Преобладание в выборке молодых людей (возраст до 40 лет – 58 %) отражает специфику г. Томска, в котором много высших учебных заведений, и значительную часть населения составляют студенты.

Таблица 1. Структура распределения респондентов по возрасту и полу

Возраст, лет	18–30	30–40	40–50	50–65
Мужчины, %	12,8	11,2	10,0	6,0
Женщины, %	16,4	17,6	13,0	12,8

Вопрос: «Назовите известные Вам названия фирм, которые работают по принципу сетевого маркетинга» выявил осведомленность населения о 27 компаниях, использующих принцип сетевого маркетинга при распространении товаров на рынке г. Томска: «Потребительское общество АРГО», «ООО Артлайф», «Avon», «Корпорация Витамакс XXI век», «CielParfum», «Ecovita Group», «Faberlic Edelstar Infinum», «Fleur De Sante», «Flp алоэ Вера» «Herbalife International», «Ботэ Аккомпли», «ООО Глорион», «Coral Club International», «Корпорация ДЭНАС МС», «Корпорация Сибирское здоровье», «Mary Kay», «Mirra», «Nu skin», «Орифлэйм», «Родник здоровья», «Santegra» (Enrich), «Sunrider», «Тенториум», «Visison International People Group», «Философско-оздоровительное Движение Счастье Жизни», «Центер», «ХуаШен».

В табл. 2 иллюстрируется, что подавляющее большинство респондентов (89 %) оказались знакомы с сетевым маркетингом и назвали хотя бы одну фирму, работающую по этому принципу.

Таблица 2. Осведомленность населения о фирмах, работающих по принципу сетевого маркетинга

Количество названных компаний сетевого маркетинга	0	1–2	3–5	6 и более
Респонденты, %	11	40	39	10

Вопрос «Вы покупали товары через сетевой маркетинг?» был направлен на выяснение непосредственных контактов населения с распространителями товаров посредством сетевого маркетинга. В табл. 3 показано, что более половины всех опрошенных (59 %) заявили, что приобретали товары через сетевой маркетинг. Эти факты говорят о наличии большого количества активно действующих многоуровневых структур и широком охвате ими населения. Еще 30 % респондентов сталкивались с предложениями сетевых распространителей, но отказались от приобретения товара.

Таблица 3. Результаты анкетирования на вопрос «Вы покупали товары через сетевой маркетинг?»

Вариант ответа	Я покупал товары через сетевой маркетинг	Мне предлагали товары через сетевой маркетинг, но я никогда не покупал	Я не знаю о существовании сетевого маркетинга
Результат, %	59	30	11

На вопрос о том, какие товары покупались через сетевой маркетинг, большинство респондентов ответило, что покупками были косметика (72 %), пищевые добавки (41 %) и лекарственные препараты (21 %) (табл. 4). Последний ответ представляет большой интерес, поскольку законодательство РФ разрешает продажу лекарственных средств исключительно через аптеки.

Таблица 4. Результаты анкетирования на вопрос «Если вы покупали товары через сетевой маркетинг, то какие?»

Вариант ответа	Медикаменты	Косметика	Биологические активные добавки к пище	Бытовая химия	Одежда	Бытовое оборудование	Другое
Результат, %	21	72	41	30	0	10	5

Вопрос «Если вы покупали товары через сетевой маркетинг, то по какой причине?» был направлен на выяснения мотивов предпочтения компании сетевого маркетинга. Среди причин покупки товаров назывались все предложенные варианты (табл. 5): более высокое качество, подлинность, полезность для здоровья, выгода, отсутствие товара в магазине. Тем не менее, на первом месте (32,4 %) был аргумент отсутствия этого товара в розничной торговле. На втором месте была идея о полезности для здоровья потребителей этого товара.

Таблица 5. Результаты анкетирования на вопрос «Если вы покупали товары через сетевой маркетинг, то по какой причине?»

Вариант ответа	Высокое качество	Отсутствие в розничной торговле	Полезность для здоровья	Выгода	Подлинность	Другое
Результат, %	20	32	31	25	10	6

Нами проводился поиск аналогов продаваемой продукции в аптеках и магазинах г. Томска. Действительно, таких же товаров в традиционной торговой сети не было обнаружено. Однако товары, которые были схожими по составу (клетчатка, витамины, кремы), при продаже через сетевой маркетинг были не дешевле, а наоборот – дороже, чем в розничной торговле.

Вопрос «Вы работали в сетевом маркетинге?» выявил, что 16 % респондентов включались в тот или иной период своей жизни в сетевой бизнес. В то же время 9,6 % уже не работают в сетевых структурах в настоящее время, т. е. лишь 6,4 % продолжают работу в сетевом маркетинге, 72,4 % респондентов уверены, что не будут работать в сетевом маркетинге.

В ходе текстового анализа рекламной информации было выяснено, что дистрибьюторские пакеты (информация для продавцов) разных компаний многоуровневых продаж сходны. Каждый дистрибьюторский пакет состоит из двух частей. Одна описывает уникальные свойства товара, необходимость его потребления для сохранения здоровья и красоты. Другая часть характеризует схему выплат за продажи товара и вербовку новых продавцов, перспективы роста нового участника сетевого маркетинга. Экономические перспективы вербовки новых участников обещаются фантастические. Наградой за привлечение новых распространителей являются позиции с «миллионными заработками», например, «золотой директор» или «бриллиантовый директор». Эти звания не сопровождаются ростом полномочий, а относятся к позиционированию на одном из уровней пирамиды.

Обсуждение результатов

Анализ предлагаемых продуктов различными компаниями указывает на их непосредственное отношение к здоровью. Существенная часть потребителей сетевого маркетинга покупает товары для оздоровления или лечения. Исследование показало, что 41 % респондентов покупают биологически активные добавки к пище, и 21 % уверены, что приобретают лекарственные препараты. Возможно, распространители в сетевом маркетинге активно убеждают потребителей в том, что, принимая те или иные наборы биологически активных добавок к пище, они смогут исцелиться от тех или иных заболеваний. Следует указать, что по отечественному законодательству лекарственные препараты могут продаваться исключительно через аптеки, а пищевые добавки лекарствами не являются и не могут применяться, соответственно, для лечения.

Большая часть продаваемых товаров через сетевой маркетинг, по данным нашего исследования, являются косметическими средствами (72 %). Возможно, что именно обещание эффекта оздоровления позволяет продавать дорогие косметические препараты. Многие товары представляются как необходимые для поддержания здоровья. Таким образом, нами показано, что преобладающей идеологией, используемой компаниями многоуровневых продаж для стимулирования спроса, является ипохондрическая. Ипохондрией называют болезненную озабоченность человека собственным здоровьем, когда он предпринимает ненужную и избыточную активность в части медицинских обследований, лечебных процедур, профилактических мероприятий [5]. Ипохондрическая мифология заключается в утверждениях о том, что здоровье возможно только при постоянных усилиях по его поддержанию с помощью предлагающихся средств сетевой маркетинговой компании. Возможно, ипохондрическая идеология служит одним из ограничителей спектра товаров, распространяемых через сетевой маркетинг.

Вместе с тем, ипохондрические мифы сочетаются в компаниях многоуровневого маркетинга с мифологической критикой официальной медицины, в которой указывается на ненужную химию организма, отсталость и консервативность медиков, недостаточное внимание к «природному» питанию. Антимедицинская направленность может приводить к негативным последствиям для большого количества пациентов, нуждающихся в срочном медицинском лечении, постоянном поддерживающем лечении или стоящих перед выбором эффективного использования ограниченных средств на лечение.

Очевидно сходство многоуровневого маркетинга с финансовой пирамидой. В финансовой пирамиде продается только «воздух», а здесь фигурирует реальный товар с «воздухом». Распространители являются потенциальными пострадавшими, которые не смогут продать свой товар и оправдать свои социальные и экономические ожидания, а также затраты времени. Каждый отчетный период распространитель должен выполнять определенный объем продаж, чтобы сохранять свой статус. Для работы «схемы» необходимо, чтобы потребитель не только начал покупать товар у распространителя, но и покупал его в дальнейшем постоянно. В условиях свободного конкурентного рынка привязка потребителя к конкретному «совершенному» товару представляется утопией.

От распространителей в многоуровневых продажах требуется участие в тренингах, на которых они изучают психологические приемы манипулирования покупателями. Предлагается продавать товар в первую очередь друзьям и родственникам. Разрушительность этого поведения для социальных отношений сложно переоценить. Фактически дружеские и родственные отношения конвертируются в сетевую пирамиду.

В идеологии многоуровневых компаний мифологизируется экономическая успешность. Постулируется, что невозможно быть успешным в качестве наемного работника. Участие в многоуровневых продажах представляется как альтернатива прежней занятости – «работа на себя». Для достижения успеха предлагается максимально ясно и четко ставить перед собой «материальные цели». Подробное представление конечной цели – «коттеджа», «виллы», «машины» выдвигается как условие успешности. Таким образом, отсутствие желаемого объема продаж связывают с тем, что человек якобы сам не готов продавать. Отрицание экономической реальности приводит к принятию на себя ответственности за низкие результаты и тяжелым фрустрациям.

Выводы

Показано, что организационные и мотивационные механизмы компаний многоуровневого маркетинга сопряжены с мифотворчеством, в котором выделяются экономические, ипохондрические и антинаучные аспекты. Деятельность сетевого маркетинга – значимая часть экономической и социальной жизни общества. С учетом того, что деятельность компаний сетевого маркетинга носит сходный характер, а распространение сетевого маркетинга стремится к повсеместному, полученные результаты возможно экстраполировать на другие регионы России. Противоречия и проблемы, связанные с деятельностью компаний многоуровневых продаж, определяют актуальность дальнейших экономических, юридических и социально-психологических исследований этой темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есикова И.В. Сетевой сбыт. Как организовать глобальную дистрибьюторскую сеть. 2-е изд. – М.: Дашков и К, 2010. – 195 с.
2. Попов С.Н. Русский путь в сетевом маркетинге: Стратегия и тактика победителя. – М.: Фаир-Пресс, 2003. – 266 с.
3. Зуева Д.С. Сетевой маркетинг как нетрадиционная форма хозяйственной организации // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 4. – С. 67–92.
4. Serikova G.N., Serikov A.L. Problems and myths of multilevel marketing // Economics and management: Proc. XXth Sci. Conf. – Hanoi: University of technology, 2006. – P. 203–206.
5. Barsky A. Hypochondriasis in evolution of DSM criteria in medical outpatients // Arch. Gen. Psychiatry. – 1986. – № 43. – P. 439–453.

Поступила 27.12.2011 г.

УДК 332.72:339.13.07

ПРИМЕНЕНИЕ PESTEL-АНАЛИЗА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ

Э.В. Плучевская, А.А. Кондратьева

Томский политехнический университет
E-mail: emilyval@rambler.ru

Предположено, что для расширения области оценки состояния предприятий, действующих на отраслевом рынке, необходимо использование нескольких аналитических инструментов в целях формирования стратегий дальнейшего развития. Доказана, на примере рынка недвижимости, эффективность совмещения методики PESTEL-анализа с результатами SWOT-анализа путем выявления факторов, влияющих на рынок недвижимости, и оценки вероятности их проявления при прогнозировании развития предприятий в данной отрасли, и определения возможных ответных мер руководства предприятий, функционирующих на рынке недвижимости.

Ключевые слова:

Методика, PESTEL-анализ, рынок недвижимости, угрозы, возможности, отраслевой рынок, эффективность, управление, альтернативные решения.

Key words:

Method, PESTEL-analysis, real estate market, threats, opportunities, industry market, efficiency, management, alternative solutions.

Предметом изучения рынка с точки зрения предприятия является среда, которая состоит из микросреды и макросреды. По отношению к рынку недвижимости в микросреду входят управляемые факторы, т. е. те на которые предприятие, функционирующее на этом рынке, может влиять, например, внедрение новых технологий. С другой стороны, в макросреду включаются неуправляемые факторы, на которые предприятие никак по-

влиять не может. Для более точной и взвешенной оценки внешних факторов влияния окружающей среды (возможности/угрозы), что было сделано в SWOT-анализе в серии наших предыдущих статей [1], могут применяться следующие системные анализы внешних факторов: STEPE (PESTE), ETOM и QUEST. Все перечисленные анализы относятся к области рыночных исследований макросреды [1].

Таблица 1. Тенденции, имеющие значение для стратегии развития предприятий, действующих на рынке недвижимости

Политика (P)	Экономика (E)
P1. Будущие изменения в законодательстве; P2. государственная поддержка развития регионов; P3. государственное стимулирование естественного прироста; P4. правительственная политика; P5. госрегулирование конкуренции; P6. торговая политика; P7. ужесточение госконтроля и штрафные санкции; P8. финансирование, гранты и инициативы, гос. заказы; P9. группы лоббирования/давления рынка; P10. государственные жилищные программы поддержки населения; P11. антиинфляционная политика; P12. прочее влияние государства в отрасли; P13. государственная поддержка строительных организаций; P14. дипломатические войны	E1. Экономическая ситуация (ВВП); E2. уровень инфляции; E3. инвестиционный бизнес-климат; E4. общие проблемы налогообложения; E5. динамика отечественного рынка недвижимости; E6. платежеспособный спрос населения; E7. специфика строительной отрасли; E8. товаропроводящие цепи и дистрибуция; E9. потребности конечного пользователя; E10. обменные курсы валют; E11. основные внешние издержки (энергоносители, транспорт, сырье, аренда, комплектующие); E12. динамика занятости населения; E13. ужесточение госконтроля и штрафы; E14. нехватка квалифицированных кадров
Социальная сфера (S)	Технология (T)
S1. Демография; S2. сезонность в отдельных регионах (наукоградах); S3. структура доходов и расходов; S4. базовые ценности; S5. тенденции образа жизни; S6. здоровый образ жизни; S7. отношение к работе и отдыху; S8. необходимость развития и благоустройства инфраструктуры; S9. модели поведения потребителей; S10. главные события и факторы влияния; S11. катаклизмы и форс-мажорные обстоятельства; S12. потребительские предпочтения; S13. представления СМИ; S14. реклама и связи с общественностью	T1. Развитие новых технологий; T2. финансирование НИОКР; T3. связанные/зависимые технологии; T4. замещающие технологии/решения; T5. зрелость технологий; T6. адаптация новых технологий; T7. производственная емкость, уровень оснащения строительства; T8. информация и коммуникации; T9. потребительские предпочтения инновационных строительных технологий. Потенциал инноваций; T10. развитие связанных технологий (сфера обслуживания и поддержки); T11. износостойчивость конструкций инженерии дома; T12. доступность, лицензирование, патенты; T13. индивидуальные архитектурные проекты; T14. трансфер технологий
Экология (E)	Право (L)
E1. Экологичность применяемых технологий в строительстве и эксплуатации; E2. экологическая ситуация региона; E3. экологичность применяемых материалов; E4. шумовой фактор; E5. механический фактор: захламливание территории (участка земли) объекта недвижимости; E6. химический фактор. Изменение химических свойств атмосферы, почвы и воды; E7. изменение физических параметров окружающей природно-антропогенной среды объекта недвижимости; E8. электромагнитное влияние на окружающую среду; E9. радиационное влияние на окружающую среду; E10. экологически чистая природно-антропогенная среда; E11. наличие природного ландшафта и возможность его созерцания из окон рассматриваемого объекта недвижимости; E12. высокая и эффективная доступность обитателей объекта недвижимости к экологически чистым природным объектам; E13. многообразие видов зеленых насаждений и их высокая экологическая эстетичность на территории размещения объекта недвижимости; E14. облагораживание окружающей территории	L1. Европейское/международное законодательство; L2. земельное законодательство; L3. регулирующие органы и нормы; L4. изменения законодательства, затрагивающие социальные факторы; L5. законодательство по технологиям; L6. сложность выделения землеотвода; L7. размытость законодательной базы; L8. особенности регионального законодательства; L9. законодательная база местного самоуправления; L10. градостроительное законодательство; L11. изменения федеральной законодательной базы; L12. особенности регионального законодательства; L13. жилищный кодекс; L14. гражданское законодательство

Проведем уточненный анализ угроз и возможностей макросреды для предприятия, функционирующего на рынке недвижимости с помощью PESTE-анализа. Акроним PESTE является составной аббревиатурой первых букв от названия следующих факторов: социальных (S – social), технологических (T – technological), экономических (E – economic), политических (P – political), экологических (E – ecological). В литературе можно встретить

акроним PESTE-анализ с изменением последовательности букв. В целях исследования обозначенного рынка выделить правовые факторы (Legal), тогда в аббревиатуру добавим букву L.

Стратегический анализ каждой из указанных компонент должен быть системным. Все шесть факторов взаимосвязаны друг с другом и характеризуют различные иерархические уровни общества, представляя их как систему в целом. При проведе-

нии PESTEL-анализа существует ряд правил, которых необходимо придерживаться. Начать следует с разработки перечня главных стратегических факторов, которые имеют высокую вероятность проявления и воздействия на функционирование рынка недвижимости в целом и действующих на нем предприятий в частности. Затем осуществляется оценка важности наступления каждого события для анализируемой отрасли путем присвоения ему определенного веса [2]. Шкала оценки может быть как количественная, так и качественная:

- в цифрах от единицы (самое важное событие) до нуля (незначительное). Сумма весов должна быть равна единице, что обеспечивается нормированием (количественный метод);
- в процентах от 100 до 0 %, но суммарно все те же 100 % (количественный метод);
- высокая, средняя, низкая вероятность наступления при качественном анализе.

Следующим шагом является оценка степени влияния каждого фактора-события на стратегию развития рынка недвижимости и отдельных предприятий по 10-ти балльной шкале: «десять» – сильное воздействие, серьезная опасность; «единица» – отсутствие воздействия, угрозы. Определение взвешенной оценки производится путем умножения веса фактора на силу его воздействия. Завершением анализа является подсчитывание суммарной взвешенной оценки (Total). PESTEL-анализ применяют для прогнозирования «поведения» внешней среды по отношению к субъектам рынка недвижимости только в том случае, если адекватно и объективно оценивалось воздействие всех шести факторов.

Для достижения качественного результата необходимо произвести опрос специалистов и экспертов, работающих в отрасли, подлежащей оценке.

Поскольку предлагаемая нами методика предполагает оценку влияния определенных факторов как на рынок недвижимости, так и на отдельно взятые предприятия, в качестве составляющих факторов рассмотрим те, которые взаимосвязаны по внутреннему взаимодействию. Оценка таких факторов позволяет не только прогнозировать тенденции развития рынка недвижимости, но и необходима при принятии управленческих решений на отдельных предприятиях [3]. Выберем по каждой группе, например, по 14 факторов, которые имеют влияние на рынок недвижимости, и затем сгруппируем их в отдельную таблицу.

Теперь по каждому из видов параметров PESTEL-анализа в качестве показательного примера приведем таблицу, в которой последовательно отразим сами группы факторов, события, возможности/угрозы, вероятность наступления того или иного события или их проявления, а также их важность для рынка недвижимости и степени влияния на него.

Отметим, что данный опрос проводился среди 27 специалистов-риелторов – участников рынка

недвижимости, принятых в нашем исследовании, как 100 %, на основании которых были сформированы первичные усредненные данные по каждому параметру. Начнем PESTEL-анализ с политической группы факторов (P).

Таблица 2. Оценка влияния политических факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
P1	-	0,10	10	-1,00
P2	+	0,02	8	+0,16
P3	+	0,10	9	+0,90
P4	-/+	0,01/0,0	5	-0,05/+0,05
P5	-/+	0,01/0,01	5	-0,05/+0,05
P6	+	0,01	5	+0,05
P7	+	0,01	6	-0,06
P8	+	0,20	10	+2,00
P9	-/+	0,01/0,01	6	-0,06/0,06
P10	+	0,30	10	+3,00
P11	+	0,01	5	+0,05
P12	+	0,01	6	+0,06
P13	+	0,20	10	+2,00
P14	-	0,01	4	-0,04
Total P	5 (-)/13 (+)	1	97 из 140	-1,08/+8,20

Просуммировав все взвешенные показатели политической группы факторов, влияющих на фирмы, функционирующие на рынке недвижимости, можно обнаружить, что их влияние достаточно велико (-1,06). Отметим, что оценивалось текущее состояние политической ситуации в РФ, которую в общем случае можно характеризовать как «стабильная». Если проанализировать полученные данные (табл. 2) по политической группе факторов (P), то можно обнаружить, что взвешенное влияние политических параметров оценки влияния на рынок недвижимости может принимать как отрицательное, так и положительное значение (-1,08/+8,2).

В России нет политических потрясений, несмотря на мировой экономический кризис. Тем не менее, бизнес (а мы договорились рассматривать рынок недвижимости как бизнес-структуру) боится непредсказуемости и неопределенности. Поэтому влияние такого фактора как P1 на наш взгляд является одной из наиболее значимых угроз.

Поэтому, если правительство будет принимать «непопулярные» решения, например, усложнять процедуру выделения земельных участков под строительство, ужесточать государственный контроль и вводить «несуразные» штрафные санкции (т. е. неадекватные меры наказания за незначительные экономические нарушения), сокращать финансирование государственных жилищных программ, государственную поддержку строительных организаций, такие действия политической власти РФ будут негативно отражаться на всей деятельности рынка недвижимости.

Теперь более подробно проанализируем факторы экономической группы E.

Таблица 3. Оценка влияния экономических факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
E1	+/-	0,10	10	+1,00/-1,00
E2	-	0,20	10	-2,00
E3	+	0,10	10	+1,00
E4	-	0,02	10	-0,20
E5	+/-	0,06	10	+0,60/-0,60
E6	+/-	0,27	10	+2,70/-2,70
E7	+	0,01	10	+0,10
E8	+	0,01	8	+0,80
E9	+	0,06	10	+0,60
E10	+/-	0,01	7	+0,07/-0,07
E11	-	0,05	8	-0,40
E12	+	0,05	9	+0,45
E13	-	0,01	6	-0,06
E14	-	0,05	7	-0,35
Total E	9 (+) / 9 (-)	1	125 из 140	+7,32/(-6,38)

В результате проведенной диагностики также получили как отрицательное, так и положительное значения сводного взвешенного показателя по экономической группе факторов, $-6,38$ и $+7,32$, соответственно. Полученный результат говорит о том, что влияние экономических факторов на рынок недвижимости более значимо, чем политических.

Отметим, что самый весомый отрицательный вклад в Total E внесли факторы: E6, E2 и E1. Поэтому крайне важно для предприятий, действующих на рынке недвижимости в России в целях разработки стратегии дальнейшего развития изначально прогнозировать динамику вышеизложенных факторов. Органам власти, применяющим стратегию государственного вмешательства в рынок недвижимости, данный анализ позволяет повысить эффективность воздействия рычагов управления.

Далее проанализируем социальную группу факторов S.

Таблица 4. Оценка влияния социальных факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
S1	+	+0,10	10	+1,00
S2	-	-0,10	10	-1,00
S3	+/-	+0,05/-0,05	9	+0,45/-0,45
S4	+	+0,02	6	+0,12
S5	+	+0,10	8	+0,80
S6	+	+0,10	9	+0,90
S7	+	+0,02	9	+0,18
S8	+	+0,05	9	+0,45
S9	-	+0,20	10	-2,00
S10	+/-	+0,10/-0,10	9	+0,90/-0,90
S11	-	-0,01	10	-0,01
S12	+	0,05	9	+0,45
S13	+	+0,05	7	+0,35
S14	+	+0,05	8	+0,40
Total S	7(-)/11(+)	1	123 из 140	(-4,36)/+6,00

Если проанализировать полученные данные табл. 4 по социальной группе факторов (S), то можно обнаружить, что взвешенное влияние со-

циальных параметров на предприятия, функционирующие на рынке недвижимости, может принимать как отрицательное, так и положительное значение ($-4,36/+6,00$). С каким именно знаком, «минусом» или «плюсом», применить эту оценку – это в большей степени будет зависеть от того, какую социальную политику в будущем будет проводить российское государство по отношению к своему населению. Также можно, исходя из проведенного анализа, сделать вывод, что социальные факторы оказывают не менее значимое влияние на участников рынка недвижимости, как и вышеприведенные факторы. Поэтому при стратегическом планировании контрагентам рынка недвижимости необходимо уделять должное внимание социальной составляющей.

Проанализируем технологическую группу факторов T.

Таблица 5. Оценка влияния технологических факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
T1	+	0,20	10	+2,00
T2	+	0,01	10	+0,10
T3	-	0,15	8	-1,20
T4	-	0,10	9	-0,90
T5	-	0,05	8	-0,40
T6	+	0,05	7	+0,35
T7	-	0,10	10	-1,00
T8	-	0,10	10	-1,00
T9	+	0,10	9	+0,90
T10	-	0,03	7	-0,21
T11	-	0,01	6	-0,06
T12	+	0,01	4	+0,04
T13	-	0,02	7	-0,14
T14	+	0,07	10	+0,70
Total T	8(-)/6(+)	1	115 из 140	-4,91/4,09

Анализ данных табл. 5 показывает, что технологическая компонента в России в настоящий момент находится в наименее выгодном положении, если сравнивать его с Total P, Total E и Total S. Об этом свидетельствует сводный взвешенный параметр Total T, равный отрицательному значению $-4,91$, превышающий положительное влияние.

Проанализируем оставшиеся факторы.

Если проанализировать полученные данные табл. 6 по экологической группе факторов (E), то можно обнаружить, что взвешенное влияние экологических параметров оценки влияния на рынок недвижимости может принимать как отрицательное, так и положительное значение ($+2,24/-2,49$). С каким именно знаком, «минусом» или «плюсом», применить эту оценку – это в большей степени будет зависеть от того, какую политику в сфере экологии будет проводить российское государство в будущем в реальном секторе экономики. А, как известно, эффективно работающий реальный сектор экономики страны – это и сбор налогов, и пенсионное обеспечение, социальное страхование, другие социальные выплаты и льготы.

Таблица 6. Оценка влияния экологических факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
E1	+/-	0,10	7	+0,70/-0,70
E2	-	0,10	5	-0,50
E3	+	0,10	7	+0,70
E4	-	0,02	3	-0,06
E5	-	0,06	4	-0,24
E6	-	0,15	3	-0,45
E7	-	0,07	4	-0,28
E8	-	0,02	3	-0,06
E9	-	0,20	1	-0,20
E10	+	0,10	4	+0,40
E11	+	0,02	5	+0,10
E12	+	0,02	5	+0,10
E13	+	0,02	6	+0,12
E14	+	0,02	6	+0,12
Total E		1	63	+2,24/-2,49

Таблица 7. Бальная оценка влияния правовых факторов

События/Факторы	Угроза (-)/Возможность (+)	Вероятность проявления	Важность	Влияние на рынок недвижимости
L1	+/-	0,01	5	+0,05/-0,05
L2	+/-	0,09	7	+0,63/-0,63
L3	-	0,08	8	-0,64
L4	+	0,02	6	+0,12
L5	+/-	0,08	7	+0,56/-0,56
L6	-	0,15	8	-1,20
L7	-	0,08	8	-0,64
L8	+/-	0,05	7	+0,35/-0,35
L9	+/-	0,02	6	+0,12/-0,12
L10	+/-	0,18	9	+1,62/-1,62
L11	+/-	0,05	7	+0,35/-0,35
L12	+/-	0,02	6	+0,12/-0,12
L13	+/-	0,08	7	+0,56/-0,56
L14	+/-	0,09	6	+0,54/-0,54
Total L		1	97	+5,02/-7,38

Необходимо так же проанализировать правовую группу факторов L, имеющих чрезвычайно важное, если не сказать определяющее, влияние на рынок недвижимости.

Если проанализировать полученные данные табл. 7 по правовой группе факторов (L), то можно прийти к выводу что негативное влияние значительно выше, чем положительное. Это связано

Таблица 8. Вероятность наступления отдельных факторов PESTEL-анализа и возможные ответные меры на их проявления.

Группа факторов	Фактор (вероятность его наступления)	Признаки и их проявление	Возможные ответные меры руководства предприятий
Экономические	Угроза инфляции, денежная эмиссия (средняя)	Обесценивание финансовых средств, используемых на приобретение новых технологий и на квалифицированную рабочую силу	Ориентация на разработку отечественных технологий и проведение доп. маркетинговых исследований рынка недвижимости
	Инвестиционный бизнес-климат (средняя)	Отмена государственного субсидирования по строительным проектам, поддержка оплаты, дефицит и удорожание ресурсов, банкротство исполнителей и заказчиков	Снятие с производства продукции по гос. программам, кооперация с новыми поставщиками, бартерные сделки, стремление диверсифицировать выпуск продукции, захват новых рынков сбыта, агрессивный маркетинг и PR-акции
	Изменение платежеспособного спроса населения в сторону уменьшения (высокая)	Снижение покупательной способности на недвижимость	Разработка программ обмена ветхого жилья, рассрочки платежей, проекты эконо класса
	Изменение системы налогообложения за счет повышения ставок базы налогообложения (средняя)	Отток средств из производства в бюджет, сокращение свободных средств на инвестирование	Изыскание путей минимизации издержек и повышение производительности труда
Правовые	Принятие нормативных актов, имеющих обратную силу (низкая)	Ухудшение финансового положения предприятий, функционирующих на рынке недвижимости, выплата в государственный бюджет вновь образовавшейся задолженности	Изыскание путей выхода из создавшегося положения снижением государственных платежей через заключение гос. контрактов на строительство
	Либерализация внешнеэкономического сотрудничества, вступление РФ в ВТО (низкая)	Возможность выхода на внешний рынок и приток зарубежных товаров и технологий от конкурентов	Получение международного сертификата на услуги и использование налоговой поддержки отечественных производителей
Политические	Ориентация на либерализацию национальной экономики и введение рыночных механизмов регулирования (низкая)	Возможность выбора сферы хозяйственной деятельности. Маркетинг. Возможное снижение дисциплины платежей и поставок	Изыскание новых направлений деятельности. Страхование поставок, стимулирование бизнес-партнеров. Проведение маркетинговых исследований
	Снижение стабильности в обществе (отмена льгот, программ поддержки молодых семей) (низкая)	Увеличение вероятности социальных потрясений	Страхование от политических рисков. Формирование резервов
	Проявление в органах государственной власти лобби от различных политических групп (средняя)	Влияние лобби на выработку политического и экономического курса государства и влияние на законодотворчество	Косвенное стимулирование участия в политике лиц, представляющих интересы рынка недвижимости. Активная политическая позиция участников рынка недвижимости

Окончание табл. 8

Группа факторов	Фактор (вероятность его наступления)	Признаки и их проявление	Возможные ответные меры руководства предприятий
Социальные	Рост мобильности населения, трудовая миграция за границу (средняя)	Отток работников и специалистов в строительной отрасли	Совершенствование системы стимулирования оплаты труда и мотивации, бонусные премии, социальный пакет
	Снижение уровня образования или рост уровня образования (низкая)	Возникновение конфликтов и проблемы освоения новых технологий либо рост эффективности производства и ввод новых технологий	Обращение к службе социально-психологической поддержки. Выделение дополнительных средств на профессиональную подготовку кадров. Проведение мероприятий во внерабочее время
Технологические	Внедрение новых технологий на отечественных производствах строительной отрасли (высокая)	Появление новых приборов, материалов, инструментов, оборудования, станков и технологических линий. Возможное сокращение сроков амортизации, проблема утилизации	Дополнительные вложения в «ноу-хау» и обновление производственных мощностей. Маркетинг. Увеличение объема амортизационных отчислений
	Появление на рынке иностранных компаний с новыми технологиями (средняя)	Рост конкуренции и появление новых сервисных услуг, готовой продукции (недвижимости) по более низким ценам, возможный отток лучших специалистов на иностранные предприятия	Проведение маркетинга и поиск новых сегментов и ниш. Улучшение условий труда и быта работников. Социальная защита. Бонусные выплаты
Экологические	Экологичность применяемых материалов и технологий в строительстве и эксплуатации (высокая)	Ужесточение требований заказчика (потребителя) к использованию экологически безопасных технологий в строительстве и эксплуатации	Приоритет критериев качества при оценке используемых технологий и материалов в строительстве и обслуживании объектов недвижимости
	Облагораживание окружающей территории (высокая)	Предъявление требований органами местного самоуправления к облагораживанию прилегающих к объектам недвижимости территориям, потребительская потребность к ландшафтному дизайну	Разработка и внедрение проектов по облагораживанию территорий

с тем, что проявления большинства факторов носят в основном отрицательный либо как положительный, так и отрицательный характер. Стоит отметить, что подобная ситуация характерна практически для всех рынков России в современных условиях, что определяет необходимость оптимизации законодательной базы на всех уровнях власти.

Дополнительно к вышеприведенным взвешенным количественным оценкам проведем также качественный PESTEL-анализ. Для этого будем оценивать факторы влияния на предприятия, функционирующие на рынке недвижимости по качественной шкале высокая, средняя, низкая вероятность наступления того или иного события. Для этого в табл. 8 разнесем по отдельности группы факторов в следующем порядке: экономические, правовые, политические, социальные, технологические, экологические.

Для всех представленных групп выберем лишь несколько факторов (от 2 до 6), которые, на наш взгляд, имеют существенное значение. В этой та-

блице раскроем также их проявление и обозначим возможные ответные меры руководства предприятий, функционирующих на рынке недвижимости на появление таких возможностей и проявление внешних угроз макросреды.

Необходимо обратить внимание, что приведенный в данной работе качественный PESTEL-анализ следует рассматривать как гипотетический. Соответственно приведенную выше таблицу следует рассматривать как некий приблизительный план действий или набор рекомендаций, как поступать в той или иной критической ситуации для предприятий, функционирующих на рынке недвижимости.

Выводы

Проведение PESTEL-анализа и совмещение его с результатами SWOT-анализа необходимо и рассматривается как концептуальная основа для разработки ответных мер руководства предприятий, функционирующих на рынке недвижимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плучевская Э.В., Кондратьева А.А. Применение swot-анализа при исследовании рынка недвижимости // Российское предпринимательство. – 2011. – 12 (2). – С. 131–136.
2. Гаррисон Р., Норин Э., Брюер П. Управленческий учет. – Киев: Companion Group, 2009. – 1024 с.

3. Богатин Ю.В. Управленческий учет. Информационное обеспечение рациональных плановых решений фирмы. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 512 с.

Поступила 05.06.2012 г.

МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

Ю.С. Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет

E-mail: judy54@yandex.ru

Представлен анализ уровня развития, достигнутого малыми и средними предприятиями, а также индивидуальными предпринимателями в Российской Федерации. Рассмотрены основные показатели функционирования предпринимательских структур по видам экономической деятельности. Приведены зависимости, показывающие распределение средней численности работников. Показана возможность разработки производственных функций для совокупности малых, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей. Сделаны выводы об основных закономерностях развития предпринимательских структур.

Ключевые слова:

Малые предприятия, средние предприятия, индивидуальные предприниматели, численность работников, производственная функция.

Key words:

Small enterprises, medium enterprises, individual entrepreneurs, quantity of employees, production function.

Дальнейшее развитие экономики Российской Федерации связано с возрастанием роли малого и среднего предпринимательства: малых и средних предприятий, а так же индивидуальных предпринимателей. Поэтому представляется актуальным исследование закономерностей и тенденций их развития. Некоторые итоги таких исследований приведены в настоящей статье.

Критерии отнесения предприятий к малым и средним были установлены в федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.07 г. № 209-ФЗ [1]. Основным критерием является численность работников, которая для малого предприятия не должна превышать сто человек, а для среднего предприятия находится в диапазоне от 101 до 250 человек.

Под субъектами малого предпринимательства понимаются также индивидуальные предприниматели. Индивидуальными предпринимателями, в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации, являются физические лица, которые ведут предпринимательскую деятельность. Они не образуют юридического лица, но при этом с точки зрения гражданского и предпринимательского права выступают в качестве коммерческих организаций. Отметим, что индивидуальные предприниматели относятся к другой организационно-правовой форме, чем малые и средние предприятия. Вместе с тем индивидуальные предприниматели по производственной и экономической деятельности очень близки к малым и средним предприятиям. Это, в частности, вытекает и из выводов исследований, которые описаны в настоящей статье (схожие виды экономической деятельности, однотипные производственные функции).

Исследование закономерностей развития указанных выше предпринимательских структур основывалось на обработке и анализе статистических данных Федеральной службы государственной статистики за 2008 г. [2, 3]. Выбор этого периода обусловлен тем, что в 2009 г. начался экономический кри-

зис, последствия которого ощущаются в экономике до настоящего времени. В 2008 г. в нашей стране было более 1300 тыс. малых предприятий, около 14 тыс. средних предприятий и 2 млн 700 тыс. индивидуальных предпринимателей. В этих предпринимательских структурах было занято: в малых предприятиях – 10,4 млн чел., в средних предприятиях – 2,2 млн чел. и у индивидуальных предпринимателей с учетом наемных работников – 8 млн чел. Количество работников в рассматриваемых предпринимательских структурах достигло 30 % общей численности занятых в экономике нашей страны.

Объем производства этих структур, в соответствии с принятой Федеральной службой государственной статистики методологией, определяется таким показателем, как оборот. Оборот включает стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг, а также выручку от продажи приобретенных на стороне товаров [4]. Значение оборота за 2008 г. составило в миллиардах рублей: 18728 – по малым предприятиям, 3105 – по средним предприятиям, 7000 – по индивидуальным предпринимателям.

В процессе исследований основное внимание уделялось отраслевой структуре малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей и определению их доли в обороте по отраслям экономики страны, разработке моделей, показывающих распределение предпринимательских структур в зависимости от численности работников, а так же построению производственных функций. При проведении исследований использовались методы логического, экономико-статистического анализа и эконометрики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы «Statistica», «Microsoft Excel», «Mathcad».

Предпринимательские структуры в настоящее время специализируются на пяти основных видах экономической деятельности [5]. К первому виду относятся обрабатывающие производства, выпу-

скающие пищевые продукты, текстильную и швейную продукцию, изделия из кожи, из дерева, а также другие аналогичные производства. К такому виду экономической деятельности как строительство относят предприятия и предпринимателей, осуществляющих новое строительство, реконструкцию, капитальный и текущий ремонт зданий и сооружений. Следующим видом экономической деятельности является оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. В дальнейшем этот вид деятельности будет называться кратко – торговля. К предпринимательским структурам транспорта и связи относятся организации всех видов транспорта, электросвязи, почтовой деятельности. Операции с недвижимым имуществом включают в себя аренду недвижимости и предоставление сопутствующих услуг, аренду машин и оборудования, прокат бытовых изделий и предметов личного пользования.

Распределение численности работников и оборота соответствующих предпринимательских структур между рассмотренными выше основными видами экономической деятельности приведены в табл. 1–3.

Таблица 1. Доля малых предприятий по основным видам деятельности

Вид деятельности	Доля в численности работников	Доля в обороте
Торговля	0,33	0,67
Обрабатывающие производства	0,16	0,10
Строительство	0,16	0,09
Транспорт и связь	0,05	0,03
Операции с недвижимым имуществом	0,16	0,07
Прочие	0,14	0,04

Таблица 2. Доля средних предприятий по основным видам деятельности

Вид деятельности	Доля в численности работников	Доля в обороте
Торговля	0,15	0,44
Обрабатывающие производства	0,25	0,23
Строительство	0,12	0,12
Транспорт и связь	0,05	0,04
Операции с недвижимым имуществом	0,08	0,06
Прочие	0,35	0,11

Таблица 3. Доля индивидуальных предпринимателей по основным видам деятельности

Вид деятельности	Доля в численности работников	Доля в обороте
Торговля	0,76	0,87
Обрабатывающие производства	0,05	0,03
Строительство	0,02	0,01
Транспорт и связь	0,06	0,02
Операции с недвижимым имуществом	0,04	0,04
Прочие	0,07	0,03

Анализ данных табл. 1 показывает, что среди малых предприятий преобладают предприятия, специализирующиеся на торговой деятельности. Доли предприятий, ведущих деятельность в сфере обрабатывающих производств, операций с недвижимостью, строительства и транспорта, существенно меньше. Из табл. 2 видно, что средние предприятия наиболее распространены в сегментах торговли и обрабатывающих производств. Отметим, что в категорию прочих видов деятельности входят сельскохозяйственные предприятия, численность работников в которых достигает 20 % от общей численности работников средних предприятий. Абсолютное большинство предпринимателей (табл. 3) сконцентрировано в сегменте торговли, и специализируются они на оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.

Важным для рассмотрения тенденций развития предпринимательских структур является оценка их роли в общих объемах производства и численности работников в целом по народному хозяйству нашей страны. Итоги соответствующего анализа приведены в табл. 4. В ней представлена доля в обороте по видам экономической деятельности, приходящаяся на малые и средние предприятия, а так же на индивидуальных предпринимателей. Эта доля отражает вклад каждой из предпринимательских структур в общий оборот всех предприятий и организаций, специализирующихся на соответствующем виде деятельности.

Анализ данных табл. 4 показывает значительную долю малых предприятий в таких отраслях, как торговля, строительство и операции с недвижимым имуществом. Индивидуальные предприниматели осуществляют до 20 % всех операций в сфере торговли. Средние предприятия достаточно равномерно представлены по всем отраслям экономики страны, не занимая нигде лидирующих позиций. Существенно, что в совокупности рассматриваемые предпринимательские структуры доминируют в торговле, и на них приходится около половины оборота в строительстве и операциях с недвижимым имуществом.

Таблица 4. Доля предпринимательских структур в обороте по видам экономической деятельности в Российской Федерации

Вид деятельности	Малые предприятия	Средние предприятия	Индивидуальные предприниматели	Всего
Торговля	0,39	0,04	0,19	0,62
Обрабатывающие производства	0,11	0,04	0,01	0,16
Строительство	0,43	0,10	0,01	0,54
Транспорт и связь	0,10	0,02	0,05	0,17
Операции с недвижимым имуществом	0,34	0,03	0,08	0,45
Прочие	0,07	0,03	0,02	0,12

В табл. 5 приведено сопоставление оборота, приходящегося на одного работника. Из таблицы видно, что рассматриваемый показатель примерно одинаков для малых и средних предприятий. Значения оборота по индивидуальным предпринимателям существенно меньше по сравнению с малыми и средними предприятиями по всем видам деятельности, кроме операций с недвижимым имуществом. Эта тенденция на наш взгляд может быть обусловлена более слабым техническим и технологическим оснащением индивидуальных предпринимателей.

Таблица 5. Оборот, приходящийся на одного работника, по видам экономической деятельности для различных предпринимательских структур, млн р.

Вид деятельности	Малые предприятия	Средние предприятия	Индивидуальные предприниматели
Торговля	3,71	4,05	1,00
Обрабатывающие производства	1,07	1,34	0,50
Строительство	1,03	1,41	0,39
Транспорт и связь	1,05	1,10	0,30
Операции с недвижимым имуществом	0,77	1,07	0,81
Прочие	0,51	0,38	0,38

Одним из основных показателей деятельности предпринимательских структур является численность работников. Для характеристики малых, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей были построены модели, описывающие средние значения численности работников x в расчете на одну предпринимательскую структуру. При их построении были использованы данные, соответствующие совокупностям малых и средних предприятий, а так же индивидуальных предпринимателей по каждому субъекту (республике, краю, области) Российской Федерации. В процессе исследований рассматривались различные виды функций распределения. Лучше всего описывают исходные данные по малым, средним предприятиям, индивидуальным предпринимателям функции, соответствующие нормальному закону распределения. Эти функции плотности вероятности имеют вид для:

- малых предприятий

$$y(x) = \frac{35,7}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-8,55)^2}{10,3}}; \quad (1)$$

- средних предприятий

$$y(x) = \frac{27,4}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-126,1)^2}{491,7}}; \quad (2)$$

- индивидуальных предпринимателей

$$y(x) = \frac{44,6}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-2,9)^2}{1,73}}. \quad (3)$$

Проверка функций (1)–(3) по принятым критериям (Колмогорова–Смирнова, Пирсона, Шапиро–Вилка [6, 7]) показала, что они обладают высоким качеством. Значения статистик по критериям меньше табличных значений (для критерия Пирсона $\chi^2_{0,90}(2)=4,61$ и для критерия Колмогорова–Смирнова $K_{0,05}=0,15$), статистики по критерию Шапиро близки к единице, табл. 6.

Таблица 6. Результаты проверки полученных моделей

Формула	Критерий качества	Расчетное значение
(1)	Колмогорова–Смирнова	0,03
	Пирсона	1,41
	Шапиро–Вилка	0,99
(2)	Колмогорова–Смирнова	0,04
	Пирсона	2,80
	Шапиро–Вилка	0,98
(3)	Колмогорова–Смирнова	0,05
	Пирсона	2,70
	Шапиро–Вилка	0,97

Анализ полученных моделей (1)–(3) показал, что средняя численность работников малых предприятий составляет 8,6 чел., средних предприятий – 126,1 чел., индивидуальных предпринимателей – 2,9 чел. Соответствующие средние квадратические отклонения равны для малых предприятий – 2,27; средних предприятий – 15,68; индивидуальных предпринимателей – 0,93. Из этих показателей можно сделать вывод о преобладании малых предприятий с численностью работников от 4 до 13 чел., средних предприятий с численностью работников от 101 до 160 чел. Для индивидуальных предпринимателей с учетом наемных работников численность работающих, как правило, не превышает 5 чел.

В качестве комплексного инструмента, отражающего закономерности деятельности предпринимательских структур, можно, как показано в работе автора [8], использовать производственные функции. Известно, что производственные функции являются экономико-математическими моделями процессов производства продукции и количественно выражают устойчивые, закономерные зависимости между количеством используемых ресурсов и объемом производства [9]. Они позволяют эффективно решать задачи анализа и планирования деятельности различных объектов (предприятий, отраслей, комплексов). В [10] и более подробно в [11] показано, что такие производственные функции могут быть разработаны для малых предприятий; приведена методика их построения.

Разработанные автором производственные функции описывают зависимость оборота от двух факторов: инвестиций в основной капитал и заработной платы работников. При построении функций использовались данные, характеризующие, соответственно, совокупность малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей.

нимателей в каждом из субъектов Российской Федерации.

Производственная функция, построенная по данным, характеризующим совокупность малых предприятий в субъектах Российской Федерации за 2008 г., имеет следующий вид:

$$y_{рфМП} (x_1, x_2) = 6,966 x_{МП}^{0,136} x_{2МП}^{0,981}, \quad (4)$$

где $y_{рфМП}$ – оборот малых предприятий, млрд р.; $x_{МП}$ – инвестиции в основной капитал малых предприятий, млрд р.; $x_{2МП}$ – заработная плата работников малых предприятий, млрд р.

Производственная функция, характеризующая совокупность средних предприятий в субъектах Российской Федерации, имеет следующий вид:

$$y_{рфСП} (x_1, x_2) = 8,042 x_{СП}^{0,225} x_{2СП}^{0,664}, \quad (5)$$

где $y_{рфСП}$ – оборот средних предприятий, млрд р.; $x_{СП}$ – инвестиции в основной капитал средних предприятий, млрд р.; $x_{2СП}$ – заработная плата работников средних предприятий, млрд р.

Производственная функция, построенная по данным о деятельности индивидуальных предпринимателей в субъектах Российской Федерации, имеет вид:

$$y_{рфИП} = 8,957 x_{ИП}^{0,197} x_{2ИП}^{0,754}, \quad (6)$$

где $y_{рфИП}$ – объем выручки индивидуальных предпринимателей, млрд р.; $x_{ИП}$ – инвестиции, вложенные индивидуальными предпринимателями в свою деятельность, млрд р.; $x_{2ИП}$ – заработная плата индивидуальных предпринимателей и их наемных работников, млрд р.

Проверка уравнений (4)–(6) с использованием методов логического и статистического анализа показала, что производственные функции обладают высоким качеством и хорошо аппроксимируют исходные данные на всем диапазоне изменения значений факторов. В табл. 7 приведены значения показателей качества для всех построенных функций. Из табл. 7 видно, что коэффициенты детерминации и корреляции достаточно близки к наилучшему значению, равному единице, а расчетные значения статистики критерия Фишера–Снедекора больше табличного, равного 3,15.

Таблица 7. Итоги проверки качества производственных функций

Формула	Коэффициент детерминации	Коэффициент корреляции	Критерий Фишера–Снедекора
(4)	0,939	0,969	599,95
(5)	0,970	0,985	1188,13
(6)	0,829	0,911	177,20

Полученные производственные функции (4)–(6) схожи между собой. Все они являются степенными функциями, коэффициенты в уравнениях и значения степеней которых находятся в небольших диапазонах. Показатели степеней при факторе, отражающем инвестиции, значительно меньше, чем при факторе, описывающем заработ-

ную плату работников. Положительные значения показателей степеней показывают, что с ростом значений факторов растет и оборот соответствующих предпринимательских структур. Можно сделать вывод об определенной схожести производственных процессов, характерных для всех трех типов структур.

Проведенные исследования позволили сделать ряд выводов:

- рассматриваемые предпринимательские структуры получили значительное развитие в нашей стране. В них работает около 30 % трудоспособного населения страны. При этом наибольшее распространение получили малые предприятия и индивидуальные предприниматели. Средние предприятия пока не получили в нашей стране значительного развития, на них приходится немногим более 10 % от общей численности работников и оборота всех рассмотренных предпринимательских структур;
- предпринимательские структуры специализируются в настоящее время на пяти основных видах деятельности: торговле, обрабатывающих производствах, строительстве, транспорте и связи, а так же операциях с недвижимым имуществом. При этом для малых предприятий и индивидуальных предпринимателей характерно преобладание торговой деятельности и оказания услуг. Деятельность средних предприятий сосредоточена в большей мере в торговле, обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве;
- в экономике страны малые и средние предприятия, индивидуальные предприниматели играют существенную роль. Они доминируют в торговле, на них приходится около половины объема работ в строительстве и операций с недвижимым имуществом;
- средняя численность работников по малым предприятиям не превышает 9 чел., т. е. большинство малых предприятий не велико по размеру;
- средняя численность работников средних предприятий составляет менее 130 чел., т. е. находится в начале общего диапазона (от 101 до 250 чел.), определенного для этих предприятий;
- средняя численность работающих по индивидуальным предпринимателям с учетом наемных работников составляет около 3 чел. Для абсолютного большинства индивидуальных предпринимателей характерно то, что количество наемных работников не превышает 4 чел. Индивидуальные предприниматели, имеющие большое количество наемных работников, встречаются достаточно редко;
- двухфакторные производственные функции, отражающие конечный результат деятельности каждого типа предпринимательских структур, схожи между собой. Известно, что в них аккумулируется информация о производственных процессах, институциональной структуре и эффективности использования ресурсов. Поэтому

схожесть производственных функций говорит о близости основных показателей деятельности малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей.

Разница между индивидуальными предпринимателями и малыми предприятиями определяется не численностью работников, а выбранной организационно-правовой формой деятельности. При изменении системы налогообложения имеет место переход индивидуальных предпринимателей в малые предприятия, и наоборот.

Описанные типы предпринимательских структур целесообразно рассматривать в едином комплексе, поскольку они, как показывает практика, взаимосвязаны между собой. Малые и средние предприятия переходят друг в друга в процессе деятельности. Рост объемов производства ведет к увеличению численности работников и малые предприятия при превышении численности работни-

ков более 100 чел. переходят в средние предприятия. При снижении, по разным причинам, объемов производства средние предприятия сокращают численность работников и, соответственно, переходят в малые предприятия. Учитывая это, представляется целесообразным пересмотреть начало диапазона численности работников средних предприятий в сторону его уменьшения.

Исходя из результатов сравнительного анализа малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей можно отметить, что за последние двадцать лет формирования и развития достигнут определенный прогресс, и их роль в экономике страны стала достаточно значительной. Вместе с тем имеются резервы дальнейшего развития каждой из этих предпринимательских структур, особенно в таких отраслях, как обрабатывающие производства, инновационные технологии и транспорт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. – 2007. – № 4427.
2. Малое и среднее предпринимательство в России. 2009: статистический сборник. – М.: Росстат, 2009. – 151 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2009: статистический сборник. – М.: Росстат, 2009. – 795 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России. 2010: Методологические пояснения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_47/IssWWW.exe/Stg/metod.htm (дата обращения: 29.12.2011).
5. Система «Налоговая справка». Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. URL: <http://www.okvad.ru> (дата обращения: 19.01.2012).
6. Большев Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
7. Крамер Г. Математические методы статистики. – М.: Мир, 1975. – 625 с.
8. Пиньковецкая Ю.С. Производственная функция для решения задач управления малым бизнесом в регионах Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2010. – № 1. – С. 79–88.
9. Клейнер Г.Б. Производственные функции: Теория, методы, применение. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 239 с.
10. Пиньковецкая Ю.С. Моделирование производственной функции в сфере малого бизнеса в регионах Российской Федерации // Информационные системы и технологии. – 2009. – № 6. – С. 94–99.
11. Пиньковецкая Ю.С. Малые предприятия России: закономерности, классификация и направления повышения эффективности. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 204 с.

Поступила 23.01.2012 г.

УДК 621.7:658.51

ПРИНЦИПЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ИЗДЕЛИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ

С.И. Петрушин, Р.Х. Губайдулина

Юргинский технологический институт (филиал) ТПУ

E-mail: victory_28@mail.ru

Приведен анализ основных этапов жизненного цикла изделий машиностроения. Поставлены три задачи оптимизации для проектирования, изготовления и эксплуатации машины. Сформулированы принципы рациональной эксплуатации и конструирования изделий. Предложены методики определения оптимальной программы выпуска и расчета максимально возможной прибыли машиностроительного предприятия. Сделан вывод о необходимости организации производства по новому типу – массовому быстросменному.

Ключевые слова:

Изделие машиностроения, PLM-система, оптимизация, проектирование, изготовление, эксплуатация, прибыль.

Key words:

Engineering product, PLM system, optimization, design process, manufacture, exploitation, profit.

В последние годы появился такой комплексный показатель периода существования изделий, как «жизненный цикл изделия» (ЖЦИ), под которым понимается полный период его жизни, включающий этапы проектирования, производства, эксплуатации и утилизации. Введение этого понятия обычно связывают с разработкой информационных CALS-технологий, обслуживающих в основном этапы проектирования и изготовления изделий (CAD/CAM/CAE/PDM-системы). Сейчас приходят к необходимости создания глобальной автоматизированной информационной системы, охватывающей весь ЖЦИ, которая обозначается аббревиатурой PLM (Products Lifecycle Management). Следует отметить, что информатизация существующих этапов производственного процесса без учёта степени их прогрессивности и оптимальности может привести к замораживанию неэффективных бизнес-процессов и тем самым свести на нет эту актуальную для промышленности работу. Поэтому разработка оптимальных решений в «реальном секторе» экономики позволит углубить взаимодействие информационных и производственных технологий, подняв его на более высокий уровень интеграции. Таким образом, прежде чем разрабатывать комплексную PLM-систему, необходимо подвергнуть системному анализу весь процесс управления жизненным циклом изделия.

В концепции ЖЦИ полагается, что изделие вначале возникает у проектировщика (автора) в виде общей идеи конструкции. Затем эта идея воплощается в комплект необходимой конструкторской документации. В процессе конструирования решается первая задача оптимального проектирования со своими критериями и целями оптимизации, в основу которой должны быть положены требования как производства, так и эксплуатации изделия. На следующем этапе ЖЦИ в процесс создания изделия вовлекается большое количество специалистов и материальных средств, в результате чего осуществляется стадия производства машины с определенной серийностью выпуска. При этом видится решение второй задачи оптимизации, ко-

торая направлена на снижение издержек производства, а также на своевременный переход к выпуску принципиально нового изделия. После реализации изделия на рынке наступает этап его эксплуатации у потребителя, интересы которого требуют рассмотрения третьей задачи оптимизации, а именно – минимизации эксплуатационных расходов и установления оптимального срока эксплуатации, по завершению которого изделие подлежит замене на новое, и происходит его утилизация.

Поставленные выше три задачи оптимизации ЖЦИ тесно взаимосвязаны между собой и неравнозначны. В большинстве случаев товарно-рыночных взаимодействий между производителем изделия и его потребителем существует так называемый «диктат потребителя», когда последний определяет целесообразность приобретения того или иного изделия, исходя из понимания своих потребностей и финансовых возможностей. В то же время возможен и «диктат производителя», особенно в монополярной экономике, где у потребителя отсутствует выбор при покупке изделия. Так как в крупных экономиках мира существует антимонопольное законодательство, то этот вариант встречается сравнительно редко и не характерен для развитых товарно-денежных отношений. Следовательно, третья задача оптимизации (оптимизация периода эксплуатации) является главной и определяющей в создании оптимальной экономики производства изделий, а первые две носят подчиненный характер.

На основе анализа известной формулы для расчета приведенных «народохозяйственных» затрат авторами в [1] предложена следующая формула для расчёта текущих приведенных затрат на эксплуатацию изделия в условных единицах стоимости (у.е.с.):

$$Z = C_n \tau + \frac{Ц}{\tau + 1}, \quad (1)$$

где C_n – удельные текущие затраты на эксплуатацию, имеющие размерность у.е.с./у.е.в.² (у.е.в. – условные единицы времени); $Ц$ – цена приобретения изделия.

Расчеты по зависимости (1) показали, что приведенные затраты на эксплуатацию имеют минимум в определённый момент времени, который обозначен через T_3 и назван «экономически обоснованным сроком службы» (ЭОСС) [1]. Эксплуатировать изделие далее нерентабельно, поэтому его следует заменить на новое или более совершенное. Значение ЭОСС можно получить из выражения (1), взяв от него производную по времени эксплуатации и приравняв ее к нулю

$$T_3 = \sqrt{C/C_{II}}, \text{ у.е.в.}$$

Отсюда сформулирован принцип оптимальной эксплуатации любого изделия машиностроения: для минимизации издержек потребителя изделие конкретной конструкции и качества должно эксплуатироваться в течение экономически обоснованного срока его службы, значение которого обусловлено величинами первоначальных затрат на приобретение изделия и текущих затрат на его эксплуатацию.

С другой стороны, если задан оптимальный срок службы изделия, и установлены удельные эксплуатационные расходы, то для минимизации суммарных затрат производителя и потребителя цена изделия должна иметь также вполне определенную величину, превышение или уменьшение которой приводит к проигрышу (или диктату) либо потребителя, либо производителя изделия [1]. Эта цена является оптимальной (справедливой) как для стадии изготовления, так и эксплуатации изделия, и должна служить директивой для изготовителя вместе с продавцом. Поэтому в отличие от «стихий рынка», устанавливающей цену продукции на основе конкурентной борьбы, ценообразование в соответствии с ЭОСС позволяет внести существенный элемент плановости в деятельность машиностроительной фирмы как в случае освоения выпуска нового варианта изделия, так и в решении других производственных задач.

Существование ЭОСС накладывает жесткие ограничения на процесс проектирования и на саму конструкцию изделия. В работе [2] сформулирован следующий общий принцип оптимальности той или иной конструкции машины: изделие должно иметь одинаковый гарантированный запас долговечности для всех своих элементов, включая агрегаты, узлы, детали и сопряжения, величина которого должна быть экономически обоснована на предпроектной стадии. После исчерпания заданного срока службы конструкция должна быть подвергнута единовременному отказу всех её составных частей. Проблема заключается в обеспечении равного запаса надежности или, что то же самое, экономически обоснованного срока службы машины.

Главная задача оптимального проектирования машин состоит не в описании и в обчете готовых конструкций (хотя на первом этапе такая задача может иметь место), а в целенаправленном создании таких изделий, конфигурация, форма, матери-

ал и другие конструктивные особенности которых являются объектом активного поиска и могут быть изменены в соответствии со служебным назначением и условиями эксплуатации предмета производства, а также с экономическими требованиями. Это направление в проектировании деталей и конструкций машин предполагает отличающуюся от традиционного пути методологию конструирования и заключается в следующем [2]:

1. Формулировка глобальной цели проектирования изделия в виде экономически обоснованного срока его службы, устанавливаемого по результатам изучения текущей конъюнктуры рынка аналогов с учетом назначения материальной базы фирмы-производителя.
2. Всесторонний учет воздействующих эксплуатационных факторов, включая допустимый диапазон колебаний силовых, тепловых и других нагрузок.
3. Выявление физической природы процессов, приводящих к отказу изделия, и поиск соответствующих математических моделей, описывающих текущее состояние машины с точки зрения прочности (статической, динамической и усталостной), жесткости, коррозионной стойкости, тепло- и трибо-стойкости. Этот этап должен учитывать статистику отказов, получаемую в результате обследования (дефектации) изношенных изделий на этапе их утилизации.
4. Этап непосредственного проектирования первого варианта изделия и конструирования его составных частей как традиционными методами, так и с применением методов оптимизации по частным целевым функциям.
5. Сравнение эксплуатационных характеристик составных частей и деталей изделия с ЭОСС и поэтапное выравнивание сроков службы за счет изменения их формы, размеров, свойств конструкционного материала и рабочих поверхностей конструкторскими или технологическими методами. При этом возможно как повышение, так и снижение запаса долговечности ряда деталей.

Результатом такого итерационного процесса проектирования должно стать получение изделия наивысшего качества в пределах заданных временных и финансовых ограничений. Следует отметить, что широкое распространение изложенной методологии проектирования требует не только проведения широкомасштабных технико-экономических, теоретических и экспериментальных исследований, но и коренного изменения инженерной психологии конструкторов и проектировщиков изделий машиностроения. Центральным вопросом является назначение частных критериев оптимальности того или иного варианта конструкции.

В работе [2] подробно рассмотрены два критерия: равнопрочности конструкции и равномерного изнашивания. Под равнопрочностью изделия понимаются такие условия его нагружения сосредото-

точными силами или контактными напряжениями, при которых внутри него или на его поверхности в каждой материальной точке получается одинаковое напряженное состояние. Под условием равномерного изнашивания изделия понимается такая его форма и физико-механические свойства поверхностного слоя трущихся участков, при которых во всех точках приращение износа во времени имеет одну и ту же величину.

Для изделий со сложной конфигурацией могут отсутствовать теоретические модели для расчета напряжённо-деформированного состояния, температуры, жесткости, коррозии, износа и других характеристик. Поэтому целесообразно применять численные методы конечных и граничных элементов, реализованные в виде пакетов прикладных программ в САПР, которые должны быть дополнены итерационными циклами выравнивания эксплуатационных свойств во всех частях и зонах изделия в соответствии с предложенными принципами оптимального проектирования конструкций.

Процесс изготовления машины представляет собой наиболее важную стадию ЖЦИ, в результате выполнения которой изделие начинает свою физическую жизнь. Рассмотрены две технико-экономические проблемы, преодоление которых позволит рационально организовать выполнение этого этапа, а именно: расчет оптимальной программы выпуска изделий и задачу своевременного и безболезненного перехода на выпуск принципиально новой машины.

В работе [3] проведен подробный анализ производственной программы машиностроительного предприятия на основе графиков рентабельности. Общие затраты на выпуск изделий определённого типа Z_{II} складываются из первоначальных капитальных вложений K_{II} , необходимых для организации производства новых машин, и текущих затрат (себестоимости) на изготовление изделий согласно формулы:

$$Z_{II} = K_{II} + C_{II}N, \text{ у.е.с.}, \quad (2)$$

где C_{II} – себестоимость одного изделия, у.е.с.; N – текущая производственная программа выпуска, шт.

С другой стороны, общий доход предприятия D от реализации производимых изделий прямо пропорционален программе их выпуска:

$$D = C_{II}N, \quad (3)$$

где C_{II} – продажная цена изделия, у.е.с.

При определённом количестве выпускаемых и реализуемых изделий величины общих затрат и общего дохода сравниваются. Из (2) и (3) эта величина равна:

$$N_1 = \frac{K_{II}}{C_{II} - C_{II}}. \quad (4)$$

До значения N_1 предприятие несёт убытки в связи с необходимостью компенсировать сделанные к этому моменту общие затраты, а при $N > N_1$ оно начинает получать текущую прибыль.

Следует отметить, что получить полную компенсацию абсолютных общих затрат абсолютным общим доходом данное предприятие может только тогда, когда оно произведёт и реализует большее, чем N_1 количество изделий, которое обозначим через N_{\min} . В случае прямолинейных зависимостей Z_{II} и D от программы выпуска имеем следующее соотношение $N_{\min} = 2N_1$ или с учетом (4):

$$N_{\min} = \frac{2K_{II}}{C_{II} - C_{II}}.$$

Так как, начиная с величины N_{\min} , рассматриваемое предприятие начнёт получать абсолютную прибыль, то это значение является нижней границей для определения его производственной программы. При $N \geq N_{\min}$ предприятие будет увеличивать абсолютную прибыль, максимизация величины которой в условиях капиталистического способа производства является главной целью. При этом возникает принципиально важная задача определения максимальной программы выпуска N_{\max} , после выполнения которой данное изделие снимается с производства. Если обозначить через T_M период морального износа изделия в у.е.в., под которым понимается календарный период времени ЖЦИ от момента выпуска первого экземпляра машины до момента прекращения её изготовления, то максимальную производственную программу можно выразить отношением:

$$N_{\max} = \frac{T_M}{t_D}, \quad (5)$$

где t_D – интервал времени, через который периодически производится выпуск изделий (такт выпуска), у.е.в.

Линия N_{\max} ограничивает область абсолютной прибыли сверху, а снизу, как это следует из рассмотренного выше, она имеет нулевой предел по линии N_{\min} . Если эти величины известны, то для прямолинейных зависимостей (2) и (3) размер получаемой прибыли Π определится выражением

$$\Pi = N_{\max} [0,5 N_{\max} (C_{II} - C_{II}) - K_{II}]. \quad (6)$$

В работе [3] приведены формулы для расчёта прибыли в случае нелинейных зависимостей (2) и (3), вызванных различными стратегиями продаж выпускаемого изделия. Анализ выражения (6) показывает, что прибыль предприятия будет возрастать с увеличением N_{\max} и разницы между ценой изделия и его себестоимостью, а также с уменьшением первоначальных капитальных вложений на организацию производства данных изделий. При этом величина N_{\max} является наиболее эффективным средством повышения абсолютной прибыли, так как она стоит в формуле (6) во второй степени.

Подставим отношение (5) в формулу (6):

$$\Pi = \frac{T_M}{t_D} \left[0,5 \frac{T_M}{t_D} (C_{II} - C_{II}) - K_{II} \right]. \quad (7)$$

Из выражения (7) следует, что при определённом значении периода морального износа машины прибыль машиностроительной фирмы будет обратно пропорциональна такту выпуска изделий. Расчёты по (7) свидетельствуют о высоком градиенте увеличения прибыли при приближении такта выпуска к минимальным значениям. Для более перспективных изделий, имеющих повышенный период морального износа, одну и ту же величину общей прибыли можно получить при большем значении такта выпуска. Наоборот, аналогичную прибыльность изделий с малой величиной T_M можно обеспечить лишь за счёт более жёсткой организации производства, обусловленной снижением величины t_d . Таким образом, для достижения максимально возможной прибыли в пределах рассмотренных выше ограничений основным направлением должен быть путь всемерного сокращения такта выпуска изделий, то есть переход к массовому производству. Исходя из цели достижения максимальной прибыли, соответствующее этому такту значение N_{\max} и будет являться оптимальной производственной программой выпуска изделий.

Из предыдущего следует, что момент перевода производства на выпуск нового изделия должен совпадать с периодом морального износа выпускаемой машины. Определение величины T_M является важной задачей маркетинговых исследований рынка, и она должна быть известна до начала производства того или иного изделия, так как по ней рассчитываются оптимальная программа выпуска, и объём ожидаемой прибыли согласно выражениям (5) и (7).

В работе [4] представлен анализ основных способов перехода на новые модели машины: с полной остановкой производства на период реконструкции; параллельный метод перехода; «безостановочный» метод; реинжиниринг в условиях гибкого производства. В результате сделан вывод о необходимости организации производства по новому типу – массовому быстросменному производству, построенному по принципу: оптимальный срок службы материальной производственной базы, включая оборудование, оснастку и другие средства технологического оснащения, должен быть равен периоду морального износа выпускаемого изделия. Этому принципу соответствует формула для расчёта максимальной прибыли следующего вида [4]:

$$P_{\max} = \frac{(C_{II} - C_I)^3}{54C_{\text{пр}}^2 t_d^4}, \text{ у.е.с.}, \quad (8)$$

где $C_{\text{пр}}$ – коэффициент текущих затрат на обслуживание функционирования производства изделия, у.е.с./у.е.в.².

Здесь по сравнению с выражением (7) P_{\max} также обратно пропорциональна такту выпуска, но уже не во второй, а в четвёртой степени. Из (8) следует, что для получения максимальной прибыли необходимо, кроме отмеченного выше, сокращать текущие издержки производства $C_{\text{пр}}$ и уменьшать такт выпуска изделий. Причём последний путь является наиболее эффективным средством.

Для организации предложенного способа перехода на изготовления новой машины производственная база машиностроительного предприятия должна быть разделена на две равноценные части, из которых в данный момент времени функционирует одна, которая выпускает традиционные изделия. В это же время во второй части происходит создание и оснащение производства для выпуска нового изделия с заранее определённым тактом выпуска. В момент достижения первой машиной морального износа происходит быстрый переход на выпуск новой машины, а прежнее производство подлежит полному демонтажу с последующей организацией производства более перспективного изделия. То есть на предприятии должны существовать две параллельные производственные базы. Этот вариант, на наш взгляд, позволит успешно разрешить проблему организации массового быстросменного производства.

Выводы

1. Основой оптимизации жизненного цикла машины должно служить положение о существовании экономически обоснованного срока службы изделия, которому соответствует минимум суммарных затрат производителя и потребителя.
2. Проектирование изделия должно быть направлено, в первую очередь, на обеспечение его экономически обоснованного срока службы путем достижения равного запаса долговечности для всех ее составных частей. Оптимальной является конструкция, спроектированная на принципах равнопрочности, равномерного изнашивания и других частных целевых функциях, обеспечивающих равномерное распределение эксплуатационных свойств.
3. Эффективность этапа изготовления машины напрямую зависит от точности назначения производственной программы выпуска и рациональной организации перехода на изготовление нового изделия. Для получения максимальной величины прибыли необходимо снижать такт выпуска изделий, а производственная база предприятия должна функционировать по принципу массового быстросменного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрушин С.И., Губайдулина Р.Х. Оптимизация этапа эксплуатации изделий машиностроения // Вестник машиностроения. – 2010. – № 7. – С. 52–59.
2. Петрушин С.И. Техноэкономика. Оптимизация жизненного цикла изделий машиностроения. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 139 с.
3. Петрушин С.И., Губайдулина Р.Х. Определение оптимальной программы выпуска изделий машиностроения // Вестник машиностроения. – 2011. – № 2. – С. 80–85.
4. Петрушин С.И., Губайдулина Р.Х. Оптимизация перехода на производство новой продукции машиностроения // Вестник машиностроения. – 2011. – № 12. – С. 80–83.

Поступила 24.01.2012 г.

УДК 332.146:316.422(571.16)

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В.В. Спицын, С.В. Черноног

Томский политехнический университет
E-mail: spitsin_vv@mail.ru, teney2007@sibmail.com

Показана необходимость оценки конкурентоспособности региона с двух позиций: как способности региона привлекать ресурсы внешней среды и как производителя товаров и услуг, реализуемых на внешних рынках. Для корректной оценки конкурентоспособности эти подходы должны дополнять друг друга. Разработан методический подход к оценке конкурентоспособности региона, как производителя товаров и услуг, и проведена его апробация на примере Томской области. Уточнена оценка конкурентоспособности Томской области, сформулированы возможности, проблемы и механизмы реализации приоритетов развития. Показано, что важнейшим критерием выбора приоритетов должна стать ориентация производимой продукции на внешние рынки.

Ключевые слова:

Конкурентоспособность региона, методика оценки, инновационное развитие, Томская область, статистика, внешний рынок.

Key words:

Region competitiveness, estimation methods, innovation growth, Tomsk region, statistics, external market.

Оценка конкурентоспособности региона и выявление его конкурентных преимуществ – это первый этап определения приоритетов развития. Правильный выбор приоритетов крайне важен в условиях ограниченных финансовых и иных ресурсов, которые могут быть направлены регионом на их реализацию.

Целью настоящей работы является совершенствование методических и практических аспектов оценки конкурентоспособности региона и разработка на их основе рекомендаций по определению и реализации приоритетов инновационного развития. Апробация методических разработок проводится на примере Томской области. Информационной базой исследования послужили теоретические работы по проблемам оценки конкурентоспособности региона, материалы по актуализации Стратегии развития Томской области до 2020 г., данные федеральной и региональной статистики, данные вузовской статистики.

Традиционный подход к оценке конкурентоспособности региона и его использование в Стратегии развития Томской области

В рамках традиционного теоретического подхода конкурентоспособность региона рассматривается как его способность привлекать внешние ресур-

сы (финансовые, трудовые и т. д.) для своего развития. Для решения задачи привлечения внешних ресурсов региону требуется обеспечить высокий уровень жизни населения и высокую доходность капитала, а также сформировать условия (предпринимательскую среду и т. д.) для эффективного использования имеющихся собственных ресурсов при производстве товаров и услуг [1, 2]. В рамках этого подхода для оценки конкурентоспособности региона предлагается использовать две группы признаков (индикаторов):

- базовые признаки: природно-сырьевые ресурсы, трудовые ресурсы и их квалификация, научный, управленческий потенциал, производственная база;
- обеспечивающие признаки: предпринимательский климат, качество управленческого потенциала, стоимость рабочей силы, инфраструктура [3].

Выделяют и другие группы показателей: уровень жизни населения, инвестиционная привлекательность, эффективность использования ресурсов [4].

Логика традиционного подхода: *собственные ресурсы и конкурентные преимущества – создание благоприятной среды – приток ресурсов извне – рост производства – развитие региона.*

Происходит определенное смещение акцентов регулирования в пользу формирования благоприятной среды (предпринимательской, инвестиционной и т. д.), а также поиску внешних инвесторов.

Описанный традиционный подход к оценке конкурентоспособности был реализован в Стратегии развития Томской области до 2020 г. [5]. С момента принятия Стратегии прошел значительный временной период (7 лет). Это практически половина срока действия Стратегии. В настоящее время ведутся работы по актуализации Стратегии. Основные результаты реализации первого этапа работ изложены в документе [6]. Кратко опишем их.

1. Оценка конкурентоспособности региона. Был использован широкий перечень индикаторов, которые формируют достаточно оптимистичную картину развития региона [6. С. 8–56]. По мнению исследователей, по всем группам факторов оценки конкурентоспособности Томская область в 2009 г. улучшила свои позиции по сравнению с 2005 г. [6. С. 41]. Основные проблемы – транспортные ограничения и суровые климатические условия.
2. Выбор приоритетов развития. «Лидерами» развития с учетом доли в структуре объемов отгруженной продукции являются: пищевое производство, нефтегаз, электротехника, наука, ЛПК, «аутсайдеры» – биотехнологии, нефтехимия. Переориентация экономики с сырьевой на инновационную происходит более медленными темпами, чем предполагалось в Стратегии [6. С. 87].

Результаты работ по оценке конкурентоспособности оказались достаточно оптимистичными. Томская область должна быть привлекательна для инвесторов. Однако любая региональная система функционирует в динамике. Вложенные инвестиции должны окупиться. Это произойдет только в том случае, если предприятия региона смогут произвести конкурентоспособную продукцию и продать ее за пределами региона. Возникает важный фактор оценки привлекательности региона для внешних инвесторов: способность предприятий региона производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям рынка [1], который предполагает также способность наращивать объемы производства и наличие историй успеха инвестирования в экономику региона. Требуется уточнить оценку конкурентоспособности Томской области и приоритетов ее развития с учетом данного фактора.

Методический подход к оценке конкурентоспособности региона как производителя товаров и услуг для внешней среды

В ходе нашего исследования был разработан методический подход к оценке способности предприятий региона производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям рынка. Изложим его основные положения.

Принципы оценки конкурентоспособности и их обоснование

1. **Ориентация на внешние рынки сбыта продукции**, поскольку именно поступления финансовых ресурсов извне определяют уровень благосостояния населения региона и формируют синергетический эффект от их циркулирования внутри экономики региона. При этом под ориентацией на внешние рынки подразумевается:
 - реализации продукции внутри страны, но за пределами региона;
 - реализация продукции за пределами страны (на мировом рынке).
2. **Определение положения промышленности региона на национальном рынке в разрезе основных видов деятельности**, поскольку из теории маркетинга известно, что формирование стратегии и механизмов развития субъекта зависит, в том числе, от доли субъекта на рынке.
3. **Оценка конкурентоспособности в динамике в сравнении с другими регионами страны**. Отслеживание динамики объемов отгруженной продукции, валовой добавленной стоимости (ВДС) и других показателей в сравнении с другими регионами позволяет оценивать результаты реализации приоритетов развития и своевременно проводить корректировку стратегии развития территории.

Методика оценки конкурентоспособности

1. Определение основных видов экономической деятельности, обеспечивающих наибольший вклад в экономику региона.
2. Анализ положения на рынке и динамики конкурентоспособности предприятий этих видов деятельности в сравнении с другими регионами России.
3. Анализ рынков сбыта продукции предприятий этих видов деятельности и обоснование их ориентации на внешние рынки сбыта.
4. Анализ конкурентоспособности видов экономической деятельности региона или крупных кластеров, которые характеризуются небольшим вкладом в экономику региона, но занимают лидирующие позиции на уровне России в своей сфере.
5. Обобщение полученной информации и систематизация конкурентных преимуществ и слабых сторон в разрезе основных видов экономической деятельности и рынков сбыта продукции. Апробируем разработанный методический подход на примере Томской области.

Оценка конкурентоспособности томских производителей и их продукции на внешних рынках

1. Определение основных видов экономической деятельности, обеспечивающих наибольший вклад в экономику Томской области

На основе данных федеральной статистики [7] была рассчитана структура промышленного производства региона. Она позволяет выделить два основных вида экономической деятельности:

- добывающая промышленность (сектор С);
 - обрабатывающая промышленность (сектор D).
- Их доли в объеме промышленного производства региона в 2011 г. составили 52 и 38 %, соответственно. На эти два вида деятельности приходится почти 37 % созданной в 2010 г. валовой добавленной стоимости. Дальнейший анализ будем проводить для этих видов экономической деятельности.

2. Анализ положения на рынке и динамики конкурентоспособности предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности Томской области в сравнении с другими регионами России

Анализ положения на рынке добывающей и обрабатывающей промышленности региона был проведен на основе данных федеральной статистики [7]. Он позволил выявить два аспекта. С одной стороны, высокое место по ВРП на душу населения, наличие нефтегазовой промышленности, которой не имеют многие регионы РФ. С другой стороны – очень скромные показатели добывающей и обрабатывающей промышленности на уровне РФ. Так, в 2011 г. доля отгруженной продукции обрабатывающей промышленности Томской области в РФ составила 0,4 %, добывающей промышленности – 1,6 %. Это неплохие показатели с учетом небольшой численности населения региона. Но в отношении обрабатывающей промышленности с позиций маркетинга они означают, что предприятия региона имеют очень низкую долю на рынке, не могут на равных конкурировать с лидерами и должны ориентироваться только на отдельные очень узкие сегменты внешнего рынка. Скорее всего, эти сегменты будут неустойчивы, разрознены и не связаны друг с другом единым продуктом или технологиями. Последнее существенно затрудняет процесс формирования комплексов и кластеров взаимосвязанных предприятий внутри региона, ориентированных на внешние рынки.

Оценка динамики конкурентоспособности обрабатывающей и добывающей промышленности проводилась в сравнении с другими регионами РФ за период 2005–2011 гг. Для анализа использовался показатель объема отгруженной продукции. Результаты анализа:

1. Обрабатывающая промышленность. Темп роста объема отгруженной продукции Томской области составил 199 %, в то время как регионы-лидеры (Калужская область, г. Санкт-Петербург) показали, соответственно, 644 и 491 %. А средний темп роста по России составил 247 %. Обрабатывающая промышленность Томской области испытывает серьезные трудности. Темпы роста объемов продаж отстают от среднероссийских.
2. Добывающая промышленность. Темп роста объема продукции Томской области составил 177 %. На уровне России темп роста составил 257 %, а у лидера – Сахалинская область – 1367 %. Безусловным лидером развития в

2005–2011 гг. оказалась Сахалинская область, на которой были реализованы крупные инвестиционные проекты. В Томской области инвестиции в добычу полезных ископаемых ежегодно происходят в существенных объемах, но они обеспечивают только сохранение текущего уровня добычи, а не его активное наращивание.

3. Анализ рынков сбыта добывающей и обрабатывающей промышленности Томской области и обоснование их ориентации на внешние рынки сбыта

Основной объем продукции добывающей промышленности вывозится за пределы Томской области. В этом состоит ее значимость для региона. Добывающая промышленность обеспечивает существенный приток финансовых ресурсов извне в экономике региона.

Сложнее дело обстоит с обрабатывающей промышленностью. Данные федеральной статистики не позволяют оценить объемы продукции, реализуемой на внешних рынках, поскольку не содержат информации об объемах продукции, реализуемой в других регионах России. На помощь приходят данные региональной статистики (табл. 1) [8].

Таблица 1. Географическая структура реализации крупных и средних/малых инновационных предприятий Томской области в 2010 г., %

Вид товаров	Рынки сбыта товаров			
	Томская область	РФ, кроме Томской области	За пределы РФ	Всего
Всего отгружено товаров, в том числе:	21,5/24,9	76,7/66,9	1,8/8,2	100
• инновационные	5,1/17,2	93,4/73,8	1,5/9,0	100
• наукоемкие	0,8/20,3	98,4/67,6	0,8/12,1	100

Приведенные данные показывают, что основной объем продукции инновационных предприятий реализуется в других регионах РФ. Особенно высокая ориентация на этот рынок инновационной и наукоемкой продукции. Это позитивный факт, который подчеркивает необходимость стимулирования развития инновационного и наукоемкого бизнеса в Томской области. В то же время серьезной проблемой региона является низкий объем экспорта, в том числе наукоемкой и инновационной продукции. Не спасают положение малые инновационные предприятия, поскольку большая часть их экспорта приходится на страны СНГ [8].

4. Анализ конкурентоспособности научно-образовательного комплекса Томской области и его вклада в экономику региона

Важным направлением развития Томской области является научно-образовательный комплекс (НОК), в котором выделим вузовский комплекс региона. Анализ статистических показателей вузовского комплекса проведен в работе [9]. Основные результаты анализа:

Таблица 2. Сильные и слабые стороны конкурентоспособности Томской области

Характеристика	Позитивные аспекты	Негативные аспекты
Положение на рынке добывающей и обрабатывающей промышленности Томской области	Основной объем продукции создается секторами С и D. По показателю ВРП на душу населения Томская область в 2010 г. входит в число регионов-лидеров РФ и занимает второе место в Сибирском федеральном округе	Низкий удельный вес объемов отгруженной продукции на уровне РФ. Добывающая и обрабатывающая промышленность региона не могут на равных конкурировать с лидерами и должны ориентироваться только на отдельные, очень узкие, сегменты рынка. Продукция обрабатывающей промышленности региона неконкурентоспособна на мировых рынках
Динамика конкурентоспособности промышленности Томской области	Удалось сохранить лидирующие позиции по ВРП. Идет постепенный прирост объемов отгруженной продукции добывающей и обрабатывающей промышленности в абсолютном выражении	Темпы роста объемов отгруженной продукции секторов С и D, а также ВРП оказываются ниже среднероссийских показателей. Регион постепенно утрачивает свои конкурентные преимущества и теряет рынки сбыта своей продукции. Нет крупных инвестиционных проектов в добывающей промышленности
Потенциал развития региона	У региона имеется мощный НОК, высококвалифицированный персонал и природные ресурсы. Однако необходима реализация этого потенциала в промышленности	Реализации потенциала препятствуют серьезнейшие неблагоприятные факторы: <ul style="list-style-type: none"> • территориальная удаленность и высокие транспортные расходы; • маленький спрос на уровне Томской области и Сибирского федерального округа (из-за численности населения и предприятий) по сравнению с центральными регионами России; • суровые климатические условия и высокие энергозатраты

1. Вузовский комплекс Томской области является бесспорным лидером на уровне Сибирского федерального округа по объемам финансирования научно-исследовательских работ (НИР). Томская область уверенно занимает третье место по объемам финансирования НИР на уровне трех ведущих федеральных округов России (Центрального, Северо-Западного и Сибирского) или 39 субъектов РФ. Сохраняется специализация Томской области в научно-образовательной сфере на уровне России. Томские вузы успешно подтверждают свой потенциал победами в проводимых государством конкурсах и программах финансирования.
2. В 2010 г. финансирование вузов Томской области достигло 10,6 млрд р., в том числе: финансирование образовательной деятельности – 7,9 млрд р., научной деятельности – 2,7 млрд р.

3. Наблюдается изменение структуры источников финансирования НИР. Происходит увеличение государственного финансирования, и сокращаются доли финансирования со стороны томского бизнеса и мировой экономики.
 5. Обобщение полученной информации и систематизация конкурентных преимуществ и слабых сторон
- На основе проведенного в настоящей работе анализа сформулируем основные выводы по конкурентоспособности и приоритетам развития Томской области (табл. 2, 3).

Таблица 3. Возможности и проблемы реализации приоритетов развития региона

Характеристика	Позитивные аспекты	Негативные аспекты
Добывающая промышленность (сектор С)	Обеспечивает основной объем промышленного производства региона и более 20 % ВДС. Есть стабильный спрос на продукцию. Ориентирован на вывоз продукции за пределы региона, в том числе на экспорт, что обеспечивает приток денег в регион извне. Формирует определенную часть налоговых поступлений в региональный и местные бюджеты	Объемы добычи не нарастают, отсутствуют крупные инвестиционные проекты. Объемы выручки и созданной ДС зависят от внешних факторов (цены на нефть и политика головных компаний). В секторе С непосредственно занята только незначительная часть населения Томской области. Требуется существенные затраты на социальную и транспортную инфраструктуру, в том числе финансируемые из регионального и местных бюджетов
Обрабатывающая промышленность (сектор D)	Занимает второе место по объему производства после сектора С. Играет важную экономическую и социальную роль в регионе. На внешние рынки в большей степени ориентированы инновационные и наукоемкие продукты. Потенциал развития может быть обусловлен: <ul style="list-style-type: none"> • уникальными предприятиями и технологиями; • взаимодействием с НОК и выпуском наукоемкой продукции; • переработкой природных ресурсов 	Небольшие объемы производства на уровне РФ и узкие, несвязанные сегменты рынка существенно затрудняют процесс формирования комплексов и кластеров предприятий, ориентированных на внешние рынки. Слабая интеграция с НОК. Темпы создания и развития новых производств (в том числе, наукоемких и инновационных) не компенсируют потери рынка традиционными продуктами. Не удается создать крупные производства по переработке природных ресурсов, ориентированные на внешние рынки
НОК Томской области (на примере вузовского комплекса)	Входит в число лидеров на уровне России по образовательной деятельности и объемам финансирования НИР. За период 2006–2010 гг. существенно увеличил объемы финансирования НИР, преимущественно за счет государственного финансирования	Небольшой вклад в экономику региона (на фоне промышленности). Недостаточно интенсивное взаимодействие с томским бизнесом и сокращение доли финансирования НИР со стороны томского бизнеса

Полученные результаты дополняют показатели и выводы, изложенные в материалах первого этапа работ по актуализации Стратегии развития Томской области до 2020 г. Очевидно, что одним из приоритетов останется нефтегазовый комплекс. Сложнее с обрабатывающей промышленностью. Раздел D включает в себя много подразделов, принципиально отличающихся друг от друга. В Стратегии совершенно справедливо проводится разделение раздела D на пищевую промышленность, электротехнику, ЛПК, нефтехимию и т. д. Однако не указан важнейший критерий выбора основных приоритетов в секторе D: ориентация на внешние рынки (в число приоритетов могут войти и «импортозамещающие» производства, например, пищевая промышленность. Они тоже очень важны, но основу должны составить предприятия, ориентированные на внешние рынки). Это требование важно подчеркнуть, поскольку регион – это открытая система и недостаточно просто сохранить финансовые ресурсы путем развития замещающих производств. Требуется постоянно привлекать новые финансовые ресурсы извне.

Дальнейший выбор приоритетов в секторе D возможен с учетом данных табл. 3. Это могут быть:

- уникальные предприятия и технологии;
- наукоемкие и инновационные предприятия, в том числе взаимодействующие с НОК;
- предприятия, связанные с переработкой природных ресурсов.

Во втором варианте, а также в отношении НОК, как приоритета развития, необходимо подчеркнуть следующее. Вклад НОК в экономику региона небольшой (на фоне промышленности). Поэтому важна реализация результатов НОК на крупных и средних предприятиях обрабатывающей промышленности.

Здесь возможны следующие направления взаимодействия:

1. НОК – передача результатов НИР на крупное предприятие.
2. НОК – малое наукоемкое предприятия – передача результатов НИР на крупное предприятие.
3. НОК – малое наукоемкое предприятие – выращивание этого предприятия до размера средних и крупных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печаткин В.В., Перфилов В.А. Теоретические и методические аспекты оценки конкурентоспособности регионов России // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2010. – № 3. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3271> (дата обращения: 06.09.2012).
2. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Пимонов А.Г. Конкурентные преимущества и инновационность экономики регионов // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 33–49.
3. Конкурентоспособность региона как экономическое явление. URL: <http://www.voronova-on.ru/regioneconom/page488/index.html> (дата обращения: 06.09.2012).
4. Халабуда Ю.Э. Оценка конкурентоспособности региона с учетом уровня его инновационного развития // Интернет-журнал «Экономические исследования». – 2011. – № 7. URL: <http://www.ecse.ru/Internet-magazine/magazine/28/401/> (дата обращения: 06.09.2012).

Механизмами развития, соответствующими этим направлениям, становятся:

- интенсификация взаимодействия НОК с крупными и средними предприятиями региона;
- интенсификация процесса создания малых наукоемких инновационных предприятий;
- выращивание созданных малых наукоемких инновационных предприятий до размера средних и крупных в кратчайшие сроки с использованием широкого перечня методов, стимулирующих развития бизнеса.

Еще раз подчеркнем, что получаемая при использовании этих механизмов *продукция должна быть ориентирована на вывоз за пределы региона и конкурентоспособна на внешних рынках.*

Эффективная работа в этих направлениях может нивелировать неблагоприятные факторы и обеспечить результативное инновационное развитие Томской области. Для ее успеха требуется согласованное взаимодействие органов власти региона, руководителей вузов, научных работников, предпринимателей и представителей крупного, в том числе финансового, бизнеса.

Выводы

1. Показана необходимость оценки конкурентоспособности региона с двух позиций: как способности региона привлекать ресурсы внешней среды и как производителя товаров и услуг, реализуемых на внешних рынках. Для корректной оценки конкурентоспособности эти подходы должны дополнять друг друга.
2. Разработан методический подход к оценке конкурентоспособности региона, как производителя товаров и услуг, и проведена его апробация на примере Томской области.
3. Уточнена оценка конкурентоспособности Томской области, сформулированы возможности, проблемы и механизмы реализации приоритетов развития. Показано, что важнейшим критерием выбора приоритетов должна стать ориентация производимой продукции на внешние рынки.

Исследования выполнены в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

5. Стратегия развития Томской области до 2020 года. URL: http://www.strategia.tomsk.ru/files/docs/strategicheskie_dokumenty/Strategy.pdf (дата обращения: 06.08.2012).
6. Результаты работ I этапа актуализации Стратегии развития Томской области. URL: http://www.strategia.tomsk.ru/files/docs/1etap_aktualizacii.pdf (дата обращения: 06.08.2012).
7. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 06.09.2012).
8. Инновационный сектор Томской области за 2010 год: статистический бюллетень // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. – Томск, 2011. – 74 с.
9. Спицын В.В. Анализ процессов интеграции томских вузов в инновационную экономику в период кризиса // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 13–18.

Поступила 28.02.2012 г.

Философия, социология и культурология

УДК 130.2:32

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАУКИ

Ан.А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Исследуются основания формирования моделей историко-культурной реконструкции науки. Анализируется потенциал категориального ряда микросоциологических исследований науки. Исследуется понятие «внутренняя социальность науки», раскрывается роль дебатов и разногласий в развитии научного знания.

Ключевые слова:

Консенсус, диссенсус, контекст, внутренняя социальность, интерпретация, модели диссенсуса.

Key words:

Consensus, dissensus, context, internal sociality, interpretation, models of dissensus.

В 70–80-е гг. XX в. в социологии науки «Новой волны» обозначилась микросоциологическая исследовательская программа, в границах которой был ослаблен демаркационный рубеж между содержанием научного знания и социальными отношениями того научного сообщества, которое это знание производит; в социологические исследования стала проникать как проблематика философии науки, так и проблематика логики науки. Уже К. Кнорр-Цетина, Х. Штразер и Х.-Г. Цилиан анализируют научную теорию как продукт интеллектуальной деятельности, в сути которого обнаруживает себя «печать ситуационной случайности»; в научном знании находят отражение отношения и интересы, формирующиеся в научном сообществе. И лишь процесс конструирования научного знания позволяет понять содержание результата, заключённого в научной теории. Сделав одной из центральных проблем реконструкции контекста в науке, аналитики «Новой волны» обратились к возможностям категориального ряда микросоциологических исследований, дополнив его категориями «ситуация» и «контекст».

Как считает К. Кнорр-Цетина, в интерпретации содержания научной теории огромна роль той реконструкции составляющих контекста, которую совершает аналитик: он деконтекстуализирует знание, изучая лабораторный процесс рождения зна-

ния [1]. При этом наблюдается погружение научных методов в социальное действие по производству знания. Гносеологическая же проблематика не существует вне пространства лаборатории. Авторы, работающие в границах исследовательских программ «Новой волны», ввели понятие «внутренняя социальность», социальность научного сообщества, включив в это понятие достаточно широкий спектр взаимодействий: начальник–подчиненный, менеджер, финансист, исследователь. В этой системе взаимодействий исследуются этические нормы деятельности, мотивация деятельности учёного и её цели. Однако специфика заключена в том, что в этой целостности отношений любой из занимающих строгую позицию в дискуссии персонифицирует вполне определённую форму интерпретации теории – парадигмы.

Объявив дебаты и разногласия тем, что определяет естественное состояние науки, аналитики «Новой волны» предложили объяснительные механизмы, в пределах которых может быть интерпретирована гносеологическая природа диссенсуса в науке, раскрываемая в так называемых моделях диссенсуса. Ранее о дискуссии как об одной из моделей диссенсуса писал Т. Кун, полагавший, что модель консенсуса не даёт оснований для интерпретации всех разногласий в науке, где дебаты длятся десятилетиями и веками (Коперник–Птоле-

мей, волновая-корпускулярная теории света, ньютоnianство versus картезианство в механике, униформизм versus катастрофизм в геологии, Пристли versus Лавуазье в химии и т. д.). Появление теории связано с решением. Именно это решение, как полагал Т. Кун, допускает разногласие: разногласие в ценностях и предпочтениях – основа для появления теории. Подняв вопрос о дополнении модели консенсуса, Т. Кун полагал, что конкурирующие теории радикально несоизмеримы. Этим обусловлена невозможность общения друг с другом для тех, кто их представляет. Т. Кун для обозначения подобного явления вводит понятие межпарадигмальных разногласий. Это один из периодов научной революции, для которого характерны «хронически незавершенные» парадигмы, находящиеся в отношениях конкуренции. Чем обусловлена эта незавершенность? Прежде всего, несоизмеримостью парадигм. Два тезиса и являются у Т. Куна тем основанием, которое определяет модель диссенсуса: тезис о несоизмеримости (разногласия) и тезис о поддержании согласия (что характерно для нормальной науки).

Переход от «нормальной» науки к «кризисной» затруднен, по мнению Т. Куна, различием методологических стандартов, различием познавательных ценностей, используемых в дебатах. Именно приверженностью различным методологическим стандартам Т. Кун и обосновывает невозможность или неполноту диалога в проблемном поле противостоящих парадигм; сам же диссенсус для научного сообщества – та характеристика, которая постоянно сопровождает жизнь сообщества в науке [2]. Гносеологическая природа диссенсуса в науке объяснима также посредством принципа неопределенности теории: критерии выбора теории достаточно неопределенны, теорию нельзя принять или опровергнуть, исходя лишь из эмпирических данных (тезис Дюгема–Куайна); правилам индуктивного и дедуктивного выводов можно следовать способами, которые могут быть несовместимыми (тезис Витгенштейна–Гудмена), и эта несовместимость подчас носит радикальный характер. Определенный тип диссенсуса, по мнению Я. Митрофа и П. Фейерабенда, вызывается к жизни так называемым «контрнормальным поведением»: пренебрегая эмпирическими свидетельствами, ученый ориентируется на исследовательские программы контриндуктивистского толка, что может завершиться «методологическим неблагополучием» (Я. Митрофф), «методологическим анархизмом» (П. Фейерабенд). Что же касается консенсуса в науке, то тем, применительно к чему достигается согласие, является парадигма. Среди таких разновидностей научной жизни, как наука «нормальная» и наука «революционная», именно в «нормальной» науке доминирует согласие, это уникальное явление науки, и механизм этой уникальности не был раскрыт ни Т. Куном, ни И. Лакатосом, ни П. Фейерабендом, объявившим идеалом науки «бесконечное вопрошание об основах».

Среди ряда моделей историко-культурной реконструкции науки особое место занимает прогрессистская модель, иначе называемая кумулятивистской, модель, ориентированная на концепт «научная революция», а также модель «case-studies», получившая название «ситуационные исследования науки». Именно исследовательская программа «case-studies» исходит из тезиса о том, что открытие должно быть реконструировано в целостности, что открытие неповторимо, что открытие, наконец, невозможно воспроизвести в другой ситуации. Задача социолога науки заключена в том, чтобы воспроизвести исследовательскую неповторимость, показать конкретный характер открытия, раскрыть специфику научной практики, проанализировать эпизоды дискуссии, экспериментальных процедур, а также процедур интерпретации. Социолога, как считает Т. Пинч, историк и социолог науки из Великобритании, прежде всего интересует контекст обоснования наблюдений. Эту установку Т. Пинч применяет, анализируя солнечные нейтрино и процесс измерения сплюснутости Солнца [3]. Отметим, что и кумулятивистов, и представителей ситуационных исследований отличает пристальный интерес к эмпирическим свидетельствам; однако если цель этого интереса у кумулятивистов заключена в вычленинии общих характеристик, общих для общей истории науки, то аналитики, работающие в парадигме «case-studies», говорят о такой характеристике истории науки, как многособытийность, ищут в открытии уникальное, акцентируя внимание на частной стороне открытия, выявляя всеобщее через неповторимое, выявляя всеобщее в частном. Л.А. Маркова в работе «Конец века – конец науки?» образно пишет о характере историко-культурной реконструкции эволюции науки в «case-studies»: площадь с холмами и пиками – научные открытия различной значимости. В отличие от линейной модели развития науки, где эволюция лишена разрывов и состоит из точек-фактов, ситуационные исследования науки рисуют плоскость, её поверхность покрыта силовыми линиями-обобщениями [4. С. 46]. Именно в «case-studies» воплощен способ выражения всеобщего через индивидуальное, способ, блестяще применённый К. Марксом в статье «18 брюмера Луи Бонапарта», где К. Маркс анализирует период французской истории на примере одного дня.

Выше отмечалось, что в кумулятивистском и в ситуационном исследовании исходным элементом анализа является факт. Вместе с тем роль факта в обозначенных типах исследования различна. Как отмечает Л.А. Маркова, «... в кумулятивистском исследовании в результате исторической реконструкции факто утрачивает индивидуальные особенности, включаясь в общий ряд развития. Отсюда частое состояние дискомфорта: историк имеет дело или с голыми фактами, при этом остаётся непонятным, какое значение имеет их констатация для понимания истории вообще, или же он выводит из них общие закономерности, тогда исчезает

историческая действительность как таковая, история превращается в логику. В ситуационных исследованиях исторический факт как событие стоит в начале исследования и в конце, действительность как предмет изучения сохраняется в конечном результате; в то же время ... ситуационные исследования заключают в себе возможность и всеобщих выводов внутри анализа события как индивидуального и особенного» (разрядка Ан. Корниенко) [4. С.70]. Автор полагает, что в «case-studies» часто вместо термина «факт» употребляются такие слова, как «ситуация», «эпизод», «событие». Особенно подходящим кажется понятие «событие», здесь уже заключен новый смысл отношения к прошлому: событие как со-бытие, совместное бытие всех составляющих, всех сторон какого-то исторического эпизода, факта [4. С.70]. Л.А. Маркова видит особое значение «case-studies» в ряде моментов: *во-первых*, индивидуальный случай наблюдения можно связать с интересами и ресурсами других групп ученых, включенных в научную практику; *во-вторых*, появляется возможность «втянуть» в отдельное событие, локализованное во времени и пространстве, прошлое и будущее этого события. По сути дела, предлагается концептуальная основа для того, чтобы придать всеобщее значение индивидуальному событию [4. С. 62].

В качестве особо методически значимых автор называет следующие особенности ситуационных исследований [4. С. 62–63]:

- Эти исследования сосредоточены **не на готовом факте как результате научных открытий**, но на самом событии как **на неповторимой целостности, содержащей в себе признаки переломных моментов** в истории науки. Такие события являются комбинацией разных направлений историко-научного поиска: таких, как анализ процесса творчества, социальных условий, соотношения общесоциального и собственно научного сообщества, структуры научного знания. В ситуационных исследованиях сочетается синтетичность, универсальность и локальность, обозримая предметность анализируемого события.
- Неправильно представлять «case-studies» лишь как реконструкцию творческих актов, которые объясняют предысторию научного текста. В большинстве случаев имеются в виду именно тексты, причем достаточно конкретные и рассмотренные с точки зрения воспроизводства в данных текстах общезначимой ситуации.
- Особо значимой для «case-studies» является и возможность охарактеризовать их как точку, в которой сведены воедино предшествующие события и последующие, хотя предмет изучения характеризует настоящее науки.
- В ситуационных исследованиях событие малое по объему рассматривается как целое и уникальное: изучаются локализованные события (текст как таковой, материалы научной конференции, научное открытие как результат деятельности конкретного научного коллектива, научный диспут).
- Обычные понятия историографии науки (например, критерии научности, социальность науки, континуальность и дискретность, конкретное и всеобщее, индивидуальное творчество и готовая научная теория, внешняя причинность и самодетерминация, научное сообщество и его продукция) трансформируются внутри ситуационных исследований.
- То, что наука включается в контекст культуры, является характерным для ситуационных исследований. Как считает автор, это включение и позволяет трансформировать понятия, которые типичны для исторической реконструкции. Как правило, наиболее развитыми и характерными для современной социологии науки являются ситуационные исследования следующих типов: в одном случае это исследования, которые касаются бифуркационных точек, применительно к которым можно говорить о трансформации стиля мышления (диалоги Галилея, те первые работы Эйнштейна, в которых содержались идеи относительно зарождающейся квантовой механики); в другом случае речь идет о таких открытиях, в которых синтезированы наиболее свойственные стилю мышления данной культуры черты.

К числу социально-конструктивистских моделей развития науки с полным правом может быть отнесен и «дискурс-анализ» (англ. Discourse – речь, рассуждение, лекция). Речь идет об изучении разнообразных форм дискурса, благодаря которым аналитики выражают свои суждения. Разнообразные формы выражения суждений аналитиков лежат в основании построения интерпретационного контекста воспроизводства научной истины. Подобный метод описания интерпретационного контекста опирается на «эмпирический» (на основе стандартной концепции науки) и «условный» (на основе изучения суждений ученых, проявивших себя в различных случаях неформального общения) – «базисные репертуары».

Сам дискурсивный процесс – это принятые в научном сообществе формы выражения суждений ученых, что включает в себя интервью, публикации, сообщения, беседы, изобразительные средства и т. п.). М. Малкей, Дж. Гилберт, Ф. Бартон, П. Карлен, М. Коулгард, Д. Брэзил развивают различные направления дискурсивного анализа и исходят из того, что социальный мир науки чрезвычайно многосторонен, и, следовательно, есть необходимость изучить на эмпирическом основании методы, посредством которых складывается коллегиальное мнение ученых о предмете научного исследования: «в этой разноголосице можно выявить определенные интерпретационные правила, если только найти должный аналитический подход» [5. С. 192]. В едином пространстве обозначенных выше «базисных репертуаров» для формирования социологических моделей развития науки необходимо изучение типов интерпретации в диапазоне

эмпирического и условного репертуаров интерпретации. Существуют воспроизводимые формы интерпретации, – их можно выявить, описать и документально подтвердить. Разрабатывая методологию дискурс-анализа, М. Малкей и Дж. Гилберт стремятся интерпретировать сферу его применения, что важно после завершения микросоциологических исследований процесса развития науки конкретной предметной области.

М. Малкей и Дж. Гилберт используют конструкт «когнитивный консенсус», когда пишут о наличии коллективного согласия по поводу научных положений и выводов, что позволяет избежать абсолютизации обусловленных контекстом частных интерпретаций. В определении гносеологических возможностей когнитивного контекста «... внимание исследователей должно быть направлено на те увязанные с контекстом методы, посредством которых участники создают коллективные мнения и наличие либо отсутствия консенсуса» [6. С. 212], что, по мнению М. Малкея и Дж. Гилберта, создает предпосылки для качественно нового интерпретационного анализа «коллективного мнения в науке».

Ранее мы отмечали [7. С. 135], что метод дискурс-анализа обычно применим к историко-научному материалу, представляющему собой обзор сделанного ранее, позволяющего понять обстоятельства становления и утверждения когнитивных структур нового научного знания в конкретном социокультурном контексте. И достаточно важно учи-

тывать, что действующие лица с течением времени заново интерпретируют то же самое под влиянием изменяющихся обстоятельств. Конечная же цель методолога должна состоять не в том, чтобы реконструировать уже свершившееся по информации, предоставляемой учеными, а в том, чтобы выявить модели взглядов и суждений, которым следуют ученые, а также в том, чтобы изучить феномен коллективности в науке, проявляющий себя в процессе поиска завершающей версии их коллективного мнения.

Социологи, изучающие процесс формирования суждений, выявляют используемые в практике исследовательского сообщества коллективные культурные ресурсы – они повторяются регулярно. Дискурсные формы включают в себя как вербальные формы, так и различный изобразительный материал (таблицы, графики, рисунки, диаграммы, фотографии, электронные изобразительные формы и т. п.). Социологов интересуют также и формальные характеристики рисунков ученых (связь с научными концепциями, интерпретационная вариабельность, взаимозависимость визуальных и вербальных текстов, контекстная вариабельность, неявность смыслового содержания). В целом можно утверждать, что дискурсный анализ нужен для того, чтобы понять феномен коллективности через восприятие открытия научным сообществом, выявить доминирующий вектор научного направления, а также взглянуть на научное сообщество как на многомерную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Knorr K., Strasser H., Zilian H.G. Determinants and Controls of Scientific Development. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975. – 459 p.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 256 с.
3. Pinch T.J. What Does a Proof Do if It Does not Prove? / Ed. E. Mendelsohn, P. Weingart, R. Whitley // In The Social Production of Scientific Knowledge. – Dordrecht: Reidel, 1977. – P. 171–215.
4. Маркова Л.А. Конец века – конец науки? – М.: Наука, 1992. – 133 с.
5. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Наука, 1983. – 252 с.
6. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры (социологический анализ высказываний ученых). – М.: Наука, 1987. – 224 с.
7. Корниенко Ан.А., Корниенко А.А. Социокультурная обусловленность и метафоричность научного знания // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С.134–137.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 130.2:32

ТЕМАТИЗАЦИЯ СИНТЕЗА КАК ЕДИНСТВА КОГНИТИВНОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕНДЕНЦИЙ И ПОДХОДОВ

Ан.А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Анализируется процесс становления когнитивной социологии науки, в предметном поле которой прослеживается взаимосвязь когнитивных и социальных структур науки. Обозначена роль контекста в формировании научного знания. Утверждается, что основанием формирования когнитивной социологии науки явился пересмотр стандартной концепции науки как совокупности гносеологических, эпистемологических и методологических интерпретаций природы и морфологии формируемого научного знания, способов его обоснования и идеалов научности.

Ключевые слова:

Когнитивная социология науки, контекст, конструктивизм, деконструктивизм, критерии научности, социальность в науке, интерпретация.

Key words:

Cognitive sociology of science, context, constructivism, deconstructivism, criteria of scientific content, sociality in science, interpretation.

В 70-е гг. XX в. в западной философии науки возник ряд школ, получивших название «Социальные исследования науки»; программа этих школ отразила ряд наглядно проявляющихся тенденций в западной философии науки. Отчетливо обозначился интерес к анализу содержания научного знания в любых его формах, интерес к науке как подсистеме культуры, к установлению зависимости между отдельными элементами научного знания и тем социокультурным контекстом, в границах которого научное знание формируется.

Основанием, благодаря которому стало возможным формирование обозначенного направления, известного также как когнитивная социология науки, как социология науки «Новой волны», явилась социология знания, отсюда в англо-американской традиции было сформировано название: «социология научного знания».

Анализу проблем социокультурной обусловленности развития науки предшествовала контрверза интернализм—экстернализм; последняя на длительное время сформировала структуру исследовательских ориентиров (альтернативных и конкурирующих) в пространстве западной философии науки.

Идейной платформой, определившей предметную специфику «Социальных исследований науки», явился пересмотр стандартной концепции науки (в 1967 г. профессор Гарвардского университета И. Шеффлер, систематизируя положения социологов науки, сформированные на принципах классической науки, ввел термин «стандартная концепция науки»). Именно стандартная концепция науки являла собой совокупность гносеологических, эпистемологических и методологических интерпретаций природы и морфологии формируемого научного знания, способов получения и обоснования этого знания, интерпретации идеалов научности, интерпретации тех механизмов, что эту деятельность регулируют. Ряд авторов (к примеру,

такова позиция Б.Г. Юдина) справедливо, на наш взгляд, полагают, что в основе стандартной концепции науки лежит обыденный здравый смысл науки, та форма самопознания науки, в которой проявляет себя нерелексивное отношение к основаниям и предпосылкам научной деятельности. Именно на стандартную концепцию ориентировались позитивисты и неопозитивисты. Стандартная концепция науки не благоприятствовала возможностям социологического анализа научного знания. Неопозитивисты не признавали социокультурной обусловленности познания, она считалась фактором, тормозящим производство достоверного знания. Стандартная концепция создала образ «чистой» науки, независимой от культуры. По существу именно «Социальные исследования науки» сформировали идеал, ориентированный на преодоление позитивистских представлений о науке и ее развитии, на стремление к разностороннему комплексному анализу науки как продукта и существенного фактора развития общества.

Пересмотр стандартной концепции науки и появление на рубеже 80-х гг. целого спектра концептуальных схем социального исследования науки в рамках социального конструктивизма фундируют потребность в философско-методологической рефлексии комплексного подхода, формирующейся в данном направлении.

Идеи этого направления были представлены на Лондонской конференции 1972 г., когда были обозначены контуры синтеза особой проблематики: социокультурной, социологической, методологической и гносеологической. Так возникло комплексное изучение науки, сформировалась та исследовательская парадигма, в границах которой за социологическими методами был признан приоритет в исследовании исходных характеристик научного знания, а в социологию науки вошла проблематика философии и логики науки. Когнитивная социология науки требовала исследования нау-

ки как целостного феномена, и эту задачу взяла на себя комплексная методология.

Возникшие социолого-научные программы были ориентированы на синтез философии, истории и социологии науки в её традиционной трактовке, так формируется идеал-парадигма, объединившая когнитивные и социальные факторы. Отметим, что уже к середине 70-х гг. сформировался не только общий рисунок парадигмы «Социальных исследований науки», но и настойчиво заявила о себе группа исследователей, занявшая позиции сторонников «сильной программы» (Д. Блур, Б. Барнс). И «сильная» и «слабая» программы, сделавшие предметом дискуссий проблемы социологии научного знания, природу научного знания, вступили в ожесточенный спор (получивший название «Научные войны», Science wars) с «реалистами», вставшими в оппозицию к «постмодернистам». «Социальные исследования науки» допустимо рассматривать как разновидность социального конструктивизма и релятивизма: в пределах исходных установок «сильной» и «слабой» программ знание интерпретируется не как отражение объективной реальности, но как результат особой деятельности. В отличие от этой точки зрения, научный реализм, интерпретированный как совокупность нескольких школ в границах аналитической философии, исходит из того, что единственное средство достижения знания о мире, которое может считаться надежным в отличие от обыденного опыта или метафизики, это научное исследование, где данные экспериментов и наблюдений интерпретируются с помощью специально создаваемых для этого средств — научных теорий. Высказывания авторов научных теорий и терминологический аппарат (без разделения на «язык теории» и «язык наблюдения») имеют онтологический статус, т. е. объекты (предметы, процессы, связи, свойства и отношения, закономерности), обозначаемые этими терминами, считаются реально существующими, а суждения об этих объектах — истинными, ложными или вероятными [1. С. 155]. Последняя позиция присуща У. Селларсу, А. Масгрейву, Х. Патнему, Р. Харре.

Эволюция когнитивной социологии науки стимулировала развитие микросоциологических исследований конкретных ситуаций, возникающих в процессе познавательной деятельности ученых (case-studies), которые представляют богатый эмпирический материал о взаимосвязи когнитивных и социальных структур науки. В 80-е гг. XX столетия возник целый спектр разнообразных, но близких по своим методологическим основаниям концептуальных схем социального исследования науки, предметом анализа стал процесс зарождения научного знания в контекстном пространстве научного сообщества. Уже в 80-е гг. XX столетия возникли «интерпретивная» социология науки (Дж. Лоу, Д. Френч), «конструктивистская программа» (К. Кнорр-Цетина), релятивистская программа (У. Коллинз), дискурс-анализ (М. Малкей,

Дж. Гилберт), этнометодологические исследования (Г. Гарфинкель, С. Уолгар), этнографические изучения науки (И. Элкан), тематический анализ (Дж. Холтон) — программы, обозначенные в аналитической литературе как социально-конструктивистские, так как научное знание представлено здесь как результат и следствие процесса социального конструирования: «причинная связь, действующая в обществе, имеет самореференциальный характер, который объясняет обязательную силу конвенции» [2. С. 121].

Параллельно с дисциплинарным оформлением когнитивной социологии науки шло возникновение академических центров по изучению социальных проблем науки. Возникает Комитет по исследованию социологии науки при Колумбийском университете — центр по изучению теории науки, ее политики и планирования. В Германии становится широко известна Штарнбергская группа Исследовательского центра института имени Макса Планка. В Великобритании в 1970-х гг. произошел существенный рост исследований науки, особенно заметный в университетах Бата, Эдинбурга, Ланкастера, Манчестера. В Эдинбурге возникает Отделение исследований науки. Историк науки Рой МакКлеод в 1971 г. основал журнал «Социальные исследования науки».

В перечне зарубежных журналов и сборников по теории науки, ознаменовавших появление новой научной дисциплины, — «Наука о науке», «Социология науки», «Метод современных наук». В Великобритании возрастающее внимание к закономерностям развития науки привело к открытию в 1964 г. фонда «Наука о науке», который возглавили Дж. Бернал, Д. Прайс, Ч. Сноу. Кембридж также принял участие (вместе с израильскими исследователями) в основании в 1987 г. нового журнала «Наука в контексте» (Science in context). Начиная с 1996 г. электронный журнал Sociological Research Online начинает публикацию материалов по «Социальным исследованиям науки». В рамках указанного издания осуществляется знакомство с внутридисциплинарными дискуссиями, рецензиями на книги хорошо известных российским исследователям авторов, таких, например, как Дж. Гилберт, М. Малкей, Б. Латур, С. Уолгар, статьями видных аналитиков, ранее незнакомых отечественному читателю, например: Нико Штер (N. Stehr) — член Королевского Общества Канады, редактор журнала «Социология в Канаде», чей исследовательский интерес сосредоточен на проблемах взаимодействия общества, политики и знания; М. Хамерсли, Д. Байерн, Р. Гомм активизировали проблематику моделирования в «Социальных исследованиях науки».

Начиная с первой половины 70-х гг. к проблеме зависимости научного знания от социокультурного контекста обратилась Штарнбергская группа института имени Макса Планка ФРГ (В. Даел, В. Шефер, Г. Беме, В. Крон). Практически одновременно идеи когнитивной социологии «проросли» в Ан-

глии, где исследовательский интерес таких крупных социологов, как Г. Коллинз, М. Малкей, Р. Уитли, Д. Блур, П. Вайнгарт, Е. Мендельсон, сконцентрировался на изучении системы «социальные факторы –логические структуры» [3]. Американский вариант социологии науки, ориентированно на эту исследовательскую программу, представлен трудами П. Макхью, Э. Гоулднера, И. Митроффа, М. Полани, Дж. Равеца.

На рубеже XX–XXI вв. «Социальные исследования науки» обрели статус научного направления, масштабно представленного в западной философии науки, а в проблемном поле поименованного направления обозначили свою предметную специфику две версии социоконструктивистского подхода к анализу науки. В границах макроподхода анализируются проблемы взаимоотношения социальных структур и научного знания, влияния социальных изменений на сдвиги в научном знании, взаимоотношения науки как социального института с другими социальными институтами. Особенностью макроаналитического подхода является исследование процессов и структур и отвлечение от того, что представляет собой субъективная составляющая науки. Макроаналитическая стратегия, допуская, что наука – это сфера деятельности ученых, оставляет эту мысль вне сферы своих интересов. Ограниченность и недостаточность макроаналитической стратегии обусловила поворот к иной – микроаналитической стратегии, отказавшейся от глобальных социологических схем и сосредоточившейся на изучении отдельных случаев научных открытий, полемики между учеными, выдвижении гипотез, построении теорий в определенном социокультурном контексте.

Отметим то обстоятельство, что важной для интерпретации современных эпистемологических проблем когнитивной социологии науки является позиция Э. Дюркгейма, связывавшего категории время, материя, пространство и некоторые элементы категории причинности с социальным контекстом и отождествлявшего когнитивный аспект разума с социальным. Вплотную подошли к интерпретации истории мысли в социологических терминах В. Парето и Г. Зиммель, утверждавшие наличие параллелизма между формами познания (образованием понятий и способами «интеллектуального схватывания») и формами социальной организации, что, на их взгляд, является свидетельством фундирования концептов и интеллектуальных ориентаций социокультурными изменениями. И хотя характер самой зависимости форм мышления от социального контекста в истории социологии знания определялся различно, именно специфика предметной области социологии знания позволила в дальнейшем приложить методы и понятия социологии знания к анализу этапов научного знания, к генезису научных открытий, к формированию научных сообществ. Так, П. Ландсберг осуществил социологический анализ академии Платона; П. Хонигсхейм дал описание средневековой

схоластики в терминах социологии знания, А. Демпф и М. Орнштейн осмыслили процесс перехода от схоластики к науке нового времени и роль научных обществ в XVII в. в рамках парадигмы социологии знания, а в ряде других исследований понятия и методы социологии знания нашли применение в историко-научных описаниях. Ситуация перехода от социологии знания к социологии науки породила различные историко-научные исследования, реализовывавшие программы социологии науки, а формирование комплексного подхода в исследованиях науки происходило в результате приложения концепций и методов социологии знания и социологии науки к историко-научным исследованиям. Так, основатели социологии науки – Р. Мертон и Д. Бернал – были одновременно авторами историко-научных исследований, написанных с позиций социологии. Взаимосвязь социологии научного знания и истории науки обусловлена их единством, историческими интенциями самой социологии: внутренняя логика ее развития свидетельствует о том, что и классическая социология в лице Э. Дюркгейма, и неклассическая социология, к примеру, теория П. Бурдьё, изначально историчны. Социология Э. Дюркгейма исторична потому, что он стремился изучать институты в процессе их становления, что требует, по мнению Э. Дюркгейма, активного и сознательного сотрудничества с историографией. Не существует социологии, которая заслуживала бы этого имени и не обладала бы историческим характером, – утверждал Э. Дюркгейм, убежденный в том, что социологии и истории суждено сблизиться и, что наступит день, когда исторический дух и дух социологический будут различаться лишь оттенками. П. Бурдьё и другие представители современной неклассической социологии опираются на это и другие положения Э. Дюркгейма, перенося историческое измерение в область социальной онтологии и эпистемологии, призывают работать над действительно единой наукой о человеке, в которой история была бы исторической социологией прошлого, а социология, – социальной историей настоящего, ставя перед социологией задачу осуществления тройной историзации – *во-первых*, историзации агента, *во-вторых*, историзации различных социальных миров (полей), *в-третьих*, историзации познающего субъекта и инструментов познания, с помощью которых он конструирует свой объект.

Говоря об эволюции парадигмы когнитивной социологии науки, нельзя преувеличивать роль факторов сугубо философских, – к примеру, работ Т. Куна [4], позитивистской методологии. Мы полагаем, что эволюция исследовательских программ последней определена, прежде всего, внутренней логикой развития социологии как дисциплины. Дело, на наш взгляд, в том, что в социологии происходили парадигмальные трансформации. Изменились ориентиры интерпретации социального. Особенно характерно это для микросоциологиче-

ского подхода: в парадигме последнего отчетливо прослеживается ориентация на идеи А. Шютца и И. Гофмана. «Социальное» здесь интерпретировано как социально организованная интеракция, «совместный мир» (А. Шютц), как совместная активность индивидов, находящихся в отношении позитивного взаимодополнения. Это определяет ряд проблем когнитивной социологии науки, обусловленных неопределимыми преградами между «микро» и «макро» и невозможностью социологии эти преграды преодолеть. Интерес символического интеракционизма к «стратегиям микротрансляции», позволяющим понять, как социальные структуры «повторяются» в конкретных местах коммуницирующих, а так же исключительный интерес феноменологической социологии к перспективе самого действующего, привели к сдвигам в социологическом подходе и науке и потребовали проявления таких уровней анализа, как повседневная жизнь и повседневные контакты между учеными, т. е. антропологии и этнографии науки, от которых еще в 70-х гг. социология знания и социология науки принципиально дистанцировались. В 80-х гг. ведущим направлением становится «этнография науки» (антропологическое исследование науки), представляющая собой микроанализ конкретно-исторических локальных ситуаций в социокультурном контексте.

Сегодня, когда когнитивная социология науки представляет собой достаточно автономное дисциплинарное образование, пристальный анализ социологической методологии и используемых в ее рамках методов исследования (интервью, включенное наблюдение, антропология и этнография науки, биографический метод, метод case-studies), позволяющих выявить генезис научных представлений под влиянием культурного контекста, является принципиально важным, поскольку социология вносит наиболее существенный вклад в «деконструкцию» методологий и методик, употребляемых при изучении проблематики науки. Значение социологической методологии заключается в переориентации на интерпретативность методов, в акцентуации стратегий описания, а не объяснения, исключая причинное или факторное объяснение, настаивающих на нарративности не только форм, способов и стиля изложения, но и самих методов исследования.

Отметим и такую особенность исследовательских версий «Социальных исследований науки», как попытку рассматривать не традиционный для детерминизма причинный вид связи, а более мягкие формы взаимодействия мыслительных процессов и социального, точнее, социокультурного контекста. В числе этих форм — «принцип обобщенного взаимодействия», «принцип связи состояний», «принцип зависимости от условий», учет коррелятивных связей и синхронизации, не предполагающих предшествования во времени и обязательного порождения, и не являющихся каузальными или случайными совпадениями. По существу, осмы-

сление конструктивистского подхода, суть которого отражена в аналитической парадигме когнитивной социологии науки, и позволяет сделать вывод о том, что в нем содержится неприятие философского анализа. При этом в меткой оценке К. Кнорр-Цетины, традиционный философский анализ науки обвиняется в неспособности систематично обдумать роль социальных факторов и включить их в нормативную картину научной деятельности [5]. В действительности же, едва ли мыслимо, что такой феномен, как современная наука, внутренне связанный с современным обществом как институциональное и коллективное установление, не имеет собственных социальных черт, которые должны схватываться философией, если она еще собирается быть осведомленной о мире, в котором она живет. Конструктивизм поднимает проблему роли интересов, гибкости правил и стандартизованности критериев ситуативной роли власти в теории знания, призывает к аннулированию универсальных стандартов через локальные соглашения, к замене социальных и других характеристик ситуативными характеристиками. Необходимо также отметить, что по сути своей конструктивизм далеко не однороден, что признают и аналитики, работающие в традиции когнитивной социологии науки. И одно то, что центральный и основной концепт конструктивизма — это концепт «переговоров», говорит о немасштабности его аналитических ресурсов.

Очевидно, осознавая тупиковость исследовательской версии конструктивизма, аналитики вводят термин «конструкционизм» для обозначения эмпирического конструктивизма. В границах последнего исходным является тезис о том, что исследование процесса конструирования реальности означает изучение эпистемической практики, анализ «жизни лаборатории» и локально закрепленных, изменчивых стандартов познания. Конструкционизм ориентирован на «локализирующиеся» концепции, на тезис о том, что конструирование является конструированием внутриграниценных пространств, опирающихся на локальные ресурсы и изменения, обусловленные локальной практикой. В когнитивной социологии науки помимо обозначенного выше выделяется и когнитивный конструктивизм, интересующийся знанием с точки зрения биологии познания и восприятия, а не социальных общностей, как выделяется и деконструктивизм. Ему присущ антиинтерпретационизм, противоположный большинству интерпретативных подходов социального конструктивизма. Достаточно полно представлена в «Социальных исследованиях науки» и версия, обозначенная как «деконструкционизм». При этом различие «слабой» и «сильной» версии социального конструктивизма заключено в следующем. В пределах «слабой» версии теории, возникающие по поводу реальности, рассматриваются как социальные конструкции, в то время как в пределах «сильной» версии конструкцией является реальность. Для

Д. Блура, апологета «сильной» версии социального конструктивизма, чрезвычайно важным для социальной эпистемологии является «принцип недостаточной детерминации» (*underdetermination thesis*). Он заключен в том, что, апеллируя просто к влиянию объекта, нельзя объяснить разницу в восприятии этого объекта различными наблюдателями. Для объяснения необходимо знание о самих наблюдателях, в описание реальности включаются и параметры, детерминированные социальными факторами. Для Б. Латура и С. Вулгара, апологетов релятивистского подхода и оппонентов Д. Блура, важны не сами получаемой наукой факты, но более важен сам процесс их конструирования. Исследуя потенциал «сильной» версии социального конструктивизма, Ю.С. Моркина, на наш взгляд, очень тонко подмечает отношение этой версии к «слабой» версии социального конструктивизма и научному реализму, когда пишет: «Сильная версия социального конструктивизма, с одной стороны является проявлением крайнего релятивизма, но, с другой стороны, как крайность сближается с другой крайностью – позицией научного реализма, а не полностью противостоит последней. Сближение это состоит в том, что в обеих позициях терминологическому аппарату и высказываниям научных теорий придается онтологический статус. В случае с социальным конструктивизмом это происходит постольку, поскольку сама реальность считается конструирующей в процессе научного исследования» [6. С. 158].

В трудах отечественных авторов, посвященных социокультурной проблематике в научном мышлении, выделяются три уровня взаимосвязи науки, общества и культуры. *Во-первых*, это исследования культурологических аспектов науки, исходящие из тезиса о социальной природе познания: их проводят Л.М. Косарева, М.А. Розов, В. Белов. Далее, социокультурная обусловленность научного познания является предметом внимания М.С. Козловой, А.П. Огурцова, В.С. Степина. Наконец, социокультурная детерминированность научного знания с позиций идеи синхронизации отстаивается Е.А. Мамчур. Изучением механизмов взаимодей-

ствия науки и социокультурной среды были заняты: В.С. Библер, П.П. Гайденко, Б.С. Грязнов, В.А. Дмитриенко, Ю.А. Зиневич, В.Г. Федотова, А.Н. Шамин, Б.Г. Юдин, З.А. Сокулер, С.Б. Крымский. Именно работы этих авторов позволили радикально изменить во второй половине XX в. представление о науке в контексте трансформации такого понятия как социальность, дополнив его содержанием доминантного для социокультурной методологии понятия «социокультурный контекст».

Обозначенные работы сделали неоспоримым тот факт, что многомерность науки (когнитивно-лингвистическую, социально-нормативную, культурно-ценностную) невозможно понять и правильно интерпретировать, ориентируясь только на концептуальную историю науки. Сформировав новый исследовательский идеал, заключенный в стремлении к единству социальных и когнитивных характеристик, «Социальные исследования науки» в своей когнитивной исследовательской программе изменили представление о критериях научности, сделав научное знание непосредственно обусловленным интерпретационными ресурсами, интерпретационным контекстом. Посредством введения таких категориальных структур, как «социокультурный контекст», «интерпретационные ресурсы», «интерпретационный контекст», было существенно изменено и само понятие «социальности» в науке.

В заключение подчеркнем, что именно западная социология науки сформировала сложную, фундаментальную и смелую задачу новой координации и переориентации аналитических подходов к такому сложному предмету исследования, как социальные аспекты функционирования науки, предприняв попытку тематизации идеи комплексности в социальных исследованиях науки на основе экспликации основных программ и подходов философии, истории, культурологии и социологии науки и их дальнейшего синтеза в некой единой исследовательской идеал-программе, в основе которой лежит единство когнитивных и социальных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Порус В.Н. Научный реализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
2. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – 252 с.
3. Mulkey M. Action and belief or scientific discourse? A possible way of ending intellectual vassalage in social studies of science // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1981. – V. 11. – P. 163–171.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 256 с.
5. Knorr K., Strasser H., Zilian H.G. Determinants and Controls of Scientific Development. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975. – 459 p.
6. Моркина Ю.С. Социальный конструктивизм Д. Блура // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 154–159.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 111

РАСШИРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РИСКИ

Д.В. Черникова, И.В. Черникова*

Томский политехнический университет

*Томский государственный университет

E-mail: chdv@tpu.ru

Анализируются социальные и гуманистические следствия программы расширения человеческих возможностей (human enhancement). Показано, что современный этап развития программы, обусловленный применением когнитивных технологий, представляет собой качественно новый уровень, на котором эволюция человека становится сознательно управляемым процессом. Особое внимание уделяется философским вопросам, актуализируемым применением когнитивных технологий. Обсуждается проблема сохранения идентичности человека, проблемы свободы и ответственности.

Ключевые слова:

Когнитивные технологии, технонаука, когнитивная наука, природа человека, NBIC-конвергенции, эволюция, мозг, гуманизм, социальный прогресс, ответственность.

Key words:

Cognitive technologies, technoscience, cognitive science, human nature, NBIC-convergence, evolution, brain, humanism, social progress, responsibility.

Важнейшими мегатехнологиями современности являются нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии. Их связь в западной литературе обозначается термином NBIC-конвергенции. В отечественной литературе принята аббревиатура НБИКС, где пятой составляющей мегатехнологий являются социальные технологии. Все технологии синергично взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации. NBIC-конвергенции открывают перед человечеством возможности собственной эволюции как осознанно направляемого процесса трансформации природы человека.

Специальные программы социального развития на основе NBIC-технологий были приняты в Америке и в Европе. Авторами американской программы «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» (Converging Technologies for Improving Human Performances, 2002) были М. Рокко и В. Бейнбридж. Основными разработчиками программы Евросоюза «Конвергирующие технологии для европейского общества знаний» (Converging Technologies for European Knowledge Society) были Альфред Нордманн и Джордж Хьюшф [1]. Цель этих программ – улучшение качества жизни. Однако NBIC-технологии – не просто очередное научно-техническое совершенствование, они «взрывают» жизненный мир человека, вплоть до трансформации самой природы человека, его идентичности.

Различного рода программы по улучшению человеческих возможностей далеко не новы и всегда встречались с осторожностью. Особенно острую критику вызвали в начале XX в. евгенические исследования. Как отмечает Дж. Хьюшф, программа совершенствования человеческой природы (human enhancement) после появления конвергентных технологий вышла на новую стадию, на которой «все

мы становимся в некотором смысле субъектами исследования, вовлеченными в этот новый великий эксперимент, имеющий по сути дела не только естественнонаучный и научно технический, но и социальный аспекты» [1].

В данной статье сосредоточим внимание на такой составляющей NBIC-конвергенции как когнитивная наука и когнитивные технологии, проанализируем их воздействие на совершенствование человеческой природы. Когнитивная наука представляет собой междисциплинарный синтез наук: философии, психологии, лингвистики, нейрофизиологии и информатики, связанных единой проблематикой (язык–познание–мозг) и общими методологическими принципами. Объектом когнитивной науки являются познавательные процессы и механизмы, выявленные на стыке наук, с помощью которых осуществляется адекватная адаптация человека к реальности. Когнитивные науки традиционную дуальную картину реальности – объективный физический мир и субъективная психическая реальность, трансформируют, разворачивая в трехмерное измерение: 1) объективный мир, 2) субъективный образ объективного мира, 3) отношения между действительностью и ее репрезентацией, которые, собственно, и определяют результат адаптации человека к миру, определяют степень ее адекватности. Поэтому в философских исследованиях отмечается, что когнитивные науки изучают структуру субъективного опыта человека, причем делают это не в традиционной для философии абстрактной форме, а в эмпирическом ключе [2. С. 7].

Когнитивная наука принципиально отличается от классической науки тем, что представляет собой, *во-первых*, междисциплинарный синтез естественнонаучного и гуманитарного знания, *во-вторых*, она является не только теоретической системой знания, но технологией. Трансформация научного мировоззрения связана с переориентацией

научной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную. Наука постепенно интегрируется в организованную по новым принципам систему взаимодействия науки и технологии. Этот феномен обозначается термином **технонаука**. В ней технологическая эффективность вместо истины, знание как проекты действия, а модель познания – конструирование. Важнейшим примером технонауки могут служить так называемые NBIC-технологии. Особенность технонауки в том, что ее объекты – не предметная реальность в картезианской дуалистической картине мира, а так называемые «человекомерные» объекты. Главной чертой технонауки является высокая социально-практическая ориентированность.

Итак, говоря о когнитивной науке, понимаем ее тесную связь с технологией. Предметом рассмотрения в данном случае являются **когнитивные технологии**, суть которых известный математик, занимающийся проблемами прогнозирования социального развития Г.Г. Малинецкий, определяет как способы и алгоритмы достижения целей субъектов, опирающиеся на данные о процессах познания, обучения, коммуникации, обработки информации человеком и животными, на представление нейронауки, на теорию самоорганизации, компьютерные информационные технологии, математическое моделирование элементов сознания, ряд других научных направлений, ещё недавно относившихся к сфере фундаментальной науки [3].

Б.М. Величковский отмечает, что когнитивные технологии – это, прежде всего, технологии интерфейсов между человеком и вычислительными системами [4]. Примерами использования этих технологий могут, в частности, служить графические интерфейсы, созданные такими компьютерными гигантами, как корпорации IBM, Apple и Microsoft. Примером использования когнитивных технологий являются также технологии виртуальной реальности, применяемые при подготовке водителей, пилотов, диспетчеров с помощью специальных компьютерных тренажеров.

Именно кластер так называемых конвергентных технологий (NBIC-технологий) рассматривается сегодня как основа социального прогресса, и когнитивные технологии являются его важной составляющей. Фиксируя радикальные изменения жизненного мира, обусловленные высокими технологиями, отметим роль интернета в современной жизни. Интернет как новая медийная среда, новое средство распространения и получения информации оказывает огромное влияние на сознание. По данным журнала «Time» в сети генерируется каждый день 4 миллиарда писем, ежедневно информации столько, сколько было создано за 60 предыдущих лет. Объем информации, которая должна быть принята во внимание,кратно вырос, это сказывается и на процессе обучения, и на принятии решений. Но человек способен учесть одновременно не более 5–7 факторов, влияющих на принятие решения. Для предотвращения ошибок

человека при интерпретации данных и взаимодействии с техническими устройствами в ситуации быстро меняющихся информационных потоков в сфере прогнозирования и управления очень важны разрабатываемые на основе когнитивной науки методики принятия решений, создание сети взаимодействующих когнитивных центров.

Конвергенция информационных и когнитивных технологий не ограничивается использованием компьютеров в изучении мозга, но используется для усиления человеческого интеллекта. Они во все большей степени дополняют естественные способности человека к работе с информацией. Возможно, в будущем элементы искусственного интеллекта будут интегрироваться в разум человека с использованием прямых интерфейсов «мозг–компьютер», и управление компьютером с помощью мысли станет таким же обычным, как сегодня клавиатура и «мышь». Согласно прогнозам это может произойти в 2020–2030 гг.

Достижения когнитивных технологий связаны с осознанием ключевой роли самоорганизации в процессах обучения, принятия решений, распознавания образов. Конвергенция когнитивных и информационных технологий открывает массу новых возможностей. Так, компьютерная обработка изображения лица позволяет определять эмоциональное состояние человека и с частотой две тысячи раз в секунду фиксировать движения его глаз, отражающих уровень и направленность внимания. Это исключительно перспективно, например, для контроля состояния водителя автомобиля и повышения безопасности движения. Как минимум треть аварий на транспорте происходит из-за того, что человек на секунды заснул и потерял контроль над ситуацией. Состояние, предшествующее засыпанию, можно определить по ритмам мозга, движениям глаз, особенностям речи или электропроводимости кожи. Установка датчиков бодрствования позволит решить эту проблему. Следует отметить, что вложения в разработки управления рисками характеризуются коэффициентом 1:1000.

Следующее важнейшее направление применения когнитивных технологий для улучшения качества жизни это медицина и образование. Резкий рост информационных потоков, обрушивающихся на человека, делает не актуальным прежнее отождествление знающего с владеющим информацией, всю информацию по проблеме специалисту уже невозможно усвоить. Кроме того, в сетевом обществе, каким является общество знания, при решении глобальных проблем, знание становится все более социально, этически и политически ориентированным. При возрастании рисков особенно важно именно адекватное применение знания, управления знанием. В когнитивной науке ставится задача разработки технологии получения и применения знаний. В лекции проф. Р. Шенка (США) «От образования, связанного с предметами, к образованию, связанному с рассуждениями: что когнитивная наука говорит нам о том, чему именно

мы должны учиться», прочитанной на IV Международной конференции по когнитивной науке в г. Томске, обсуждалась проблема, как трансформировать обучение из процесса передачи информации в умение хорошо думать, как трансформировать систему образования, ориентируясь на фундаментальные когнитивные процессы?

Программа образования, представленная Р. Шенком, строится на достижениях когнитивной науки в понимании природы мышления. В ней выделено двенадцать фундаментальных когнитивных процессов: моделирование, эксперимент, прогноз, оценка, диагноз, планирование, причинность, суждение, переговоры или умение договариваться, влияние, командная работа, описание. Этим принципам следует учить всех, как основам образования, начиная с самого раннего возраста, затем в школе и даже в университетах. Особенно важны три фундаментальных навыка, формирующих умение думать. Это, *во-первых*, описательная функция, как способность описывать, способность самовыражения, *во-вторых*, умение ставить диагноз как интеллектуальный процесс, в котором формируется умение понять, что происходит и как происходит; *в-третьих*, это планирование как ключевой процесс, без которого не возможна никакая-либо деятельность. Обучение должно быть преподаванием когнитивных навыков, способных помогать нам в жизни, и не должно быть принуждением учить правила и формулы. Образование должно учить не предметам, а когнитивным умениям и навыкам.

С появлением в конце XX в. методов трехмерного картирования мозга на первый план выдвинулась проблематика нейронауки. Это такие задачи как выявление закономерностей эволюционного и онтогенетического развития систем мозга, их связи с феноменами сознания и познавательной активности. Согласно коннекционистской модели в основании функционирования нейронных сетей мозга лежит не абстрактное логическое мышление, а распознавание паттернов. Дж. Эдельман и Дж. Тонони пришли к выводу: «Мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [5. С. 47]. В частности, изучение нейрофизиологических процессов в мозге человека показало, что скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синаптической передачи не обеспечивают реально существующее быстрое действие механизмов мышления и памяти, то есть процессы мышления и памяти на долю секунды происходят быстрее, чем передача нервных импульсов. У. Пенфилд в книге «Тайна разума» отмечает «Разум всегда стоит выше содержания нашего сознания. Это абсолютно независимая сущность. Разум приказывает, мозг исполняет. Мозг — это посланник к сознанию» [6].

Компьютерное моделирование интеллекта не включает многие свойства человеческого созна-

ния: интуицию, за которой непредсказуемость путей решения, эмоции как свойство человеческой психики, влияющее на мышление. В рамках этого подхода невозможно объяснить роль контекста в функционировании системы «язык—мышление». Все это позволило сделать вывод, что функционирование человеческого мозга не может быть сведено к вычислениям, а отличается способностью к пониманию. Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что «человеческий мозг все еще находится под воздействием адаптивных эволюционных процессов» [7. С. 14]. Между тем, о включении эволюционных параметров в компьютерные модели сознания речь также пока не идет. Поэтому, несмотря на растущий объем знаний в области искусственного интеллекта, приходится признавать, что проблема когнитивных наук «мышление—сознание—мозг» содержит некий смысловой контекст, который не объясним в границах компетенции отдельных научных дисциплин, каждая из которых самостоятельно изучает и моделирует процессы познания. В этой связи очень важен вывод столь авторитетного специалиста в области когнитивных наук, как Т.В. Черниговская, что «следует возлагать надежды не на еще большее усложнение разрешающей способности техники, а на методологический и даже философский прорыв, который должен привести к возникновению новой мультидисциплинарной научной парадигмы» [7. С. 15].

Как видим, в отношении проблемы «сознание—мозг» когнитивная наука, основываясь на системно-эволюционном подходе, позволяет преодолеть противоречия и обнаружить пересечения в различных философских трактовках сознания и этим вывести обсуждение проблемы сознания на новый, более высокий уровень концептуализации. На наш взгляд, когнитивная наука осуществляет не редукцию ментального к физическому, и не сводит все поведенческие функции к когнитивным процессам, а создает более сложную модель познания посредством интеграции естественных и гуманитарных наук. Она демонстрирует стремление понять сознание и такие связанные с ним явления как язык, свобода, мораль, познание не только через исследование культуры и социальности, но и с использованием естественнонаучных аргументов.

На основе обозначенных достижений когнитивной науки возникают новые технологии в медицине, направленные на улучшение когнитивных способностей. Это препараты для стимуляции памяти и работоспособности, препараты повышающие качество жизни, помогающие бороться со стрессом, снимающие страх и тревогу. В лаборатории К. Анохина в Курчатовском институте работают над получением вещества, способного стирать неприятные воспоминания. Во многих лабораториях мира идет разработка зрительных протезов, которые сделают зрячими даже абсолютно слепых людей. При этом не нужно задействовать глаз и зрительный нерв, сигнал с миниатюрной камеры идет прямо в мозг. Для нейрофизиологов уже нет

вопроса, можно или нельзя это сделать. Обсуждаются механизмы реализации, в частности, из какого именно сплава делать электроды, вживляемые в мозг, чтобы они дольше не подвергались коррозии.

Обозначим философские вопросы, актуализируемые применением когнитивных технологий. Будучи направленными на совершенствование познавательных возможностей (улучшение памяти, избавление от когнитивных расстройств и т. п.), они не трансформируют природу человека, и в этих границах их применение вполне оправдано. Однако опасность трансформации природы человека под воздействием NBIC-технологий все же нельзя не видеть. Сложнее всего оценить последствия возможных изменений в духовно-нравственной сфере. В современных исследованиях отмечается, что уровень общественной нравственности остается примерно одним и тем же и колеблется в разные времена и у разных народов вокруг некоторой постоянной величины.

Нравственность, как тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию через стремление к идеально-должному, может рассматриваться как специфический для уровня эволюции человека параметр порядка (термин синергетики), фактор детерминации познания как жизнедеятельности. Натуралистический подход в понимании таких феноменов как свобода, мораль, язык, познание представлен уже не только отдельными авторами, а оформляется в исследование, объединяющее естественные и гуманитарные науки в познании природы человека и ее сущностных свойств. Д. Деннет на основе идеи самоорганизации и эволюции объяснял формирование у человека такого нового механизма развития как свобода и мораль. Он предложил рассматривать свободу как продукт эволюции, возникший на базе расширения информационного поля и усложнения способов трансмиссии информации.

Обратим внимание на опасный характер разрыва между прогрессом в области научного знания и технологий и отсутствием нравственного прогресса. Согласно эволюционно-синергетическим представлениям, создание более сложных структур можно рассматривать как процесс восхождения и децентрализации. Принципы запрета, ограничения, которые задают направленность, канализируют развитие, служат механизмами самоорганизации. На уровне человека одним из таких принципов является нравственность, которая регулирует социальные отношения на двух уровнях — общечеловеческом и личностном.

Одним из законов, управляющих социогенезом, является закон технико-гуманитарного баланса, согласно которому мощность технологического воздействия должна уравниваться более действенными принципами контроля. «Субъекты, не сумевшие совладать с возрастающим инструментальным могуществом, выбраковываются из дальнейшего эволюционного процесса, подорвав основы своего собственного существования» [8. С. 428].

Применив эпистемологический эволюционизм для изучения науки, многие исследователи выразили опасения по поводу расхождения скорости развития природных и культурных граней человека. В современной ситуации глобального цивилизационного кризиса фиксируемое противоречие обретает судьбоносное значение. Обсуждая создавшийся в эволюции дисбаланс, исследователи отмечают, что его «причины лежат в природе человека, который, обладая сознанием, продолжает действовать как животное... Глубинное биологическое начало человеческой природы влечет к уничтожению всей земной биологической самоорганизации, к самоуничтожению» [9. С. 463]. Потребительство, властолюбие, агрессивность, эгоизм, гедонизм — качества присущие природе человека. Теперь, благодаря технотехнике, которая также есть составляющая когнитивной эволюции, эти качества природы человека стали опасны по отношению к природе в целом и каждому человеку в отдельности. Вопрос в том, как успеть изменить негативные стороны природы человека, если по оценкам специалистов, моделирующих цивилизационные процессы, необратимые изменения могут произойти менее чем за сто лет.

Итак, NBIC-конвергенции рассматриваются как основа социального прогресса. Это концепция управления развитием технотехники, проект совершенствования человеческих возможностей на основе методологии саморазвития и сложности. С другой стороны, инициатива NBIC стала новым стимулом для активизации трансгуманизма.

Один из создателей Всемирной ассоциации трансгуманистов Ник Бостром определяет трансгуманизм как радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но скорее, ее началом. Таким образом, трансгуманизм — движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в природе человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека [10].

Трансгуманисты считают, что многочисленные научные разработки, ведущие к изменению человеческой природы, служат во благо, так как они способствуют открытию новых границ и возможностей для человека. Участники трансгуманистического движения утверждают, что постчеловеческое время — это время господства все более могущественных наномедицинских, молекулярно-биологических, геномных, нейронных, компьютерно-сетевых, информационно-медийных и других сверттехнологий. Постчеловеческое оно называется потому, что практика применения названных сверттехнологий во благо человека преобразует последнего в постчеловека. Наша эпоха — всего лишь начальный момент постчеловеческого времени [10].

Подавляющее большинство философов дает резко отрицательную оценку идеям трансгуманизма. В частности один из разработчиков Европейского программного документа «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» А. Нордманн считает гораздо более перспективным направить возможности высоких технологий не на модификацию нашего мозга и тела, а на создание «умной окружающей среды, способной максимально адаптироваться под человеческие возможности и потребности» [11].

Российский философ В.А. Кутырев подвергает резкой критике трансгуманизм, отмечая, что его следует рассматривать не как сдвиг гуманитарной парадигмы, а как прямой вызов идентичности человека, как отрицание гуманизма. По его мнению, вследствие противостояния естественного и искусственного, «сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, преодолела ее границы, сначала чувственные, а теперь постепенно мысленные, и трансцендирует в новое состояние, которое в определенном отношении является «постчеловеческим» [12. С. 14].

Э. Тоффлер в книге «Шок будущего» описывает состояние «футурошока» – некоего заболевания, характеризующегося внезапной утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванного страхом перед грядущим. Э. Тоффлер задумывается над тем, что человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок [13. С. 5]. Таким образом, возникает вопрос: всегда ли перемены ведут к лучшему? Может быть, научно-технический прогресс приведет нас к более страшным последствиям, чем экологический кризис. Возможно, в гонке усовершенствования своих возможностей и человеческого потенциала мы в итоге потеряем себя, свою сущность.

В условиях техногенной цивилизации перед обществом стоит проблема: кем станет человек? Останется ли присущая ему человеческая природа неизменной константой, не поддающейся влиянию, или же произойдет ее трансформация? Ведь научно-технический прогресс привел нас к таким достижениям, которые ранее считались утопичными. Перед нами открывается перспектива становления постчеловеческого будущего, постчеловеческой реальности и постчеловеческой цивилизации. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы. Согласно прогнозу Ф. Фукуямы человечество переходит на новую фазу истории, мы движемся в направлении к нашему *постчеловеческому* будущему.

Среди футурологов немало философов, занимающихся прогнозированием будущего. Широко известны такие имена как Ф. Фукуяма, Э. Тоф-

флер, Ю. Хабермас. В своих работах они рассматривают проблемы, которые неизбежно возникают с применением новых технологий, в связи с быстрыми темпами развития науки. Прежде всего, ставится вопрос – подвергается ли изменениям человеческая природа? Ф. Фукуяма определяет человеческую природу как то, что дает нам чувство морали, обеспечивает нам социальные навыки, необходимые для жизни в обществе и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали [14. С. 217]. Автор подчеркивает: «мы хотим защитить весь набор наших сложных, развитых натур от попыток самомодификации. Мы не желаем нарушать единство или преемственность природы человека» [14. С. 244]. Гарантию сохранения человека Ф. Фукуяма видит в чувстве достоинства, имманентно присущем личности. Рассмотрев это понятие в контексте мировой интеллектуальной традиции – от Аристотеля до наших дней, Ф. Фукуяма приходит к выводу, что чувство достоинства может стать путеводной нитью к формированию таких политических институтов, которые способны предотвратить перерождение человека.

Ю. Хабермас в докладе «Понятие человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» на Всемирном дне Философии в Москве в 2010 г. отметил, что на современном этапе развития человечества особое значение приобретает концепция человеческого достоинства, которая является нравственным источником этики равенства, правами человека и человеческой идентичностью [15. С. 32].

Известный российский философ В.С. Степин подчеркивает особую актуальность сегодня сохранения человеческой идентичности: личности и телесности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. «Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности» [16. С. 32].

Возможно NBIC технологии, которые сами есть продукт эволюции цивилизации и науки, станут для человека не новым средством «покорения» и «овладения», а технологией закрепления в природе человека тех свойств, которые необходимы для обретения динамического равновесия между наделенным интеллектом субъектом и универсумом. В целом, можно говорить о том, что развивающийся на наших глазах феномен NBIC-конвергенции представляет собой радикально новый этап научно-технического прогресса [17]. По своим возможным последствиям NBIC-конвергенция является важнейшим эволюционным фактором и знаменует собой начало преобразований, когда сама по себе эволюция человека, перейдет под его собственный разумный контроль.

Работа выполнена по гранту РФФИ 11-06-00049-а

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Khushf G. The Use of Emergent Technologies for Enhancing Human Performance: Are We Prepared to Address The Ethical and Policy Issue // *Public Policy & Practice*. 2011. URL: [http://www.ipspr.sc.edu/ejournal/ej511/George%20Khushf%20Revised%20Human%](http://www.ipspr.sc.edu/ejournal/ej511/George%20Khushf%20Revised%20Human%20) (дата обращения: 05.09.2011).
2. Баксанский О.Е. Когнитивная карта и реальность // *Эпистемология и философия науки*. – 2006. – № 1. – С. 94–99.
3. Акаев А.А., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. – М.: УРСС, 2010. – 352 с.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 1. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
5. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Издат. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
6. Penfield W. *The Mystery of Mind*. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – 231 p.
7. Черниговская Т.В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит (к вопросу об эволюции языка и сознания) // В кн.: *Когнитивные исследования* / под ред. Ю.И. Александрова. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010. – С. 13–37.
8. Назаретян А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постнеклассической методологии // В кн.: *Вызов познанию: стратегии развития в современном мире* / Отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. – С. 394–434.
9. Дубровский Д.И. Альтруизм, эгоизм и природа человека // В кн.: *Проблема сознания в философии и науке* / под ред. Д.И. Дубровского. – М.: Канон+, 2004. – С. 445–463.
10. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму // *Российское трансгуманистическое движение*. 2011. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#endnote> (дата обращения: 04.05.2011).
11. Nordmann A. Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain–Machine Interfaces // *TU Darmstadt*. 2011. URL: <http://www.philosophie.tu-darmstadt.de/nordmann> (дата обращения: 08.10.2011).
12. Кутырев В.А. *Естественное и искусственное: борьба миров*. – Н. Новгород: Изд-во «Нижегородский университет», 1994. – 200 с.
13. Тоффлер Э. *Шок будущего*. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.
14. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 349 с.
15. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // *Вопросы философии*. 2012. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474&Itemid=52 (дата обращения: 16.10.2012).
16. Степин В.С. *Теоретическое знание*. – М.: «Прогресс–Традиция», 2000. – 744 с.
17. Черникова И.В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // *Эпистемология и философия науки*. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 101–117.

Поступила 24.10.2012 г.

УДК 16

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматривается феномен телесности человека в качестве источника его эпистемологической активности. Автор обращается к ряду философских традиций (феноменология, психоанализ, постмодернизм) с целью выявления уточнения феномена тела как одного из измерений человеческого бытия. Констатируется, что тело в процессе развития предмета эпистемологии представляет собой важный источник познавательных перспектив человека, позволяющих ориентироваться на целостное мировосприятие.

Ключевые слова:

Тело, телесность, сознание, эпистемология, онтология, феноменология, постмодернизм, целостность.

Key words:

Body, corporality, consciousness, epistemology, ontology, phenomenology, postmodernism, integrity.

Задача статьи – рассмотрение вопроса о телесности человека, ее онтологии как эпистемологического фактора. Учитывая, что современная эпистемология выявляет определенные сложности с возможностями формирования целостного образа мира, хочется надеяться, что данный ракурс исследования позволит лучше понять различные основания подобного образа.

Онтология тела человека интересна тем, что долгое время философия рассматривала человека с позиции приоритета в нем какого-то одного на-

чала. Сущность человека связывалась именно с этим доминирующим началом. Не секрет, что доминирующим началом представлялось сознание (разум, душа), а второстепенным началом – тело (организм). Поэтому важным представляется обобщение философских знаний по теме онтологии тела в контексте предмета эпистемологии.

Первым креном в европейской философии в сторону анализа человеческой телесности (в индивидуальном и социальном проявлениях) можно считать марксизм и фрейдизм.

По К. Марксу, определяющей человеческую сущность характеристикой стал тезис: бытие определяет сознание. Бытие у К. Маркса – это материальная основа (в том числе и телесная), где сознание лишь одна из функций этой основы. Телесное начало опосредуется совокупностью материальных факторов, понимаемых как деятельность (прежде всего экономическая).

По З. Фрейду, который рассматривает человека по сути биологично, определяющим в человеке является его тело (организм). В отличие от К. Маркса – это не «социально-экономическое тело», а обычный человеческий организм. Сознание обладает определенной автономией, но оно изначально зависит от тела. По этой причине можно признать, что с именем З. Фрейда связана переоценка сущности человека, открытие новой его онтологии – онтологии тела.

Сама идея того, что сознание – это лишь форма, сущность которой сводится к признанию ее необходимости выхода за собственные пределы, свидетельствует о невозможности понимания последней без участия внесознательных факторов. То, что сознание возможно только как «сознание о», демонстрирует неразрывность сознания и внешнего мира (в том числе и тела). Наиболее последовательно эта идея получила развитие у ученика Э. Гуссерля М. Мерло-Понти.

М. Мерло-Понти полагал себя феноменологом, но его понимание феноменологии несколько отличается от понимания ее основоположника Гуссерля. Можно сказать, что используя одну и ту же терминологию, М. Мерло-Понти и Э. Гуссерль расходятся в своих оценках. Источником разногласий является тема тела, которая трансформирует суть феноменологии. Уже указывалось, что интенциональность как основное понятие феноменологии демонстрирует установку на необходимость связи с внешним миром. Однако, по Э. Гуссерлю, – эта связь может рассматриваться как умозрительная, возможная. Связь с миром для сознания – это лишь теоретический интерес, лишенный всякого практического смысла. Поэтому редуцируемость интенциональной активности сознания автоматически ведет к редуцируемости внешнего мира, поскольку сознание субъективно и автономно.

Мир открыт для сознания, а сознание открыто для мира, но все это лишь в рамках трансцендентального «я». Э. Гуссерль однозначен в своих оценках. Сознание – источник различных интенций в сфере познания и восприятия. Но тогда возникает вопрос, а для чего Э. Гуссерль полагает сознание открытым миру, почему сознание должно преодолевать собственные границы?

Э. Гуссерль не дает четкого ответа, не уточняет подобную особенность сознательной активности. Как пишет В.А. Суровцев, «есть один вопрос, на который Э. Гуссерль так и не ответил. Если субъективность возможна как чистая имманенция и, вообще говоря, возможно сознание без мира, на это указывает, в частности, то, что не проводится чет-

кое разделение в способах интендирования предмета во внутреннем и внешнем созерцании (об этом говорит Э. Левинас), что тогда заставляет сознание выходить за собственные пределы?» [1. С. 17]. Можно сказать, что Э. Гуссерль подобный вопрос редуцирует, поскольку попытка ответа на него должна привести к пересмотру интенциональности только лишь как сознательной активности. А это лишит сознание монополии на восприятие мира.

Ведь открытость сознания миру, и наоборот, – это только изначальная свобода, в дальнейшем сознание трансформирует мир посредством редукиции. Только сознание имеет право на возможность восприятия мира как такового, на рассмотрение вещей без всяких историзмов и психологизмов. Редукиция – вот механизм сознания, дающий ей монополию в процессе мировосприятия. Как пишет все тот же В.А. Суровцев, «если редукиция – это не только способ открытия изначального присутствия мира, но и единственный способ описания субъективности, что тождественно описанию сознания, то и любой тип бытия, который редукиция обнаруживает в изначальном присутствии, должен быть следствием исключительно сознания» [1. С. 17–18].

Тело в аспекте восприятия и функционирования человека не рассматривается Гуссерлем как нечто приближенное по своей значимости к сознанию. Тело – это производное сознания, элемент присутствующего мира, который благодаря сознанию может обрести свое бытие. Иными словами, тело у Гуссерля выпадает из активности сознания.

М. Мерло-Понти хочет преодолеть эгоцентризм сознания, хочет целостно обозначить природу человека в его познавательной активности. Одновременно он не пытается вычленять какое-то из начал человеческой сущности (сознательное или телесное) в качестве приоритетного, как это встречается не только у Э. Гуссерля, но и у К. Маркса и З. Фрейда.

М. Мерло-Понти, не отрицая то, что сознание интенционально, полагает, что и тело интенционально также. Подобное он обосновывает, используя опыт Э. Гуссерля и внося в него собственные коррективы. Как пишет М. Дюфрен, «во время терпеливого чтения Гуссерля Мерло-Понти находит у него идею о том, что философия – это поиск основания. Феноменология Гуссерля помогла открыть Мерло-Понти идею того, что основание достижимо в описании феноменов. Основание более не сводится к принципу – сознанию, природе, Богу, которые делали объект познания ясным и специфичным» [2. С. 96]. М. Дюфрен этим хочет показать особенность исследовательской ситуации М. Мерло-Понти, где автор стремится не свести сущность человека к какому-либо из начал, что сделает эту сущность ясной и специфичной, а принять эту сущность как таковую, во всей полноте.

В этом заключается особенность понимания М. Мерло-Понти тезиса Э. Гуссерля: «Вернуться к самим вещам!». Ведь ясность и специфичность вещей задают не сами вещи, их задают знания о ве-

шах. Знания, которые формируются в процессе сознательной деятельности (редукции). Знания о вещах — это то, что создает препятствие человеку в его направленности к вещам. А значит сознание, функционирующее интенционально, не просто направляет нас во вне, а избирательно, являясь посредником в подобном процессе между человеком и вещью. Поэтому М. Мерло-Понти хочет преодолеть монополю сознания с целью постижения мира не в редуцированном виде, но и в нередуцированном. Для него «вернуться к самим вещам — значит вернуться к этому миру до знания, о котором всегда говорит знание и в отношении которого всякое научное определение будет абстрактным, знаковым и зависимым: так география описывает пейзаж, на лоне которого нам довелось узнать, что такое лес, долина или река» [3. С. 7].

Для М. Мерло-Понти человек выступает не просто как эгоцентричное существо, сводимое к сознательному или телесному началу, а открытое создание, чья обращенность в мир всегда предполагает наличие не только одного начала, но и другого. Здесь тело как одно из начал играет немаловажную связующую роль. Как минимум, оно заставляет нас по-иному взглянуть на интенциональность сознания, функционирующего на основе механизма редукции.

С редукции начинается свое осмысление интенциональности М. Мерло-Понти. Для него редукция важна в том смысле, что с помощью ее анализа человек понимает ее нереализуемость до конца. Это значит, что редукция, в рамках которой сознание получает самые ясные и очевидные представления о вещах невозможна. Она, скорее, идеализация, нежели естественная практика. Как пишет сам М. Мерло-Понти, «величайший урок редукции заключается в невозможности полной редукции. Вот почему Э. Гуссерль все снова и снова задается вопросом о возможности редукции. Будь мы абсолютным духом, редукция не составляла бы никакой проблемы. Но поскольку мы, напротив, пребываем в мире, поскольку наши размышления имеют место во временном потоке, который они пытаются уловить (в которой они, как говорит Гуссерль, *sich einströmen*), нет такого мышления, которое охватывало бы нашу мысль» [3. С. 13].

Редукция, по М. Мерло-Понти, выступает таким механизмом сознания, который не констатирует сложную сущность человека, а упрощает ее. Редукция связывает разные начала человеческой природы, но не как равные, а как иерархичные, где одно начало доминирует. Именно поэтому наука, демонстрирующая собой торжество сознательного начала, доминирует над другими видами знаний (одно из желаний Гуссерля было связано с тем, чтобы философия стала научной с позиции истинности своих знаний).

Однако если редукция возможна лишь частично, она не способна элиминировать все «примеси» и «нечистоты» знания и вещей. Это ставит под вопрос и наличие научных объяснений. Ведь объяс-

нить можно то, что абсолютно понятно и очевидно. Там же, где есть сложности, объяснение невозможно как определяющее следствие познания и восприятия.

Сложность допущения объяснения как следствие невозможности полной редукции позволяет говорить о том, что не только сознание — участник процесса познания и восприятия. Будь оно так, то тогда и редукция могла быть полноценной, а объяснение — адекватным и совершенным способом миропознания. Но теперь тело также принимает участие в познании и восприятии, а человек не редуцируется либо к телу, либо к сознанию. Эти начала не столь очевидны, они проблемны в своем сосуществовании. А пытаться объяснить их подобный статус, это значит редуцировать к чему-то одному.

Для М. Мерло-Понти мир — это не одно, либо другое, а это и одно, и другое. Он полагает: «Рефлексивный анализ игнорирует проблему другого как проблему мира, поскольку порождает во мне вместе с первыми проблесками сознания способность идти прямым путем ко всеобщей истине; и поскольку другой тоже лишен бытия в мире, места и тела, то *Alter ego* суть одно в истинном мире, связь умов» [3. С. 11]. Тело и сознание неразделимы, а поиск их сущности не должен происходить за счет ущемления одного из начал. Оба начала выражают полноту мира. Они есть, а исключение хотя бы одного — это ущемление и другого начала, ущемление полноты мира.

То, что традиционно в философии человек ассоциировался с сознанием, «обедняло» человека и мир, в котором этот человек жил. Тело позволяет сделать человека и мир целостными. Поэтому тело не следует редуцировать из природы человека. Тело и сознание — это важные, хоть и разные, начала человека. И пусть мир в телесном и сознательном измерениях теряет в очевидности, в таком варианте он предстает как непосредственный и естественный. По М. Мерло-Понти, «восприятие не есть знание о мире, это даже не акт, не обдуманное занятие позиции, восприятие — это основа, на которой разворачиваются все наши акты, и оно предполагается ими. Мир не есть объект, закон конституирования которого я держу в своих руках, мир — это естественная среда и поле всех моих мыслей и всех моих отчетливых восприятий. Истина не «живет» лишь во «внутреннем человеке» или точнее, никакого внутреннего человека, человек живет в мире, и именно в мире он себя познает» [3. С. 9].

М. Мерло-Понти демонстрирует естественность человека в мире, он проводит идею, что человек, существуя в мире, не может замкнуться, полностью абстрагироваться, стать внутренним человеком. А такое могло бы быть допустимым, если игнорировать телесность как составляющую человеческой природы. Ведь даже интенциональность как направленность во вне у Э. Гуссерля была свойственна лишь сознанию, а, следовательно,

приводила к пониманию того, что внешний мир ничто иное, как результат сознательной активности человека. Отсюда и редуцируемость как способ осознания всего воспринимаемого, «подгонка» его к аподиктически выстроенным основаниям. Иными словами, сознание требует очевидности и ясности, не учитывая сложность и целостность мира, элиминируя проблемность мировосприятия.

Интенциональность в целом означает постоянную направленность человека в мир (сознательную и телесную). Постоянная направленность требует своего обоснования, иначе встает та же проблема, что и у Э. Гуссерля. Это проблема обоснования выхода сознания за свои пределы. Только здесь другой вопрос: что заставляет человека (сознательно и телесно) постоянно стремиться во вне?

Казалось бы, на первый взгляд, вопрос простой. В действительности он таковым не является. Можно предположить, что выход во вне – это жизненная необходимость, не будь которой человек действительно бы тогда не нуждался бы во внешнем мире. Скорее всего, это так, поскольку будь такие выходы единичные, то нельзя было бы признать природу человека интенциональной. Поэтому М. Мерло-Понти, желая обозначить природу человека интенциональной, хочет этим подчеркнуть постоянность выходов человека в окружающий мир, либо хочет показать, что человек остается самим собой, только перманентно со-существуя с окружающим миром. И утрата такого рода контактов – это утрата человека как живого существа.

Жизненность человека характеризуется постоянным столкновением с проблемами, пребыванием в проблемных ситуациях, источником которых является пограничная сфера человека и мира. Жизнь человека определяется постоянным контактированием человека со средой, что характеризуется как сосуществование. Сосуществование предполагает формирование проблемного контекста жизни, где возникает необходимость учета взаимных состояний человека и мира. Интенциональность человека обусловлена проблемностью замкнутости, автономности сознания и тела. Интенциональность – это следствие невозможности такого автономного существования, которая реализуется как способ обозначения проблемности бытия человека. В этом и заключается эпистемологический ракурс онтологии телесности, поскольку именно подобная онтология и выступает источником познавательной активности человека относительно его мировосприятия.

Вспоминается ситуация, которую описывает Д. Деннет: «Для любой человеческой проблемы всегда есть общеизвестное решение – ясное, правдоподобное и неверное» [4. С. 166]. Ситуация означает то, что понимая проблему как временную трудность, препятствие в жизни, мы пытаемся ее преодолеть раз и навсегда. Обозначив рецепт, казалось бы ясный и правдоподобный, мы думаем, что проблема решена, но это неверно.

Проблема – это не временное явление (в этом традиционная установка человека) в том смысле, что под временем понимается не какой-то отрезок человеческой жизни, а постоянное сопутствующее жизни состояние. Пока идет жизнь, человек находится перед лицом проблемы. Главное – это принцип функционирования природы проблемы: жизнь как совокупность сменяющих друг друга проблемных (жизненных) ситуаций. Проблема – это естественная среда, которая возникает на стыке любых живых сосуществующих начал.

Сосуществование предполагает необходимость приспособляемости, что уже создает ситуацию выхода во вне и условие самосохранения. Решение возникающей подобной ситуации не может успокоить человека, ибо его сосуществование на этом не заканчивается, длится, а значит, не приносит что-то раз и навсегда устоявшееся. Скорее наоборот, сосуществование способно только и формировать проблемные ситуации. И чем степень сосуществования будет глубже, тем чаще человеку придется сталкиваться с проблемными ситуациями. Проблемность в такой зависимости не уменьшается, а только расширяется. Взять, к примеру, пирамиду человеческих потребностей А. Маслоу.

В пирамиде Маслоу четко констатируется, что удовлетворение одних потребностей (проблемных ситуаций) сразу ведет к возникновению других потребностей, более сложных с точки зрения их удовлетворения. Подобная структура потребностей выражает основу для формирования онтологии проблемы в человеке, которая есть порождение жизни как сосуществования. Не случайно последняя потребность – потребность в самореализации – заключается в выражении своего бытия как самопроблематизированного бытия.

Интенциональность, как ее понимает М. Мерло-Понти, обусловлена проблемным основанием сосуществования человека (его телесно-сознательной целостности) и мира. Невозможность отделить человека от мира определяет невозможность отделения сознания от тела. Возможность же такого отделения «убивает» человека, приводит к появлению чистого опыта, чистого разума, абсолютной истины. Но для М. Мерло-Понти это неприемлемо. Как пишет М. Дюфрен, для М. Мерло-Понти «основание – не мир, не субъект, а согласие человека с миром. Основание не является ограничением, а есть всегда допустимое отношение, за пределами которого изолированные границы теряют свое значение» [2. С. 98–99]. У М. Мерло-Понти основание – это связь человека и мира, нечто делающее их единым. Говоря в рамках темы исследования, такое основание – это проблемная ситуация, только через которую осознается единство человека и мира. Поэтому и важно интенциональность человека понимать целостно (в том числе как телесное начало).

Такое реализуется в восприятии. Не случайно название книги М. Мерло-Понти – «Феноменология восприятия», ибо «изначальное единение чело-

века и мира существует в восприятии, где оно проявлено лучше всего» [2. С. 99]. Восприятие — это сфера интенциональной проявляемости человека, это источник онтологии проблемы, причем в большей степени телесный, нежели сознательный (хотя эта разделенность здесь не важна). Специфика восприятия заключается в том, что человек не просто отображает мир. В восприятии человек входит в мир, понимает свою неразрывность с ним, открывает его в особом для себя измерении.

Это измерение, приводящее в процессе единения человека и мира к появлению нечто нового. Это всегда ситуация, в которой мир вроде тот и в то же время уже не тот. Постоянная неповторимость — это специфика восприятия как формы интенциональности человека. По сути, это проблематизация, которая и выражает характер «связывания» человека и мира в интенциональной направленности. «Наше поле восприятия состоит из «вещей» и «пустот» между вещами. Части вещи не связаны друг с другом какой-то простой внешней связью, являющейся результатом их общности, установленной во время движения объекта. Сначала я вижу в качестве вещей некоторые совокупности, движения которых мне никогда не доводилось видеть: дома, солнце, горы. Если требуется, чтобы я перенес на неподвижный объект какое-то понятие, приобретенное в опыте с подвижными объектами, то гора, например должна содержать в своем действительном облике какие-то характеристики, которые стали бы основанием ее познания как вещи и оправдывали бы этот перенос. Но тогда и не нужно никакого переноса, и этой характеристики будет довольно для объяснения разделения поля восприятия... Если мы станем рассматривать как вещи промежутки между вещами, то вид изменится столь же ощутимо, как вид головоломки, когда я вдруг вижу в ней «кролика» или «охотника». Дело не в том, что те же самые элементы оказываются связанными по-другому, что по-другому соединяются те же самые ощущения, что другим смыслом обогащается тот же самый текст, что другую форму обретает та же самая материя, дело в том, что это поистине другой мир» [3. С. 40].

Мир «между», в котором образуется единение мира и человека, — другой мир, поскольку он меняет и мир, и человека, он проблематизирует их, заставляя постоянно искать себя и постоянно не находить. Мы, воспринимая окружающий мир, постоянно осознаем его другим, не таким, какой он есть, но вместе с этим мы осознаем себя другими. В то же время человек понимает невозможность иного подхода, ибо тогда утрачивается полнота человеческого существования. Как пишет М. Мерло-Понти, «предполагаемые условия восприятия могут предшествовать самому восприятию лишь тогда, когда вместо того, чтобы описывать феномен восприятия как открытость к объекту, мы помещаем его в некую среду, куда уже вписаны все объяснения и все срезы, которые будут получены аналитическим восприятием, где уже обоснова-

ны все нормы действительного восприятия — местопробывание истины, некий мир. Поступая таким образом, мы отнимаем у восприятия его существенную функцию, которая состоит в том, чтобы обосновывать или служить началом сознания, мы смотрим на него сквозь призму его же результатов» [3. С. 41].

Единство человека и мира, представленное телом, формирующее открытый горизонт восприятия, проблемно в силу нашего стремления свести все воспринимаемое к очевидности. Подобная склонность есть следствие функционирования либо сознания, либо опыта. Такую особенность человеческой активности Д. Деннет назвал «антропоморфизацией». Действительно, для человека естественно сделать для себя понятным и доступным то, что он воспринимает. Но его восприятие не схватывает объект таким, какой он есть. Для М. Мерло-Понти важно показать, что это особенность сущности человека и мира в их взаимодействии, а не особенность человеческого восприятия (как это присутствует у Д. Юма и И. Канта). Он хочет продемонстрировать, что человек и мир интенциональны сами по себе, поскольку направлены друг к другу, но их направленность не есть акт их внешних контактов, а следствие их глубокого единства.

Тело — результат этой слитности. Поэтому мир неразложим для человека, ибо он уже в нем, а человек неразложим для мира, поскольку последний также всегда в нем. По М. Мерло-Понти, «интенциональность — не мышление, мы хотим сказать, что она реализуется не в прозрачности осознания и учитывает как приобретение все то скрытое знание о себе самом, каким наделено мое тело. Нашедший опору в дологическом единстве телесной организации перцептивный синтез не владеет тайной объекта, как и не знает тайны собственного тела, и именно поэтому воспринимаемый объект всегда выглядит как трансцендентальный, именно поэтому кажется, что синтез происходит в самом объекте, в мире, а не в той метафизической точке, каковой является мыслящий субъект, и именно в этом перцептивный синтез отличается от синтеза, полученного с помощью мышления» [3. С. 299].

Но и для перцептивного синтеза не все ясно, он отличается от синтеза мыслительного большей естественностью, демонстрацией того, что восприятие не синтезирует, синтез прошел до восприятия. Восприятие лишь констатирует, что синтез состоялся. Тело же воспринимает готовый синтез вещи, поскольку человек и мир уже слиты. Само тело — результат этой слитности, ибо оно само — слитность (пребывание в проблемной ситуации). Эта ситуация напоминает старую притчу, когда рыбка, плавающая в океане, постоянно задается вопросом: «Все говорят океан, океан, а где же он?». Так и восприятие всегда реализуется, уже как будто бы состоялось, ибо оно имплицитно, уже осуществилось, прежде чем мы его начнем применять.

Получается, что сущности вещи, мира, человека обладают какой-то самостью, но она не дана и не может быть дана, поскольку условие ее данности есть нарушение единства человека и мира. М. Мерло-Понти эту ситуацию описывал следующим образом. «Последовательность моих опытов выглядит тогда согласующей, а синтез реализуется не настолько, насколько все эти опыты подытожены последним из них, в самости вещи. Эта самость, само собой разумеется, недостижима: любой воспринимаемый аспект вещи — это только лишь своего рода приглашение к восприятию чего-то большего, только лишь мгновенная остановка в перцептивном процессе. Если бы вещь воспринималась такой, какой она есть на самом деле, тогда она продемонстрировала бы нам все свои секреты, лишилась бы ореола таинственности. Она перестала бы существовать как вещь в тот момент, когда мы поверили бы, что обладаем ею. То, что составляет мир вещи — это именно то, что незаметно похищает ее у нас» [3. С. 300].

Причем подобная особенность восприятия мира нежеланна для человека в познании. Но она естественна, поскольку обусловлена их синтезом, единством. Мир — это переплетенность, это «тело вещей», человек также пребывает в этом единстве. Переплетенность представляет собой третье измерение бытия, являясь источником онтологии проблемы, по М. Мерло-Понти, а тело — ключ к этой онтологии. Он пишет: «Третье измерение — среди всех измерений, — так сказать, наиболее экзистенциальное, потому что (и в этом правота аргументов Беркли) оно не указано на самом объекте, оно со своей очевидностью принадлежит перспективе, а не вещам; следовательно, оно не может быть выведено из этих последних, ни даже помещаться туда сознанием. Оно указывает на некую нерушимую связь между вещами и мною, благодаря которой я поставлен перед этими вещами, тогда как ширина может, на первый взгляд, сойти за разновидность отношения между самими вещами, которое не предполагает наличие воспринимающего субъекта. Обретая видение глубины, т. е. измерения, которое еще не объективировано и не составлено из внеположенных друг другу точек, мы вновь преодолеваем классические альтернативы и можем уточнить отношение субъекта и объекта» [3. С. 329–330]. Тело — это объект познания, где объект и субъект нерасчленимы, где преодолевается абстрактность как способ «умерщвления» мира, человека, вещи в познании. И то, что тело может быть интенциональным, лишний раз это подчеркивает.

Жизненность тела как интенционального начала также хорошо показывает Д. Деннет. Он полагает, что понимание интенциональности этого как направленности не столько проясняет тот способ сознательной деятельности, сколько запутывает. Смысл интенциональности как направленности на другого может иметь смысл только тогда, когда в ней обозначен не просто факт необходимости

другого, а нечто большее. Он пишет: «Интенциональность в философском смысле — это не просто направленность (*aboutness*). Нечто проявляет интенциональность, если его умение каким-то образом направлено на нечто другое. Или мы могли бы сказать, что проявляющий интенциональность объект содержит представление чего-то другого, но я нахожу этот вариант менее разъясняющим и более проблематичным» [4. С. 42].

Интенциональность — это не просто выражение намеренности, т. е. демонстрация чего-то большего, чем есть, и использование для этого другого. Такое понимание возникло в средневековье, когда философы этого времени видели сходство между стрельбой из лука и интенциональностью как направленностью на другого. Отсюда, кстати, происходит и само понятие интенциональность как нацеливание стрелы на что-либо (*intendere arcum in*). Интенциональность — это намерение получить нечто другое путем попадания, проникновения в него, а также еще и возможность ошибки в подобном стремлении.

Наша нацеленность получить другое не гарантирует нам приобретения чего-то желаемого, ибо другое обладает определенной самостью, скрытой от нас. Без этого другое перестало бы быть другим. Иными словами, Деннет хочет показать, что интенциональность — это не только направленность на другое, это еще и необходимость получения нужного другого (истинного другого). Источник такой интенциональности — тело, которое не является слепым в своей направленности. Интенциональность обладает установкой, суть которой в том, что направляемость осуществляется не просто так, а за чем-то необходимым и жизненно важным.

Одновременно интенциональная система может быть не только источником, но и целью другой интенциональной системы. Это значит, что интенциональность — это способ выживания тела. Без такой способности тело безжизненно. Как пишет Д. Деннет, «природа испробовала бесконечные вариации на эти темы, т. к. запутывать другие интенциональные системы — это основная цель в жизни большинства интенциональных систем. В конце концов, одним из важнейших желаний любой живой интенциональной системы является получение пищи, необходимой для поддержания роста, самовосстановления и размножения, поэтому каждому живому организму нужно отличать пищу (хороший материал) от остального мира. Отсюда следует, что другое важнейшее желание состоит в том, чтобы не стать пищей для другой интенциональной системы. Поэтому маскировка, мимикрия, действие украдкой и масса прочих стратагем служили испытанием для природных взломщиков, вызывая развитие все более эффективных способов распознавания и слежения, но ничто не защищает от их неумелого использования. Принимая что-то за какой-то объект, система не застрахована от ошибок» [4. С. 44]. Иначе говоря, онтологическое обоснова-

ние проблемы возникает как способ самосохранения.

Синтез, слитность человека и мира – это и есть способ самосохранения, способ сокрытия. Может быть поэтому человек и остается загадкой до сих пор для самого себя, что он завуалировал свою сущность в «третьем измерении», в проблемных ситуациях. Ибо выявление человека, его сущности как абстрагированного начала «омертвляет», а это, по сути, специфика научного подхода к познанию.

Однако наука не утрачивает надежды постигнуть сущность человека. Конец XX – начало XXI вв. – это время, когда человек делает определенный прорыв в понимании того, что такое человеческое тело. Он пытается разобраться в том, что есть его тело, из чего оно состоит, каким образом формируется. Но самое главное, можно ли тело конструировать на основе человеческих представлений о нем. Человек хочет снять завесу таинственности с тела, хочет свести тело к определенной природной материи, которая может быть преобразована человеком.

Подобное означает, что амбивалентная сущность человека представляет собой все еще препятствие для человека на пути к его познанию. Ему кажется, что, открыв секреты тела, он сможет решить для себя массу проблем. Человек порой не хочет посмотреть на эту ситуацию с такой позиции, что углубление в тот или иной мир, увеличение знаний о нем не столько несет решения, сколько углубляет степень проблематизации этого погружения в другое. Автор не хочет этим сказать, что он противник развития познания, речь о том, что подобный путь развития человечества всегда будет связан с порождением новых и более сложных проблем. Онтология проблемы такова, что погружение в нее – это усложнение возникающих проблем. Главное на таком пути – это соблюдение соразмерности проблем и теорий, соблюдения меры в их взаимодействии. Это и есть выражение жизненности проблем, когда не проблемы ради проблем, не знания (теории) ради знаний (теорий), а для констатации сущности человеческой природы как бытия «между».

Обратный путь, когда мера не соблюдается, приводит к утрате человеческой природой своей сущности. Особенно это касается утраты телесности человеком как утраты своего бытия. Философы постмодернизма очень ярко демонстрируют эту ситуацию [5, 6]. Они констатируют, что человек превращается в некую функцию «означивания», если утрачивается собственная природа. Он, его тело превратились в след, который постоянно ускользает. Тело становится чем-то, о чем невозможно писать, оно затруднено для нашего понимания. Ж.-Л. Нанси пишет: «Я хотел написать, прежде всего, о невозможности писать о теле, что значит

одновременно невозможность теоретического рассмотрения тела и невозможность метафорической записи на теле знаков, делающих его носителем значений. Следовательно, и сам текст должен был стать чем-то таким, что плохо поддается операции означивания. Нечто ускользающее от меня самого, как ускользает от меня мое тело, – как мое тело есть мое ускользание-от-меня-самого, если можно так выразиться» [6. С. 218–219].

Тело – это лишь знак, игра, где допустимо любое действие, где нет чего-то запретного, недоступного. Тело – это экран, куда все высвечивается, и где нет возможности скрыться. Оно не принадлежит человеку, оно, в первую очередь, есть условие других тел, ибо мое тело – это достояние других тел и лишь только после этого нечто, мне данное. В. Подорога в таком понимании видит логику завершения того процесса, который начался еще в XVI в. В то время тело утрачивает свою неприкосновенность, человек начинает изучать его как нечто внешнее, отчужденное по отношению к себе. Появление рационализма и эмпиризма – это следствие отчужденности тела от человека. Как В. Подорога пишет, «из медицинского взгляда на тело как тело-труп и появляется сомнение Декарта. Да, именно так все и происходит. Сначала – «тело-труп» и лишь потом «сомнение», которое есть просто метафизическое освидетельствование мертвого человеческого тела» [7. С. 176].

Отделение тела от человека, отсечение организма – это умерщвление человека. Это имел в виду М. Мерло-Понти, против такой позиции выступал, утверждая, что тело и мир есть нечто нераздельное, что тело – это реальность до субъекта. Без подобного понимания тело лишается самости.

Подводя итог, можно констатировать, что онтология телесности представляет собой тему более широкого плана, чем об этом говорит ее название. Онтология телесности – это тема, касающаяся не только наших представлений о теле, его структуре, но и представлений о сущности человека, его природы. Рассмотрение этой темы доказывает, что человек в своем телесном выражении представляет собой единство человека и мира, бытие досубъективного восприятия. М. Мерло-Понти четко демонстрирует нерасчлененность тела и сознания, что и порождает особое бытие (третье измерение), являющееся источником эпистемологической целостности постижения объекта. Подобный вывод сегодня представляется особенно актуальным, поскольку нарастают опасные исследовательские тенденции (например, трансгуманизм), фактически игнорирующие ценность тела как одного из важнейших составляющих человеческой натуры. Для эпистемологии феномен тела выступает как источник познавательной активности, представляющий существенную ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суровцев В.А. Интенциональность и практическое действие (Гуссерль, Мерло-Понти, Рикер) // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / под ред. канд. филос. наук Е.А. Наймана. – Томск: Водолей, 1998. – С. 13–26.
2. Дюфрен М. О Морисе Мерло-Понти // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / под ред. канд. филос. наук Е.А. Наймана. – Томск: Водолей, 1998. – С. 96–109.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Наука, 1999. – 605 с.
4. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
5. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.
6. Нанси Ж.-Л. Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999. – 255 с.
7. Подорога В. Эпоха Corpus'a // Нанси Ж.-Л. Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 171–216.

Поступила 21.05.2012 г.

УДК 165.8

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ПОДХОД В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

А.Ю. Чмыхало

Томский политехнический университет
E-mail: sanichtom@inbox.ru

Констатируется, что развитие современных информационных технологий оказывает существенное влияние на изменения в различных сферах социальной жизни, на производство, передачу и использование знания. Один из возможных подходов в изучении научного познания в условиях формирования нового общества получил название «социальная эпистемология». В рамках настоящей статьи предпринимается попытка эксплицировать потенциал социальной эпистемологии в решении современных эпистемологических проблем, связанных с развитием научного познания. На примере анализа фактов повторяющихся (повторных, пересекающихся) открытий, имевших место в истории науки, выявления социальных условий их осуществления делается вывод о том, что значительную роль в успехе или, наоборот, неудаче научного исследования, забвении его результатов играет способность ученого включиться в коммуникативный процесс в рамках научного сообщества. В свою очередь эффективность такой коммуникации зависит от ряда социальных условий (открытости общества, широты доступа к средствам научной коммуникации, наличия социальных механизмов включения научного знания в конкретную социальную практику и др.).

Ключевые слова:

Наука, социальная эпистемология, научное открытие, научное познание, повторение.

Key words:

Science, social epistemology, discovery, scientific knowledge, repetition.

В работах ряда современных отечественных философов (В.А. Лекторского, И.Т. Касавина и др.) [1–4], посвященных эпистемологической тематике, подчеркивается, что в условиях становления нового информационного общества, формирования разнообразных подходов к изучению сознания и познания, перед эпистемологией встают новые актуальные проблемы. Развитие современных информационных технологий оказывает существенное влияние на изменения в различных сферах социальной жизни, в способах производства, передачи и использования знания. Рост объемов информации, в том числе научной, затрудняет проверку знания, нарушает осуществление критической функции со стороны сознания, создает предпосылки для его деформации, усложняет процедуры установления достоверности, подлинности информации любого рода.

Одна из программ изучения научного познания в условиях формирования нового информацион-

ного общества получила название «социальная эпистемология». В отечественной философской литературе нет однозначной позиции по поводу оценки возможностей данной программы и перспектив ее воздействия на решение эпистемологических проблем. Одни, как, например, В.А. Лекторский, видят в изучении познавательных процессов в науке с позиции социальной эпистемологии отказ от эпистемологии [1]. Другие, в частности И.Т. Касавин, рассматривают социальную эпистемологию в качестве метафилософского выбора определенной судьбы философии вообще [2. С. 33]. Третьи (например, И.Д. Дубровский [3] и др.), хоть и скептически относятся к оценке новизны данного подхода, тем не менее, отмечают наличие потенциальных возможностей его использования в решении острейших философских проблем, связанных с изучением познания и сознания, причем не только индивидуального, но также коллективного и институционального.

И.Д. Дубровский, конкретизируя перспективы социальной эпистемологии, отмечает, что речь идет о разрешении ключевого теоретического узла коммуникативной проблематики, касающегося содержания сознания «другого», взаимосвязей субъективного и intersубъективного, соотношения «содержания» сознания, существующего в форме субъективной реальности индивида, и в объективированных формах: языковых, предметных, электронных и др.

Приобретает актуальность рассмотрение вопросов о взаимосвязи явлений индивидуального и общественного сознания, раскрытия исторических условий и механизмов тех процессов, «благодаря которым идея обретает социальный статус, социальную действенность и, наоборот, когда она «блекнет» и теряет эти качества, а потом вообще сходит со сцены, становится в лучшем случае лишь историческим достоянием» [3].

Данный подход в проведении анализа научно-познавательной деятельности и ее результатов, как нам видится, обладает важным актуальным качеством, особенно применительно к анализу ситуации в современной отечественной науке. Оно состоит в том, что потребность в развитии фундаментальных и прикладных научных исследований, как основы формирования экономики инновационного типа, натолкнулась в своей реализации на существенные препятствия, связанные с организацией, функционированием и результативностью деятельности отечественного научного сообщества.

Создавая и реализуя проекты работы наукоградов по западным лекалам, приглашая к работе в них ведущих ученых мира, бизнесменов, совершенно игнорируется необходимость учета социальных условий формирования и функционирования подобных проектов. Тогда как аналоги Кремниевой долины, созданные на Тайване, в Японии, Франции, Малайзии, Индии, получили свое развитие именно потому, что их создатели (во многом неявным образом) опирались на безусловный учет местной социально-экономической специфики (причем это не только и не столько стоимость рабочей силы).

Подход социальной эпистемологии к рассмотрению эпистемологических проблем видится не только не противоречащим задачам эпистемологии, но, наоборот, соответствующим ее актуальному состоянию. Это состояние характеризуется тем, что поиск решения современных эпистемологических проблем невозможен без анализа их социальных аспектов. Причем, имеет место не только ориентация на выявление тех социальных условий, которые способствовали успеху познавательного процесса, но и, наоборот, тормозили его. Успех в науке — осуществление открытия — это во многих случаях, результат непреднамеренных действий ученого, интуиции, тогда как неудача, провал, заблуждение — обычное дело. Такая позиция может быть достаточно продуктивной, поскольку ее результатом будет выявление более устойчивых социальных регулярностей, препят-

ствующих позитивному протеканию научно-познавательного процесса, воздействующих на отклонение вектора его поступательного развития [5].

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка эксплицировать потенциал социальной эпистемологии как подхода в решении вышеуказанных эпистемологических проблем, применительно к сфере научного познания.

Эмпирический базис исследования составил ряд фактов, связанных с явлением повторения открытий, идей, имевших место в истории науки. Примерами повторения научных открытий и идей насыщена вся история науки. Выбор данной эмпирической основы обусловлен не только достаточно массовым характером повторений в науке, но тем, что их анализ может позволить проследить, каким образом совокупность, на первый взгляд, разнородных исторических, социальных, экономических, психологических и иных факторов, могла обусловить формирование совершенно определенных типов и форм знания, образующих реальный познавательный процесс. Кроме того, в представленном феномене изначально сочетается как наличие смысловых, формальных и иных аналогий, создающих возможность обозначить два и более открытия как повторяющиеся друг друга, так и различий, обуславливающих разность судеб открытий в истории науки. В частности, только одно из них может быть обозначено как приоритетное, а другое будет его повторением. В свою очередь автор приоритетного открытия может получить известность, обрести славу, а имя другого исследователя станет достоянием только узкого круга специалистов (как это произошло с Ч. Дарвином и А. Уоллесом).

Именно разность исторических судеб таких открытий делает их особенно интересным объектом для анализа со стороны социальной эпистемологии, поскольку может позволить выявить те социальные условия, благодаря которым открытие, идея, приобретают определенный социальный статус, включаются в массив научного знания. Анализ подобных феноменов может позволить обратить внимание на дополнительные аспекты проявления социальности в процессе научного познания.

Примером параллельно проводимых исследований, завершившихся взаимно повторяющимся результатом, является деятельность английского ученого Т. Мальтуса и китайского ученого и философа Хун Лянцзи.

В философском сочинении Хун Лянцзи «И янь» («Осмысленные слова»), состоящем из 20 эссе и входившим в сборник «Цзюань-ши гэ цзи», которое было написано в 1793 г., был выдвинут принцип постоянного опережения роста численности народонаселения по сравнению с ростом продовольственных, земельных и жилищных ресурсов. Выдвижение этого принципа не сопровождалось дополнительными социально-политическими, экономическими или правовыми выводами, хотя китайский мыслитель ясно видел в этом государственную проблему [6].

В 1798 г. в Англии Т.Р. Мальтус издал свою знаменитую книгу о законе народонаселения («An Essay on the Principle of Population» – «Опыт о народонаселении» в русском переводе). В этой книге он постарался найти ответы на два основных вопроса: 1) чем обуславливается численность населения и ход его размножения в любой стране, и 2) от чего зависит большая или меньшая степень зажиточности или бедности населения [7].

Наряду с определенной разницей, имевшей место в исследовательской позиции Т. Мальтуса и Хун Лянцзи (как отмечает отечественный исследователь С.А. Нефедов, последний просто описывал то, что видел своими глазами, и справедливость его предупреждений была понятна каждому), имеет место и некоторое пересечение высказанных ими идей. В частности, Хун Лянцзи говорил о том, что «количество земли и жилья может увеличиться в 2 раза, в крайнем случае, в 3...5 раз, в то время как население возрастет в 10 или в 20 раз ...» [8], у Т. Мальтуса говорится о количественном ограничении населения средствами существования (*means of subsistence*), поскольку народонаселение имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16...), а средства существования, напротив, только в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4...). Т. е. каждый из них подчеркивает разность темпов роста населения и средств существования для них. Кроме того, оба говорили о схожих механизмах сдерживания излишней численности населения – это наводнения и засухи, болезни и эпидемии (у Хун Лянцзи), бедность и порок, нищета и голод (у Т. Мальтуса).

Несмотря на некоторую временную отдаленность представленного примера от сегодняшних дней, он интересен тем, что в отношении его изучения вполне применимы принципы неклассической эпистемологии, разделяемые социальной эпистемологией. Эти принципы ориентируют исследователя на обращение внимания к внелогическим основаниям знания, на анализ знания с позиции его востребованности при формировании у субъекта ориентации в реальной ситуации, учете того, что восприятие субъекта формируется в условиях действия унаследованных и приобретенных способов структурирования «непосредственных данных».

Задача по выявлению социальных условий, сыгравших свою роль в формировании общности идей Т. Мальтуса и Хун Лянцзи, требует обращения к рассмотрению тех обстоятельств, которые могли оказать существенное влияние на формирование мировоззрения этих исследователей и, как следствие, рождение аналогичных идей. В результате мы можем установить некоторую общность социально-политической, экономической и, отчасти, демографической ситуации, сложившейся в Китае и Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв., можно отметить и некоторую общность их мировоззренческой позиции, которая могла быть обеспечена идейными аналогиями, содержащимися в нео-

конфуцианстве второй половины XVIII – начала XIX вв. и в философии Просвещения. Еще больше пересечений мы обнаружим, если обратимся к некоторым аспектам личной жизни этих исследователей, представленных в таблице.

Таблица. Сопоставление фактов из биографии Т. Мальтуса и Хун Лянцзи

Факты биографии	Т. Мальтус	Хун Лянцзи
Социальное происхождение	Родился в состоятельной дворянской семье	Выходец из знатной семьи потомственных ученых и чиновников
Широта интересов	Уже в колледже показывал высочайшие результаты в латыни, греческом, английской декламации и математике	Занимался математикой, астрономией, лингвистикой, историей и географией
Политические взгляды	В 1797 г. первым сочинением Мальтуса был политический трактат под названием «Кризис», заключавший в себе резкую критику действий правительства Уильяма Питта Младшего	Критиковал государственный аппарат, борец с коррупцией со стороны фаворита китайского императора Хэшэня, подвергнут ссылке
Научная карьера	С 1805 г. профессор истории и политической экономии в училище Ост-индской компании, член королевского общества и член французской академии	Профессор государственной академии, а с 1802 г. глава цнчуаньской академии
Особенности авторской позиции	Первое издание «Опыта...» в 1798 г. вышло без имени автора	Публиковался под псевдонимом Гэншэн (Возродившийся)
Основания опыта, особенности сбора научной эмпирии	В 1799 г. путешествует по Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии и России, позже посетил Францию и Швейцарию	Служил в разных частях страны, ссылался на западную окраину империи, автор географического описания всей страны

Однако даже более подробный анализ всех этих факторов не дает возможности ответить на вопрос относительно степени воздействия каждого из них на формирование конечного результата. Каждый из них мог сыграть решающую роль в формировании аналогий в результатах их научно-исследовательской деятельности.

Проведение аналогий социального, экономического, культурного, индивидуально-личностного плана позволяет составить тот благоприятный фон, на котором с отчетливостью проступают методические, формальные и содержательные различия, характеризующие результаты научного творчества, а также те социальные факторы, элементы социального и индивидуального сознания исследователей, которые обусловили различие судеб теории Т. Мальтуса и идей Хун Лянцзи. Укажем некоторые, особенно явные, различия содержательно-

го, методологического и формального плана, характеризующие научную деятельность рассматриваемых нами ученых:

1. Хун Лянцзи использовал эмпирический подход и просто описывал то, что видел своими глазами [8], в то время как Т. Мальтус оперирует гипотетико-дедуктивной логикой. Он выдвинул несколько предположений, как относительно взаимосвязи роста численности населения и ресурсов, обеспечивающих его, так и о воздействиях, которые могут оказать некоторые сдерживающие механизмы на размножение населения. Одна из причин выпуска первого издания его книги «Опыт о народонаселении» состояла именно в том, что многие положения работы носили совершенно бездоказательный характер.
2. Китайский исследователь облачает свои идеи в форму практического совета, который он представил императорскому двору в трактате. В нем он предупреждал о грядущих бедствиях [9]. Мысли Мальтуса синтезированы и представлены в форме научной теории.
3. Содержательно идеи китайского ученого касались, прежде всего, ситуации, сложившейся в китайском обществе, численность которого на тот момент уже перевалила за 300 млн чел., тогда как английский ученый говорит об общемировых демографических процессах.

Как итог, своей теорией Мальтус перевел обсуждение вопроса о народонаселении из исключительной сферы политических дискуссий в сферу научных исследований, тогда как совет китайского ученого так и остался нереализованным советом. Именно поэтому Хун Лянцзи называют «китайским Т. Мальтусом», а не наоборот.

Выделяя те социальные обстоятельства, которые определили различие судеб этих повторяющихся друг друга идей, можно отметить следующее:

- *во-первых*, общность социальных условий, формирующих личность и творческий потенциал ученого, не предопределяет формирования аналогий в содержании результатов проводимой ими работы, а лишь создает предпосылки для них;
- *во-вторых*, социальные условия, сложившиеся в Западной Европе на рубеже XVIII–XIX вв. ориентировали научное сообщество на открытость, публичность демонстрации результатов научных исследований. Общественные проблемы выдвигаются на первый план философских размышлений западноевропейских ученых XVIII в. Именно в это время научное сообщество (как непосредственно, так и через организации ученых – Королевское общество, Французская Академия и др.) оказывает все более существенное воздействие на общественно-политическую жизнь европейских стран. В то же время китайские ученые ограничиваются поиском решения конкретно научных, прежде всего исторических, филологических, текстологи-

ческих, отчасти естественно-научных проблем. В обществоведческой области проявлять новаторство было весьма опасно [6. С. 436];

- *в-третьих*, как отмечает отечественный исследователь А.И. Кобзев [6], для китайской учености XVIII в. становятся характерными методологическая критичность и здравый эмпиризм, которые в итоге обусловили застой в общетеоретической и философской мысли. В Западной Европе конец XVIII в. будет весьма плодотворным в развитии не только естественно-научной, но и социально-экономической, гуманитарной, философской теоретической мысли. К этому времени мировоззрение европейца уже давно вышло за пределы Европы, оно охватило океаны и континенты, значительное число стран и народов, связав их в единое целое. Наделение положений обществоведческих теорий всеобщим и обязательным характером действия в европейской теоретической мысли обусловлено теперь не только исторически, но и географически. В середине XVIII в. Китай погрузился в изоляционизм, обусловивший географическую узость мировоззрения китайского ученого, оказавшегося неспособным выйти за рамки узко практического совета, вознестись до всеобщего значения выдвинутой идеи;
- *в-четвертых*, идеи Т. Мальтуса были подхвачены, переосмыслены, подвергнуты критическому анализу, инициировав интенсивный коммуникативный процесс в науке по вопросам демографии и миграций, экономики и политики. Идеи китайского ученого остались лишь на бумаге, поскольку были обращены не к научному сообществу, а к аудитории иного рода.

Еще один пример повторения открытий, в котором также имеет место разность исторических судеб каждого из них, являют собой открытия в области генетики, осуществленные Г. Менделем, Э. Чермаком, К. Корренсом и Г. де Фризом.

История открытия Г. Менделем законов генетики достаточно подробно описана в литературе по истории науки. В частности, подробный анализ социокультурных обстоятельств, обусловивших научный интерес Г. Менделя, был представлен В.И. Купцовым [10. С. 5–22]. Поэтому не будем повторяться, описывая обстоятельства, способствовавшие открытиям этого австрийского биолога и ботаника. Обратим внимание на обстоятельства иного рода, а именно те, которые обусловили забвение открытия и необходимость его переоткрытия по прошествии почти сорока лет. К этому вопросу также неоднократно обращались исследователи. При этом они констатируют следующие обстоятельства:

- 1) 8 марта 1865 г. Г. Мендель доложил результаты своих опытов брюннскому Обществу естествоиспытателей, которое в 1866 г. опубликовало конспект его доклада в очередном томе «Трудов Общества...» под названием «Опыты над растительными гибридами». Этот том попал в 120 би-

- биотек университетов мира. Г. Мендель заказал 40 отдельных оттисков своей работы, почти все из которых разослал крупным исследователям-ботаникам. Но работа не вызвала интереса у современников;
- 2) работа получила лишь один благосклонный отклик от профессора ботаники К. Негели из Мюнхена, который усомнился во всеобщем характере выявленных на горохе законов, а повторная проверка на семенах ястребинки оказалась неудачной;
 - 3) работа Г. Менделя цитировалась около 15 раз в сводке о растительных гибридах в 1881 г., о ней знали ботаники. К. Корренс (будущий переоткрыватель законов генетики) еще в 1896 г. читал статью Г. Менделя и даже сделал ее реферат, но не понял в то время ее смысла и забыл;
 - 4) английский математический статистик и генетик Р.Э. Фишер полагал, что Г. Менделю не удалось убедить научное сообщество в своей правоте, ибо план его опытов базировался на интуиции. Трудно передать другим людям знание, которое базируется на внерациональных основаниях, поскольку требует с их стороны определенных усилий и такой же интуиции. Именно поэтому Г. Мендель и не был понят своими современниками;
 - 5) в 1868 г. Г. Мендель был избран настоятелем монастыря и практически отошел от научных занятий и прекратил работу в области генетических исследований;
 - 6) Г. Мендель не мог дать четкую формулировку своих законов, поскольку в 1860-е гг. еще не были открыты хромосомы, не были известны такие явления как мейоз, спорогенез и гаметогенез, гаплоидность гамет и диплоидность зигот. Поэтому современные формулировки законов Менделя были даны лишь в XX в.

Представленное перечисление обстоятельств демонстрирует не разные причины, а одно общее условие, которое привело к некоторому забвению важных научных результатов. Речь идет о коммуникативном процессе в среде научного сообщества. Попытки Г. Менделя внедриться в него оказались неудачными, что и привело к неблагоприятным последствиям для результатов научного исследования. Неудача этих попыток являлась следствием социального поведения и социального статуса ученого. Что здесь имеется в виду:

- Значение работы ученого могло быть не оценено по причине его социального статуса. Г. Мендель мог оказаться чуждым для научной среды своего времени по причине набиравшего силу в научном сообществе нигилизма, антихристианства и атеизма.
- Статья Г. Менделя оказалась непонятой и по причине языка изложения, выбранного ее автором (напомним, что К. Корренс ее именно не понял). Общность языка взаимного общения не только проблема, вытекающая из интуитивных оснований поиска новых идей, но и

социальная. Г. Мендель в течение 7 лет проводил исследования, по окончании которых опубликовал полученные результаты в единственной статье. При написании статьи он использовал разработанную им же самим алгебраическую систему символов и обозначений признаков, что представляло собой важное концептуальное нововведение. Он не только выдвигал новые идеи, но и излагал их языком, который был неизвестен большинству из тех, кому предлагалось оценить их научную значимость.

- Отсутствовала устойчивая система коммуникативного взаимодействия с научным сообществом. После 1868 г. Г. Мендель фактически самоустраивается от продолжения научных контактов. Таким образом, действия по нахождению социальных контактов, которые могли быть установлены с публикацией первой статьи, не только не получили продолжения, но была разорвана и та слабая нить, которая было установилась вместе с отзывом К. Негели.

Таким образом, непонимание и, как следствие, игнорирование новых идей со стороны научного сообщества, сознательный отказ со стороны Г. Менделя к продолжению социального взаимодействия привели к необходимости переоткрытия.

Пример проведения научного исследования несколько иного рода, в ходе которого наблюдалась активная коммуникация внутри разных групп ученых и тесное социальное взаимодействие между ними, связан с экспериментальным подтверждением существования элементарных частиц, известных как «бозон Хиггса».

Как известно, над проблемой обнаружения данной элементарной частицы работало два коллектива – это коллаборации ATLAS и CMS, работавшие независимо друг от друга на коллайдере LHC в европейской организации ядерных исследований CERN Женеве. В рамках указанных экспериментов речь шла об обнаружении элементарной частицы, возникающей в результате столкновения потоков протонов. По предварительным оценкам большая часть столкновений протонов должна была происходить вскользь, и лишь на каждые 10 миллионов столкновений прогнозировалось возникновение одного хиггсовского бозона. Это означало, что даже при 800 млн столкновений в секунду хиггсовский бозон можно было наблюдать лишь один раз в день. Эксперимент мог затянуться на годы, что, помимо всего прочего, обусловило необходимость использования разных детекторов для решения одной и той же проблемы [11]. Деятельность разных коллективов, осуществлявших свои исследования параллельно друг другу и использовавшие разные детекторы, позволила ускорить получение необходимых результатов, хоть и несколько разной, но близкой к заданной, вероятностью.

В рассмотренной ситуации с экспериментами по обнаружению бозона Хиггса трудно установить

силу воздействия тех или иных социальных факторов на проведение исследований, т. к. интернациональный, весьма многочисленный и разнородный по своим социальным характеристикам состав научных коллективов, участвовавших в создании и финансировании ЦЕРНа, их тесная кооперация произвели эффект конвергенции, относительной неразличимости различий. Достаточно отметить, что в рамках коллаборации CMS работало около 3600 человек из 183 лабораторий и университетов из 38 стран, включая Россию [12]. Единство цели, методов и средств исследования, интенсивная коммуникация между участниками коллабораций конвергировали разность социальных, индивидуально-психологических, экономических характеристик участников экспериментов, что предопределило близость полученных результатов. Можно констатировать, что во многом именно тесная взаимная коммуникация позволяла внести изменения в планы проводимых работ и обеспечила близкий по количественным показателям результат применения различных детекторов. Коммуникация устранила разность воздействия социальных и иных факторов на результаты измерений в ходе эксперимента. Каждая группа исследователей была обречена повторить результат другой группы, поскольку иначе эксперимент в целом не был бы завершен.

Данный пример демонстрирует скорее исключение, чем правило в проведении исследований, осуществляемых в современной науке. Большие объемы научной информации снижают положительный эффект коммуникации в научном сообществе, возвращают его к состоянию вековой давности, когда один ученый мог не знать о содержании работы другого, не понимать содержания работ другого, ввиду разности языка изложения полученных результатов исследования.

Подводя итог проведенному анализу, можно выделить несколько социальных условий (социальных регулярностей), обеспечивших протекание данных событий в истории науки в представленном виде, а именно:

1) Интенсивная коммуникация в рамках научного сообщества или внутри конкретных исследовательских групп способна устранить разность воздействия социальных факторов, не допустить отхода коллективов исследователей от достижения общего результата. Даже те теории, которые с течением времени не были подтверждены, но сам факт их появления вызывал бурные научные дискуссии, оказали более важное воздействие на развитие науки, чем теории, таких дискуссий не породившие. Здесь мы можем отметить, с одной стороны, мальтузианство, для которого характерно наличие ряда идей, так и не получивших своего подтверждения, но которое при этом выступило в качестве активатора теоретических исследований в области демо-

графии и миграций населения. С другой стороны, законы генетики Г. Менделя, которые, будучи предъявлены обществу, так и не породили никаких значимых научных дискуссий. Более того, имя их автора могло быть и вовсе забыто, если бы они не были переоткрыты другими учеными.

- 2) Отсутствие коммуникативного взаимодействия в научной среде, слабость ее воздействия открывает широкие возможности для воздействия иных социальных факторов на познавательный процесс, на его содержание и формы осуществления, выбор методов и предмета исследования. Однако это обстоятельство вводит результаты научной работы в ситуацию неопределенности, неконтролируемости и непредсказуемости. Незвестный автор может быть проигнорирован научным сообществом, т. к. результаты его работы могут быть непонятны ученым по причине использования нового, либо нетрадиционного понятийного и логико-методологического аппарата.
- 3) Наличие общности социальных условий, воздействующих на научно-познавательную деятельность, не предопределяет общность результатов, а лишь создает предпосылки для некоторого пересечения идей, формирования аналогий в научном поиске.
- 4) Социальные установки, социокультурное окружение, воздействующее на формирование и исследовательский выбор ученых, определяют «социальную судьбу» научной идеи, открытия. Они могут быть забыты (если социум выражает свою незаинтересованность в обсуждении и реализации идеи), или, наоборот, получить широкую интерпретацию и развитие, если идеи видятся актуальными, перспективными в плане решения острых общезначимых проблем.
- 5) Признание или не признание открытия, степень внимания к научной идее зависят от открытости общества, научного сообщества, широты доступа к средствам научной коммуникации, наличия социальных механизмов включения научного знания в конкретную социальную практику (именно это обстоятельство предопределило судьбу идей, высказанных Хун Лянцзи).

Таким образом, подход, актуализируемый социальной эпистемологией для изучения проблем научного познания, может быть достаточно продуктивным, поскольку акцентирует внимание на выявлении тех исторических и социальных условий формирования и развития научного познания, которые практически игнорировались не только классической эпистемологией, но и многими концепциями неклассической эпистемологии. Их изучение может способствовать более глубокому пониманию механизмов включения научного знания в конкретную социальную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 5–49.
2. Касавин И.Т. Социальная эпистемология... как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 4. – С. 30–34.
3. Дубровский Д.И. Социальная эпистемология и проблемы информационного общества (некоторые критические соображения и методологические вопросы). URL: http://dubrovsky29.narod2.ru/nauchnie_teksti/epistemologicheskie_metodologicheskie_i_drugie_voprosi/sotsialnaya_epistemologiya_i_problemi_informatsionnogo_obschestva/ (дата обращения: 31.08.2012).
4. Ардашкин И.Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 56–63.
5. Касавин И.Т. Социальная эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1232 с. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru (дата обращения: 31.08.2012).
6. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. – М.: Вост. лит-ра, 2002. – 606 с.
7. Мальтус Томас-Роберт // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/64244 (дата обращения: 04.09.2012).
8. Нефёдов С.А. О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). URL: <http://ss.xsp.ru/st/007/> (дата обращения: 04.09.2012).
9. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. URL: http://krotov.info/libr_min/14_n/ef/edov_12.htm (дата обращения: 04.09.2012).
10. Природа научного открытия. Философско-методологический анализ / Отв. ред. В.С. Готт. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
11. Эксперименты ATLAS и CMS. URL: <http://allmodernscience.net/index-2.html> (дата обращения: 04.09.2012).
12. Детектор CMS. URL: <http://elementy.ru/LHC/LHC/accelerator/detectors/CMS> (дата обращения: 04.09.2012).

Поступила 19.09.2012 г.

УДК 123.1

О КОНЦЕПТЕ «ОБРАЗ БУДУЩЕГО» В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ

А.И. Налетова

Томский политехнический университет
E-mail: sashadem@sibmail.com

Представлен анализ конструктивизма как философского направления. Рассмотрен вопрос конструирования будущего с позиции эпистемологического конструктивизма. Утверждается, что процесс конструирования будущего – процесс познания, который можно представить в качестве трех этапов (по теории трех интерпретант Ч.С. Пирса) – первичность (идея будущего), вторичность (проект, концепт будущего), третичность (закономерности и правила соотношения концепта «образ будущего» с динамической настоящей).

Ключевые слова:

Конструктивизм, образ будущего, Теория трех интерпретант, этапы конструирования.

Key words:

Constructivism, image of the future, theory of categories, stages of construction.

Сегодня бытие человека в большей степени определяется им же создаваемой реальностью. Причем реальность, которая рассматривается как познаваемая реальность есть результат конструкции. Создает эту конструкцию человек – познающее существо, которое осваивает реальность в определенных формах своей деятельности. Тем самым человек есть «познающее существо, которое живет в разных мирах, и что эти миры есть результат конструкции» [1. С. 36]. Таким образом, создание, мысленное представление, творение – все это можно назвать одним словом – конструирование (от лат construction – строение).

Сегодня конструктивистские идеи популярны у представителей разных наук. Еще в 2007 г. сектор теории познания Института философии РАН провел конференцию «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке». Важным итогом работы

конференции стал вывод о методологических следствиях относительно возможности науки о человеке. По мнению участников конференции эпистемологический конструктивизм сегодня переживает новое рождение и приобретает новые особенности [2].

Тем не менее, идея конструктивизма, как таковая, существовала еще в античной философии. В работах В.С. Швырева рассматривается проектно-конструктивная функция как производная от идеи рационально-теоретического познания, возникшая еще в античной философии. Рационально-теоретическое познание в лице античной философии и Древнегреческого Логоса «заряжено проектно-конструктивной установкой», что можно наблюдать еще в работах Платона – социально-политической утопии идеального общества. По мнению В.С. Швырева, это явилось «первой исторической формой развернутого социального проек-

та...без учения о подлинном мире идей невозможна была бы утопия как попытка реализации онтологически, познавательно заданного идеала в несовершенном земном мире» [3. С. 26]. Таким образом, процесс конструирования предстает как идея рационально-теоретического познания, имеющая свою эволюционную историю и внесшая значительный вклад в философию культуры, античную философию в качестве революционного перехода от «мысли в мире» к «мысли о мире» (М.М. Бахтин).

Современные концепции конструктивизма представляют собой несколько направлений: основной тезис эпистемологического конструктивизма – «знание что» может быть сведено к «знанию как»: вы знаете нечто о каком-либо предмете в том, и только в том случае, если можете построить его» (П. Вацлавик, Эрнст фон Глазерсфельд) [4. С. 1]; в концепции социального конструкционизма реальность конструируется обществом (Томас Лукман, Питер Бергер). Идея радикального конструктивизма заключается в конструировании мира в условиях информационной замкнутости, самореферентности, способности к самопроизведению и самоописанию [5. С. 38].

Все вышеперечисленные концепции объединяет то, что «конструктивистские установки проходят сквозной нитью по многим областям современного научного знания и практической деятельности. Человек не столько отражает, сколько строит окружающий мир, оформляет и организует его в соответствии со своими конструктивистскими установками сознания» [6. С. 1]. В такой постановке проблемы особое значение приобретает концепция современного прогнозирования. Акцентируется способность человека не просто строить окружающий мир, но и создавать желаемое будущее. Как пишет Е.Н. Князева: «В современном прогнозировании (футурологии) одним из ключевых понятий является создание желаемого будущего. Современное прогнозирование, или, как его называют в мировом научном сообществе, *futures studies* (исследование «будущего» во множественном числе, исследование перспектив, построение сценариев будущего развития), стало дисциплинарно оформляться и бурно развиваться после Второй мировой войны».

В настоящее время в довольно популярной и коллективными усилиями создаваемой энциклопедии Википедии (Wikipedia) дается следующее определение этому направлению: «исследования будущего – это трансдисциплинарный, базирующийся на системной науке подход к анализу образцов изменений в прошлом, определение трендов и возможных исходов изменений в настоящем и построение альтернативных сценариев возможных будущих изменений, чтобы помочь людям создать то будущее, которое они желают (Венди Л. Шульц)» [7. С. 1]. В понятие «образ будущего» Ф. Полак (1973) вкладывал смысл «позитивного идеального образа будущего», подобного тому, с которым работает искусство. «А искусство, как

известно, формирует будущее» [8. С. 47]. Таким образом, концепт «образ будущего» предстает как оптимальный и желаемый вариант на фоне многовариантности развития событий, созданный, сконструированный субъектом познания. Концепт «образ будущего» является основой научных направлений исследования будущего и одной из наиболее популярных тем современного конструктивизма.

Гипотезой данной работы является следующая тезис: процесс конструирования образа будущего можно представить в трех этапах: Первичность, Вторичность, Третичность, согласно трем категориям бытия и познания (модусам бытия), обозначенным в концепции познания Ч.С. Пирса. Интерес к концепции познания Ч.С. Пирса обусловлен прежде всего тем, что он отталкивался от понятия опыта человека, именно человек становился для него центром познания мира. Наиболее важный вклад Пирса в философское наследие – это его нормативное описание объективного исследования, учение о категориях и теория знаков. Он рассматривал науку как «нечто живое», подчеркивая, что научный метод есть оптимальный способ устранения сомнений. Его идеи, по словам И. Пригожина, предстают в ином свете: «как пионерский шаг к пониманию плюрализма, таящегося в физических законах» [9. С. 252].

Целью процесса познания для Ч.С. Пирса стало устранение сомнения в том или ином положении вещей для достижения уверенности, выражающей себя в определенных правилах действий с вещью. Такое утверждение не противоречит ключевым конструктивистским установкам. Конструктивизм рассматривается как философская, эпистемологическая позиция «что то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, – это не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по Канту)» [10. С. 1]. Таким образом, процесс конструирования выступает в первую очередь, как познавательный процесс, требующий верификации, соотношения с явлениями, течениями и эволюции окружающей социальной среды и зависящий от когнитивных функций познающего субъекта. Конструирование релевантное реальности (регулярное соотношение с миром фактов) дает право говорить о прагматической основе процесса конструирования (и в целом всего конструктивизма как философского направления). Подчеркнем, что «конструктивизм в теории познания – это такой подход, в рамках которого считается, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его» [10. С. 1].

Основа пирсовой теории познания связана с тремя категориями бытия и познания: «Первичность» (Firstness), «Вторичность» (Secondness) и «Третичность» (Thirdness). Подчеркнем, что выде-

ление структурных категорий бытия и познания дает основание говорить о Пирсе не только как о позитивисте. Определенные им «три универсальных категории, или фанероны, – это общая совокупность всего, что <...> является наличным (is present to) сознанию, совершенно независимо от того, соответствует ли наличное какой-либо реальной вещи» [11. С. 7]. Для того чтобы внести ясность, Пирс замечает: «Понятие фанерона довольно близко тому, что английские философы обычно имеют в виду под словом идея. Однако значение последнего слишком ограничено ими, чтобы полностью покрыть собой всё то, что я вкладываю в понятие (если только это может быть понятием) за исключением, разве что некоторых психологических коннотаций, которых я всеми силами стремлюсь избегать». И далее: «Такое наблюдение выявляет наиболее общие и присущие всякому фанерону характеры, обобщаемые под титулом Категорий, полное описание которых и является конечной целью фанероскопии» [12. С. 18]. Таким образом, триада Ч.С. Пирса представляется как интеллигибельное измерение (ипостась) реальности, в котором сущности, универсалии, упорядочены в любые множества, что дает основание утверждать, что его концепция познания может быть применена в описании процессов конструирования будущего.

Именно процесс конструирования приобретает ключевое значение в описании концепта «будущее» с позиции эпистемологического конструктивизма. В работе Е.Н. Князевой «Конструирование будущего» [7] выделены основные принципы конструирования: представления системы как взаимозависимых взаимовлияющих частей с различным темпом развития (здесь конструировать значит соединять в единое целое части системы, формируя единый «темпомир» – принцип коэволюции); конструировании в ситуации неопределенности, неопределенность – возможность создания многовариантности развития системы, отсюда субъективные возможности человека действовать в ситуации неопределенности как способность конструировать будущее; конструировании будущего в зависимости от внутренних трендов, «собственных потенциалов сложных систем»; соотношении субъективных познавательных возможностей и тенденциями внешней среды; осознании того, что действие не всегда приводит к ожидаемому результату. Тем самым концепт «будущего» в эпистемологическом конструктивизме рассматривается с позиции процессуального подхода, что дает основание представить процесс конструирования будущего в последовательности трех этапов.

Итак, процесс конструирования будущего есть процесс познания человеком реальности посредством деятельности. В течение всей жизни, человек познает себя, мир, создает себя, окружающую среду, которая тем самым влияет на него, формирует самого человека и его личность. Познание себя происходит посредством формирования своей

идеи, мысли, желания, осознания возможностей, осмысления своей идеи и ее влияния на личность. Но идея, сформированная человеком, не может жить сама по себе, она должна основываться на чем-либо (на субъективном/коллективном опыте) и быть адресована чему-либо – внешнему миру, неизменно получая при этом обратный импульс, отзыв внешнего мира, этим определяя свою роль и место в нем. Таким образом, происходит процесс познания человеком себя и мира. Однако в своих выводах, мы опираемся на положение теории Ч.С. Пирса о том, что жизнь мысли возможна только в знаках. Сам по себе знак как ментально-материальный феномен способствует не изменению нашего мира, а изменению наших представлений о нём. Одновременно мысль не может быть отделена от способов своего выражения, следовательно, мышление есть деятельность посредством знаков.

Останавливаясь на этой позиции, представим себе процесс конструирования будущего в следующей последовательности: Первичность, Вторичность, Третичность. Подчеркнем, при этом, что понятие «категория» у Пирса непосредственным образом связана с понятием «идея». Для Пирса «Первичность» – это «качество в возможности», неопределенное качество. На этом уровне объект идентифицируется, но не определяется. Пирс видел в Первичности необходимую предпосылку опыта. Уровень «Вторичности» – это уровень существования вещей, когда свобода идеи ограничивается «сопротивлением реальности», сообщая некоторую устойчивость вещи, вынуждая увидеть ее в множественности и индивидуальности, то есть устанавливаются отношения внутри вещи и вещи с действительностью. На уровне «Третичности» утверждаются нормы существования вещи, то есть это – уровень закона, понимания. Идее на этом уровне сообщается статус реальности. Именно реальность, представленная как процесс конструирования, позволяет нам описать концепт «будущее».

Первичность – ощущение вещи, предчувствие ее существования при отсутствии детерминации, феномен данной категории познания – «качество в возможности», ощущение единого, целого, «чистого», определенного только на уровне качества («бытие красным, горьким, скучным, жестким, душераздирающим, благородным») [12]. На данном этапе происходит имплицитное знакомство: интуитивное, на уровне предыдущего опыта, определение возможности или вероятности, предварительное отождествление. На этом этапе мы можем говорить о предчувствии образа будущего. Как такового образа будущего еще нет, но есть ощущение возможности его детерминации. Возможность описания образа будущего рассматривается как монада, единое целое, установленное, неоспоримое: здесь не важно, какова именно Идея будущего, но сама возможность описания будущего, возможность детерминации Идеи будущего, построения будущего есть у каждого.

Вторичность — соотношение с миром фактов: идея в индивидуальности и в соотношении с другими существующими идеями реальности, определение границ идеи, ощущение не только Идеи, но и Другого — «отношение к...» или факт и реальность в соотношении/противопоставлении с Идеей, оппозиция Идеи и мира фактов. Описывая категорию Вторичности, Пирс пишет: «Мы воспринимаем внешние нам объекты, но то, что мы действительно получаем опытным путем — то, к чему слово «опыт» гораздо более применимо, — есть событие. При этом нельзя считать событие в точности объектом нашего восприятия, ибо это потребует от нас того, что Кант называл «синтезом схватывания», хотя в данном случае мы ни в коем случае не ставим себе задачей в точности следовать его определению» [12. С. 137]. На данном этапе происходит логическое представление идеи, определение ее места в мире Другого, актуализация Идеи. На этом этапе процесс конструирования выражается в детерминации идеи, образа будущего и соотношения его с другими существующими альтернативами, отношение между образом будущего и миром фактов. Актуализация образа будущего происходит путем верификации его с фактами Настоящего. Образ будущего обретает свое первичное содержательное наполнение, формирующееся на основе фактов. Актуализация Идеи будущего представляет собой отождествление образа будущего и совокупности фактов Настоящего.

Третичность — категория синтеза, медиации, построения закономерности между Идеей и миром Другого, то, что является посредником между двумя вещами и их объединяет. На уровне «Третичности» утверждаются нормы существования вещи, то есть это — уровень закона, понимания. Идее на этом уровне сообщается статус реальности. Устанавливаются закономерности, взаимосвязи, взаимозависимости и правила взаимодействия Идеи и Другого. Формируется Образ будущего при построении взаимосвязей между конструируемой реальностью и образом будущего, выделяются закономерности, и как следствие происходит корректировка и окончательное представление в деталях такого образа.

Представим процесс конструирования будущего как процесс творения великого художественного шедевра. Изначально художник имеет только общую идею или единый образ картины или рисунка (первичность), а также возможность и желание его воспроизведения. Затем на бумаге схематически создается образ, формируется эскиз, который затем приобретает цветовую гамму (вторичность). В процессе воссоздания образа художник следует определенным правилам — расстановка теней, цвета объектов (солнце желтое, небо голубое и т. д.), выработывает свою технику — эти правила выступают теми закономерностями, по которым воспроизводится образ или идея работы (третичность). Леонардо да Винчи перед написанием своей знаменитой работы «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» («Мона Лиза») хотел создать живое лицо

живого человека и так воспроизвести черты и выражение этого лица, чтобы ими был раскрыт до конца внутренний мир человека [13. С. 138]. Леонардо трудился над ней несколько лет, добиваясь того, чтобы в картине не осталось ни одного резкого мазка, ни одного угловатого контура; и хотя края предметов в ней ясно ощутимы, все они растворяются в тончайших переходах от полутеней к полусветам. Борис Виппер задаётся вопросом, «какими средствами достигнута эта одухотворенность, эта не умирающая искра сознания в образе Моны Лизы, следует назвать одно из главных средств — это чудесное леонардовское сфумато. Недаром Леонардо любил говорить, что «моделировка — душа живописи». Именно сфумато создаёт влажный взгляд Джоконды, легкую, как ветер, её улыбку, ни с чем несравнимую ласкающую мягкость прикосновения рук». Сфумато — это едва уловимая дымка, окутывающая лицо и фигуру, смягчающая контуры и тени. Леонардо рекомендовал для этой цели помещать между источником света и телами, как он выражается, «некий род тумана» [14. С. 78]. Эта техника является отличительной чертой, особенностью всех работ великого художника.

Автономность каждой выделенной нами стадии становится очевидной при рассмотрении тех категорий, которые Пирс трактует как феномены восприятия и «которые предстают человеческому духу (mind) как чистая иллюзия, как восприятие, предчувствие в ходе мысленной интерпретации мира» [15. С. 9]. Все указанные этапы (шаги) прямо раскрываются при обращении к характеристикам определенной категории бытия и познания (Первичность, Вторичность, Третичность). Тем самым раскрывается содержание концепта «будущее» в эпистемологическом конструктивизме. С позиции конструктивизма, как уже было указано выше, в описании концепта «будущее» важно понимание «реального положения дел» — той ситуации окружающей среды, в которой находится познающий, конструирующий субъект. Тем самым, образный континуум способен объединять две действительности — внешнюю (окружающая среда, общество, мир) и внутреннюю (мысль, когнитивные способности субъекта). При этом в процессе конструирования внешний мир постепенно превращается во внутренний, тем самым создавая, как уже говорилось ранее, на основе прошлого опыта конструкты — клише, используемые для реализации оценочной функции. В свою очередь, с помощью данных конструктов, субъект конструирует будущее, что приводит нас к выводу о том, что конструирование есть циклический и непрерывный процесс, в ходе которого формируется «я-концепция» или «карта» мира субъекта, где роль центрального звена играет непрерывная потребность в построении образа будущего. В таком понимании концепт «образ будущего» рассматривается нами с позиции процессуального подхода как целостный, необратимый, поэтапный процесс познания мира, в основе которого лежит представление об

активности познающего субъекта, использующего рефлексивные процедуры для построения образа будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии // В кн.: Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 36?37.
2. Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2008. – 171 с.
3. Швырев В.С. О соотношении познавательной и проектно-конструктивной функций в классической и современной науке / В кн.: Познание, понимание, конструирование / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2008. – 167 с.
4. Лекторский В.А. Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Интеллектуальная Россия. 2010. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/6141-realizm-anti-realizm-konstruktivizm-i-konstruktivnyj-realizm-v-sovremennoj-yeipistemologii-i-nauke.html (дата обращения: 10.08.2012).
5. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35–45. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/2009/092/092035.htm> (дата обращения: 03.08.2012).
6. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – 133 с. URL: <http://iph.ras.ru/page52182704.htm> (дата обращения: 03.08.2012).

Исследование проводится в рамках выполнения проекта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

7. Князева Е.Н. Конструирование будущего // Сайт С.П. Курдюмова. 2007. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/knyaz55.htm> (дата обращения: 04.08.2012).
8. Князева Е.Н. Идеи теории сложности в социальном прогнозировании и управлении. Управление персоналом и человеческий капитал современной России: коллективная монография / под ред. О.Я. Гелиха, В.П. Соломина, Г.Л. Тульчинского. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2011. – 416 с.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – 296 с.
10. Князева Е.Н. Природа инноваций и некоторые проблемы // Сайт С.П. Курдюмова. 2005. URL: <http://Spkurdyumov.Narod.Ru/Knzva.Htm> (дата обращения: 04.08.2012).
11. Пирс Ч.С. Принципы феноменологии: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 320 с.
12. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
13. Дживелегов А. Леонардо да Винчи. Изд. 3-е. – М.: Искусство, 1974. – 233 с.
14. Виппер Б.Р. Итальянский Ренессанс. XIII–XVI века. Т. II. – М.: Искусство, 1977. – 243 с.
15. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика / под ред. И.В. Силантьева, Ю.В. Шатина. – Новосибирск: Научное издание, 2001. – Вып. 3–4. – С. 9.

Поступила 21.08.2012 г.

УДК 130.2

РЕАЛЬНОСТЬ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Доказано, что, несмотря на видимую достоверность телевизионного изображения и фотографии, воплотивших идеал миметического искусства, стремящегося отразить мир таким, какой он есть, нельзя говорить об объективности реальности, представленной в средствах массовой коммуникации. Информация в них всегда предстает как конструкт, задачей которого является скрыть реальность, а не репрезентировать ее.

Ключевые слова:

Средства массовой информации, реальность, глобализация, власть.

Key words:

Mass media, reality, globalization, power.

Средства массовой информации, оснащенные по последнему слову техники, предлагают человеку такое качество изображения действительности, которое создает полную иллюзию реальности, не оставляющую никакого зазора для возможного сомнения. На первый взгляд, телевидение и фотография воплощают в жизнь идеал метафоры зеркала в искусстве: реальность в них представлена такой, какая она есть, без эмоций и без видимой ин-

терпретации. Документальное кино и репортажные фотографии предполагают максимальное отсутствие субъекта, воспринимаемого только как тот, кто нажмет на затвор, так как непосредственно само изображение он не создает, а только лишь наводит объектив. Однако даже сам факт наведения объектива на какой-то конкретный объект, его композиционное размещение в кадре (не говоря уже о возможности постановочной фотографии)

свидетельствует об отсутствии абсолютной объективности даже там, где к непосредственному созданию изображения человек не причастен.

О том, что любое документальное доказательство иллюзорно, говорил еще Р. Барт, обративший внимание на мифологичность неоспоримости фотографии. «Предположим, я сижу в парикмахерской, мне протягивают номер журнала «Пари-Матч». На обложке изображен молодой африканец во французской военной форме: беря под козырек, он глядит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг. Таков смысл изображения. Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция — это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами, и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям. И в этом случае передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть презентация означаемого посредством означающего» [1. С. 80–81]. Для борца с колониализмом данная фотография могла нести противоположный смысл, отражая подлость колониального режима. Современные способы обработки фотографии с помощью «Photoshop» нагляднее демонстрируют невозможность абсолютного мимезиса в средствах массовой информации, несмотря на кажущуюся объективность.

Если внимательно присмотреться к самой метафоре зеркала, то даже в ней можно обнаружить субъективность. Конечное отражение зависит от двух людей: того, кто установил и направил его на объект, задав тем самым ракурс восприятия действительности, и того, кто смотрит на это отражение. Зеркало недаром издревле считалось обладающим магическими свойствами: два разных человека, находясь недалеко друг от друга, увидят в нем разные вещи — в этом проявляется закон геометрической оптики. Таким образом, фотография, обладая уникальной в отношении метафоры зеркала способностью отражать реальность, все же несет в себе субъективность. Справедливости ради следует отметить, что фотография, будучи значимой для средств массовой информации в качестве документального доказательства, не обладает столь тотальными методами воздействия на человека как телевидение.

Унаследовав от фотографии реалистичность, телевидение усилило ее переходом от статики к динамике, однако оно сохранило и усугубило уход от реальности. Существует немало примеров подлогов, когда неизвестно где и неизвестно кем записанные репортажи появлялись в новостных лентах

в качестве доказательств декларируемого видения событий, которых на самом деле не было. Телевидение, несмотря на кажущуюся достоверность изображения, не может предоставить зрителю возможность однозначного соотнесения телевизионного кадра с определенными событиями. Зритель ожидает увидеть в репортаже нечто наподобие камеры наблюдения, которая передвигается во времени и пространстве и может быть участником событий, происходящих за тысячи километров от него и даже за много лет до его рождения. На самом же деле перед ним предстает бесконечный симулякр — образ без подобия, ведь репортаж создает кто-то с целью вызвать ощущение уверенности в реальности наблюдаемого события.

«Мало-помалу телевидение, которое по идее является инструментом отображения реальности, превращается в инструмент создания реальности. Мы все больше и больше приближаемся к пространству, в котором социальный мир описывается и предписывается телевидением» [2. С. 35]. Иногда это происходит через удаление неприемлемого содержания, иногда путем перемещения негативного контента на периферию зрительского внимания. Второй способ наиболее наглядно проявил себя в том, что масштаб события, определяющийся порядком его появления в новостной ленте, может быть искусственно завышен или занижен. Именно это и позволяет превратить частные локальные происшествия во всеобщие. «Цунами в Пакистане, соревнование чернокожих боксеров в Соединенных Штатах, хозяин бистро, выстреливший в молодого человека и т. п. — все эти события, ранее считавшиеся ничтожными и аполитическими, сегодня распространяются с той силой, которая придает им особый социальный и «исторический» размах» [3. С. 246].

Телевидение демонстрирует исчезновение реальности и подмену ее тотальной симуляцией. Наиболее наглядно это представлено в освещении военных событий: не имеет значения, имело ли место событие или нет, статус реальности ему придает то, что оно «отражено» в средствах массовой информации. Зачем взрывать военные машины, если можно просто об этом сообщить, показав при этом по телевидению какие-то обломки, которые являются «объективными свидетельствами происшедшего». В цивилизованном обществе войну пытаются изгнать из социального бытия, заменяя его другими понятиями: «миротворческая акция», «антитеррористическая операция», «операция по восстановлению конституционного порядка», «операция по принуждению к миру» и т. п., утверждая, тем самым, мысль о том, что война является основой для своей противоположности — мира. Таким образом, телевидение не несет в себе отражения объективной реальности, напротив, оно творит собственную телевизионную реальность.

Одним из ярких примеров такой искусственности являются «мокументори» — имитация якобы реальных событий. Монтажное телевидение дает

возможность свободно создавать любую информационную продукцию, единственным ограничителем которой может выступать фантазия креативщиков и конкурирующие средства массовой информации. Запись позволяет создать такой текст, который переводит живую информацию в фиксированную и застывшую форму, которая может трансформировать исходное событие так, что оно будет соотнесено с иным временем и пространством, приобретая другое значение в ином контексте. Таким образом, телевидение выступает основой реальности симулякра. «Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии [4. С. 93].

И именно благодаря этой способности у средств массовой информации конструировать искусственную реальность взамен непосредственно окружающей человека, они становятся одним из важнейших инструментов осуществления власти на сегодняшний день. На место классического прямолинейного принуждения приходит интеллектуальная информационная война, суть которой – использование целого арсенала манипулятивных информационных технологий, обрушивающихся на человека каждую минуту. Средства массовой информации становятся удобным способом тотального воздействия на психологию человека, так как они окружают его со всех сторон: интернет, телевидение, реклама (специфический вид информационной технологии) по сути, являясь вездесущими. При этом свои сообщения они выдают за самую что ни на есть подлинную действительность, но на самом деле являясь лишь ее симуляцией.

Способность средств массовой информации конструировать реальность так, чтобы она обладала видимой очевидностью для зрителя, создает возможность осуществления «мягкой власти» («soft power»), которая навязывает человеку искусственные потребности и создает удобного для манипулирования человека. Тотальность этой власти такова, что имеет смысл говорить о ее ризоматичности, основанной на психологическом давлении, а не на военной мощи. Современная власть, основанная, как и любая другая власть, на экономических факторах распределения ресурсов среди населения, качественно иначе решает вопросы управления. Вместо традиционных приказов и предписаний, вводится навязывание человеку определенных стереотипов поведения, путем превращения его из личности в потребителя.

Власть, понимаемая в этом смысле, не обладает географической определённой (директивы от крупных корпораций могут исходить и из регионов, а не только из головных центров), не может быть проконтролирована (так как манипулятивные технологии направлены на то, чтобы быть незаметными даже для опытных психологов), она вездесущая и создается не только силами офи-

циально ее поддерживающими, но и силами, которые выступают против нее: «... многие из «героев» антиглобализма, которые борются за создание гражданского общества и мультикультуралисты, которые провозглашают «различие», на самом деле создают и поддерживают империю, которая состоит из неиерархических сетей» [5. С. 15].

Трансформация реальности в средствах массовой информации обеспечивает переход от власти внешней к власти внутренней (этот процесс подробно исследуется М. Фуко [5]), нивелируя человеческое «Я», используя его лишь как базу, чистый лист для наложения несвойственных ему желаний и стремлений. И процесс этот носит глобальный характер не только в общепланетном масштабе, но и на уровне повседневности: власть проявляет себя в моде, пищевых привычках, в различных видах отдыха и т. д. Недаром столь популярными на сегодняшний день являются ток-шоу, решающие мелкие проблемы обычных людей, которые возводятся в проблему и представляются как значимые для жизни общества.

Именно поэтому одним из самых популярных концептов в осмыслении средств массовой информации выступает представление о них как о «четвертой власти», которая по-разному интерпретируется (от «служанки» государства, до самодостаточной общественной силы). Однако общим является признание того, что субъектом этой власти выступают не политические лидеры и даже не многочисленные предприятия и корпорации, а газеты, журналы, телевидение, информационные и рекламные агентства и т. д. Их задачей, вне зависимости от содержания послания, является передача культурных ценностей, которые во многом искусственны, как искусственная сконструированная реальность. На периферии нередко оказываются традиционные высокие ценности, такие как семья, любовь, верность, а на передний план выходят насилие и пошлость.

На картину трансформируемой в средствах массовой информации реальности влияет такая вещь, как «продаваемость» новости, именно поэтому на экранах телевидения можно наблюдать странный мир жителей «Дома-2», разгадывающих бесконечные викторины в надежде выиграть миллион и рассказать об этом в передаче «Пусть говорят». «Секс и кровь, драма и преступление всегда хорошо продавались, а в эпоху погони за массовым зрителем они поднялись на первые страницы журналов, с них начинаются телевизионные выпуски новостей... символическое действия телевидения частично – например, в том, что касается выпусков новостей – заключается в привлечении внимания к событиям, потенциально интересным для всех, которые можно охарактеризовать как omnibus...» [2. С. 30].

Второй отличительной особенностью трансформированной реальности в средствах массовой информации выступает максимальное упрощение, связанное с законом больших аудиторий, который

гласит: чем проще содержание, тем шире аудитория. На место серьезной аналитики, которая покажется непонятной массовому зрителю, приходят поверхностные и банальные интерпретации, мнения. На телевидении вместо специалистов можно, в частности, видеть большое количество «медиа-интеллектуалов». «Для некоторых из наших философов (и писателей) «быть» — значит быть показанным по телевизору, то есть в итоге быть замеченным журналистами, или, как говорят, найдены на хорошем счету у журналистов (что невозможно без компромиссов и самокомпроментации) ... Таким образом, телевизионный экран стал сегодня своеобразным зеркалом Нарцисса, местом нарциссического эксгибиционизма» [2. С. 25]. Подобные интеллектуалы кажутся зрителю подлинными экспертами, весомость их мнения определяется не уровнем знания, а степенью «раскрученности», которая определяется с помощью рейтинга — по сути внешнего по отношению к качествам личности элементу.

Таким образом, средства массовой информации, трансформируя реальность, являются важной составляющей современного политического процесса, хотя существует несколько подходов, характеризующих воздействие масс-медиа на политический процесс: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдые); альтернативный подход, рассматривающий СМИ как инструмент, передающий информацию, но не затрагивающий политических интересов человека (П. Лазарфельд). Выделяются так же две технологии влияния СМИ на политику: конструирование политической реальности (непосредственное воздействие на политический процесс различными способами: от рекламы до поиска компрометирующих материалов) и визуализация политического процесса (Э. Денис, Д. Мерилл). Иными словами, роль и значение информационных технологий для политической жизни

общества неоднозначна в силу того, что средства массовой информации — материал неоднородный и не имеет никакой внутренней иерархии. Именно на этом принципе основана концепция информационных войн, которая исследуется в работах Т. Розана, Т. Стоунера, Ф. Уэбстера, Б.Н. Пружинина и др.

Информационные войны невозможны при отсутствии глобального информационного пространства, сформированного в результате информационной революции, так как их задачей является формирование информационно богатых и информационно бедных стран на основе использования СМИ в различных конфликтах (чаще всего, носящих политический характер). Необходимость в подобной войне возникает в связи с распространением в современном обществе демократии, основанной на свободных выборах, а, следовательно, на формировании определенного стереотипного представления о политической жизни. Но ведь в таких больших по территории странах, как Россия, реальную ситуацию, тем более в условиях секретности, узнать практически невозможно, в связи с чем противники могут пользоваться любыми способами в поисках факторов уязвимости.

Иными словами, реальность в средствах массовой информации, являясь своего рода воплощением метафоры зеркала, вскрывает механизмы трансформации реальности даже там, где на первый взгляд речь идет о простом отражении. Так, обнаруживается, что визуальный образ зависит от двух составляющих: как и где установлено зеркало (в данном случае как создан репортаж, является ли он результатом подмены фактов или стремится к максимальной достоверности, что бывает значительно реже) и от воспринимающей стороны (которая все чаще приобретает бездумный характер толпы, требующей хлеба и зрелищ, основанных на сексе и насилии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Мифология // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры» Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М.: Академический проект, 2007. — 336 с.
4. Делез Ж. Повторение и различие. — М.-СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.
5. Brown Ch. Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency // Global Society. Journal of Interdisciplinary International Relations. — 2004. — V. 18. — № 1. — P. 12–18.

УДК 001:316

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ КОДЕКСА ЭТИКИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

М.В. Черепанова

Томский политехнический университет

E-mail: cherepanovamv@tpu.ru

Рассмотрены философско-методологические проблемы разработки кодекса этики научного сообщества. Обозначены перспективы их решения на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова:

Кодекс этики, мораль, право, научное сообщество.

Key words:

Code of ethics, morality, law, scientific community.

Институционализация этических норм российского научного сообщества принадлежит к числу приоритетных направлений его развития. Важность ее определяется, *во-первых*, потребностью в самоорганизации, а *во-вторых*, необходимостью регуляции динамических отношений, существующих между наукой, как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и обществом. В этом процессе важная роль, наряду с формированием контролирующих экспертных организаций, отводится созданию этического кодекса – свода предписываемых к исполнению нравственных принципов, ценностей и норм, не подкрепленного репрессивным аппаратом, но обеспечивающего полное, обобщенное и системное регулирование внутренних и внешних отношений конкретной социальной группы. Проработанная система поведенческих координат призвана сориентировать ученого в современном мультикультурном и мультиморальном мире. Хотя отдельный документ не может включать абсолютно все моральные установки, так как априори это «лишь дробь абсолютного совершенства, подмена целостного идеала частичным» [1. С. 85], он имеет вполне ясную цель – соблюдение ряда правил, приверженность известным ценностям.

Важность и актуальность создания кодекса этики подтверждена многолетним опытом мирового научного сообщества. Глобальная этическая обсерватория ЮНЕСКО [2] на сегодняшний день содержит данные о 151 официально зарегистрированном кодексе поведения ученых (российских среди них нет). Эти документы отличаются по назначению (регулирующие, вдохновляющие, образовательные) и по охвату (региональные, национальные, глобальные), они отражают не только общечеловеческие моральные принципы, но и традиции, выкристаллизовавшиеся в рамках национальных научно-исследовательских школ, и выполняют важнейшие функции, среди которых выделяются регулирующая, мировоззренческая, гносеологическая и коммуникативная.

На V Всемирном научном форуме «Меняющийся научный ландшафт», проходившем 17–19 ноября 2011 г. в г. Будапеште, помимо проблем размежевания, неравномерного регионального распределения знаний и других вызовов, с которыми сталкивается современная наука, в очередной раз обсуждалась необходимость внедрения универсального кодекса и универсальных правил, обращенных к правам, свободам и обязанностям исследователей. Ответственное и безупречное поведение ученых должно быть поддержано государственными структурами и национальным законодательством. В кратчайшие сроки необходимо выработать новую, эффективную политику в области науки на национальном, региональном и глобальном уровнях. Следует укреплять диалог между наукой и обществом, делающий науку более демократичной, привести в соответствие системы высшего образования, а также содействовать глобальному и региональному научно-техническому сотрудничеству на основе равенства и участия. Одобрение этих положений представителями научной элиты ряда государств обозначило очередной шаг на пути внедрения этических принципов в область фундаментальной и прикладной науки [3, 4]. Попытка создания универсального кодекса нацелена на интеграцию мировой науки, преодоление этического релятивизма, возникшего вследствие того, что различные своды, регламентирующие поведение в рамках того или иного научного сообщества, уже существуют практически во всех странах мира.

Поэтому именно сейчас представляется возможным объединить опыт зарубежных коллег с последними тенденциями развития мирового научного сообщества, собственными национально-культурными традициями и на этой основе разработать и внедрить кодекс этики российского научного сообщества. Существует, однако, ряд философско-методологических проблем, решение которых должно предшествовать реализации проекта. Недостаточно ведь просто четко сформулировать правила, нужно сделать так, чтобы кодекс соответствовал критериям эффективности (например,

А.И. Пригожин назвал таковыми конкретность, выполнимость, практическую применимость, интенциональность [5. С. 38]). С подобными преградами неизменно сталкивается каждый, кто предпринимает попытку упорядочить сферы морали и нравственности, приводя их в строгую этическую систему, выделим ключевые из них.

Первой проблемой, минимальным условием создания эффективного этического кодекса является, как ни парадоксально, наличие морали. Не абстрактного понятия, а конкретной системы норм и ценностных представлений, определяющих и регулирующих поведение человека. Необходимость ее наличия связана с исторически сложившимися вариантами возникновения этических кодексов. Таковых было два. Первый — кодекс создается властными структурами и уже в готовом виде предписывается к исполнению. Во втором случае внутри самой социальной группы выстраиваются правила поведения, которые затем систематизируются отдельным человеком или группой людей. Последний вариант является более естественным, более эволюционным, поэтому уровень «приживаемости» его порождений выше. А так как научное сообщество соединяет в себе черты не только профессиональных, но и корпоративных групп, для которых горизонтальная структура более приемлема, чем иерархическая, ему присущ именно этот путь создания кодекса: наличие неписаных правил поведения, безоговорочно принимаемых всеми участниками сообщества, становится залогом успеха.

Однако при этом возникает резонный вопрос, если в научном сообществе уже выработаны некие негласные нормы, обеспечивающие выполнение регулятивной функции, зачем необходим этический кодекс?

Ответ кроется в необходимости четкой артикуляции выработанных норм, которая приведет к целому ряду положительных последствий. Этический кодекс оптимизирует стихийно протекающие процессы, наметит тенденции и задачи развития, четко обоснует и систематизирует существующие установки опытным членам сообщества, а новым участникам позволит не «слепым» путем, методом проб и ошибок, а осознанно походить к выполнению принятых правил. Кроме того, наличие кодекса этики является серьезным аргументом в диалоге с обществом, повышающим профессиональный авторитет и создающим положительный имидж ученого.

Конечно, существует вариант, при котором правила, исповедуемые научным сообществом, достаточно выкристаллизовались, и тогда этический кодекс призван способствовать их окончательному утверждению. В такой ситуации целесообразно прибегнуть к майевтике, то есть обратиться к помощи специалистов, занимающихся философским анализом этической проблематики. В России на сегодняшний день одной из ведущих школ, разрабатывающих это направление, является научно-исследовательский институт прикладной этики

ТюмГНГУ. Участие экспертов по этике поможет избежать еще одного подводного рифа — излишней узости кодекса, отрыва его от ценностных установок, выходящих за пределы профессионально-корпоративных интересов. Зачастую конкретность требований практически приравнивает такие кодексы по содержанию к техническим инструкциям. Рассмотрение науки стало возможно исключительно в социально-культурном контексте, а мораль ученого воспринимается как «инобытие морали человеческой». Это предопределяет необходимость соответствия кодекса общей этике, то есть включение в него известных всем принципов, спроецированных на профессиональную деятельность («не укради» — отрицание плагиата, «не лги» — неискажение научной истины и т. д.). Какими бы специфичными не были нравственные требования к представителям научного сообщества, они всегда будут иметь соответствующий аналог в общечеловеческой морали. Так, мораль сообразуется со специализацией общественных институтов, создает новые формы, позволяющие ей сохранять свое значение.

Второй сложностью создания этического кодекса является несоответствие его «классического» варианта современным реалиям: следует предвидеть, что в рамках современного общества, находящегося в условиях постоянного изменения, существование строго упорядоченных и формализованных кодексов может стать тормозящим фактором для личностного и профессионального роста ученого. Главный аспект этой проблемы заключается в том, что мораль и нравственность не могут быть раз и навсегда жестко закреплены в каких бы то ни было формах, и существование этических кодексов только подтверждает этот тезис, т. к. они являются собой лишь черту — итоговую и одновременно стартовую, дающую отправной посыл к разработке новых, более совершенных образцов поведения. Это тем более обоснованно, что современное общество гораздо более динамично, чем доиндустриальное, в условиях которого были разработаны исторически первые кодексы.

Каждый день жизни несет новые изменения, и поэтому трудно обеспечить детальную детерминацию человеческого поведения, будь то повседневная жизнь или профессиональная деятельность ученого. А, следовательно, кодексы должны видоизменяться: как порождение классической культуры они призваны заключать в себе итог накопленных научным сообществом ценностных установок и норм поведения, а как дань постмодерну — оставлять пространство для реализации свободы личности. Абсолютизация жесткой моральной регуляции не может стать достойным разрешением возникающих противоречий. Превращение ученых в адептов канонизированных догм неприемлемо. Одна из заповедей служителя науки заключена в том, что ученый — человек, свободный даже от самого себя. Свобода совести и убеждений выступают в качестве важнейшей этической доминанты познавательной деятельности исследователя.

Необходим поиск компромисса, нацеленного на сочетание достижений классической и неклассической культуры, в частности возможно составление кодексов, дающих лишь магистральное направление, но не претендующих на всеохватность формулировок. Так появляется пространство для реализации свободы, не выходящей за пределы общечеловеческих норм и ценностей. М.А. Можейко в данной ситуации говорит о переходе от «этики кодекса» к «этике творчества» [6], направленном на иное понимание нравственного сознания и морального действия и стремящегося к выработке особого сценария морального поведения для каждого конкретного случая. Но для того, чтобы подобный переход свершился, нужно время, в течение которого действия людей должны соотноситься с некоторыми незыблемыми принципами, образцы оных и должен представлять этический кодекс.

Для такого кодекса представляется необходимым соединение двух основных черт: иерархической структуры (предполагающей непререкаемую интенцию к идеалу), свойственной для классического периода культуры, и магистральной вариативности, представляющей собой порождение эпохи постмодерна. Включение первого пункта обусловлено тем, что именно нормативность является «специфической онтологической характеристикой культуры» [7. С. 13], которая всегда есть ориентация на нечто абсолютное, здесь-и-сейчас-невозможное и предполагает постоянную творческую переработку сложившейся ситуации с целью её преобразования в иное, высшее состояние. То есть, чтобы кодекс стал не просто техническим документом, но обрел принадлежность к сфере культуры, необходима его направленность на трансформацию наличного бытия. Это требует включения в его структуру идеала, как высшего уровня экзистенции, обеспечивающего интенциональность развития личности, а вместе с ней и культуры. Вариативность осуществления моральных императивов внутри магистрального направления станет основой для выработки в дальнейшем принципиально иной системы ценностей.

Следующей проблемой, сопровождающей создание этического кодекса научного сообщества, является его пограничное положение на водоразделе морали и права – двух особых форм социальной регуляции. «Как объяснить тот странный факт, что человеческое поведение, человеческая воля и отношения между людьми подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию в значительной мере расходятся между собой, что ведет к различным трагическим конфликтам в человеческой жизни?», – этот вопрос является неизменной темой дискуссий в среде философов и правоведов [8. С. 91]. Вследствие того, что вопрос однозначной принадлежности этических сводов к одной из упорядочивания общественных отношений очень сложен, часто создаются «этико-правовые комплексы», в край-

нем случае, происходит сведение моральности к легальности. Это лишает этический кодекс ряда существенных характеристик, обусловленных свободой, как ключевым свойством моральной сферы.

Какими же чертами должен обладать этический кодекс, чтобы оставаться в области морально-нравственной регуляции, не превращаясь в правовой свод? Для понимания этого вопроса стоит обратиться к различению морали и права, проведенному некогда В.С. Соловьевым. Данной проблеме целиком посвящена работа «Нравственность и право». Полагая означенные в заглавии феномены неразрывно связанными, философ в то же время выделяет три основных положения, лежащие в основании их различия.

В первую очередь отмечается несомненно больший объем нравственной сферы по сравнению с правовой. Ограниченность права обусловлена тем, что оно претендует лишь на достижение обязательного для всех минимального уровня нравственного состояния и не требует от человека большего. В то же время нравственная сфера безгранична по своей сути, так как предполагает постоянное стремление к идеалу.

Второе существенное отличие коренится во внепредметности нравственности и, соответственно, опредмеченности права. Собственно мораль не предписывает никаких конкретных действий по ее осуществлению (хотя и не запрещает их), тогда как закон «имеет своим предметом реальные внешние действия, совершение и задержанием которых этот закон удовлетворяется вполне» [9. С. 33].

Третий пункт говорит о том, что нравственность свободна в своих основаниях и не приемлет никакого принуждения, будь то физическое или психологическое, а реализация правовых положений на практике, в свою очередь, предполагает обязательное сопровождение означенных норм системой принудительных мер. Следовательно, этический кодекс имеет основания называться таковым, если, *во-первых*, он содержит не только «минимум морали», но и направляет движение индивида к высшим ценностям, а *во-вторых*, не подкреплен репрессивным аппаратом, то есть носит не обязательный, а рекомендательный характер. Пограничность же его проявляется в том, что он делает явными внутренние моральные установки, превращая их во всеобщий императив.

С этой точки зрения, многие из уже созданных и функционирующих кодексов, не являются подлинно этическими. Например, Принципы научной этики, разработанные и принятые Сенатом Общества Макса Планка (Германия) [10], являются обязательными для всех работающих в составе организации ученых. Кодекс регламентирует порядок действий, применимый при подозрении в нарушении научной этики; перечень поступков, квалифицируемых как нарушение научной этики и возможные санкции или последствия за ее нарушение. Наличие системы мер, начиная от дисциплинарного взыскания, заканчивая расторжением кон-

тракта, говорит о том, что этот свод близок к формальным правовым. Хотя составители и подчеркивают, что «окончательные решения должны приниматься с учетом обстоятельств каждого конкретного случая ... следует учитывать степень серьезности каждого доказанного нарушения научной этики», некоторая оценочная вариативность (свойственная, кстати, и системе правосудия), не дает кодексу преимуществ, обусловленных свободой как существенной чертой моральной сферы.

Распространено мнение, что резкая очерченность этического кодекса является следствием его разнородности: он может воплощать «мораль стремления» либо «мораль долга» (часто на этой основе выделяют два уровня – нормативный и ценностный). Мораль стремления наиболее ярко выражена в нацеленности на совершенство, самую полную реализацию человеческих сил. Она закладывает базовые нормы, без которых упорядоченное общество невозможно. А. Смит для разъяснения подобного различия использует такой образ: мораль долга «можно было бы уподобить правилам грамматики»; мораль стремления – «правилам, установленным критиками для оценки изящества и совершенства произведения».

Правила грамматики предписывают, что необходимо для сохранения языка как инструмента коммуникации точно так же, как нормы морали долга предписывают, что необходимо для общественной жизни. Подобно принципам морали стремления, принципы хорошего письма «смутны, неопределенны и неизвестны и скорее представляют общие понятия о достоинствах, к которым следует стремиться, чем дают средства и правила их достижения» [11. С. 137]. Но уподоблять этические принципы научной деятельности правилам грамматики, хоть и ясным, но не несущим интерпретационного потенциала, значит исключить из нее субъекта, ученого – центральное, смысловое ядро, позволяющее науке оставаться источником знания, а не информации. Это приведет не к упорядочиванию морали, а к ее гибели. Науке необходим «эйдос норм» [12. С. 321], воплощенный не в технологических инструкциях, а в Кодексе этики Ученого.

Обратимся к точке зрения Н.А. Бердяева, утверждавшего, что идеал человека не может быть только профессиональным, это должен быть идеал личности. По его мнению, на смену прежним целостным идеалам мудреца, святого и рыцаря пришел

ряд дробных образов, складывающихся из множества узконаправленных интересов и умений, пронизанных духом буржуа, который знаменует собой победу социальной обыденности. Подобное положение вещей приводит к потере личностью своего основополагающего свойства, своей свободы, и вместе с тем индивидуальности под давлением внешней действительности. Помочь преодолению этой ситуации может только творческая самореализация. «Творческое признание человека может осуществляться в самых разных сферах и в разных профессиях и специальностях, но самый образ человека-творца не есть образ профессиональный, не есть образ ученого или артиста, политика или инженера» [13. С. 210].

Формирование свободной, творческой, и в то же время высокоморальной личности является процессом гораздо более сложным, нежели внешнее упорядочение взаимоотношений на основе этикетных и правовых норм. Отправной точкой в ее образовании могут стать университеты, в которых базовая профессиональная подготовка сопровождается преподаванием гуманитарных дисциплин, призванных донести до каждого будущего ученого идею ответственности перед наукой и обществом. Именно нравственная культура личности является ключевым звеном любой этической системы.

Итак, создание кодекса этики ученого, закрепляющего аксиологические основания научно-исследовательской деятельности, является не только важной и необходимой, но и достаточно сложной задачей. При ее решении необходимо учитывать ряд моментов, таких как: опора на существующие традиции и правила чести, выработанные в ходе естественного развития исследовательской практики; принадлежность кодекса сфере морали и нацеленность его на воплощение идеала; понимание динамики изменений современного мира и сохранение вариативности осуществления моральных установок; а также личностный характер, позволяющий превратить кодекс в индикатор нравственного самосознания субъекта научной деятельности. Означенные пункты не исчерпывают всего многообразия философско-методологических вопросов, встающих перед создателями этического свода, но могут стать основой для всесторонней детализации и более глубокого анализа данной проблематики на междисциплинарной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
2. Глобальная этическая обсерватория ЮНЕСКО // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2012. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/global-ethics-observatory/access-geobs/> (дата обращения: 20.01.2012).
3. Edward W. Lempinen Leaders at World Science Forum Seek New Era of Cooperation // Science. – 2011. – № 334. – P. 1659.
4. Declaration of the Budapest World Science Forum 2011 on a New Era of Global Science // World Science Forum. 2011. URL: www.sciforum.hu/declaration/index.html (дата обращения: 17.01.2012).
5. Пригожин А.И. Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 29–41.
6. Можейко М.А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Электронная библиотека Международного Центра Рерихов.

2010. URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 27.08.2010).
7. Аванесов С.С. Нормативность культуры // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всеросс. семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. VIII. – С. 12–15.
 8. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
 9. Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 190 с.
 10. Нормы научной этики общества Макса Планка // Наука в Сибири. – 2002. – № 4–5. – С. 8.
 11. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 352 с.
 12. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.
 13. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 382 с.

Поступила 26.01.2012 г.

УДК 001.2

ТОТАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Показано изменение статуса коммуникации в современном обществе на основании все более популярного понятия «симуляция», направленного на создание искусственных потребностей в рекламе и положительного политического облика баллотирующегося на тот или иной пост кандидата. Было обнаружено, что вместо ожидаемого диалога рождается тотальная манипуляция, имеющая целью скрыть действительность под маской ожиданий.

Ключевые слова:

Общество, коммуникация, искусственная потребность, тотальная манипуляция.

Key words:

Society, communication, artificial demand, total manipulation.

Современная культура акцентирует внимание на исключительном статусе коммуникации и коммуникативных технологий в обществе. Широко распространён термин «взрыв коммуникации», который переносит акцент на управление, организацию коммуникативных процессов. Коммуникация (лат. *communication* – сообщение, передача) представляет собой действие, сознательно ориентированное на его смысловое восприятие. Суть коммуникации состоит в том, что участники коммуникативного процесса, владеющие нормами семиотической системы, стремятся осмыслить информацию, выражающую смысл ситуации в элементах определенной семиотической системы, а так же мотивы и цели, определяющие характер, смысл и направленность данного процесса, и наконец, сам процесс передачи информации.

В рамках философских исследований языка и знаковых структур было радикально трансформировано понимание природы коммуникации, возникли новые подходы к ее исследованию и организации. Так Н. Луман, обращаясь к проблеме коммуникаций, вводит понятие «саморференции» как того, что определяет тождественность системы через отношения между ее элементами; только внутри системы может быть установлено, что к ней относится, и что ей принадлежит [1]. Коммуникация предстает в таком подходе как ограничитель, допустимый в системе отношений. Понятие коммуникации у Н.

Лумана тождественно определению социального: с помощью коммуникации система выделяет себя из среды и отличается от всего, что не является коммуникацией, она служит и элементом, и операцией системы, коммуникация о коммуникации создает самописание общества и одновременно воспроизводит его. Для того чтобы коммуникация могла заниматься сама собой, она должна быть достаточной степени сложности, язык же обеспечивает структурное соединение коммуникации и сознания. В данной интерпретации можно обнаружить базовую характеристику тотальности коммуникации, которая даже без учета глобальных культурных изменений современного общества, всегда присутствовала в обществе: это ее социальные корни (ведь задача коммуникации воспроизводить имеющуюся структуру, а это даже в большей степени присуще первобытному строю, где воспроизведение одних и тех же культурных стереотипов воспринималось как должное) и языковая природа, а язык сам по себе является тотальностью по отношению к человеку, потому что его структура и содержание определяют осмысление субъектом себя и окружающего мира. Коммуникация при таком подходе оказывает то же влияние на человека, что и тоталитарный режим, задавая влияние на всех уровнях его бытия. Однако современная коммуникация выстраивается на более сложных и неоднозначных основаниях, которые следует изучить, прежде чем что-то утверждать.

Ю. Хабермас рассматривает коммуникацию в качестве базового социального процесса, как повседневную практику людей, и считает процессы коммуникативной рационализации в качестве структурирующих общественность. Автор полагает, что развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация лежат в основе современного гражданского общества [2]. В своих рассуждениях Ю. Хабермас исходит из того, что важная в основе европейского мышления субъект-объектная оппозиция обуславливает в качестве типового и субъект-объектное «извне деформирующее» отношение к миру. В этой связи он указывает на необходимость переориентации на принципиально субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением. Эта структура трактуется им не как социальное взаимодействие, а как глубинная содержательная коммуникация в личностно значимой ее артикуляции. Ю. Хабермас полагал, что формы «коммуникативного поведения», отраженные в коммуникативных практиках, не могут быть выражены структурами социальных институтов современного общества, так как они сконцентрированы вокруг технических вопросов, что порождает разорванность сферы подлинности реального жизненного мира и системы легитимации и институционализации современного общества. Свобода, выступающая одним из культурообразующих принципов современного общества, порождает перенос акцентов на культуру, переориентацию ее приоритетов со сферы отношений человека, выстроенных в режиме «субъект-объект» и задающих соответствующий деформированный и одновременно деформирующий стиль мышления, на сферу межличностных коммуникаций, обладающих диалогичной природой. Этот процесс по Ю. Хабермасу связан с «коммуникативной рациональностью» в основании которой лежит субъект-субъектная структура. Мыслитель разрабатывает концепцию дискурса как специальной формы речевой коммуникации, основанной на рефлексивном диалоге, в котором «коммуникативное поведение» реализует себя в актах интеракционизма, основанных на проявлении смыслов. В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас [2, 3] настаивает на том, что лишь в освобожденном обществе, реализовавшем разумность своих членов, коммуникация могла бы развиваться в свободный от принуждения диалог всех со всеми, который является примером как взаимного формирования самотождественности, так и идеи истинного согласия.

В данной концепции проявляется новое видение коммуникации не как односторонней передачи какой-либо информации, нацеленной на воспроизводство социальной структуры, а как способа взаимодействия субъектов, нацеленного на формирование качественно иной социальной действительности. И хотя налицо значительная трансформация подходов к пониманию рассматриваемого феномена, влияние его на общество остается то-

тальным, меняется лишь его структура. Ведь даже субъект-субъектный диалог, дискурс должны охватывать «человека в целом», а не отдельные его части для того, чтобы были возможны трансформации его внутреннего мира. Однако, вместо положительного воспроизведения общественных взаимоотношений, обнаруживаемого в теории Н. Лумана, в теории Ю. Хабермаса находит отражение идея искусственного изменения окружающей среды, основным средством которого выступает коммуникация, которая базируется на тотальности языка, представления о котором в современных философских направлениях полностью меняются.

Во времена Соссюра язык представлял собой систему знаков, где смысл знаков становился понятным благодаря изучению отношений между знаками в системе. Особое значение придавалось бинарным оппозициям. Язык воспринимался как объективное упорядоченное целое, способное выразить истину, то есть мир таким, каков он есть. В этом смысле не язык являлся тотальностью для человеческого сознания, а мир, который через него проговаривался. В постструктурализме ситуация кардинально меняется: язык и знак воспринимаются как объективно существующее пространство, не связанное ни с человеком, ни с действительностью. Знак при таком подходе превращается в фикцию, это лишь иллюзия, он выступает полной противоположностью самому себе, так как не указывает на какой-либо предмет или смысл, а, наоборот, на его отсутствие. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулякр, маскирующий отсутствие актуального смысла, и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации. Он превращается в след любого явления, так как не имеет никакого отношения к предмету. Да и весь язык уже не представляется строгой системой порядка. Он становится воплощением беспорядка и нестабильности, он метафоричен. Язык и текст приобрели самостоятельное значение, представляя собой способ упорядочения бытия согласно правилам, задаваемым культурным дискурсом. Все это привело к пониманию текста как к закодированной, образно или символически выраженной информации. На первый план вышел вопрос о взаимоотношениях текста и способах его прочтения.

Постструктуралисты, согласно И.П. Ильину [4], отрицают возможность единственно правильной интерпретации текста и отстаивают тезис о неизбежной ошибочности любого прочтения. Подобная ошибочность, возникающая из-за чрезмерной власти языка и наслаивания одного текста на другой через цитирование, подробно описывается Ж. Деррида, который рассматривает толкование текста как навязывание ему читателем своего собственного смысла, который может кардинально отличаться от реально заложенного. В то же время само интерпретирующее «Я» понимается Ж. Деррида как своеобразный текст, «составленный» из культурных систем и норм своего времени, и, следовательно, способность к интерпретации

со стороны этого «Я» заранее ограничена исторической обусловленностью его норм и систем. При этом мыслитель настаивает на том, что объективная интерпретация текста невозможна еще и потому, что невозможно отыскать «предшествующую» любому «письму» первоначальную традицию, поскольку любой текст, даже самый древний, обязательно ссылается на еще более ветхое предание и так до бесконечности. А потому любое «письмо» или любой культурный текст для Ж. Деррида никогда не является простым средством выражения истины. И в таком понимании язык и текст приобретают самодовлеющий характер, исключая субъект из процесса коммуникации, что порождает, в свою очередь, его уничтожение в том или ином виде.

Это проявляется в становлении и развитии нового вида власти – власти информационной, основанной на тотальности коммуникации. Ведь если исходить из постструктуралистской позиции, задача любого коммуникативного действия – создать коннотативную реальность, скрыть любыми путями реально существующую социальную структуру, и даже саму природу человека от него самого. В своем рассуждении о симуляции Ж. Бодрийяр [5] говорит о фундаментальной основе человеческого «Я», о его потребностях, которые с помощью умелой рекламы создает искусственные потребности. Задача современной коммуникативной технологии заключается в том, чтобы сформировать общество потребления, где из всего набора представленных товаров и услуг действительно необходимым является относительный минимум. И в этом смысле массовые информационные технологии действуют опять по аналогии с тоталитарными режимами: будучи тотальными сами по себе (ведь вне языка и взаимодействия субъектов общество существовать и воспроизводиться не может), они задают определенную направленность жизни человека на всех уровнях его бытия. Выходя за рамки описательности в отношении окружающего мира, они берут на себя функцию создателя, в основе созданного мира лежит фундаментальная идея – сокрытие истинного состояния вещей.

Именно в связи с этим возникает вопрос взаимодействия тотальной коммуникации и власти, которая преобразуется под натиском значительных культурных изменений. Власть по природе своей стала коммуникативной, и именно коммуникативная онтология социальности предполагает понимание власти как ориентированной на реализацию интересов, отраженных в коммуникациях. Власть обращается к миру повседневности, что порождает манипуляционную природу власти, взамен стандартной силы и принуждения. Следует отметить, что в данном случае речь идет не только и не столько о политической, сколько об информационной власти, которая во многом возникает и расширяется благодаря разрушению традиционных связей, основанных на традиционной коммуникации, на-

правленной на сохранение социальной целостности рода, религии, семьи. Коммуникационная революция трансформировала и статусную роль масс-медиа, вызвав небывалый по масштабу рост «Я-формирующих» технологий. Существенным свойством информационной власти является специфика ее воздействия посредством целенаправленного распространения (или блокирования) определенных сведений, информации, что не воспринимается как внешнее принуждение. «Четвертая власть» проявляет себя через управление коммуникациями, их содержанием, направленностью посредством информации; она отличается от обычного информационного влияния интенсивностью, высокой степенью контроля за поведением реципиента, хотя грани между собственно властью и влиянием относительно размыты. Особую роль в реализации манипулятивного потенциала информационной власти играют политические коммуникации, взаимодействие по поводу реализации коллективных интересов с помощью государственной власти. При этом влияние информационной власти на политическое поведение выражено либо в побуждении к действиям, либо через блокирование действий политической оппозиции.

Резюмируя, следует отметить, что коммуникации, обладая исторически сложившимся тотальным характером, обретают в современной культуре качественно иной облик, приобретая общие черты с тоталитаризмом, который, однако, качественно отличается от политического. Объединяет их общее стремление создать новое идеальное будущее путем тотального контроля над человеком. Однако при детальном анализе обнаруживаются существенные расхождения. Тоталитаризм стремится сконструировать так или иначе идеальный мир, задача же современных коммуникаций – скрыть истину, ибо единственный человек, который должен в конечном итоге стать счастливым, – это заказчик.

Необходимо также отметить, что сама по себе коммуникация предполагает взаимодействие, основанное на социальной природе человека. А взаимодействие, в свою очередь, должно основываться в идеале на равноправии субъектов, в нем участвующих, но именно этого не обнаруживается в современном глобальном коммуникационном процессе, направленном (хотя и не из единой властной точки, а из их множественности) на субъекта в виде набора манипулятивных технологий, формирующих выгодный для крупных финансовых корпораций и политических властей образ действительности. Действительность же эта по отношению к человеку тотальна. Однако от тоталитарного режима ее отличает то, что эта реальность направлена не на отсечение потребностей, не на их ослабление (без жертвы настоящего не может быть великого будущего, к которому призывают строители тоталитарных режимов), а на создание бесконечного числа новых потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. – М.: Наука, 1989. – 189 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 264 с.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – СПб.: Наука, 1998. – 254 с.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 253 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.

Поступила 24.10.2012 г.

УДК 130.2

РЕЛИГИЯ, СВОБОДА СОВЕСТИ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ МИРЕ

Т.П. Минченко

Томский научный центр СО РАН

E-mail: tpm80@mail.ru

Выделены основные подходы к пониманию постсекулярного как нового пространства, связанного с преобразованием прежнего деления на светское и религиозное. Исследовано влияние компьютерных технологий, включая Интернет, на трансформацию религиозности. Выявлены типы религиозно обусловленных пространств в виртуальном мире и крайние позиции в обосновании места и роли религии в киберпространстве. Показана роль принципа свободы совести как условия подлинности существования.

Ключевые слова:

Постсекулярный мир, религия, киберпространство, свобода совести.

Key words:

Postsecular world, religion, cyberspace, freedom of conscience.

Предметом исследования является то, какие качественно различные типы существования религии в киберпространстве можно выделить, и какова роль принципа свободы совести в связи с развитием высоких технологий в условиях новой постсекулярной реальности.

Прежде всего, необходимо обозначить культурный контекст, в пространстве которого происходит трансформация религии. Это связано с выявлением характеристик постсекулярного мира с различных мировоззренческих позиций.

Особенностью современного глобализирующегося мира является то, что секуляризация более не воспринимается как основополагающая закономерность развития современного общества. Для описания новой реальности предлагаются понятия «постсекулярности» и «десекуляризации» [1–4 и др.].

Специфика нового этапа развития общества в том, что прежнее разделение на секулярное и сакральное качественно меняется, поскольку происходят значительные изменения как в характере светской, так и религиозной культуры. Новая реальность постсекулярного как феномен постклассического мира, проникает в сферу светского и религиозного, проблематизируя их различие.

Согласно ведущему американскому социологу и политологу С. Хантингтону, десекуляризация мира является одним из доминирующих социальных явлений конца XX в. [5. С. 35] и представляет собой обратную сторону процесса глобализации, связанную с тенденцией возрождения религиозно-

сти в мире, хотя еще недавно были широко распространены представления об изживании религии в связи с прогрессом науки и технологий.

Постсекулярный мир можно определить как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерны, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX в., упрощением религиозности до образа жизни и приходом конструктивной светскости на место антирелигиозной. Вместе с тем, содержание понятий с приставкой «пост-» достаточно условно, они не определяют явления, а скорее метафорически на них указывают. Является ли постсекулярность чем-то противоположным секулярности (антисекулярностью), либо отличным от нее (несекулярностью, что тоже не является логически корректным термином, поскольку отрицательное понятие указывает лишь на то, чем не является предмет и не содержит положительных качественных характеристик), постсекулярностью, либо возвратом к сакрализации или чем-то другим? Современные исследователи не дают однозначного ответа на вопрос о содержании понятия постсекулярности.

Несмотря на отсутствие общепринятого определения «постсекуляризма», научное сообщество согласно в том, что современный этап развития общества связан с формированием нового типа отношений между секулярным и религиозным сознанием. Если в секулярном обществе недавнего прошлого эти отношения были основаны на домини-

ровании светской идеологии, а религиозное сознание трактовалось как эволюционное прошлое общества, значение которого по мере социального прогресса уменьшается вплоть до полного исчезновения религии, то постсекулярная культура связана с формированием новой конструктивной установки по отношению к религиозному сознанию как имманентной составляющей общественного сознания, которая не исчезает по мере развития общества, а лишь меняет формы выражения, а также с формированием равноправного диалога светского и религиозного. В современном секулярном мире религия трансформируется и в очередной раз меняет свое место и роль в структуре общества.

Среди многообразия пониманий постсекулярного можно выделить подходы, связанные с исследованием динамики религиозного и секулярного в западном мире и с представлениями западных ученых о реальности, имеющей место в незападных обществах. В рамках одного подхода «постсекулярное» трактуется как новая стадия развития культуры, пришедшая на смену секуляризму [2, 3, 6], в рамках второго – как механизм внутри секулярной идеологии, вводящий в современное общество религию [7], с позиций третьего подхода в постсекулярном мире «светский Запад вынужден иметь дело с отнюдь не светскими режимами и культурами» [5].

Одними из первых феноменов постсекулярности и ценностные изменения западной цивилизации конца XX в., сопровождающиеся усилением религиозной ангажированности, исследовали П. Бергер и Ю. Хабермас. Мыслители, в недавнем прошлом придерживающиеся тезиса об уменьшении роли религиозного мировоззрения в условиях секуляризации: «Те, кто продолжают придерживаться универсума, определенного религиозными традициями, оказываются в положении когнитивных меньшинств» [8. Р. 127], приходят к мнению об ошибочности этого тезиса [9], необходимости нахождения ответов на вызовы нового времени и признания начала новой постсекулярной эпохи [10]. Эти процессы тесно связаны с кризисом культурных установок и ценностей модернизма, лежащим в основании просвещенческой парадигмы европейской культуры.

В понимании Ю. Хабермаса «постсекулярное» описывает современную ситуацию западного общества, в котором секуляризация и принцип светскости достигают своей завершенности, и более нет необходимости в секуляризме как антирелигиозной идеологии. В то же время присутствие религии в публичной сфере становится общепринятой нормой и существует необходимость формирования равноправных условий для религиозных меньшинств.

Руководитель Центра постсекулярных исследований при Лондонском столичном университете Майк Кинг также связывает «постсекулярное» с завершением доминирования секуляризма как анти-

религиозной идеологии, но новое состояние духовности понимает как синтез секулярного и религиозного. Основными характеристиками постсекулярного являются: возрождение интереса к духовной жизни и снятие светской подозрительности к духовным вопросам; признание того, что светские права человека на свободу самовыражения являются непременным условием для обновления духовных запросов; духовный и интеллектуальный плюрализм и бережное отношение к лучшему во всех духовных традициях Востока и Запада, в то же время признавая, что иногда «во имя религии» люди подвергаются репрессиям [11].

Теологи, например, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI) или Дж. Милбанк, связывают постсекулярное с обновленной христианской гегемонией, обеспечивающей диалог с иными религиозными практиками [4, 6].

К. Штекль, критикуя и отвергая понимание постсекулярного в смысле «десекуляризации», то есть отступления в состоянии, предшествующее современности («модернити») и понимание в смысле «послесекуляризации», то есть перехода к режиму, возвращающему общество вновь к господству религии, предлагает трактовать «постсекулярное» как условие сосуществования секулярного и религиозного, их принадлежности к одному и тому же времени [12].

Из приведенных примеров следует, что содержание понятия «постсекулярное» требует своего дальнейшего исследования и прояснения. Предварительно «постсекулярный мир» можно определить как пространство, в котором религии вновь начинают занимать значительное положение в современном глобализирующемся обществе. Но смысл этого нового положения и возможные последствия возрождения обновленной религиозности, трансформации секулярности и новых взаимоотношений секулярного и религиозного являются исследовательской задачей.

Новая религиозность эпохи постсекулярности имеет как конфессиональный, так и внеконфессиональный характер, что является характерной особенностью постмодернистской эпохи с её толерантностью и склонностью к синтезу разных культурных пространств. Секулярная культура постепенно уступает место постсекулярности, связанной не столько с восстановлением власти религии, сколько с распространением ее гражданской роли.

Размывание понятия религии, размывание границы между религиозным и нерелигиозным сознанием, а также формами его проявления в социуме является еще одной проблемой требующей серьезного научного анализа. В зарубежном и в последнее время в отечественном исследовании религии все активнее идет осмысление подобных религиозных феноменов, например гражданской религии (*civil religion*) – понятие, введенное социологом Р. Белла для анализа новых явлений в США или секулярная религия (*secular religion*), рассматриваемая некоторыми исследователями как понятие более широкого

объема по сравнению с понятием гражданской религии; квазирелигия (*quasi-religion*) – термин П. Тиллиха, обозначающий некоторые современные идеологии; функциональные заменители религии (*functional alternatives*) – исследовались Р. Мертоном; мировоззрения (*worldviews*) – понятие, введенное Н. Смарттом как предмет религиоведения. Эти феномены по некоторым признакам подобны религии, вместе с тем, не являются ей. Таким образом, в западном религиоведении отсутствует единая система трактовки религиоподобных явлениях, но так как современные исследователи не могут игнорировать новые секулярные, подобные религии феномены, необходимость выведения понятий, описывающих новую реальность, очевидна.

В отечественной науке исследование данных явлений только начинается. С одной стороны, развиваются концепции зарубежных авторов, но зачастую дается иная оценка религиоподобных феноменов. Так, например, И.Н. Яблоков отмечает, что такие формы современной культуры как игровые религии, интернет-религии, «религия коммерции» и другие обычно именуют «квазирелигиями» [13. С. 202]. К таким явлениям ряд ученых относит и кибер-религию [14–16], связывая это понятие с проблемами существования религии в киберпространстве (Киберпространство (англ. *cyberspace*) – виртуальная реальность компьютерных сетей, представляющая ноосферу. Понятие впервые введено в 80-х гг. XX в. канадским писателем-фантастом У. Гибсоном в новелле «Сожжение Хром» («Burning Chrome») и популяризировано в романе «Нейромант» («Neuromancer»).), онлайн-церквями и другими аспектами взаимодействия религии и Интернет. Виртуальные миры и новые технологии играют существенную роль в создании новой постсекулярной реальности.

Научные, технологические, информационные и иные революции второй половины XX в. значительно изменили сознание людей. Кардинальные преобразования в массовом сознании, наряду с развитием компьютерных технологий, в большой степени укрепили релятивистский подход, размывая грань между реальностью и виртуальностью. Возможности создания иллюзорных миров, практически неотличимых от действительности, с помощью кибертехнологий многократно увеличились. Одной из разновидностей реализации этих возможностей является формирование новых религиозных феноменов в киберпространстве.

Кроме того, одной из существенных особенностей современного развития является то, что интенсификация внедрения высоких технологий в повседневную жизнь сопряжена с кризисными явлениями в традиционных религиях, широким распространением «религий Нового века» [17], трансформацией религиозной идентичности и появлением новой религиозной формации, содержанием которой является обожевление киберпространства [15. Р. 349].

У истоков формирования религиозного отношения к высоким технологиям в последнюю четверть XX в. стояли многие религиозные новаторы. Один из авторов идеи о том, что компьютерные технологии открывают новые возможности религиозной жизни и культуры, Т. Лири еще в 80-е гг. прошлого века пишет о креативных способностях этих технологий, благодаря чему человек становится подобным Творцу, создавая в киберпространстве новые миры и беспрепятственно перемещаясь в пространственно-временном континууме. По мнению Т. Лири, это ведет к изживанию традиционных религий, давая человеку возможность реализовать свою подлинную религиозность. Главным стимулятором ее воплощения становятся киберделики, а результатом является «язычество высоких технологий» [18].

В 90-е гг. в западном обществе начинает формироваться культ высоких технологий, на что повлияли не только создатели виртуальной реальности, но и производители компьютерных новинок. В религиозном контексте компьютерные технологии не только обретают новый смысл, но и становятся необходимым инструментом творения. Создается новая мифология, образы новых гуру, и появляются люди, способные творить при помощи компьютерной клавиатуры.

В настоящее время появляются первые типологии религиозно обусловленных пространств в Интернете [14, 19]. Если определять взаимоотношения религии и киберпространства в целом, то для религии киберпространство является, в первую очередь, средой существования. При этом можно выделить два типа форм бытия религии во Всемирной сети по критерию отношения религии к этой специфической среде обитания.

Первый тип образован религиозными электронными ресурсами, возникшими вне киберпространства, и выступает виртуальным отражением реальной религиозной жизни различных конфессий [20–22]. Подобные формы цифровых ресурсов представляется не совсем корректным отнести к новым формам кибер-религии (*cyber-religion*), поскольку здесь не формируется новое вероучение или культ, не возникает новый религиозный социальный институт. Это не новая религия, а скорее новая форма презентации существующей религии, и Интернет выступает здесь дополнительным видом коммуникации.

Другой тип религиозности представляют вероучения, созданные и существующие только в киберпространстве. С позиции этих учений компьютерные технологии наделяются свойствами священных объектов или божественных сущностей. Особенностью кибер-религии как самостоятельной религиозной формы является то, что виртуальная реальность в Интернет рассматривается как высшая реальность, доминирующая над обыденным существованием. В российском Интернете, в «Манифесте кибер-веры», эволюция религиозных форм и современные ориентиры представлены следующие

шим образом: «Боги древних – это в основном боги плодородия и боги войны. Потом люди стали поклоняться Богу Любви. Кибер-Бог – это Бог познания. Возможности, которые дает для познания киберпространство, неограниченны, как неограниченно и само это пространство. Более того, о киберпространстве можно говорить как о «последнем бастионе бога», потому что, в отличие от космоса, человек никогда не сможет в него проникнуть в своей физической форме. ...Оставьте свой след в киберпространстве – и вы будете одарены вечной виртуальной жизнью» [23]. Странниками кибер-религии подчеркивается онтологический статус киберпространства. Они обосновывают объективное существование виртуальной реальности (а не в сознании человека или в компьютере), компьютеры являются лишь средством проникновения в это пространство.

В то же время в Интернете существуют и иронические реакции на обожествление киберпространства, например «Сетеизм» (*?etism*): «Вначале была Сеть Изначальная. Сеть Изначальная была Единое, и был это Виртуальный Бог. ...Истинно говорю Вам! Вошедшие в Сеть и осознавшие себя элементами Сети Изначальной спасутся. Спасение в преодолении актуальности нашего мира. Да пребудет через Вас Сеть Изначальная!» [24].

По поводу места и роли религии в киберпространстве существуют различные мнения: от техномистицизма, который определяется как «вера в универсальную силу технологии» [15. Р. 346], до кибернетического пессимизма, негативно оценивающего Интернет и развитие человечества по пути технического, а не органического прогресса. Этот подход рассматривает погружение в виртуальную реальность как форму бегства от реального мира с его действительными проблемами; Интернет и другие технические достижения, вместо объединения людей, в итоге ведут к изоляции пользователей и имитации человеческих отношений, в том числе и религиозных. Философской основой данной позиции могут выступать идеи отечественного мыслителя М. Мамардашвили об антропологической катастрофе, связанной с имитацией существования [25], или идеи Ж. Бодрийяра, критикующего век «гипер-реальности», который... представляет собой только подобия, копии, которые заменили ныне утерянные реальные подлинники» [26. Р. 333].

Независимо от различных подходов к оценке существования религии в киберпространстве, авторы сходятся в том, что благодаря развитию компьютерных технологий их влияние на религию и трансформацию религиозных форм заметно усиливается.

В конце XX – начале XXI вв., в эпоху интенсивного развития науки и техники, характеризующейся появлением все новых возможностей в области информатизации и значительным ростом числа пользователей Интернет, с одной стороны, и процессов десекуляризации, с другой, мы наблюдаем

не только использование результатов научно-технического прогресса верующими для сохранения, презентации и развития религии, но и конструирование новых религиозных форм, непосредственно связанных с развитием высоких технологий.

В этой связи возрастает актуальность принципа свободы совести, содержательным основанием которого выступает мировоззренческая идентичность, как условия сохранения подлинности человеческого существования. Поскольку за системой ценностей и норм каждой культуры стоит определенная идеология (религиозная или светская), при обосновании принципа свободы совести в постсекулярную эпоху мы приходим к осознанию необходимости переосмысления мировоззренческих и идеологических оснований этого понятия. Поэтому для нахождения критерия демаркации реальной и виртуальной действительности необходима разработка понятия мировоззренческой идентичности, как одного из стержневых понятий, связанных с пониманием природы человека и его места в обществе и мире. Это, в свою очередь, приведет к новому пониманию содержания принципа свободы совести в постсекулярном мире.

Сложносоставная свобода мысли, совести и религии является системообразующим и основополагающим правом в системе прав человека, связанным с удовлетворением мировоззренческой потребности, реализация которой формирует мировоззренческую идентичность и даёт смысл жизни на основе свободного выбора. В содержание этой мировоззренческой свободы входит право индивидуально или совместно с другими свободно формировать, выбирать, менять, распространять свои убеждения и действовать в соответствии с ними, не ущемляя свободы других людей.

Выводы

Вопреки широко распространенным в недавнем прошлом представлениям об изживании религии в связи с прогрессом науки и технологий, современное постсекулярное общество можно определить как пространство, в котором религии вновь начинают занимать значительное положение, вместе с тем, меняя свои формы. Роль и место религии в связи с развитием высоких технологий и Интернет неоднозначны. Существуют качественно различные типы бытия религии в киберпространстве: первый тип связан с новой формой представления уже существующих религий, второй – с религиями, созданными и существующими только в виртуальной реальности компьютерных сетей. Технический прогресс предоставляет, с одной стороны, дополнительные возможности свободного творчества, а, с другой – существует опасность потери этой свободы вследствие ухода из реального мира в пространство, связанные с имитацией реальности. Это актуализирует проблему свободы мировоззренческого самоопределения и принцип свободы совести как демаркатор подлинности бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Peter Berger and the Study of Religion / Ed. by L. Woodhead. – L.-N.Y.: Routledge, 2001. – 216 p.
2. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. – 2004. – № 120 // Журнальный зал в РЖ. «Русский журнал». 2004. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html> (дата обращения: 10.01.2011).
3. Морозов А. Наступила ли постсекулярная эпоха? // Континент. – 2007. – № 131 // Журнальный зал в РЖ. «Русский журнал». 2007. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/131> (дата обращения: 10.01.2011).
4. Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным // Континент. – 2008. – № 136 // Журнальный зал в РЖ. «Русский журнал». 2007. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136> (дата обращения: 12.01.2011).
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
6. Милбанк Д. Политическая теология и новая наука политики // Логос. – 2008. – № 4. – С. 33–54.
7. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 144 с.
8. Berger P. Secularization and the Problem of Plausibility // Berger P. The Social Reality of Religion. – L.: Faber, 1967. – P. 127–154.
9. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. by P. Berger. – N.Y.: Eerdmans, 1999. – 143 p.
10. Habermas J. Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity / Ed. by E. Mendieta. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 176 p.
11. King M. Postsecular contexts // Mike King. Postsecular. Jnani 2011. URL: <http://www.jnani.org/postsecular/contexts.htm> (дата обращения: 03.05.2011).
12. Штёкль К. К определению «постсекулярного» // Институт синергийной антропологии. 2011. URL: <http://synergia-isa.ru/?p=5863> (дата обращения: 11.03.2011).
13. Яблоков И.Н. Философия религии. Актуальные проблемы. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 248 с.
14. Karaflogka A. Religious Discourse and Cyberspace // Religion. – 2002. – № 32. – P. 279–291.
15. Maxwell P. Virtual Religion in Context // Religion. – 2002. – № 32. – P. 343–354.
16. Lovheim M. Rethinking Cyberreligion? // Nordicom Review. – 2008. – № 2 (29). – P. 205–217.
17. Митрохин Л.Н. Религии «Нового века». – М.: Советская Россия, 1985. – 157 с.
18. Лири Т. Хаос и киберкультура // Библиотека психологической литературы. 2011. URL: <http://bookap.info/trans/lan-god/gl31.shtm> (дата обращения: 14.03.2011).
19. Helland Ch. Surfing for Salvation // Religion. – 2002. – № 32. – P. 293–303.
20. Русская Православная Церковь. Официальный сайт отдела внешних связей // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. 1997–2011. URL: <http://www.mospat.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
21. Islam.ru // Исламский информационный портал. 2011. URL: <http://www.islam.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
22. Буддизм // Ассоциация «Буддизм в Интернете». 1998–2011. 2011. URL: <http://buddhist.ru> (дата обращения: 15.03.2011).
23. Манифест кибер-веры // Виртуальный Вселенский Собор. 2007. URL: <http://www.kulichki.com/XromoiAngel/source/manifest.htm> (дата обращения: 15.03.2011).
24. Дацюк С. Сетеизм (Netism) // Сетевой журнал «XYZ». 2009. URL: <http://www.uis.kiev.ua/~xyz/netism.html> (дата обращения: 15.03.2011).
25. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – С. 107–121.
26. MacWilliams M. Virtual Pilgrimages on the Internet // Religion. – 2002. – № 32. – P. 315–335.

Поступила 03.05.2011 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭКОСИСТЕМ

М.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: mchubik@tpu.ru

Обосновывается необходимость формирования цивилизационного подхода, отвечающего новым потребностям человека и согласованного с новыми реалиями окружающей природы. Анализируются предпосылки экологической модернизации, ориентированной на создание производств, не разрушающих равновесного состояния экосферы, вписывающихся в ее естественные биогеохимические циклы. Утверждается тезис, согласно которому обозначенная модернизация является основанием гармонизации отношений в системе «человек–природа–общество».

Ключевые слова:

Устойчивое развитие, устойчивое равновесие, императивы устойчивости, человеческие экосистемы, экологический кризис, энвайронментализм, экологическая модернизация, экосфера, коэволюционный проект, ресурсные революции.

Key words:

Sustainable development, sustainable equilibrium, sustainability imperatives, human ecosystems, ecological crisis, environmentalism, ecological modernization, ecosphere, co-evolutionary project, resource revolutions.

Интерес аналитиков к проблематике устойчивого развития вызван исключительной актуальностью и жизненной важностью этой темы. Однако в литературе, как западной, так и отечественной, в настоящее время не существует однозначного ответа на вопрос о том, что такое устойчивое развитие. Так, О.К. Дрейер и В.А. Лось [1. С. 18] считают, что пока концепция устойчивого развития больше напоминает «философский камень» и «вечный двигатель».

Впервые понятие «устойчивое развитие» было использовано еще в 1980 г. Э. Бальфур и В. Джексоном в докладе «Всемирная стратегия охраны природы», подготовленном по инициативе ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), однако в обиход оно вошло после публикации в 1987 г. доклада «Наше общее будущее» (известного как «доклад Брундтланд»), подготовленного Международной комиссией ООН по окружающей среде. Авторы доклада «Наше общее будущее» представляли новую концепцию устойчивого развития как альтернативу развитию, основанному на неограниченном экономическом росте, и предлагали свое определение понятия «устойчивое развитие», которое трактовалось ими как развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, при этом, не ставя под угрозу, возможность удовлетворять свои потребности будущие поколения [2].

В изначальном понимании устойчивое развитие – это некая сверхзадача человечества, решение которой создаст равные возможности для благополучной жизни ныне живущих и будущих поколений [3. С. 36]. Однако конкретная формулировка этой сверхзадачи разными группами экспертов видится совершенно по-разному. Это связано с тем, что понятие «устойчивое развитие» применяется в различных областях человеческой деятельности, соответственно и его дефиниция имеет разные оттенки и трактовки. Само словосочетание «устойчивое развитие» является наиболее общепринятым

переводом английского словосочетания «sustainable development». Слово «sustainable» переводится как поддерживаемый, длительный, непрерывный, стабильный, сбалансированный, равновесный, жизнеспособный. Слово «development» имеет множество вариантов переводов на русский язык, такие как: развитие, разработка, создание, рост, расширение, усовершенствование, развертывание, проектирование, эволюция, улучшение. Учитывая данные особенности перевода, в русском языке не существует точного перевода данного словосочетания, собственно, также как и однозначной трактовки самого понятия [2].

Сегодня исследователям предложено обратиться к термину «устойчивое равновесие». Английский экономист Ф. Хан ввел в научный обиход этот конструкт и предложил следующую интерпретацию устойчивого равновесия: это состояние, в ситуации которого существующая в обществе экономика не формирует сигналы, которые заставляли бы общество менять принятые традицией формы и принятый в социуме курс действий [4. С. 207]. Пребывая в состоянии устойчивого равновесия, члены сообщества не узнают ничего нового, в результате чего их поведение становится рутинным и однообразным.

Специалисты используют в этом плане и смысле термин «ловушка устойчивого равновесия». В свое время в «ловушке устойчивого равновесия» оказались две древние цивилизации – Китай и Индия. Исследовавший эту проблему Д. Лал, американский экономист индийского происхождения, полагает, что здесь вследствие чрезвычайно интенсивного развития был создан сильный централизованный бюрократический аппарат, и достигнут более высокий, по сравнению с соседними цивилизациями, уровень жизни. Так, за несколько столетий до наступления нашей эры Индия со своей сложившейся кастовой системой, идеально соответствующей обществу устойчивого равновесия, успешно адаптировалась к окружающей среде, что явилось

предпосылкой и основанием угасания интереса к идее перехода от экстенсивного развития своей «органической» экономики к интенсивному росту «протемеевского» типа. Именно отсутствие этого интереса и обеспечило, считает Д. Лал, последующее доминирование Западного мира [5. С. 29].

«Устойчивое равновесие» возможно до того, пока окружающая среда не трансформируется радикально, и тогда возникает как необходимость приспособления к этой принципиально новой среде, так и необходимость выбора: отказ от традиционных представлений, лежащих в основании общества, трансформация традиций, позволяющая ответить на императивы эпохи.

Мы исходим из интерпретаций устойчивого развития как развития стабильного. При этом под стабильностью понимается способность системы функционировать в условиях равновесия и сохранять неизменной свою структуру. Основанием выступает следование императивам устойчивости — это система ценностных предпочтений, позволяющих обеспечить неизменность развития социума. Среди этих императивов должны быть названы императивы когерентности, толерантности, соборности, духовности, глобального мышления, а также интегративный, антропный, антиутопический и экологический императивы.

А.Д. Урсул считает, что по сути своей устойчивое развитие не может быть отождествлено с такими формами развития, как прогресс, регресс, нейтральное или однополосное развитие. Устойчивое развитие допускает трансформацию системы, не трансформирующую ее природу. Речь, таким образом, идет о так называемом «сохраняющем» развитии, в котором находит отражение безопасный характер перспективного существования человечества. В любой экологической системе, в которой протекают эволюционные процессы, существуют определенные пределы и условия, в которых может происходить прогрессивная самоорганизация, например, некоторый диапазон температур, давления или доз радиации. Эти условия и пределы, формирующие определенный «коридор безопасности», получили наименование «несущей емкости экосистем». Несущая емкость экосистем — это предел воздействия, за которым (если превышающие воздействия приобретают постоянный характер) в системе начинаются необратимые деграционные изменения, утрачивается способность так воспроизводить окружающую среду, чтобы ее характеристики оставались в приемлемых для живых организмов границах. Данное понятие определяет лимиты безопасной самоорганизации систем или, по крайней мере, их сохранения. По сути дела, в понятии несущей емкости экосистемы определяются границы коридора безопасного развития, которые в этом случае и считаются устойчивым развитием [6. С. 123; 7. С. 18].

Обычно под экосистемой понимают динамичный комплекс сообществ живых организмов и компонентов неживой окружающей среды, взаимодей-

ствующих как единое функциональное целое. Экосистемы, в состав которых входит человек, называются человеческими экосистемами [8. С. 998]. Люди, равно как и растения и животные, являются неотъемлемой частью той экосистемы, в которой они обитают, но при этом человеческие экосистемы обладают несколькими принципиальными отличиями от собственно природных экосистем. Человеческие экосистемы детерминированы деятельностью человека, которая определяется социальными системами и направлена на реализацию целей, имеющих в первую очередь социальное, а не биологическое основание. Однако необходимо осознавать, что законы, присущие природным системам, не теряют свою силу и для человеческих экосистем. Поведение любой экосистемы зависит от ее организации: ее видового состава, характеристик абиотической среды, истории развития. Некоторые из этих компонентов поддаются непосредственному контролю человека, другие — только косвенному, третьи, например климатические условия, вообще недоступны для вмешательства человека, четвертые могут быть просто неизвестны, что обусловлено огромной сложностью экосистем.

Человек изобрел множество способов взаимодействия с окружающей средой. Современное общество способно изменять природные экосистемы в соответствии со своими желаниями. Более того, оно может создавать новые искусственные экосистемы. Тем не менее, несмотря на то, что социум может создавать и поддерживать определенные типы экосистем в соответствии со своими потребностями, он не в состоянии изменить базовые экологические законы их функционирования, включающие, в том числе, и необходимость постоянно контролировать «ширину» коридора безопасного развития.

По мнению Д. Медоуза [9. С. 37], в настоящее время мировая система находится далеко за пределами роста, поэтому первоначальная идея о том, чтобы замедлиться и выйти на плато, больше не имеет смысла — нам нужно возвращаться вниз, в пределы устойчивости. Сейчас основная цель — обеспечить устойчивость самой системы, чтобы она не развалилась, и это требует совсем других моделей и других подходов.

Еще один «гуру мирового экологического движения» (так назвала его популярная индийская газета «Калькутта телеграф») — Л. Браун, основатель и президент Института политики Земли, полагает, что от человечества требуются самопожертвование и мобилизация, сравнимые лишь с тем, что мы видели во время второй мировой войны. Речь идет не о налаживании, починке действующего механизма, а о фундаментальных переменах, которые необходимо осуществить в кратчайшие сроки. Необходимы международные усилия по сохранению природной основы экономики: лесов, пастбищ, почвы, водных и рыбных запасов. Сейчас леса исчезают, рыбные запасы сокращаются, уро-

вень грунтовых вод снижается, запасы воды истощаются и так далее. Ни одна цивилизация не смогла выжить, разрушая свою природную систему поддержки, не сможет выжить и наша [10. С. 112].

«Прометеевское» интенсивное использование природных ресурсов не впервые ставит человечество перед опасностью их истощения. Развитие предыдущих цивилизаций наглядно продемонстрировало, к каким последствиям приводит противоречие между темпами использования ресурсов и их относительно истощенными запасами. Неолитическая революция – первый исторически зафиксированный кризис дефицита ресурсов произошёл примерно 10 тысяч лет назад и был кризисом перепромысла животных, когда в результате развития охоты произошло массовое снижение поголовья объектов охоты. Во многих регионах мира постепенно сложились предпосылки для революции общества охотников и собирателей, присваивающего природные ресурсы без сознательного их возобновления. Неолитическое общество вследствие резкого обнищания природных ресурсов вынуждено было перейти к принципиально новому типу хозяйствования, преобразующего окружающую природную среду, к производящему укладу, когда люди начали сами увеличивать биологические ресурсы, необходимые для питания.

Следующий кризис, который принято считать вторым антропогенным ресурсным кризисом, произошёл около 300 лет назад. Это был кризис перепромысла растительного материала, связанный с активным истреблением лесов. Выходом из кризиса стала промышленная революция, в ходе которой человечество начало интенсивное использование ископаемых минеральных источников энергии. Впрочем, далеко не все цивилизации сумели адекватно ответить на вызовы меняющейся окружающей среды. Гибель цивилизации майя не в последнюю очередь была обусловлена слишком интенсивной обработкой нестойких почв тропического пояса (гипотезу экологического исчезновения майя сформулировал О. Кук еще в 1921 г.; он объяснил упадок древней культуры кризисом системы подсечно-огневого земледелия).

Ключевой мерой, выработанной социумом для предотвращения нового экологического кризиса, и стала концепция устойчивого развития, согласно которой современный ресурсный кризис является выражением глубокого социального и экономического упадка и без проведения радикальных реформ общества вряд ли может быть решен. Значительная часть современного политического и научного истеблишмента уже осознала необходимость изменения стратегии развития: популярность «зеленых» политических партий в старой Европе и глобальное распространение политики энвайронментализма – это только один из фрагментов в калейдоскопе меняющейся картины мира.

Осознание тупика в дальнейшем наращивании материального потребления уже начало отражаться и на поведении людей [11. С. 4]. Распространяется

вегетарианство, дауншифтинг и, главное, началось коренное изменение поведения в сфере индивидуального потребления природных ресурсов. Крайними проявлениями такого сдвига являются радикальный антиглобализм, рост популярности лево-экстремистских движений, настаивающих на отмене капитализма.

Тем не менее, по мнению академика Н.Н. Моисеева [12. С. 226; 13. С. 183], человечество ожидает длительный и весьма трудный процесс совместного преобразования природы и социума, причем решающее значение в его деятельности будет иметь формирование цивилизации, отвечающей новым потребностям человека, согласованной с новыми реалиями окружающей природы. Сохранение современного мироустройства будет возможно только в том случае, если производственная деятельность людей поменяет свою основу. Предстоит новая модернизация, которую естественно назвать экологической, поскольку она будет ориентироваться на создание производств, не разрушающих равновесного состояния экосферы, то есть вписывающихся в ее естественные биогеохимические циклы. Наряду с технологической модернизацией человечеству предстоит создать новую культуру взаимоотношений с природой.

Н.Н. Моисеев утверждает, что возможности любых современных цивилизаций и соответствующие им «миропонимания потребителей природных богатств» близки к исчерпанию, а, может быть, уже и исчерпаны. При этом подчеркивается, что менталитет современного человека и многие характеристики его психической конституции уже не соответствуют его новым условиям жизни и должны быть изменены. В начале XXI в., несмотря на качественное изменение положения человечества в природе, человек сохранил то свое представление об окружающем мире, которое он имел в эпоху, когда ему приходилось охотиться на мамонтов.

Современное человечество стоит на пороге нового витка антропогенеза, подобного тому порогу, который человечество перешагнуло в конце неолита. Спрогнозировать, сможет ли человечество преодолеть эту бифуркацию и качественно изменить свой образ жизни, очень трудно. Но если ранее процесс утверждения новых форм жизни и формирования новой экологической ниши мог развиваться стихийно, то теперь, когда человечество владеет ядерным оружием и другими средствами массового уничтожения, такой стихийный процесс приведет практически к полному уничтожению человечества. В самом деле, утверждение новой экологической ниши будет сопровождаться борьбой за ресурс, жизненно необходимый людям. И трудно поверить, что в этой борьбе не будут задействованы все возможные современные средства, которыми располагает человек. Следовательно, стихии развития должна быть противопоставлена глобальная разумная стратегия [14. С. 41]. Один из основных тезисов, который отстаивает Н.Н. Моисеев, – это тезис о «единстве человека и биосферы». Ана-

лизируя понятие ноосферы, он склонен считать, что это не новая дополнительная сфера мира, а качественно новая эпоха в развитии планеты, в которой осуществляется коэволюция человека и биосферы, то есть такое развитие человечества, которое не нарушает стабильности биосферы, её гомеостаза, сохраняет необходимый для человечества эволюционный канал. Человеку предстоит изменить характер своей жизни и свое положение в биосфере — это постулат, к реализации которого люди должны быть готовы.

К концепции же устойчивого развития Н.Н. Моисеев относится достаточно скептически. По его мнению [15. С. 34], выражение «sustainable development» труднопереводимо на русский язык, и перевод этого термина как «устойчивое развитие» представляется неким лингвистическим нонсенсом, ибо устойчивого развития просто не может быть — если есть развитие, то стабильности уже нет. Однако, поскольку этот термин вошел не просто в обиход, но и в государственные документы, уже целесообразно отказываться от словосочетания «устойчивое развитие», но самому термину следует придать смысл, отвечающий научному содержанию проблемы и реальным потребностям общества.

На сегодняшний день альтернативы устойчивому развитию не существует, но реализация «устойчивой» стратегии является чрезвычайно сложной задачей, поскольку для этого требуется выработка новых научных и мировоззренческих подходов и радикальное изменение традиционных взглядов и ценностей. Впрочем, Л. Браун дает оптимистическую оценку перспективам построения общества устойчивого развития. Он считает, что в глобальном социуме уже наметился принципиальный перелом, и сейчас человечество вступило в новую энвиронментальную эру, сменившую эру экономического роста [10. С. 35]. Однако в реальности принципы устойчивого развития все еще содержат лишь идею и не формулируют конкретных решений или инструментов для достижения состояния устойчивого развития — пока речь идет лишь о постепенном прекращении нерационального использования природных ресурсов и декларировании необходимости создания и повсеместного внедрения теории и практики ресурсоэффективных и экологически безопасных технологий. Принципиального механизма, способного обеспечить переход от доминирующей пока еще «хищной» социально-экономической парадигмы к новому «зеленому» устойчивому обществу, пока не сконструировано. Это наглядно продемонстрировала последняя Всемирная конференция по устойчивому развитию «Рио+20», прошедшая летом 2012 г. в Рио-де-Жанейро и ставшая самым большим мероприятием в истории ООН. Саммит в Бразилии породил более одного миллиона печатных листов документов, но не предложил сколько-нибудь внятной траектории воплощения принципов устойчивого развития. В результате генсек ООН

Пан Ги Мун вынужден был отметить, что конференция всего лишь должна была принять решение о начале работы над целями устойчивого развития [16]. Страны-участницы мероприятия заявили о готовности продолжать путь к «будущему, которого мы хотим», в то время как руководители крупнейших экологических и общественных организаций утверждают, что будущее, описанное в итоговом документе конференции, никому не нужно.

Человечество замерло на выходе из «ловушки неустойчивого равновесия», не решаясь на коэволюционный проект, при этом игнорируя или выходящая большинство императивов устойчивости. «Ловушка неустойчивого равновесия» является прямой антитезой «ловушке устойчивого равновесия» Ф. Хана. В режиме неустойчивого равновесия экономика непрерывно порождает тревожные сигналы, направленные на модификацию или полное выключение традиций и привычного курса действий, но в ситуации отсутствия в социуме корневых традиционных представлений все изменения носят поверхностный и формальный характер. Вчерашний гурман становится веганом, портфельный инвестор работает барменом на Гоа, а футбольный фанат обсуждает в сети подрывные статьи У. Майнхоф и Х. Малера.

Современный мир меняется ежедневно, и в обществе с быстрыми темпами изменений, при которых члены социума постоянно узнают что-то новое, появляется иллюзия нестабильности, вследствие чего, согласно формуле Н.Н. Моисеева, «если есть развитие, то нет стабильности, а если есть стабильность, то нет развития», возникает иллюзия развития. В итоге разрушается основа концепции устойчивого развития, но система продолжает функционировать и поддерживать свою регулярно меняющую вывески структуру. При этом заложенное в матрице устойчивого развития требование сохранения гомеостаза биосферы не позволяет рассчитывать на радикальную трансформацию окружающей среды, адаптация к которой вынуждает глобальный социум интегрироваться в естественные биогеохимические циклы экосферы, изменить ценностные критерии и модели поведения в соответствии с требованиями нового времени.

Таким образом, очередной, желательный разумный и осмысленный шаг антропогенеза в энвиронментальную эру невозможен в рамках официально декларируемой стратегии устойчивого развития. Формированию новой культуры взаимоотношений с биосферой препятствуют сдерживающие механизмы «ловушки неустойчивого равновесия». Законы, присущие природным системам, не теряют свою силу и для человеческих экосистем. Границы экологического коридора безопасности для вида *Homo sapiens*, внутри которого возможно устойчивое развитие, постоянно сужаются. Так, Х. Свердруп, исследователь пика производства полезных ископаемых и составитель новой системной модели мира, анализирующей дефицит ресурсов в продолжение созданной группой Д. Медоуза мо-

дели «Пределы роста», в своих работах приводит конкретные данные [17; 18. С. 309]. В частности, первый пик производства железа, по его оценкам, произойдет в 2030 г., вторичный пик может произойти в 2060 г. в ответ на повышение цен и последствия глобальной рецессии. После этого железо станет дефицитным ресурсом, ценным металлом. Пик производства золота миновал уже в 2000 г. Для металлов платиновой группы пик наступит в 2020-е гг., для свинца, серебра, цинка – примерно в 2030-е гг., для меди, хрома, никеля, молибдена – в 2050-е гг., после чего наступит время истощения. Численность промысловых рыб за столетие уже уменьшилась втрое. Если говорить о лесе, то существует лишь три места, где возможно устойчивое использование ресурса: Канада, страны Скандинавии и Россия. В Индии, Бразилии, Индонезии, Африке ни о какой устойчивости речь уже не идет.

Сжатие несущей емкости человеческих экосистем продолжается, что в обозримом будущем может привести к захлопыванию «ловушки неустойчивого равновесия» и блокированию эволюцион-

ного канала формирования принципиально нового, рационального уклада организации человеческих сообществ. В этой ситуации процесс создания новой экологической ниши для человеческой популяции и культуры взаимодействия с окружающим миром вновь примет стихийный характер, и человечество окажется на пороге очередного «неолитического» переворота. Две предыдущие ресурсные революции – сельскохозяйственная и промышленная – были вынужденными. Так, голод, возникший в результате интенсивной охоты и, как следствие, дефицита крупных консументов, заставил первобытное общество заняться одомашниванием диких животных и земледелием. И здесь важно определить – способно ли человечество оценить результаты предыдущих кризисов и своевременно предотвратить приближение грядущего. В противном же случае к новой форме взаимодействия с окружающей средой общество заставят перейти болезни, голод, войны, этнические и религиозные конфликты, природные и техногенные катастрофы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 224 с.
2. Устойчивое развитие // Проект COSD.RU (the Concept Of Sustainable Development). 2011. URL: <http://www.cosd.ru> (дата обращения: 11.10.2012).
3. Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Сценарии перехода к устойчивому развитию // Экология и жизнь. – 2002. – № 5. – С. 36–38.
4. Hahn F.H. The Stability of Growth Equilibrium // Quarterly Journal of Economics. – 1960. – V. 74. – P. 206–226.
5. Лал Д.Л. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. – М.: Новое издательство, 2009. – 426 с.
6. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. – 2003. – Т. 39. – № 2. – С. 123–135.
7. Урсул А.Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 17–22.
8. Алексеев С.В., Пивоваров Ю.П., Янушанец О.И. Экология человека. – М.: Икар, 2002. – 768 с.
9. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. – М.: Прогресс, «Пангея», 1994. – 304 с.
10. Brown L.R. World on the Edge: How to Prevent Environmental and Economic Collapse. – N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011. – 327 p.
11. Гонтмахер Е.Ш. Модернизация России: цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 10. – С. 3–11.
12. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мир, 1990. – 376 с.
13. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Наука, 2001. – 252 с.
14. Моисеев Н.Н. В раздумьях о будущем. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 56 с.
15. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 223 с.
16. Добровидова О. Саммит «Рио+20»: будущее, которого хотят не все // РИА Новости. 2012. URL: <http://www.ria.ru/nature/20120623/679787921.html> (дата обращения: 14.10.2012).
17. Свердруп Х. Мир на пике: рассуждения об устойчивом обществе // Газета.Ru. 2011. URL: http://www.gazeta.ru/science/2011/12/28_a_3949529.shtml (дата обращения: 28.09.2012).
18. Sverdrup H.U., Ragnarsdottir K.V. Challenging the planetary boundaries II; Assessing the sustainable global population and phosphate supply, using a systems dynamics assessment model // IX International Symposium on the Geochemistry of the Earth's Surface (GES-9). – Boulder, Colorado, USA, 2011. – Applied Geochemistry. – V. 26. – P. 307–310.

Поступила 30.10.2012 г.

УДК 130.3

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Р.А. Мигуренко

Томский политехнический университет

E-mail: tatarova47@mail.ru

Выявляется сущность постнеклассических интерпретаций сознания, определяется явное или неявное наличие в них истин здравого смысла, и таким образом устанавливается связь основных положений рефлексивного сознания с установками естественно-го (нерефлексивного).

Ключевые слова:

Направление, установка, подход, парадигма, противоречия, методологический плюрализм, перспективы, здравый смысл.

Key words:

Direction, attitude, approach, paradigm, contradictions, methodological pluralism, prospects, common sense.

Здравый смысл — самоочевидные для обыденного сознания положения — является основой всех форм сознания. В гносеологическом аспекте здравый смысл представляет собой ненаучный метод познания и венаучный источник истинного знания в обыденной области. В структуре обыденного сознания здравый смысл выполняет функцию неформального критерия рациональности.

В отношении возможностей здравого смысла в решении проблемы сознания существуют различные позиции — от оптимистической до пессимистической. В основе первой — вера в эпистемологическую компетенцию здравого смысла, второй — сомнение в его «могуществе». Скепсис вызван рядом факторов: суждения здравого смысла противоречивы (их противоречивость обнаруживается на уровне совокупности), кроме того, суждения здравого смысла не имеют обоснования, некоторые из них построены на иллюзиях, обусловленных отсутствием на уровне обыденного сознания определённых знаний (например, о нейронных процессах в мозге). Кроме того, за пределами здравого смысла и языка находится ряд концептуально важных проблем и способов их решения, а фундаментальные установки здравого смысла в отношении сознания («установки по умолчанию»), имеющие разную природу (эволюционную, культурную), в своём безусловном выражении оказываются ошибочными. Эти обстоятельства обусловили попытки избавиться от навязчивого присутствия обыденного языка в обсуждении трудной проблемы сознания и замене его языком, приспособленным для описания ментальных состояний.

Философия признаёт истинность интуиций здравого смысла, однако философские положения могут не совпадать с ними, более того, противоречить им. Основная причина недоверия здравому смыслу со стороны философов — недоступность для философского анализа того в суждениях здравого смысла, что принадлежит сфере чувственно данного. Не поддающиеся рефлексии чувственно данные в суждениях здравого смысла делают философскую истину недостаточной обоснованной. И здесь мы замечаем, что согласно критерию «до-

статочная обоснованность» статус философского (рефлексивного) знания и статус интуитивных истин здравого смысла один и тот же — это знания, не имеющие достаточного обоснования.

Допустимость использования самоочевидных для обыденного сознания положений (его интуиций → истин → нормативов) в основополагающих философских суждениях основана на: 1) признании гносеологического потенциала здравого смысла; 2) допущении, что сопоставление (тем более совпадение) философских и обыденных истин позволяет: а) обыденному сознанию адаптироваться к философскому уровню понимания действительности и б) философским идеям быть воспринимаемыми на уровне повседневности.

Алгоритм решения проблемы сознания можно представить в виде структуры: «философская установка → концептуальный подход → общее методологическое основание исследования → конкретная методология → теория сознания». Явным или неявным инвариантом в этой структуре выступает здравый смысл. В решении проблемы сознания функционально здравый смысл может выступать как:

- 1) установка. Вневременность, внеконтекстуальность интуитивных по природе истин здравого смысла придаёт им статус нормативов — естественных установок к восприятию действительности;
- 2) специфический метод (нет принципов, нет правил, нет процедур применения) и результат (вероятностный, с точки зрения логического значения, и интуитивный, по характеру «участников» познавательного процесса: интеллектуальных чувств, эмоциональных переживаний и ценностей);
- 3) критерий оценки философского познания. В этом качестве здравый смысл — «лекарство» от спекулятивных схем на уровне теории — выполняет критическую функцию. Отсутствие противоречий между теорией и непротиворечивыми изначальными предписаниями здравого смысла на уровне установки есть относительный индикатор адекватности теории сознания.

Цель данной статьи состоит в выявлении сущности постнеклассических интерпретаций сознания и явного/неявного наличия в них здравого смысла.

В анализе постнеклассических интерпретаций сознания здравый смысл будет использоваться в качестве критерия оценки в соответствии с принципом — в познании придерживаться здравого смысла и не переходить за его рамки [1. С. 319], но с учётом, что философские противоречия здравому смыслу в понимании сознания могут быть обусловлены именно неприятием здравого смысла в роли критерия истинности философских положений на том основании, что интуитивные истины здравого смысла не могут гарантировать истинности основанных на них утверждений.

В современных трактовках сознания обнаруживаются альтернативы, сложившиеся ещё в классический период, поскольку источник оппозиций остался прежним: с одной стороны, — наша неспособность представить, как материальный мир может быть вмещенным мыслями, субъективных ощущений, эмоций, с другой, — уверенность в том, что раскрытие каузальных связей и накопление фактов о каком-либо объекте даёт нам объективное понимание этого объекта [2. С. 128]. «Под широким углом зрения» Д. Деннета ситуация в философии сознания представляется «бесплодным качанием маятника от дуализма Декарта к материализму Гоббса и идеализму Беркли, а затем обратно к дуализму, идеализму и материализму, с немногими изобретательными, но неправдоподобными приспособлениями и изменениями терминологии» [3. С. 360].

Основные колебания провоцирует декартовская дилемма взаимодействия сознания и мозга. Актуальная в современных дискуссиях о сознании тема «ментальное — физическое» разрабатывается на разных стратегических направлениях, ведущей концептуальной позицией здесь является супервентность. Термин «супервентность» в философии сознания используется для объяснения особого типа психофизической связи, а именно, когда психическое сопряжено с физическим, но не сводится к его свойствам (это положение выполняет роль метафизической установки). Что касается интерпретации данного термина, то она зависит от ответа на вопрос о характере связи (логической, физической, необходимой, законосообразной и т. д.).

Одной из влиятельных материалистических интерпретаций феномена сознания является физикализм, согласно которому сознание самостоятельной сущностью не является, оно есть порождение материи и объяснимо с точки зрения физики и других естественных наук. Этот подход к сознанию имеет мощную фактуальную базу: головной мозг человека является сложнейшим «механизмом» природы, высшим уровнем организации материи; сознание конкретного человека не может существовать без мозга, а мозг — это биологический орган; влияние на организм человека отражается на сознании. Основная проблема, на которую

наталкиваются логические доводы физикалистов, — идеальность сознания, его особая, нематериальная сущность. Иначе говоря, физикалистам ещё доказать надо, что сознание — это материальная сущность. На уровне обыденных представлений о сознании «протест» вызывает не физикалистская интерпретация (она не противоречит здравому смыслу), а последующий вывод о том, что носителем сознания может быть не только мозг человека, но и другой материальный объект.

Несмотря на поддержку естественных наук в решении «трудной проблемы сознания» физикализм терпит неудачу, что способствует возрождению дуалистических концепций. Интуиция здравого смысла «сознание связано с мозгом, но сознание и мозг — не одно и то же» обуславливает дуализм на уровне обыденных представлений и его понимание в классической версии. Однако современный дуализм, защищающий тезис о двух сторонах реальности — ментальной и психической, являясь «академически респектабельной позицией» [2. С. 134], в его «натуралистической» версии шокирует своими «панпсихистскими» выводами о возможности примитивных форм сознания у всего существующего. Идея всеобщей одушевлённости противоречит обыденным представлениям о сознании как чисто человеческом качестве.

Тема «сознание и мозг» является основной в теории тождества. Её фундаментальный тезис — ментальное и физическое есть одно и то же; ментальное событие идентично физическому событию (мозговому процессу); высказывания о ментальных процессах тождественны высказываниям о процессах в мозге. Отождествление субъективного опыта с мозговыми процессами имело серьёзные «концептуальные» последствия в форме элиминативизма, функционализма и возникших на основе функционализма информационного и компьютерного решений проблемы сознания.

Метафизическая установка, на которой осуществляется элиминативистская интерпретация, может быть сформулирована следующим образом: Вселенная однородна, каузально связана, действует по единым законам, следовательно, ментальное — это псевдореальное, нельзя отождествлять фиктивное с нефиктивным. Сознание — это только внешне фиксируемые нейрофизиологические процессы, языковое и социальное поведение. Признание ментальных понятий фикциями и устранение их из теоретического языка — таков принцип решения проблемы сознания в элиминативизме.

И идея тождественности ментального и физического, и элиминативистская трактовка сознания противоречат установкам здравого смысла в отношении сознания: в первом случае — интуитивным представлениям, что сознание есть нечто особенное, отличное от физического, во втором — уверенности в том, что человек имеет сознание, оно определяет его поведение, более того, человеческое «Я» и есть сознание. Теряя сознание, человек теряет не только связь с внешним миром, но теряет себя.

Когда человек возвращается в сознание (или сознание возвращается к нему), мы говорим: «Человек пришёл в себя».

Более сильной реакцией на теорию тождества является функционализм, имеющий достаточно длительную историю существования за пределами философии — он был «опробован» в социологии, биологических науках, в междисциплинарных исследованиях, охватывающих работы по искусственному интеллекту, компьютерной психологии, психолингвистике, нейропсихологии и др. Росту популярности функционализма способствовало внедрение компьютерных метафор в философию и психологию сознания.

Основной тезис функционализма: ментальное не является разновидностью физического, не является свойствами (материальными или идеальными), а представляет собой функциональные состояния/отношения. В этой версии сознание рассматривается как некий механизм: ментальные состояния индивидуализированы в виде содержательных/информационных единиц, связи и отношения между которыми носят логический и каузальный характер. Этот подход представлен разными вариантами, имеющими, однако, общий философско-методологический фундамент: 1) позицию метафизической нейтральности, согласно которой ментальные и когнитивные свойства можно исследовать безотносительно к их носителям — биологическим, физическим, духовным; 2) признание сознания чистой функцией. Общий вывод: феномен сознания может быть функционально реализован не только в человеке, но и в компьютере, и в других вещах. Функционализм противоречит обыденным очевидностям: в системе истин здравого смысла нет таких, которые обеспечивали бы «поддержку» основополагающей для функционализма идеи множественной реализации сознания как функции.

Дениэл Деннет — представитель «машинной» версии функционализма [4, 5]. Его установка — термины ментального словаря не имеют референтов в виде особых ментальных сущностей; признание этого положения необходимо, чтобы остановить маятник взаимоисключающих и одинаково абсурдных альтернатив дуализма, материализма, теории тождества и идеализма. Поэтому задачу философии сознания Деннет видит в том, чтобы разрушить миф о самоочевидности субъективного опыта, устранить его догмы и заменить их объективистской теорией. Человек в действительности мало знает о своём внутреннем мире, но представляет этот мир как что-то очень сложное, противоречивое и важное: душа (чистая, светлая, безвинная и т. д.) — радуется, беспокоится, болит, томится, чужая душа — потёмки; сердце — чувствует, предчувствует, подсказывает. Д. Деннет — из тех философов, которые не доверяют интуициям здравого смысла. Его тезис о том, что ментальных состояний как особых сущностей не существует, противоречит здравому смыслу, однако учёный убеждён в истинности утверждения, что ментальные сущности есть не что иное, как нейронные схемы

мозга, в достаточности объективистского подхода к сознанию. Согласно Д. Деннету, существуют разные установки — интенциональные, физические и дизайнерские. Интенциональная установка приписывает убеждения, желания некоторым материальным системам в целях более эффективного предсказания их поведения [5. С. 119]. Обыденное сознание применяет интенциональные установки, интенциональные идиомы для интерпретации материальных объектов. Подобное по сути явление, выраженное термином «антропоморфизм», обычно относят к проявлениям мифологического (мифического) сознания. На основе сходства содержания этих понятий можно предположить, что разработка идеи функционалиста Д. Деннета по поводу интенциональной установки, крайне отрицательно настроенного в отношении иллюзий, представляется перспективной для обсуждения проблемы мифичности индивидуального сознания.

Несмотря на популярность функционализм столкнулся с рядом неразрешимых в его границах вопросов, касающихся возможности реализации функции в отрыве от свойств носителя, механизма реализации функции, проявления функциональной роли конкретных ментальных состояний в условиях содержательного и информационного расширения. Смещение внимания с физических законов мозга и устройства компьютера на логические состояния и общие правила трансформации этих состояний привело к возникновению «внутри» функционализма информационной интерпретации сознания.

Сознание как информация представляет собой особое качество самоорганизующихся и самоуправляющихся систем, возникшее как «находка» биологической эволюции, суть которой — возникновение психики как информационного процесса, выработанного в ответ на усложнение живой природы и её потребности самоорганизации. В результате возник высоко оперативный способ получения, переработки и использования информации в целях управления сложнейшим организмом и централизации его действий. Сознание как некое «содержание» представляет собой информацию, воплощённую в определённой мозговой нейродинамической системе [6, 7]. На основе функционально-информационной интерпретации сознания сформировался компьютерный подход к моделированию мозга и его деятельности на основе использования искусственных нейронных сетей, который позволил сделать вывод о том, что сознание возникает в результате самоорганизации нейронных отношений. О перспективности данного подхода к решению проблемы сознания говорит тот факт, что в структуре философии науки появилась нейрофилософия, задачей которой состоят в исследовании компьютерной модели мозга и сознания, возможностей компьютерного мышления. Кроме того, информационный подход является ведущей методологией междисциплинарных исследований в рамках когнитологии. Однако здесь сознание представлено рацио-

нальным мышлением, т. е. сознание машины не тождественно сознанию человека. Поэтому расширение знаний о возможностях сознания в состоянии рационального мышления для обыденного сознания представляет интерес, но любое отождествление сознания человека и компьютера противоречит обыденным истинам о сознании.

Примером информационного подхода к миру в целом является гипотеза о Вселенной как гигантском компьютере, представляющая мир однородным информационным потоком, в котором нет места сознанию как ментальному, феноменальному или субстанциальному: сознание есть информация. Однако радикализм выводов об информационной природе Вселенной ослабляется версией, согласно которой информационные пространства имеют внешние (физические) и внутренние (феноменальные или протофеноменальные) свойства. Отсюда следует вывод, что описание сознания ментальным языком есть внутренняя информация, а физическое его описание представляет собой внешнюю информацию.

Это и есть современный панпсихизм или двухаспектная онтология, претендующая на роль перспективной стратегии решения проблемы сознания, но «столь очевидно расходящаяся со здравым смыслом [5. С. 157]. Её автор – Дэвид Чалмерс. Он разрабатывает свою концепцию на основе синтеза идей функционально-компьютерного подхода к решению проблемы сознания и признания реальности субъективного опыта. Позиция Д. Чалмерса заключается в следующем: функционирование мозга объяснимо методами когнитивистики и нейронаук; экспликация внешних проявлений ментальных состояний возможна в научных терминах, поскольку субъективная реальность есть оборотная сторона объективных функциональных схем в мозге (паттерн). Основой когерентности субъективного и функционального уровней признаётся информация (квалитативные состояния), носителями которой являются паттерны. Теория Д. Чалмерса специфична.

Во-первых, допуская каузальную действенность субъективных состояний, она представляет собой вариацию теории тождества, которая и проблему ментальной каузальности решает, и здравому смыслу не противоречит (наше сознание определяет наше поведение: «голова б не думала, ноги б не пошли»). Однако в повседневных представлениях о связи сознания и поведения человека нет объяснения механизма этих связей: нереплексивное сознание не знает такой проблемы.

Во-вторых, обосновывая косвенную каузальную релевантность квалитативных ментальных состояний, она отличается от традиционного эпифеноменализма, с которым её сближает признание онтологической самостоятельности сознания в условиях каузальной замкнутости физических процессов. Панпсихизм, расходящийся с интуициями здравого смысла, есть следствие признания Д. Чалмерсом неразрывной связи объективных

функциональных схем и субъективной информации. Необходимость связи лишь констатируется. Но при этом допускается фундаментальность сознания и фундаментальность законов, связывающих сознание с физическим миром, в основе которых лежат принципы структурной когерентности и организационной инвариантности [5. С. 156].

Для объяснения отношения сознания к информационным процессам выдвинута гипотеза [8], согласно которой процессы в мозге имеют три уровня: первый – энергетические процессы; второй – информационные процессы, обеспечивающие когнитивные функции мозга и порождающие идеальные объекты, такие как смысл, содержание, код; третий уровень процессов мозга и есть сознание, специфика которого состоит в способности субъекта в идеальной форме представлять энергетические и информационные процессы, осмысливать (понимать) и управлять ими.

Базовой установкой использования возможностей квантовой механики для более глубокого понимания феномена сознания является идея – квантовый мир есть аналог реального мира, квантовая механика – это наиболее глубокое понимание мира. Квантовые метафоры используются в философии для описания сознания как формы действительности, обладающей признаками спонтанности, вероятности, относительности: в ситуации поиска новых решений сознание ведёт себя как квантовый феномен – вносит в понимание ситуации неопределённость, двойственность, дополненность. Идея спонтанности сознания, его неопределённости понятна естественному человеку. Можно привести примеры суждений здравого смысла, отражающие свойства относительности, спонтанности, активности, свободы сознания. Человек не хозяин своему сознанию: мысли рождаются, сознание «покидает» человека, «возвращается» к нему.

Обыденные представления о сознании как некой структуре находят своё воплощение в выражениях: «Ум за разум зашёл»; «Ум доводит до безумья, а разум – до раздумья», «Говорит наобум, а ты бери на ум» и др. В современных «динамических» интерпретациях находит решение проблема взаимодействия сознания и бессознательного. Это решение основано на идее, согласно которой сознание и бессознательное являются необходимыми составляющими когнитивной системы человека. Проявлением когнитивных способностей сознания являются акты самосознания. Как оппозиция бессознательному сознание осуществляет контроль того когнитивного опыта, который относится к сфере спонтанности (бессознательного). Состояние индивидуальной когнитивной системы в целом определяется отношением сознания и бессознательного. Формы взаимоотношения этих когнитивных подсистем в процессе эволюции изменяются, а именно, наблюдается тенденция к расширению сознания и усилению его управленческих функций по отношению к бессознательному.

В современной философии сознания существует модульная концепция, согласно которой сознание есть совокупность автономных унифицированных структурных элементов (модулей), выполняющих определённые функции. Эта оригинальная в своих интерпретациях сознания концепция не только согласуется со здравым смыслом, но и имеет эмпирическую подтверждаемость.

Однако среди современных интерпретаций феномена сознания есть «неожиданные» для восприятия естественным человеком. В качестве примера можно назвать меметическую версию сознания, согласно которой сознание есть совокупность мемо-эффектов – генетически наследуемых механизмов культурной имитации.

Оценка философских представлений с точки зрения здравого смысла может осуществляться в категориях «согласуется», «не согласуется», «противоречит». Философские концепции сознания содержат идеи, в той или иной степени несогласующиеся с положениями здравого смысла (панпсихизм с идеей о всеобщей одушевлённости; эпифеноменализм, отвергающий влияние сознания на поведение). Однако существуют ситуации, когда согласие со здравым смыслом из достоинства превращается в недостаток – в «злоупотребление» нормативами здравого смысла. «Главный представитель философии здравого смысла в современных спорах о сознании», «рыцарь здравого смысла» Дж. Сёрл, достигший «удивительного согласия» теоретического решения проблемы «ментальное – физическое» со здравым смыслом, создавший свою концептуальную схему на основе тезисов здравого смысла человека «с улицы», проблеме не решил [5. С. 67–68].

Апелляция к здравому смыслу, «заряжённому не-критической метафизикой», может ослабить теоретические позиции. Так, Д.И. Дубровский говорит о теоретической «рыхлости», амбивалентности работы Сёрла «Открывая сознание заново». Причина концептуальной неопределённости, логической непоследовательности правильных по сути положений видится в стремлении автора сократить разрыв между философскими концепциями сознания

и обыденными знаниями о «ментальной жизни», её описаниями в естественном языке [9. С. 92, 111]. Однако, если задачу философа видеть в обнаружении и разъяснении смысла истин обыденной (народной) философии о сознании, то Дж. Сёрл с нею справился – «открыл сознание заново» в рамках очевидностей. «Факты», на которые ссылается автор «биологического натурализма» [10], есть ни что иное как суждения здравого смысла: состояния сознания порождены мозгом; сознание – специфический феномен; сознание влияет на поведение; изменения в мозге сопровождаются изменениями ментальных состояний. Эти положения в естественном языке зафиксированы в различных формах. Приведём фольклорный вариант: «Голова всему начало» (сознание связано с мозгом); «Голова б не думала, ноги б не пошли» (сознание влияет на поведение); «Дурная голова ногам покоя не даёт» и др.

На основе критических замечаний в адрес «рыцаря здравого смысла» можно сделать вывод: использование интуиций здравого смысла в создании, обосновании и оценке философских концепций имеет свои пределы. Тема адекватности использования истин здравого смысла в решении проблемы сознания является актуальной [11]. Однако возникает сомнение в целесообразности оценки философского знания с точки зрения здравого смысла: прямого влияния результатов теоретического осмысления феномена сознания на представления естественного человека о сознании нет. Более того, те, достаточно обширные, знания о сознании, которыми человек обладает, *во-первых*, не заимствованы из философии, *во-вторых*, не могут быть опровергнуты философскими рассуждениями [12. С. 22]. При этом обыденные представления о сознании настолько устойчивы («навязчивы»), что проникают в философскую рефлексию и делают её «заложницей» интуитивно-чувственного компонента обыденного знания. В результате, мы сталкиваемся с проблемой гносеологического предела «неслучайного» участия здравого смысла в концептуальных и методологических установках философии сознания, в создании и обосновании философского знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шефтсбери А. Эстетические опыты. – М.: Искусство, 1975. – 543 с.
2. Юлина Н.С. Тайны сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 125–135.
3. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Пер. с англ. А.Л. Блинова // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Сост. А.Ф. Грязнов. – М.: ДИК «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 361–375.
4. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
5. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
6. Дубровский Д.И. Информация. Сознание. Мозг. – М.: Высшая школа, 1980. – 286 с.
7. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 5–52.
8. Гриценко В.П. Философия сознания: в поисках смысла // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – С. 220–226.
9. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 92–112.
10. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
11. Мигуренко Р.А. Повседневность и решение проблемы сознания // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 117–122.
12. Райл Г. Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 408 с.

Поступила 13.02.2012 г.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТЕОРИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Показано возникновение топологического восприятия социального пространства в социально-философском дискурсе. Выявлена возможность описания социального мира, взаимоотношений человека и общества, места социальных действий, местных сообществ с привлечением методов топологии. Проанализированы вопросы возникновения теории социальных полей у К. Левина и П. Бурдьё. Изложена возможность рассмотрения социальных ситуаций как силовых полей, интерпретации индивидуально-жизненного пространства, как поля психологического, привязки через топологию всех структурных взаимоотношений повседневного действия к месту, пространству социального действия. Социальные поля изображены через констелляцию «сил», «капиталов» и акторов. Дано изображение полевых концептов через многослойные контексты и функционирование понятийных медиумов в определенных полях. Определены понятия «габитус», «поле» для систематической детерминации практики.

Ключевые слова:

Социальное пространство, топология, теория социальных полей, силовое поле, габитус, индивидуальное жизненное пространство, среда.

Key words:

Social space, topology, theory of social fields, power field, habitus, individual vital space, human environment.

Вместе с «пространственным» или «топологическим поворотом» в социальных науках, альтернативно открывается пространственное и полевое (*feldhaftes* – нем.) понимание самой жизни. Топология – это учение о поле или месте, предполагающее единое топологическое восприятие пространства. Пространство воспринимается как социальное поле или как особая атмосфера, своеобразный центр, который нас, как людей, не только связывает, он как бы проникает в нас. Топология ведет междисциплинарный диалог в различных науках с современными и существовавшими ранее теориями пространства и поля. Топология требует настоящего интеркультурного понимания социальных процессов, происходящих в любых социальных системах.

Наши дальнейшие исследования связаны с описанием социальных процессов, происходящих в современных местных, локальных сообществах, с выявлением в их пространственной организации топологических констант, полевых характеристик и проведением топологического анализа сообществ с использованием широкого проблемно-постановочного и методического спектра, который дают топология и теории социальных полей.

Главный признак топологического анализа – гипотеза о социальной важности, релевантности пространства сообщества (места). Восприятия, действия, ощущения людей в сообществе структурируются не только через признаки квалификации, возраста, пола, национальной принадлежности, но и через топологические, пространственные признаки, через полевое пространство самого сообщества. Поэтому мы обратились к историческому анализу возникновения теорий социальных полей.

1. Социальная теория поля К. Левина

Отцом социальной теории поля является немецкий социальный психолог Курт Левин. Свою известность К. Левин получил не только через свои

работы по теории поля, он стал выдающимся аналитиком малых групп и сообществ, основателем «Теории групповой динамики», его концепты нашли свой резонанс и в социальной философии. Теория поля, как методологическая наработка К. Левина, предлагала альтернативу академической категориальной системе исследований. В его методологии критиковалось представление социальных феноменов в форме общих внеисторических категорий, в понятийных формах, которые в противовес эмпирическому содержанию априори фиксированы, и в них доминируют временные характеристики.

Предпосылкой научного успеха Курта Левина является то, что он не разделял возникающие предубеждения о том, что существует психологически, а что – социально. Многим современникам К. Левина действительность казалась следствием её измеримости. Измеримость, однако, это черта, которая меньше указывает на вещи, а больше – на инструментарий исследователя. Он хотел найти такой психологический метод, который бы позволил перейти от феноменальной классификации к генетически-условному заключению конкретного отношения в специфической ситуации.

В оптике такой модели изменилась бы сама теория перспективы реальности или ирреальности. В любом случае многие психологические (практические) состояния, такие как социальная атмосфера, среда, ожидание, дружба, чувство свободы и несвободы, в мышлении лиц, привыкших к образам физического мышления, звучали бы совсем ненаучно. Курт Левин возражает против такой модели: «Если продумывают фундаментальное значение, которое в физическом событии подходит гравитационному полю или электрическому полю, то совсем не удивительно, открыть в психологии соответствующее значение для проблемы атмосферы» [1. С. 105].

Он диагностирует такие атмосферные состояния (состояния среды) как для человеческих групп, так и для отдельных индивидов (психологическая направленность, согласие, ожидание, чувство принадлежности). Именно этому посылу, с методологической точки зрения, обязана развитая К. Левиным психологическая теория поля. Основные элементы теории поля у К. Левина имеют определенный интерес для социальной философии, для исследования местных сообществ.

2. Рассмотрение общей социальной ситуации К. Левиным с точки зрения силового поля

«Вместо того чтобы воспринять один или несколько изолированных элементов одной ситуации, чье значение не может быть определено без учета общей ситуации, теория поля находит более преимущественным, как правило, начать с характеристики общей ситуации» [1. С. 104]. Поведение отдельного элемента, отдельного индивидуума в понятиях теории поля является результатом всех действующих в пределах поля факторов. Конструкции полевой теории заключают в себе все внутренние факты персоны, внешние факты окружения, в том отношении в каком они влияют на её (персоны) поведение к определенному моменту.

Теория поля К. Левина интерпретирует в психологии точку зрения о том, что человеческое действие не является статическим конгломератом отдельно действующих факторов, а состоит из психических общих констелляций, которые инициируют гибкое, постоянно воспроизводящееся поле напряжения. В этом состоит зависимость состояния одного фактора от другого, находящегося в совместной связке с первым. И эти поля – поле напряжения, силовое поле – обновляются во взаимоотношениях между индивидом и окружающим миром.

3. Интерпретация индивидуального жизненного пространства К. Левиным

Курт Левин обозначает психологическое поле как индивидуальное жизненное пространство. Возникновение этого понятия он объясняет тем фактом, что перспективы восприятия, переживания отдельного индивида основательно отличаются от общественной, коллективной, экономической, политической, творческой, научной рефлексии человеческого существования. Это центральная идея для психологии, которая по характеру явления не только ищет возможность перечислять, измерять и классифицировать человеческие нужды, но и уметь оказывать практическую помощь, идти вглубь за фактами, за видимую верхнюю поверхность.

В этом смысле и выработалось научное кредо К. Левина: «По моему полаганию, один из самых значимых черт теории поля лежит на поверхности, через которую определяется индивид, описываемый не в объективных, физических понятиях, а через формы, виды и образы, существующие для

индивида в означенное время. В действительности, в психологии описать ситуацию объективно, означает представить её как ситуацию из совокупности всех фактов и исключительно всех фактов, которые образуют поле конкретного данного индивида. Заменить мир индивида, его ситуацию ситуацией учителя, врача или кого бы то ни было, является фальшивым и не объективным» [1. С. 103–104].

Полевая теория К. Левина начинает анализ внутреннего состояния всех действующих (играющих) на поле сил. Одинаковые физические внешние условия могут привести к абсолютно разным последствиям в поведении, например у ребенка и взрослого или у директора и рабочего. Внешняя однозначность определяется только через совокупность общих факторов жизненного пространства. В жизненное пространство входят все психобиологические условия, одинаково даны ли они рассматриваемой персоне в переживании или нет, и все те внешне-психологические факты, насколько они влияют на поведение персоны в современный момент.

4. Топологические установки К. Левина

Кроме своего жизненного пространства индивид привязан психологически ещё к определенному пункту и месту. При становлении повседневной жизни возникает индивидуальная система психических маркировок, определенный порядок, который состоит из всеобщих, символических фиксаций, исходящих от мест и регионов внутри жизненного пространства, посредством которых возможна в релевантном социальном пространстве измеряемая структуризация повседневного действия. Чтобы было можно вывести поведение из внутреннего мира человека, требуется, по К. Левину, формальная модель, такой вид геометрии, метрики, внутри которой могли бы быть изображены повседневные структурные взаимоотношения. Он полагает, что такую возможность может дать топология, с точки зрения направления и удаленности, как минимума предпосылок для формального порядка жизненного пространства.

По мнению К. Левина, топология это система, которая фиксирует положение, район, отрасль участия внутри целого. В известном смысле любой теоретический посыл полевой перестройки уже лежит внутри поля, природа которого может быть любой. Природа поля может отобразить структуры, движения в поле между полевыми территориями, двумя агентами поля, а также сравнивать их и типологизировать. В полевом расположении мест, районов, секторов, отношений, принадлежности границ сделан первый шаг, чтобы понять внутри-полевую структуру точно также как, если бы это касалось индивидуального жизненного пространства или групповой констелляции в социально-действующих полях. Однако изображение психических направлений не нашло отражения в топологической установке К. Левина. Понятия «стремление», «воля», «конфронтация», «достижение

цели», «честолюбие», «конфликт» он не смог изобразить топологически.

Психологический настрой человека зависит от таких, казалось бы, сложно воспринимаемых состояний, как согласованность, настроенность. Эта настроенность проявляет себя «через надежды, желания и сильно окрашено его собственными воззрениями на своё собственное прошлое. Ориентация человека, его счастье, настроение, кажется больше зависит от его ожиданий будущего, чем от удовольствия или неудовольствия в современной ситуации» [1. С. 115]. Теоретический дискурс в полевых понятиях не удовлетворяется только тем, чтобы воспринимать диспозиции статических структур, он ставит перед собой задачу суметь изобразить действие векторов, физических направлений.

В дальнейшем психологическое поле Курт Левин обозначает через существование субъективной временной перспективы реальной и ирреальной размерности и через специфическую познавательную структуру человека. Эта методика таила в себе огромную инновационную силу, однако социальная философия и социология до середины 60-х гг. прошлого века не использовали те преимущества, которые несла полевая теория, как свободная от идеологии и непосредственно предлагающая теорию образования социального действия.

5. Социальная топология П. Бурдьё

Сегодняшний интерес к социальной топологии ориентирует нас также на тексты Пьера Бурдьё. В российском социально философском дискурсе было распространено мнение, что стиль употребления понятия «поля» у П. Бурдьё может быть тематизирован скорее как рамочный и несистематический. Однако, при тщательном изучении произведений Пьера Бурдьё, мы пришли к выводу, что «полевой взгляд» был всегда характерен для его стиля мышления. Он хотел показать, что за кажущимся второстепенным и употребляемым в обыденной речи словом «поле», скрывается методически осмысленный, постоянно используемый концепт. Изображение социально-философской модели поля у П. Бурдьё осуществляется по разработанной аналогии Курта Левина.

Своеобразный стиль мышления и письма П. Бурдьё всегда был поводом для различной критики. Нам кажется, что в этом кроется специфика его произведений, без которой были бы не мыслимы эмпирические и теоретические его достижения. В особой мере это касается его понятийного аппарата. Мы не находим у П. Бурдьё статического устройства понятий, точных категориальных систем, которые встречаются у К. Левина. Во всех темах своих исследований П. Бурдьё выделяет роль индивидуальных практик, установок и действий, их значения и смысла. Любое поле его исследования предлагает нам определенные понятийные следствия.

Замечательно выделяется у П. Бурдьё значение слова, оно изымается не в гарантированной одно-

значности к экстраполированной категориальной схеме, а конституируется через многослойные контексты, в соответствии с кредо Фердинанда де Соссюра, по которому язык свою стабильность завоевывает не из возвращения значительности и не из этимологического происхождения, а из подобного, похожего контекста значений. Высказывание как бы изображается тканью слова. Стиль П. Бурдьё напоминает также понятийность Эрнста Кассирера, которая также ориентирована на богатые полевыми сочетаниями слова. Однако образные словосочетания, игра слов, редкие литературные находки Э. Кассирера стоят в одной связке с систематической дальновидностью его философии, с его операциональными понятиями.

У П. Бурдьё значения некоторых понятий, вытекающих из контекстуального поля слова, выводятся, соответственно его спецификации, через различные коннотации, а значение других понятий – через отдельные высказывания, элементарные образцы мышления, интеллектуальные схемы. И надо заметить, что никакой другой термин в текстах Пьера Бурдьё не обладает такой нечеткостью, как понятие «поле». Но, именно понятие «поле», красочно изображает образ мышления П. Бурдьё. Чтобы уметь реконструировать стиль мышления П. Бурдьё, неоспоримо, нужно понять теоретическую точку зрения поля или полевую точку зрения. «Поле» трактуется как выражение, как синоним «объективного принуждения», для систематической детерминации практики.

У Пьера Бурдьё мы натываемся на огромное богатство полей, онтологическая взаимосвязь которых для тех, кто ищет сведений о системном развитии, остается неясной. Только в одном его тексте «Социальное пространство и классы» речь идет о «политическом поле», о «поле власти», о «профессиональном поле», об «экономическом продуктивном поле», о «поле символической продукции», о «поле символических сил» и об «интеллектуальном поле», о «поле науки», о «поле литературы» [2. С. 33–45]. Кроме этого, в том же самом тексте, он проводит различие в структуре самих полей. Ещё позднее у него возникают так называемые части поля или подпространства поля, например подпространство поля одной партии в отношении к общему политическому полю.

Изыскания П. Бурдьё становятся собранием запутанных всевозможных полевых конструктов. Следует заметить, П. Бурдьё излагает свое понятие «поле» точно в смысле К. Левина. П. Бурдьё решает эти проблемы в разные времена с помощью различных концептов. В определенное время укоренилось мнение рассматривать в этом плане категорию габитуса П. Бурдьё, как его генеральное решение, приветствуемое сторонниками и не воспринимаемое противниками. У нас складывается мнение, что

- понятие «габитуса» без теоретической подоплеку понятия «поля» не может однозначно воспринять индивидуальную экзистенцию и изо-

бражает только некое совершенствование структуралистской односторонности, а не её упразднение;

- «габитус», как главный концепт П. Бурдьё, ясно доказывает наличие в его текстах раннего происхождения обоснования полевой теории.

6. Социальное пространство П. Бурдьё как силовое поле

П. Бурдьё привязывает понятие поля не только к индивидуальному жизненному пространству, но и к социальному пространству, к полю социального действия. Здесь он следует таким же интенциям, как и К. Левин, а именно он:

- изображает констатируемые события не как результат только внешних причинных воздействий, но и как вызванные внутренними силами носителей действия;
- ищет такую модель, которая в состоянии воспринять общий объем институций, действующих в определенном социальном пространстве, выявить его особенные черты, которые придают акторам этого поля ту самую силу;
- разрабатывает модель, которая позволяет воспринять всю историю социального поля в любой момент; показать наглядно форму этого поля в институциях, (партии, профсоюзы, общественные организации и т. д.) и в инкорпорированной форме, (в диспозициях и установках тех, кто эти институты в жизни представляет или борется с ними).

П. Бурдьё понимает, что привести в действие филигранное сплетение внутренних действующих сил с существующими другими обстоятельствами, интегрировать микро- и макро-перспективы социальной организации дает возможность только мышление в категориях поля. Он изображает структуру социального устройства как определенную немеханическую комплексность с помощью категории силового поля. Социальные поля определяются не как рельсовые сети предписываемых социальных действий или как субстанциональные рамки действий, им предшествует в дикции П. Бурдьё скорее конституируемая экзистенция, из которой возникают конститутивные эффекты. Это означает, они являются результатом как формы, так и действия.

П. Бурдьё рассматривает социальное пространство, пространство сообществ в форме соотношения действующих на их полях сил. Мы находим у него следующие дефиниции:

- если возникает поле в социальном пространстве, то оно своим возникновением обязано какой-то силе, определенным акторам;
- поле получает различные конфигурации, по соотношению сил акторов;
- силовое соотношение в социальном поле зависит от позиций, занимаемых акторами.

«Социальное поле изображается как место встречи, взаимоотношений и акций, как коммуникативное поле. По аналогии с гравитационным,

магнитным и психологическим полем здесь речь идет не о территории, а о силовом поле» [3. С. 76].

7. Габитус П. Бурдьё

Интеграция понятия габитуса и мыслительной модели в категориях поля у П. Бурдьё обеспечивает преодоление антогонизма между субъектной и системной перспективой описания социальных пространств. Именно эта интеграция уже изначально расширяет полевую теорию К. Левина. Габитус представляет внутреннюю структуру субъекта. Он весомо отличается от жизненных факторов К. Левина, здесь во внимание берется только инкорпорированные элементы действия. Общественный климат, социальные притязания, стимулы и другие внешние привлекательности представляют важную движущую силу для поведения индивида, но они не достаточная часть субъекта и могут только тогда повлиять на индивидуальное действие, когда они вступают во взаимодействие со специфическими основами понимания, интерпретации и акцентирования этого субъекта. Речь идет об укорененных основах действия, не тех которые возникают ситуативно или под внешним прессингом.

Здесь П. Бурдьё приближается к самоопределению субъекта, но в смысле, когда самость субъекта акцептирует не интеллектуальную мораль или сартровский проект, а автохтонные структуры сознания, укорененные основы его земной жизни. И он предлагает не по старинной кантовской традиции, взяв лупу рассматривать эффект производства жизненных установок и жизненной практики, а все социально произведенное объективно измерить и описать. Тогда по смыслу получается возможность дифференциации между тем, что видится (содержание), тем, каким образом видится (способ), чем видится (инструмент).

Именно эти понятийные, инструментальные, акцептационные основы тематизируют понятие габитуса. Он не является собирательной категорией для всего, что как-то бы выглядело как внутреннее: мысли, планы, чувства, воззрения, установки или ценности. П. Бурдьё понимает габитус как элементарный модус по производству практик. В этой связи габитус представляет собой внутренний центр субъекта. Он является исходным пунктом всех его устремлений, точкой отсчета всех целей, связующим пунктом всех его интенций; именно габитус поставляет оптику видения, основной образец видения и понимания, меру оценки, тип социального вкуса.

П. Бурдьё исходит из того, что «поле может только тогда функционировать, если находятся индивиды, социально респондированные, способные действовать как ответственные акторы, которые рискуют в этом поле своими деньгами, своим временем, даже своей честью или жизнью, чтобы привести в действие всю игру, несмотря на прибыли и преференции, которые обещаются, и которые из за другой перспективы могут казаться иллюзорными» [2. С. 75].

Потребность акторов к действию связывается не только с целью действия и с внешними понуждениями, но и с соединением габитуса и поля. Происходит определение габитусом того, что его и самого определяет. Взаимосвязь между габитусом и полем рождает концепт, который включает это взаимодействие и дает возможность преодолеть дихотомию социальной теории и системной теории, а также связать их с субъективной философией, в которой он их теоретически постигает и где он исследует метатеоретические универсальные формы конкретных ситуаций внутри поля. Такая модель в состоянии видеть, понимать, регистрировать механизмы социальных стимулов и феноменов социальной направленности индивидов.

На примере рыночной модели П. Бурдьё пытается показать те отрасли, которые трансформируют ресурсы, но не имеют собственной способности к циркуляции: образование, стиль, престиж, привилегии и другие подобные. В рамках социального поля отображаются через понятие «капитала» ресурсы, которые приводятся в движение внутри поля, чтобы состоялись возможности действий, интриги, конфликты. Эти ресурсы, обладающие «капиталами», могут констеллировать власть, силу в определенных полях. «Капитал», таким образом, становится не как у К. Маркса специфическим производственно-циркуляционным отношением, но более генерализованным, общим выражением для ресурсов действующих акторов, для концентрации властных действий.

Это дает возможность соотносить различные виды ресурсов с точки зрения социальной важности и качественно различные формы нацелить на одинаковый эффект. Таким образом, переходит трансформация различных видов полей друг в друга и трансфер между различными полями. Становится возможным разъяснение форм, содержаний и специфических образований, которые предписываются стремлению максимизировать специфические прибыли, ресурсы, капиталы (культурной или символической природы). Такое рассмотрение возможно только на основе существования «неизменяемых принципов логики полей, на основе элементарного структурирования социальных действий по полевым принципам» [4. С. 96]. Понятия «габитус», «поле», концепция «капитала», «ресурсов», указывают друг на друга. Без полевой теоретической подоплеки теория капитала и ресурсов не получает правильной позиции. Только рыночное движение капитала и ресурсов отодвигает в сторону другие важные силы формирования социального действия, если действия всех акторов отображаются по рыночным принципам, это искажает общую конституцию социального поля.

Со всем наоборот детерминируется структура одного социального поля «через распределительную структуру капитала и связанных с этим ресурсов внутри различных полей» [2. С. 27]. Объективированный капитал получается только такого состава, «который дают те силы, которые разыгрывают

ся внутри поля» [5. С. 358]. В любом социальном поле при распределении различных видов ресурсов, интересов, капитала кристаллизуются специфические констелляции акторов. И это происходит не только из экономической или социальной рациональности, как общепринято думать, но, прежде всего, из каждодневной борьбы или взаимодействия акторов внутри поля. Констелляция является не только практической, но и духовной структурой поля.

Из структур символических форм, складывающихся в головах, выражаемых в жестах, взглядах акторов, действующих лиц репродуцируется и оформляется практическая структура поля. Так, анализ П. Бурдьё предполагает учет культурных практик в «тонких различиях», «сети элементарных объектных пар», «видов матрицы всех тайных мест» [5. С. 358]. Социальная причинность, казуальность не может быть полно отражена через механически-агрегированную или кибернетическую модель. Отдельные факторы одного поля не могут быть представлены как части одного агрегата, механизма. Внутри каждого поля есть такие эффекты, которые могут быть описаны только как атмосферные обстоятельства, среда.

Очень трудно указать на эти эффекты и теоретически их образовать, так как среду нужно рассматривать как невидимый медиум, аналитически представляемый только посредством её последствий, и в причинный ряд среды входят совершенно различные причинные факторы. Здесь и возникает теоретическая полевая методика как надежное решение. И уже К. Левин излагал свой полевой концепт таким образом, что вместе с ним учитывались атмосферно-групповые и обусловленные средой события. Из этих соображений он отклонял методологическую и понятийную ориентацию на механически-физическую научную парадигму и развивал свою собственную, специфически психологическую понятийность [4. С. 105].

В среде находят выражение отдельные черты поля, как вида глобального состояния. Отсюда становится ясным, что социальные поля обозначаются через внутреннюю динамику, релятивную автономию в соотношении к глобальным событиям и к развитию в других полях. Они функционируют по своей логике. Понятие поля делает возможным восприятие специфически отраслевых, внутригрупповых и опосредованных средой действий. Спонтанность и эксперессивность человеческого действия могут быть показаны в оригинальном переплетении действия с предметными и системными необходимостями.

В начале нашего исследования отмечено, что употребление понятия «поле» носят у П. Бурдьё только рамочный характер, сейчас мы видим, что теоретически полевой образ мышления — отправной пункт всей теории понятийного образования П. Бурдьё. Такой образ мышления позволяет:

- преодолеть дихотомию системной и субъектной теории;

- искать методологические решения для этого преодоления.

Во всех своих произведениях П. Бурдьё не упускает возможности указать на последствия полевого теоретического образа мыслей: «Мышление в понятиях поля требует изменения всех привычных точек зрения о социальном мире» [2. С. 71].

Концепт социального поля является единственной гарантией (по меньшей мере с методологической точки зрения) уклониться от указанных субстанционалистских направлений или, если сказать словами К. Левина, гарантией разработки условно-генетической понятийности, которая остается строго в контексте конкретного и актуального в топологическом дискурсе социальной философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Levin K. Feldtheorie in den Sozialwissenschaften. Ausgewählte theoretische Schriften (hrsg. Von Dorwin Cartwright). – Bern und Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1963. – 395 S.
- Bourdieu P. Sozialer Raum und Klassen. – Frankfurt am Main: Leçon sur la leçon, Suhrkamp, 1985. – 82 S.
- Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974. – 204 S.

Выводы

Обновленное введение в социально-философский дискурс понятий пространства, поля, пространственного воображения, топологии дает возможность рассматривать пространственное, социальное и историческое как одинаковые равноценные перспективы.

Изменения, происходящие в современных социальных системах, сообществах, могут быть достаточно полно представлены топологическими характеристиками, и их топологический анализ располагает широким проблемно-постановочным и методическим спектром.

Пространственные концепты и теории социальных полей К. Левина и П. Бурдьё показывают, что изучение общества, сообществ возможно только посредством социальной топологии.

- Bourdieu P. Sozialer Sinn. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. – 186 S.
- Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. – 391 S.

Поступила 22.02.2012 г.

УДК 114

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ» И ВОЗМОЖНОСТЬ НОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Проведен исторический анализ философских изысканий, рассматривающих пространственное, социальное, историческое как одинаковые и равноценные перспективы существования. Показано, что пространство выступает на первое место в обозначаемых горизонтах исследования местных сообществ, социальных систем, мест, где происходят коммуникации человека и общества.

Ключевые слова:

«Пространственный поворот», дуализм, социальность пространства, «триалектика пространственности», пространственный капитал, топология, пространственная причинность, полевое пространство, индивидуальное жизненное пространство, среда.

Key words:

«Spatial turn», dualism, sociality of space, «trialektik of space», spatial capital, topology, spatial causality, field space, individual vital space, environment.

Исследователи социальной философии становятся сегодня свидетелями так называемого «пространственного поворота» (*spatial turn*). Любое теоретическое или эмпирическое исследование человека или общества, так или иначе упирается в вопросы пространства, поля, пространственного воображения, топологию места, топологическую составляющую сообществ.

Наша персональная мотивация исследования роли пространственных проблем в процессах об-

щественного развития и значения пространственных составляющих в анализе социальных систем, таких как местные сообщества, появилась не только из теоретического интереса, но, главным образом, из-за большого количества вопросов, которые возникают при практических и эмпирических исследованиях этих локальных социальных систем. В рамках исследования местных сообществ постоянно дискутируются вопросы о социально-пространственных феноменах и о связанных с про-

странством понятиях, таких как «пространственные жизненные миры», «локальная идентичность», «пространственный жизненный уровень», «местный инновационный уровень», «социально-пространственные диспаритеты», не четко указывая, что собственно понимается под «пространством», «пространственным», «локальным», «местным», «региональным». Поэтому исследование пространственных проблем становится осмысленным и необходимым и, с нашей точки зрения, теория исследования местных сообществ невозможна без научно-теоретического проникновения в проблемы пространства.

Исследуя вопросы социальной философии, мы чаще видим рассмотрение окружающего мира в основном через исторические, а не через пространственно-ориентированные принципы. «Пространственный поворот» стал осуществляется большей частью на трансдисциплинарной почве. «В рамках нового научного мышления, представленного постклассической парадигмой, различные науки оказывают значительное влияние друг на друга, происходит их взаимное проникновение. При этом происходит не просто стирание границ между науками, а активное использование концепций, подходов, теорий, терминов одной науки в рамках других» [1. С. 115].

Сегодня философские, социальные и коммуникативные науки открывают пространственно-ориентированные исследования, современные деятели культуры и искусства дискутируют о городских и локальных местных пространствах, даже теология видит в пространственном мышлении возможность расширить свои собственные представления об окружающем мире.

Особенно усиленно интересуются вопросами пространства экономические науки, управленческие науки и, конечно же, философия, антропология, социальная философия. «Пространственный поворот» представляет глубокий интерес для социальной философии, в части возникновения новых социальных пространственно-обозначенных и временных культур. Их возникновение неразрывно связано с научно-техническими революциями, с индустриализацией, явлениями модерна. Произошло основательное изменение мирового отношения в освоении научного знания, которое имело в западной традиции практически только ориентировку на время, а не на пространство и, как следствие, стали происходить онтологические искажения самого знания, главным образом из-за исчезновения пространственных измерений нашего мировосприятия. Однако даже естественно-научные исследования показывали, что физический мир, а также и социальный мир, наше бытие «*Das-ein*» или бытие в мире «*in der Welt sein*» показывают три фундаментальных, онтологических и экзистенциальных составляющих.

Наше бытие и бытие в мире всегда социально-и, одновременно, пространственно- и временно-ориентированы или географически и исторически

опосредованы, если мы связываем это с конкретными понятиями. Ещё Г.В.Ф. Гегель в 1850 г. признает и обозначает существенно равный вес между временем и пространством, между историей и географией. Но подчеркивает, что «всегда случается нечто, что имеет последствием явную привилегию историзма» [2. С. 46]. В это же время начинают связывать историю и время с представлениями о процессе, прогрессе, развитии, изменении, с динамикой, диалектикой, с движением. А пространство, в противовес этому, рассматривалось как что-то мертвое, фиксированное, как задний план, контейнер, сцена, физическая форма, окружение, экстра-социальное, формообразующее, всегда невидимое, несуществующее, всегда присутствующее, но не имеющее активной социальной величины. Например, К. Маркс называл пространство ненужным усложнением его теории [3. С. 144]. Однако знакомые всем нам марксовские тесты, представленные в историческом материализме, все же содержали интересные пространственные аспекты (например, выделение противоречий между городом и деревней в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса) [4. С. 134].

Марксизм не задавался целью сформировать пространственную теорию. И изучали мы исторический материализм, а не исторический пространственный материализм. Более того, научный марксизм внес свою «большую лепту» в процесс игнорирования пространства как философской и социальной категории. К. Маркс вообще не хотел выделять формы пространственного детерминизма в истории, в классовых отношениях и в классовой борьбе. Он боролся против локализмов, национализмов, регионализмов и вытеснял пространственные моменты, которые могли играть роль в образовании классов и отрывать их от динамики классового самосознания.

Получившие в то время большое развитие экономические и социальные науки, политология, социология, этнология пытались объяснять свой предмет исследования без активных пространственных измерений. Это хорошо можно проиллюстрировать на примере неоклассической экономики. Пространство было пассивным контекстом, условием заднего плана или как у Э. Дюркгейма — просто зеркалом [5]. Таким образом, пространственно-ориентированное мышление относилось к чему-то побочному. Социальные науки исследовали социальные процессы, но само слово процесс подразумевалось только во временном измерении. Представление пространственных процессов было исключено из человеческого сознания. Нигде четко не прописывалось, что может быть собственно пространственным процессом между человеком и сообществом. И есть ли возможность выявить и описать этот пространственный процесс при коммуникативном общении человека и сообщества. Пространство было исключено из большого философского контекста. Неоклассическая экономия рассматривала экономику, хозяйство как полно-

стью оторванные от места, как будто они существуют в особой зоне, не имеющей пространственных измерений. Что-то подобное происходило и в мейнстриме других дисциплин. Это явление, исключая пространство и придающее привилегированный статус истории, называет Эдвард Зоя (профессор Калифорнийского университета, США) понятием историзма, при котором в первую очередь провозглашается: все есть исторично [6. Р. 246]. Однако точно такие же онтологические высказывания мы можем сделать и о пространстве: все есть пространственно.

И. Кант рассматривал эквивалентность между пространственным и временным мышлением и, даже когда неокантианцы отказались от его утверждения, что пространство и время равноценны. Возможно, он как географ более тяготел к категории пространства, но что достоверно, он не отдавал предпочтения какому-то одному из этих измерений [7. С. 14].

После «пространственного поворота» снова начинают предприниматься попытки непредвзято размышлять о пространстве и времени. И когда пространство и время стали рассматриваться как равнозначные понятия, мы можем стратегически отдать предпочтения именно пространственным измерениям.

Поскольку последние столетия были отмечены онтологическими отклонениями в определении пространства, то это не могло не выразиться и в эпистемологических исследованиях. Отклонения в теории выразилось в эмпирических искажениях при применении таких теорий, а затем при внедрении этих исследований в политическую и социальную практику. Исключение пространства из философского контекста имело влияние на все виды научного познания этих лет. Все накопленные знания по исследованию социальных систем ощущают дефицит пространственных измерений.

Одно из немногих пространственно-ориентированных исследований провел Георг Зиммель. В его тексте «Пространство и пространственный порядок общества» (1908) Г. Зиммель ставит вопрос «о значениях, которыми обладают пространственные условия развития общества в сравнении к его другим определениям и развитиям» [8. S. 614–708]. Такую постановку проблемы исследует Г. Зиммель в своей «Социологии пространства». В его поле зрения попадают также действия так называемых «пространственных качеств»: исключительность пространства, пространственные границы, близость и дистанция, фиксированность и соседство. Для него эти понятия – «продолжения пространственных конфигураций в устройстве человечества» [8. S. 670]. Они не формальные конституциональные условия, а условия образования жизни общества. Вместе с «пространственными «качествами» Г. Зиммель исследует так называемые «пространственные образования», как исторические формы общества в пространстве, которые через проекцию социальных процессов возникают на

земле, на этом пространстве, в городе, дома. Своим концептом «пространственных образований» Г. Зиммель исходит не из действительности особых пространственных конфигураций, а, наоборот, из воздействия, «которые пространственные определенности одной группы познают через воздействие социологические образы и энергии другой» [8. S. 691]. Пространство остается при этом «само в себе бездейственной формой», оно только как сосуд для общественных и душевных содержаний [8. S. 615].

В эти же времена и многие другие ученые формулировали важные и интересные представления о пространстве. Исследования Фридриха Ратцеля, Халфорда Джона Макиндера, высказывания Вальтера Беньямина свидетельствуют об особом, более широком понимании пространства. В. Беньямин, например, формулирует убедительную критику по поводу того, как категория «время» ограничивает наше пространственное мышление [9].

Наиболее значимыми исследователями социального мира с точки зрения пространства называют ученых так называемой Чикагской школы (*Chicago School of Urban Ecology*). Но они причисляли свою работу не к социальной философии или социологии, а большей частью к городской экологии. Понятие «экология» чикагцы переняли от немецких историков и натуралистов и применили функционально к исследованию города, как месту обитания. Они постулировали возникающую пространственную причинность в городе, сильно влияющую на индивидуальное и общественное развитие. Однако это заявление более века не было разработано для применения на практике и не привлекло внимания. Научная и исследовательская среда того времени была убеждена, что общественные процессы формируют пространственность, обратное же не возможно. То, что пространственность влияет на общественные процессы, никто из исследователей тогда не акцентировал.

В конце 1960 г. начинается действительная история «пространственного поворота». Ещё два исследователя в этом направлении Яна Якобс и Давид Харвей. Они занимались, также как и ученые Чикагской школы, пространственной казуальностью и продумывали значение городского и местного пространства для развития социума. Сюда относятся ранние произведения Д. Харви [10]. По нашему мнению, их исследования по онтологической постановке пространственности на одно из первых мест мешала в полной мере осуществиться марксистская ортодоксия. Здесь имеется ввиду труд Я. Якобс 1969 г. «*The Economy of cities*» [11], который имеет мало общего с её первой книгой «*The Death and Life of Great American Cities*» [12]. В первой книге Я. Якобс пишет слегка романтизированно о «плотной застроенности пространства и его влиятельности на местах. А уже в 1969 г. в «*The Economy of cities*» она формулирует более весомые аргументы о влиянии пространства, пространственные импульсы она называет искрами,

исходящими от городской хозяйственной и общественной жизни, способными эту самую жизнь разжечь.

Сегодня нельзя не упомянуть двух ученых, которые предложили абсолютно новое понимание пространства: Анри Лефевр и Мишель Фуко. Эти два ученых абсолютно независимо друг от друга стали формулировать одинаковые аргументы. Они первыми стали ставить вопросы влияния пространства города, местного сообщества на социальные отношения. На майском кризисе в европейских городах в 1968 г. они убедились, что исследований городов и местных сообществ, с учетом пространственной составляющей, практически нет. Модели М. Фуко и А. Лефевра свидетельствовали, что возможность передвижения социальных структур в определенном направлении, определении мест, районов, которые имеют воздействия на социальную среду, возможно только при достижении равновесия между временными и пространственными концепциями. Именно их идеи позволили предположить, что город (как место определенного сообщества) получает огромную способность к воздействию на локальную, социальную среду. Оба придерживались мнения, что пространственное мышление также важно, как и историческое, однако они не подчеркивали это особенно часто. Но это совершенно четко можно найти и у А. Лефевра, и у М. Фуко, когда они высказываются по поводу своего метода исследования. А. Лефевр почти всегда, без исключения, излагает открыто свой ход мыслей, в отличие от М. Фуко. Но, в принципе, оба говорят, что восприятие пространства дуалистичны, бинарны и строятся на двух полусферах мышления. Господствующий пространственный модус воспринимает пространство как материальную форму, предметы в пространстве, изображенные на карте пространства. А. Лефевр называл их «пространственная практика» или «постигаемые пространства, чувственно воспринимаемые пространства». Он делал важные высказывания по поводу пространственного мышления. Он концентрировался на материальных формах, описывал их в отношении или в связи с тем, что находится на поверхности, что измеряемо и воспринимается, что в последствии было названо Э. Зоя понятием «*Firstspace*» [13. P. 74–78].

К воззрению на пространство как к «*Firstspace*»-пониманию присоединяется понимание «*Secondspace*», которое часто воспринимается как противоположное значение, а иногда, как дополнение к «*Firstspace*». К «*Secondspace*» относятся пространственные понятия, пространственное мышление, ментальные карты, эпистемология философской методики. И большинство этих восприятий пространства связаны как раз с тем, насколько полно имеется информация о физических пространствах, картированных пространствах, так называемого «*Firstspace*».

Если «*Firstspace*»-понимание можно обозначить в смысле объективного пространства, то «*Second-*

space» имеет дело с ментальным пространством, с мыслями о пространстве. А. Лефевр называет его «*conceived space*» (представляемый мир) [14. S. 330]. Однако А. Лефевр и М. Фуко говорили о том, что есть иной вид пространственного мышления, который комбинирует оба эти подхода. Эта комбинаторика соединяет оба направления: что-то от объективного с чем-то от субъективно-ментального пространства. Оба ученых не признавали исследования, которые концентрируются только на опознаваемом объективном пространстве, исследования, опирающиеся на математические описания «*Firstspace*», без корреляции описания пространства с социальными и общественными условиями. И у А. Лефевра, и у М. Фуко речь идет не об альтернативе или/или, речь идет о модусе мышления, который комбинирует оба варианта, расширяет пространственное мышление, пока оно не достигнет того же уровня важности, как историческое. А. Лефевр и М. Фуко были убеждены, что исследования должны поднять пространственное мышление на уровень мышления исторического. Это означает, что все то, что берется во внимание с точки зрения истории, действует и в отношении пространства. Однако «дух пространства» тогда ещё далеко не вошел в вокабуляр исследований, в отличие от выражения «дух времени». И это одно из ключевых моментов философской традиции XX в. Например, хайдеггеровские понятия «*Sein und Zeit*» (бытие и время) достаточно известны, но мало кто знает, что в своих поздних произведениях М. Хайдеггер тоже задавался вопросом, относится ли пространство к его концепции, могут ли быть пространственные последствия жизни такими же важными, как следствия времени. Он некоторое время в этом сомневался. Время и бытие осталось для его исследовательской онтологии самыми отличительными чертами [15].

Основной исходный пункт, новая парадигма в работах М. Фуко и А. Лефевра звучит так: пространство, которое мы имеем ввиду, в связи с «пространственным поворотом», общественно- или социально-производимое пространство. Слово «опространствование» используется иногда для того, чтобы подчеркнуть, что если мы говорим о пространственном мышлении, то мы имеем ввиду не только физическое пространство, но и пространство социальное и пространство природы. Мы понимаем общественно- или социально-созданное пространство в смысле динамического процесса. Социально-созданное пространство это не просто нечто, что автоматически нами производится, это активный и политически определяемый процесс, который направлен в центр нашего понимания пространства. Становится понятным название известной книги А. Лефевра «Производство пространства».

Физики и философы, занимающиеся физическими пространствами (А. Эйнштейн, И. Ньютон, Г.В. Лейбниц), практически не говорили о социальной продуктивности пространства. Когда

А. Лефевр говорил о продуктивности пространства, он часто слово «социальное» заключал в скобки [14. S. 330–340]. Но именно А. Лефевр выделял и ставил на первое место социальное. Он отмечал, что есть пространственные элементы, которые влияют на социальные отношения и классы. Однако это оставалось только во французском философском дискурсе и почти не принималось в немецкой или англо-саксонской традиции. Ни либеральные, ни радикальные социальные исследователи на Западе тогда не акцептировали постулаты А. Лефевра и М. Фуко. Даже их ученики, М. Кастельс и Д. Харви считали, что они далеко зашли со своими аргументами. А Д. Харви даже называл это в своей книге «Социальная юстиция и город» — ересь [16. P. 37]. Собственно эти аргументы ограничивали развитие «пространственного поворота» почти 25 лет.

Еще одним аргументом А. Лефевра, который часто вызывает определенные сомнения, является утверждение, что развитие всех человеческих обществ осуществляется всегда только в форме городских (местных) сообществ. Изначально, еще с переходом из первобытно-общинного строя, люди стали членами определенных сообществ и проектировали свои сообщества населенными, городскими, локальными (*urban*). Все формы общественного развития, переходы к культурному земледелию, к политическим революциям, к возвышению государств, до индустриальной революции — все это исходило из сообществ урбанистического характера. Вообще в сообществах нет непространственных общественных отношений. Мы можем абстрагироваться от этого и говорить об этих абстракциях, но если мы хотим заниматься реальным социумом, где живут люди, и его репрезентациями, мы должны рассматривать его с новой, пространственной точки зрения.

У А. Лефевра в связи с этим утверждением появилось описание третьей формы пространства — «обжитое пространство». Он подразумевал, что «обжитое пространство» формируется на той же почве, уровне, как «обжитое время».

М. Фуко употреблял другие понятия: гетеротопология и гетеротопия [17. S. 34–46]. Обжитое пространство и гетеротопия М. Фуко показывают альтернативное пространственное мышление, образ конструируемого пространственного восприятия, который долгое время был в забвении. Вероятно поэтому, мы видим у него много неточностей, несоответствий. Бывает у него речь идет о материальных формах, о реальном и представляемом, бывает о картированных формах и их репрезентациях, и при этом остается много необъяснимых вещей.

Г. Лефевр замечает, если мы принимаем, что пространство общественно создается, тогда мы признаем, что мы его можем изменить. Это очень важное логическое следствие: пространство нам не просто дано, оно не наследуемое физическое окружение, которое мы просто должны воспри-

нять, и оно на нас оказывает влияние, без нашего обратного влияния на него. Если мы продуцируем пространство, которое негативно выражается, которое несправедливо и нас угнетает, мы его тоже можем изменять. Политические следствия, вытекающие отсюда, были А. Лефевром предусмотрены.

Следующая мысль А. Лефевра, которая в настоящий момент широко дискутируется, касается так называемой «триалектики пространственности» [14. S. 330–340]. Термин, используемый не всеми, но Э. Зойя использовал его, чтобы показать, что аспекты пространственно ориентированного мышления являются интер-реактивными, всегда являющимися и воспринимаемыми как трио, никогда в раздельности как пространственное, социальное и историческое. [13. P. 78]. Это касается общественно приземленной геоистории.

Возвращаясь к А. Лефевру и М. Фуко, можно говорить о социально-пространственной диалектике, основная мысль которой в том, что общественные процессы образуют также пространственные формы, как пространство предопределяет общественные процессы. Таким образом, можно относительно легко утверждать, что общественные процессы чеканят, окрашивают пространственные формы. Мы находим у Э. Гидденса пространственно-временное структурирование общественных отношений [18].

Социально-пространственная диалектика основывается на понимании и восприятии урбанизированной пространственной причинности, однако она не должна смешиваться с детерминизмом окружающего мира, так как ее фокус — общественно-созданное пространство. Общественно-созданное пространство, идет ли речь о городском сообществе или региональном контексте, интернациональном или глобальном, — это такое пространство которое общественно создано при условиях многочисленных неодинаковостей, противоречий. И такие неодинаковости и противоречия будут и на глобальном и на локальном уровне. «Пространственный поворот» делает возможным политизировать пространства в ином стиле и образе. Примерами политизирования могут быть следующие концепты:

1. **Пространственный капитал, ресурс.** И в этом свете исследования урбанизированной пространственной причинности имеют совсем новое, действительно междисциплинарное поле для всех гуманитарных наук, которые признают наличие стимулов или ресурсов, которые исходят от городской, урбанизированной агломерации. И это не только для культурной географии, но и для географически ориентированной экономики. В экономической силе городских экономик, которые опираются и порождаются плотностью урбанизированных жизненных отношений, был еще убежден в конце XIX в. неоклассический экономист Альфред Маршалл. «Воздух города делает свободным. Он же и приносит прибыли». Маршалл исходил от смешения локальных и городских экономик [19. S. 17]. Сегодня учение о народном хозяйстве

возвращается медленно к тому, чтобы эту креативную, инновационную силу городских агломераций (мест) оценивать как главную движущую силу экономического развития, конечно же, не как одну единственную силу, но как одну из первых. Роберт Лукас, один из первых исследователей экономической теории, сегодня пришел к мнению, что исследования Я. Якобс еще в 1969 г. должны были иметь широчайшее признание, она заслуживает за свою работу также Нобелевской премии. Экономисты называют главный посыл Я. Якобс о рентабельности экономикой её имени [20]. Эти новые направления пространственного поворота делают удивительные шаги, однако нуждаются в дальнейших разработках в области гуманитарных наук, социальной философии.

2. Влияние пространства на политическую и социальную практику. Например, профсоюз водителей маршрутного транспорта в городском сообществе борется против отмены дотационных дешевых маршрутов для населения из пригорода. «Пространственный поворот» в понятийном отношении здесь становится частью политической практики, показывает политическое пространственное сознание, которое выливается в политически значимые или социально значимые акции.

Выводы

Исследование социального мира, взаимоотношений человека и общества, места социальных действий, местных сообществ, требует иной точки зрения на социальный мир, которая становится возможной в связи с обновленным введением в социально-философский дискурс понятий простран-

ства, поля, пространственного воображения, топологии и дает возможность рассматривать пространственное, социальное и историческое как одинаковые равноценные перспективы.

Исследовательские представления о пространстве И. Канта, Ф. Ратцеля, Х.Д. Макиндера, В. Беньямина, ученых Чикагской школы, Д. Харви и Я. Якобс выявили пространственную причинность, казуальность, возможность влияния на индивидуальное и общественное поведение. Абсолютно новое понимание пространства разработали Г. Лефевр и М. Фуко, как общественно- или социально-производимого пространства. Э. Зойя показал, что аспекты пространственно-ориентированного мышления являются интерреактивными, всегда возникают и воспринимаются как трио, никогда в раздельности как пространственное, социальное или пространственно- историческое. Э. Гидденс провел пространственно-временное структурирование общественных отношений. Благодаря «пространственному повороту» становится возможным политизирование пространства в концептах пространственного капитала, ресурса и пространственной социальности.

Дальнейшие наши исследования будут связаны также с «пространственным» или «топологическим поворотом» и пространственным, полевым пониманием жизни, с топологией (учением о поле или месте). Изменения, происходящие в современных сообществах, могут быть достаточно полно представлены топологическими характеристиками и наша задача показать, что их топологический анализ располагает широким проблемно-постановочным и методическим спектром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. Теории глобализации в контексте постклассической парадигмы // Известия Томского политехнического университета // 2007 – Т. 311. – № 7. – С. 115–120.
2. Foucault M. Fragen an Michel Foucault zur Geographie // Schriften in vier Bänden. Dits et Eskrits. Bd. III. – Frankfurt am Main: Hrsg. von D. Denfert, F. Ewald, J. Lagrange, 2003. – S. 38–54.
3. Маркс К. К критике политической экономии. Изд. 2. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 13. – 176 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. – М.: Госполитиздат, 1956. – 365 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. / под ред. Б.А. Чагина. – М.: Наука, 1996. – 425 с.
6. Soja E.W. Vom «Zeitgeist» zum «Raumgeist» // Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften. – Bielefeld: Hrsg. J. Döring, T. Thielmann, 2008. – S. 241–262.
7. Кант И. Сочинения в 6 т. Физическая география. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – 418 с.
8. Simmel G. Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft // G. Simmel: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Gesellschaft. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1908. – S. 614–708.
9. Benjamin W. Das Passagen Werk // Gesammelte Schriften. Bd. V. Teil 1 und 2. – Frankfurt am Main: Hrsg. von R. Tiedemann und H. Schwepenhäuser, 1983. – 1350 S.
10. Дэвид Х. Городской опыт. D. Harvey. The Urban Experience / Пер. В.В. Вагина. – Oxford: Blackwell, 1989. 2012. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=105> (дата обращения: 06.05.2012).
11. Jacobs J. The Economy of cities. – New York: Random House, 1969. – 445 p.
12. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 378 p.
13. Soja E.W. Thirdspace // Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places. – Cambridge-Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – P. 74–78.
14. Lefebvre H. Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt am Main: Hrsg. J. Dünne, S. Günzel, 2006. – S. 330–340.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
16. Harvey D. Social Justice and the City. – London: Arnold, 1973. – 247 p.
17. Foucault M. Andere Räume // Aisthesis – Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik. – Leipzig: Hrsg. A. Franz, W. Seitter, 1991. – S. 34–46.
18. Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft // Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. – Frankfurt am Main, 1988. – P. 25–90.
19. Marshall A. Handbuch der Volkswirtschaftslehre. – Stuttgart, 1905. – 580 S.
20. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – V. 22. – P. 3–42.

Поступила 28.05.2012 г.

МОЛОДЕЖЬ КАК ДЕФИНИЦИЯ ПЕРЕХОДА

И.В. Кирдяшкин

Томский государственный университет
E-mail: kirdjkin@mail.ru

Исследуется особенность переходности молодежи как социокультурного феномена. Раскрывается его репрезентативность переходности современного общества в целом.

Ключевые слова:

Молодежь, культура, современное общество.

Key words:

Youth, culture, modern society.

Сущностным свойством феномена молодежи является его переходность. Оно связывает два ведущих ее понимания: как определенного возраста человека, т. е. как социальной реальности, отражающей витальные потребности человека; и определение молодежи как средоточия культурных феноменов, формирующегося ментальными, историческими условиями, представляющими особенность духовной жизни человека. Переходность как свойство возраста и культурной установки есть отличие, позволяющее выделить молодежь в относительную целостность, отличную от других, составляющую результат общественной эволюции. В качестве его выражения можно рассматривать: увеличение периода социальной интеграции, расширение сферы образования молодежи; кризис ее идейных оснований и ценностно-нормативной структуры современного общества в целом; и как следствие – падение влияния иерархических социальных структур, рост значимости и разнообразия «префигуративных» тенденций в современном обществе, порождающих новые перспективы и риски развития.

Идея переходности молодежи присутствует в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. В положениях теории молодежи А.И. Ковалевой и В.А. Лукова молодежь – искусственная психосоциальная конструкция. И она для каждого общества определяется по-разному в зависимости от экономических, культурных и социальных переменных [1. С. 121–122]. Исследователи отмечают социальную роль феномена молодежи. Она, по мнению немецкого социолога Г. Шельски, состоит в переходе от самостоятельной роли ребенка к самостоятельной роли взрослого. Эта нормативная «не-самостоятельность» молодежи, по мнению исследователя, является ее ведущей чертой. Она порождает все проблемное поле молодежного существования в обществе, где молодежь оказывается между двумя социальными горизонтами: один из них составляет семья с ее личностной доминантой отношений (включая и отношения контроля), другой – анонимные общественные структуры с их бюрократизацией, рациональностью, обезличенностью отношений. Пропась между этими двумя горизонтами, характеризующими противоположные требования к

личности, и приходится преодолевать молодому человеку [2. С. 246]. По замечанию Ш. Эйзенштадта, молодость, определяемая как юность, требуется для того, чтобы помочь индивиду совершить переход из одного мира в другой. При этом юность не просто вставляется между детством и взрослостью, эта фаза расширяется. Глобальная тенденция состоит в том, что юность начинается все раньше и продолжается все дольше [3. С. 242].

Идея переходности стала основанием развития рискологического подхода в концептуализации, исследованиях молодежи. В его разработке ведущее значение имеют работы У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас, У. Уильямса, В.И. Чупрова, Ю.И. Зубок и других авторов. Ю.А. Зубок выделяет риск в качестве одного из ведущих свойств молодежи. Как считает исследовательница, риск возникает в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодежи [4. С. 199]. В этом отношении стоит добавить то, что риск как сущностное свойство молодежи, предопределен, прежде всего, неоформленными когнитивностью и ценностной ориентацией. Они помогают молодому человеку осуществлять селекцию присущей обществу информации, компенсируя ее рост механизмами ее отбора и переработки в психологически и социально релевантный продукт. В условиях ценностно-нормативной неопределенности и обусловленным ей ростом информационной нагрузки на молодого человека риск социального становления молодежи только усиливается, активизируя противоречия личностного и социального развития, катализатором проявления которых может стать «случайность».

Как отмечает Ю.А. Зубок [4], проникновение риска в структуру сущностных свойств молодежи происходило под влиянием нового этапа социокультурной эволюции. Он связан с изменением процесса передачи социального опыта между поколениями. В современном обществе из непосредственной формы через контакт с родителями он трансформируется в опосредованный процесс, преимущественно через систему образования, средства массовой информации и взаимодействие в группах сверстников. Формируется «префигура-

тивная культура», в рамках которой наиболее активно происходит так называемая «ювентизация опыта» (Ф. Малер, П.-Э. Митев) [4].

Как считает исследовательница, основой самостоятельности молодежи становится не только естественное стремление к преодолению зависимости от родителей или старших, но и ограниченность опыта последних в изменившихся условиях [4. С. 198]. При этом исследователи отмечают наличие многообразных социальных и культурных практик молодежи. Их изучение привело Е.Л. Омельченко к обоснованию тезиса о «культурной нормализации молодежи как альтернативе ее проблематизации и юсизму», что, по замечанию исследовательницы, не мешает тому, что «молодежь вовсе не является гомогенной и отдельной от взрослого мира группой. В своих ценностях, установках, практиках она отражает (принимая, сопротивляясь или используя) всю палитру взрослых отношений» [5. С. 19].

Перечисленные концепции дают основания для понимания того, что свойство переходности имеет в своем базисе определение молодежи как социокультурного явления, составляющего спектр феноменов, присущих культуре общества и состоянию ее системных свойств. Определение молодежи как социокультурного явления, по мнению Вал.И. Лукова, базируется на понимании того, что «социокультурное явление это часть реальности (группа, событие, вещь, идея, проект), которая содержит результат взаимодействия людей, основанного на свойственной данному обществу (сообществу) ценностно-нормативной системе» [2. С. 322]. Это дает возможность рассматривать молодежь в контексте состояния ценностно-нормативных констант общества, а также – через специфику и состояние традиции, как социального механизма передачи опыта и воспроизводства общества, ценностей человека как целостности.

Концептуализация феномена молодежи в XX – начале XXI вв. не случайна и связана с состоянием переходности несущих структур современных обществ. Как отмечает У. Бек, для современности характерен кризис традиции [6. С. 10]. М. Мид делает вывод о том, что начинающая себя проявлять со второй половины XX в. префигуративная культура основывается на невозможности следовать традиции и опираться только на опыт старших для успешной жизнедеятельности [7. С. 497–499]. По мнению М. Оукшота, традиция составляет важное отличительное свойство рациональности, формирующее эффект «разумной предосторожности», достоверного знания о предмете, виде деятельности [8. С. 64]. «Чем меньше остается традиционных форм защиты, тем больший риск мы вынуждены преодолевать», – пишет У. Бек [6. С. 10]. Как замечает Ю.А. Зубок, в первую очередь исчезают коллективные формы социальной защиты. А место традиций и социальных связей, основанных на коллективизме, занимает индивидуализация. Она, пишет исследовательница, затрагивает, как

объективные аспекты жизнедеятельности индивидов и групп (жизненная ситуация), так и субъективные (сознание, идентичность). Индивидуализация воплощается в идее конструирования собственной жизни как сугубо личного проекта с индивидуально обусловленными траекториями в различных сферах (труде, образовании, досуге, браке и т. д.) [4. С. 162].

Индивидуализация предопределяет как попытки реконструкции традиции, так и попытки освобождения человека от культуры, социальных ценностей и норм, препятствующих личностному развитию. Феномен молодежи несет в себе особенности переходных состояний ценностно-нормативного порядка современных обществ и процессов конструирования социальной реальности в ситуации поиска путей формирования целостного мировидения, устойчивых духовных оснований человеческой деятельности. Переходность молодежи в современных обществах значительно усиливает переходное состояние конституирующих ценностей, приоритетов общества и индивидуальных идентичностей. И значение перехода для молодежи уже не является локальным и индивидуальным событием или содержанием биографии. Переход молодежи в современном обществе означает нечто большее. Его содержание состоит в нахождении или формировании молодым человеком базовых категорий существования и развития в обществе: ценностей, смыслов, а также – форм сопряжения с обществом, другими людьми.

Эпигенетическая концепция личности Э. Эриксона, развивающая проблему понимания связи человека и внешней среды, приводит в качестве ведущего инструментария переходности идентичность. Ее кризисы составляют «неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или другую сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [9. С. 25]. Э. Фромм в своей гуманистической теории личности определяет в качестве основного конфликта, порождающего напряженность отношений человека и общества, конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности. Первое ведет к отчуждению человека от природы и общества, второе – к конформизму и утрате индивидуальности [10. С. 19–21]. Этот конфликт, согласно Э. Фромму, присущ всем обществам, так как порожден экзистенциальными потребностями человека. К этим потребностям, среди прочих (в установлении связей, преодолении себя, системе взглядов и преданности, ориентиров для объяснения сложного мира ради обретения смысла жизни), Фромм относит потребность в идентичности [11. С. 73].

Идентичность составляет важный ориентир эволюции. Его развитие требует формирования конструкций, отвечающих за поддержание способностей конструирования: устойчивых представлений о мире, оценки событий, реакций на измене-

ния, т. е. средств «наращивания» онтологической осведомленности человека. Среди ее задач ведущее значение имеет развитие онтологической ответственности человека, ограничивающей круг его возможных действий или интерпретаций мира.

Проблема формирования идентичностей для современной молодежи усугубляется трансформацией идентичности современного человека в целом. С.А. Смирнов рассматривает значение переходности в культуре современного человека как этап его нового возрождения и восстановления утраченной целостности. Переход в данном случае означает сам смысл экзистенциальной ситуации человека, связанный с научением мыслить. Мыслить, считает С.А. Смирнов, значит понять начало и исток, и в самом истоке изменять начальное движение бытия, перенаправлять его в иное русло [12. С. 54].

В переходе, пишет исследователь, становятся востребованными фигуры идентичности человека перехода. Они есть особые культурные типы. Это: фигура, обеспечивающая ситуацию принятия вызова, готовая принимать культурные вызовы эпохи (человек-челенджер (*challenge*)). Фигура, выстраивающая ситуации выбора и выхода из этих ситуаций (человек-чойсер (*choice*)). Фигура, выстраивающая представления о сетях-лабиринтах, понимающая их природу (человек-сетевик или *networker*). Фигура, которая разрабатывает средства, с помощью которых можно двигаться по сетям (человек-навигатор). Если все фигуры идентичности суммировать, то современные идентичности человека есть формы-модификации одного проекта — человека перехода [13]. Идентичность перехода релевантна для человека, проживающего в условиях, когда обострилась проблема поиска культурных образцов, присущая современной молодости, существующей в ситуации ценностной и социальной неопределенности [14. С. 8]. Ситуация человека, пишет С.А. Смирнов, стала еще более открытой и незавершенной. Человек вновь оказался в ситуации переназначения, нового возрождения, поиска нового начала [12. С. 61].

В Евангелии молодость приобрела значение символа духовного преображения человека в веке нынешнем и достойной части человечества после Страшного суда [15. С. 41]. Феномен перехода, присущий в качестве сущностного свойства молодости, ценен тем, что он — способ попадания в иной мир, обновленный и очищенный. Переход, считает С.А. Смирнов, — иная форма жизни, особая форма бытия, наиболее экзистенциальная [13]. В антропологии перехода обостряется и по-новому становится проблема идентичности. Но переход, по мнению С.А. Смирнова, относится к феноменам действия. Здесь на первое место выходит не столько идентичность. Ее как готовой формы в переходе нет.

Актуализируется проблема «оснастки архитектуры» человека перехода, проблема его готовности или неготовности совершить акт перехода

[16. С. 114]. В акте перехода, пишет исследователь, необходимо не столько обустройство мира, сколько «себя оснащать». Это необходимо, чтобы превозмочь переход, осуществить акт перехода. Акцентирующаяся идея личности, по мнению исследователя, является реальностью, помогающей пережить прыжок-переход, в акте которого и происходит трансформация человека. При обустройстве мира в устойчивых пространствах трансформация человека произойти не может. «Здесь человек живет в захватах и освоениях, овладениях миров. Себя он забывает, будучи захвачен собственной идеей. Его вооруженность предполагает внешний захват внешнего мира». Для перехода необходим не внешний захват, не внешнее снаряжение, а тренировка собственной архитектоники. Совершить прыжок, полагает С.А. Смирнов, — это всякий раз осуществить героическое усилие [12. С. 61]. «Оснастка», — пишет исследователь, предполагает, прежде всего, душевную «оснащенность». Поэтому человек перехода выстраивает свое новое культурное тело в духовных, культурных практиках: философских, религиозных, художественных, практиках аутопойезиса [16. С. 114–115].

В переходе, считает исследователь, важно мышление о начале, которое есть то, что онтологически наиболее укоренено, что и дает силу бытия. Именно к нему обращается человек, чтобы пережить переход. Опыт прошлого довлеет над человеком перехода, поэтому человек перехода мифологичен и обращен к родовому мышлению, которое дает ему опору в настоящем. И только через родовое мышление его переход в новое измерение или новое рождение человек осуществляет переход, новое обретение себя. Рождение Рода, пишет С.А. Смирнов, переживается как рождение космоса [13].

Идея переходности молодежи как социокультурного явления, связанного с переходностью смысла изменений человека, формированием партиципаторных отношений и «базового доверия» к обществу, обуславливает значимость процессов управления переходом, сопряженных с конструированием базисных оснований социальной реальности для молодежи, предопределяющих интенции ее социальных и культурных практик. Понятие реальности выступает как средство, позволяющее «снимать» определенные «показания» о явлениях окружающей действительности, необходимые в ситуации перехода, ограничивающие его поиск, сопряженный со свободой.

Сквозным контекстным содержанием всего бытия в переходе, по мнению С.А. Смирнова, является все большее производство степеней свободы как максимальной возможности быть, состоятельности своего бытия, его полноты и цельности [13]. Смысл перехода, пишет С.А. Смирнов, состоит в том, что человеку придется совершить вновь главное усилие — помыслить переход, изменить свою мысль, переименовать мир [16. С. 98]. Осуществить переход значит раздвинуть горизонт, выраженный в культурной норме и идеале [16. С. 102–103]. В переходе, указы-

вает исследователь, совершается повторение первичного акта творения Мира, преобразования Хаоса в Космос. Для человека перехода важно состояться в бытии, найти точку опоры, ясный ориентир в мире, причем в действительном мире первобытия, а не в иллюзорном и случайном [17. С. 151].

В этом отношении переход состоит из сложных противоречий, определяющих будущее для человека и общества. Идея будущего, считает Э. Кассирер, это императив человеческой жизни, выходящий за пределы практических нужд человека — за рамки его эмпирической жизни вообще. Будущее, замечает философ, это не эмпирический акт, а этическая и религиозная задача. Здесь сила человеческой символики устремляется за пределы конечного существования человека [18. С. 505]. В этом отношении возникает актуальная потребность общества в регулировании состояния перехода, определяющаяся набором методов, позволяющих управлять процессом самореализации человека-перехода.

В традиции, начинающейся с философии Платона, переход к социальному существованию, подразумевает «перенаправление» мысли, сознания человека, осуществление перехода через приобретение личностных свойств и социальной роли, предусмотренных идеальным видением социальной реальности. В диалоге «Государство» Платон в отношении молодых стражников, как одной из двух высших страт свободных граждан платоновского государства, применяет требования, исходящие из образа идеального государства. Платоновский Сократ устанавливает цензуру воспитания, регулируя такие свойства юности как легкомыслие, склонность к веселию [19. С. 81]. Так ей подвергаются даже мифы о взаимоотношениях Урана и Кроноса: «Нельзя рассказывать юному слушателю, что поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца (как Кронос поступил в отношении Урана), и что он просто делает то же самое, что и первые, величайшие боги» [19. С. 141].

Платоном вводились требования к поведенческим реакциям юношей. В них входила недопустимость «лгать собственным правителям». «Нельзя ... позволить нашим воспитанникам быть взяточниками и корыстолюбцами», а потому «Мы не допустим, чтобы наши юноши верили, будто Ахилл ... питал в себе две противоположные друг другу болезни — низость одновременно с корыстолюбием, а с другой стороны, пренебрежение к богам и людям». «Пусть и не пытаются у нас внушить юношам убеждение, будто боги порождают зло и будто герои ничуть не лучше людей» А потому нам пора переставать рассказывать эти мифы, чтобы они не породили в наших юношах склонность к пороку» [19. С. 152–156].

Детализация воспитания у Платона строится на обобщении, представленном знаменитым образом пещеры. В нем люди, скованные с малых лет цепя-

ми, «не могут двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков» [19. С. 295]. Они видят только тени того, что происходит за входом в пещеру, принимая тени за истину. И если человеку из такой пещеры дать возможность увидеть подлинность вещей, он окажется в большом затруднении и подумает, будто «гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь». Если его будут насильно тащить в гору, к солнцу, он будет страдать и возмутиться таким насилием, а увидев солнечный свет, будет ослеплен им и не увидит ничего из обещанных истин [19. С. 296]. Освобождение от мрака, постижение блага — вовсе не простая и не общедоступная задача. Она требует предварительной подготовки, выражающейся в системе воспитания и контроля, конструирующей у юношей определенное понимание замысла государства как системы отношений.

Юношество у Платона это воплощение блага, принадлежавшего обществу, которое требуется наблюдать, оценивать, воспитывать и «применять», в частности, в роли стражей для защиты граждан государства. В этом отношении порядок в идеальном государстве конструируется и поддерживается философами как правителями в силу того, что смысл его стал им ясен еще до того, как они были допущены до управленческих функций. Государство Платона сконструировано как идеальная модель. По мнению Вал.А. Лукова, эпоха Платона и последующие эпохи в плане толкования свойств юности и того, что с этими свойствами надо делать, как их окультуривать, и современность связывает стремление этот по сути рутинный патерналистский фрагмент встраивать не в систему поддержания традиции, а в социальный проект, который может переходить из зоны идеального в зону реального, как проект воспитания «нового человека» и последовательного проектирования социального порядка в макромасштабе [2. С. 88–89].

Молодость предстает в качестве формы будущего, выражающей нормы абстрактного порядка, осуществляющего: коммуникацию между традицией и инновацией, обновление смысловых структур общества, вписывания их в современность. Идея молодежи — конструкт подвижный, предопределяющий образ будущего человека, что может: способствовать восприятию обществом новых форм обобщений, присутствующих в нем смысловых отличий; расширить коммуникативный план поддержания, проявления новых коммуникативных практик, сохранения цепей социальных коммуникаций. Посредством феномена молодежи возникает возможность планировать свое будущее в соответствии с выбранным «путем», культурной программой преодоления проблематичности настоящего.

Современное общество пребывает в процессе постоянного увеличения информации о себе самом, фрагментирующемся различным культурным опытом, где переход во взрослое состояние имеет

дискретный характер, тесно связанном с актуализацией того или иного культурного фрагмента, воздействием новой событийности. Современный переход к относительно самостоятельному социально-экономическому, культурному существованию приобретает не только более протяженный период, он становится все более интенсивным по степени, объемам переработки информации, необходимой для интеграции в общество как набор коммуникаций, испытывающий информационные вызовы, и проблемы с адаптацией. Переход к самостоятельности все более детерминируется процессом мобильной селекции культурного опыта и представлений. Управление этим переходом составляет инструментарий выработки несущей ценностно-смысловой конструкции для общества.

В целом регулирование самовыражения человека-перехода имеет для современного общества самое прямое назначение, состоящее в управлении процессом конструирования перехода общества к тому или иному ценностно-смысловому порядку. И этот переход связан с поиском и становлением устойчивых нормативных оснований общества, активной реконструкцией прошлого как опоры бытия человека в настоящем. Феномен молодежи, используя в различных социальных, культурных, политических практиках идентичность человека-перехода, имеет ряд его социокультурных стратегий. *Во-первых*, процесс личностного самостроительства, самоопределения. *Во-вторых*, обращение к прошлому, мифу как опорам для преодоления неопределенности в настоящем, создания себя «заново». Реконструкция прошлого создает предпосылки альтернативам будущего. Человек обращается к поиску «промысла» своего бытия. *В-третьих*, актуализируется героическое усилие, необходимое для совершения «перехода» как «прыжка» в новое измерение реальности. Оно осуществляется, в том числе, посредством разнообразия социокультурных, духовных практик. Переходность придает важность мифу как форме смысла для преодоления хаоса, стабилизации социума и реконструкции прошлого.

Молодежь, принимая социокультурные стратегии человека-перехода, выражает потребность общества в конструировании базовых смыслов собственных нормативных оснований, форм коллективной идентичности. Молодежь может стать носителем инновационного потенциала общества, если ее «переход» как-либо обозначен, т. е. в нем присутствуют какие-либо ценностные приоритеты, предопределяющие концепт будущего как горизонт, выраженный в культурной норме и идеале. Учитывая, что каждое общество имеет собственные, выражающие «картину мира» человека, культурные ресурсы и «инструментарий», производящие процесс перехода, молодежь обретает вид социокультурного феномена, для которого переход во взрослую жизнь к относительно устойчивым ценностям мотивирован специфическим смыслом, который выступает конструктивной основой селекции информации.

Молодежь, принимая социокультурные стратегии человека-перехода, выражает потребность общества в конструировании базовых смыслов собственных нормативных оснований, форм коллективной идентичности. Молодежь может стать носителем инновационного потенциала общества, если ее «переход» как-либо обозначен, т. е. в нем присутствуют какие-либо ценностные приоритеты, предопределяющие концепт будущего как горизонт, выраженный в культурной норме и идеале. Учитывая, что каждое общество имеет собственные, выражающие «картину мира» человека, культурные ресурсы и «инструментарий», производящие процесс перехода, молодежь обретает вид социокультурного феномена, для которого переход во взрослую жизнь к относительно устойчивым ценностям мотивирован специфическим смыслом, который выступает конструктивной основой селекции информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. – 234 с.
2. Луков Вал.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. – М.: Канон+++ РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
3. Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проект, 2004. – 605 с.
4. Зубок Ю.А. Риск как фактор социального развития молодежи: дис. ... д-ра социол. наук. – М.: Институт социально-политических исследований, 2003. – 334 с.
5. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 124 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 281 с.
7. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // В кн.: Молодежная субкультура / под ред. Левикова И.С. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 483–499.
8. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 254 с.
11. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 316 с.
12. Смирнов С.А. Бытие в свободе или проблема культурной идентичности в ситуации цивилизационного сдвига // Философские науки. – 2004. – № 6. – С. 53–64.
13. Смирнов С.А. Человек перехода // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 2003. – № 32. URL: <http://www.circleplus.ru/archive/n/32/4> (дата обращения: 10.09.2010).
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М.: Academia, 2008. – 272 с.
15. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 400 с.
16. Смирнов С.А. Словарь антропологии перехода // Философские науки. – 2008. – № 12. – С. 97–119.
17. Смирнов С.А. Культурный возраст человека: Философское введение в психологию развития. – Новосибирск: Офсет, 2001. – 260 с.
18. Кассирер Э. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 779 с.
19. Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 656 с.

Поступила 11.01.2012 г.

УДК 316.46: 316.423.2

ЛИДЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОРЯДКА И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Л.И. Иванкина, Н.В. Мартынова

Томский политехнический университет

E-mail: ivankina@tpu.ru

Показано, что, для того чтобы результат не был случайным, в управлении должен быть специальный механизм для передачи внешних воздействий на уровень индивидуального поведения субъектов, каковым и является, по нашему мнению, лидерство. Обосновано, что в качестве механизма упорядоченного взаимодействия, лидерство выступает модернизационной предпосылкой социальных преобразований.

Ключевые слова:

Лидерство, лидер, последователь, социальная роль, интеллигентность, социальный порядок.

Key words:

Leadership, lead, adherent, social part, cultural level, social order.

На наш взгляд, заслуживает внимания вопрос предназначения лидерства в социальных системах — чем оно предопределено, чем является и для чего необходимо? Цель данной статьи состоит в выявлении оснований для лидерства, а также взаимосвязей лидерства с процессами стабилизации и трансформации социальных систем.

В современной справочной и научной литературе лидерство определяется, преимущественно, как способ влияния на других в направлении достижения определенной цели. И в этой связи, архиважным для понимания возможностей лидерства, по нашему мнению, является следствие его реализации — создание мира, к которому хотят принадлежать люди, поскольку лидером, исходя из его видения, формируются события, привлекательные для других людей вследствие их значимости для этих людей. Это способствует тому, что лидер постоянно находится в поле функционирования и развития социальной системы, и его миссия связана с выделением из непрерывного потока информации нужных сведений, с распознаванием полезных сигналов и трансформированием их в цели. В деятельности и образе лидера фиксируются одновременно две социальные роли: это — субъект принятия решения (источник целеобразования) и воплощение этих целей. В этом качестве лидерство является одной из форм институционализации порядка в обществе, обеспечивающей модальную образцовость действий, освобождающей поведение от рефлексии, позволяя индивиду действовать по образцу («делай как я») и не думать всякий раз, как поступать. Харизматическая теория Дж. Конгера и Р. Канунго (Conger and Kanungo) основывается на предположении, что последователи приписывают лидеру харизматические характеристики, исходя из собственных наблюдений за его поведением, для которого характерными являются такие особенности, как уверенность в себе; ярко выраженная способность к влиянию, мотивированию, побуждению к действию; социальная сензитивность (чувствительность), эмпатия, или

способность понять переживания другого человека, позволяющая заметить актуальные потребности, цели, ценности последователей и пр.; способность к разумным действиям [1. С. 138–139].

Можно утверждать, что лидерство имеет непосредственное отношение к управлению процессом самодвижения социальной системы, воздействуя на естественные процессы. Это происходит, обращаясь к концепции «вызова и ответа» А. Тойнби, за счет того, что лидер распознает цель системы, обусловленную конкретными социокультурным, историческим и иными контекстами, делая ее доступной для большинства, направляя его социальную активность в направлении реализации цели. Обосновывая ключевую роль в ситуации вызова творческого меньшинства, создающего ответ, и мимесис (в переводе с греч. «*μιμησις*» означает «подобие, воспроизведение, подражание»), понимаемый как социальное подражание, благодаря которому ответ становится достоянием нетворческого большинства, А. Тойнби отмечал, что если вызов настолько значим, что ощущается всем обществом, в том числе и его нетворческим большинством, то эта ситуация означает, что творческое меньшинство, нашедшее ответ, лучше адаптировано к новой ситуации. По его мнению, с чем согласны и мы, цивилизации существуют до тех пор, пока творческое меньшинство способно давать адекватные ответы на новые вызовы, а нетворческое большинство имеет волю к продолжению мимесиса.

Лидерство как механизм упорядоченного взаимодействия выступает модернизационной предпосылкой социальных преобразований. Именно субъективный компонент отражает конкретно-историческую напряженность и содержание притязаний общества к существующему социальному порядку, отвечает за выбор из многих вероятных перспектив конкретных ресурсов и технологий достижения нового желаемого общественного состояния. Как субъект социальной модернизации лидерство осознает несовершенство наличного социального порядка, обладает достаточным потен-

циалом влияния на общество и выступает способом разрешения ключевого противоречия, обозначенного А. Тойнби как вызов.

Лидер – своеобразный катализатор общественного сознания. В философской литературе последних лет феномен лидерства рассматривается как атрибутивная характеристика социальной жизни. Ж. Блондель интерпретирует лидерство как способ сплочения членов сообщества для общей деятельности [2. С. 32]. Лидер формирует видение, ставит цели, задачи, убеждая других, почему это важно, зачем это нужно, и что это даст в будущем, если они будут делать так, как им предписывается.

Если понимать под обществом формы и способы взаимодействия людей, в которых проявляется их зависимость друг от друга, тогда понятие «лидерство» отражает процессность взаимодействия людей как социальных акторов, вступающих в отношения взаимной зависимости. Мы определяем лидерство одновременно и как форму, и как способ взаимодействия. В качестве формы взаимодействия лидерство проявляется в структуризации социальных ролей и уровней взаимовлияния, в качестве же способа взаимодействия лидерство представляет собой реализующуюся власть как способность оказывать влияние на других. Поскольку процесс распределения влияния и выбора исхода определения меры пресечения действия, его контроля актуализирует ощущение справедливости, правильности или неправильности, то можно утверждать, что лидерство в развитии человечества выступает культурной универсалией, эволюционирующим механизмом приведения в соответствие индивидуального и группового уровней организации жизни человека.

Представление о лидерстве и лидерах имеет архетипическое основание. Фольклор разных времен и народов хранит память о лидере как герое, выдающемся человеке, сражающемся со злом за восстановление справедливости. Особое отношение к лидерству как проявлению особой благодати, величия уже было отмечено в первобытном обществе. И в представлениях современного человека о лидере по-прежнему доминирует идея о том, что действия такого человека связаны с общим благом.

Понимание же применения лидерства неоднозначно, и можно выделить две традиции, определяющие место лидерства в жизнедеятельности социума, – западная и восточная. Западная традиция связана с обоснованием природы лидерства, исходя из того, для чего предназначен лидер в активном действии. Ф. Ницше в этой связи считал обоснованным независимое поведение лидера, признавая за ним право на третию морали как «оружия слабых».

Восточная традиция исходит из того, что, как определял Лао-цзы, деятельность лидера не замечает народ, он находится в стороне, в «тени», не выпячивая и не навязывая себя, а пробуждая в других их собственный разум. Можно провести параллель в прикладном применении данных под-

ходов к разнице использованию понятий «лидерство» и «интеллигентность», имеющих разное предназначение, а, следовательно, возможности.

Данную позицию можно подтвердить сложившимися практиками организации жизни в разных социокультурных моделях, получившими название западной и восточной, по-разному определяющими природу лидерства и его предназначение, вкладываемыми в абстрактные понятия определенный смысл. Символика осевых ценностей Запада и Востока представлена следующими образами метафор:

Запад	Восток
Ян	Инь
Мужское начало	Женское начало
Воля к власти	Жертвенность
Право над любовью	Смирение
Действие над созерцанием	Терпение
Рассудок над чувствами	Благоговение
Конкуренция	Поддержка
Радио	Вера
Разделение	Целостность
Механика	Органичность
Критика	Интуиция

Интеллигентность, рассматриваемая нами как заинтересованность и активная включенность в происходящее человека «с обязанностью к душевному труду, направленному на то, чтобы люди, общество, мир в целом становились культурнее, образованнее, одухотвореннее, гуманнее» [3. С. 131], противостоит той ситуации, в которой человек находится. Интеллигент лишь обращает внимание на проблему, стремится прорваться, достучаться до здравого смысла тех, кто может и должен ее решать, но не навязывает своего решения, обращаясь к разуму человека, его совести, чувству ответственности за то, что происходит с ним и его близкими, а это создает глубокий душевный дискомфорт. В этом принципиальная разница интеллигента и лидера. И интеллигент, и лидер постоянно находятся в поле системы окружения и информации, но если задача лидера заключена в соизмерении своих идей, планов, мыслей с окружающей реальностью, в умении выделять из непрерывного потока информации нужные сведения, распознавать полезные сигналы и трансформировать их в цели для других, то для интеллигента важна моральная сторона данного процесса. Даже в обращении к другому интеллигент апеллирует к «я», а лидер – к «мы». По определению А.Ф. Лосева, интеллигентный человек «прост и незатейлив, всегда общителен и откровенен и не склонен аналитически вдумываться в свою интеллигентность... она есть та культурная атмосфера, которою дышат люди; и она есть простота, которая где-то и когда-то и часто неизвестно почему сама собой возникает в человеке и делает его интеллигентным» [4. С. 320].

Лидерство, происходя от английского глагола «lead», что значит «вести», в полной мере соответствует своей этимологии. Лидер формирует видение, ставит цели, задачи, убеждая других, почему это важно, зачем это нужно и что это даст в буду-

шем, если они будут делать так, как им предписывается. Поэтому лидер, обращающийся к решению проблемы и принимающий ответственность за другого, не вызывает у этого другого душевных затруднений, его позиция воспринимается без противоречий. Э. Фромм, анализируя данную тенденцию, определил ее природу в стремлении человека уйти от ответственности, переложить ее на другого (их), что с позиции интеллигента абсолютно не допустимо. Интеллигент не хочет, чтобы за ним следовали, ибо он не решает за другого, он не дает себе такого права, поэтому, конечно же, интеллигент неудобен в своих сомнениях и призывах к лучшим сторонам человеческой души. То, чего действительно хочет интеллигент, заключено в его миссии, стремлении к тому, чтобы люди не потеряли способность к сомнению, не поверили в собственную непогрешимость, не превратились в механистическую систему, лишенную сомнений в правильности того, что они делают.

В то же время, возможность приходиться к общим целям актуализирует рефлексию. Человек живет в изменяющейся области описаний, которую он порождает путем рекурсивных взаимодействий в этой сфере. Регулирование взаимодействий рождает мораль, возникающую в результате дискурса — обсуждения людьми того, что же будет нормами, которые будут регулировать принятие решений, и побуждающую индивида оценивать происходящее с позиции других людей. Любое действие имеет смысл тогда, как показал Т. Парсонс, когда оно включено в ориентацию личности, представляющую отношение действующего лица к миру, к своим поступкам, к своим целям в процессе деятельности, с помощью которой достигаются цели. Причем это отношение, согласно Т. Парсонсу, включает, главным образом, комплекс субъективных представлений действующего лица о мире с точки зрения желаемого, то есть строится на основе образа мира [5. С. 220]. Из переплетения идей, правил, действий и интересов человека образуется социальная ткань (социокультурное пространство), выступающая практиками повседневности. Социальная реальность проявляется в межиндивидуальной реальности как отношения привязанности, зависимости, обмена, личностной преданности и прочих социальных связях.

За счет чего возможно лидерство? Онтологическое положение социальности связано с методами устройства жизни. Для того чтобы массы людей составляли некоторую общность, должны функционировать скрепляющие механизмы, позволяющие им совместно жить и действовать, обеспечивая движение к интеграции и обузданию разрушительных сил. Социальное поведение является конвенциональным, то есть устанавливаемым и принимаемым намеренно. В основе действий лежит осознанный выбор по минимизации как собственных потерь, так и потерь партнера, а также максимизации выгод для каждого. Вектор предпочтений задается преимущественно выбором лидера. Ли-

дерство актуализируется и возникает тогда, когда нужна адекватная оценка ситуации и принятие решения, когда необходимо определить линию поведения и направления действий масс. В.Л. Маринова, анализируя механизм выдвижения лидера, определяет его как механизм утверждения адекватных норм, правил, традиций в системе «лидер—ведомые» [6. С. 52].

Лидер постоянно находится в поле системы окружения и информации, и задача лидера заключена в соизмерении своих идей, планов, мыслей с окружающей реальностью, в умении выделять из непрерывного потока информации нужные сведения, распознавать полезные сигналы и трансформировать их в цели для других. Т. Флетчер и Дж. Сайнел рассмотрели лидерство как многоступенчатый процесс, стадиями которого обозначены: внимание через видение перспективы (предвидение); передача знаний через коммуникацию; развитие доверия через позицию; развитие себя самого, повышение своего мастерства через избавление от недостатков и слабостей.

Социальные связи — это «поле», имеющее «стягивающее ядро», которым являются ценности. М. Шелер определил ценность как сущность. Сущности как ценности открыты, прежде всего, врожденному чувству ценностей, а не интеллекту. Логика иерархии ценностей как сущностей, по М. Шелеру, включает следующий порядок: чувственные (радость—наказание, удовольствие—боль); гражданские (полезное—вредное); жизненные (благородное—вульгарное); культурные, или духовные (красивое—некрасивое, праведное—неправедное, истинное—ложное); религиозные (священное—мирское) [7]. Социальные субъекты, придерживаясь определенных идей, заимствуют полезные и переинтерпретируют идеи других, и за счет этого достигают свободного соглашения по определенным вопросам. В поле притяжения определенных ценностей возникает социальная общность.

Авторитет лидера основан на способности сплотить и объединить других на достижение групповой цели. Лидер регулирует отношения между людьми в группе, отстаивает ее интересы и ценности в межгрупповом общении, влияет на формирование внутригрупповых ценностей и даже символизирует их. Именно лидеры, по мнению К. Ходжкинсона, должны суметь интегрировать внутренние мотивы последователей в достижение оптимального представления [8. С. 206]. Согласно мнению Д. Дрехмера и Дж. Гроссмана, ступенями эволюции и совершенствования взаимоотношений «лидер—последователи» выступают: внимание; поддержка в решении проблем; обратная связь, когда именно лидер обеспечивает для себя контекст обратной связи; воспитание, ибо лидер обеспечивает внутреннюю мотивацию последователей; расширяющаяся автономия, когда последователи проявляют достаточную зрелость и лидеры позволяют расширить их автономность. Автономия удовлетворяет потребность людей чувствовать себя

нужными, ощущать свою ценность, является средством мотивации к активной деятельности, установления границ поведения, личной компетентности, обусловленной необходимой свободой действий. Когда компетентность других возрастает, лидер уменьшает стесняющее их творческую деятельность управление.

Действие делает необходимым для лидера использование власти, авторитета, влияния, воля. Окружение лидера ожидает от него целостного понимания ситуации, следования ряду принципов, этот процесс К. Ходжкинсон обозначает термином «философские обязанности лидера». Среди принципов: четкое понимание задачи, представление цели и того, что требуется для достижения этой цели; насколько задачи ясно поставлены и согласованы друг с другом; владение ситуацией, знание наиболее важных черт контекста, в котором находится организация; знание коллектива, его особенностей, потребностей, ценностей и принципов руководства им; знание себя, своих возможностей, сильных и слабых сторон [8. С. 206].

Философской обязанностью лидера К. Ходжкинсон считает овладение философией благородного труда как идеалом лидера. В данном процессе важное место занимает анализ приверженностей. Под приверженностью автор понимает волевою привязанность к какому-либо проекту. Проекты включают в себя человеческие взаимоотношения, социальные институты, специфические задачи, идеи, комплексы чувств, системы символов, организации. Как утверждает К. Ходжкинсон, только эта привязанность, включенная в систему внутренних ожиданий, начинает функционировать как саморегулирующийся стандарт [8. С. 206]. Это нормативные контролирующие устройства, что в терминологии З. Фрейда соответствует «Я-идеалу».

В идеале лидер должен генерировать общую волю. К числу философских обязанностей лидера автор относит также осуществление этического выбора. Реальный лидер может разработать свою собственную систему этических норм, а административная деятельность лидера требует определенной степени приверженности и выбора этической последовательности. Этический выбор осуществляется по принципу — «делать не то, что хочется, а то, что следовало бы». Применительно к социальному управлению, весь спектр этических норм дает определенный выбор возможностей, они формируют основу для административных действий, служат объектом парадигматического анализа.

Этика лидерства построена на чести и благородстве. Лидер, будучи заинтересован в результатах, затрагивающих организацию, и тех, за кого он несет ответственность, должен быть безразличен к результатам своих действий с позиции собственной выгоды.

Возникает вопрос: что сегодня выступает в качестве субъекто-образующих основ лидерства, что обеспечивает консолидацию общества? Отправным пунктом в поиске ответа является понимание

квинтэссенции ценностей, в существующей связи ценностей со способностью субъекта придавать смысл различным аспектам своей деятельности. Как обосновал А. Турен, «общественная жизнь вовсе не управляется естественными или историческими законами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурным ориентациям» [9. С. 31]. Интересна в этом смысле позиция Н. Лосского: «ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [10. С. 210]. В границах экзистенциального направления ценности интерпретируются как квинтэссенции смысла, придающие целостность духовной жизни индивида. Смысл ценностных ориентаций раскрывается через деятельность людей, при этом мотивы, оценки, потребности, интересы, социальные ожидания и притязания формируются не только на субъективном, но, прежде всего, на объективном уровне.

По определению Т. Парсонса, ценности — это «элементы общепринятой символической системы в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации» [11. С. 168]. Здесь ценности являются, наряду с компонентами психологических процессов, компонентами культурных моделей и традиций. Культурная система рассматривается им как нормативная, а в силу того, что индивид разделяет ценности с другими, они влияют на выбор людей в их социальном поведении.

В структуре ориентаций Т. Парсонс выделил три аспекта: познавательный (когнитивный) аспект, при помощи которого действующий индивид познает действие объекта в его отнесении к потребностям и интересам; катектический (определяющий желательность), то есть тенденцию реагировать на объект как источник удовлетворения или неудовлетворения; оценочный — обуславливающий порядок выбора из имеющихся альтернатив на основе определения значимости объектов [12. С. 469].

В кризисных, переходных обществах, переживающих разрушение прежних ценностных систем, создаются условия для возникновения множества неповторимых, новых для индивида социальных ситуаций, которые не вписываются в сферу действия существующих социальных норм. Социокультурная деятельность социальных субъектов перестает выступать как основа простого социокультурного воспроизводства, а представляет собой активное творческое начало в процессе социальных изменений. Социокультурная реальность находится в постоянном изменении. Катализаторами активности индивидов, как непосредственных субъектов, выступают потребности, ценности, мотивы, интересы. По мнению П. Штомпки, «лишь по взаимному согласию мы можем в своем воображении «заморозить» некоторые, важные для наших

практических нужд, состояния, рассматривать их в качестве единичных событий и говорить об изменениях или процессе как о последовательности таких замороженных, дискретных точек» [13. С. 26]. В таких условиях субъект вынужден проявлять рефлексивность и активность в конструировании модели своего поведения, исходя, например, из идеальных образов, целей, наделяя социальные объекты, попавшие в сферу его ориентации, смыслом, выступая творцом нового опыта.

Подводя итоги, отметим, что лидерство является неотъемлемой частью общества и выполняет важную системную функцию, формируя группо-

вые цели, мировоззрение людей. Имея непосредственное прямое отношение к личным умениям, способностям и влиянию, лидерство в то же время выступает механизмом социального регулирования и сбалансирования разнонаправленных интересов акторов, создавая структуры организации и упорядочения совместных действий своих последователей, к которым мы, в частности, отнесли ценности как внутренний навигатор совершаемого индивидом и группами выбора действий. В целом, лидерство существует по причине потребности социальной системы в структурировании функционирования и выбора перспектив ее развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филь Т.А. Теоретическое исследование структурных компонентов харизматической личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – Вып. 5. – С. 138–142.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. – М.: Российская академия управления, 1992. – 135 с.
3. Иванкина Л.И. К вопросу о смысловой определенности интеллигентности // Интеллигентность в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: Матер. VIII Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. – С.129–133.
4. Лосев А.Ф. Об интеллигентности // Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – С. 314–322.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
6. Маринова В.Л., Огарев А.В., Понделков А.В. Политическое лидерство: социологический анализ. – Ростов н/Д: Литера-Д, 1993. – 69 с.
7. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Философия: хрестоматия. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – С. 549–554.
8. Аллаярова Ж.С. Концептуализация природы лидерства как феномена // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 203–207.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 442 с.
10. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 482 с.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
12. Парсонс Т. Система координат действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Издание Международного Университета бизнеса и управления, 1996. – С. 462–478.
13. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Поступила 22.10.2012 г.

УДК 130.2

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВИЧЕ ИВАНОВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет

E-mail: svetsych@mail.ru

Показано, что творческие отношения между А. Белым и В.И. Ивановым были противоречивыми: с одной стороны, оба признавали необходимость «сотворчества», с другой – постоянно и жестко полемизировали по теоретическим вопросам символизма.

Ключевые слова:

Символизм, творчество, полемика.

Key words:

Symbolism, creativity, polemics.

Русский символизм Серебряного века – важное и значительное явление культуры России конца XIX – начала XX вв. Изучение этого феномена проясняет многие аспекты жизни общества того времени. Цель статьи – исследовать один малоизученный сюжет: сотворчество двух ведущих теоретиков символизма – А. Белого и В.И. Иванова с точки зрения их вклада в развитие эстетики.

Отношения между А. Белым и В. Ивановым были непростыми: они часто полемизировали, иногда прерывали общение друг с другом. Были случаи поддержки и понимания. Данная статья имеет целью сделать несколько «слепков» с этих отношений и дать ответ на некоторые вопросы теории символистского творчества.

Начнем с одного из знаменитых произведений Андрея Белого – романа «Петербург» [1]. Известно, что название ему дал Вячеслав Иванов. Известна статья В. Иванова «Вдохновение ужаса» (о романе Андрея Белого «Петербург») [2]. Остановимся на ней подробнее.

Отношение В. Иванова к этой книге амбивалентно. С одной стороны, он называет ее несовершенной, уродливой, неумелой и безвкусной, упрекает в бесталанном подражании Ф.М. Достоевскому, но тут же пишет: «И все же я не хотел бы, чтоб в этом полухаотическом произведении была изменена хотя бы одна йота» [2. С. 619].

Роман, по словам В. Иванова, лежит вне понятий эстетики, и трудно оценить его с этой точки зрения: прекрасное и безобразное переплетены в нем столь тесно, что складываются в «красочный морок» [2. С. 619], в своем роде неповторимый.

А. Белый словно хочет сообщить «откровение» [2. С. 620] людям, но важнее то иррациональное, «что вулканически метнулось из его души долгим призрачным пожаром тысячецветного марева» [2. С. 620].

Критически относится В. Иванов к отсутствию хотя бы намека на политическую ситуацию в России 1905 г. Но даже не это – главный недостаток. В отличие от Ф. Достоевского, – подчеркивает В. Иванов, – «Андрей Белый Русь Святую, «Россию Христа» исповедует, но не являет, думается, бессилён явить» [2. С. 620].

В. Иванов подчеркивает темноту и немощность писаний А. Белого. Россия для последнего пребывает в области Нирваны, а Нирвана для героя романа – «ничто» [2. С. 621]. Согласно В. Иванову, А. Белый внерелигиозен: хотя он знает и чувствует божественное, в его романе мелькает образ «печальный и длинный, с костенеющими пальцами» (слова А. Белого – С.С.): символ ужаса и тоски. Как достоинство В. Иванов подчеркивает некую стабильность, стержень романа, который будет положительно воспринят потомками, несмотря на свой хаотизм и душевное «маревое» [2. С. 622]; В. Иванов даже называет «Петербург» поэмой и пишет о том, что она войдет в историю русской культуры и народного слова.

С одной стороны, В. Иванов отмечает, что роман символичен: сквозь субъективные переживания главного героя видны исторические пути страны, современной рассказчику. С другой стороны, он пишет, что во всем описании Петербурга отражается «ужас» – в очертаниях домов, в водах Невы, в памятниках, крепостях, дворцах, канавах, тенях, каретах, толпах людей. Концентрируется это «вдохновение ужаса» в описании бомбы «с заведенным часовым механизмом» [2. С. 623].

Бомба взорвалась, к счастью, никто не пострадал, и на первый взгляд, не произошло ничего особенного. Однако если пристально всмотреться в текст, то станет видно, что «Тут собрались все нервные нити ужаса в один центр. Террор сына и реакция отца – одно и то же: это абсолютный, мистический нигилизм» [2. С. 627].

По поводу «панмонголизма», о котором писал еще В.С. Соловьев, и идея которого фигурирует в романе, В. Иванов замечает, что эллины назвали бы А. Белого «пророчествующим от «Ужаса»». Со ссылкой на Платона («Федр») [3] В. Иванов упоминает различные виды пророчеств: «от Аполлона», «от Диониса», «от муз», от «Эроса». А Белого В. Иванов называет «одержимым от Ужаса» [2. С. 628]. В его воображение вселяет идеи сама Горгона, все превращающая в камень. В конце статьи В. Иванов называет А. Белого «русским по-этом метафизического Ужаса» [2. С. 629].

Неповторимый художественный стиль и философско-поэтическая символика, на наш взгляд, могли бы получить благодарный и положительный отзыв от соратника и друга. К сожалению, этого не произошло. Вместо этого, перед нами – глубоко критическая статья, в которой лишь завуалировано видно восхищение творческим талантом поэта.

«Петербург» был написан в 1913–1914 гг., но общению поэтов предшествовала десятилетняя история, полная драматизма и резких споров. Один из них – полемика по поводу «Химер» А. Белого на страницах журнала «Весы» [4]. И если в ходе этой дискуссии А. Белый подчеркивает, что не хочет «полемизировать», то дальнейшие отношения двух поэтов развиваются именно в этой, дискуссионной, плоскости.

Обратимся к публикации Е.В. Глуховой «Разрозненных черновых материалов к статье А. Белого «Вячеслав Иванов»» [5. С. 115–132]. Скажем несколько слов о предисловии к публикации, написанной Е.В. Глуховой и названной «Андрей Белый–Вячеслав Иванов: концепция духовного пути» [6. С. 100–114].

Черновая статья А. Белого о В. Иванове была написана в конце 1917 г., в условиях послереволюционного хаоса. А. Белый стремится связать воедино разные стороны многогранного творчества В. Иванова: он пишет о «филологе», о «философе» и о «поэте» [6. С. 100].

В этот период поэты общались мало, и немного осталось документальных «следов» их отношений. Е. Глухова пишет, что они были уже не такими дружескими, как в Петербурге начала века. Разлад наметился в 1912 г., после сближения А. Белого с Р. Штайнером. Как показывают хроники, В. Иванов пытался попасть в круг людей, приближенных к немецкому мистика, слушать его лекции. Р. Штайнер отказал. В. Иванов просил повторно, но, по словам Аси Тургеневой, последовала резкая отповедь без указания причин.

Отказ сильно задел В. Иванова, и 22 декабря 1912 г. в письме к Метнеру заметил: «Символизм мешать со штайнерьянством заведомо не хочу. Мой символизм (говоря о теориях) есть теория только эстетическая. Теософические опыты с искусством (в лучшем смысле слова) мне не симпатичны» [6. С. 105].

В книге воспоминаний «В начале века» [7] А. Белый будет писать о неоднозначном характере личности В. Иванова: «Сидит перед тобой какой-то Христос самозванный; глядь – нос в табаке: старый провинциальный немецкий учитель <...> и вдруг <...> спокойная ясность наследника Гете; поверил в него, и – опять все забылось» [6. С. 111].

В письме А. Белого к В. Иванову, которое, скорее всего, не было отправлено (конец марта 1917 г.), А. Белый довольно резко подчеркивает расхождение между собой и ним: «мы можем дружески обмениваться «точками зрения», но разговор между нами никогда не дойдет до дела... Этого между нами быть не может; ты можешь исповедо-

вать христианство; я – то же; мы можем обмениваться умнейшими «точками зрения»; эти обмены мнений «для меня» (как) бы ты ни был чуток и «проникновенен» будут лишь «ананасом в шампанском»... Мне претит Твоя жизнь, поскольку извне ее созерцаю без *Любви*, без *Жертвы*... Где подвиг Твой? Где жертва Твоя? <...> Вы – «буржуи» – это мне ясно. Нет у Вас пути, нет у Вас правды, нет у Вас подвига!» [6. С. 114].

Е. Глухова указывает на то обстоятельство, что к 1919 г. отношения между двумя поэтами совсем охладели, в частности, потому, что А. Белый подозревал В. Иванова в сотрудничестве с революционными властями [6. С. 115].

Как автор статьи, выражаю глубокую благодарность Е.В. Глуховой за публикацию материалов, до сих пор мало кому известных, и хотя в ее предисловии к публикации нет «концепции» «духовного пути», как заявлено в названии, она содержит большой объем интересной и важной информации. Большое ей спасибо.

Обратимся непосредственно к тексту А. Белого, представляющему собой черновик статьи «Вячеслав Иванов».

А. Белый выделяет три «лика» В. Иванова: «Иванов первый» – «пророк Диониса», «Иванов второй» – «эзотерический мистик» и «Иванов третий – гностик повернутый (на себя самого)» [5. С. 118–119].

А. Белый пишет, что у В. Иванова «Бог – в «многобожии», а «многобожье» – в «безбожии» хладного «субъекта познания»; раздвоения «Я» на убийцу и жертву гнетет безвоскресно *философа*... и сильнейшею нотую плачущих песен Иванова-лирика... выступают мотивы отчаяния, агностицизма и скепсиса» [5. С. 119].

Трем маскам В. Иванова (поэт, филолог, философ) – соответствуют три части души (чувство, воля, ум). А. Белый показывает, что В. Иванов чем-то похож на Сократа, которому в темнице являлся голос, предлагающий заняться музыкой. А. Белый пишет о трагедии В. Иванова, которая состоит в том, что его «истерзавшая себя душа» «сократического эклектика» пытается совершить акт ясновидения, но не может [5. С. 121].

Трагедия культуры, отразившаяся в стихах В. Иванова, в том, что мы стоим на пороге новой культуры, которую еще не видим, а старую уже не принимаем. По поводу теории В. Иванова о «восхождении», «нисхождении» и «погружении в хаос» души художника в процессе творчества А. Белый замечает, что, когда гений поэта поднимается вверх, душа его должна опуститься в «темную бездну», чтобы «испытать смерть в себе старых культурных ценностей – иначе погибнет без воскресения».

Обыгрывая название поэмы В. Иванова «Младенчество» [8], А. Белый пишет: «в нем «пламенный ребенок» (духовное «я»), может быть, проберется сквозь [призраки] марева зданий, воздвигнутых Вячеславом Ивановым, магом <...> По лабиринту бредет Вячеслав Иванов – младенец через...

себя самого: и к Себе Самому, оглашая тяжелые своды словесной риторики «песнями из лабиринта» [5. С. 128].

А. Белый сравнивает В. Иванова с Фаустом, который чуть было не выпил чашу с ядом, чтобы слиться с тайнами природы, но передумал, услышав Пасхальный благовест. А. Белый надеется, что душа Вячеслава Иванова, которая покоится в его теле как «куколка», долженствующая превратиться в «бабочку» духа, позволит ему, наконец, слагать не абстрактную, а светлую и подлинную, поэзию [5. С. 129].

Из текста черновика статьи А. Белого «Вячеслав Иванов» видно, что отношение первого ко второму более чем критическое: его можно современным языком сформулировать так: не в абстрактных схемах и не в тяжеловесной фольклорной речи содержится истина искусства; «филолог» и «философ» мешают поэту раскрыться, облегчить, гармонизировать свое пение. Но, может быть, когда-нибудь Вячеслав Иванов «прозреет» и создаст подлинную поэзию.

Эта тема продолжается в книге А. Белого «Сириин ученого варварства» (1922 г.). А. Белый пишет: «Вся «Прозрачность» — нежнейшая лирика мысли и диссертация образов» [9. С. 3]. По поводу поэтического стиля В. Иванова А. Белый замечает: «его книги проходят перед взором причудливым замыслом, напоминая слонов, изукрашенных золототкаными пологам и влекущих увесистый шаг своих ритмов по инкрустациям слов» [9. С. 5].

Однако основная тема книги «Сириин ученого варварства» — книга В. Иванова «Родное и Вселенское» [10], где он высказывается, в том числе, и по социальным вопросам.

А. Белый восклицает: «Варварский Дионис Минотавр укусил его не теперь, а давно. В пролипании крови он видит *«торжественнейшее»* определение воли народной» [9. С. 10]. И далее: «Варварский Дионис (Каннибал) им вводимый кошунственно в христианские представления, воскресает в последней написанной книге («Родное и вселенское» — С.С.) — призывом к нечеловеческой войне народов; призывом к ужасному делу, которое называется «вселенским» он... «С нами крест Христов» — восклицает Иванов; я думаю, что это не крест Христов, а топор каннибала, им когда-то возглавленный в дионисийской теории» [9. С. 23–24].

Как видно из этого текста, А. Белый не может признать идею В. Иванова о том, что дионисийские мистерии являются прообразом тех «хороводов», которые должна водить «толпа», под звуки дионисийской музыки с тем, чтоб свершилась мистерия века. Надо сказать, что «дионисизм» В. Иванова, который он пытался привить на православной почве, не могли принять ни Н. Бердяев, ни Д. Мережковский, — не только А. Белый.

На наш взгляд, дионисизм В. Иванова можно признавать до той поры, пока он утверждает происхождение христианства, в том числе, из дионисийских мистерий. Однако когда он начинает по-

пытки внедрения древнегреческого обряда в русскую действительность, это, можно сказать, является неправомерной экстраполяцией с теоретического конструкта на денотат. В творческой фантазии может быть многое, но столкновение фантазмов с реальностью может быть губительно как для фантазмов, так и для реальности.

По тексту нашей статьи может сложиться впечатление, что А. Белый сугубо критически относится к творчеству В. Иванова. Но А. Белый прекрасно понимал необходимость творческого соучастия. В письме к А. Блоку 13/16 апреля 1911 г. А. Белый пишет из Одессы: «Для меня несколько человек обведены магическим кругом; в ссоре я с ними, или нет — они в общем круге. В числе этих немногих — Вячеслав и Ты. Оттого-то душно и грозно мне, когда мы в ссоре; в дружбе ли, в ссоре ли — все одно: мы в одном круге; а если круг обведен, лучше быть в дружбе; тяжело плыть с врагом в одной каюте, на одном корабле; а мы вместе плывем...» [11. С. 397]. Отношения были непростыми, но А. Белый осознавал, что В. Иванов тот «маяк», который в ночи светит, и к которому надо идти, тогда спасешься.

Однако полемика между символистами разгоралась снова и снова. Если заглянуть назад, то еще в 1907 г. А. Белый и В. Иванов фактически не общались, поскольку возник конфликт между московской группой символистов и петербургской, главой которой был В. Иванов [11. С. 351].

В 1908 г. спор разгорелся вновь: А. Белый не может принять идеи В. Иванова, которые называет «неумными», «коварными и двусмысленными». А. Белый возражал В. Иванову устно (25 и 30 марта 1908 г.), ответы его нашел ответами «не по существу»; и письменно: в журнале «Весы» (1908 г., № 5 и № 10), В. Иванов отвечал ему соответственно («Весы», 1908 г., № 7 и № 11).

Складывается впечатление, что отношения между В. Ивановым и А. Белым не были безоблачными. По этому поводу Р.В. Иванов-Разумник писал: «Одно время, в 1904–1905 году, он (А. Белый — С.С.) поддается влиянию Вяч. Иванова, начинает говорить о вихревом водовороте пронизанных друг другом переживаний, слитых музыкаю в дионисийское пламя... мечтает о хороводах и тихих плясках», и разделяет мнение, что оркестра — необходимое условие мистерии — есть средоточие форм народного голосования» [12. С. 568]. Здесь Р.В. Иванов-Разумник почти дословно цитирует статью А. Белого «Апокалипсис в русской поэзии» (1905 г.). К этим словам добавим из непроцитированного: «Замечательно глубоко говорит Вяч. Иванов, что организация этих форм (т. е. «форм всенародного голосования» — С.С.) есть один из способов организации Любви» [13. С. 415]. По-видимому, здесь речь идет о любви к «Вечной женственности», которую вслед за И. Гете воспел В.С. Соловьев.

Однако идея мистерии вскоре развеивается, и для А. Белого В. Иванов становится «лжепроро-

ком», полагает Р.В. Иванов-Разумник [12. С. 568]. В статье «Настоящее и будущее русской литературы» (1907 г.) А. Белый ни разу не упомянул имени В. Иванова: он писал (в том числе) о В. Брюсове и Д. Мережковском. Но в ней есть слова, прямо передающие отношение к В. Иванову: «грошовой декадентство, рекламная соборность; все эти эротисты, мистические анархисты и прочие благополучно паразитируют на этом не до конца западничестве, не до конца народничестве» [13. С. 359].

Остро критические, даже саркастические, слова А. Белого о В. Иванове, находит Г. Адамович (Париж, 1938 г.): в книге «Воспоминаний» А. Белого («Начало века» — С.С.) написано следующее: «Ставши в России поэтом, почтенный профессор Иванов совсем обалдел, перепутавши жизнь с эпиграфикой, так что история культов от древних Микен до руин Элевзиса, попав из музея в салон, расцвела в чепуху. Видно, бросилась в голову кровь, застоявшаяся в семинарии» [Цит. по: Адамович Г. Андрей Белый и его воспоминания. В кн.: 12. С. 880].

Казалось бы, с отношением А. Белого к В. Иванову все понятно. Что ж Иванов? В статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922 г.) В. Иванов анализирует, в том числе, статью А. Белого «Жезл Аарона — о слове в поэзии» [14]. У А. Белого речь идет о том, что современные понятие и образ можно сравнить с засохшим ростком, который в будущем должен

расцвести. Терминология затрудняет, умерщвляет русский язык. Но из мертвого слова родится новое, живое слово. Белый пишет: «Или мы онемеем навек, или снова словесность нам станет воистину герметическим культом» [Цит. по: 2. С. 635]. Похоже, что А. Белый ведет скрытую полемику против В. Иванова.

Белый пишет, что в настоящее время произошел «раскол» между «плотью» слова и его смыслом. Это противоречие должно быть преодолено. По мнению В. Иванова, А. Белый как символист остается «верным себе» [2. С. 635] в идее синтеза формы и содержания, а также духовного роста поэта.

Обозревая накопленный материал, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, весь свой творческий путь А. Белый и В. Иванов шли рука об руку (до отъезда В. Иванова в Рим в 1924 г.). Они признавали и ценили друг друга как теоретиков символизма и поэтов.

Во-вторых, отношения между ними были неоднозначными: начиная с 1905 г. А. Белый отходит от абсолютного признания идей В. Иванова, и его позиция становится все более критической.

В-третьих, с этого периода начинается полемика между А. Белым и В. Ивановым по проблемам творчества, то затухая, то разгораясь с новой силой. В этой дискуссии не было победителя и побежденного (у каждого была своя правда), но она сыграла заметную роль в развитии теории символа в русской эстетике начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Петербург. — Л.: Наука, 1981. — 696 с.
2. Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т.: Т. IV. — Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1987. — 800 с.
3. Платон. Собр. соч. в 4 т.: Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
4. Белый А. Химеры // Весы. — 1905. — № 6. — С. 1–18.
5. Белый А. Разрозненные черновые материалы к статье «Вячеслав Иванов» (публикация Глуховой Е.В.) / В кн.: «Башня» Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. — СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — С. 115–132.
6. Глухова Е.В. Андрей Белый–Вячеслав Иванов: концепция духовного пути / В кн.: «Башня» Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. — СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — С. 100–115.
7. Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3 кн.: Кн. 2. — М.: Худож. лит., 1990. — 687 с.
8. Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т.: Т. I. — Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1971. — 872 с.
9. Белый А. Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). — Берлин: Скифы, 1922. — 24 с.
10. Иванов В.И. Родное и вселенское. — М.: Издание Г.А. Леманова и С.И. Сахарова, 1918. — 208 с.
11. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. 1903–1919. — М.: Прогресс-Плеяда, 2001. — 608 с.
12. Андрей Белый: Pro et Contra. — СПб.: РХГИ, 2004. — 1048 с.
13. Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — 528 с.
14. Белый А. Жезл Аарона — о слове в поэзии // Альманах «Скифы». — 1917. — Т. I. — С. 155–212.

Поступила 20.06.2012 г.

УДК 325.1+314.74

УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ В ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ

С.В. Дементьева, Е.В. Гиниятова

Томский политехнический университет
E-mail: demen-svetlana@yandex.ru; evg@tpu.ru

Представлен опыт университета в развитии международного образования. Освящены промежуточные результаты научного исследования взаимных адаптационных сложностей и проблем учебных мигрантов из зарубежных стран и отечественных вузов. Маркированы актуальные демографические проблемы России, соотнесенные с существующей политикой в области высшего образования. Намечены пути стимулирования и управления развитием образовательной миграцией.

Ключевые слова:

Учебная миграция, экспорт образования, социологическое исследование, нормотворчество, права иностранных граждан, право на образование, адаптация.

Key words:

Study migrations, education export, public opinion poll, rule-making, foreigner rights, educational right, adaptation.

Развитие глобального тренда современности – образовательной миграции и формирующегося на ее основе образа «учебного мигранта» как успешного, конкурентоспособного и адаптированного к стремительно изменяющейся социальной действительности молодого человека – приводит национальные экономики к необходимости конкурировать за этот уникальный ресурс развития.

Международная образовательная миграция выступает фактором экономического роста и мощным геополитическим ресурсом, служащим для распространения и продвижения культуры, ценностных установок и технологий стран, обучающихся иностранцев, инновационным ресурсом для развития системы международного образования государств, принимающих иностранных студентов. В последнее время в научных дискуссиях под влиянием глобализации произошел перелом в интерпретации оттенка «утечки умов» с только отрицательного явления к анализу позитивного тренда «движение умов».

Иностранные студенты представляют собой не только источник финансовых выгод, но и своеобразных «агентов влияния», которые, возвращаясь на родину, пополняют национальные элиты и сохраняют лояльность к странам, где они провели студенческие годы. Наиболее конкурентоспособные сообщества – это те, которые имеют наиболее высокую концентрацию талантливого персонала, высокую степень технологических инноваций и высокий уровень терпимости в отношении различных стилей жизни.

Для отечественного высшего образования прогностические модели развития негативны. Так, по прогнозам, общая численность студентов дневных отделений государственных вузов будет сокращаться до 2021 г. [1]. Аналогичная тенденция распространяется на довузовское и послевузовское образование.

В этой связи представляется целесообразным не сокращать имеющиеся ресурсы научно-образо-

вательного комплекса страны, а всемерно развивать и поощрять экспорт отечественного образования за рубеж. Учебная миграция сегодня стоит на третьем месте по значимости вложенных исследовательских усилий после трудовой миграции и переселения соотечественников [2].

Томский политехнический университет, старший технический вуз за Уралом, экспортируя образование, осуществляет постоянные исследования учебной миграции и адаптации иностранных студентов к университетской жизни.

В статье будут представлены промежуточные результаты исследовательского проекта учебной миграции в отечественные вузы, по результатам которого планируется разработка и имплементация на базе ТПУ комплекса адаптационных механизмов, как для сотрудников международных отделов, так и для иностранных студентов с целью стимулирования учебной миграции и улучшения процесса взаимной адаптации иностранных студентов и отечественной системы образования.

Проект предусматривает анкетирование 300 иностранных студентов (по 100 в Томске, Москве, Красноярске) и 21 экспертное интервью (по 7 в Томске, Москве, Красноярске) с мая по ноябрь 2012 г., на основе которых будут даны рекомендации для формирования программ привлечения иностранных студентов в Россию, и разработаны более эффективные механизмы адаптации учащихся в России.

Томский политехнический университет развивает международное образование уже более 10 лет. Вуз сотрудничает в сфере образования и научных исследований со 130 университетами в 30 странах мира, на высоком уровне представляет себя на международных выставках-ярмарках. В Институте международного образования и языковых коммуникаций ТПУ в 2012 г. обучается около 500 иностранных студентов из стран дальнего зарубежья, более чем из 30 стран Европы, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона, а из всего

контингента студентов (22500 чел.) более 1800 – это иностранные учащиеся.

В ИМОЯК ТПУ студенту оказываются все сопутствующие приему и обучению социальные сервисы: помощь в выборе программы обучения, мониторинг учебной деятельности, оказание необходимой помощи и консультаций, помощь в адаптации к новой социально-культурной среде, расселение и организация быта, организация культурных мероприятий, визовая поддержка, содействие в нострификации документов об образовании, регистрация иностранных граждан на территории России, оформление медицинской страховки и подбор медицинского учреждения.

Наиболее важным моментом в построении карьеры молодого человека является качественное образование, которое возможно получить при определенных усилиях самого студента и хороших образовательных и адаптационных возможностях, обеспечиваемых университетом.

Мотивации иностранных учащихся при учёбе и мотивации ТПУ при их обучении

Учебная миграция в ТПУ разделяется по странам выхода абитуриентов и по целям выбора именно отечественного образования. Так, основной поток в ТПУ представлен студентами из стран АТР – Китая и Вьетнама. Для развития этого направления подписаны межвузовские соглашения, обеспечивающие взаимные интересы российского и зарубежного вуза-партнера. Так, в 2002–2004 гг. заключены договоры между Цилинским и Шеньянским университетами (Китай) и ТПУ о совместной подготовке граждан КНР и российских студентов по программе «2+2». Программы дают возможность получить дипломы двух вузов: российского и китайского, что, безусловно, повышает привлекательность подобной образовательной программы. Для выходцев из этих стран мотивация выбора Сибирского региона, и ТПУ в частности, увязывается с возможностью получить качественное образование по цене ниже, чем как в своей стране, так и в странах Европы и Америки, а так же нехваткой мест в национальной высшей школе. Играет свою роль и рекомендация друзей или родственников, которые ранее завершили обучение в ТПУ и порекомендовали именно этот вуз в качестве места получения высшего образования. Сейчас в ТПУ обучается 155 китайских студентов, которые, возможно, видят свое будущее в сфере деятельности, связанной с взаимоотношениями с Россией.

Кроме того, идет активный обмен студентами в рамках программы академической мобильности. Студенты ТПУ, изучающие китайский язык, имеют возможность пройти языковые стажировки в любом из вузов-партнеров. В настоящее время в ТПУ действует более 70 договоров о реализации программ академической мобильности с вузами в 25 странах мира. Мотивации самого ТПУ в приёме иностранных учащихся связаны с престижем, перспективами международного сотрудничества с

зарубежными университетами и расширением академической мобильности, экономической прибылью.

Конкурентоспособность отечественного образования в развитии работы с иностранными учащимися в НИУ ТПУ

В современном образовании конкурентоспособность вуза на рынке, в том числе и по формальному критерию, определяет международные рейтинги. При этом рейтинги в своем большинстве составлены американцами и отражают американскую точку зрения на высшее образование и американскую систему ценностей, которые интересны и полезны, но не могут быть эталоном для остального мира.

По мнению экспертов, образование ТПУ конкурентоспособно при условии серьезного отношения студента к обучению, однако не менее важен фактор обучения студентов искусству учиться, чему в вузе уделяют особенное внимание, в связи с чем большинство выпускников ТПУ соответствуют уровню выпускников западных высших школ. Как отметил один ведущий эксперт проекта, выпускники ТПУ добивались существенного успеха на западе, и это связано именно с вузом и теми навыками, которые они приобретали в процессе обучения.

ТПУ имеет серьезный опыт работы на международном рынке образования. В руководстве вуза понимают, что для успешного развития этого направления необходимы системное моделирование в управлении образовательной миграцией. С этой целью в вузе проводят исследовательскую работу по анализу проблем, с которыми сталкиваются студенты во время учебы, в результате чего вырабатываются ответственные решения по их устранению и улучшению работы с иностранными студентами.

Так, эксперты из ТПУ считают, что государственная помощь вузам по развитию международного образования должна выражаться в его пропаганде за рубежом. Это также как с малым бизнесом, которому не нужна помощь государства, а необходимо чтобы государство не мешало. Главная задача власти в этих условиях – создать такие правила деятельности, чтобы вузы могли выходить на международные рынки и там свободно конкурировать. Сейчас университетское образование настолько регулируется министерством, что вузам трудно, нет гибкости, вуз ничего не может менять без согласования с министерством. Нужно, чтобы государство установило какие-то минимальные и прозрачные «правила игры», и вузы могли действовать сообразно им. В этой ситуации вуз, нацеленный на свободную игру на рынке образования и планирующий предлагать конкурентный образовательный продукт, сможет самостоятельно, в соответствии с потребностями учащегося, модернизировать образовательные программы, предложить студентам гибкую систему выбора дисциплин

в рамках установленных учебных модулей. Ежегодно Министерство образования выделяет вузам определенное количество бюджетных мест в пределах установленных государством квот. Так, с 2011 г. ТПУ выделены места для способных иностранных магистрантов и аспирантов, которые получают хороший шанс пройти обучение в российском вузе, получая стипендию Минобра России, что соответствует ведущим европейским и американским практикам. В этой связи формирование программ, подобно американским и европейским, по выделению грантов на обучение в России для талантливой иностранной молодежи и комплекс системных государственных мер по продвижению бренда отечественного высшего образования за рубежом просто необходимы в успешной конкурентной борьбе на рынке международного образования.

Ключевые адаптационные сложности иностранных студентов ТПУ

Эксперты отмечают, что составляющие успешной социальной адаптации у иностранных студентов сосредоточены, как минимум, в двух плоскостях – в учебной сфере и в сфере непосредственно коммуникативно-культурного пространства повседневного существования. Проанализируем эти две сферы более детально на примере иностранных студентов Томского политехнического университета.

Если рассматривать получение высшего образования как основополагающий фактор для развития учебной миграции, то одним из аспектов, влияющих на эффективное включение студентов в образовательный процесс, является успешное преодоление языкового барьера. Для этого в ТПУ разработана концептуальная и методологически обоснованная база подготовки студентов к обучению на русском языке. Поступающие в вуз абитуриенты имеют возможность при необходимости в течение года учить русский язык на подготовительном факультете университета по уникальным образовательным методикам. Далее обучение студентов проходит в мультиязычной группе с другими иностранными студентами, и только со второго курса такой студент включается для обучения в группу с русскими студентами. В то же время само обучение русскому языку как иностранному должно происходить с учетом инновационных разработок в образовательном процессе в целом. Одним из таких нововведений является активное внедрение визуализации в образовательный процесс, использование наглядных средств в обучении, ориентированных на демонстрацию конкретного материала, от процесса создания визуального мыслеобраза, который опирается на универсальные механизмы мышления до создания механизма контроля остаточных знаний. По сути, конечным результатом подобной визуализации должно стать некое структурирование, которое на практике представляется в виде «стратегических» карт, кау-

зальных цепей или уже традиционных диаграмм и графиков. Для изучения русского языка как иностранного подойдут структурно-логические схемы. В качестве основного достоинства структурно-логических схем А.В. Петров выделяет то, что они способны выполнять функцию объединения понятий в определенные системы. Кроме этого, структурно-логические схемы обладают информативной емкостью, что позволяет повысить запоминаемость материала за счет компактности его изложения [3]. Таким образом, внедрение этой методологии, ориентированной на визуальное восприятие материала, поможет студентам более успешно изучать русский язык.

Наиболее успешное преодоление языкового барьера проходит при условии погружения в языковую среду. Ситуация интеграции студентов-иностранцев в другое социокультурное пространство протекает проблематично и, по мнению экспертов ТПУ, работающих непосредственно с иностранными студентами, именно эта проблема мешает успешной адаптации. Оказываясь в рамках чужой культуры, обычаев, правовой и политической системы студенты не просто не стремятся стать ее частью, или хотя бы понять ее, наоборот, они стараются усилить вокруг себя зону комфорта – и, прежде всего, это проявляется в коммуникационной сфере. На практике это выражается в том, что студенты общаются в основном со студентами из тех же стран, и практически не коммуницируют – особенно вне университета – с русскими студентами. Преодоление этой ситуации видится в создании условий и дополнительных мотиваций для того, что бы студенты не стремились группироваться в мини-этнические сообщества в рамках чуждой для них культуры, а стремились добровольно, через собственную заинтересованность, погружаться в культуру принимающей страны. На наш взгляд, расширить зону комфорта для иностранных студентов возможно следующими способами.

Первый из них – это модернизация существующего информативного сайта ИМОЯК ТПУ. Для студентов интернет является одним из основных источников информации о вузе и играет решающую роль при выборе вуза в качестве места обучения. Актуальный сайт для иностранных студентов ТПУ имеет ряд преимуществ, но в то же время можно выделить недостатки: он не снабжен удобной навигацией, главная страница сайта перегружена информацией, в которой трудно ориентироваться, отсутствует регулярное обновление контента, логистика сайта нуждается в серьезной доработке. Современные технологии программного обеспечения позволяют создать более дружелюбный иностранному учащемуся и интуитивно понятный интерфейс. Например, можно использовать такую технологию, как «облако тегов», позволяющую изменить не только визуальное восприятие сайта, но и сделать его более эстетичным, менее загруженным и в то же время информационно полным.

Вторым фактором, позволяющим сделать адаптацию иностранных студентов более успешной, является само пространство города. Именно оно позволяет сформировать новые социально-культурные и когнитивные мотивации, не имеющие прямого отношения к учебному процессу. Комфортность инфраструктуры городской среды, эстетическое измерение, исторические ценности — все это в купе позволит катализировать мотивацию остаться в интересном и современном городе, познакомиться с его историей и богатыми культурными традициями. При опросе студенты так же отмечали сложности с адаптацией к суровой Сибирской зиме, транспортная удаленность Томска делает невозможным для студентов из небогатых семей на каникулы или праздники уезжать домой на родину. В этой связи хорошие условия проживания и сервиса в общежитии для них принципиально важны. В ТПУ имеется хорошее общежитие для иностранных студентов, где они могут проживать по два, три человека в комнате, недорогой интернет, имеются специальные комнаты для учебы и отдыха, общежитие круглосуточно охраняется. Официально работать в России иностранные учащиеся не вправе, кроме работы в собственном учебном заведении, но не более 20 часов в неделю. Однако данное право на ограниченную работу носит декларативный характер, так как в нормативных актах отсутствуют механизмы для его реализации. Вузы в подобных «работниках» не заинтересованы, и правовые механизмы для хорошей адаптации иностранных студентов, по сути, не работают.

Выделим следующие предварительные выводы проделанного исследования учебной миграции в вузы Томска, Красноярска и Москвы:

- имидж вуза является одним из ключевых критериев его выбора в качестве места получения об-

разования. Гибкая дружественная политика вуза, простые и понятные правила приема и обучения, простой и информативный сайт, высокое качество обучения, а также возможность найти работу после обучения в университете — показатели хорошего имиджа вуза;

- иностранные студенты выбирают вузы с высоким индексом развития человеческого потенциала, гарантиями защиты прав человека, личные и социальные аспекты безопасности являются важными требованиями, которые вуз должен обеспечить;
- студенты, в том числе и иностранные, выбирают вузы, где учились родственники, знакомые, друзья; важным фактором является наличие общего исторического прошлого (например, в рамках СССР), общие исторические корни и культурные связи, что приводит к лучшей адаптации в принимающей стране;
- высокое качество образования, гарантии академических свобод, личной безопасности и возможности для максимальной реализации творческого потенциала учащегося является важным фактором в увеличении доли учебных мигрантов в вузах;
- российские вузы могут обеспечить себе увеличение доли учебных мигрантов сочетая невысокую стоимость обучения и его высокое качество.

Работа выполнена по промежуточным итогам проекта № 16–06/2012 «Разработка механизма адаптации иностранных студентов в системе профессионального образования российских вузов (на примере вузов Томска, Красноярска, Москвы)» при поддержке Томского политехнического университета, в рамках Проекта «Интеллектуальная и научная элита — будущее ТПУ» (Томск–Москва–Красноярск). Руководитель проекта канд. филос. наук Кирьянова Л.Г. (ТПУ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шереги Ф.Э. Прогноз образования в России: концепция и эмпирические показатели // Мир России. Социология. Этнология. — 2011. — Т. XX. — № 3. — С. 155–182.
2. Выхованец О.Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России Демоскоп Weekly. — 2009, сентябрь. — № 387–388. (Доклад на заседании Научного Совета ФМС России) // 2009. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (дата обращения: 25.06.2012).
3. Четина В.В. Роль методов визуализации учебной информации в обучении. URL: http://ntfmfkonf.ucoz.ru/publ/optimizacija_obrazovatel'nogo_processa/rol_metodov_vizualizacii_uchebnoj_informacii_v_obuchenii/14-1-0-147 (дата обращения: 27.06.2012).

Поступила 05.07.2012 г.

УДК 101.1.:316.773.2

УРОВНИ СОПОДЧИНЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.А. Лукьянова

Томский политехнический университет

E-mail: Lukianova@tpu.ru

Представлена гипотеза об уровнях соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве. Утверждается, что семиотические элементы коммуникативного пространства могут быть представлены в трех уровнях: знак–интерпретант–коммуникативное событие. Знак является некоторой матрицей для создания текстов культуры с помощью коммуникаций. Интерпретант является собой результат действия знака, нечто, что вырабатывается в сознании интерпретатора. Паттерны интерпретант образуют в различных сочленениях коммуникативные события, которые выступают в качестве сталкивающихся или сходных смыслов, находящихся в коммуникативном пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением.

Ключевые слова:

Знак, интерпретант, коммуникативное событие, семиозис, коммуникативное пространство.

Key words:

Sign, interpretant, communication event, semiosis, communicative space.

Любая структурная организация в живой, неживой или социальной системе в большей или меньшей степени строится на основе иерархии. В силу этого, анализ коммуникативного пространства как пространства существования, производства и функционирования множества значений, объединенных силой мысли человека, невозможен без выявления иерархии входящих в нее элементов. Подобно конфигурациям кубика Рубика, где в неподвижном состоянии существуют некоторые алгоритмы сочетания цветов (один элемент–сочетание элементов–одна грань), способные измениться в движении (коммуникации), в коммуникативном пространстве существуют определенные семиотические паттерны. При этом основа, определяющая структурную целостность всей системы, сохраняется. Ю.М. Лотман отмечает: «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степени переводимости и пространством непередаваемости. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры» [1. С. 30].

Актуальность анализа принципов соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве обусловлена значимостью разработки таких моделей, которые бы учитывали интенсивность и динамику взаимодействия коммуникативных и семиотических процессов в современной культуре.

В настоящей статье предлагается гипотеза об определенных уровнях соподчинения – иерархии семиотических элементов, что позволяет увидеть закономерности взаимодействия различных семиотических элементов, образующих тексты

культуры. Заметим, что в иерархических системах отношения порядка обнаруживаются вложенными друг в друга элементами, что определяет степень ответственности этих отношений.

Итак, иерархия выступает как принцип структурной организации сложных многоуровневых систем, состоящий в упорядочении и установлении порядка взаимодействия элементов между уровнями от более простого к более сложному (например, частицы–атомы–молекулы–клетки–организм). Иерархическая структура представляет собой совокупность элементов, связанных друг с другом по конкретным правилам.

Первый уровень в иерархии знаковых элементов в коммуникативном пространстве – это собственно *знак*. В предлагаемой статье знак рассматривается как ментально-материальная сущность. Принципиальным является понимание того, что в знаке аккумулируется весь потенциал текстов, создаваемых посредством коммуникаций. Это своеобразная «клетка», в которой потенциально заложены все модальности (указание на статус реальности) текстов культуры. Используя знак как внешнюю, объективную опору, человек реализует свою способность к репрезентации действительности в нужное время и в нужное место. Любые реальные действия придают мыслимой реальности внешнюю, телесную оболочку, и это предметно-деятельностное воплощение оказывает закрепляющее воздействие на способы миропостроения. Например, звучит звонок на урок. Мы понимаем, что звонок означает начало урока. Звонок – это знак, который дает нам знание о начале урока. Но сам урок начался не потому, что существует звонок. Однако с помощью знака, благодаря субъективным действиям означивания, мы конституируем реальность.

В таком контексте необходимо подчеркнуть, что способ существования знака в коммуникациях не-

посредственным образом связан с его динамикой. Обращение к семиотической концепции Ч.С. Пирса дает основание утверждать, что знак возвращается в сферу коммуникации посредством указания на субъекта коммуникации – интерпретатора, который интерпретирует знак, соотнося его со своим опытом. На этом основании сделаны следующие выводы относительно способа существования знака в коммуникациях. Основным является вопрос о том, каков объект мысли в качестве орудия познания, т. е. исследователя интересует динамика знака, не отвечающая за характер его изменений.

Для целей данного исследования важным является тот факт, что в исследованиях Ч.С. Пирса способом существования знака в коммуникациях является его динамика. При обращении к концепции Ч.С. Пирса исследуется не «что» знака, важен тот факт, что он остается постоянно интерпретируемым, ключевой характеристикой представляется последовательность изменений форм знака как инструментов познания, что определяет характер взаимодействий субъектов в коммуникациях и ведет к появлению новых черт культуры. Тем самым, знак представляет собой наименьший элемент в культуре как знаковой системе, организованной посредством социокультурных коммуникаций. Между знаками устанавливаются отношения. Заметим, что те и другие (то есть знаки и отношения между ними) являются ключевыми понятиями в семиотическом анализе, а совокупность связей и отношений между знаками, имеющими единую для данной системы природу носителя (изображение, звук, жест или поза танцора и т. п.) образуют знаковые системы.

Идея Пирса, которой следует автор настоящего исследования, состоит в том, что ничто не является знаком до тех пор, пока оно не интерпретируется как знак. Иными словами, знак начинает существовать в некотором качестве и потенциальности, только когда он «погружается» в контекст восприятия, то есть мы создаем знаки исключительно относительно той реальности, о которой имеем представление. В другой статье автора «Коммуникативные миры Ч.С. Пирса» [2] был приведен пример с человеком-невидимкой, демонстрирующий принципы означивания «невидимости» посредством существующего знания о реальности, так как, чтобы интерпретировать нечто, необходимо обладать некоторым знанием (презумпцией) о знаковой природе этого предмета. Например, для миссис Холл это салфетка – нечто белое, чем незнакомец прикрывал нижнюю часть лица; для часовщика Тэдди Хэмфри – «темные очки», которые позволили сравнить незнакомца с «морским раком», то есть создается интерпретанта знака при помощи другого знака, который является мысленным образом в сознании. Так запускается бесконечный процесс семиозиса. По сути, семиозис – это деятельность знака по созданию своей интерпретанты, в которой человек присутствует в качестве интерпретирующего субъекта.

Так, «невидимость» описывается Г. Уэллсом в понятных и знакомых значениях: «широкие поля фетровой шляпы», «блестящий кончик носа», «очки-консервы», «густые бакенбарды». При этом сам знак не только единство формы и содержания (в концепции Соссюра), но и единство формы, содержания и субъекта, участвующего в процессе семиозиса (в концепции Пирса).

Отношения внутри знака (динамика знака) строятся согласно его структуре, представленной триадой: репрезентант–объект–интерпретант (семиотическая концепция Ч.С. Пирса). Репрезентант – это конкретный знак, который, обладая типовым значением, участвует в коммуникации. Объект – то, что знак репрезентирует в коммуникациях (вспомним пример сделку дарения, где объектом является право собственности), причем объект может быть как материальным, так и воображаемым. Основное условие заключается в том, что объект должен быть известен интерпретатору, например, это может быть воображаемый мир, предмет, некоторая индивидуальность. Следовательно, объект мысли, в отношении которого необходимо достичь понимания, – это какая-либо идея, ментальная репрезентация, участвующая в формировании представления о мире.

Наиболее многозначным понятием в триаде является интерпретант. С одной стороны, интерпретант – это элемент в триадичной структуре знака, с другой, интерпретант – это результат действия знака, по сути, это корреляция знака с его эффектами, выражающимся в мыслях, действиях и чувствах, имеющих не только знаковую природу. На этом основании мы понимаем интерпретант как семиотический элемент, находящийся на *втором уровне* в иерархической структуре коммуникативного пространства, которое рассматривается нами в качестве знаковой системы.

В таком видении интерпретанта – это своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации. Именно интерпретант определяет знаковый характер в отношениях между отправителем и получателем в процессах коммуникации. Интерпретант – потенциал знака, концептуализация отношения «знак/знак», «знак/объект», «знак/интерпретанта» в последующем знаке (например, некоторая реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения одного слова с помощью других слов и т. д.). Этот процесс фактически бесконечен, поскольку каждый знак способен порождать интерпретанту, которая, в свою очередь, становится знаком. Характерным примером последовательно создаваемых в коммуникациях интерпретант может считаться процесс узнавания человека-невидимки, упоминаемый нами выше.

Г. Уэллс последовательно интерпретирует «невидимость»: «взбесившаяся мебель», «дрогнувшее пламя свечи», «чернота вместо розового тела» – это

те паттерны интерпретант, которые и есть результат действия знака, в последовательности прояснения значений. Первый шаг – это качество в возможности [2]. Тем самым реализуется эмоциональная функция интерпретанты (*одна из классификаций интерпретант в концепции Ч.С. Пирса: эмоциональная, энергетическая, логическая интерпретанты – Н.Л.*), то есть отражаются переживания интерпретатора, его оценочные суждения. Эмоциональная интерпретанта в акте коммуникации производит эмоции, которые есть основания сомнения в правилах действий. Посредством эмоций «видится», интерпретируется существование «невидимости». На втором шаге реализуется энергетическая функция интерпретанты, которая обуславливает какое-либо действие, отражающее эмоции. Формируется интерпретанта, подчеркивающая индивидуальные признаки «видимости» невидимки: «чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо». И, наконец, логические интерпретанты, рождаемые на третьем этапе. Функция этой интерпретанты заключается в том, что она играет ключевую роль в некотором рациональном процессе (например, в политической дискуссии). Достигается уверенность в определенных правилах действий. Следовательно, возникает понимание практического значения возможных следствий относительно объекта мысли. В рамках нашего примера логическая функция интерпретанты выражается в формировании определенного мнения о происходящем: «Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда», «Невидимка!». Таким образом, устанавливаются правила действия относительно данного значения («Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!»).

Действительность «невидимости» представлена как результат конструирования, инструментом которого выступают паттерны интерпретант, обладающие способностью активизироваться целиком при активизации любой своей части, что определяет коммуникативную стратегию конструирования финальной интерпретанты. Мы можем угадать мелодию по трем звукам или узнать фильм, услышав мелодию (например, мелодию М. Таривердиева из «Семнадцати мгновений весны»).

Паттерны интерпретант включают не только вновь создаваемые, но и уже существующие в сознании человека интерпретанты. По словам Б.В. Маркова, «Возникающие между ними отношения являются отношениями интерпретации, которые задаются процедурами схематизации, конструирования, формирования, проецирования, отбора, то есть активной познавательной деятельностью. Каждый человек в процессе интерпретации категоризирует и индивидуализирует объекты, рождая свой интерпретированный мир в последовательности интерпретант» [3].

Таким образом, знание о мире достигается благодаря процессу интерпретации. Это процесс не поиска новых смыслов (понимания), а процесс последовательного формирования значений в ком-

муникативном пространстве. Значение мы рассматриваем как основу, как то, на что опираются, что создается при интерпретировании; смысл же всегда возникает только в результате понимания (то есть в итоге более сложного процесса). Это содержательная сторона знака или ряда знаков: языка, ситуации, действия, идеи или объекта.

Итак, интерпретация – это концептуализация отношения «знак–объект» в последующем знаке, объяснение «невидимости» с помощью понятных, известных значений. Получается, что знание о реальности возможно благодаря интерпретанте, и триада «знак–объект–интерпретант» характеризует любую знаковую ситуацию, которая является процессом семиозиса (в концепции Ч.С. Пирса). В результате, идея семиозиса выражает отношения между знаком и внешним миром, в котором существует объект репрезентации, и в этот процесс для целей познания включены сам знак, его восприятие и интерпретация человеком.

По сути, мы приходим к определению триединой сущности процесса интерпретации.

1. Установка по отношению к объекту интерпретации как к знаку (в каждом знаке как триадическом единстве заложена презумпция интерпретируемости).
2. Интерпретация как процесс последовательного прояснения значений в трех стадиях.
3. Интерпретация как результат (формирование видов интерпретант на каждом этапе интерпретации).

Из вышесказанного следует, что процесс интерпретации зависит от многих факторов, включающих и личностные характеристики человека-интерпретатора. В иерархии семиотических элементов собственно знак (в его триадической структуре) является своеобразной «клеткой» – основной формой для последующего развития паттернов интерпретант как метасемиотических конструкторов, результата действия знака, в котором заложен потенциал дальнейших интерпретаций. В самой же интерпретанте присутствуют все возможности, существующие в знаке, как «невидимость», которая становится «видимой» во всем спектре интерпретант.

Процесс интерпретации является дискретным, как, например, линия, проведенная на листе бумаги, сама по себе есть некоторый континуум и знание о подобном континууме – это знание об отношении точек, лежащих на ней, потому что на непрерывности линии можно ставить самые разные точки, отношения между которыми и будут задавать математическую форму линии. Однако эти дискретные конфигурации точек вписаны в континуум (в протяженность линии). Благодаря фиксированным отношениям точек линия видится как прямая или, допустим, парабола, но все дискретные точечные конфигурации уже определены континуумом линии как объемлющими их пространством.

Проводя аналогию с математической формулой линии, можно сказать, что воплощением результа-

тов интерпретации в акте коммуникации является коммуникативное событие. *Это третий уровень* в иерархической структуре семиотических элементов коммуникативного пространства.

При обосновании того, почему именно коммуникативное событие мы считаем третьим элементом в иерархической структуре коммуникативных процессов, укажем на следующие положения: *во-первых*, понятие транзакции как частного случая коммуникации; *во-вторых*, выводы о процессуальной природе события (согласно выводам философии процесса А. Уайтхеда). Остановимся на данных положениях подробнее.

1. Мы рассматриваем коммуникативное событие как результат процесса транзакции. Транзакция — единица общения, согласно концепции У. Эко [4].

В акте транзакции важны не конкретные знаки, а используемые в процессе коммуникации интерпретанты. Паттерны интерпретанта являются моментом достижения согласия в самом коммуникативном акте — коммуникативном событии. Поэтому в процессе интерпретации взаимопонимание не сводится просто к «отправлению» и «получению» сообщения. В транзакционном подходе (позиция У. Эко) коммуникация понимается как процесс совместного создания сообщений и одновременно выражения идей и чувств. Идея Пирса о «неограниченном семиозисе», рассмотренная У. Эко как основа исследования коммуникационных процессов, заложена в видении акта транзакции. Транзакция — это частный случай коммуникации, в котором условия и результат всегда произвольны. Случайность порождает богатство возможностей коммуникативного события, и, как результат, развитие на его основе многообразия текстов культуры. Таким образом, коммуникативное событие исследуется нами как знаковая структура, формирующаяся в акте транзакции, который понимается как актуализация опыта человека посредством создания устойчивых взаимосвязей в коммуникациях, которые порождают нетривиальный смысл. Природа коммуникативного события как знаковой структуры, следовательно, процессуальна, поскольку базируется на процессе семиозиса.

Можно провести следующее сравнение. Мир музыки построен на созвучиях: если мы нажимаем на клавиши пианино, то извлекаем звуки, которые в определенных сочетаниях рожают созвучия (гармоничное сочетание двух или нескольких тонов). Это результат действия знака, интерпретанта. Каждый звук входит в несколько созвучий, а созвучия образуют рифмы, ритмы, шумы, композиционные явления и пр. — паттерны интерпретанта. Созвучия, таким образом, рожают мелодию — коммуникативное событие — основу, которая придает индивидуальность коммуникативному пространству каждого человека.

2. Выводы о процессуальной природе коммуникативного события опираются на положения философии жизни А. Бергсона и философии процес-

са А.Н. Уайтхеда, а также на концептуальные выводы постнеклассической науки, что позволяет раскрыть сущность и этапы становления события как процессуального феномена культуры.

В философии А. Бергсона событием обозначается то, что, свершаясь, отменяет прежние принципы наблюдения, индивидуализируется, становится уникальным в длительности жизни, ибо жизнь — это не пребывание, а непрерывный переход из одного состояния в другое. Главной идеей Бергсона является включение события в бесконечность течения жизни.

Концептуальным элементом философии процесса Уайтхеда также является понятие «событие». Философ рассматривает его как постоянное движение и отмечает его особую роль в познании мира: «Мы должны начать с события, приняв его за конечную единицу природного явления. Событие должно иметь отношение ко всему существующему, в том числе ко всем другим событиям» [5. С. 163]. Таким образом, Уайтхед видит событие как момент схватывания реальности, ключевой этап, с которого нужно начинать исследование любого природного явления. Обосновывая общую концепцию события как процесса, Уайтхед заключает, что природа есть структура разветвляющихся процессов, то есть реальность понимается как процесс [5. С. 130]. По мнению А.Н. Уайтхеда, природа — это множество разнообразных событий, которые включают в себя другие классы событий, при этом философ отмечает, что его учение «следует из концепции событий и природы устойчивых объектов». «Благодаря внутренней устойчивости событие оказывает значительное влияние на изменение окружающей среды. Именно в этой устойчивости структуры время отделяет себя от пространства» [5. С. 592]. Концепция устойчивости события проявляется в правилах формирования его частей, заданных моментом схватывания в пространственно-временн^е происшествие: время и пространство в своем конкретном значении становятся местом, в котором происходят события, тогда как организм является воплощением формы целостности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что событие есть своеобразный синтез отношений пространства, места и времени и иногда человека.

Так, события, как актуальные явления человеческого опыта обладают собственным единством — структурой, с помощью которой конструируется действительность множества событий. Действительность, по А.Н. Уайтхеду, — это изначальное становление, изменение, процесс, и каждое событие тоже мыслится английским философом как процесс, а основополагающий принцип процесса — становление. Уайтхед пишет: «Каждое действительное явление проявляет себя как процесс; оно есть становление» [5. С. 238], из этого следует, что паттерны интерпретанта, образующих событие, не могут проявляться вне событий, они, не изменяясь, переходят из одного события в другое, тогда

как контекст и само событие могут модифицироваться, так как один и тот же объект может фигурировать в бесконечном многообразии ситуаций.

Итак, мы рассматриваем событие как пространственно-временное происшествие, момент схватывания смыслов в непрерывности коммуникативных процессов в культуре, как «точку» на непрерывности линии, отношения же между точками задаются её конфигурациями (семиотические конфигурации в культуре).

Сравнивая коммуникативное событие с музыкальной мелодией, можно сказать, что это некоторое впечатление о построении созвучий, момент осмысления целого, которое обусловлено следующим: 1) моментом «схватывания» определенного отрезка во времени в акте трансакции; 2) гармоничным отношением каждого составляющего элемента к ключевой интерпретанте; 3) динамикой взаимодействия интерпретант. Тем самым, событие получает «семиотическую осмысленность» (в терминологии Ю.М. Лотмана), начинает существовать как элемент семиотических механизмов культуры, поскольку «любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая» [1. С. 503].

Становясь знаковой структурой, событие актуализирует виртуальную взаимозависимость между знаком и смыслом. В данном вопросе согласимся с выводами В.И. Тюпы [6], который понимает смысл как субъективную данность (кажимость) сознания, в соотнесённости с иными смыслами приобретающую ценностную актуальность в культуре.

Таким образом, коммуникативные события — это события, которые происходят вокруг нас и с нами. Прежде всего это актуализация человеческого опыта посредством знака, воспринимаемого инструментом мысли, что дает возможность создания устойчивых индивидуальных сущностей, порождающих некий нетривиальный смысл.

Множество коммуникативных событий участвуют в коммуникациях, сосуществуют в коммуникативном пространстве. Более того, каждое коммуникативное событие в коммуникациях встроено в несколько смысловых цепочек, образующих своеобразную «паутину», так как событие объединяет в себе множество интерпретант. Обрисуем две основные разновидности событийных взаимосвязей. С одной стороны, смысл всякого действия отсылает к смыслам подобных действий, которые определяют деятельность каждого человека: это либо лично значимые для него события, подталкивающие человека к конкретным действиям, либо известные нам события, происходящие с другими людьми. С другой стороны, событие вливается в цепочки узнаваемых коммуникативных ситуаций.

Коммуникативную ситуацию мы понимаем как ситуацию речевого общения двух и более людей, обладающую ситуативными переменными, такими, как адресант, адресат, цель, средство общения, способ общения, место общения и пр. Изменение

значений какой-либо переменной приводит к трансформации коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Итак, коммуникативная ситуация задает рамки и смысловую связь разворачивающихся внутри неё событий, но при этом может рассматриваться и как отдельное событие, связанное с другими событиями или ситуациями. Коммуникативные события замысловато пересекаются и происходят одно на фоне другого, собираясь друг в друга наподобие многослойной матрешки. Принципиально, что каждое событие, взятое в отдельности, является целостным неделимым компонентом коммуникативного пространства: выпить чашку кофе, сходить в магазин, написать статью, съездить в отпуск на море — элементарные события. Субъективно переживаемая длительность каждого отдельного события непрерывна, однако это не препятствует тому, чтобы на фоне уже длящихся действий начинать делать что-то еще: длительности, на основе которых зарождаются новые, можно сказать, раздвигаются, поскольку изменяется масштаб их восприятия. Событие, наблюдаемое в одном масштабе как простое, в другом вмещает в себя множество иных событий. Так, если какое-либо событие становится известным и эмоционально значимым для достаточно большого количества человек, то оно войдет во множество образцов их поведения (например, прически, костюмы от «Beatts»). Каждое из этих множеств рано или поздно пересечется с другим множеством, в результате чего случится новое событие. Это результат функционирования бесконечных цепочек интерпретант, являющихся итогом сформировавшихся отношений и определяющее способ использования исходного знака. Подчеркнем, что интерпретанта — это некоторая идея, которая возникает в сознании человека после истолкования первоначального знака, аналогично музыкальному созвучию, понимаемому как группа соединенных звуков. Многие «созвучия», «идеи» образуют коммуникативные события, которые могут находиться как в состоянии непересечения, так и тождества.

Таким образом, интерпретанта выступает как своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция. Структура интерпретанты изоморфна триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации. В таком качестве интерпретанта — это второй уровень взаимодействий семиотических элементов в коммуникациях.

Воплощением результатов интерпретации в акте коммуникации является коммуникативное событие. Это третий уровень в иерархической структуре семиотических элементов в социокультурных коммуникациях. Коммуникативное событие рассматривается как знаковая структура, возникающая в результате актуализации опыта человека в акте трансакции, как частном случае коммуника-

ции, посредством создания устойчивых взаимосвязей интерпретант. Паттерны интерпретант, образующих событие, не могут проявляться вне событий, они, не изменяясь, переходят из одного события в другое, тогда как контекст и само событие могут меняться, поскольку один и тот же объект может фигурировать в бесконечном многообразии ситуаций. В таком понимании, коммуникативное событие — эта та основа, которая придает индивидуальность коммуникативному пространству каждого человека.

В заключении можно сделать следующий вывод: в коммуникативном пространстве существуют уровни соподчинения семиотических элементов. Первый уровень — знак в его триадичной структуре, участвующий в процессах семиозиса. Второй уровень — интерпретанта — семиотическая метаядичность, выступающая, с одной стороны как элемент в триадичной структуре знака, с другой — как результат действия знака в процессах означивания.

Третий уровень — коммуникативное событие как семиотическая структура, возникающая в акте трансакции, являющемся частным случаем коммуникации, в котором существенной характеристикой является достижение согласия между коммуникантами. Коммуникативное событие — это результат семиотического осмысления социокультурной действительности посредством создания устойчивых семиотических взаимосвязей в коммуникациях. Такое понимание дает возможность раскрыть механизмы взаимозависимости паттернов интерпретант, образующих в различных сочленениях коммуникативные события, которые выступают в качестве сталкивающихся или сходных смыслов, находящихся в коммуникативном пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением.

Исследование проводится в рамках выполнения проекта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2001. — 704 с.
2. Лукьянова Н.А. Коммуникативные миры Ч.С. Пирса // Научно-технические ведомости Санкт-петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — 1 (143). — С. 235–243.
3. Марков Б.В. Знаки бытия. — СПб.: Наука, 2011. — 460 с. URL: http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/%&Ovr1/philosbook_8dec2005_3695.rar (дата обращения: 10.08.2011).
4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 502 с.
5. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ. А.Н. Уайтхед / сост. И.Т. Касавин / общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. — М.: Прогресс, 1990. — 717 с.
6. Тюпа В.И. Пролегомены к теории эстетического дискурса // Дискурс. — 1996. — № 2. — С. 12–15. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_3.htm (дата обращения: 25.07.2011).

Поступила 30.07.2012 г.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Л.А. Коробейникова

Томский государственный университет
E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

Представлен анализ мультикультурализма как направления западной философии, возникшего как ответ на культурное и религиозное разнообразие. Исследуется политика идентичности, различия и признания. Изучаются теоретические источники мультикультурализма: теория В. Кимлика, основанная на либеральных ценностях автономии и равенства; «политика признания» Ч. Тайлора; идея диалога, направленная против могологического «Я» классической культуры и формирующая плюрализм современной культуры. Рассмотрены различные оценки мультикультурализма как интеллектуального движения. Проведен анализ научной проблематики мультикультурализма, которая охватывает обширный круг проблем: поиск новых форм политического действия; формирование альтернативной культуры; создание посттрадиционных парадигм политической философии и философии культуры; анализ вопросов присоединения, идентичности, равенства и т. п. Выделены ключевые проблемы в дискуссиях мультикультурализма.

Ключевые слова:*Мультикультурализм, культура, культурные меньшинства.***Key words:***Multiculturalism, culture, cultural minorities.*

Мультикультурализм – направление западной политической философии, возникшее как ответ на культурное и религиозное разнообразие, – ассоциируется с политикой идентичности, различия и признания, которые ставят целью преодоление неуважения идентичности культурных меньшинств и изменение доминирующих представлений о маргинальных группах. Главное требование – преодоление дискриминации, которую испытывают люди, относящиеся к социальным группам, обладающими статусом меньшинств.

Актуальность анализа мультикультурализма обусловлена рядом причин как практических, так и теоретических.

Возникшее в конце XX в., это интеллектуальное движение было направлено против расизма и экстремизма в разных проявлениях. В 90-х гг. XX в. утвердился негласный моральный кодекс, следовать которому был обязан каждый автор, не желающий подвергнуть себя остракизму. Высказывать недоверие по поводу диалога культур или взаимопонимания между народами было равносильно скандалу. Это было не принято так же, как ставить под сомнение права человека. Из массовой информации исчезли слова и высказывания, содержащие предрассудки прошлого: расизм, империализм. Традиционный дискурс, носителем которого был белый мужчина (европеец) средних лет, был вытеснен из масс-медиа усилиями Иного, представленного в трех ипостасях: женщин, цветных и молодежных субкультур. Чтобы преодолеть закреплённый в языке андроцентризм европейской культуры, неопределённый субъект/subject уточнили по роду: заменяя данное существительное местоимением, употребляли не безличное оно/it, а указывающее на род местоимение он/he или она/she.

В целях борьбы с неявным расизмом табуизировали лексику, которая раньше считалась нейтральной: слово «негр» уступило место словам «африка-

нец» и «афро-американец». Если в 50-е гг. XX в. в США, особенно в южных штатах, на дверях учреждений можно было увидеть таблички «Только для белых», то в 90-е гг. появились надписи «Только для афро-американцев». До конца 70-х гг. иммигранты, принадлежащие к этническим и культурным меньшинствам, противились выделению в особую группу и активно вовлекались в процесс ассимиляции. В 90-е гг. они энергично и даже агрессивно подчеркивали свою несхожесть с белым населением, свою инаковость. Происходил возврат к прежней, доиммигрантской идентичности, выражающийся в тенденции Black is beautiful/Черное прекрасно [1]. В начале XXI в. наметился некоторый отход от мультикультурализма как нормативного идеала и как сети западной политики. Есть небольшие отступления от признания прав национальных меньшинств, а также от иммигрантского мультикультурализма. Это связано не только с проблемами безопасности, но также с провалом мультикультурной политики в Европе, направленной на объединение и обеспечение реальных экономических возможностей иммигрантам. Неблагоприятная политическая реакция бросает вызов сторонникам этого движения. Однако происходит не отказ от мультикультурализма, а, скорее, его реструктуризация, что требует теоретического осмысления.

Исследователи выделяют несколько источников мультикультурализма как интеллектуального движения. Первое теоретическое основание мультикультурализма базируется на теории В. Кимлика, основанной на либеральных ценностях автономии и равенства [2]. Культура, с его точки зрения, необходима человеку по двум причинам: 1) она обеспечивает его автономию, предоставляя возможности выбора; 2) культура обладает инструментальной ценностью для самоуважения человека. Главный вопрос – это не просто фиксация принадлежности к той или иной культуре, но то, что соб-

ственная культура индивида должна быть защищена, потому что от нее очень трудно отречься. Взгляды В. Кимлика развиваются в направлении от утверждения инструментальной ценности принадлежности человека к определенной культуре к эгалитарному заявлению о том, что, поскольку члены группы культурного меньшинства ограничены в доступе к их собственной культуре, в отличие от членов доминирующей группы, они нуждаются в особенной защите. В обществах с культурным разнообразием легко можно найти примеры поддержки государством культуры одних социальных групп по сравнению с другими группами. В то время как государства могут избежать явной расовой дискриминации, а также официальной поддержки какой-либо одной религии, они не могут избежать признания какого-либо языка в качестве официального государственного языка. Культурное и лингвистическое доминирование может транслироваться в экономическое и политическое доминирование. Культурное доминирование может также приобретать символическую форму, например, праздник католического Рождества в Европе, Америке и других странах, демонстрирующий, что обычаи данной группы обладают большей ценностью, чем других групп. В этом плане полиэтнические права могут рассматриваться как требование равноправной интеграции культурных меньшинств в доминирующую культуру, а не отказ от интеграции.

Второе теоретическое основание мультикультурализма вырастает из критики либерализма с позиции коммунитаризма. Холистский взгляд на идентичности коллективов и культур определяет «политику признания» Ч. Тайлора [3]. Разнообразные культурные идентичности и языки представляют, по его оценке, минимальные социальные блага, которыми должен обладать каждый член общества. Признание равенства разных культур требует замещения традиционного либерального режима равных свобод и возможностей для всех граждан схемой особых прав для культурных меньшинств.

Третье основание мультикультурализма — идея диалога, направленная против монологического «Я» классической культуры и формирующая плюрализм современной культуры. В процессе установления диалога между людьми и между культурами возникает вопрос, как понять Другого как субъекта с собственным опытом, если существование и природа опыта Другого не могут быть верифицируемы. Краткий экскурс в историю философии XX в. показывает, что Э. Гуссерль не смог соединить критерий верифицируемости с пониманием ощущений и чувств Другого. Р. Карнап использовал методологию бихевиоризма для изучения чувств человека, но обращение к бихевиоризму сопряжено с определенными трудностями. М. Хайдеггер преодолел наметившийся тупик с помощью заключения, что каждое личностное бытие включает в себя бытие-с — врожденную способность понимать Другого. Когда бытие-с, как показывает Л. Витгенштейн, проходит аккультурацию, эти виды поведения че-

ловека дополняются эквивалентными лингвистическими выражениями. Э. Левинас стремился отыскать предел трансцендирующей активности личности. В границах его теории эйдетическая форма диалога представляет собой ситуацию, предшествующую не только субъекту, но и самому диалогу в онтологическом смысле. Обозначенная ситуация локализует в себе трансценденцию как уровень бытия, в котором субъект не принимает участия, но где содержится его основа. Проблему диалога Э. Левинас исследует сквозь призму такого состояния «Я», как признание авторитета Другого и возникновение чувства ответственности за него. Философия диалога приводит к более радикальным изменениям: ее внедрение в современное мышление является одной из причин отхода от фундаментализма. Философия, интерпретируемая как социальная критика, может служить в качестве обоснования мульти- и кросскультурного диалога.

Возникновение мультикультурализма как нормативной теории стало возможным благодаря пост-1989 «концу истории». Эта политическая ситуация обусловила поиск нового типа критического идеализма, который заменил бы рухнувшую марксистскую альтернативу. Отсюда — возникновение нового левого кантианства, включающего в себя права человека и идеализацию справедливости. В то время как часть экс-марксистов подчеркивает «различие» и необходимость популярной «культурной революции», которая обеспечит равенство культурных меньшинств, другая часть обращается к конституционным правам человека на международном уровне.

Оценка мультикультурализма как интеллектуального движения неоднозначна. Дж. Серль выступает против него, поскольку рассматривает как часть движения, разрушающего концепции истины и объективности в западной традиции. Р. Рорти считает мультикультурализм одним из направлений, ставящим вопрос об отношениях между философскими теориями истины и академической практикой. Ч. Тайлор исследует проблему исторически, защищая мультикультурализм как отрасль либеральной политической теории. Некоторые критики мультикультурализма утверждают, что люди живут в культурах, которые уже являются космополитическими и характеризуются культурным разнообразием [4. Р. 100]. В ответ теоретики мультикультурализма поддерживают тезис космополитов о пересечении и взаимодействии культур, но утверждают, что люди принадлежат к разным социальным группам и стараются сохранить собственную культуру. Как утверждает Ч. Кукатас, нет прав групп, есть только права индивида. Поэтому государства не должны подталкивать к политике культурной интеграции или культурной инженерии, но, скорее, к политике индифферентности по отношению к меньшинствам [5. Р. 15]. Еще один момент критики связан с тем, что мультикультурализм как политика признания отвлекает внимания от политики перераспределения [6]. По-

политика признания выбирает культурное и символическое изменение как средство исправления неравенства, тогда как политика перераспределения направлена против экономического неравенства и выбирает экономическую реструктуризацию как способ преодоления неравенства. Мультикультуралисты в ответ подчеркивают, что на практике оба типа политики переплетаются и требуют достижения равенства по отношению к расе, этничности, национальности, религии, так как многие индивиды принадлежат сразу к нескольким выделенным категориям и страдают от увеличивающихся форм маргинализации. Б. Бэрри утверждает, что религиозные и культурные меньшинства должны нести ответственность за последствия их выступлений против других групп и государства. Еще одна проблема – уязвимость меньшинств – защита культуры меньшинства может привести к неравенству внутри культуры данного меньшинства.

Более перспективной представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его в более широкий культурный контекст. Рассмотренный в этом контексте мультикультурализм расширяет традиционные цели культуры.

Научная проблематика мультикультурализма весьма разнообразна и включает обширный круг проблем: поиск новых форм политического действия; формирование альтернативной культуры; создание посттрадиционных парадигм политической философии и философии культуры; анализ вопросов присоединения, равенства, свободы выбора, идентичности и т. д. – перечень можно продолжить. В связи с разнообразием проблематики в анализе феномена мультикультурализма трудно выделить единую концептуальную структуру. Скорее, можно рассмотреть конгломерат идей традиционной (философия жизни, феноменология) и посттрадиционной западной философии; западной политической философии, постсоциологии. В целом в многообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Первое базируется на идеях равенства доминирующей культуры и культурных меньшинств, толерантности, не этноцентрированной идентичности и рассматривает мультикультуру как непреходящую ценность (В. Кимлика, Ч. Тайлор). Умеренный мультикультурализм развивает концепцию разграничения позитивной и негативной толерантности, находящей свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Негативная толерантность имеет параллель с гоббсианством, что обеспечивает его преимущество по отношению к другим вариантам этого интеллектуального движения.

Можно выделить несколько ключевых проблем в дискуссиях мультикультурализма.

- Обсуждение «тяжелых случаев» (hard cases) в контексте философии.
- Нормативные исследования мультикультурализма, которые явно базируются на парадигме исследований Д. Роулза и его последователей.

Центральный вопрос этих исследований – как можно заставить индивидов разных моральных установок и верований поддерживать базовые принципы права в существующем конституционном режиме? [7]. Этот вопрос рассматривался Д. Роулзом в контексте интеллектуального диалога с исследованиями Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Милля, И. Канта. Д. Роулз был вдохновлен идеями о том, как принципы разума, равенства, справедливости, плюрализма могут быть использованы в политических исследованиях современных либерально-демократических обществ.

- Обсуждение проблем мультикультурализма в дебатах либералов и коммунитаристов. Сохраняя веру в либеральную автономию, В. Кимлика рассматривает вопрос о том, что индивидуализм любого рода нуждается в укоренении в нуждах сообщества, культуры, истории; отсюда – его защита культурного контекста как источника либерального самосознания [8]. Основное понятие В. Кимлика – либеральный культуралистский консенсус – весьма значимо в обсуждении проблем мультикультурализма.
- Дискуссии по проблеме идентичности. Центральная идея заключается в том, что этнические идентичности не являются чистыми или статичными конструкциями, но изменяются под влиянием обстоятельств. «Чернота» (blackness), например, это синкретичная идентичность, которая развивалась во взаимодействии с доминантными европейскими или белыми культурными формами. Это отсутствие чистых идентичностей означает, что меньшинства не являются гомогенными.
- Дискуссии по проблеме свободы выбора в контексте либеральной теории. Возрастающее культурное разнообразие приводит к формированию нового типа либерализма, базирующегося на мультикультурных ценностях. Исследователи обсуждают либеральные принципы на метафизическом уровне. Это обсуждение включает анализ либерального мышления, либерального сознания, либерального этоса – категорий, предопределенных человеческим поведением и, в конечном счете, служащих фундаментальным принципом любого мультикультурного общества. Либеральные тенденции критики «Я» и критический способ мышления в традиционной европейской метафизике, например, в диалогах Платона и критической философии Канта, а также логика диалога, который продуцирует и завершает проблему поиска универсальной истины, формируют метафизический либерализм. Либеральная позиция, которая разрешает реализацию индивидуальных идей и действий без политического принуждения, обеспечивает появление демократического федерализма и мультикультуры.
- Дебаты по поводу эволюции прав человека по отношению к культурным ценностям, со-

циальной идентичности, демократической теории. В евроцентристских правах человека происходят кардинальные изменения в связи с процессами глобализации. Современная социокультурная ситуация демонстрирует крушение евроцентристских прав человека. Права человека оправданы каждой из культур, внутри которых есть ресурсы либерального и социокультурного опыта, предопределяющие мультикультурные трансформации.

Перспективы мультикультурных исследований можно описать следующим образом: анализ поли-

тического процесса создания прав/или антидискриминационных законов для мигрантов/меньшинств; признание разнообразных этнических групп как путь, в котором разные группы признаются/категоризируются для политических/правовых целей; мобилизация возможностей/каналов, которые открываются и используются разными этническими группами.

Сейчас теоретики мультикультурализма подчеркивают необходимость изучать историю и сравнение различий и сходств внутри культур для того, чтобы развить «успешный» мультикультурализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малахов В. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. – 1997. – № 1. – С. 171–175.
2. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 280 p.
3. Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – P. 225–256.
4. Waldron J. Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative // The Rights of Minority Cultures. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 93–119.
5. Kukathas C. The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 292 p.
6. Barry B. Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism. – Cambridge, MA: Harvard, 2001. – 403 p.
7. Rawls D. Theory of Justice. – Oxford: Oxford University Press, 1971. – 560 p.
8. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 280 p.

Поступила 27.06.2012 г.

УДК 75. 041. 5

ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

Л.Н. Лихацкая

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
Email: RIK 426a@mail.ru

Поставлена проблема изучения произведения художественного творчества как культурного артефакта. Сделана попытка соотношения понятий портрета как культурного артефакта с понятием зеркала в механизмах функционирования. Автор рассматривает сходство и различие понятий зеркала и портрета. Актуализируется системный подход в изучении объектов культуры (произведений художественного творчества). Предложены графические схемы, представляющие образ в портрете и образ в зеркале.

Ключевые слова:

Артефакт, портрет, зеркало, Другой, объект, субъект, отражение, образ, антиномичность, ego, alter ego.

Key words:

Artefact, portrait, mirror, another, object, subject, reflection, image, antinomy, ego, alter ego.

Портрет в изобразительном искусстве является одной из крупных проблем в искусствоведении и культурологии. Существуют разные подходы к изучению данной проблемы: исторический, искусствоведческий, культурфилософский. С данной проблемой соотносятся такие понятия как культурный артефакт, личность, культурная среда и т. д. При рассмотрении проблем портрета с точки зрения культурологии нами предпринята попытка использовать такое понятие культурологии как «зеркало». Зеркало как предмет с перечнем его физических свойств перешло в темы теоретических исследований и в качестве метафорического образа иллюстрирует качество тех или иных системных от-

ношений. К образу зеркала в своих философских и культурологических трудах обращались такие исследователи как Николай Кузанский [1], М. Мерло-Понти [2], Ю.И. Левин [3] и др.

Феномен зеркала используется нами как метод для выявления функционирования портрета как культурного артефакта. Зеркало как системное понятие имеет такие качества как отражение, бинарность, антиномичность. При этом мы рассматриваем зеркало как культурологическую категорию с присущими атрибутами: субъект, объект, ego, alter ego.

Научная проблема, решаемая в нашей работе, – соотношение понятий портрета как культурного артефакта с понятием зеркала в механизмах функ-

ционирования. Портрет как объект художественного творчества — явление уникальное и многомерное, интересное с точки зрения искусствознания, философии, социологии, психологии. Новизна работы заключается в том, что автор, рассматривая портретный жанр как культурный артефакт, делает попытку соотнести функции портрета и зеркала и выяснить сходство и различие этих явлений. Актуальность работы заключается в системном подходе в изучении объектов культуры (произведений художественного творчества). Введение новых понятий позволит расширить научный аппарат при анализе артефакта, что составляет значимость данного исследования для теории и практики. Ввиду того, что на современном этапе в практике еще недостаточно распространен системный подход в изучении произведений искусства, необходимы дальнейшие исследования в этой области. Уровень проблемности заключается в неочевидности решений и необходимости теоретического поиска.

Процессы создания и восприятия объекта культуры связаны с процессами познания, при этом творческая активность и характер восприятия индивида играют важную роль. На наш взгляд, портрет имеет сходные черты с зеркалом и также выполняет гносеологическую функцию. Ввиду антимичности портрета как явления культуры механизмы его создания и восприятия, с одной стороны, совпадают с функциями и механизмами зеркала, а с другой стороны, разнятся.

Портрет и зеркало непосредственно связаны с теорией отражения. Образ зеркала выступает как модель познания мира. Говоря о семиотических потенциях зеркала, Ю.И. Левин утверждает: «Отражение, будучи воспроизведением оригинала, может служить моделью знака вообще и иконического в особенности» [3. С. 561]. Николай Кузанский пишет: «Поскольку познание есть уподобление, он обнаруживает в себе самом, словно в живущем интеллектуальной жизнью зеркале» [1. С. 372].

Сходство механизмов функционирования портрета и зеркала позволяют убедиться в гносеологической функции портрета, а различия указывают на специфику портрета как культурного артефакта особого качества. Системное качество зеркала — отражение. Сходный механизм присутствует в портрете как культурном артефакте.

Можно предположить сходство в генезисе портрета и зеркала: эстетическая действительность искусства возникла из мифа о Нарциссе. Зеркало и портрет соотносятся по принципу калькирования. Отражение в зеркальном стекле, вставленном в раму, воспринимается как автопортрет. Зеркальная эстетика жизнеподобия повлияла на формирование стилей в искусстве. Человек, проявляя заботу о том, как он выглядит со стороны, тем самым обеспечивает и контролирует обратную связь, связь с другими людьми.

Портрет, так же как и зеркало, с определенной долей условности синкретизирует свойства органики и качества артефакта. Как и зеркало, портрет

выполняет роль границы, маркирующей вход в полустороннее (по ту сторону холста или зеркала). Портрет обладает автономной изобразительной памятью. Портрет — это экран, демонстрирующий картины прошлого, настоящего и будущего. Образ в портрете наделен характером.

Одно из главных свойств зеркала — закон устойчивой симметрии. В искусстве существует закон динамической симметрии, который играет главную роль в построении композиции произведения изобразительного искусства и, в частности, портрета.

Мы можем предположить, что портрет — это сложное зеркало или система зеркал.

Теория отражения в аспекте «портрет—зеркало» сопряжена с теорией восприятия человека человеком. Здесь работают такие психические свойства как перцепция, эмпатия воспринимающего субъекта (художника, наблюдающего модель, и зрителя, созерцающего портретное изображение).

В механизме восприятия сведения об отдельных свойствах синкретизируются в целостное знание и обуславливают целостное восприятие объекта в совокупности присущих ему свойств. «Чувственный образ, который является первой ступенью познания, формируется в процессе построения изображения. Образ человека, как и любое изображение, представляет собой совокупность элементов, находящихся в определенном соотношении с совокупностью элементов, составляющих облик отражаемого человека», — отмечает А.А. Бодалев [4. С. 32].

В проблеме восприятия человека человеком, изучаемой психологами, выявляется ведущее значение факторов, обладающих большим информационным содержанием, раскрывающим эмоциональные состояния человека: выражение лица, жесты, позы. Поэтому, на основе психологических особенностей восприятия человека человеком, в портрете главные композиционные акценты, как правило, делаются на лице и руках портретируемого.

Исследователь Морис Мерло-Понти замечает: «Зеркало может появиться, потому что я суть видящее — видимое, потому что существует своего рода рефлексивность чувственного, и зеркало её выражает и воспроизводит [2. С. 227]. Портрет и зеркало сходны в функциях. Портрет выполняет роль популяризации идеи концепции общества в разные исторические периоды. Зеркало и портрет на основе принципов отражения являются инструментом познания и персонологии. Портрет — это диалектическое зеркало и одновременно историческое. В портрете, так же как и в зеркале, отражается онтологический принцип. Портрет является индикатором человеческого и личностного. Нравственный аспект в портрете играет большую роль. Через портрет осуществляется самооценка общества. И зеркало, и портрет в определенном смысле управляют обстоятельствами, ситуацией и человеком в своих механизмах. В конечном итоге, зеркало, как и портрет, — в определенном смысле, — являются собой закон существования жизни и движения. «Каждая

визуальная модель динамична» [5. С. 28]. Зеркало используется для самооенок – в этом суть, которая заключается в познании механизма симметрии в окружающей действительности. К портрету как явлению культуры этот закон применим.

Различия в явлениях зеркала и портрета выявляют специфику последнего. В зеркале отражается человек и мир. В портрете также отражается человек и мир, но иначе – через призму видения «Другого». «Любая познавательная деятельность – какова бы ни была форма её непосредственной субъективной данности – по принципиальным механизмам своего осуществления носит социально-опосредованный характер, а значит, всегда содержит потенцию коммуницирования», – утверждает В.А. Лекторский [6. С. 305].

В акте коммуникации активная главенствующая роль принадлежит художнику – творцу. «Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу», – пишет В. Кандинский [7. С. 45].

Для последующих рассуждений примем условные схемы. Плоскость зеркала и портрета – то условно-абстрактное понятие, граница, которое разделяет качества объекта реального и этого же объекта, отраженного в зеркале и портрете (рис. 1).

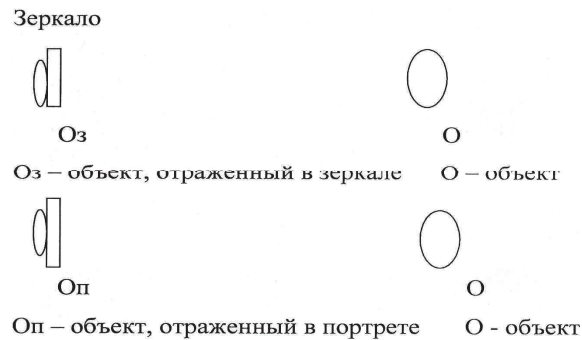

Рис. 1. Тождество объекта (O), отраженного в зеркале (Oz) и объекта, изображенного на портрете (Op)

Если в зеркале O и Oz – это ego и alter ego, то механизм отражения предполагает вид деятельности, когда человек воспринимает собственное отражение в реальности. Итак, делаем вывод: O и Oz никогда не бывают абсолютно тождественны, так как Oz является представлением O о себе.

В портрете качества O и Op имеют еще меньше тождества, так как в портрете на плоскости холста есть уже отраженное в зеркале познания Другого-художника представление о «Я»-модели, совмещенное с «Я»-художника.

Итак, O и Op никогда не бывают тождественны, так как между O и Op всегда находится S – субъект оценивающий, то есть художник (рис. 2).

Рис. 2. Нетождественность объекта (O) и объекта, изображенного на портрете (Op)

Поэтому O как через призму преломляется в S и меняет свое качество, приобретая качества S.

Ввиду психологических особенностей восприятия человека человеком и восприятия человеком самого себя в зеркале образ как понятие идеальное возникает уже в Oz, а не только в Op. Однако по качеству, механизму образования и функции Oz и Op различаются.

В присутствии зеркала человек не избавлен от одиночества, а в портрете избавлен в связи со сложным механизмом портрета. Портрет и зеркало различаются принципом обратной связи.

Основное различие проявляется уже в том, что в механизме зеркала – лицо, которое «Я» намерено показать Другому. В портрете такой механизм исключен, так как Другой, то есть художник, своей волей отбирает детали. По сути, портрет как артефакт – это реакция на реакцию Другого.

Комментируя ситуацию «человек перед зеркалом», М. Бахтин говорит, что в зеркале личность видит не себя (для этого потребна эстетически компетентная позиция Другого). «Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим» [8. С. 240].

Как явствует из дневников Матисса «Художник обладает способностью отождествлять себя с моделью» [9. С. 280]. В портрете эта позиция Другого художника выполняет роль зеркального отражения социального, культурного, психического параметров. К тому же, часть своих функций портрет осуществляет через механизм восприятия зрителем. Образ, изображенный в портрете, становится величиной, изменяющейся в историческом, социальном, психологическом и других аспектах (в параметрах идеального).

Так же как и зеркало, портрет – это мифологема отражения реального и одновременно универсалия культуры. При этом отождествления не происходит в силу главного отличия физических свойств зеркала и тварной природы портрета. Зеркало натуралистически предъявляет документальность, а портрет с позиции Другого предъявляет субъективный образ видения Другого.

Анализируя отношения субъекта и объекта в процессе познания, В.А. Лекторский говорит: «Повидимому, идеализация не может быть сведена к «упрощению» того, что дано в опыте» [6. С. 197]. Исследователь утверждает, что посредством идеализации формулируют «...такие допущения, которые не могут быть реализованы в опыте» [6. С. 197]. Данное утверждение может быть применимо к рассматриваемым нами проблемам ввиду того, что портрет в качестве зеркала есть отраженное сознание человека, которое, как утверждает философ А.В. Иванов в своей книге «Мир сознания», имеет следующие качества: «Мое сознание есть нечто, субъективно временящееся, существующее в виде необратимого и невозпроизводимого потока образов, ассоциаций и воспоминаний, которые я никому никогда и никак не смогу передать абсолютно»

адекватно, точно так же, как не могу питать надежду на аутентичное вхождение в чужой субъективно времящийся поток» [10. С. 30]. Как замечает художник и теоретик искусства А. Матисс: «Только проникнув внутрь предметов, можно понять самого себя» [9. С. 280].

Портрет можно назвать «застывшим зеркалом», с одной стороны, так как изображение в зеркале динамично, а изображение в портрете неподвижно. С другой стороны, портрет как культурный артефакт — явление динамичное. В своем исследовании «Зеркало как потенциальный семиотический объект» Ю.И. Левин пишет: «Нарушение свойства синхронности изображения оригиналу приводит к идее зеркала, в котором можно видеть прошлое и будущее (а также к идее закрепления изображения)» [3. С. 563]. Творческая идея создателя портретного образа, то есть художника, является и постоянной величиной, но одновременно и более она является величиной, изменяющейся во времени. Зеркало и портрет связаны между собой в своей сути как механизм и функция познания мира. А в историческом времени эти два артефакта развивались не синхронно, выполняя разные функции. Сам портрет в своем качестве, как артефакт в историческом измерении, находится в процессе непрерывной динамики. (Человек усложняется — появляется портретный жанр, который постоянно с течением времени усложняется тоже). При этом по утверждению «...ни наука, ни искусство также принципиально не могут претендовать на абсолютную адекватность, чистоту, прозрачность отражения» [11. С. 124].

И портретный образ, и образ в зеркале подвержены изменениям в историческом времени, так как меняется носитель культуры. Образ в зеркале меняется не так активно как портрет, поэтому зеркало и портрет в истории культуры развиваются несинхронно. По отношению к динамике развития портрета зеркало можно считать относительно неподвижным во времени.

«Рукотворное зеркало» — это артефакт в широком смысле. Рукотворное зеркало для человека — это опосредованное зеркало его творений в искусстве и реальной жизни: садово-парковое искусство, дизайн в одежде, мебели и т. д. Из этого взаимодействия зеркала как артефакта и понятия и портрета как культурного артефакта следует вывод: портрет — это соединение множества зеркал, каждое из которых — это каждая деталь и составляющее детали портрета, в которой отражается реальная ситуация, традиции искусства и новации. Об этом пишет А.Ф. Лосев: «Тезис: Выражение, или форма сущности, по своему факту и бытию ничем не отличается от самой сущности. Это единый факт сущности. Выражение неотделимо от сущности и потому есть сущность. Антитезис: Выражение, или форма сущности, отлично от сущ-

ности, так как предполагает нечто иное, что есть кроме сущности (и в чем она является). Синтез: Выражение, или форма сущности, есть становящаяся в иное сущность, неизменно струящаяся своими смысловыми энергиями» [12. С. 15].

Произведения искусства, и в частности портретного жанра, способны сохранить в историческом времени образ человека. То, что не сохраняет зеркало. Люди каждой эпохи отличаются друг от друга — так в каждой эпохе — иное зеркало с культурными, социальными, психологическими особенностями. Зеркало — это всё то, что противостоит человеку, так как всё то, что ему противостоит, это то, что он созерцает вокруг себя, то, что не есть он сам. Это то, что он создал сам — совокупность артефактов — рукотворное зеркало. Это реальность, познанная им и отраженная в артефакте. В портрете фиксируются фрагменты этой реальности, а зритель, воспринимающий портрет, находится в структуре отражающих зеркал.

С изменением в историческом времени зеркала, носителя культуры и портрета изменяется язык изобразительного искусства.

Главное в портрете — не абсолютное сходство, а символика, понятная реципиенту-зрителю. Та или иная деталь в композиции портрета является признаком времени — знаком, лексемой, архетипом, которая может быть изображена минимальными, даже абстрактными средствами.

Выводы

Главным признаком сходства зеркала и портрета является гносеологическая функция, отраженная в сложном механизме портрета — зеркала. По отношению к зеркалу, физическому явлению и абстрактному понятию, понятие портрет является более мобильной структурой. Портрет как явление социальное, культурное и психологическое делает эти свойства более заметными, фиксируя в портретном образе акценты в концепции воспроизведенного в живописном, графическом или скульптурном портрете образа.

В образной концепции портрета содержится двойное зеркальное изображение в синкретическом виде: сам объект, каким его видит автор и зритель. Портрет в истории искусства — это пролонгированное зеркало, которое фиксирует через последовательность артефактов и в каждом конкретном артефакте историческую динамику концепции человеческой личности. Портрет — это система зеркал, так как высвечивает предмет изображения с разных ракурсов: с точки зрения культурной, социальной, психологической, с позиций исторического и художественного времени.

Зеркало как понятие активно вводится в научный оборот, используется в гуманитарных дисциплинах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1980. – 471 с.
2. Мерло-Понти М. Око и Дух // Французская философия и эстетика XX века. Программа «Пушкин». – М.: Искусство, 1995. – 288 с.
3. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика и семиотика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 822 с.
4. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 199 с.
5. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Сокр. пер. с англ. В.Н. Самохина. – М.: Прогресс, 1974. – 392 с.
6. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 359 с.
7. Кандинский В. О духовном в искусстве. – М.: Объединение «Кашмир», 1992. – 108 с.
8. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 333 с.
9. Зубова М. О графических автопортретах Матисса // Проблемы портрета: Материалы науч. конф. – М.: Советский художник, 1973. – С. 277–301.
10. Иванов А.В. Мир сознания. – Барнаул: Изд-во АГИИК, 2000. – 240 с.
11. Кропотов С.Л., Круглова Т.А. Художественный метод социалистического реализма в контексте форм превращенного сознания // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике, эстетике. – Свердловск: Ургу, 1990. – С. 124–134.
12. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М.: Мысль, 1995. – 944 с.

Поступила 30.12.2011 г.

УДК 658.512.23

ОСОБЕННОСТИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ДИЗАЙНЕ

А.И. Захаров, М.С. Кухта*

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, г. Москва

*Томский политехнический университет

E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru

Анализируется динамика и морфологические основания объектов дизайна. Исследуется роль семантики в формообразовании и специфика визуального восприятия предметно-функциональных структур. Предлагается методика оценки формы в дизайне.

Ключевые слова:

Дизайн, формообразование, предметно-функциональная структура, экспертный метод.

Key words:

Design, shaping process, object-functional structure, expert method.

Актуальность работы связана с необходимостью исследования специфики формообразования объектов дизайна, а также тем, что в современной индустрии форма становится знаковой доминантой, определяющей уровень и качество изделия. Формообразование в дизайне определяется как организация формы объекта в соответствии с его функцией, материалом и способом изготовления, воплощающей замысел дизайнера. Проблема формообразования в дизайне понимается как проблема проявления в морфологии объектов совокупности объективных формообразующих факторов (культурно-исторических, технологических, эстетических, эксплуатационных и т. д.).

В связи с целью работы, которая предполагает исследование специфики формообразования в дизайне, вводится термин «предметно-функциональная структура», под которым понимается объект материального мира, призванный удовлетворить потребности человека. Задачи работы определяют исходя из логики движения к цели:

- выявить морфологические основания предметно-функциональных структур;

- исследовать семантику формообразования объектов дизайна;

- предложить методику оценки формы в дизайне.

Исторический анализ изменения форм показывает, что вначале предметы возникли в качестве простейших конструкций в ответ на появление утилитарных потребностей человека, затем, по мере развития и усложнения, преобразовались в формы, имеющие эстетическую ценность.

Рассматривая своеобразные «срезы» предметной среды с точки зрения преимущественно пространственных форм различных объектов необходимо определить единый критерий их оценки. Известно, что, если исследовать форму предмета с точки зрения дизайна, то такими критериями будет сочетание функциональных и эстетических свойств. Так как функции рассматриваемых объектов весьма различны, оценка их функциональности затруднительна. В качестве критерия можно было бы предложить универсальный критерий эстетичности, однако, как писал Ф. Вольтер «прекрасное, которое поражает лишь наши внешние чувства, воображение и то, что именуется умом,

подчас относительно» [1. С. 216]. Однако он же далее дает универсальный ключ к пониманию прекрасного: «наилучший вкус в любом виде искусства проявляется в возможно более верном подражании природе, исполненном силы и грации [1. С. 270].

Природные формы можно разделить на формы объектов неорганической природы (минералы) и формы объектов органического мира (флора и фауна). Первым присущи относительно простые симметричные, граненые, кристаллические формы, различаемые так называемыми типами симметрий и сингониями, вторым – пластичные, мягкие формы.

Морфология объектов материальной культуры наследует эти признаки формообразования, на что указывают исследования В.Б. Мириманова [2]. Организация формы в предметной среде выражает себя посредством элементов, прототип которых можно увидеть в кристаллических (неорганических) и пластичных (органических) творениях природы. Анализируя фигуративные наскальные изображения, В.Б. Мириманов делает вывод, что они позволяют получить хотя и скудные, но объективные показатели, из которых складывается морфология стиля [2. С. 15]. Он выделяет два типа геометризаций изображений: прямолинейный и криволинейный. Таким образом, на основании этих исследований, в предметной среде также можно выделить два основных морфологических основания, определяющих форму предметно-функциональных структур:

- кристалломорфизм, для которого характерны жесткость, излом, «рубленность»;
- биоморфизм, который характеризуется мягкостью, изгибами, пластичностью.

В различные периоды можно наблюдать преобладание «жесткого» либо «мягкого» типа организации формы (табл. 1).

Таблица 1. Морфологические основания организации формы

Формы проявления	Кристалломорфные структуры	Биоморфные структуры
В искусстве	неолитический, древнеегипетский, этрусский, архаический период искусства Древней Греции, искусство ацтеков и тольтеков, готика, кубизм	палеолитический, искусство Амарны, классический период искусства Древней Греции, барокко, рококо, импрессионизм, фовизм
В дизайне	функционализм, конструктивизм, хай-тек, минимализм	модерн, ар-деко, неомодерн
Авторские стили в дизайне	Ле Корбюзье, Элен Грей, Петер Беренс	Михаэль Тонет, Ээро Аарни, Патрисия Уркиола

Специфику изменения морфологии рассмотрим на примере динамики формы парфюмерного флакона.

Первые сосуды для хранения ароматических масел имели простейшую геометрическую форму – сферу или овал. В Древней Греции в округлых арибалах хранили свои масла мужчины, в более вытянутых алабастровах – женщины. В дальнейшем форма флакона следовала традиции Древней Греции, вариации овалоида и шара (помандеры) отличались лишь материалами и способами декорирования.

С XVIII в. форма парфюмерного флакона становится объектом внимания дизайнеров, привлекающих как новые материалы для ее создания (серебро, драгоценные камни), так и новые технологии их художественной обработки, позволяющие в изысканном разнообразии пропорций, сочетаний цветов, визуальных аллюзий отразить символ аромата.

Парфюмерный флакон У. Шекспир сравнил со стеклянной тюрьмой, хранящей ароматы лета, весны и осени. Потому в последующих поисках формы особой популярностью пользовались украшения стилизованными цветами, птицами, силуэтам нимф, стилизованными образами флоры. Флаконы, созданные такими известными дизайнерами и парфюмерами, как Поль Пуаре, Рене Лалик, Эльза Скиапарелли, Генрих Гоффман, Эрве Гимар, Жюльен Виара, становились изысканными (коллекционными) произведениями искусства, которые раскрывали идею заключенного в них аромата.

Таким образом, можно увидеть, как искусство создания парфюмерных флаконов постепенно выходит из рамок архаического геометризма и развивается в сторону усложнения составляющих структур. Более того, наблюдается чрезмерное увлечение свободой формотворчества, которую предоставляют дизайнеру развивающиеся технологии художественной обработки материалов, что приводит к соревнованию в необычности и новизне.

Семиотика формы флакона, его знаковая константа, связана с содержанием хранящегося в нем аромата – грезы, мечты, рождающий сонм образов. Неуловимый, эфемерный и зыбкий аромат создает настроение, внушает радость или печаль, пробуждает чувственность, будит воспоминания, покоряет сердца: согласно легенде, греческий паромщик Фанон, который был безобразен, как Квазимодо, с помощью флакончика божественной душистой жидкости, подаренного ему Афродитой, сумел покорить сердце неприступной поэтессы Сафо.

Дизайн формы флакона становится материальным воплощением призрачного аромата, претворяя чувства в материальное, зримое, визуально осязаемое совершенство формы. Так, обращаясь вновь к наследию У. Шекспира, «стеклянная тюрьма» становится хранилищем состояний, которые пробуждаются ароматом. В материалах, из которых изготовлены дизайнерские флаконы, отражена игра контрастов: прозрачного и непрозрачного, драгоценного и дешевого.

В современном мире, наряду с отмеченными тенденциями усложнения форм существует по-

требность их адаптации к реальным возможностям потребителя. Известные парфюмерные бренды в непрерывном поиске эксклюзивных флаконов вновь и вновь возвращаются к идее геометризма, простоты и лаконичности, что продемонстрировала Коко Шанель, противопоставив фигурным формам дамских флаконов в стиле модерн с изогнутыми линиями, выпуклыми рельефами простое решение собственных именных духов в виде строгого прямоугольника, который традиционно ассоциировался с мужскими одеколонами.

Тектонике фантазийных, плавных форм модерна К. Шанель противопоставила другие свойства стекла, подчеркнув прозрачность, чистоту, лаконизм и устойчивую определенность. Стекло, как материал в дизайне парфюмерного флакона «Шанель № 5», проявляется во всем богатстве своих культурно-мифологических смыслов. Лишенный украшений и изысков флакон геометрической формы «Шанель № 5» стал стартовой моделью для создания серий флаконов, где простота формы двигала на первый план цвет и чистоту аромата, качество обработки материала, гармоничность пропорций. Лишенный украшений и роскошного декора флакон демонстрировал абстрактный минимализм, универсальное содержание, что отражало суть современной культуры и технократический пафос конструктивизма.

На основании проведенного анализа, можно представить на рисунке динамику формы парфюмерного флакона: от простых форм сферических форм греческих арибал к сложным образам модерна и, затем опять возвращение к лаконичному геометризму конструктивизма. Возрождение простейших геометрических форм в дизайне, как метод формообразования, обращает внимание на элементарные основы построения формы в пространстве, где степень соответствия психологии восприятия

является критерием истинности. Образ флакона создается при помощи простых линий, плоскостей, объемов. Однако при всей простоте этот лаконизм способен вызывать определенные ощущения. Флакон не становится «сухой геометрической схемой», а порождает эмоции, ощущения, содержание которых определяется наполнением трех уровней восприятия геометрических форм:

- физический – позволяет с математической точностью измерить, определить и описать геометрическую фигуру (овал, параллелепипед, шар и др.) [3];
- физиологический – относится к первому уровню ощущений и, согласно исследованиям Ю. Конорского, Р. Грегори [4, 5], задает параметры визуального восприятия реальности, опирающегося на физиологию нашего зрения;
- психологический – относится к эмоциональному звучанию геометрических линий и фигур, плоскостей и объемов. Это процесс субъективного формирования целостного образа предмета подробно описан в исследованиях гештальт-психологии [6. С. 28; 7. С. 67].

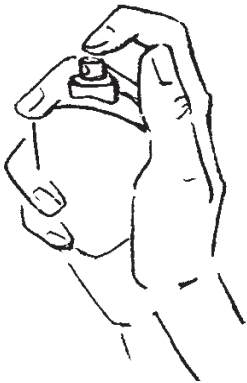

Наше восприятие стремится объединить и выстроить отдельные элементы в единое эмоциональное целое. Эмоциональной окраске подвержены все геометрические формы, вызывающие устойчивые ощущения, поддающиеся описанию и систематизации. Как писал М.Я. Гинзбург «...различные элементы формы (линии, плоскости, объем) сами по себе, а в особенности различным своим взаимоотношением порождают в нас эмоции удовольствия и неудовольствия точно так же, как тот или иной цвет и звук» [8].

Анализ геометрических форм флаконов был проведен на сопоставлении флакона-овалоида фирмы «Булгари» и флакона-параллелепипеда фирмы «Шанель» (табл. 2).

Рисунок. Динамика формы парфюмерного флакона: а) коринфская краснофигурная арибалла. VI тыс. до н.э.; б) парфюмерный флакон Рене Жюль Лалика; в) парфюмерный флакон «Шанель № 5»

Таблица 2. Сравнительный анализ форм флаконов

Дизайн флаконов		
Морфологические основания	Биоморфизм (мягкость, пластичность, изгиб, криволинейность)	Кристалломорфизм (жесткость, графичность, излом, прямолинейность)
Особенности эксплуатации флакона		
Особенности восприятия формы	неустойчивость, женственность, мягкость, удобство, комфорт	устойчивость, мужественность, яркость ощущений (тактильная осязаемость граней)

Результаты анализа, табл. 2, подтверждают культурно-мифологическую семантику этих форм. Овалоид связан с архетипом яйца (от лат. *ovum* – яйцо) несущего идею рождения, Женского начала, Лона, мягкости, округлости и тепла. Параллелепипед в архетипическом контенте отражает идею Мирового порядка, Созидания, Мужского начала, определенными чертами которого являются жесткость, воля, устойчивость, уверенность, яркость проявления.

Таким образом, эмоциональное звучание задается правильно выбранной геометрией формы, которую производитель соотносит с философией формы и потребностью специфического воздействия на потребителя. Создание гармоничных форм – одна из важнейших задач современного дизайна. Согласно исследованиям И. Араухо и А. Алто «если геометрия задается правильной целью, то получаются результаты более эмоциональные, более жизненные, с большей возможностью воздействия на потребителя этого пространства», «наиболее сложная проблема заключается в том, чтобы создать формы, основанные на подлинных человеческих ценностях» [9].

Специфика формообразования и оценка качества дизайна исследовалась с помощью метода экспертных оценок [10. С. 186]. Обобщенный критерий качества формы изделия основан на методах квалиметрии и позволяет учитывать характеристи-

ки оцениваемого объекта введением весовых коэффициентов (показателей качества). Основой методики являются заочные экспертные методы, т. к. они позволяют провести оценку моделей по определенному дизайнером либо заказчиком проекта набору признаков (Г.Г. Азгальдов, Ю.С. Сомов, И.А. Орлов). Необходимость применения экспертных методов обусловлена недискретностью визуального образа, неотделимостью процесса визуального восприятия и его результата от субъекта (В.А. Барабанщиков, М.С. Кухта) [11. С. 198], влиянием социокультурного контекста на эстетические нормы (У. Эко). В результате проведенных исследований [12. С. 12] оптимальное число экспертов определяется следующими соотношениями:

$$N = \frac{t_{\alpha}^2 S^2}{\varepsilon^2};$$

$$t_{\alpha} = 75,095\alpha^4 - 330,077\alpha^2 + 379,693\alpha - 122,006.$$

Здесь N – число экспертов; α – доверительная вероятность; ε – абсолютная погрешность; S – среднее квадратичное отклонение; t_{α} – коэффициент, определяющий доверительный интервал.

В результате проведенных расчетов выражение для t_{α} получено решением задачи интерполяции полиномами табулированных значений нормальной функции распределения. Погрешность вычисления t_{α}^2 не превышает 5% относительно табулированных значений. Среднеквадратичное отклоне-

ние для опытных экспертов, приводимое в литературе, – 20 % [13], соответственно при наличии группы специалистов и закладываемой абсолютной погрешности в 10 % группы из 6 экспертов достаточно для вынесения обоснованного решения с доверительной вероятностью в 80 %.

Обобщенный критерий качества модели основан на методах квалиметрии и позволяет учитывать характеристики оцениваемого объекта введением весовых коэффициентов (показателей качества). В ходе исследования были выявлены следующие показатели совокупной оценки качества формы применительно к предлагаемому методу:

- эксплуатационный (k_1), учитывающий степень влияния эргономических и прогнозируемых функциональных свойств модели будущего изделия на совокупную оценку качества;
- технологический (k_2), учитывающий технологичность объекта применительно к выбранной технологии обработки;
- эстетический (k_3), учитывающий эстетический уровень модели.

Экспертная оценка показателей позволила выделить следующие классы объектов дизайна: утилитарные; культурно-бытовые; эстетико-художественные. Каждому классу объектов соответствует свой диапазон значений эстетического показателя качества (k_3):

- утилитарные ($k_3 < 0,3$) – объекты дизайна, внешний вид которых полностью диктуется функциональным назначением, в качестве примера можно привести многоразовые флаконы для наливной парфюмерии;
- культурно-бытовые ($k_3 = 0,3 \dots 0,7$) – объекты бытового назначения в конкретном культурно-историческом пространстве, например, флаконы для элитной парфюмерии;

- художественные ($k_3 > 0,7$) – объекты высокого художественного уровня, внешний вид которых подчинен трансляции художественного образа (арт-объекты, шедевры, произведения искусства), коллекционные, уникальные парфюмерные флаконы, созданные известными дизайнерами.

В табл. 3 представлены особенности выделенных классов объектов (на примере флаконов для парфюмерии).

Оптимальные направления дизайн-проектирования формы будущего изделия определяются на основе исследований эксплуатационных и технологических требований. Для утилитарных объектов, предназначенных для массового потребления и многократного использования, требования к эстетическому показателю минимальны, а технологический показатель высокий. Для художественных, эксклюзивных, коллекционных изделий уровень эстетического показателя высок, а технологии их изготовления уникальны и не позволяют производить такие изделия серийно, массово. Таким образом, сравнение эстетических показателей изделий (оценки качества формы) целесообразно проводить в границах указанных классов.

Выводы

1. Выявлены морфологические базы организации предметно-функциональных структур, в основании которых лежат природообразующие формы (биоморфные либо кристалломорфные).
2. Семантический анализ формообразования объектов дизайна на примере парфюмерного флакона выявил особенности, влияющие на его морфологическую структуру.
3. Методом экспертных оценок определены показатели качества дизайна, на основании которых обоснована таксономическая классификация

Таблица 3. Пример распределения показателей качества

Показатели оценки качества	Значения коэффициентов		
	0,30	0,25	0,05
Эксплуатационный (k_1)	0,30	0,25	0,05
Технологический (k_2)	0,60	0,25	0,05
Эстетический (k_3)	0,10	0,50	0,90
Класс объекта	утилитарный	культурно-бытовой	художественный
Образцы изделий			
Эксплуатационные особенности	Для многократного использования (для наливной парфюмерии)	Для серийной парфюмерии фирмы Bvlgari	Для коллекционных собраний. Элитный (авторский) дизайн Рене Жюль Лалик
Технология изготовления	массовое производство	серийное производство	уникальные (единичные) образцы

и выявлены группы объектов, имеющих общие требования к предметно-функциональной структуре, что позволяет проводить комплекс-

ные непротиворечивые исследования качества дизайна формы, учитывающие влияние социокультурных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольтер Ф. Эстетика. Статьи. Письма. – М.: Искусство, 1974. – 392 с.
2. Мириманов В.Б. Изображение и стиль: Специфика постмодерна. Стилистика 1950–990-х. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 80 с.
3. Глезер В.Д. Зрение и мышление. – Л.: Наука, 1985. – 246 с.
4. Грегори Р.Л. Глаз и мозг: психология зрительного восприятия. – М.: Прогресс, 1970. – 271 с.
5. Грегори Р.Л. Разумный глаз. – М.: Мир, 1972. – 209 с.
6. Зеки С. Зрительный образ в сознании и в мозге // В мире науки. – 1992. – № 11–12. – С. 33–41.
7. Кликс Ф. Элементы психофизики восприятия пространства. – М.: Прогресс, 1965. – 464 с.
8. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. – М.: Искусство, 1924. – 105 с.
9. Васильев М.В. Структура восприятия (пропорции в архитектуре, музыке, цвете). – М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 2000. – 54 с.
10. Дизайн. Материалы. Технологии: энциклопедический словарь / под ред. В.И. Куманина, М.С. Кухта. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 320 с.
11. Кухта М.С. Методология моделирования восприятия визуальной информации. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – 202 с.
12. Дронов В.В. Разработка дизайна изделий методом автоматизированного варьирования параметров модели: автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Томск, 2012. – 20 с.
13. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров (основы квалиметрии). – М.: Экономика, 1982. – 256 с.

Поступила 01.06.2012 г.

История

УДК 338.48:947

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНОСТРАННОГО ТУРИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ В 1950–1960-е гг.

И.А. Колупанова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

E-mail: kolupanova@mail.ru

Показаны предпосылки развития иностранного туризма в СССР и за рубежом. Приведены статистические данные развития иностранного туризма в СССР и за рубежом в 1960-е гг., показаны темпы роста международного туризма в исследуемый период. Большой интерес представляют архивные данные показателей развития иностранного туризма в Сибири.

Ключевые слова:

История, иностранный туризм, Сибирь, 1950–1960 гг.

Key words:

History, foreign tourism, Siberia, 1950–1960-s.

Резкое возрастание миграционных туристских потоков в послевоенный период объяснялось рядом причин. Самой главной следует признать развитие процесса индустриализации – укрепление экономических связей между районами, странами и континентами на основе углубляющегося территориального разделения труда и непосредственно связанного с ним расширения научно-технических и культурных связей.

Важную роль играли достижения научно-технической революции, особенно в области транспорта, способствующие удешевлению транспортных тарифов, ускорению авиационных рейсов и накоплению большого количества личных автомобилей (в 1965 г. число авиапассажиров достигло 180 млн и насчитывалось около 130 млн автомобилей) [1].

Развитию туризма способствовал определенный рост денежных доходов населения ряда стран, увеличение продолжительности отпусков, а также растущее утомление от жизни в больших городах. В промышленно развитых странах поездки с целью отдыха совершали главным образом жители крупных индустриальных центров.

Известную роль играли и осуществляемые во многих странах специальные программы развития туризма: упрощение пограничных формальностей, отмена и ослабление ограничений на ввоз валюты, строительство аэродромов, дорог, отелей и широкая реклама объектов туризма.

Индустрия туризма приобретала все большее значение как экспортная отрасль экономики многих стран, и к концу 1960-х гг. продажа услуг индустрии туризма стала самой доходной статьей мировой торговли и важнейшим средством преодоления дефицитности платежного баланса некоторых стран. По данным Международного Союза официальных туристских организаций, за 1958–1963 гг. промышленное производство в мире увеличилось на 44 %, объем мировой внешней торговли – на 45 %, а поступления от иностранного туризма – на 78 % [1].

В 1960-х гг. сфера туризма – первая по темпам роста сфера внешней торговли. За 16 лет (1950–1966 гг.) доходы от экспорта сырьевых продуктов увеличились в 2,4 раза (среднегодовой прирост 5,5 %), от экспорта промышленных товаров – в 4,3 раза (среднегодовой прирост 9,5 %), а поступления от международного туризма – в 6 раз (среднегодовой прирост 12 %). В результате доля иностранного туризма в общем объеме поступлений от мирового экспорта возросла с 3,4 % в 1950 г. до 6,5 % в 1967 г.

Уже к концу 1960-х гг. мировой туризм обогнал самую крупную статью мировой торговли – сырую нефть.

По данным Организации Объединенных Наций, внутренний и международный туризм в 1960-х гг. во всем мире приносил прибыль в 40 млрд долл.

в год. Наиболее высокие прибыли от туризма получали Италия, Испания и Соединенные Штаты – их годовой доход превышал 1100 млн долларов. Вслед за ними шли Франция, Мексика, ФРГ и Канада, получающие от 700 до 900 млн долл. в год. Австрия, Великобритания и Швейцария составляли третью группу – их доходы от индустрии туризма превышали 500 млн долл. [1].

Туризм представлял собой особую статью экспорта. Возрастала ценность нетронутых уголков природы, увеличивалось стремление состоятельной части населения посетить новые места, познакомиться с самобытными чертами жизни народов. Развивать иностранный туризм в его начальной стадии было намного легче, чем завоевать место на мировом рынке для любого другого товара. Это означало, что индустрия туризма должна была играть роль своеобразного экономического трамплина. Развитие данной отрасли позволило бы сравнительно быстро аккумулировать иностранную валюту для осуществления более широкой экономической программы.

В 1960-е гг. в нашей стране наблюдался быстрый рост отложенного спроса населения. С 1960 по 1967 гг. общая сумма вкладов населения в сберегательных кассах возросла в два с половиной раза (с 10,9 до 26,9 млрд р.) [1]. Рост отложенного спроса был связан не только с определенным разрывом между скоростью изменения запросов населения к качеству приобретаемых товаров и темпами перестройки производства. Это явление в немалой степени было связано с недостаточным развитием производства платных услуг, в частности с ограниченным предложением услуг индустрии туризма.

В 1960-х гг. интерес людей всей планеты был направлен к экономическим, научным и культурным достижениям первого в мире пролетарского государства, отличающегося богатством туристских ресурсов, а именно разнообразием климатических зон и многочисленными историческими памятниками. Это богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока, это Алтай, Саяны, Уссурийский край, это и Тихоокеанское побережье, Сахалин, Курилы, Камчатка, это легендарный Северный морской путь, это крупнейшие в мире гидростанции и мощные индустриальные комплексы, характеризующие стремительный рост социалистической экономики, и наконец, это всемирно известный Академгородок – город советских ученых.

В 1967 г. Советский Союз принял приблизительно 1,8 млн иностранных туристов и имел около 10 млн внутренних туристов. По данным Центрального совета по туризму ВЦСПС, среди внутренних туристов 4,2 млн отдыхало по путевкам (плановые туристы), 2,3 млн – в Домах рыбака и охотника и примерно 3,4 млн организовывали отдых самостоятельно (самодельные туристы) [1].

На протяжении 1960-х гг. среднегодовой прирост иностранного туризма в нашей стране соста-

влял 15 %, а внутреннего (плановый туризм) – 13 %.

Размеры туристских потоков в большей степени определялись развитием авиационного транспорта. Достаточно отметить, что в 1967 г. на регулярных авиалиниях было перевезено около 230 млн человек [1].

В 1960-х гг. в нашей стране широко использовался железнодорожный транспорт как средство проведения туристских путешествий. Туристические поезда вывозили людей на отдых в конце недели и в праздничные дни, росла популярность и многодневных путешествий в поездах. По данным Центрального совета по туризму ВЦСПС, в 1967 г. 1200 туристических поездов обслужили 720 тыс. человек [1].

Мировые миллионные потребители сферы туризма требовали создания массового производства дешевых услуг, что предполагало создание мощной материально-технической базы. Интересно отметить, что только за два года (1964–1965 гг.) капитальные вложения в развитие материальной базы составили: в Испании – 355, в Италии – 333, во Франции 145, в ФРГ – 125, и в СФРЮ – 104 млн долларов [1].

Страны, поощряющие развитие туризма, придавали первостепенное значение созданию гостиничной промышленности. В Европе в 1966 г. насчитывалось 3750 тыс. мест в гостиницах и отелях, в Северной Америке – 2800., в Латинской Америке – 750, в Азии – 700, на Среднем Востоке – 91, в Африке – 22 тыс. мест. По отдельным странам места в 1966 г. распределялись следующим образом (в тыс.): в Испании – 2600, в Италии – 2415, во Франции – 1740, в ФРГ – 1450, в Великобритании – 1180, в ПНР – 440, в СФРЮ – 405, в Болгарии – 375 [1].

Мировой гостиничной промышленности придавалось такое же значение, как и индустриальному развитию. При этом целый ряд стран (в том числе Югославия, Болгария, Португалия) в 1960-е гг. в своих пятилетних планах заявили об увеличении гостиничного фонда на 70...80 % (на 280–300 тыс. мест).

Гостиничное хозяйство нашей страны оставалось недостаточным по числу мест, не всегда отвечало требованиям международных стандартов и не удовлетворяло возрастающему спросу населения. Отсталость гостиничного хозяйства являлась самым узким звеном, сдерживающим развитие туризма. Было очевидно, что увеличение числа мест в гостиницах даже в течение 1970–1975 гг. в два и даже в три раза было совершенно недостаточным. Отставание нашей страны от стран развитого туризма не только не уменьшилось бы, но еще и возросло.

Необходимо было выработать такую программу строительства и модернизации гостиничного хозяйства, которая позволила бы в следующие 1970-е гг. принципиально изменить положение в этом ведущем звене туризма.

С развитием международного и внутреннего туризма рос спрос на дешевые средства размещения – кемпинги. Их число быстро увеличивалось. В начале 1967 г. в Западной Европе насчитывалось свыше 15600 кемпингов. По их числу на первом месте была Великобритания (4800), за ней следовала Франция (3500), потом Италия и Голландия (по 1200) и, наконец, Испания (450) [1].

В конце 1960-х гг. в нашей стране насчитывалось около 500 кемпингов (баз, лагерей, пансионатов), насчитывающих 114 тыс. мест, что немало, но все же недостаточно.

Кемпинги требовали весьма небольших капитальных вложений и могли бы быть сооружены очень быстро. Поэтому они представлялись наиболее перспективными для размещения быстро расширяющегося потока туристов.

Малораспространенной, но весьма перспективной формой размещения туристов были Дома рыбака и охотника. Добровольное спортивное общество рыболовов и охотников в 1960-е гг. насчитывало 3 млн человек, однако фактически услугами этого общества пользовалось почти в три раза большее число людей. Популярность Домов рыбака и охотника быстро росла, хотя его единственными пропагандистами являлись сами любители рыболовы и охотники.

О темпах развития международного туризма в нашей стране в исследуемый период свидетельствуют следующие цифры: если в 1956 г. СССР посетило 500 тыс. иностранных граждан, то в 1981 г. их было более 5 млн чел.; если в 1956 г. за рубеж выехало около 500 тыс. советских граждан, то в 1981 г. – свыше 4 млн человек [2–4].

Большое значение для повышения культурно-технического уровня и интернационального воспитания трудящихся имело расширение международных связей трудящихся СССР путем не только приема иностранных делегаций у себя, но и организации в широких масштабах иностранного туризма советских рабочих, служащих и студенческой молодежи. Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС принимал активное участие в работе по осуществлению международного туристского обмена, проводя ее в тесном контакте с Главинтуристом. ВЦСПС возложил на областные советы профсоюзов организацию таких туристских поездок за границу, как в страны народной демократии, так и капиталистические страны. Достаточно сказать, что около 90 % всех туристских поездок советских трудящихся за границу осуществлялись профсоюзами.

Областные советы профсоюзов проводили большую работу по организации поездок за границу. Вопросы иностранного туризма обсуждались на президиумах областных советов профсоюзов, семинарах-совещаниях профактива.

Улучшался подбор туристов и руководителей групп. Руководителями групп, как правило, подбирались лица из числа партийно-профсоюзного ак-

тива, а в специализированные группы – из числа работников тех же предприятий, откуда комплектовалась группа. Большое внимание уделялось пропагандистско-разъяснительной работе по привлечению трудящихся области к поездкам за границу и рекламе зарубежных путешествий. Впечатления от поездок и информационные материалы публиковались на страницах областных газет. По телевидению наряду с выступлением участников туристских поездок демонстрировались кинофильмы, рассказывающие о путешествиях туристов в зарубежные страны, снятые туристами.

С конца 1950 – начала 1960-х гг. вследствие развития мирового туристского движения и значительно возросшего интереса к Советской стране резко расширились международные туристские связи СССР. Активизировалась деятельность «Интуриста», ставшего одной из крупнейших туристских фирм мира, создано Бюро международного молодежного туризма «Спутник» (крупнейшая в мире молодежная туристская организация, 1958), в ЦСТ образован отдел по международному туризму (1958), в 1964 г. образовано Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР (с 1969 г. Главное управление по иностранному туризму – ГУИТ при Совете Министров СССР). «Интурист» предлагает свои услуги в более чем 100 городах страны, «Спутник» имеет 19 крупных молодежных лагерей. В 1975 г. СССР посетили 3,7 млн иностранных граждан (в 1956 – около 0,5 млн чел.), около 2,5 млн советских граждан выехали за рубеж (в 1956 – около 0,5 млн чел.) [3].

Из протокола межсоюзной конференции профсоюзов Томской области 20–21 марта 1954 г.: «Большое значение для повышения культурно-технического уровня и интернационального воспитания трудящихся имеет расширение международных связей трудящихся СССР путем не только приема иностранных делегаций у себя, но и организации в широких масштабах иностранного туризма советских рабочих, служащих и студенческой молодежи». Первая группа туристов Томской области отправилась в апреле 1954 г. в ПНР, в мае – в ГДР, в июле – в Финляндию, а в сентябре – в КНР [5].

В Томской области иностранный туризм приобретал все большую популярность. В 11 стран выехало 207 туристов. В связи с реорганизацией профсоюзов путевки туристы стали получать непосредственно в Совете профсоюзов. Это позволило лучше пропагандировать туризм. Например, на 34 путевки в ЧССР в июне 1955 г. оказалось 85 желающих [6].

Это является конкретным шагом к укреплению дружественных связей советских профсоюзов с трудящимися зарубежных стран. Проявлением патриотических действий в расширении культурных международных связей СССР [7].

Областные обкомы ВЛКСМ подбирали и направляли туристов в социалистические, капиталисти-

ческие и развивающиеся страны из числа лучших комсомольских активистов, передовиков промышленности и сельского хозяйства, интеллигенции, представителей творческой и студенческой молодежи. Все кандидатуры для поездок за границу в обязательном порядке утверждались по определенной схеме: первичная комсомольская организация—ГК ВЛКСМ—обком комсомола. По этой схеме практически исключалась возможность попадания в группы для поездки за границу «случайных» людей.

С расширением сотрудничества ВЛКСМ и союзов молодежи в разных сферах возрастало число участников обменов, вовлеченных непосредственно в структуру общения, взаимного обогащения опытом и более глубокого знакомства с социально-культурными и хозяйственными успехами стран социализма. Это обусловило повышение интереса к массовым и политически оправданным видам туристских поездок.

Важным направлением в туристском обмене 1960-х гг. стали поездки групп студентов, учащих системы профессионально-технического образования, студенческих отрядов. Вместе с тем следует отметить трудности развития сотрудничества с капиталистическими и социалистическими государствами. Прежде всего, это отсутствие экономических возможностей, значительная удаленность большинства стран от Советского Союза, незначительное количество организаций, занимающихся непосредственно вопросами молодежного и студенческого туризма.

Учитывая эти проблемы, ВЛКСМ настойчиво стремилось к развитию обмена с молодежью этих стран, направляя все большее число групп молодых советских туристов в страны Азии, Африки, Латинской Америки. Количество стран посещения в этих регионах только в 1968–1981 гг. увеличилось с 24 до 50 [8].

Обслуживание туристов за границей проводилось по программам, рекомендуемым ВАО «Интурист». Туристы обслуживались, в основном, квалифицированными гидами, встречали теплый прием обслуживающего персонала.

Уделяя особое внимание развитию и углублению этих контактов, ВЛКСМ активно поощряло деятельность Бюро молодежного международного туризма «Спутник» по расширению каналов туристского обмена с различными органами.

Международная конференция по студенческому туризму, основанная в 1951 г. получила универсальное международное признание в 1968 г. Таким образом, участие ВЛКСМ в международном молодежном туристском обмене способствовало его демократизации, что в свою очередь оказывало существенное влияние на расширение масштаба вовлечения молодежи мира в различные формы международного молодежного сотрудничества и общения. Это соответствовало линии, проводимой КПСС по активизации движения прогрессивных общественных сил в защиту мира и социального прогресса.

Таким образом, можно сделать вывод, что в конце 1950-х — начале 1960-х гг. наступил очередной этап развития внутрисоюзного и зарубежного туризма в СССР. Это явилось следствием улучшения политического климата в мире, развития туристского движения в целом и значительно возросшего интереса народов разных государств к Советской стране — первому в мире социалистическому государству [3].

В исследуемый период начинался процесс практического обмена группами советской молодежи с зарубежными сверстниками по линии Бюро молодежного международного туризма «Спутник». Указанные направления международных туристских связей способствовали комплексному развитию молодежных обменов, осуществляемых ВЛКСМ с зарубежными организациями, повышению роли и эффективности участия Ленинского комсомола в международном молодежном туристском движении в интересах мира, дружбы и сотрудничества юного поколения планеты. Формы международных туристских связей были разнообразными. Это были направление и прием поездов дружбы, взаимные поездки туристских групп в пограничные города, поездки по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Центральный совет по туризму и экскурсиям поддерживал активные деловые связи со многими зарубежными туристскими организациями и фирмами. Эти связи осуществлялись путем обмена группами туристов на безвалютной основе, обмена группами трудящихся, направляемых на отдых, приема туристов социалистических, капиталистических и развивающихся стран по линии социального туризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы развития индустрии туризма / под ред. П.Г. Олдака. — Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 1970. — 259 с.
2. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1988. — 192 с.
3. Абуков А.Х. Туризм на новом этапе: Социальные аспекты развития туризма в СССР. — М.: Профиздат, 1983. — 295 с.
4. Азар В.И. Экономика и организация туризма. — М.: Экономика, 1972. — 184 с.
5. ГАТО Ф. 1598. Оп. 1 Д. 59. Л. 50.
6. ГАТО Ф. 1598. Оп. 1 Д. 92. Л. 51.
7. ГАТО Ф. 1598. Оп. 1 Д. 59. Л. 51.
8. Квартальнов В.А., Федорченко В.К. Орбиты «Спутника»: из истории молодежного туризма. — Киев: Молодь, 1987. — 152 с.

Поступила 09.01.2012 г.

УДК 39

УКРАИНСКИЕ ЭТНОЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (КОНЕЦ XIX – XX ВВ.)

М.Н. Бабута

Томский политехнический университет
E-mail: babuta_m@rambler.ru

Рассматриваются вопросы формирования и численности украинских диаспоральных сообществ в Восточной Европе. Показана роль украинской иммиграции в создании национальных культурных обществ, что повлияло на сохранение этнического самосознания, приверженности к основам духовной культуры.

Ключевые слова:

Украинцы, миграция, диаспора, этнолокальные группы, Восточная Европа, сообщество.

Key words:

Ukrainians, migration, diaspora, ethnolocal groups, East Europe, community.

В настоящее время более трети представителей украинского этноса живут вне своего государства. Пребывание в диаспоре – состоявшийся факт исторической, культурной, политической реальности украинцев, и уже одно это обстоятельство позволяет говорить о проблематике исследования как чрезвычайно важной. Во многом история возникновения украинских диаспор в новейшее время может быть сопоставлена с процессами, происходившими в истории двух древнейших диаспор в мире – армянской и еврейской. Главной предпосылкой продолжения исторического бытия народа за пределами его первоначальной родины остается сохранение императива этнического самосознания, чувства принадлежности к материнской почве, особой приверженности к основам своей духовной и религиозной культуры.

Особый интерес для научного знания представляет изучение истории этнического сообщества в свете расширения географических ареалов его распространения. Народам, проживающим в инокультурной среде, во избежание процессов ассимиляции, необходимы институты и учреждения, способствующие сохранению национальной идентичности. Поэтому одной из важных задач является исследование путей и механизмов сохранения этнической, языковой и культурной самобытности локальных групп, сменивших среду обитания и географическое пространство и оказавшихся меньшинствами в принимающих обществах. Одним из самых солидных исследований по истории украинской диаспоры является коллективный труд украинских ученых «Зарубежные украинцы» [1]. В нем содержится информация о причинах эмиграции с Украины на разных этапах ее истории, краткие сведения о состоянии украинских сообществ в странах дальнего зарубежья. Представление о состоянии украинской общины в Польше дает работа О.А. Ганцкой [2]. В изданном в серии «Народы и культуры» томе «Украинцы» [3] рассматриваются проблемы происхождения украинцев, их этническая история, антропологический облик. Для данного исследования представляет интерес раздел «Украинцы в дальнем зарубежье», где освещаются

вопросы размещения и формирования украинского этноса. Цель данной работы заключается в исследовании процессов складывания украинских диаспоральных сообществ в Восточной Европе.

«Западная» украинская диаспора за рубежом сформировалась в результате массовых переселений. Украинские ученые выделили три наиболее массовые волны иммиграции: последняя четверть XIX в. – 1914 г., 1914–1939, 1947–1955 гг. [3].

По социальному статусу первые украинские иммигранты в Европе были безземельными крестьянами из Галиции и Закарпатья, которые стремились улучшить свое материальное положение. После поражения украинских правительств в 1918–1920 гг. солдаты, офицеры, чиновники, представители интеллигенции оказались в изгнании. Когда стабилизировалась ситуация в Галиции, многие предпочли вернуться на родину. Дальнейшее развитие украинской иммиграции связано с событиями Второй мировой войны. Иммигранты этого периода – преимущественно «перемещенные лица» («ди-пи» – «displaced persons»). Большинство «ди-пи» – люди, насильственно вывезенные с территорий, оккупированных Германией, в качестве рабочей силы. Часть украинцев, оказавшихся в Германии и других странах Западной и Центральной Европы, – военнопленные, содержавшиеся в лагерях. Именно эти две группы стали основным источником пополнения украинских общин в США, Канаде, Южной Америке и положили начало формированию украинской диаспоры в Австралии.

В 1945 г. на Ялтинской конференции решалась проблема репатриации военнопленных и гражданских перемещенных лиц на родину. При подписании 11 февраля 1945 г. в Ялте договора трех держав были заключены секретные советско-британские и советско-американские репатриационные соглашения, гарантирующие возвращение перемещенных лиц союзных наций на взаимной основе. Вскоре, 26 июня 1945 г., подобное соглашение СССР заключил с Францией. Для получения материальной поддержки лицо, не подлежащее возвращению, должно было документально подтвердить,

что имел место факт насильственного вывоза в Германию на принудительные работы; что местом жительства до 1939 г. не был Советский Союз, и что заинтересованный в невозвращении человек не волевал против союзников. Все перемещенные лица, военнопленные или гражданские, юридически рассматривались как свободные граждане союзных держав. Вопросами репатриации занималась и Организация объединенных наций. Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях от 12 февраля и 15 декабря 1946 г. постановила, что все государства – члены ООН должны содействовать скорейшей репатриации беженцев и перемещенных лиц, находящихся на их территории. В целях осуществления сотрудничества в этой области при ООН создана международная организация по делам беженцев, занимавшаяся организацией их обустройства в странах приема. С помощью ООН в Соединенных Штатах в 1947–1951 гг. осели 60,7 тыс. украинцев и русских иммигрантов, в Канаде – 30 тыс., в Великобритании и Австралии – по 20 тыс. в каждой из стран, в Бразилии – 7 тыс. и в Аргентине – 6 тыс. человек [4].

Украинские этнические группы в Польше, Румынии, Венгрии, Чехии и Словакии принадлежат к автохтонным (коренным). На исторических землях, которые сегодня входят в состав этих государств, предки украинцев жили с давних времен.

Мнения о численности украинцев в современной Польше существенно различаются. По данным В. Садзевича, она составляет от 250 до 500 тыс. человек, по другим – от 150 до 300 тыс. Это объясняется тем, что ни в одной переписи не было сведений о национальной принадлежности граждан страны. Судьба украинского населения в Польше в XX столетии складывалась достаточно драматично. Смешанное расселение в Восточной Галиции поляков и украинцев сформировалось в результате польской колонизации украинской этнической территории. В 20–30-е гг. XX в. правительство Польши приняло ряд законодательных актов, ограничивавших национальные права украинского населения, которые коснулись административного управления, преподавания на родном языке, школьного дела т. д. [4]. В то же время, в 1928 г. был основан Научный институт в Варшаве, в котором работали такие ученые, как О. Лотоцкий, В. Садовский, Б. Лепкий, Р. Смаль-Стоцкий. Были изданы книги по истории Украины, такие как «Гетман Пилип Орлик» Б. Крупницкого, «Украинско-московские договоры XVII–XVIII столетий» А. Яковлева и т. д. Помимо научных сочинений, выходили работы по богословию, литературные творения. В 1939 г. после оккупации немцами Варшавы институт закончил свое существование [5].

О.А. Ганцкая выделяет шесть периодов этнической политики государственной власти Польши по отношению к украинскому населению с 1945 г. [2].

Первый период начался 9 сентября 1944 г., когда был заключен договор между Польским комите-

том народного освобождения и Украинской ССР «Об эвакуации украинского и русинского населения», с 15 ноября 1944 г. по 19 декабря 1946 г. из Польши выехали 483 тыс. украинцев, составившие 76,3 % от 633 тыс. их общего числа. Среди них были также бойки, лемки и люди смешанного происхождения. После этого договора украинцы утратили существовавшие ранее права в области школьного обучения и свободу в совершении религиозных обрядов по греко-католическому ритуалу.

Второй период – 1947–1951 гг. Это было тяжелое время для украинского населения, оставшегося в Польше. По решению Президиума Совета Министров и приказу Верховного главнокомандующего Войска Польского проводилась акция «Висла», с 28 апреля по 17 июля 1947 г. учалась ликвидация Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. В это же время началось переселение в западные и северные земли Польши, считавшихся украинцами жителей юго-восточных воеводств – Любельского, Жешовского, Краковского. Переселенческая акция, начатая в апреле 1947 г., активно продолжалась в 1948 г. и менее активно в 1949 г. Было выселено около 150 тыс. чел., из них около 80 % расселены в северном регионе страны, остальные – в западном. 3873 подозреваемых в антипольской ориентации были заключены в концентрационный лагерь в г. Явожне. Избежали выселения лишь немногие из лемков некоторых городов и предместий (Новый Сонч, Горлице и др.), а также из местных ветеранов подполья времен оккупации (всего около 5000 чел.). Основной целью переселения являлась ассимиляция украинцев в новом польском окружении. Это было связано с распространившимся в политических кругах намерением создать послевоенную Польшу как однопольское государство. В каждой громаде их численность не должна была превышать 10 % от ее населения. При этом в одной деревне размещались обычно только несколько украинских семей среди численно преобладавших польских семей.

Украинцы и лемки, переселенные в северные и западные воеводства Польши в основном были крестьянами (примерно 95 %); большая их часть вела индивидуальное хозяйство, меньшая была занята на государственных сельскохозяйственных предприятиях. Городских жителей среди переселенцев немного.

Третий период – 1952–1955 гг. В это время произошли изменения в государственной политике по отношению к украинцам. Это было связано с решениями, принятыми Политбюро ЦК ПОРП в апреле 1952 г. На его заседании критиковалась национальная политика того времени; в принятом решении говорилось о необходимости урегулирования имущественных прав украинцев, обучения на родном языке, об общественно-культурных объединениях и прессе. Новым являлось то, что политические и административные власти обращались к украинской общественности с предложе-

нием сообщить об этнических потребностях и предложениях по реализации последних. В результате в местах жительства украинцев происходило создание сети украинских школ, ускорилось приведение в порядок имущественных дел переселенцев. Первые результаты деятельности переселенцев появились в конце 1952 г. в Ольштынском, Щецинском и Варшавском воеводствах. В 1954 г. во Вроцлавском воеводстве появилась Украинская культурно-просветительская комиссия.

Положительные преобразования, начавшиеся в 1956 г. во многих областях жизни польского общества, привели к активной деятельности этнических меньшинств. Им было разрешено создавать культурные общества. С 15 по 17 июня 1956 г. в Варшаве состоялся первый Главный съезд украинцев, в котором приняли участие 239 делегатов-украинцев, а также представители от ЦК ПОРП и правительства. По решению съезда было создано Украинское общественно-культурное товарищество с Главным правлением в Варшаве, а также принят устав этого товарищества. В 1956 г. вышел первый номер еженедельника «Наше слово» и издан «Украинский календарь». Министерством просвещения был урегулирован статус украинского школьного образования, что способствовало дальнейшему его развитию. В период с 1956 по 1965 гг. власти старались отчасти компенсировать украинцам материальные потери во время переселений, оказывали финансовую помощь в хозяйстве, разрешали вновь поселяться в прежних местах жительства. Вопрос об этом рассматривала правительственная комиссия. Одной из задач Комиссии было изыскать возможности для возвращения украинцев на прежние места их жительства без нарушения имущественных прав, которые получили там польские поселенцы. В течение этого времени так и не был решен до конца вопрос о статусе греко-католиков (униатов), хотя богослужения по униатскому обряду уже проводились.

В 1966–1988 гг. произошли изменения в политике польских властей, в целом неблагоприятные для национальных меньшинств, в том числе и украинского населения. Сокращается активность Украинского общественно-культурного товарищества. В финансовом отношении оно становится подотчетным Министерству внутренних дел. Украинское население стремится изолироваться от контактов с Украиной и украинцами в других странах.

В 1989–1991 гг. осуществляется ряд политических государственных преобразований в Польше по отношению к национальным и этническим меньшинствам. Формирование позитивной политики государства в отношении меньшинств имело целью создание условий для роста их общественной и культурной деятельности. В 1989 г. в Сейм избрали представителя украинцев В. Мокра. Возникают новые организации – Товарищество лемков, Союз лемков, Фонд украинской культуры, Украинский народный дом. В 1990 г. на съезде в Варшаве было объявлено о прекращении деятельности

Украинского общественно-культурного товарищества. На смену ему пришел Союз украинцев в Польше, в который вошли польские украинцы вне зависимости от их политических взглядов, религиозных верований, социального происхождения. Важным событием в жизни этнических меньшинств в 1989 г. стало образование Комиссии национальных и этнических меньшинств. Расширилось использование средств массовой информации, радио и телевидения. Активизировалась деятельность школ, лицеев, их работа была направлена на распространение украинского языка. Были организованы молодежные, христианские организации.

В 1996 г. состоялся Съезд Союза украинцев, на котором была объявлена основная цель этой организации – поддержка народной культуры. Особое внимание должно быть сконцентрировано на деятельности молодежи, школьном образовании.

В Румынии украинцы живут преимущественно в Сучавском и Маламуренском уездах, которые граничат с Черновицкой и Закарпатской областями Украины. Кроме этого, они проживают компактно в Банате (юго-запад) и Добрудже (юго-восток). В основном это переселенцы из Закарпатья и Галиции. Численность украинского населения Румынии точно определить трудно. В литературе приводятся разные цифры: 50, 70, 100 и 120 тыс. [1, 4]. Это можно объяснить тем, что национальная политика в Румынии, как и в Польше, основывалась на концепции мононационального государства, что приводило к отказу от этнических корней. Из периодической печати, выходящей в Румынии, можно выделить газеты «Новый век» и «Вольное слово», которые повествовали о жизни украинцев в Румынии.

В Венгрии, по неофициальным данным, насчитывается около трех тысяч человек украинского происхождения. В основном они живут на северо-востоке страны [3].

В Восточной Словакии с давних времен проживают украинцы-русины. Общая численность, по данным 1980 г., составляла 39260 человек (0,9 % от всего населения). В настоящее время местами их наибольшей концентрации являются города Гуменне, Бардеев, Старая Любовня, Конище, Попрад и т. д. В местах компактного расселения украинцев открывались национальные школы. К 1945 г. действовало 270 русинских школ, 25 городских, три гимназии, учительская семинария. В 1950-е гг. началась украинизация. В г. Братиславе выходили украинские учебники; учителя и ученые проходили курсы украинского языка. Но в 60-е гг. XX в. этот процесс прекратился. Преподавание вновь стало двуязычным, а в некоторых школах обучение украинскому языку прекращено [1]. До 50-х гг. XX в. газеты и журналы выпускались на русском и украинском языках. Традиционным центром украинской общественно-культурной жизни является Прешов, где проживает более двух тысяч украинцев. Радиостанция ежедневно выпускает передачи, касаю-

щиеся культурной жизни украинцев. Постоянно ведутся музыкальные передачи. Музей украинской культуры издает научные сборники, там хранятся 20 тыс. экспонатов, иллюстрирующих историю и культуру украинцев. В Пряшеве действует профессиональный музыкально-драматический украинский театр. Бардеев, один из центров расселения украинцев, является местом, куда перенесены объекты народной архитектуры, типы поселений, церковь.

По данным 1980 г., в ЧССР проживало 15322 человека (0,1 % от всего населения). Украинцы в этой стране составляют вторую по численности, после словаков, этническую группу среди национальных меньшинств. В 20–30-е гг. XX в. в Праге существовала довольно многочисленная украинская колония литераторов-эмигрантов. Среди них можно выделить Юрия Дарагана, Алену Телегу, Евгения Маланюка, Александра Олеса. По инициативе украинской интеллигенции в Праге были объединены несколько гуманитарных кафедр Пражского, Свободного, Карлового университетов. В последнем одну из кафедр возглавлял известный историк и общественный деятель М.С. Грушевский. В 1922 г. был основан Центральный союз украинского студенчества, который стал объединяющей молодежной украинской организацией. Следует также отметить создание Украинского социологического института в 1924 г. под руководством М.Ю. Шаповала. Наиболее успешный период деятельности пришелся на 1930-е гг. За это время было опубликовано 6 выпусков сборника «Общество», включивших в себя статьи украинских и зарубежных ученых. Среди пятидесяти монографий, вышедших в это время, можно отметить «Село и город», «Зарубежная социология», «Современная украинская социологическая мысль» М.Ю. Шаповала, «История украинского народа», «Мораль», «История государственных теорий» Н.А. Григорьева, «Происхождение названия Русь и Украина» С.П. Шелухина [6].

Среди десяти тысяч современных мигрантов из 67 стран мира украинцы составляют почти четверть, около 25 %. По мнению чешских экспертов по вопросам иммиграции, столь значительное присутствие украинских мигрантов в стране объясняется тем, что им разрешено работать в продолже-

ние всего периода процедуры получения гражданства [7].

На Балканах первые поселенцы украинского происхождения появились еще в XVIII в. Это были выходцы из Прешовщины и Закарпаття. Они осели в области Бачка на территории нынешней Воеводины. Массовой миграцией закарпатских украинцев был отмечен 1763 г. Основной ее причиной было тяжелое социально-экономическое положение крестьянского населения в стране исхода. В 90-е гг. XIX в. в Боснию прибыло около 15 тыс. переселенцев, к началу Первой мировой войны в Боснии оставалось 10 тыс. украинцев, в Словении – 5 тыс. человек. После окончания Второй мировой войны, из-за начавшейся в Словении аграрной реформы, в Боснию перебралось еще 8 тыс. украинцев, а затем на протяжении 1945–1960 гг. около 5 тыс. украинцев выехало на постоянное проживание в Австралию [1].

По роду занятий закарпатские переселенцы были в основном лесорубами и овцеводами, которые стремились обзавестись собственным хозяйством, но не могли этого сделать на родине. На Балканах переселенцы продолжали сохранять преимущественно крестьянский образ жизни. Что касается групповой идентичности, большинство переселенцев по-прежнему отождествляют себя русинами. По переписи 1981 г. в Югославии русинами назвали себя 23 тыс. человек, а украинцами – 13 тыс. По подсчетам самих украинцев и русинов их численность в СФРЮ в 1980-е гг. достигала 40–50 тыс. человек. По-прежнему большая часть украинских иммигрантов (до 80 %) проживает в сельской местности, и лишь 20 % от общей численности украинского населения – обитатели крупных городов [1].

Важную роль в расселении украинцев за пределами Украины сыграли несколько факторов: естественное движение населения, миграционные и этнические процессы. Для деятельности большинства украинских сообществ становится наиболее важным решение проблем, связанных с сохранением языка, обычаев. Сохранению культурной и этнической самобытности диаспоры способствует самое широкое использование средств массовой информации: радио, телевизионных программ, газет и журналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарубіжні українці. Довідник / Я. Балан. – Київ: Україна, 1991. – 252 с.
2. Ганцька О.А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1947 гг.) // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 1. – С. 88–100.
3. Евтух В.Б., Каминский Е.Е., Ковальчук Е.А. и др. Украинцы в дальнем зарубежье // Украинцы / Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарев. – М.: Наука, 2000. – С.81–94.
4. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. – М.: Наука, 2006. – 658 с.
5. Ключковська І., Гумницька Н. Українська діаспора в об'єктиві сучасності – національно-політичний та духовно-культурний феномен. 2012. URL: http://miok.ukrhost.com/index.php?option=com_contact&Itemid=3, (дата обращения: 06.06.2012).
6. Трошинський В.П. Український соціологічний інститут у Празі: організація і наукова праця (1924–1932 рр.) // Українська діаспора. Київ. – 1992. – № 2. – С. 143.
7. Тысячи «заробитчан» в поисках счастья // Славянский базар. Газета белорусско-украинской диаспоры. – 2005. 2012. URL: <http://www.bazarslave.com/articles07/zarobitchane.html>, (дата обращения: 06.06.2012).

Поступила 06.06. 2012 г.

УДК 378.1:338.36 (571.1/6)

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В КОНЦЕ 1950-х – 1960-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ВУЗОВ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

В.В. Петрик

Томский политехнический университет

E-mail: v.v.petrlik@mail.ru

На основе архивных документов и материалов анализируется деятельность высших учебных заведений Сибири в конце 50-х – 60-е гг. XX в. по укреплению связи вузовской науки с производством. Раскрываются организационные формы содружества науки с производством.

Ключевые слова:

Высшая школа, высшие учебные заведения, научно-исследовательская работа, вузовская наука, производство, творческое содружество, хоздоговоры, комплексные творческие бригады, шефство ученых и инженеров над рабочими, научно-технические советы предприятий.

Key words:

Higher educational establishments, higher schools, research work, higher science, manufacture, creative cooperation, contracts, based on the self-supporting basis, complex creative groups, taking workers under the patronage of scientists and engineers, scientists and technical councils of enterprises.

Важнейшим условием развития вузовской науки являлось укрепление ее связей с производством. О необходимости приближения исследований ученых к нуждам народного хозяйства, повышения их роли в деле технического прогресса, быстрого внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в промышленное производство говорилось на состоявшихся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. собраниях городских активов промышленных и научных центров региона [1. Л. 34–35].

Следует отметить, что к началу рассматриваемого периода стали оформляться следующие направления решения проблемы связей с производством: проведение соответствующих идеологических кампаний, поиски элементов экономического механизма стимулирования ориентации науки на потребности производства, с одной стороны, и внедрения инноваций – с другой, реорганизация старых и создание новых организационных механизмов, обеспечивавших сотрудничество научных и производственных структур.

Укреплению связей вузовских ученых с производственниками содействовали созданные в конце 1950-х гг. при Алтайском, Бурятском, Иркутском, Новосибирском, Томском, Кемеровском, Омском, Красноярском, Тюменском, Читинском совнархозах технико-экономические советы [2. Л. 43]. Они стремились обеспечить наиболее полное использование производительных сил и ресурсов Сибирского региона. В состав советов входили наряду с директорами заводов и фабрик, представителями местных партийных и советских органов, инженерно-техническими работниками, рабочими-новаторами и ученые вузов. Например, в технико-экономическом совете при СНХ Томского экономического административного района, созданном в августе 1957 г., работали директор ТПИ профессор А.А. Воробьев, зав. кафедрой радиопизики

ТГУ профессор В.Н. Кессених, директор СФТИ при ТГУ член-корреспондент АН СССР В.Д. Кузнецов, декан геолого-разведочного факультета ТПИ профессор Ф.Н. Шахов, зав. кафедрой технических силикатов и неорганических веществ ТПИ доцент П.Г. Усов [3. Л. 18–21].

В первой половине 1960-х гг. в состав технико-экономического совета при Совете Министров Бурятской АССР по размещению и специализации сельского хозяйства по зонам республики входили ученые Бурятского сельхозинститута: заместитель директора по НИР профессор А.А. Баяртуев, зав. кафедрой овцеводства доцент Р.П. Пилданов, зав. кафедрой свиноводства доцент И.М. Хамаганов, зав. кафедрой земледелия доцент Н.В. Барнаков, доцент кафедры организации сельскохозяйственного производства В.П. Мададаев [4. Л. 102–103].

Регулярно проводились технико-экономические конференции, собрания, семинары исследовательских учреждений. В декабре 1959 г. в Томске состоялось технико-экономическое собрание инженерно-технических работников предприятий и научных сотрудников вузов. На нем рассматривались вопросы, касавшиеся повышения роли томских ученых, инженеров и техников в ускорении научно-технического прогресса. Собрание организовал городской комитет КПСС. Активное участие в его работе приняли ученые госуниверситета, институтов – политехнического, инженерно-строительного, медицинского, электромеханического инженеров железнодорожного транспорта, педагогического [5. Л. 2].

Характеризуя значение расширения связей науки с производством, академик А.Ф. Иоффе в декабре 1959 г. писал: «Неразрывная связь теории и практики взаимно обогащает науку и производство и непрерывно ускоряет их развитие, превращая технический прогресс в лавину новых открытий и нового познания» [6].

9 сентября 1959 г. на ученом совете Томского политехнического института был заслушан и обсужден доклад заместителя председателя областного СНХ Н.А. Быкова об усилении помощи ученых-политехников предприятиям совнархоза в механизации и автоматизации производственных процессов. На этом же заседании совета утвердили план основных мероприятий научного отдела ТПИ по выполнению постановления июньского 1959 г. Пленума ЦК КПСС «О связи науки с производством» [5. Л. 3].

Многие исследования Томского политехнического института были непосредственно связаны с нуждами промышленности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. ученые вуза принимали участие в работах по автоматизации технологических процессов; обогащению местного минерального сырья и его комплексному использованию в строительстве, стекольном, фарфорово-фаянсовом и металлургическом производстве; созданию ускорителей заряженных частиц, ядерной физике и электронике; синтезу новых лекарственных веществ и использованию продуктов коксохимической переработки для производства ядохимикатов, ионообменных смол и высокомолекулярных соединений; резанию металлов; исследовали физико-химические свойства диэлектриков и полупроводников, имевших большое значение в технике. Они участвовали в проведении расчетов тепловых процессов.

Важное теоретическое и практическое значение имели труды П.Г. Усова в области химической технологии неорганических материалов; в них автор опирался на достижения ученых смежных специальностей. Ценные рекомендации для работников промышленного и сельскохозяйственного производства содержались в работах Л.Л. Халфина и А.А. Белицкого по стратиграфии Кузбасса, Л.П. Кулева по разработке лекарственных препаратов, А.М. Розенберга по резанию металлов, П.А. Удодова по гидрогеохимии и многих других исследователей [5. Л. 4].

Ученый совет ТПИ в октябре 1959 г. обратился с просьбой в обком КПСС поддержать его решение о выдвижении на присуждение Ленинской премии коллективной работы сотрудников института «Открытие, разведка и коренная переоценка Туганского комплексного цирконо-ильменитомонацитового месторождения», выполненной в 1956–1959 гг. В результате проведенных изысканий запасы Туганского месторождения были утверждены в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, а постановлением Совета Министров СССР предусматривалось в период семилетки строительство в Томской области горно-металлургического комбината по производству редких металлов – циркония и его соединений (сырья для производства сверхжаропрочных сплавов, применяемых в ракетостроении, для устройства атомных реакторов и других целей). Основными исполнителями разработки, представленными к награждению, являлись А.С. Столяров, А.А. Воробьев,

Н.К. Белоногов, М.М. Нолле, И.Б. Сапданов, П.Г. Усов, Б.Н. Соколов, С.И. Гурвич. Результаты данной работы обсуждались на двух Всесоюзных совещаниях в Государственном научно-техническом комитете при Совмине СССР [7. Л. 143–144].

В 1959 г. коллектив ТПИ заключил более 40 хозяйственных договоров и 15 договоров о творческом содружестве с промышленными предприятиями. Значительное развитие хозяйственная тематика получила на химико-технологическом, геолого-разведочном, радиофизическом и физико-техническом факультетах, где почти все кафедры и научно-педагогические работники участвовали в ее проведении. В 1963 г. ученые ТПИ выполняли исследования по 188 хозяйственным темам на общую сумму 1 млн 733 тыс. р. Одновременно проводились работы по 22 темам, которые предусматривались договорами о творческом содружестве на общую сумму 1 млн 708 тыс. р. [8. Л. 29–30].

Многие приборы и оборудование, созданные политехниками, экспонировались на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. К примеру, сотрудниками машиностроительного факультета была сконструирована и внедрена в 1964 г. на Томском государственном подшипниковом заводе-5 следящая система подачи шлифовального круга на желобо-шлифовальных станах, награжденная грамотой ВДНХ. Упомянутая и многие другие разработки ученых ТПИ находили практическое применение в народном хозяйстве [9. Л. 87].

Не оставались в стороне от налаживания контактов с производством в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и другие томские вузы. Коллектив кафедры «Электрических машин» электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта под руководством профессора М.Ф. Карасева совместно с Новочеркасским электро-вагоностроительным заводом в течение ряда лет выполняли НИР в области коммутации электрических машин и электровозов. Учеными инженерно-строительного института были разработаны проекты работ по строительству жилых домов и производственных корпусов для ГПЗ-5, ТЗРИ и манометрового завода. Сотрудниками кафедры «Основы сельскохозяйственного производства» Педагогического института во главе с профессором Н.Ф. Тюменцевым проводились изыскания по хозяйственной теме «Районирование и бонитировка почв Томской области». Решение данной проблемы было направлено на повышение урожайности сельскохозяйственных культур в зоне рискованного земледелия [10. Л. 83].

Большой резонанс в Новосибирске вызвала инициатива профессорско-преподавательского состава институтов инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ) и электротехнического связи (НЭИС), выступивших в поддержку почину ученых высших учебных заведений Москвы (октябрь 1963 г.) по всемерному развитию научных исследований в вузах, расширению и укреплению связи науки с производством, оказанию помощи пред-

приятиям в разработке и внедрении новой техники и технологии. Коллективом НИИЖТа, совместно с производственными предприятиями, был разработан единый план НИР и план внедрения в производство законченных разработок. Усилия ученых сосредоточились на решении крупных научно-технических задач, разработке прогрессивных конструкций железнодорожного пути, мостов и тоннелей, новых технологических процессов, обеспечивавших резкое повышение производительности труда. Эффективную работу в области развития и совершенствования новой техники вели профессор ведущего транспортного вуза региона К.К. Якобсон, В.Г. Альбрехт, К.Н. Коржавин, В.К. Бешкетов, А.К. Дюнин. Объем хозяйственных работ, выполненных научно-педагогическими работниками НИИЖТа, увеличился к 1965 г., по сравнению с 1958 г., втрое. Внедрение на железных дорогах Сибири и Урала 12 законченных НИОКР давало экономический эффект в 1 млн р. ежегодно [11. Л. 58–59].

В Новосибирском электротехническом институте связи научная работа строилась на основе органической увязки тематики госбюджетных исследований с хозяйственными работами, что позволило вовлечь в научное творчество широкий круг преподавателей, инженерно-технических работников и студентов вуза, обеспечить наряду с конкретной научной разработкой проблем необходимую экспериментальную проверку и внедрение в производство готовых разработок. Ученые НЭИСа за 1960–1965 гг. выдали народному хозяйству 16 разработок, среди которых окончено устройство системы метеорной связи, аппаратура для телеконтроля на транспортном нефтепроводе; решена задача прокладки кабеля в районах вечной мерзлоты [12. Л. 1].

Кроме того, коллективы упомянутых выше вузов оказывали помощь производственным предприятиям в освоении новой техники, консультировали сотрудников заводских лабораторий, помогали инженерно-техническим работникам в повышении их квалификации. Созданный по инициативе ректора и парткома НИИЖТа институт технического прогресса организовал техническую учебу более 500 ИТР и передовиков производства [13. Л. 60].

Вскоре после опубликования в газетах «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск» обращения профессорско-преподавательских коллективов НИИЖТа и НЭИСа их почин был поддержан вузами областного центра (НГУ, НЭТИ, НИИВ-Том, НСХИ, НИИГАиКом).

В результате количество промышленных предприятий, с которыми эти учебные заведения заключили договоры о творческом содружестве, достигло 45. Всего по хозяйственным договорам для промышленности за период с 1964 по 1969 гг. ими было выполнено 1645 хозяйственных работ [12].

Наряду с высшей школой Новосибирска и Томска значительный вклад в реализацию задач приближения НИР к потребностям промышленного

производства внесли иркутские вузы. В 1959 г. научно-педагогические работники горно-металлургического института (с 1960 г. ИПИ) выполнили 16 тем, имевших большое народно-хозяйственное значение. Среди них – важные научные проблемы, над изучением которых ученые работали продолжительное время. Это «Разработка методов обогащения редкометалльных и полиметаллических руд Восточной Сибири с целью комплексного использования минерального сырья», «Изыскание новых технологических процессов обработки упорных золотосодержащих руд и концентратов с целью извлечения благородных и редких металлов», «Совершенствование систем открытых и подземных работ в Восточной Сибири».

Под руководством профессора И.К. Скобеева была разработана схема переработки упорных гравитационных концентратов Балеysкой золотоизвлекательной фабрики. Ее применение позволило обрабатывать концентраты на месте с высокими технологическими показателями.

В 1959 г. была закончена крупная тема по механизации трудоемких процессов и рационализации систем разработки для подземных работ на приисках треста «Лензолото» (научные руководители доценты А.И. Скуратов и В.Н. Перетолчин). Практическое применение результатов исследования привело к повышению производительности труда, снижению расхода взрывчатых веществ и крепежного леса. Горно-металлургический институт имел 12 договоров по содружеству, в том числе с трестом «Сибгеолнеруд», Иркутской ТЭЦ № 2, Бурятским геологическим управлением, Иркутским институтом редких и цветных металлов. Такое сотрудничество приносило взаимную пользу.

Так, результаты многолетних изысканий были обобщены доцентом М.К. Косыгиным в докторской диссертации «Методика поисков, разведки и оценки Ангаро-Илимских железорудных месторождений», защищенной им в Московском геолого-разведочном институте. Материалы диссертации широко использовали работники Иркутского геологического управления при составлении проектов поисковых работ. В это время активно занимались хозяйственной тематикой профессора ИГМИ (ИПИ) С.А. Вахромеев, М.К. Косыгин, И.К. Скобеев, доценты Г.Г. Диогенов, Г.А. Кулябин, А.И. Львов, А.Л. Сериков, И.В. Францкий, А.И. Скуратов, А.А. Шелест [14. Л. 2–4].

Творческое содружество с работниками промышленности органически входило в деятельность Иркутского госуниверситета. Многие исследования коллектива ИГУ были направлены на содействие развитию народного хозяйства и культуры. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. ученые университета совместно с Иркутским геологическим управлением и Восточно-Сибирским филиалом АН СССР принимали участие в разработке крупной проблемы, посвященной изучению инженерно-геологических условий сооружения Иркутско-Братско-Селенгинского каскада гидроэлектро-

станций. Ряд работ, выполненных сотрудниками ИГУ (под руководством профессора Н.А. Флоренсова и доцента М.Ф. Кузнецова), был широко использован производственными организациями для гидроэнергетического строительства. Большое значение имела составленная доцентом А.Г. Золотаревым геоморфологическая карта южной части Сибирской платформы. Карту постоянно использовали в производственной деятельности Иркутского геологоуправления [15. Л. 28].

Тематика исследований Иркутского финансово-экономического института в те годы была ориентирована на разработку комплексной проблемы «Вопросы обеспечения народно-хозяйственной эффективности в индустриальном развитии Восточной Сибири». Работа кафедр вуза имела практическую направленность. Сотрудники ИФЭИ изучали пути улучшения использования основных фондов промышленности строительных материалов Иркутской области, производственных мощностей заводов железобетона, проводили технико-экономический анализ гидролизных предприятий. Ученые-экономисты выполняли также ряд хозяйственных тем: по заданию Иркутского геологического управления занимались технико-экономической оценкой минерально-сырьевых ресурсов Саянского предгорья, а по договору о творческом содружестве с трестом «Лензолото» исследовали вопросы снижения себестоимости промывания кубометра песков драгами глубокого черпания [16. Л. 15–40].

Характеризуя процесс сближения вузовской науки и производства, наблюдавшийся на рубеже 1950–1960-х гг., нужно сказать следующее. Как справедливо пишет исследователь Д.Д. Квициани, в этот период «...речь почти не шла о связи НИР с учебным процессом, т. к. у вузов из-за резкого возрастания масштабов подготовки специалистов ухудшилось состояние материально-технической базы и научно-педагогических кадров. Поэтому закономерно, что вуз основное внимание в ходе сотрудничества с предприятиями стремился уделять своим проблемам. И надо отметить, что эти отношения были для вуза эффективными и вызвали у него большую заинтересованность в сотрудничестве. На этом этапе и со стороны производства проявлялся к вузу большой интерес. В конце 1950-х гг. совнархоз создал при вузах специализированные научно-исследовательские лаборатории. Это давало возможность привлечь к руководству исследованиями для промышленности кадры ведущих научных работников вузов, при этом оснащение оборудованием, приборами и материалами осуществлялось совнархозом. Он оказывал также большую помощь вузам, оплачивая их расходы на приобретение лабораторного оборудования» [17. С. 121]. К примеру, только в 1958 г. Томскому госуниверситету было передано различного лабораторного оборудования на 170 тыс. р. [18. Л. 12]. Для оснащения лаборатории при Сибирском металлургическом институте в 1958–1959 гг. было затрачено 280 тыс. р. [19. Л. 15].

Однако связи вузовской науки с производством в целом по региону повсеместного распространения не получили. Изучение архивных документов показало, что нередко эти связи являлись случайными. На заседании бюро Иркутского обкома КПСС (июль 1959 г.), где слушался вопрос о выполнении горно-металлургическим институтом НИР для предприятий совнархоза, было отмечено, что «из 212 профессоров и преподавателей вуза лишь 50 (23,5 %) участвуют в разработке научных проблем, мало привлечено студентов к НИР. Многие кафедры слабо связаны с промышленными предприятиями. Сроки исполнения большинства работ растягиваются на длительное время. Имеет место многотемность, которая ведет к распылению сил и средств. Мало уделяется внимания внедрению в производство законченных научных разработок». На этом же заседании были намечены следующие пути устранения недостатков: 1) составление комплексных планов НИР на 1959–1965 гг.; 2) заключение договоров; 3) закрепление предприятий за определенными кафедрами ИГМИ [20. Л. 88]. Аналогичные решения местных органов власти принимались и в других краях и областях Сибири [21. Л. 32].

Но вскоре стало ясно, что эти решения в целом не срабатывают и в итоге, к концу семилетки, оказались невыполненными. Основная причина состояла в том, что в народном хозяйстве страны создалась сложная ситуация, при которой, как пишет Л.А. Опенкин, возникла «необходимость поиска путей ликвидации реально существовавшего противоречия между новыми задачами научно-технической модернизации производства и старыми методами их решения» [22. С. 57]. Он также отмечает, что на рубеже 1950–1960-х гг. несмотря на то, что были предложения, направленные на введение экономических методов хозяйствования, большинство руководителей правящей партии и государства считали главной причиной недостатков в области использования передовой техники несовершенство административных рычагов и делали основную ставку на решение, прежде всего, организационно-структурных вопросов [17. С. 123].

К середине 1960-х гг. наметилась ориентация на экономические методы управления народным хозяйством. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1965) выдвинул задачу улучшения планирования и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, усиления экономического стимулирования промышленного производства. Однако шаги по совершенствованию центральных органов управления промышленностью не были дополнены эффективными решениями, которые бы стимулировали заинтересованность трудовых коллективов и отдельных работников по внедрению новой техники. Политика в области экономики имела прямое отношение к высшей школе и сказывалась на взаимоотношениях вузовской науки и производства [17. С. 124].

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1966 г. «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» для дальнейшего развития НИР предоставляло ректорам вузов 75 % суммы прибыли, получаемой от научно-исследовательских работ, выполняемых по хозяйственным договорам, использовать на расширение и укрепление материально-технической базы вузов сверх ассигнований по планам капитальных вложений [23. С. 133]. На практике это решение, опутанное различными инструкциями министерства, приносило вузу незначительную выгоду.

Говоря о дальнейшем совершенствовании организационных форм вузовской науки, следует сказать, что во второй половине 1960-х гг. возникли новые формы творческого содружества высшей школы с производством. Преобладали такие формы, как совместное выполнение прикладных работ, договоры, хоздоговоры, договоры о содружестве, комплексные творческие бригады, шефство ученых и инженеров над тружениками промышленных предприятий. Участие преподавателей и сотрудников вузов в работе научно-технических советов заводов и фабрик, консультации на предприятиях и научно-техническая пропаганда. В ряде ведущих вузов региона (ТГУ, ТПИ, НЭТИ, ИПИ, СМи) были созданы непосредственно на промышленных предприятиях филиалы профилирующих кафедр, получивших название базовых [24. Л. 43–44]. Эта форма оказалась результативной. Базовые кафедры в короткие сроки и на достаточно высоком профессиональном уровне готовили специалистов для новых направлений науки и техники.

Под влиянием Сибирского отделения АН СССР наметилась тенденция совершенствования координации исследований академических научных учреждений с вузами и отраслевыми НИИ, позволявшая объединить усилия на решении наиболее значимых научных задач. С этой целью при Новосибирском исполкоме облсовета депутатов трудящихся в 1968 г. был создан совет содействия реализации достижений академической, вузовской и отраслевой науки в промышленное и сельскохозяйственное производство [25. Л. 101].

Актуальность и новизна научных исследований, связанных с обеспечением курса руководства страны на ускоренное развитие производительных сил Сибири, позволяла ученым вузов активнее

подключаться к решению крупных научно-технических проблем и использовать потенциал высшей школы в интересах народно-хозяйственного освоения региона. Так, постановлениями Бюро Томского областного комитета КПСС (март 1965 и март 1969 гг.) и бюро Тюменского обкома партии (декабрь 1971 г.) вузовские ученые этих городов были ориентированы на разработку проблем, связанных с эксплуатацией нефтегазовых месторождений Западной Сибири [26. Л. 6–8].

Тем не менее при всем многообразии форм взаимодействия высшей школы региона с производством во второй половине 1960-х гг. эффект этого взаимодействия оставался недостаточным. К участию в творческом содружестве привлекались далеко не все ученые вузов, а в ряде случаев из-за отсутствия четкой специализации труд профессорско-преподавательского корпуса использовался нерационально. Не в полной мере находил применение и такой резерв вузовской науки, как научное творчество студентов. В проведении работы по содружеству имелись существенные недостатки в планировании научно-исследовательских работ. Не были преодолены дублирование тематики, ее раздробленность, мелкотемье, слабое использование кооперирования как внутри вуза, так и между вузами, академическими и отраслевыми НИИ [27. Л. 43]. Это распыляло силы вузовских коллективов, значительно ограничивая их потенциальные возможности в решении наиболее важных научно-технических проблем.

В ряде случаев разрабатывались темы, не представлявшие большой ценности. Имели место недостатки и другого рода: многие научные разработки проходили длительный путь от лаборатории до налаженного технологического процесса, а значительная часть из них внедрялась в единичном исполнении, не попадая в массовое производство. Поэтому при сравнительно большом числе ежегодно осваиваемых новых технических устройств и процессов рост производительности труда от научно-технического прогресса на ряде предприятий региона оставался несущественным. Кроме того, говоря о недостатках в развитии творческого содружества высшей школы и производства во второй половине 1960-х гг., следует сказать, что вузовской науке в этот период не хватало четкой ориентации на разработку в первую очередь крупных научных и научно-технических проблем, внедрение лучших научных достижений в промышленное и сельскохозяйственное производство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2599.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1713.
3. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2493.
4. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. О. 1. Д. 7211.
5. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2987.
6. Иоффе А. Грядущие успехи физики // Правда. – 1959. – 30 дек.
7. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2680.
8. ЦДНИТО. Д. 2853. Л. 29–30.
9. ЦДНИТО. Д. 3386. Л. 87.
10. ЦДНИТО. Д. 2435. Л. 83.
11. ГАО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 108.
12. ГАО. Оп. 31. Д. 88.

13. ГАНО. Оп. 1. Д. 108.
14. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1807. Оп. 1. Д. 220.
15. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 61. Д. 28.
16. ГАИО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 51.
17. Квициани Д.Д. Подготовка специалистов в высшей школе в 1960–1980-е годы: Опыт и проблемы (на материалах Северного Кавказа). – Ростов н/Д: Сев.-Кавказ. кн. изд-во, 1990. – 290 с.
18. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2680.
19. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФГАКО). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 6а.
20. ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 56. Д. 34.
21. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 17 Оп. 64. Д. 120.
22. Опенкин Л.А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и в 60-е годы? // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 8. – С. 54–60.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 9. – 372 с.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 6.
25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 2995.
26. Центр документации новейшей истории Тюменской области (ЦДНИТюмО). Ф. 124. Оп. 200. Д. 48.
27. ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 306.

Поступила 23.01.2012 г.

УДК 378.014.54(571.53)

РАЗВИТИЕ УЧЕБНО-МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ г. ИРКУТСКА В 1960–1980-е гг.

В.В. Петрик

Томский политехнический университет
E-mail: v.v.petrík@mail.ru

На широкой документальной основе дана характеристика развития учебно-материальной базы высшей школы г. Иркутска в 1960–1980-е гг. Подробно рассматривается деятельность центральных и территориальных управленческих структур, вузовских коллективов по обеспечению иркутских вузов учебно-лабораторными зданиями и сооружениями, студенческими общежитиями, жилыми домами для профессорско-преподавательского персонала, предприятиями общественного питания и соцкультбыта. Анализируются трудности и проблемы, сдерживавшие развитие учебно-материальной базы вузов.

Ключевые слова:

Вуз, высшая школа, учебно-материальная база, вузовский коллектив, научно-педагогические кадры, студенческие общежития, жилой дом, центральные и территориальные управленческие структуры, предприятия общественного питания и соцкультбыта.

Key words:

Higher educational institution, higher school, teaching and material resources, higher school staff, the research personnel, apartments for the teaching staff, dwelling house, central and territorial managing structures, canteens and cultural establishments.

Деятельность высшей школы в значительной степени определяется состоянием ее учебно-материальной базы (УМБ) и уровнем финансирования.

К началу 1960-х гг. большинство вузов Сибири по наличию имевшихся учебно-производственных зданий находилось в крайне тяжелом положении. Слабость их материальной базы не только отрицательно влияла на учебный процесс, но и сдерживала развитие научных исследований. По данным Н.К. Семочкина, в 1957 г. из 45 дневных институтов и университетов восточных районов страны, в 37 (82,5 %) необходимо было увеличить норму учебных площадей, приходившихся на одного студента. Если во многих вузах Европейской части СССР контингент студентов к этому времени уже был приведен в соответствие с оптимальными нормами учебных и жилых площадей, то в высших образовательных учреждениях восточных районов этот вопрос далеко еще не был решен [1. С. 12].

Следует сказать, что материально-техническая база подавляющего большинства учебных заведе-

ний региона не отвечала требованиям, предъявляемым к высшему образованию. Следовательно, все это диктовало необходимость усиления внимания правительственных структур и региональных властей к материальному обеспечению учебной и научной деятельности, строительству учебно-лабораторных зданий и сооружений, общежитий, жилых домов для профессорско-преподавательского состава, спортивных и оздоровительных комплексов.

Важно отметить, что освоение выделяемых средств во многом зависело от организаторской работы местных руководящих органов и в первую очередь партийных комитетов и исполкомов советов областного (краевого) и городского масштабов, так как в условиях административно-командной системы именно они, обладая всей полнотой власти, имели реальную возможность оказывать влияние на решение многих хозяйственных вопросов, в том числе и такого, как организация строительства вузовских объектов. Но сформировавшееся на государственном уровне отношение к непрои-

зводственным сферам как к чему-то второстепенному, остаточный принцип финансирования обусловили хроническое невыполнение задач по улучшению материального положения учебных заведений.

В этом убеждает анализ архивных документов и материалов по состоянию УМБ высшей школы Сибири в 1960–1980-е гг. Наглядно ситуацию можно проследить на примере ряда вузов г. Иркутска.

Большие трудности к началу рассматриваемого периода испытывал Иркутский государственный университет (ИГУ), который располагался в единственном корпусе – здании старой постройки, требовавшего капитального ремонта. Ряд кафедр и лабораторий не имели своих помещений, занятия проходили в три смены [2. Л. 1]. В 1959 г. был сдан в эксплуатацию новый четырехэтажный корпус (типа школы на 880 мест), в который перевели 4 факультета и ряд кафедр. Благодаря этому занятия стали проводиться в одну смену. Однако, в связи с расширением структуры вуза, открытием новых кафедр и специальностей, потребность в новых помещениях не уменьшалась, а наоборот – увеличивалась. В результате, на ряде факультетов университета нагрузка на учебные площади оставалась большой, фактически такой же, как и в предыдущие годы (двух-трехсменной) [3. Л. 15–16].

В начале 1960-х гг. Иркутским промышленным обкомом КПСС и совнархозом было поддержано предложение ректора ИГУ П.Ф. Бочкарева о строительстве нового комплекса университета (учебно-научных зданий, общежитий и жилых домов для научно-педагогических работников) на левом берегу р. Ангары. В январе 1964 г. Иркутский горисполком принял решение по данному вопросу, а через год проектно-сметная документация была утверждена Минвузом РСФСР. Торжественная закладка нового корпуса состоялась в июне 1966 г., а в 1973 г. он был введен в эксплуатацию [4. Л. 27].

Вскоре, в 1976 г. университет получил существенную прибавку в виде нового учебно-бытового комплекса подготовительного факультета для граждан Монгольской Народной Республики [5. Л. 15]. Однако в целом материальное положение вуза по прежнему оставалось сложным. На 250 академических групп дневного отделения ИГУ имелось всего 80 аудиторий. Учебные занятия в вузе были сокращены и велись в три смены [6. Л. 70].

Добиваясь улучшения состояния материальной базы университета, Иркутский обком КПСС и облисполком неоднократно обращались с соответствующими ходатайствами в вышестоящие инстанции. Но и после выделения централизованных ассигнований, сооружение учебного корпуса юридического факультета, здания Научной библиотеки и общежития ИГУ на 1200 мест задерживалось и было начато лишь в конце 1985 г., да и то велось недостаточно эффективно. В итоге, к концу изучаемого периода, были введены в эксплуатацию только студенческое общежитие и учебный корпус, а строительство Научной библиотеки превратилось

в долгострой и растянулось на неопределенное время [6. Л. 13–15].

Наряду с университетом, материальные трудности испытывал и Иркутский горно-металлургический институт (ИГМИ). К началу 1958 г. площадь зданий и сооружений, занятых им, составляла около 7 тыс. м². Ввиду того, что в 1950-е гг. вуз интенсивно рос (появились новые специальности, вечерний факультет с филиалами), имевшаяся учебно-производственная база уже не удовлетворяла возросших потребностей. К тому же институт пополнялся новым оборудованием, но его негде было размещать. Занятия со студентами проходили с 7 ч утра до 11 ч вечера [7. Л. 8–9].

Следует заметить, что еще в апреле 1952 г. Совмин СССР принял постановление «О мерах по расширению подготовки инженерно-технических работников для Министерства цветной металлургии», в котором отдельным пунктом предусматривалось начало строительства учебного корпуса и общежития для Иркутского горно-металлургического института в 1954 г. Однако и спустя год не были даже начаты и подготовительные работы. Тогда руководство ИГМИ во главе с директором А.А. Игошиным апеллировало к местным партийным и советским органам, которые, в свою очередь, обратились в правительственные структуры с просьбой содействовать решению вопросов связанных со строительством новых учебно-лабораторных зданий горно-металлургического института. В результате, на коллегии Минвуза СССР, с участием заинтересованной стороны, был выдвинут план строительства на совершенно другой площадке.

Впоследствии этот вариант рассмотрели и одобрили Иркутский обком КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся. Однако и после этого решение вопроса затягивалось, и тогда коммунисты ИГМИ на открытом партийном собрании обсудили и отправили на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева специальное письмо с просьбой ускорить решение вопроса со строительством и помочь решить неотложные нужды технического вуза Иркутска [8. С. 4]. Обоснованность целесообразности сооружения учебно-лабораторных зданий на левом берегу р. Ангары стала определяющей. Было решено также создать в областном центре высшее учебное заведение общетехнического профиля (включая горно-металлургический и инженерно-строительный факультеты). Задание на проектирование в таком виде было утверждено министром высшего образования СССР В.П. Елютиным.

Большую помощь в укреплении учебно-материальной базы ИГМИ оказали комбинат «Востсибуголь», Управление строительства Иркутской ГЭС, Братскгэсстрой, Иркутское геологическое управление и др. [9. Л. 8–9]. К середине 1960-х гг. материальная база горно-металлургического института, который с марта 1960 г. стал называться политехническим (ИПИ), выросла более чем в два раза и составила 14,5 тыс. кв. м, а средняя площадь

на одного студента в вузе поднялась с 4 до 8,5 м² [10. Л. 16]. К этому времени был завершен первый этап строительства вуза, существенно расширились аудиторные площади, улучшилось оснащение лабораторий учебной и научной литературой [11. Л. 37].

Однако в дальнейшем ИПИ стремительно рос. В связи с резким увеличением набора студентов, открытием новых филиалов, специальностей, вечерних отделений на ряде факультетов нагрузка на учебные площади оставалась предельной, по сути такой же, как и в 1950-е гг., с 8 ч утра до 11 ч вечера. Крайне тяжелое положение в политехническом возникло к началу 1980-х гг., когда при фактической площади 87,7 тыс. м², вуз нуждался еще в более чем 40 тыс. м² [12. Л. 45]. Поэтому перед руководством вуза встала задача дальнейшего расширения площадей за счет ввода новых и реконструкции старых производственных зданий. В этой связи ректор ИПИ С.Б. Леонов неоднократно обращался в местные органы власти с просьбой об оказании помощи в сооружении новых учебных корпусов и студенческих общежитий. Прошение политехников было поддержано Иркутским обкомом КПСС и облисполкомом, которые по своим каналам просили Минвуз РСФСР, отраслевые министерства и ведомства выделить средства на новое строительство. После ряда согласований в высших инстанциях ходатайство областной администрации было удовлетворено.

Предполагалось осуществить к началу 1990-х гг. строительство следующих объектов учебно-научно-производственного и социально-бытового назначения: корпус факультета радиоэлектроники, учебный корпус подготовительного факультета для иностранных граждан с универсальным общественно-бытовым корпусом, комплекс студенческих общежитий на 2100 мест, общежитие на 1200 мест для монгольских граждан, спортивно-оздоровительный комплекс и общежитие на 900 мест [13. С. 4]. В результате, к концу рассматриваемого периода, план строительно-монтажных работ по данному вузу был выполнен на 92,3 % [14. Л. 11], что позволило значительно расширить учебно-материальную базу, а Иркутский политехнический институт выдвинулся в число ведущих учебных заведений технического профиля Российской Федерации. Это стало возможным, как вследствие волевых подходов со стороны властных структур к вопросам строительства, так и конкретной помощи, оказанной ИПИ крупными промышленными предприятиями г. Иркутска.

Сложно шло формирование УМБ и других иркутских вузов. Анализ широкого круга источников показал, что в начале 1960-х гг. некоторые из них по наличию учебно-лабораторных зданий находились в бедственном положении. Так, государственный педагогический институт иностранных языков (ИГПИИЯ) размещался в кирпичном четырехэтажном здании площадью более 2 тыс. м² с двумя лекционными, тремя библиотечными залами и двадцатью аудиториями. Отрицательно влияло

на учебный процесс отсутствие столовой. Кроме того, не решена была проблема обеспечения студентов жильем [15. Л. 18].

В 1959 г. администрацией института во главе с новым ректором Н.П. Карповым ставился перед местными партийными и советскими органами вопрос о необходимости строительства нового учебного корпуса, общежития и шестидесятиквартирного жилого дома для научно-педагогических работников института. Согласившись с этими предложениями, Иркутский обком КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся возбудили ходатайство перед Министерством просвещения РСФСР о выделении средств на сооружение вышеназванных объектов [16. Л. 46]. В 1964 г. было принято решение горисполкома г. Иркутска о строительстве учебного корпуса, а в 1965 г. — постановление облисполкома о выделении средств на возведение 80-квартирного жилого дома для преподавателей. Надо отметить, что студенческое общежитие на 632 места было сдано в эксплуатацию досрочно в 1966/67 уч. г., что позволило обеспечить жильем 74 % студентов [17. Л. 2–3]. В то же время, учебный корпус сооружался крайне медленно. Финансирование строительства Минпросом осуществлялось с задержками, а генподрядчик — трест «Иркутскпромстрой» — несвоевременно их осваивал.

Значительную помощь строителям в завершении сооружения объекта оказал вузовский коллектив. Ректор ИГПИИЯ Н.П. Карпов лично возглавил штаб стройки, мобилизовал всех руководителей подразделений: проректоров, деканов, работников АХЧ на «добывание» строительных материалов, оборудования, мебели, а студенты и преподаватели привлекались на уборку строительного мусора, а иногда и штукатурно-малярные работы. В результате, сдача в эксплуатацию учебного корпуса языкового вуза состоялась в 1973 г. на два года позже запланированного срока [18. С. 19, 30].

В 1980-е гг. после завершения строительства четырех пятиэтажных общежитий на 720 мест в ИГПИИЯ в основном была решена проблема обеспечения студентов жильем. Это способствовало заметному улучшению материально-производственных условий работы вузовского коллектива.

Материальные трудности испытывал и Иркутский государственный педагогический институт (ИГПИ) — старейший вуз данного профиля в Сибири. На рубеже 1950–1960-х гг. ИГПИ располагал двумя учебными корпусами и зданиями двух городских школ. Однако в связи с увеличением студенческого контингента, имевшийся фонд учебно-производственных и жилых помещений не удовлетворял потребностям пединститута. Занятия проходили в три смены. Значительная часть студентов проживала на частных квартирах. При этом имевшиеся в вузах общежития представляли собой деревянные двухэтажные здания барачного типа, построенные в 1930-е гг. и с расчетом десятилетней эксплуатации пришли в непригодное для проживания

ния состояние [19. Л. 17]. На повестку встал вопрос о строительстве в институте учебного корпуса, общежития и жилого дома для профессорско-преподавательского состава.

Инициатива ректората была поддержана Иркутским обкомом КПСС, который просил Министерство просвещения РСФСР в перспективном планировании ИГПИ на 1959–1965 гг. предусмотреть сооружение вышеназванных объектов, что и было достигнуто. После утверждения проектно-сметной документации Минпросом, институт развернул капитальное строительство учебного корпуса и общежития, которые во второй половине 1960-х гг. были введены в эксплуатацию [20. Л. 1]. К середине 1970-х гг. ИГПИ располагал четырьмя учебными корпусами, зданием проблемной лаборатории с криогенным цехом, лыжной базой, агробазой, спортивно-оздоровительным лагерем и четырьмя студенческими общежитиями на 1500 мест [21. Л. 68–69]. Тем не менее, в начале 1980-х гг., в связи с расширением набора студентов, пединститут вновь стал испытывать острую потребность в расширении площадей аудиторно-лабораторного и жилого фонда.

В обращении ректора ИГПИ Г.И. Русева в местные структуры власти ставился вопрос о строительстве в ближайшее время здания для использования под учебно-лабораторный корпус, а также студенческого общежития. Между тем, последовавшее вскоре ходатайство обкома КПСС в Министерство просвещения РСФСР было отклонено последним ввиду незавершенности генподрядчиком ввода в строй объектов жилого и социально-бытового назначения [22. Л. 78]. Разрешение Минпроса было получено лишь на сооружение студенческого общежития на 1074 места, которое было введено в действие к середине 1980-х гг. В конце изучаемого периода потребность ИГПИ в расширении аудиторного и жилого фонда по-прежнему оставалась острой.

В стесненных условиях обучались студенты и работали преподаватели в Иркутском медицинском институте (ИГМИ), площадь учебно-лабораторных зданий которого к 1960 г. составила немногим более 12 тыс. м² [23. Л. 1–2].

Следует сказать, что вуз испытывал недостаток оборудованных учебных помещений. Многие лаборатории на факультетах использовались с 8 утра до 11 часов вечера. Кроме того, имевшиеся в пединституте общежития не удовлетворяли потребностей в жилье: многие студенты снимали частные квартиры. Поэтому еще в 1956 г. было начато строительство студенческого общежития на 600 мест, которое с незначительными задержками было сдано в эксплуатацию в начале 1960-х гг. [24. Л. 64–65].

Впоследствии рост вуза привел к еще более значительному отставанию материальной базы. Неоднократные обращения местных партийных и советских органов в Министерство здравоохранения РСФСР о начале нового строительства в пединституте не имели успеха. Отказ министерских чинов-

ников объяснялся простой и лаконичной формулировкой «из-за нехватки финансовых средств строительство зданий учебно-производственного и жилого назначения не представляется возможным» [25. Л. 1]. Однако в 1970-е гг. Минздравом все же была утверждена проектно-сметная документация и выделены ассигнования на расширение учебно-материальной базы медвуза. За период с 1975 по 1981 гг. было завершено сооружение нового учебного корпуса и двух студенческих общежитий на 880 мест. В этом большая заслуга принадлежала ректору ИГМИ М.А. Рыбалко [26. Л. 15].

В 1980-е гг. руководство ИГМИ снова обратилось в обком партии с письмом об оказании содействия в дальнейшем расширении учебно-производственной базы, которая по мысли авторов не отвечала современным требованиям. В частности, в письме говорилось о том, что морфологические кафедры института располагались в ветхом малоприспособленном здании, в анатомическом корпусе отсутствовал морг, не было приточно-вытяжной вентиляции, лифта, загазованность во много раз превышала допустимые нормы. Старый спортивный зал не обеспечивал учебный процесс, и занятия студентов по физкультуре на улице из-за погодных условий нередко срывались. Одно из имевшихся общежитий находилось в аварийном состоянии и подлежало сносу. Вуз не располагал также малосемейным общежитием. Местные органы власти поддержали просьбу ректората и общественных организаций ИГМИ и в декабре 1985 г. обратились с ходатайством к Министру здравоохранения РСФСР Н.Т. Трубицину. В своем ответе на запрос обкома КПСС и облисполкома Минздрав сообщил, что в связи с ограниченными капитальными вложениями строительство морфологического корпуса, учебно-тренировочной базы и общежития для малосемейных студентов и сотрудников в 12-й пятилетке вестись не будет [27. Л. 137]. Вскоре последовала «перестройка» с ее социально-экономическими издержками и осуществить задуманное администрации пединститута к концу 1980-х гг. так и не удалось. В результате, материально-производственные условия преподавателей и учебы студентов в ИМИ, несмотря на определенные улучшения, по-прежнему оставались сложными.

Немалые проблемы, связанные со слабой учебно-материальной базой, испытывал Иркутский сельскохозяйственный институт (ИСХИ). В 1950-е гг. она не позволяла разместить даже существующие кафедры, не говоря уже о создании новых. Перегрузка учебных площадей была весьма значительной, и занятия проходили в две и две с половиной смены. Базы производственной практики не могли полностью удовлетворить требованиям хорошей постановки учебного процесса. Большинство научно-педагогических работников ИСХИ проживало в двух каменных и трех деревянных домах, но помещения были старыми и требовали постоянного ремонта [28. Л. 11–12]. В связи с этим, в 1958 г. Ми-

нистерством сельского хозяйства СССР было принято решение о сооружении учебного комплекса сельскохозяйственного вуза в поселке «Молодежный» близ Иркутска. Однако только в 1960 г. руководство института во главе с ректором Н.П. Гуначевым, с помощью областной и городской власти, предприняло усилия по обеспечению строительства двух учебных корпусов, трех студенческих общежитий на 1300 мест, двух жилых домов для научно-педагогических работников, учебно-производственных мастерских, котельной, комплекса водоводных сооружений, гаража для сельхозмашин и инженерных сетей (водопровода, канализации, теплотрассы, газовой разводки) [29. Л. 51–52]. Все это должно было образовать единый студенческий городок. В 1960-е гг. велось сооружение первой очереди комплекса. Хотя финансирование строящихся объектов ИСХИ Минсельхозом осуществлялось без задержек, однако генподрядчик – трест «Иркутскжилстрой» – несвоевременно их осваивал. Сказывалась характерная для тех лет слабость строительной базы региона. Тем не менее, за период с 1960 по 1970 гг. учебно-лабораторная площадь сельхозинститута возросла в два раза. Улучшилась техническая оснащенность кабинетов, лабораторий и мастерских, вуз стал располагать двумя учебными хозяйствами «Оёкское» и «Молодежное» [30. Л. 55–57].

В 1970-е гг., учитывая все еще слабое состояние материально-технической базы и неоднократные просьбы руководства ИСХИ, Министерство сельского хозяйства СССР выделило необходимые ассигнования на строительство важнейших объектов второй очереди комплекса вуза. При помощи местных управленческих структур было начато сооружение учебно-лабораторного корпуса факультета электрификации сельского хозяйства, двух студенческих общежитий на 100 мест каждое, овощехранилища на 500 тонн и гаража спецкафедры [31. Л. 130]. Однако по вине треста «Иркутскжилстрой» и областного производственного управления «Иркутсксельстрой» планы строительства ежегодно не выполнялись. Так, в 1978 г. план строительно-монтажных работ (СМР) был выполнен только на 30,5 %, а в 1979 г. при плане 650,8 тыс. р. за первое полугодие было освоено всего 68,2 тыс. р. (10,4 % годового плана) [31. Л. 135]. В связи с этим, заместитель Министра сельского хозяйства СССР В.С. Шевелуха дважды, в августе 1979 г. и октябре 1980 г., настоятельно просил Иркутский обком КПСС оказать содействие в усилении темпов сооружения объектов ИСХИ подрядными организациями и выполнении установленного плана капитального строительства [32. Л. 137].

Затем по этому поводу в обкоме партии состоялось заседание с участием первого секретаря Н.В. Банникова, ректора сельхозинститута Г.Я. Соколова, заместителя начальника «Главвостоксбстроя» Б.М. Бахарева и начальника управления «Иркутсксельстрой» А.И. Крысина, на котором были рассмотрены меры по ускорению строитель-

ства объектов ИСХИ. Руководящий партийный орган потребовал от всех монтажных управлений немедленно приступить к работам на важнейших объектах второй очереди комплекса и освоить выделенные Минсельхозом средства до октября 1981 г. [32. Л. 138].

Такая детальная регламентация, жесткий контроль, установленный областной властью, дали определенные результаты. Выделенные ассигнования, хотя и с большим опозданием, удалось освоить. Это способствовало тому, что Министерством сельского хозяйства СССР на 1980-е гг. были выделены дополнительные средства и лимиты подрядных работ для ввода в эксплуатацию студенческого общежития на 752 места и учебно-лабораторного корпуса, а также на строительство новых объектов: пяти двухквартирных жилых домов и пункта обработки и хранения семян на 1500 т [33. Л. 3]. В результате, к концу 1980-х гг. все построенные здания учебно-лабораторного и жилого назначения образовали единый городок ИСХИ. Улучшилась материальная оснащение вуза: приобреталась сельскохозяйственная и другая техника. Имея неприспособленную, крайне слабую МТБ, институт за более чем тридцатилетний период добился значительного улучшения производственных условий для преподавателей и студентов.

Состояние учебно-материальной базы Иркутского финансово-экономического института (с 1965 г. института народного хозяйства), в сравнении с другими вузами областного центра, было особенно тяжелым. В 1959/60 уч. г. ИФЭИ располагал одним учебным корпусом с полезной площадью 766 кв. м, в котором размещались лаборатории, кабинеты, аудитории, библиотека и административно-хозяйственные службы. Учебно-аудиторный фонд института являлся крайне недостаточным, вследствие чего занятия проходили в три смены с 7 до 22 ч. Из 16 кафедр 11 не имели отдельных кабинетов, многие кабинеты в то время являлись аудиториями [34. Л. 127]. По воспоминаниям доцента И.Д. Брига, кафедра, которую он возглавлял (в составе 28 преподавателей и 10 аспирантов), размещалась в десятиметровой комнате, и для консультаций сотрудники вынуждены были использовать коридор [35. Л. 1]. В этой связи институт ощущал большую потребность в строительстве дополнительного учебно-лабораторного корпуса. Именно на это обстоятельство указывали ректор Иркутского института народного хозяйства (ИИНХа) В.Н. Должных и секретарь парткома М.И. Баканов в письме первому секретарю обкома КПСС Н.В. Банникову в марте 1968 г. В нем подчеркивалось, что за весь период существования вуза строительство зданий учебно-лого и социально-бытового назначения не проводилось. Имея к концу 1960-х гг. в десять раз больше студентов, чем в 1930 г., ИИНХ располагался в том же корпусе, который ему предоставили в год основания. По мнению ректората и парткома, возникла острая необходимость в суще-

ственном расширении и укреплении МТБ ИИНХа [35. Л. 2]. Просьба руководства вуза была поддержана местными органами власти, которые обратились в соответствующие инстанции с ходатайством о содействии в решении вопросов, связанных со строительством учебно-лабораторного корпуса и столовой [35. Л. 5]. В результате многочисленных согласований между управленческими структурами различного уровня, только в середине 1970-х гг. было начато сооружение вышеназванных объектов.

С целью ускорения строительства по инициативе администрации и общественных организаций ИИНХа на вузовских объектах регулярно стали проводиться воскресники с участием научно-педагогических работников и студентов – за 1976 г., например, они отработали более 10 тыс. человеко-дней [36. Л. 98].

Однако не все намеченное удалось осуществить – план строительно-монтажных работ был выполнен только на 75 %. Поэтому ректорат совместно с парткомом вновь разработали рекомендации по исправлению положения. Было решено установить непосредственный контакт по вопросам строительства с партийной и комсомольской организациями главка СМУ-3 «Иркутскжилстроя», принимались и другие меры [36. Л. 99–100].

Несмотря на все усилия коллектива вуза, строительные работы продолжали идти неудовлетворительными темпами. И только в 1979 г. была сдана в эксплуатацию столовая на 72 места, а в начале 1980-х гг. – учебно-лабораторный корпус [37. Л. 38].

Впоследствии руководству ИИНХа удалось добиться в Минвузе РСФСР выделения дополнительных средств на расширение имевшейся учебно-материальной базы. В 1988 г. было завершено возведение комплекса студенческих общежитий на 1200 мест и секции жилого дома, в котором институт получил 16 квартир [38. Л. 19]. Планировалось также начать сооружение нового учебно-лабораторного корпуса и спортивно-оздоровительного лагеря, на проектировании которых было освоено 60 тыс. р., однако на рубеже 1980–1990-х гг. ввиду финансовых трудностей этот проект был заморожен [39. Л. 20].

Слабость учебно-материальной базы испытывал и вновь открываемый транспортный вуз Иркутска – институт инженеров железнодорожного транспорта (ИИЖТ). В указании Министерства путей сообщения СССР (МПС СССР) от 18 июня 1975 г. предусматривались меры по созданию нормальных условий работы для преподавателей и учебы студентов. Однако по вине строительных организаций «Минтрансстроя», руководства Восточно-Сибирской железной дороги выделяемые МПС капитальные вложения на строительство учебных зданий и жилья в течение ряда лет оставались неосвоенными. Не выполнялись и задания по вводу в действие мощностей. В начале 1980-х гг. в ИИЖТе сложились тяжелые условия с аудиторным фондом, с общежитиями (обеспеченность

студентов составляла менее 40 % от количества нуждавшихся в общежитиях), с организацией общественного питания (имевшийся буфет на 40 посадочных мест не отвечал существующим нормам). Неоднократные обращения руководства транспортного вуза во властные структуры областного и городского уровня результатов не дали. Тогда ректор ИИЖТа Г.С. Гура в октябре 1980 г. вынужден был обратиться в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС со специальным письмом, в котором указывалось, что по вине местных органов власти срывается выполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об организации института железнодорожного транспорта в г. Иркутске [40. Л. 84]. В этой связи центральные управленческие структуры обязали МПС СССР разработать проектно-сметную документацию на строительство учебно-лабораторного корпуса, студенческого общежития, жилого дома для преподавателей и столовой, назначить сроки их возведения, выделить необходимые финансовые средства и взять под контроль сооружение указанных объектов [40. Л. 76].

В результате принятых мер строительство учебных и жилых зданий, а также столовой для ИИЖТа начало осуществляться с марта 1981 г. При этом для коллектива вуза жизненно важным вопросом стало ускорение ввода в действие нового учебно-лабораторного корпуса и жилого дома для научно-педагогических работников. В связи с тем, что их сооружение продвигалось крайне медленно из-за слабой работы трестов «Востоксбстроя» и «Иркутскжилстроя», ректорат и партбюро ИИЖТа наметили ряд конкретных мер по исправлению положения.

Руководство транспортного вуза обратилось в МПС СССР и лично к Министру И.Г. Павловскому, а также в партийные и советские органы Иркутской области с просьбой оказать помощь в завершении строительства. Была поддержана инициатива комитета ВЛКСМ института о создании постоянного строительного отряда (ССО) на объекте учебно-лабораторного корпуса, а его командиром утвердить коммуниста А.П. Плюснина. Ректор ИИЖТа Г.С. Гура возглавил штаб по руководству сотрудниками и студентами на стройке [41. Л. 84].

Выполняя решение партийного собрания «О ходе работ по строительству учебно-лабораторного корпуса и жилого дома института» (март 1982 г.), коллектив вуза добился определенных результатов. За год было освоено 190 тыс. р. на строительно-монтажных работах. Администрация ИИЖТа стала более настойчиво ставить вопрос об ускорении возведения объектов института перед органами местной власти, улучшились связи с подрядчиками [42. Л. 7].

В результате проделанной работы положение на стройке нормализовалось. К середине 1980-х гг. Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта, хотя и с некоторыми отклонениями

от плановых показателей, получил новые аудиторно-лабораторные и жилые площади, что заметно улучшило производственные условия для преподавателей и студентов [42. Л. 92].

Таким образом, на примере иркутских вузов можно сделать вывод, что динамика совершенствования учебно-материальной базы высшей школы Сибири в 1960–1980-е гг. оставалась неудовлетворительной. В условиях административно-командной системы и несовершенства хозяйственного механизма центральные и региональные управленческие структуры прилагали определенные усилия по улучшению ее состояния, но это лишь отчасти

сняло остроту проблемы, но не решало ее. Они не могли повлиять на сложившееся на самом высоком уровне отношение к нуждам образования в целом и высшей школы в частности. В те годы, при явно недостаточном финансировании высшего образования из государственного бюджета, разумнее было бы направить ассигнования на развитие и укрепление ведущих вузов. Распыление сил и средств не позволяло должным образом развивать УМБ ни ранее открытых, ни молодых институтов и университетов, что в итоге привело к заметному снижению уровня подготовки высококвалифицированных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Семочкин Н.К. О развитии высшего образования в восточных районах страны // Вестник высшей школы. – 1957. – № 7. – С. 11–17.
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 453.
- Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 55. Д. 134.
- ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 2076.
- Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 106. Д. 84.
- Текущий архив Иркутского госуниверситета. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 5457.
- ГАИО. Ф. Р-1807. Оп. 1. Д. 39.
- Иркутский политехнический институт / под ред. А.А. Игошина – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1968. – 94 с.
- ГАИО. Ф. Р-1807. Оп. 1. Д. 61.
- ГАИО. Д. 2.
- ЦДНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 27.
- ЦДНИИО. Д. 59.
- Паспорт Иркутского политехнического института. – 50 с.
- Текущий архив Иркутского политехнического ин-та. Ф. Р-1807. Оп. 3. Д. 5445.
- ГАИО. Ф. Р-2806. Оп. 1. Д. 120.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 72. Д. 4.
- ГАИО. Ф. Р-2806. Оп. 1. Д. 123.
- Иркутский государственный лингвистический университет (исторический очерк) / под ред. Э.П. Тюкавкиной. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1998. – 200 с.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 55. Д. 134.
- ЦДНИИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 102.
- Текущий архив Иркутского пединститута. Ф. Р-842. Оп. 5. Д. 1534.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 108. Д. 78.
- ГАИО. Ф. Р-2808. Оп. 1. Д. 192.
- ЦДНИИО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 169.
- ГАИО. Ф. Р-2808. Оп. 1. Д. 269.
- ЦДНИИО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 455.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 119. Д. 106.
- ГАИО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 239.
- ЦДНИИО. Ф. 2385. Оп. 1. Д. 104.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 84. Д. 23.
- ЦДНИИО. Оп. 106. Д. 81.
- ЦДНИИО. Оп. 108. Д. 116.
- Текущий архив Иркутского сельхозинститута. Статистический отчет за 1989/1990 уч. г., форма 3-НК.
- ГАИО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 168.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 84. Д. 23.
- ЦДНИИО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 89.
- ЦДНИИО. Д. 95.
- Текущий архив Иркутского ин-та народного хоз-ва. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 2895.
- ГАИО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 2997.
- ЦДНИИО. Ф. 6371. Оп. 1. Д. 10.
- ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 109. Д. 90.
- ЦДНИИО. Ф. 6371. Оп. 1. Д. 11.

Поступила 30.01.2012 г.

УДК 331.105.44;502.35(571.16)

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ. 1950–1960-е гг.

А.Н. Першиков

Томский политехнический университет

E-mail: regionoved@mail.ru

Показана деятельность общественных организаций Западной Сибири по решению региональных экологических проблем. Установлены степень и уровень их участия в решении экологических проблем. Сделан вывод о том, что в результате трансформации общественных организаций активизировалась их информационная и практическая деятельность в сфере экологической безопасности.

Ключевые слова:

Экология, профсоюз, общественные технические и научно-технические организации, трансформации, природопользование.

Key words:

Ecology, labor union, social scientific and technical organizations, transformations, nature management.

Начавшаяся во второй половине XX в. научно-техническая революция повлекла как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, она породила новые прогрессивные отрасли промышленности, качественно изменила содержание и характер человеческого труда, а с другой стороны, на основе её достижений становились масштабными и разрушительными воздействия людей на природу. Была нарушена гармония природы и человека. Проблема экологической безопасности превратилась в одну из актуальных проблем человечества, которая оказалась в сфере внимания и деятельности Организации Объединённых Наций. В 1972 г. в г. Стокгольме состоялась специальная международная конференция по проблемам окружающей среды. В 1997 г. прошла аналогичная конференция в Киото, где был подписан Протокол о сокращении вредных выбросов в атмосферу и уменьшении действия парникового эффекта. Протокол подписали 84 государства, в том числе и Российская Федерация [1. С. 366–367]. Принятые обязательства накладывают большую ответственность на Российское государство и общество, а их выполнение требует изучения и переосмысления практики и опыта решения экологических проблем в предшествующие годы.

Большой интерес в этом плане представляют общественные организации Западной Сибири, которые действовали на территории региона, где в рассматриваемые годы осваивались нефтяные и газовые месторождения, строились и вводились в действие предприятия химической, металлургической промышленности, создались территориально-производственные комплексы, повлекшие резкое обострение экологической обстановки. По суммарным выбросам вредных веществ в атмосферу Западносибирский экономический регион занял второе место (после Уральского региона) в СССР и первое по выбросам фенола [2. С. 74–75]. Совершенно очевидно, что проблема экологической безопасности стала одной из важных региональных проблем, и она не могла остаться вне поля зрения региональной общественности.

В сфере экологической безопасности в те годы действовали различные общественные объединения, которые, в зависимости от выполняемых ими природоохранных функций, можно условно разделить на несколько групп. К первой из них можно отнести такую организацию прямого назначения, как Всероссийское общество охраны природы, которое действовало на постоянной основе и выполняло различные функции по сохранению окружающей среды. Вторая группа может быть представлена профсоюзными комитетами, органами народного контроля, которые осуществляли контроль за состоянием экологической обстановки на промышленных предприятиях нефтяной, угледобывающих и других отраслей промышленности. Третью группу представляют общественные технические и научно-технические организации, которые выполняли как информационные функции по формированию экологического сознания населения, так и осуществляли практические действия, направленные на сокращение вредных выбросов в атмосферу, уменьшение загазованности в цехах и на производственных участках.

Безусловно, как и прежде, в исследуемые годы общественные объединения находились в сфере партийного влияния и действия, выполняли мобилизационные и другие функции, отведённые им сверху, они являлись своеобразным показателем и носителем советской демократии, которая ярко освещалась в отечественных средствах массовой информации и подвергалась резкой критике за рубежом. Но несмотря на партийный контроль и диктат общественные организации претерпевали определённые трансформации, которые осуществлялись в зависимости от изменения общественно-политической обстановки в стране, повышения социальной активности населения и действия других факторов объективного и субъективного порядка. Подтверждением тому является период «оттепели» в СССР во второй половине 50-х первой половины 60-х гг. XX в., повлекший активизацию общественно-политической жизни в стране,

изменения в структуре, содержании и характере деятельности общественных объединений и организаций, в том числе и действующих в природоохранной сфере.

Здесь, как и прежде, приоритетное место принадлежало Всероссийскому обществу охраны природы и озеленения населённых пунктов. В рассматриваемые годы оно вышло из непосредственного руководства природоохранных структур, стало действовать на общественных началах и называться Всероссийским обществом охраны природы (ВО-ОП). Преобразования были проведены и в регионах страны. В Алтайском крае вместо краевого отделения был создан краевой Совет общества охраны природы, а в областях Западной Сибири образованы областные Советы, которые подчинялись Центральному Совету Всероссийского общества охраны природы. Советы отличались своим представительным составом и широкими полномочиями по сравнению с предшествующей структурной организацией. В городах и районах Западно-Сибирского региона были созданы природоохранные отделения, которые действовали также на общественных началах.

Структурные преобразования сопровождались изменениями в содержании и характере деятельности природных обществ. Спектр такой деятельности был широким и разнообразным. Вряд ли можно согласиться с предшествующими исследователями, которые всю их деятельность сводили лишь к распространению знаний о природе, об окружающей среде, о земных недрах и водных ресурсах и делали несколько упрощённые выводы, давали заниженные оценки природоохранной деятельности обществ [3. С. 7]. Действительно, информационно-просветительское направление занимало одно из важных мест в работе обществ и, в рассматриваемые годы, оно претерпело определённые тематические изменения, расширило сферу своей деятельности, осуществлялось как с учётом потребностей различных групп населения и, прежде всего, молодого поколения, так и с учётом назревших экологических проблем.

Но, наряду с просвещением природоохранные общества выполняли и другие функции и решали другие задачи, связанные с сохранением окружающей среды. Так, Кемеровский областной совет ВО-ОП совместно со своими отделениями и первичными организациями осуществлял контроль за рациональным использованием руководителями промышленных предприятий финансовых средств, выделенных государством на строительство или ремонт очистных сооружений, а затем проверял своевременность ввода их в действие и эффективность эксплуатации. Подобного рода контроль осуществлялся и другими Советами ВООП Западной Сибири и там, где он был постоянным, системным, с активным участием низовых организаций, там он давал определённые положительные результаты. По инициативе Советов ВООП и при непосредственном участии низовых отделений на про-

мышленных предприятиях региона проводились общественные смотры по сокращению или ликвидации вредных промышленных выбросов в атмосферу и водоёмы. Начиная с 1960 г. в Западной Сибири, как и в других регионах страны, стали действовать Общественные инспекции по охране природных богатств, которые контролировали соблюдение нормативных актов, направленных на охрану природных ресурсов, выявляли браконьеров, расхитителей лесных богатств. Совершенно очевидно, что спектр деятельности обществ был разнообразным, а не ограничивался информационно-воспитательным направлением.

Однако все эти масштабные и разнообразные мероприятия не улучшали кардинально экологическую ситуацию в городах и районах Западно-Сибирского региона, не обеспечивали самоуверждение и должное поступательное развитие обществ охраны природы. Они действовали в русле той экологической и технической политики, которую проводило в те годы Советское государство. Если в индустриально развитых странах мира уже тогда перешли на технологический путь решения экологических проблем с помощью ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих высокую сохранность окружающей среды, то в Советском Союзе продолжали использовать устаревшие технологии, которые не отличались высокой эффективностью экологического действия. Поэтому все эти контролируемые действия Советов обществ решали лишь частично, а не кардинально проблемы экологической безопасности. Столь же малоэффективными оказались действия мобилизационного и другого характера, которые лишь на какое-то время снимали остроту проблемы. Природоохранные общества находились в сфере партийного влияния и действия, а также сохраняли некоторую зависимость и от органов государственной и исполнительной власти на местах. Поэтому закономерно, что в их деятельности было мало инициативы, самостоятельности, преобладали формы и методы не публичного действия такие, например, как митинги в защиту окружающей среды или запросы в местные органы власти, в правительство, а административного или мобилизационного воздействия такие, как рейды, смотры, проверки.

Подобного рода парадоксы и противоречия советской демократии проявлялись и в деятельности других общественных организаций, в том числе и такой массовой организации, какой являлись профсоюзы СССР. 15 июня 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза, которые предусматривали повышение их роли и значимости в жизни трудовых коллективов, в том числе и в сфере их экологической безопасности. Последняя рассматривалась в тесной связи с охраной труда и здоровья трудящихся. В таком контексте она отражалась в коллективных договорах, обсуждалась на рабочих собраниях Кузнецкого металлургического ком-

бината, Новокузнецкого алюминиевого [4], Беловского цинкового заводов [5]. Однако в качестве специальных вопросов они редко рассматривались даже на предприятиях химической промышленности, где была повышенная концентрация выбросов в атмосферу вредных веществ, где остро стояла проблема улучшения экологической обстановки. В 1960-е гг. только Кемеровский анилиноокрасочный завод ежесуточно сбрасывал в р. Томь десятки тонн вредных веществ, представлявших угрозы для водопользования населения.

Но как показывают документы, на анилиноокрасочном заводе и других химических предприятиях региона проблема экологической безопасности не заняла должного места в деятельности их профсоюзных комитетов [6]. Она решалась ими эпизодически в основном с помощью различного рода конкурсов смотров, которые носили бессистемный, непоследовательный характер и не отличались высокой эффективностью действия. Не давала каких-либо результатов практика включения в социалистические обязательства показателя, предусматривающего улучшение экологической обстановки в цехе или на заводе. Находясь в сфере влияния партийных органов, заводские профсоюзные комитеты были ориентированы ими не столько на решение социальных задач, связанных с улучшением условий труда, здоровья производственных коллективов, сколько задач мобилизационного характера, т. е. по организации и проведению «дней», «месячников» ударного труда, внутриводового и межзаводского соревнования. На практике это всё приводило к тому, что профсоюзы либо ограничивали, либо вообще утрачивали свойственные их природе, международной практике функции по охране здоровья трудящихся, защите окружающей их среды, подменяя их мобилизационной функцией, рождённой практикой строительства социализма в СССР и получившей дальнейшее развитие в исследуемые годы.

Под непосредственным руководством профсоюзных комитетов осуществлялась информационная и другая деятельность общественных технических и научно-технических объединений. В рассматриваемые годы они претерпели существенные структурные изменения, стали действовать не только в центре, но и в регионах, непосредственно на промышленных предприятиях, расширили и разнообразили свою деятельность, в том числе и в природоохранной сфере. Наглядно это всё можно проследить на основании инженерно-технических обществ СССР, которые в 1954 г. были преобразованы в научно-технические общества. Руководство ими возлагалось на ВЦСПС. В стране было создано 21 отраслевое научно-техническое общество, которое объединяло первичные организации на предприятиях и в учреждениях соответствующего профиля. Главным координирующим органом стал Всесоюзный совет научно-технических обществ. Преобразование научно-технических обществ можно рассматривать и оценивать

двойко: с одной стороны, как определённую попытку руководства страны дать им некоторую самостоятельность, а с другой стороны, через них усилить своё мобилизационное воздействие на трудовые коллективы промышленных и других предприятий. Причём соотношение между самостоятельностью и мобилизационной зависимостью были с большим преимуществом последней. *Во-первых*, кадровый состав, особенно, советов НТО формировался сверху, т. е. партийными органами и профсоюзными комитетами. *Во-вторых*, они же контролировали и направляли работу научно-технических обществ, исходя из постановки своих технико-экономических задач.

Своё становление и развитие научно-технические общества получили и в Западной Сибири, где за 1959–1965 гг. их количество увеличилось с 1516 до 2575, или в 1,6 раза. Наибольшее количество таких обществ приходилось на Новосибирскую область – 823 (31%), Кемеровскую область – 711 (28%), т. е. те регионы, где сосредотачивались крупные предприятия, ведущие отрасли промышленности, имевшие высокий удельный вес инженерно-технических работников, материально-технические и другие возможности для их созидательной творческой деятельности, в том числе и в сфере экологической безопасности, где с их помощью не только решались различные технические и технологические проблемы, но и осуществлялось экологическое воспитание производственных коллективов Западной Сибири. Ежегодно научно-техническими обществами, действовавшими на территории региона, читалось более 10 тысяч лекций, публиковалось около 200 различных изданий, общим тиражом более 100 тысяч экземпляров [7]. Среди них были лекция и издания, посвящённые экологической тематике на такие темы как «Загрязнение окружающей среды», «Вредные выбросы в атмосферу». Но как при раскрытии этих, так и других аналогичных тем лекторы и авторы не касались острых региональных экологических проблем. Они исходили из общей идеологической установки того времени, что в условиях социализма, где народ является хозяином земли, её недр, он бережно относится и к природе, и к её богатствам.

В Сибири эта идеологическая установка дополнялась трактовкой о рациональном, сбалансированном освоении её природных богатств, позволяющем создавать и вводить в действие мощные производственные объекты и сохранять окружающую среду. Поэтому все эти лекции, публикации строились на общих рассуждениях, на негативных примерах из мира капитализма. Лишь на рубеже 1970–1980-х гг., когда появился доступ к экологической информации, когда стала подвергаться критике природоохранная политика государства, научно-технические общества стали реально отражать экологическую обстановку в стране и отдельных её регионах.

Более разнообразной и целенаправленной была практическая деятельность научно-технических

обществ, которая осуществлялась в виде разработки и реализации планов научно-технических и исследовательских работ, проведении научно-технических и практических конференций, организации различных конкурсов, смотров, которые были ориентированы на практическое решение назревших технических и технологических проблем, на улучшение экологической обстановки на производственных объектах. Наиболее высокой эффективностью действия отличались те практические мероприятия общественных технических обществ, которые, *во-первых*, отражали назревшие производственные задачи и вызвали повышенный интерес и стимулировали высокую творческую активность трудовых коллективов и, *во-вторых*, имели не общую, а определённую тематическую направленность и сосредотачивали усилия их участников на разработке определённых производственно-технических и технологических проблем. Одним из доказательств тому является конкурс – смотр по ликвидации вредных выбросов в атмосферу, проведенный Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева и Кемеровским обкомом профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности во второй половине 1965 г. на предприятиях отрасли. За время проведения конкурса от его участников поступило свыше 900 предложений, из которых 680 было принято к внедрению в производство. Практическая реализация этих предложений и других организационно-технических мероприятий позволили на Кемеровском коксохимическом заводе снизить выбросы в атмосферу и водоёмы вредных веществ в общей сложности на 500 т, на Кемеровском азототуковом предприятии – на 300 т в год [8].

Рассматриваемый период характеризовался, с одной стороны, трансформацией действовавших ранее общественных творческих объединений, а с другой стороны, возникновением новых творческих организаций. Конкретным проявлением данной тенденции можно считать создание в 1958 г. Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Создание новой творческой организации было продиктовано временем, назревшими потребностями ускорения технического прогресса, прежде всего в реальном секторе экономики. Поскольку рассмотренные научно-технические общества, несмотря на различного рода преобразования, не утратили свою элитарную природу, не стали массовыми, руководство страны инициировало создание новой организации, ориентированной на развитие технического творчества, прежде всего, среди производственных коллективов. О том же убедительно свидетельствует структура ВОИР, которая была широко разветвлённой, централизованной, построенной по территориально-производственному принципу. В Западной Сибири было создано и действовало в те годы, наряду с Алтайским краевым советом ВОИР, четыре областных совета. Кемеровский областной совет ВОИР возглавлял и координировал работу 520 пер-

вичных организации, в том числе 211 – цеховых, Новосибирский – 300, Омский – 254 и Томский – 80 организаций [9].

В отличие от общественных научно-технических обществ советы ВОИР не несли большой информационной и просветительской нагрузки, не разрабатывали каких-либо исследовательских проектов, а решали в основном мобилизационные и прикладные производственные задачи. При этом они использовали широкий арсенал форм и средств как внутреннего, так и внешнего мобилизационного воздействия. Первая группа средств включала в себя различные формы индивидуального и корпоративного соревнования за звание: «Лучший рационализатор цеха», «Лучшая комплексная бригада» и была ориентирована на активизацию и реализацию технического творческого потенциала среди рационализаторов и изобретателей, другая группа включала различные формы активизации, направленные на развитие массового технического творчества в цехах и на предприятиях. В данной статье не ставилась задача исследовать механизм и результаты действия этих средств, давать им оценку, но, однозначно, ясно, что они продолжали традиции советской мобилизационной экономики, обеспечивая решение её технических задач. Для нас важно другое – выяснить, на решение каких задач направлялся творческий потенциал новаторов, и как он использовался в деле улучшения экологической обстановки на предприятиях.

Обзор документов показывает, что он не использовался должным образом, даже на тех предприятиях, где для этого были возможности, т. е. имелся мощный технический творческий потенциал, например на Кузнецком металлургическом комбинате, Новокузнецком алюминиевом заводе, Новокемеровском химкомбинате, и, где ощущалась острая потребность в снижении уровня загазованности и в решении других экологических проблем. Рационализаторы и изобретатели действовали в основном, с учётом той экономической стратегии и той технической политики, которую определяли партия и государство, а они, как известно, указывали им другие ориентиры. Поэтому как на указанных, так и многих других промышленных предприятиях региона редко проводились конкурсы среди новаторов на «Лучшее предприятие по технике безопасности» или «Лучшее предложение по сокращению вредных выбросов в атмосферу» [10]. Отсюда, естественно, был низкий удельный вес новаторских предложений, направленных на решение тех или иных экологических проблем.

Анализ технических, научно-технических и других рассмотренных общественных объединений свидетельствует о том, что в исследуемые годы они претерпели определённые трансформации. Ответственные организации вышли из сферы руководства государственных органов, создали свои структуры управления в центре и регионах, в том числе

и в Западной Сибири, расширили и разнообразили свою деятельность в области экологической безопасности. Но всё это можно рассматривать и оценивать лишь как первые, начальные шаги обще-

ственности в защиту окружающей среды, которые осуществлялись в своеобразной социально-экономической и политической среде, которая не стимулировала, а сдерживала их развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева М.А. Экологические проблемы в международных отношениях // Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение: МГИМО, 2004. – С. 366–367.
2. Мингазов И.Ф., Черных Н.И., Акулов А.И. Сибирь в зеркале демографической статистики // Стратегия участия НПО в управлении экологической ситуацией в Сибири: Матер. научно-практ. конф. – Новосибирск. 1999. – С. 74–75.
3. Шмыглёва А.В. Экологическая политика в Западной Сибири (1970–1990-гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2003. – 19 с.
4. Новокузнецкий филиал государственного архива Кемеровской области (НФГАКО). Ф. 196. ОП. 1. Д. 111. Л. 5, 8, 10.
5. Новокузнецкий филиал государственного архива Кемеровской области (НФГАКО). Ф. 143. ОП. 86. – Д. 397. Л. 21–22.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 126. ОП. 1. Д. 78. Л. 93–94.
7. Центральный архив Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦА ВЦСПС). Ф. 464. ОП. 1. Д. 1177. Л. 10–13.
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.780. Д. 85. Л. 76.
9. Центральный архив Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦА ВЦСПС). Ф.539. ОП. 1.Д. 1153. Л. 20–24.
10. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 1017. ОП. 1. Д. 37. Л. 78–80.

Поступила 21.11.2011 г.

УДК 329.154(571.16)

ПАРТИЙНЫЕ И СОВЕТСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1923 гг.)

В.Н. Гузаров

Томский политехнический университет
E-mail: regionoved@mail.ru

Изучен состав партийного и советского руководства Томской губернии начала двадцатых годов XX в. Руководящие кадры губернии формировались ЦК РКП (б) и представляли его номенклатуру, никак не связанную с местным обществом. Назначение фактически заменило выборы. Для большинства функционеров Томск был лишь одной ступенькой в длинной карьерной лестнице.

Ключевые слова:

Номенклатура, назначение, конфликты, выборы, ротация, карьера, Сибирь, центр.

Key words:

Bureaucratic establishment, assignment, personal conflicts, election, stagger, career, Siberia, centre.

В советской историографии данная тема оставалась практически неизученной. Если герои гражданской войны были как-то обозначены, то руководители губернии периода нэпа оставались неизвестными даже специалистам. Главным недостатком литературы, посвященной Томской партийной организации оставалась узкая источниковая база, дефицит фактического материала. Значительно расширили круг источников по интересующей нас проблеме сборники документов «Из истории земли томской», подготовленные А.А. Бондаренко, Е.Н. Косых, Н.С. Ларьковым, Б.П. Трениным [1]. Тем не менее, мы пока мало знаем о руководителях губернии начала 1920-х гг. Изучение процесса формирования партийного и советского аппарата необходимо не только для фиксации имен строителей новой власти, но и для понимания сути кадровой политики коммунистов.

Становление советской политической системы в Сибири было невозможно на основе малочи-

сленных местных коммунистических кадров. Требовались сотни опытных и преданных новой власти людей, способных возглавить многочисленный партийный и государственный аппарат края. До 1917 г. часть коммунистов попала в Сибирь на каторгу и в ссылку. Однако большинство ленинцев оказались за Уралом в качестве мобилизованных в Красную армию. Окончание гражданской войны высвободило сотни политработников, которых Центральный комитет РКП (б) направлял в провинцию. Начиная с 1920 г. ЦК РКП (б) постоянно «закачивал» в Сибирь руководящих товарищей и сдерживал их отъезд в Европейскую часть страны. В конце декабря 1919 г. административный центр Томской губернии перенесли в Новониколаевск, где был сформирован губернский революционный комитет в составе В.Г. Шумкина, А.П. Карлова, Ф.А. Крылова [2]. Это ошибочное решение внесло путаницу в управление губернией. В Томске действовал губернский партком в составе Тихона

Дмитриевича Екишева, Карла Яновича Озола, Соломона Львовича Гоникмана и Антона Иосифовича Веженкова [3]. 21 января 1920 г. в г. Томск приезжал глава Сибревкома Иван Никитич Смирнов, чтобы на месте сформировать рабочий аппарат губернии. В революционный комитет кооптировали Малиновского, Крылова, М.И. Сумецкого, А.Н. Сафонову, а в партийный комитет (бюро) — А.П. Кирилова, М.Е. Соболева, Б.П. Обнорского, В.Д. Вегмана. Составы обоих комитетов не отличались стабильностью. В январе 1920 г. был организован губернский совнархоз, в который вошли Я.С. Щербинин, В.С. Сергеев, а также члены партийного комитета К.И. Озол и М.М. Сумецкий. В.Д. Вегман, Г.П. Гоberman и М.А. Аتماкин выпускали газету «Знамя революции». В январе 1920 г. десяти секретарям губернского бюро РКП (б) разрешили носить оружие. В апреле–мае 1920 г. аналогичное право получили еще около шестидесяти руководящих товарищей.

В феврале 1920 г. в Томском парткоме появились новые люди: Пантелемон Александрович Верхотуров, Алексей Диомидович Никифоров, Александр Андреевич Буров, Алексей Викторович Перимов, Рувим Михайлович Шергов, Александр Леонидович Шиловский, Василий Николаевич Стуков, а через месяц — Степан Иосифович Челябин. Названные товарищи, за исключением П.А. Верхотурова, имели высшее или незаконченное высшее образование. А.В. Перимов и В.Н. Стуков учились в Москве, Шиловский — в Петрограде, а А.Д. Никифоров и Р.М. Шергов — в г. Томске. С.И. Челябин совмещал партийную работу с учебной на медицинском факультете университета.

На IX съезде РКП (б) (март–апрель 1920 г.) Томскую губернскую организацию представляли: А.П. Кирилов, А.А. Жаворонков, П.Н. Копылов, М.М. Фельдман. В апреле 1920 г. Сибревком вернул Томску статус губернского центра. Параллельно ревкому действовало партийное бюро. 25 июля 1920 г. открылась первая томская губернская конференция РКП (б). Делегаты послали приветствие второму конгрессу Коммунистического интернационала, а также вождю Красной армии Л.Д. Троцкому по случаю взятия города Гродно. С докладом от губернского бюро РКП (б) выступал А.П. Кирилов. Делегаты признали работу губбюро неудовлетворительной. В губернский комитет избрали П.А. Верхотурова, Л. Сафонова, К.М. Молотова, Воробьева, К.И. Озола, В.М. Похлебкина, А.Д. Никифорова [4]. Карла Яновича Озола в 1915 г. сослали из Латвии в Нарым. Василий Михайлович Похлебкин до революции был типографским рабочим. В Сибирь прибыл по партийной мобилизации из Гжатска. В декабре 1921 г. его направили на учебу в университет имени Я.М. Свердлова.

Через два дня после закрытия конференции состоялось совместное заседание губревкома и губернского комитета РКП (б). Товарищи заслушали доклад председателя губисполкома А.И. Беленца о ликвидации белогвардейской и эсеровской орга-

низации. Председатель губернской ЧК М.Д. Берман информировал участников совещания, что связь эсеров и белогвардейцев установлена, и 50 человек расстреляно [5]. Матвей Давыдович Берман окончил Читинское коммерческое и Иркутское военные училища. С августа 1918 г. служил в ВЧК. В Томск прибыл из Екатеринбурга. 13–14 августа 1920 г. губчека казнила еще 88 человек и 118 приговорила к различным срокам заключения [6]. В августе 1920 г. Сиббюро ЦК откомандировало А.И. Беленца в центр, где он сделал вполне удачную карьеру. В сентябре 1920 г. руководитель губернской ЧК М.Д. Берман сдал дела своему заместителю Б.А. Баку и отбыл в Дальне–Восточную республику. Томские коммунисты высоко оценили заслуги М.Д. Бермана и наградили его серебряным револьвером. Новый начальник ЧК Б.А. Бак оказался недостаточно твердым. Уже через месяц после назначения партийные товарищи критиковали Бориса Аркадьевича за ходатайства об освобождении арестованных, за попытку содействия своему брату Соломону в переводе из Мариинска в Иркутск. В 1921 г. Б.А. Бака перевели в Иркутск. Его заменил Самуил Гдальевич Чудновский, который в 1920 г. допрашивал А.В. Колчака. С.Г. Чудновский родился в Бердичеве, в 1917 г. вступил в партию коммунистов, а затем в ВЧК. Служил в Поволжье, Иркутске, Томске. Летом 1922 г. С.Г. Чудновского откомандировали в Петроград.

В сентябре 1920 г. все текущие дела губкома РКП (б) решала рабочая тройка: П.А. Верхотуров, К.Я. Озол, А.Д. Никифоров. В октябре 1920 г. губревком упразднили. 23 октября 1920 г. открылась вторая Томская губернская конференция. С отчетным докладом выступал А.Д. Никифоров. Он отметил рост организации до 14 тысяч, успешную мобилизацию на Западный фронт 559 коммунистов. П.А. Верхотуров говорил о таком негативном явлении, как недостаточная связь «верхов» с «низами». На конференции отсутствовали лидеры советского аппарата.

На первом губернском съезде советов в Томске 25–28 октября 1920 г., присутствовал глава Сибревкома Иван Никитич Смирнов. Съезд избрал губисполком из числа лиц, предварительно назначенных на пленуме губкома РКП (б). В президиум губисполкома вошли: заведующий отделом управления Ф.Е. Орлов, губернский военный комиссар В.И. Репин, заведующий губернским земельным отделом В. Жилин, председатель губернского совета профсоюзов Р.М. Шергов, заведующий губсовнархозом Я.М. Щербинин и председатель президиума губкома РКП (б) П.А. Верхотуров. Первым председателем губисполкома и его президиума избрали бывшего председателя губревкома Я.М. Познанского [2. С. 94–95]. И.Н. Смирнов обсудил с местным активом мероприятия по предотвращению антисоветских восстаний в воинских частях. 16 ноября 1920 г. губком РКП (б) одобрил доклад председателя губчека С.Г. Чудновского о проделан-

ной работе по выявлению белогвардейских организаций. Всероссийская партийная дискуссия вынудила губком обратить внимание на профессиональные союзы. 14 декабря 1920 г. был заслушан доклад профлидера Р.М. Шергова. Он доложил, что коммунистические фракции удалось создать во всех профсоюзах г. Томска, кроме печатников, работников искусств и местного транспорта. Рувим Михайлович слабо представлял назначение профсоюзов и критиковал их за увлечение мелкими «шкурными вопросами».

На X и последующих форумах РКП (б) Томскую партийную организацию представляли люди, временно работавшие в губернии. Этим товарищам лишь условно можно назвать томичами. Вопреки уставу, А.Д. Никифоров открыл губернскую конференцию после закрытия X съезда РКП (б). С докладом о текущем моменте выступал А.В. Перимов. Он отметил, что резкая смена курса, провозглашенная В.И. Лениным на съезде, вызвала недоумение. Информационный доклад о форуме делал П.А. Верхотуров, который подробно пересказал выступление Владимира Ильича. По докладу губкома развернулись активные прения. М.А. Усатенко отмечал узурпацию центром прав местных организаций, игнорирование жалоб на действия советских властей. К.М. Молотов называл ячейки подсобным аппаратом губернского продовольственного комитета. М.П. Барышев указывал на ошибки не только губкома, но и В.И. Ленина, которого следовало бы сослать в Нарым. Михаил Петрович Барышев прибыл в Томск из Омска. В 1921 г. он заведовал агитационно-пропагандистским отделом губкома РКП (б), а в декабре 1921 г. уехал учиться в Институт имени Я.М. Свердлова. Конференция отметила слабость В.С. Познанского как руководителя и одобрила замену его А.В. Перимовым. 20 марта 1921 г. пленум губкома определил состав президиума: В.М. Похлебкин – ответственный секретарь, П.А. Верхотуров – организационный отдел, К.М. Молотов и В.Н. Стуков – агитационный отдел, А.В. Перимов и А.И. Шаламов – губисполком. В результате личных конфликтов президиум губкома покинул А.Д. Никифоров. К апрелю 1921 г. из состава губкома выбыли И.М. Линецкий и Б.П. Обнорский. И.М. Линецкий также исполнял обязанности заведующего губернным политпросветом. Он неоднократно просил отпустить его в Одессу. Борис Петрович Обнорский уехал в Петроград.

Сложилось так, что в 1920 и начале 1921 г. советские лидеры оказались сильнее партийных. В.С. Познанский пытался подмять под себя губком РКП (б), однако Сиббюро ЦК РКП (б) перебросило его из Томска. Новый председатель губисполкома А.В. Перимов продолжил ту же политику. Весной 1921 г. в губернском комитете работали: В.М. Похлебкин, В.Н. Стуков, Ф.А. Рехлинг, В.С. Митряев, А.Л. Шиловский, А.А. Буров. Соотношение сил изменилось в пользу партийных функционеров. Пленум губкома 11–12 мая 1921 г.

обвинил А.В. Перимова в нарушении решений X съезда РКП (б) и отстранил от руководства губисполкомом. Пленум объявил также главного чекиста губернии С.Г. Чудновского несоответствующим занимаемой должности. Сиббюро ЦК осудило позицию томских товарищей, которые мотивировали свои действия борьбой за внутривластную демократию. Функционеры из Томска страстно выступали против всеобщего назначения со стороны Сиббюро ЦК. Их обижало то, что Новониколаевск больше доверял отдельным назначенцам, чем целым организациям. Сиббюро ЦК отвергло подобную риторику, тем более что ее авторы были в Томской организации людьми пришлыми и временными. Секретари Сиббюро ЦК не стремились к обострению конфликта. Они учли просьбу томичей и предложили им нового председателя губисполкома – Н.П. Теплова. Николай Павлович до революции был рабочим. В 1919 г. входил в состав реввоенсовета 5-й армии. С июня 1921 по май 1922 г. он возглавлял Томский губисполком. Сиббюро ЦК предоставило А.В. Перимову полуторамесячный отпуск с дальнейшим откомандированием его в распоряжение ЦК.

16 июля 1921 г. Василий Михайлович Похлебкин открыл 4-ю губернскую партийную конференцию. Были подведены итоги прошедшей чистки. Организация сократилась на 2449 человек. В это число вошли не только исключенные, но и переведенные в разряд испытуемых, ушедшие добровольно, оставленные для дополнительного разбирательства. На конференции не без гордости отмечалось, что в составе губернского исполнительного комитета Советов совершенно нет беспартийных. Первый после конференции пленум избрал в президиум губкома: В.А. Строганова, М.П. Барышева, В.М. Похлебкина, В. Никитина, М.Н. Рютина и М.Н. Белкина. Наиболее активной фигурой в новом составе президиума губкома был Мартемьян Никитич Рютин, который в 1932 г. в Москве создал знаменитую антисталинскую платформу [7]. Сиббюро ЦК утвердило нового начальника губернской ЧК – М.И. Подгайского, прибывшего из Омска. Он возглавлял Томскую губернскую ЧК до января 1922 г. Подгайского сменил Беляев Василий Федорович. В сентябре 1921 г. К.М. Молотов уехал в Крымскую область, а затем в Москву.

В сентябре 1921 г. на работу в губком пришли Михаил Александрович Усатенко и Александр Никифорович Мясников. Первый занял должность инструктора орготдела, а второй возглавил литовско-белорусскую секцию при губкоме. Уже в октябре 1921 г. М.А. Усатенко просил отпустить его из Томска. В заявлении он отмечал, что работает в губернии с 1919 г. и «перевод в какую-нибудь иную губернию имеет под собой основание» [8]. Товарищам, которые излишне настойчиво добивались перевода в более благоприятные регионы, выдавали весьма критические характеристики. 3 января 1922 г. Сиббюро ЦК установило новые правила откомандирования функционеров из Сибири. Поки-

дающие край по своему личному желанию должны были самостоятельно оплачивать проезд.

В январе 1922 г. состоялась пятая губернская партийная конференция, которая представляла более 10 тысяч членов партии. Однако рядовые партийцы не могли влиять на своих руководителей. В работе конференции участвовал секретарь Сиббюро ЦК Е.М. Ярославский, помогавший В.А. Строганову гасить радикальные выступления отдельных товарищей. Секретарь губкома отрицал необходимость переброски «к станку и плугу» функционеров губернского масштаба, по причине их незаменимости. К январю 1922 г. губернские руководители не уяснили сути весьма противоречивой ленинской концепции новой экономической политики. Конференция приняла предложение В.А. Строганова снять с обсуждения доклад о кооперации и опыте нэпа. По настоянию Василия Александровича, с повестки дня конференции сняли также доклады городских райкомов, опасаясь оппозиционных выступлений. В президиум губкома РКП (б) единогласно избрали В. А. Строганова, Н.П. Теплова и М.Н. Белкина, а кандидатуры Матильды Иосифовны Черняк и Петра Николаевича Потапова вынесли на дополнительное обсуждение. П.Н. Потапов отказывался работать в президиуме, так как ему, якобы, не доверяли секретари Сиббюро ЦК. М.И. Черняк брала самоотвод, поскольку ее, как руководителя, игнорировали шахтеры и милиция Анжерки. Представители Анжеро-Судженского райкома объяснили свое недовольство кандидатурой М.И. Черняк несколькими причинами: назначена губернским комитетом, не обладала авторитетом в мужском коллективе, настроенном антисемитски. М.И. Черняк с 1918 г. служила в Красной армии, участвовала в обороне Царицына. С октября 1921 г. была секретарем Анжеро-Судженского райкома РКП (б), а с января 1922 г. перешла в агитотдел губкома, а затем – в аппарат Сиббюро ЦК. Потапов окончил ремесленную школу в Тамбовской губернии и с 1913 г. трудился в Петрограде. В 1920 г. был направлен ЦК на партийную работу, на станцию Тайга. Как делегат X съезда РКП (б) от Томской губернской организации, участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. В 1922 г. Потапов занимал должность заведующего орготделом Томского губкома. Михаил Белкин недолго руководил губернскими профсоюзами. В марте 1922 г. на эту должность назначили чекиста Исаака Львовича Магуна, который до 1919 г. состоял в Бунде. При колчаковцах Магун вел подпольную работу в профсоюзах, а в 1922–1923 гг. заведовал экономическим отделом Томского губернского профсоюзного совета. Перевод профсоюзов на добровольное членство представлялся коммунистам не менее крутым поворотом, чем нэп.

Томскую делегацию на XI съезде РКП (б) (март–апрель 1922 г.) представляли: В.А. Строганов, К.Р. Романов, П.Н. Старостин и другие. Вернувшись из Москвы, делегаты выступали с докла-

дами о съезде и его решениях. Василий Андреевич Строганов с гордостью рассказал о своей работе в комиссии съезда, разбиравшей заявление 22-х оппозиционеров против ЦК РКП (б). Оказанное доверие томский делегат полностью оправдал и, безусловно, осудил поведение А.Г. Шляпникова и А.М. Коллонтай. В.А. Строганов в деталях поведал, как неуклюже пыталась оправдать свои действия популярная Александра Михайловна. Губернский секретарь был абсолютно уверен в справедливости ленинского запрета ее книги «Рабочая оппозиция». В.А. Строганов квалифицировал заявление 22-х как выгодное исключительно эсерам и меньшевикам. Секретарь губернского комитета инициировал принятие местными функционерами весьма жестких резолюций против возможных оппозиционных выступлений. В.А. Строганов отождествлял оппозицию с бичом в руках международного капитала [9]. В.А. Строганов был первым из томских руководителей, кто начал подчеркивать выдающуюся роль В.И. Ленина. Василий Андреевич ввел также практику одобрения решений съездов и всероссийских конференций. Подобная процедура была явно излишним напоминанием о верности губернской организации и ее лидера ЦК РКП (б). По инициативе Строганова и его товарищей губернская конференция приняла специальную резолюцию, одобрявшую линию поведения ЦК в вопросах внешней и внутренней политики.

После съезда продолжились кадровые перестановки. В мае 1922 г. был уволен и отправлен на два месяца лечиться на Кавказ председатель губисполкома Н.П. Теплов. На его место Сиббюро ЦК кооптировало Г. Пискарева, который руководил губернией два месяца и не успел завоевать доверия губкома РКП (б). Следующий председатель губисполкома – В.С. Корнев – занимал должность 3 месяца и в сентябре 1922 г. уступил место Ф.А. Крылову.

В конце 1922 г. Томск покинули Р.К. Рудзит – заместитель заведующего губернным ГПУ, А.Ф. Мелешкин – заведующий губернской партшколой. В декабре 1922 г. В.А. Строганов вел переговоры с Сиббюро ЦК о переброске И.Л. Магуна из Томска. В начале 1923 г. Исаак Наумович Юдкин заменил Магуна на посту председателя губернского профсоюзного совета. В 1922 г. на работу в губком пришли: Роберт Францевич Стефанний, Владимир Леонидович Митавский, Константин Георгиевич Кирилов, Павел Семенович Кирилов, Павел Семенович Глоба, Любовь Константиновна Амосова, Валерий Андреевич Пузанов, Андрей Тимофеевич Татьков. В конце 1922 г. в президиум губисполкома входили: Ф.А. Крылов, А.Л. Шилковский, В.М. Телятников, Ф.М. Родин, В.Ф. Яргин. Образовательный уровень этих товарищей был явно недостаточен для руководящей работы. Например, Глоба, прибыв в Томск, работал кладовщиком, слесарем, регистратором. Однако с сентября 1922 по февраль 1923 г. он уже заведовал организационным отделом первого райкома РКП (б) г. Томска, а затем занимал должность помощника прокурора.

Пятую годовщину прихода к власти коммунисты отметили репрессиями против оппозиционных партий. 16 ноября 1922 г. на пленуме губкома Строганов с гордостью говорил: «На территории нашей губернии враждебных нам партий нет, есть только небольшие неорганизованные группы эсеров и меньшевиков» [10]. Их попытки печатать антисоветские листовки быстро пресекались ГПУ. К пролетарскому празднику закрыли церковь в бывшем Архирейском доме. Имущество разделили между Комиссией по ликвидации последствий голода, Домом просвещения и военной частью. 12 декабря 1922 г. Строганов дал команду уволить из вузов всех бывших белых офицеров. В этот же день губком заслушал доклад об отправке в Нарымскую ссылку эсеров [11].

Пятилетний юбилей завоевания коммунистами власти способствовал подведению итогов сделанному. Функционеры губернского масштаба рассматривали свое пребывание в Томске как временное. Годы работы в тяжелых сибирских условиях расценивались как достаточное основание для возвращения на родину в новом, более высоком статусе. В конце 1922 г. в губком РКП (б) пошел поток заявлений с просьбой отпустить из Томска. Каждый проситель подробно перечислял свои заслуги и приобретенные болезни. Это было характерно как для партийных, так и для советских работников. Число покидавших Томск компенсировалось встречным потоком прибывавших.

ЦК РКП (б) ориентировал местные комитеты выдвигать на руководящие должности коммунистов с дореволюционным партийным стажем. Однако местных подпольщиков, способных занимать должности губернского уровня в Томске фактически не было. Губернией продолжали руководить люди, присланные из центра: Василий Андреевич Строганов, Аркадий Петрович Марцинковский, Михаил Давыдович Каменский, Василий Степанович Корнев, Иван Семенович Семеряков (отдел управления), Виктор Матвеевич Телятников (продовольственный комиссар), Александр Владимирович Кравков (губземаотдел), Трофим Иванович Мосунов (РКИ), Дмитрий Александрович Глебов (губздрав), Василий Федорович Беляев (ГПУ) и другие. Приезжими были не только ответственные, но и технические работники. В начале 1923 г. из 71 технического сотрудника губкома РКП (б) 37 (52,1 %) были иногородними. Делопроизводители, счетоводы, телефонисты, рассыльные, сторожа прибыли в Томск из Варшавы, Витебска, Риги, Тифлиса, Москвы, Мценска, Перми, Костромы и других мест [12].

16 марта 1923 г. было созвано расширенное совещание членов губкома, старейшин, секретарей укомов и райкомов. В работе совещания принимали участие М.М. Лашевич и инструктор ЦК В.Г. Егоров. В президиум губкома избрали В.А. Строганова, М.Д. Каменского, М.А. Вольфовича, В.С. Корнева и И.Н. Юдкина. Затем провели выборы делегатов на XII съезд РКП (б). В результа-

те были избраны: В.А. Строганов, М.Д. Каменский, Е.М. Глушков, И.М. Ситников, И.Ф. Бобиков, А.Г. Акулов, Г.Г. Бабий и другие. До революции Глушков работал кузнецом. В 1922 г. он занимал пост секретаря Тайгинского райкома, а с 1923 г. — Мариинского уездного комитета РКП (б). И.М. Ситников ранее был жестянщиком и систематического образования не получил. В 1921—1925 гг. он возглавлял губернскую партийную контрольную комиссию. Г.Г. Бабий прибыл в Сибирь из Киевской губернии и имел только начальное образование. В 1921—1923 гг. он руководил Щегловским уездным комитетом РКП (б).

XII съезд РКП (б) отличался более тщательным подбором делегатов. Оппозиционеры оказались за бортом форума. Вожди партии выжидали. В этих условиях сталинская фракция заметно усилила свои позиции. Например, по решению съезда сроки проведения губернских конференций увеличили с 6 месяцев до одного года, что стабилизировало состав выдвиженцев Генерального секретаря. По возвращении из Москвы, 2 мая 1923 г., В.А. Строганов выступил на заседании президиума губкома с кратким докладом о съезде. Речь секретаря была принята к сведению, без обсуждения. При изучении резолюций съезда в военных частях устраивались соревнования между ротами. Победители получали бюст В.И. Ленина или Л.Д. Троцкого.

Официально ЦК РКП (б) отрицал назначение секретарей губернских комитетов, но на деле повсеместно использовал эту практику. В марте 1923 г. седьмая губернская партийная конференция избрала в президиум губкома РКП (б): Василия Андреевича Строганова, Михаила Давыдовича Каменского, Моисея Абрамовича Вольфовича, Василия Степановича Корнева, Исаака Наумовича Юдкина. Однако уже через три месяца, 16 июня 1923 г., Оргбюро ЦК РКП (б) решило заменить Василия Андреевича Строганова на Василия Степановича Калашникова. 5 сентября 1923 г. президиум Томского губкома одобрил это решение [13]. Окончательное или формальное утверждение В.С. Калашникова секретарем выносилось на очередной пленум Томского губкома РКП (б). Одновременно в центр уезжала Елизавета Елисеевна Скаринина — член партии с 1907 г. С 1920 г. она работала в Щегловском уезде, затем училась в Москве, в университете имени Я.М. Свердлова. С мая 1922 г. по январь 1923 г. Е.Е. Скаринина возглавляла Нарымский райком, а в 1923 г. в г. Томске была инструктором губкома, а затем — секретарем первого городского райкома. Итак, к сентябрю 1923 г. выбыли: В.А. Строганов, А.П. Татьков, И.Н. Юдкин и умерла Л.К. Амосова. В губком вошли: Василий Степанович Калашников, Павел Иванович Персиков, Алексей Яковлевич Иванов. До революции В.С. Калашников был электриком в Иваново, прошел тюрьму и ссылку. В 1919—1921 гг. В.С. Калашников служил комиссаром в Красной армии. В 1921—1923 гг. работал в Ивановском уездном, а затем губернском комитете РКП (б). В 1922 г. Пер-

ских возглавлял профсоюз горняков Кольчугино, а с мая 1923 г. — президиум губпрофсовета.

8 августа 1923 г. ЦК РКП (б) запросил у Томского губкома материалы, характеризующие работу Каменского на должности заведующего орготделом губкома. Документы были подготовлены самим В.С. Калашниковым к декабрю 1923 г. Секретарь губернского комитета отметил, что М.Д. Каменский действовал настойчиво, энергично, твердо и смог значительно улучшить работу аппарата. Были названы и негативные стороны характера М.Д. Каменского: болезненное самолюбие, вспыльчивость по пустякам. Столь негативная характеристика была попыткой сдержать своего более удачливого товарища.

В начале 1920-х гг. руководящий состав губернии был крайне подвижным. В создании нового государственного аппарата приняли участие бывшие ссыльные Томской губернии и солдатские активисты гарнизона. Демобилизация Красной ар-

мии дала новое кадровое пополнение. Армейские политработники были кооптированы в революционные и партийные комитеты, в исполкомы Советов. Однако через год-два эти люди уезжали в Европейскую Россию. Используя кадровый резерв всей партии, ЦК РКП (б) постоянно пополнял команду томских руководителей. В результате удалось сформировать аппарат управления губернией и к 1923 г. стабилизировать составы президиумов губкома РКП (б) и губисполкома. Политика назначения, проводимая ЦК РКП (б) и Сиббюро ЦК, позволяла оперативно решать кадровые вопросы. Вместе с тем подобная практика имела негативные последствия. Постоянные назначения превращали уставные нормы в фикцию. Трудовые коллективы так и не научились выдвигать своих товарищей на руководящие посты. На съездах партии и советов губернскую организацию представляла номенклатура ЦК РКП (б), а не местные товарищи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из истории земли томской: 1921–1924: Народ и власть. Сб. документов и материалов. — Томск: Изд-во «Водолей», 2000. — 442 с.
2. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой половине XX века: управление, экономика, население. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 283 с.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 334. Л. 11.
4. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
5. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 134.
6. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–26.
7. Гузаров В.Н. Томский период в жизни М.Н. Рютина (1912 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: VIII научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. — Барнаул, 6–7 октября 2011. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. — С. 175–176.
8. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 25.
9. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 64.
10. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 40.
11. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 84.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 207. Л. 1–4.
13. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 515. Л. 84.

Поступила 22.11.2011 г.

УДК 930.2(054)/94(327.56)(479.24+479.25) «1988»

РОЛЬ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ КАРАБАХ» В ФОРМИРОВАНИИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ (ФЕВРАЛЬ–МАРТ 1988)

К. В. Юматов

Кемеровский государственный университет

E-mail: yumatov@list.ru

На материалах газеты «Советский Карабах» 1988 г. и других источников прослежена динамика развития армянского национального движения Нагорно-Карабахской автономной области. Официальный печатный орган партийных и советских властей НКАО стал в 1988 г. первым легальным изданием, открыто поддерживавшим идею воссоединения Нагорного Карабаха (Арцаха) с Арммянской ССР. «Советский Карабах» стал трибуной, с которой идея Миацум пропагандировалась интеллигенцией и партийным руководством НКАО. Именно материалы данного издания позволяют проследить эволюцию взглядов и методов армянского национального движения в Карабахе в 1988 г.

Ключевые слова:

Армяно-азербайджанский конфликт, этнополитический конфликт.

Key words:

Armenian-Azerbaijan conflict, ethnopolitical conflict.

Нагорно-Карабахскому этнополитическому конфликту посвящено большое количество мемуаров, статей, аналитических исследований [1–3 и др.]. Но до сих пор за бортом специальных исследований остается роль и место в развитии конфликта средств массовой информации. Армянская и азербайджанская пресса очень быстро перестала быть просто инструментом власти, а перешла в разряд активных участников конфликта. Семантический и семиотический анализ материалов отдельных изданий позволяет более детально выявить внутреннюю динамику и эволюцию конфликта. Наиболее интересными для анализа являются материалы газеты «Советский Карабах» в первый месяц противостояния, так как именно там нашло свое отражение становление армянского движения Нагорно-Карабахской автономной области (далее – НКАО) за объединение с Арменией.

Итак, газета «Советский Карабах» – русскоязычная версия армяноязычной «Советакан Карабах». Официально – орган Нагорно-Карабахского обкома КП Азербайджана и Совета народных депутатов НКАО. До 1988 г. была верным рупором партийной политики. «В годы Арцахского движения «Хорурдаин Карабах» имел 92 тысячи подписчиков» [4]. В годы перестройки, как и большая часть советской прессы, стала печатать «материалы о необходимости развития в области промышленности, повышения эффективности сельского хозяйства, охраны и реставрации древних памятников культуры и архитектуры, решения других актуальных вопросов» [5]. Бывший корреспондент Гегам Багдасарян деятельность «Советского Карабаха» в 1988 г. характеризовал следующим образом: «Это был короткий период действительно демократической прессы без цензуры в любом ее проявлении. Газета освещала все события, тогда как ереванская пресса молчала, а центральная продолжала заниматься дезинформацией» [6]. Ашот Гулян (Председатель Национального Собрания Нагорно-Карабахской Республики) так рассматривает зна-

чение «Советского Карабаха» в событиях 80-х гг. XX в.: «Неоценима роль газеты в национально-освободительной борьбе армянства Арцаха в конце XX века, когда, преодолев препоны официальной цензуры и прорвав информационную блокаду края, ей удалось представить реальную картину карабахского движения не только армянской обществу, но и многотысячным читателям бывшего Советского Союза и других стран мира» [7].

Коллектив газеты периода 1988 г. действительно представлял «боевое звено» армянского движения. Редактором с февраля 1988 г. был журналист и писатель Максим Ованесян, участник карабахского движения за воссоединение с Арменией периода 1960-х гг. Редактором русского издания газеты был Аркадий Гукасян – впоследствии министр иностранных дел (1993–1997) и президент (1997–2007) Нагорно-Карабахской Республики. Кроме того, в составе редакции и корреспондентов газеты работали такие активисты движения за воссоединение как Гегам Багдасарян, Арсен Мелик-Шахназаров, Вилен Бахшиян, Нвард Авакян, Нвард Согомонян, Вардкес Ован [1].

Такой состав участников делал «Советский Карабах» важнейшим инструментом для распространения идей воссоединения НКАО с «Матерью-Арменией». Не случайно в 2002 г. начальник отдела информации и мониторинга Управления информации при правительстве Республики Армения, лауреат премии Министерства обороны и Союза журналистов Армении «Я солдат Отчизны» (1997 г.) Алвард Балхударян писала, что «в 1988 году самой независимой армянской газетой стала издаваемая в Степанакерте (Ханкенди) газета "Советский Карабах"» [8].

Действительно, именно «Советский Карабах» стал первым официальным печатным органом, который возвестил о начале армянского национального движения и новой эпохи в истории СССР и Советского Закавказья. 21 февраля 1988 г. на 1-й странице появилось сообщение о внеочередной

сессии Совета Народных депутатов НКАО [9] и ее решении о ходатайстве передать НКАО в состав Армянской ССР [10]. Сегодня подоплеку тех событий раскрывают воспоминания одного из активистов армянского национального движения в Нагорном Карабахе Аркадия Карапетяна: «20 февраля состоялась сессия. Вообще-то, я хотел бы отметить, что не всегда в средствах массовой информации проходят достоверные сведения о ходе сессии. А реальность такова, что на сессии никак не набирался кворум. Многие не смогли приехать из-за того, что дороги были закрыты, но честь и хвала тем, кто, несмотря ни на что, через горы, леса, пешком, но все же добрались. Зато были и такие, кого надо было долго убеждать в том, что наше дело правое, что идет перестройка, что ничего бояться не надо, чтобы они приняли участие в сессии. Наконец, после нелегких усилий, кворум был набран, и сессия состоялась» [11]. Интересно в этом смысле и сообщение Гегама Багдасаряна о том, что «редактор газеты «Советакан Карабах» Егише Саркисян отказался напечатать решение областного совета – одного из учредителей газеты. Тогда сотрудники газеты и работники областной типографии заперли его в помещении типографии и самостоятельно издали газету с упомянутым решением [6]. При этом информация о решении областного совета была размещена под сообщением «В Политбюро ЦК КПСС» и рядом с «Постановлением Пленума ЦК КПСС». Таким образом, визуально создавалось впечатление легитимности и законности всего, что произошло.

Егише Саркисян был смещен со своей должности. Коллектив с новым редактором Максимом Ованисяном начал издавать газету, которая стала очень популярной не только в Карабахе и Армении, но и за рубежом [6].

В течение следующей недели газета никак не комментирует происходящее. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Следующие три номера газеты вышли в Баку [12]. Только после возобновления издания газеты в Степанакерте 28 февраля на 1-й странице появляются «отклики» на выступление М.С. Горбачева ветерана войны и труда, члена КПСС с 1941 г. Амаяка Асрияна и народного артиста СССР, председателя правления Союза театральных деятелей Армении Грачья Капланяна. Присутствуют все традиционные формулы про «братскую семью народов СССР», где «каждая республика получила возможность гармонично развиваться». Есть и не менее традиционные для периода перестройки идеологические «защитные» о «больных вопросах, которые волнуют и заботят всех нас», о «злоупотреблениях, допущенных бывшим руководством Нагорно-Карабахского обкома партии, результатах произвола в кадровой политике», и утверждения, что «карабахцы видят свою мирную, созидательную жизнь, будущее своих детей в братской семье народов СССР» [13]. В то же время, даже в столь, казалось бы, лояльном тексте (со ссылкой на Горбачева), кон-

статируется, что «в национальной политике были допущены серьезные ошибки, и мы сегодня выражаем свои сокровенные чаяния» [13]. И так, даже в официозные идеологически «интернациональные» тексты, которыми тогда была наполнена вся армянская и азербайджанская печать, все же вносится формула (пусть и в урезанном виде) «о сокровенных чаяниях» армянского населения Нагорного Карабаха, которая впервые появилась на страницах «Советского Карабаха» 21 февраля 1988 г. в «Решении внеочередной сессии Совета Народных депутатов НКАО XX созыва» [10].

В синтактике текста подобных статей в армянской и азербайджанской печати четко прослеживается одно отличие. В армянских комментариях звучит рефреном надежда на то, что «Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам национальной политики, со всей полнотой и объективностью вскрыет ошибки, чем и ответит на волнующие нас вопросы» [13]. В 1-мартовском отклике агронома Баллуджинского совхозтехникума Г. Каграманяна делается акцент на том, что «суть ленинской национальной политики заключается в том, чтобы каждый человек, **каждая нация могли развиваться свободно, чтобы каждый народ мог удовлетворить на родном языке свои потребности** во всех сферах общественно-политической жизни» [14] и, соответственно, предполагается, что «о наших запросах, о событиях в нашей области знают также в ЦК КПСС. И можно быть уверенным, что насущные вопросы будут решены по-ленински» [14].

В азербайджанских же газетах главный смысл «откликов на обращение М.С. Горбачева» сводится к тому, что «у нас единая судьба, одна дорога и цель, **одна неделимая Родина. Древняя земля Карабаха – отчий дом и для азербайджанца, и для армянина. Мы – братья навек, и этим все сказано**» [15]. Таким образом тексты откликов, которые, казалось бы, явно носят заказной характер (успокоить страсти и остановить насилие), идентичны по плану выражения (полная поддержка «уважаемыми людьми» сказанного Генеральным секретарем ЦК КПСС), тем не менее, содержат абсолютно разные словесные формулы и преследуют разные цели. Армянские требования делают упор на необходимости изменений, азербайджанские – на сохранении единства. Обтекаемая речь Генсека позволила использовать цитаты из нее в качестве доказательства поддержки именно своей стороны.

С точки зрения классического взгляда историковедения на периодическую печать этого времени, когда партийная и гражданская дисциплина еще очень сильна, когда КПСС, Советская власть и ВЛКСМ еще сохраняют всю полноту власти и влияния, советские газеты являются основным инструментом воздействия на народные массы. И вот в этой ситуации мы видим разные подходы СМИ НКАО и Азербайджана к формированию информационной политики.

В то же время первоначально армянская бюрократия НКАО ведет себя осторожно [16]. Генрих

Погосян, сменивший Бориса Кеворкова на посту руководителя обкома партии, в газетах выступает инициатором прекращения забастовок и беспорядков, призывает к демократическому решению «нерешенных проблем» [17, 18]. Постоянно цитируя Горбачева, в то же время Погосян уходит от главного вопроса о принадлежности Нагорного Карабаха, ссылаясь на «готовность ЦК КПСС рассмотреть весь комплекс социально-экономических проблем развития НКАО как «...свидетельство мудрости ленинской национальной политики» [17, 18]. В воспоминаниях Аркадия Карапетяна есть упоминание о том, что связи карабахского армянского подполья с Генрихом Погосяном были установлены еще в 1987 г. [11]. Вынужденный на первом этапе лавировать между Москвой, Баку и карабахским движением Генрих Погосян, тем не менее, сильно способствовал своей позицией росту сепаратизма в Нагорном Карабахе.

В «Советском Карабахе» в первые дни марта нет никаких упоминаний о февральских событиях в Сумгаите. Речь все время идет только о забастовках и демонстрациях в НКАО. Только в номере за 10 марта появляется текст, подписанный ткачихой Каршелкомбината имени 26 бакинских комиссаров, Героем Социалистического Труда Кнарик Аракелян, в котором звучит осуждение «тех, кто без зазрения совести убивал людей» [19]. Автор текста присоединяется «к участникам прошедшего в Степанакерте траурного митинга», участники которого «выразили гневный протест в связи с бесчинствами, совершенными в Сумгаите, потребовали со всей строгостью законов покарать преступников» [19]. В то же время здесь звучит традиционный призыв к дисциплине, труду, политической сознательности в ожидании «объективного решения проблемы Нагорного Карабаха» [19].

11 марта 1988 г. в том же номере «Советского Карабаха», где опубликован отчет о Совещании в ЦК КПСС, на той же странице появляется текст [20], который положил начало информационному противостоянию главной областной газеты с республиканскими СМИ Азербайджана. В репортаже с общего собрания коммунистов аппарата облсовпрофа, проходившего под темой обсуждения обращения Горбачева, заявляется, что «в республиканской печати, по телевидению и радио происходящие в Нагорном Карабахе события трактуются тенденциозно, фальсифицируются факты, реальная ситуация. События эти представляются как «националистические», «экстремистские», как дело рук «отдельных подонков» [20]. В качестве главной причины «февральских событий» указывают «тенденциозную, ошибочную политику, которую вели в последние десятилетия отдельные партийные, советские и хозяйственные руководители области, республики. Некоторые деятели науки, литературы и искусства республики посягнули на духовные ценности нашего народа, оскорбили его национальное достоинство, игнорируя принципы ленинской национальной политики» [20].

Карабахские партпрофаппаратчики обвиняют республиканские СМИ в том, что «попытки представить движение как спровоцированное «экстремистами», «националистами», закрыть глаза на его общенациональный характер, нежелание понять требования народа лишь накалили обстановку. В результате карабахец, которому исторически присущ интернационализм, был объявлен националистом. В создавшейся ситуации ...заняло ошибочную позицию руководство областного комитета партии, в частности, бывший его секретарь Б.С. Кеворков» [20]. «Передаваемая систематически тенденциозная, искаженная информация разжигала страсти, помешала взаимопониманию армянского и азербайджанского населения» [20]. В «лучших» традициях «коммунистической демократии и плюрализма» завершается этот документ обращением к обкому партии «поднять перед ЦК КПСС и ЦК Компартии Азербайджана вопрос о привлечении к партийной ответственности тех работников средств массовой информации, кто искажал, фальсифицировал события в области» [20].

Само по себе появление этого репортажа очень значимо. *Во-первых*, впервые в официальной прессе четко проявляется оппозиция армянского партийного и профсоюзного аппарата НКАО по отношению к Баку. *Во-вторых*, сторонники присоединения к Армении явно воспользовались нерешительностью действия центральных властей, хорошо выразившихся в обращении Генерального секретаря ЦК КПСС и на совещании ЦК КПСС.

Таким образом, тщательная работа законспирированных групп сторонников Миацум в среде армянских коммунистов в 1987 – начале 1988 гг. очень быстро дала свои результаты: уже в марте 1988 г. под термином «карабахец» областная газета подразумевает исключительно армян. Азербайджанское население Нагорного Карабаха изначально не рассматривалось как равноправный субъект процесса.

Меняется с этого момента и тон «писем ветеранов». Уже в следующем номере «Советского Карабаха» появляется письмо, подписанное ветераном войны и труда из г. Степанакерта Ованесом Газаряном [21]. В этом тексте появляется мотив, связанный с азербайджанским населением Карабаха. «Мы ни в коем случае не противопоставляем себя другим, в том числе, и соседнему азербайджанскому народу. Мы живем и работаем бок о бок с азербайджанцами, делим с ними хлеб и соль, и не имеем намерений портить с ними отношения. Даже в эти трудные и сложные дни в Степанакерте и других населенных пунктах области не было ни одного эксцесса, ни одного грубого слова в адрес какого-нибудь азербайджанца. Однако я не могу сдержать своего гнева в отношении преступных, варварских злодеяний, проявленных в отношении армянского населения Сумгаита. Вот это поистине дело рук экстремистов, уголовных элементов... не могу не разделить горе тех, кто пострадал в Сумгаите, и требую со всей строгостью закона покарать преступников» [21]. Противопоставление

«мирных» армян и «жестоких» азербайджанцев здесь только намечено, но вскоре это станет любимым приемом всей армянской прессы. Оканчивается это «письмо ветерана» традиционным панегириком М.С. Горбачеву и ЦК партии, который «проявил четкий подход к требованиям карабахцев, имея в виду после изучения этого вопроса обсудить его на самом высоком уровне» [21].

Совещание ЦК КПСС как раз не проявило никакого «четкого подхода» к армянским требованиям. В свойственной ему манере Горбачев стал вопрос затягивать, не принимая никакого твердого решения. Результатом стало нарастающее влияние националистов как с той, так и с другой стороны.

13 марта 1988 г. была опубликована информация о совещании секретарей первичных партийных организаций в Нагорно-Карабахском областном комитете партии [22], которое должно было начать проведение в жизнь решений Совещания в ЦК КПСС. Доклад Г. Погосяна и выступления секретарей заводских «первичек» с армянскими фамилиями выдержаны все в том же лояльном по отношению к Москве и нелояльном по отношению к Баку тоне [22]. Перечисляется комплекс социально-экономических проблем НКАО. Социально-экономический детерминизм, в традициях которого была воспитана коммунистическая элита, очень ярко проявляется в этом перечислении. Непонятно только, чем все эти проблемы отличаются от проблем всей остальной страны, в т. ч. и Азербайджана, и Армении. Увы, в том же духе впоследствии будет выпущено и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1988 г. «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 гг.» [23]. Но, к сожалению, никак не был учтен фактор человеческий и идеологический, что и привело к полному провалу «ускорения» в Нагорном Карабахе.

Кроме перечисления недостатков участники совещания «осудили выступления республиканского телевидения, которое систематически искажает факты, происходящие в области события, отображаются в кривом зеркале. Участники совещания осудили также акты варварства, вандализма, имевшие место в Сумгаите» [22].

Таким образом, анализ нескольких публикаций 10–13 марта в «Советском Карабахе» показывает, что партийная верхушка НКАО с марта уже встала на позиции противостояния с Баку, несмотря на все заверения в интернационализме и дружбе. «Советский Карабах» встает на националистические позиции.

В номере от 16 марта 1988 г. в рубрике «К событиям в Нагорном Карабахе» публикуется открытое письмо в редакцию «Прислушиваясь к голосу разума» за подписью трех кандидатов наук Лены Григорян, Арзик Мхитарян и Гамлета Григоряна [24]. Это были активисты армянского подполья, принимавшие активное участие в событиях уже с начала 1988 г. Собственно говоря, их «открытое письмо»

стало своеобразным выходом армянского подполья в открытое информационное пространство. При сохранении всех предыдущих претензий к республиканской и центральной прессе и телевидению выдвигается тезис об особой ответственности «Советакан Карабах». Газета обвиняется в том, что при освещении «всенародного движения, все нарастающего в Нагорном Карабахе, цель которого — воссоединение с Советской Арменией» проявляет «непонятную медлительность» «вместо того, чтобы выявить истину, сказать честное, правдивое партийное слово» [24]. Несмотря на то, что ряд публикаций отмечены как правдивые (речь идет о текстах Л. Фарсияна, К. Аракелян и О. Газаряна), в целом «листаешь газету и просто диву даешься от помещенных здесь "невинных" статей» [24]. «Просто невыносимой стала ложь, пренебрежение печати к голосу масс. Народ Нагорного Карабаха испытывает духовную и нравственную жажду. Он требует воссоединить НКАО с Армянской ССР» [24]. Фактически «Советакан Карабах» призывается к началу информационной войны с республиканскими СМИ, к полному и окончательному переходу на националистические позиции, чтобы «голос карабахцев» дошел до «мудрого руководства нашей партии» без «искажений».

Открытое письмо трех преподавателей Степанакертского педагогического института на этой же странице логично дополняется обширным текстом, подписанным членом Союза журналистов СССР, персональным пенсионером республиканского значения, членом КПСС с 1939 г. Г. Айвазяном [25]. В нем впервые проводятся прямые параллели между репрессиями мусаватистов против армян в Нагорном Карабахе в 1920 г. и властями Советского Азербайджана. Начиная с воспоминаний о зверствах мусаватистов, далее автор пишет: «В людях пробудилось святое стремление исправить допущенную десятки лет назад ошибку, вследствие чего Нагорный Карабах, 95 процентов населения которого в 1920 г. составляли армяне, который исторически был армянским краем, оказался в составе Азербайджанской ССР. Очень дорого обошелся этот акт армянскому населению Нагорного Карабаха. Систематически попирались права моего народа. Когда-то цветущие села опустели, приостановился рост населения. Сейчас в области живет около 140 тысяч армян. Приблизительно столько, сколько и несколько десятилетий назад. По всему фронту велось наступление на наши культурные и духовные ценности. Зия Бунятов и его единомышленники в своих националистических, смердящих ядом трудах и статьях пытались доказать, что мы по происхождению не армяне, что мы насильно были обращены в христианство. С чьего попустительства это делается? Ведь эти «ученые», нарушая принципы ленинской национальной политики, сеют межнациональную вражду.

Запрещается ввоз произведений армянских писателей в наш край. Установлен особый контроль за поступлением в область «опасных» произведе-

ний. И кто же авторы этих «опасных произведений»? Герой Социалистического Труда Серо Ханзаян, Баграг Улубаян, Леонид Гурунц, Зорий Балаян и другие. Карабахцы знают, что никакие преобразования, меры по развитию экономики и культуры не заменят решение главного вопроса, волнующего трудящихся Нагорного Карабаха – воссоединение НКАО с Армянской ССР. Они просят Центральный Комитет осуществить это исторически справедливое требование» [25].

Выстраивая цепочку виновных в бедах армян от мусаватистов к коммунистическим властям Азербайджана, Г. Айвазян продолжает ее участниками и организаторами сумгаитских погромов и событий в Агдаме и Аскеране. Вина за Сумгаитские и Агдамские события возлагается на азербайджанскую партийную и советскую элиту, которая рассматривается как политическая наследница мусаватистов [25].

Обе статьи, опубликованные в номере от 15 марта 1988 г., фактически вывели карабахское движение в информационное пространство. Это

была определенная политическая программа, заявленная в форме жесткой критики республиканских властей и СМИ, завуалированных обвинений азербайджанцев и «заклинаний» о справедливости собственных требований.

Абсолютно идентичны по смыслу, содержанию и даже выражениям статьи от 15 марта тексты, вышедшие 17 марта 1988 г. – подписанные ветераном труда, учителем истории А. Вердяном [26] и учителем Агортинской средней школы Норайром Аветисяном [27].

Прошедший 17 марта Пленум Нагорно-Карабахского обкома Компартии Азербайджана закрепил именно эту программу и идеологию, о чем и было сообщено в Информационном сообщении о пленуме Нагорно-Карабахского обкома Компартии Азербайджана 18 марта 1988 г. [28].

Таким образом, мы видим, что уже с февраля–марта 1988 г. главным информационным органом сторонников Миацум в НКАО становится «Советский Карабах».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелик-Шахназаров А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта. – М.: Волшебный фонарь, 2009. – 768 с.
2. Мелик-Шахназаров А. Нагорный Карабах. Хроники ненависти. – Минск: Современная школа, 2011. – 528 с.
3. Агаев Р., Али-Заде З. Азербайджан. Конец второй республики (1988–1993). – М.: Граница, 2006. – 616 с.
4. О нас // Азат Арцах. URL: <http://old.artsakhtert.com/rus/about.php> (дата обращения: 08.06.2012).
5. Саркисян Е. Газета никогда не была слепым орудием // Азат Арцах. URL: <http://old.artsakhtert.com/rus/index.php?lang=eng&t=archive&d=04&m=07&y=2008&id=4280> (дата обращения: 08.06.2012).
6. Багдасарян Г. Ситуация со свободой слова в Нагорном Карабахе (декабрь 2001) // Центр экстремальной журналистики. URL: <http://www.cjes.ru/bulletins/?lang=rus&bid=18> (дата обращения: 08.06.2012).
7. Гулян А. Поздравления в связи с 85-летним юбилеем газеты «Азат Арцах» // Азат Арцах. URL: <http://old.artsakhtert.com/rus/index.php?lang=eng&t=archive&d=04&m=07&y=2008&id=4289> (дата обращения: 08.06.2012).
8. Журналисты на войне в Карабахе / под ред. И. Макасова. – М.: Права человека, 2002. – 183 с.
9. Внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО XX созыва // Советский Карабах. – 1988, 21 февраля. – № 43. – С. 1.
10. Решение внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО XX созыва «О ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР // Советский Карабах. – 1988, 21 февраля. – № 43. – С. 1.
11. Карапетян А. Мы не достигли окончательной цели // Карабах88. URL: <http://www.karabah88.ru/conflict/karabah/17.html> (дата обращения: 08.06.2012).
12. Григорян Л., Мхитарян А., Григорян Г. Прислушиваясь к голосу разуму // Советский Карабах. – 1988, 16 марта. – № 62. – С. 2.
13. Асриян А., Каплянян Г. С позиций здравого смысла // Советский Карабах. – 1988, 28 февраля. – № 49. – С. 1.
14. Каграманян Г. Быть трезвым // Советский Карабах. – 1988, 1 марта. – № 50. – С. 1.
15. Ни одна мать не согласится с тем, чтобы ее детям угрожали национальные распри взамен прочных уз дружбы // Бакинский рабочий. – 1988, 1 марта. – № 51. – С. 1–3.
16. Обращение Нагорно-Карабахского обкома партии и исполкома областного Совета народных депутатов к трудящимся области // Советский Карабах. – 1988, 2 марта. – № 51. – С. 1.
17. НКАО: час разума и трезвых решений. Интервью Г. Погосова с первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома партии // Советский Карабах. – 1988, 3 марта. – № 52. – С. 1.
18. НКАО: час разума и трезвых решений. Интервью Г. Погосова с первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома партии // Бакинский рабочий. – 1988, 3 марта. – № 53. – С. 1.
19. Аракелян К. Самообладание, высокая сознательность // Советский Карабах. – 1988, 10 марта. – № 57. – С. 1.
20. Фарсиян Л. С позиций принципиальности или о событиях в Нагорном Карабахе // Советский Карабах. – 1988, 11 марта. – № 58. – С. 1.
21. Газарян О. Четкий подход // Советский Карабах. – 1988, 12 марта. – № 60. – С. 1.
22. Айвазян Г. Совещание в Нагорно-Карабахском обкоме партии // Советский Карабах. – 1988, 13 марта. – № 61. – С. 1.
23. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1988 г. «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 гг.» // К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 307–318.
24. Григорян Л., Мхитарян А., Григорян Г. Прислушиваясь к голосу разуму // Советский Карабах. – 1988, 16 марта. – № 62. – С. 2.
25. Айвазян Г. С позиции правды // Советский Карабах. – 1988, 16 марта. – № 62. – С. 2.
26. Вердян А. Быть объективными // Советский Карабах. – 1988, 17 марта. – № 62. – С. 2.
27. Аветисян Н. Слово, идущее от сердца // Советский Карабах. – 1988, 17 марта. – № 64. – С. 2.
28. Информационном сообщении о пленуме Нагорно-Карабахского обкома Компартии Азербайджана // Советский Карабах. – 1988, 18 марта. – № 65. – С. 1.

Поступила 20.11.2012 г.

ГОТЫ И ИМПЕРИЯ: ВОССТАНИЕ ГАЙНЫ КАК КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Д.С. Коньков

Томский государственный университет
E-mail: dkonkov@mail.ru

Рассмотрено восстание *magister militum* войск Восточной Римской империи Гайны в 399–400 гг. Данные источников об этом восстании интерпретированы с точки зрения возможности кризиса идентичности генерала готского происхождения в условиях римской политической культуры как причины и самого восстания, и его неудачи. Сделаны выводы о ведущем значении кризиса идентичности при провале политики интеграции готов-федератов первого поколения в римскую воинскую иерархию.

Ключевые слова:

Кризис идентичности, готы, варвары, федераты, Восточная Римская империя, Гайна.

Key words:

Identity crisis, Goths, barbarians, foederati, East Roman empire, Gainas.

Переселение готов в 376 г. на территорию Римской империи создало принципиально новые условия как для готов, так и для римлян. Необходимость выработать стратегии сосуществования, найти баланс между различными ментальностями и мировоззрениями породила множество пробных попыток, альтернатив взаимодействия со стороны и тех, и других. Вторая половина IV в. является исключительно показательной для исследования вариантов развертывания варварских и римских паттернов в их взаимном пересечении. Соприкосновение и взаимопроникновение двух культур, варварства и цивилизации, порождает характерные феномены исторического сознания, коллизии, связанные в первую очередь с кризисом идентичности. Подавляющее значение римской культуры для варваров заставляет готов обостренно воспринимать собственную идентичность как не-римлян, в то же время стремясь добиться успеха и признания в римской среде.

Характерным примером трагической амбивалентности подобных ориентиров являются Трибигильд и Гайна. К сожалению, в отечественной историографии этим фигурам уделено не так много внимания, как они его заслуживают. Именно через призму событий, связанных с этими персонажами, становится очевидной проблема соотношения варварства и цивилизации, различных мировосприятий, глубина противоречий между ними, в итоге подорвавшая фундамент империи и приведшая к образованию варварских королевств. В зарубежных исследованиях, напротив, эта проблема проанализирована достаточно полно и подробно, в первую очередь, А. Камероном и Т.С. Бернсом.

О Трибигильде сведения противоречивы, поскольку он не являлся заметной фигурой в имперской политике. Однако при этом практически все аутентичные источники упоминают Трибигильда в связи с его восстанием. Сократ Схоластик и Созомен утверждают, что Трибигильд являлся родственником Гайны [1. VI, 6; 2. VIII, 4]. А. Камерон делает из этого небезыntenесный вывод, что Трибигильд, вопреки общему мнению, принадлежал

не к готам-гревтунам, а к тервингам, причем именно к тому поколению, которое начинало службу в римской армии после договора с Феодосием, подобно Фравитте и Гайне [3. P. 114]. Таким образом, это был боевой офицер с долгой карьерой за плечами. Филосторгий называет его провинциальным комитом, что является достаточно скромной должностью за столь долгий срок службы [4. XI, 8]. Все эти авторы указывают на официальный статус Трибигильда в управленческой иерархии империи.

Несмотря на то, что Зосим подчеркивает, что Трибигильд командовал не римлянами, но варварами [5. V], А. Камерон не склонен абсолютизировать это утверждение как свидетельство в пользу рассмотрения самого Трибигильда как федерата, поскольку не доверяет точности формулировок Зосима в этом вопросе; кроме того, он обращает внимание на то, что Сократ Схоластик называет Трибигильда хилиархом войск во Фригии (аналогом трибуна) [3. P. 114–115]. По словам Клавдиана Трибигильд – готский дукс конницы (*Geticae dux improbus alae hic erat*) [6. V. 186]. Помня о том, что готская конница со времен битвы при Адрианополе означала гревтунов, исследователи считают этот пассаж еще одним доказательством гревтунского происхождения Трибигильда. Однако как имперский официал, он мог быть назначен командовать войсками любого происхождения вне зависимости от своего собственного [7. P. 168]. Поэтому нет ни одного упоминания того, что Трибигильд был провозглашен своими войсками королем, подобно Алариху; его восстание рассматривается прежде всего как итог недовольства своим статусом в империи, результат незаслуженного игнорирования Евтропием его заслуг, возможно, невыплаты жалования [6. V. 188–189]. При этом в равной степени и Клавдиан, и Зосим упоминают о горячем, вспыльчивом, свирепом нраве Трибигильда как важном факторе в его восстании, очевидно, подчеркивая спонтанность и необдуманность подобного решения.

В свою очередь, Зосим, Сократ Схоластик, Созомен утверждают, что восстание Трибигильда было

заранее спланировано и инспирировано Гайной с целью узурпации власти в империи [5. V; 1. VI, 6; 2. VIII, 4]. По словам Созомена, Гайна целенаправленно набирал своих земляков и назначал родственников на посты трибунов и хилиархов, чтобы добиться собственного возвышения. С точки зрения Т. С. Бернса, это неудивительно. После убийства Руфина Гайна назначен *magister militum per Thracias* провинции, где не было военного контингента, но жили готские федераты. Как пишет Т. С. Бернс, армия Гайны существовала только на бумаге и состояла из новобранцев; он занимался рекрутированием и тренировкой новых готско-римских отрядов [7. P. 155, 169]. Отсюда вполне закономерно представляются сведения Созомена, Гайна действительно на законном основании должен был набирать в римскую армию своих соплеменников-готов, и содействие в продвижении по службе собственным родственникам не свидетельствует о злостном заговоре.

Тем не менее, А. Камерон и Х. Вольфрам расценивают подобные взгляды в источниках как небезосновательные: маневры Гайны, отправленного на подавление восстания, не поддаются, с точки зрения исследователей, другому разумному объяснению [3. P. 117; 8. С. 215]. Он совершает все возможные стратегические и тактические ошибки, ослабляя собственную армию, и под предлогом угрозы со стороны Трибигильда требует от императора Аркадия смещения Евтропия и нескольких других министров. Более того, Гайна назначает императору встречу в Халкедоне, и Аркадий приезжает на нее и заключает с Гайной договор, очевидно, практически передавая в его руки командование армией и соглашаясь на все иные условия [5. V; 1. VI, 6]. Среди этих условий присутствовала и необходимость мирного соглашения с Трибигильдом, которое и было, по всей видимости, заключено, поскольку, по словам Зосима, далее Гайна и Трибигильд действуют скоординировано, переправляясь через Геллеспонт в Европу [7. P. 171]. Очевидно, для этого Гайной и было выдвинуто требование сместить Евтропия, поскольку тот противился любым предложениям договора с восставшими.

Исходя из контекста событий, Гайна действительно добился того, что требовал от него император: смог справиться с восстанием Трибигильда. Последний вскоре умирает, восстание самопроизвольно выдыхается, формирования Трибигильда переподчиняются Гайне. Гайна с войском располагается в Константинополе в роли диктатора. Т. С. Бернс правомерно ставит вопрос о том, почему Гайна не сделал этого раньше, когда у него была возможность контролировать Восток в роли наместника Стилихона после убийства Руфина, и отвечает на него предположением, что в тот момент Гайна был на это не способен или не пожелал для себя подобной роли [7. P. 154]. Х. Вольфрам также видит Гайну как неуверенного в себе, заурядного командира, добившегося больше власти, чем он мог удержать [8. С. 215]. Т. С. Бернс, впрочем, оценивает лич-

ность Гайны не столь негативно, видя в нем ветерана военной службы, человека действия, потерявшего терпение в политике и интригах двора [7. P. 173].

Действия Гайны в Константинополе действительно напоминают мероприятия военной диктатуры, решительные и спонтанные, видимо, ситуативные. Все они указывают на то, что Гайна не выступал в качестве предводителя конкретно готского контингента и не защищал интересы готской идентичности, а был римским генералом, попытавшимся править именно римскими гражданами. Даже его требование передать одну из церквей Константинополя арианам, готам, нельзя воспринимать как проявление готской идентичности или стремление к самостоятельности готов в рамках империи, а, скорее, как прагматическое соображение для создания возможности держать в городе постоянный гарнизон из верных солдат, преимущественно готов. Более того, удовлетворение подобного требования только способствовало бы дальнейшей интеграции готов в восточно-римское общество. Однако под серьезным давлением Иоанна Златоуста император отказывает Гайне, о чем подробно говорят историки церкви Теодорет [9. P. 199–200] и Созомен [2. VIII, 4].

Отсутствие арианской церкви в городе объясняет причину, по которой Гайна был вынужден покинуть Константинополь, чтобы обратиться к богу. В этом Сократ Схоластик, Созомен и Филосторгий единодушны, излагая чудо спасения императорского дворца от варваров. При этом необходимо отметить структурные элементы мифа, в особенности проявляющиеся в повествовании Сократа Схоластика. Гайна посылает солдат, чтобы ночью поджечь дворец императора, однако на страже дворца стоят ангелы господни в облике могучих воинов, и варвары Гайны уstraшаются и возвращаются ни с чем. Трижды это повторяется, на четвертый раз (у Созомена – на третий) сам Гайна отправляется убедиться в наличии у дворца сильной охраны, однако не верит в ее божественное происхождение. Тем не менее, представившись одержимым демонами, он выезжает из Константинополя для молитвы в церкви [1. VI, 6; 2. VIII, 4; 4. XI, 8].

Зосим, в свою очередь, трактует это событие совершенно в ином ключе, как следствие усталости Гайны от военных тягот и необходимости отдохнуть в спокойствии на загородной вилле – что, с точки зрения Зосима, являлось предлогом, чтобы атаковать Константинополь и снаружи, и изнутри [5. V]. Слова христианских и языческого авторов на деле не противоречат друг другу, поскольку для христианина одержимость демонами и бесами могла непосредственно связана с упадком моральных и физических сил.

В результате отсутствия Гайны и части его отрядов населения Константинополя, возмущенное его действиями, устроило стихийную резню готов, в основном, гражданских мирных жителей, как считает А. Камерон [3. P. 144]. В этой хронологии событий, в целом, общепринятой, исследователей

смушают только слова Евнапия, упоминающего о том, что Гайна ушел из густонаселенной и роскошной гробницы, чьи обитатели еще не похоронены. А. Камерон предполагает возможность того, что Гайна покинул город только после избиения готов, опасаясь за свою собственную жизнь [3. Р. 174], однако О. Мэнхен-Хелфен выдвигает более интересную гипотезу: для Гайны, как для всех готов, римляне в городах были как птицы в гнезде, шумные, суетливые и бестолковые, и его психика не выдержала долгого пребывания в столице [10. Р. 179]. Такая точка зрения характерно обособляет готов, делает пасторальность их специфической чертой и вносит новое видение в трактовку отношений готов и римлян, однако сама по себе является спорной, хотя бы в свете того, что, будь подобное отношение к городам действительно распространено в готской среде, никакой речи о тысячах готах-жителей Константинополя не могло бы идти.

Кроме того, А. Камерон сомневается в мотивах Гайны к уходу из Константинополя, предложенных Зосимом [3. Р. 202]. В подробном анализе этого эпизода исследователь раскрывает также и значимый в контексте взаимоотношений готов и римлян вопрос о составе войск Гайны. Действительно, все источники, рассматривающие восстание Гайны, и в первую очередь Зосим, указывают на то, что Гайна возглавлял варваров-готов. Однако при этом очевидно, на что указывает А. Камерон, что, будучи назначен *magister militum praesentalis*, Гайна командовал не только федератами, но и собственно регулярной римской армией [3. Р. 204–205]. В небольшой степени подтверждают тот факт, что в армии Гайны присутствуют непосредственно сами римляне, изображения триумфальной колонны Аркадия, посвященной победе над мятежным генералом: Т.С. Бернс отмечает, что в сценах битв на этой колонне нет никаких особо отличающихся внешним видом варваров, все фигуры одеты в стандартные римские воинские облачения [7. Р. 174]. Сам Зосим говорит о том, что у Гайны были последователи-римляне [5. V]. Таким образом, Гайна получил высшую военную должность Восточной империи, все его требования выполнялись императором, семья жила в поместье в Константинополе, войска состояли из тех же римлян — никакого резона замысливать ограбление города или сожжение императорского дворца, как убежден А. Камерон, у него не могло быть. Единственное объяснение подобных сведений у Зосима, затем подхваченных другими авторами, для А. Камерона состоит в том, что Зосим писал свою хронику после 410 г., то есть после сожжения Рима Аларихом, и допустил сознательную или безотчетную контаминацию фигур Гайны и Алариха [3. Р. 205–206]. Между тем, если для Алариха сожжение Рима было актом возмездия за неоднократные неудачные попытки осады, устранения равеннского правительства ради выгодного соглашения — характерная для Алариха тактика, как было рассмотрено выше, — то у Гайны и так уже было все, что он хотел и к чему стремился.

Некоторую ясность в события в Константинополе, связанные с Гайной и готами, вносят сведения Синезия в его эссе *De providentia*, проанализированное в этом контексте А. Камероном. Синезий пишет о том, что на войска готов, находящихся в городе, внезапно напал панический ужас, внесший хаос и беспокойство в их ряды и заставивший в итоге их бежать. Происхождение этого беспричинного ужаса Синезий связывает с божественными силами [11]. Как заметно, элемент божественного вмешательства, одержимости, устрашения присутствует практически у всех авторов источников, кроме совершенно рационального в этом месте Зосима. Однако слова Синезия наиболее весомы, так как он был очевидцем описываемых событий. Он в подробностях говорит о том, что командир готов был поражен ужасом, приходившим по ночам, и этот ужас распространился на все его войска. Синезий предполагает, что причиной этого были корибанты, мифические жрецы Кибелы. Учитывая вакхическую природу корибантов и трактовку Кибелы в синкретическом римском пантеоне как покровительницы империи, подобное предположение объяснимо. Готы, по словам Синезия, то хватались за оружие, угрожая неведомому врагу, то жалко тряслись в страхе. В конечном итоге они решили покинуть город, вместе с семьями и имуществом. Синезий также описывает ситуацию, приведшую к эскалации конфликта между готами и жителями Константинополя: уходящих заметила старуха и обратила против них гнев окрестных жителей словами, явно исходящими от самого Синезия — критикой готов за их пренебрежительное отношение к благам империи, чести гражданства и службы Риму. Готы попытались ее убить, однако некто божественный в облики человека обратил оружие готов против них самих [12].

А. Камерон трактует рассказ Синезия как отражение роста напряжения между римлянами и готами в результате непопулярных действий Гайны. Последний становится ненавистен жителям Константинополя, это отношение переносится на его войска и в целом готское население города. Отсюда тревога, которая обуревает готов в Константинополе, как предчувствие столкновения [3. Р. 217]. Именно поэтому и Гайна представляется одержимым демонами — это можно трактовать как тревогу и панические состояния — и предпочитает выехать из города, так же поступают и ряд готских семей. Следует сделать вывод, что именно это спровоцировало население Константинополя к восстанию и массовой резне готов. При этом недовольство было направлено скорее персонально на Гайну, нежели на готов вообще; резко антиварварские взгляды Синезия были более исключением, чем правилом. Против преемника Гайны на посту *magister militum Фравитты*, также гота, ни население, ни правительство не высказали возмущения. Следовательно, именно действия Гайны и его решения повлекли за собой подобные последствия, свою роль сыграли особенности его личности и личных установок.

Переворот Гайны являлся очередной попыткой осуществления интеграции варварской и римской идентичностей на основе римских механизмов властного взаимодействия. Полководец варварского происхождения, не меняя структуры римского управления, попытался ее контролировать [13. Р. 84]. Однако его методы не смогли обеспечить прочное положение, а император при первой возможности объявляет его врагом народа. Более того, императору оспаривается лояльность другой генерал-гот, Фравитта, благодаря которому Гайна терпит поражение. Следовательно, имперские институты во времена Гайны сохраняют общественную поддержку и авторитет, в том числе и среди готов, а способность Гайны контролировать императора и горожан была им переоценена. Гайна не решается на прямое свержение императора и вообще, судя по характеристике источников, не очень понимает, что должен делать в сложившейся ситуации.

В то же время характерны ожидания римлян от правления Гайны: разорение и погромы, убийства и казни – в отношении не только жителей Константинополя, но и всей империи [1. VI, 6]. И Зосим, и Филосторгий, и Созомен убеждены в планах Гайны взять и разграбить столицу [2. VIII, 4; 4. XI, 8; 5. V]. Никакого разумного основания для подобного убеждения, кроме идентификации Гайны с обобщенным образом варвара в сознании этих историков, предложить невозможно. Действительно, упрочению стереотипного понимания готов как стихийной разрушительной силы способствовали и готские войны Феодосия Аларих, и Трибигильд.

Гайна же, очевидно, претерпевает кризис идентичности, поскольку реализуемый им сценарий выходит за рамки габитуального поля племенного сознания гота, римского федерата или генерала. Он добивается высшего военного поста при дворе, получает привилегии и практически неограниченную власть, очевидно, ориентируясь на своего бывшего командира Стилихона. Однако Гайна встречается с принципиально иным отношением к своим действиям, нежели ожидал, и ситуация в Константинополе этим отличается от ситуации в Риме. Этим объясняется его нерешительность и упущенные возможности при благоприятных обстоятельствах. Более того, столкнувшись с противостоянием в Константинополе и угрозой со стороны войск Фравитты, Гайна предпочитает отступить сначала во Фракию, а оттуда – в Малую Азию.

Оценка источниками Гайны здесь расходится, поскольку мотивы его действий описаны, исходя из разных идентичностей. Зосим и Филосторгий считают Гайну в первую очередь варваром, предполагая главной его целью грабежи и разорение римских земель. Сократ Схоластик и Созомен, напротив, контекстно характеризуют Гайну как узурпатора власти, стремящегося к императорскому престолу, восточные провинции должны были бы стать опорой для осуществления этой цели. Х. Вольфрам

полагает, что в Малой Азии Гайна рассчитывал на поддержку своих соплеменников, то есть расценивает этого персонажа в первую очередь как гота [8. С. 216]. Эти разночтения отражают не только отличия во взглядах авторов, но и собственно суть личности Гайны в этот период – фрустрация, распад сложившихся паттернов и установок, кризис самоопределения. Потерпев неудачу в поисках места в римской социально-политической системе, Гайна закономерно обращается к своему готскому альтер эго, но при этом пытается использовать умения, полученные на службе Риму. Отступление в Малую Азию целесообразно и с позиций варвара-гота, и с точки зрения римского командира.

Будучи разгромленным при переправе Фравиттой, Гайна, по свидетельству Зосима, бежит за Дунай, на землю своих предков, предварительно казнив всех сопровождавших его римлян [5. V]. Невозможно придумать более символический жест отказа от всего римского. Неудачи преследуют Гайну там, где он следует римским принципам, и он обоснованно может сделать вывод о необходимости полного отказа от них, закрепляя это решение убийством собственных сторонников-римлян. Уходя за Дунай, Гайна пытается полностью избавиться от всего римского наследия, любых элементов физической и духовной связи с римским габитусом.

Х. Вольфрам считает, что Гайна за Дунаем пытался возродить готское потестарное единство, его войска стали центром сопротивления гуннам и знаменем антигуннской борьбы для задунайских готов, поэтому для гуннов было принципиально уничтожить этот очаг сопротивления и его потенциального вождя [8. С. 216]. Эту точку зрения поддерживает и О. Мэнхен-Хелфен, отмечая, что голова Гайны была доставлена в Константинополь за 11 дней – это означало, что Гайна переправлялся через Дунай в районе ближайшей к Константинополю и самой лучшей дороги и мгновенно был перехвачен гуннами [10. Р. 59]. Это говорит, с одной стороны, о стремлении Гайны покинуть границы империи по возможности скорее, а с другой, – об отсутствии в его действиях рационального содержания, исключительно эмоциональной и негативной мотивации поступков. Учитывая потери в его войсках и убийство римлян, силы Гайны явно были немногочисленны, а переправляясь в столь очевидном месте, он неприкрыто подставлял их под удар гуннов.

В целом, факт отправки гуннами в Константинополь головы Гайны, сохраненной в соли (о котором упоминает и Филосторгий [4. XI, 8]), вызывает сомнение в том, что Гайна представлял для гуннов какого-либо рода опасность, в противном случае интересы Константинополя для гуннов не имели бы значения. Образ действий гуннов скорее подразумевает стремление получить награду за казнь бежавшего преступника. Отсюда переход Гайны через Дунай следует расценивать как сознательный и несколько ритуализированный суицид человека,

утратившего жизненные ценности и ориентиры, но существующего в рамках родовой системы и глубоко привязанного к своим корням.

Выводы

При сохранении собственно готской идентичности, что имело место в случае данных прецедентов, паттерны традиционного сознания отношения к императору как к верховному вождю, военачальнику и дарителю заставляют воспринимать как оскорбление игнорирование воинских заслуг и понижение статуса, мнимое или действительное. Недовольство и восстание, начинающиеся в подобных ситуациях, по сути, вызваны желанием сохранить лицо, однако в рамках империи с необходимостью приобретают иной контекст — варварского набега. Однако в этом случае многогранность идентичности готских командиров римской армии играет роль предопределения развертывания системных событий. Потестарная структура империи предполагает ординарный механизм перехода властных

полномочий через военную узурпацию, появление солдатских императоров; отсюда успешное восстание, каковым было восстание Гайны, исходя из имперских системных трендов, должно закончиться инаугурацией нового императора. Однако действия Гайны определяются варварской идентичностью и не имеют целью или даже возможностью смену императора; Гайна желает только утвердить свой статус и авторитет. Критическое несоответствие ожиданий обеих сторон, когнитивный диссонанс ментальностей обуславливает растерянность Гайны и агрессию жителей Константинополя. В результате Гайна, не найдя вариантов выхода из создавшегося положения, демонстративно отрекается от имперского начала как предательского и предпочитает погибнуть в бою с гуннами, традиционным врагом и такими же варварами, чей контекст сознания более для него очевиден. Пример Гайны чрезвычайно показателен с точки зрения конфликта идентичностей, с которым сталкивались, потенциально или актуально, варвары на службе империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. VI, 6. — New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. — 773 p.
2. The Ecclesiastical History of Sozomen // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. VI, 6. — New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. — 773 p.
3. Cameron A., Long J., Sherry L. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. — Berkeley: University of California Press, 1993. — 441 p.
4. Epitome of the Ecclesiastical History of Philostorgius URL: <http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/philostorgius.htm> (дата обращения 22.12.2011).
5. Zosimus. New History. — London: Green and Chaplin, 1814. — 249 p.
6. Claudian. In Eutropium II URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/L/Roman/Texts/Claudian/In_Eutropium/2*.html (дата обращения 22.12.2011).
7. Burns T.S. Barbarians within the Gates of Rome. — Bloomington: Indiana University Press, 1994. — 417 p.
8. Вольфрам Х. Готы. — СПб.: Ювента, 2003. — 656 с.
9. The Ecclesiastical History of Theodoret. — USA: Kessinger Publishing, 2004. — 220 p.
10. Maenchen-Helfen O. The world of the Huns: studies in their history and culture. — Berkeley: University of California Press, 1973. — 602 p.
11. Synesius' Egyptian Tale. 2.1 URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_providence2_1.html (дата обращения 22.12.2011).
12. Synesius' Egyptian Tale. 2.2 URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_providence2_2.html (дата обращения 22.12.2011).
13. Treadgold W.T. A history of the Byzantine state and society. — Stanford, California: Stanford University Press, 1997. — 1019 p.

Поступила 18.01.2012 г.

УДК 930.1

Г.П. ФЕДОТОВ О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ В ТРУДАХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Ж.А. Гумерова

Томский государственный университет

E-mail: janet80@inbox.ru

Показана интерпретация Г.П. Федотовым концепции русской истории В.О. Ключевского, раскрытие им актуальных и неактуальных элементов этого образа для русской исторической науки XX в. Сделан вывод о том, что Г.П. Федотов, признавая научные завоевания В.О. Ключевского, предлагает новое видение истории, новый образ истории России, являющиеся отражением историко-теоретических идей начала XX в.

Ключевые слова:

Русская историография XIX века, концепция русской истории, национальный характер, духовная культура.

Key words:

Russian historiography of the XIXth century, concept of the history of Russia, national character, spiritual culture.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовали кризис исторической науки, отражающий внутренние тенденции развития научного знания. Это время характеризуется поисками новой модели исторического исследования и, соответственно, переосмыслением прежней историографии. В последней четверти XIX в. в среде историков происходит смена акцента в изучении истории государственно-политической на постижение истории как проблемы культуры. Идея культуры в целом становится средоточием как зарубежной, так и русской историко-философской мысли. На Западе историко-культурное направление представлено именами Я. Буркхардта, К. Лампрехта, Э. Готейна, в России, прежде всего, – петербургской школой медиевистики. И тех и других объединяло обращение к культурному языку определенной эпохи, акцентирование внимания на «культурной истории» (Л.П. Карсавин), но не политической или экономической. В этом же направлении развивалось творчество Г.П. Федотова (1886–1951), русского религиозного мыслителя, историка, публициста. Его историософия была акцентирована на проблеме культуры – мыслитель излагал события прошлого через ее призму, обращался к проблемам культуры настоящего и будущего, а также рассматривал ее теоретические аспекты. Данный подход он использует и при изучении истории России. Г.П. Федотов предлагает иное ее видение, тем самым показывает новые многообещающие пути для русской исторической науки. Для этого ему необходимо было исследовать подходы и методы, используемые ранее.

Федотов обращается к фигуре В.О. Ключевского, а точнее, к его концепции русской истории. Для русского зарубежья в целом, и для Федотова в частности, Ключевский был значимой фигурой, пожалуй, одной из наиболее значимых в историографии XIX в. Русские мыслители-эмигранты ссылались на его работы как на константную величину, не требующую критического анализа [1, 2]. Г.П. Федотов не был исключением в пиетете к В.О. Ключевскому, однако был далек от того, что-

бы сделать из него кумира, более того, он был одним из первых исследователей, попытавшихся критично интерпретировать его творчество. Здесь сказывался тот факт, что Г.П. Федотов, в отличие от большинства эмигрантов, был профессиональным историком. Еще в одной из первых своих работ он заявил о желании переписать историю России, поставить иные акценты, отличные интересам историков прошлого [3. С. 44]. Федотовское исследование творчества В.О. Ключевского характеризовалось выявлением общественных влияний, течений мысли, определявших специфику схемы русской истории, обнаружением актуальных и соответственно неактуальных элементов этого образа для русской исторической науки XX в. и Г.П. Федотова в частности.

Заметим, что Федотов обращался не только к наследию В.О. Ключевского, но и к таким представителям русской историографии XIX в., как С.М. Соловьев и Б.Н. Чичерин, взгляды которых рассматриваются, в частности, при изучении творчества В.О. Ключевского. Не раз упоминает он имена Ф.Ф. Аристов, А.П. Шапова, Н.И. Костомарова, как представителей русской этнографии. Так, имя последнего употребляется Г.П. Федотовым в большей части в положительном ключе [4. С. 330; 5. С. 144]. Он явно симпатизирует взглядам Н.И. Костомарова, в частности вносимой им в историческое исследование «национальной окраски». Разделяет Федотов и отрицательное отношение к применению гегелевских идей к отечественной истории, в том числе идеи закономерности, внутренней обусловленности исторического процесса [5. С. 145]. Однако мыслитель указывает на ограниченное удовлетворение требованиям эпохи взглядов этнографической школы, народнического направления. Поэтому внимание его сосредотачивается на фигуре В.О. Ключевского, созданном им образе России – «это не одна из многих, а единственная Русская История, на которой воспитаны два поколения русских людей. Для всех нас Россия в ее истории дана такой, какой она привиделась Ключевскому» [4. С. 329].

Выдающемуся историку второй половины XIX в. Г.П. Федотов посвящает отдельную работу под названием «Россия Ключевского» (1932). Общую тональность работы можно определить как критический анализ установок в интерпретации русской истории В.О. Ключевского, рассмотрение их как историографического факта прошлого, ибо «время ждет нового построения, нового мастера, который отлил бы накопившийся материал исследований в новую форму» [4. С. 330]. Впрочем, это не исключало признания научных завоеваний классика русской исторической мысли XIX в. Итак, Г.П. Федотов исследует элементы, из которых сложился образ России историка, а также определяет место, занимаемое В.О. Ключевским в дореволюционной историографии.

В своих работах В.О. Ключевский использовал ряд установок государственной школы, что позволяет некоторым авторам рассматривать его как приверженца указанного направления, но концептуально далеко не во всем с ним совпадающего [6. С. 316]. Г.П. Федотов выявляет темы, которые историк перенял у С.М. Соловьева – колонизация Суздальской Руси, рост Москвы, предпосылки Петровских реформ в XVII столетии. Отмечает он и влияние Б.Н. Чичерина, отразившееся в обращении к таким темам, как крепостное право, земские соборы, удельная эпоха. Тем не менее, Г.П. Федотов проводит линию разрыва в историографии между представителями государственной школы и В.О. Ключевским. Основанием тому послужило отсутствие в исторической концепции последнего анализа вопроса о всемирно-историческом месте России, о смысле древнерусской культуры, что Федотов рассматривал как большой ее недостаток. Данный факт мыслитель объяснял временем, в которое формируются основные идеи и мысли историка – В.О. Ключевский был шестидесятником (к семидесятым годам у него уже сложилось видение русской истории), а шестидесятники «сняли с порядка дня тему исторических идей» [4. С. 334], и потому оказались к ней глухи. Революция поставила проблему русской идеи, которая не поднималась в истории В.О. Ключевского, следствием чего возникла необходимость возвращения к проблематике сороковых годов и переосмыслению спора между западниками и славянофилами, который в XX в. был поставлен на совершенно новый уровень. Г.П. Федотов отмечает, что специфику русского исторического развития можно определить путем сравнительно-исторического анализа, который был заявлен в первых лекциях «Курса русской истории», однако отсутствовал в самой работе. Потому он предлагает отказаться от «местной», «тесной» истории В.О. Ключевского и выйти на мировые просторы.

Основные методологические установки Ключевского содержатся в «Курсе русской истории», многотомном труде, явившимся изложением лекций, читавшихся историком в Московском университете и «шлифовавшихся» в течение многих

лет. Работа охватывает период с древнейших времен по XIX в., в свою очередь разделенный на четыре этапа, в основе которых лежат этапы колонизации, «смена исторически вырабатывавшихся у нас складов общежития» [7. С. 53], а также политический, социальный и экономический факторы. Об этом говорят названия периодов: Русь Днепровская, городская, торговая; Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольноземледельческая и т. д. То есть исторический процесс представлялся как «взаимодействие исторических сил», каждая из которых в конкретный момент может приобрести определяющее значение. В «Курсе» проявляется важная черта, обозначившая новый подход к изучению истории – это обращение к экономическим и социальным процессам, жизни различных слоев общества (деление общества на классы рассматривается по экономическому и сословно-нравственному основанию), взаимоотношений между ними, но не к истории государства и права, находящимся в центре исторической школы сороковых годов. В интересе В.О. Ключевского к низшим классам, обращении к «физиологии» общественной жизни Г.П. Федотов справедливо отмечал черты, присущие реализму и народничеству, что подтверждало его мысль о том, что шестидесятые и семидесятые годы не прошли бесследно для историка. Обнаруживая влияние времени на предмет исследования В.О. Ключевского, он, тем не менее, подчеркивал, что творчество жизни не убило в историке творчество культуры – «Ключевский один оправдывает собой шестидесятые годы» [4. С. 330].

Интерес В.О. Ключевского к социальным слоям общества проявился уже в докторской диссертации «Боярская Дума Древней Руси», где историк обращает внимание «на то, в чем выражалась непосредственная связь учреждения с обществом, на социальный состав думы, на происхождение и значение классов, представители которых находили в ней место» [8. С. 14]. Федотов отмечал плодотворность и новизну подхода В.О. Ключевского, как особое научное завоевание рассматривал его характеристику смены различных слоев московского боярства и служилого класса, однако видел значительную потерю в игнорировании истории государства и права, следствием чего стали «слабость формально-логической структуры, нечеткость исторических понятий» [4. С. 336]. Непосредственно в истории В.О. Ключевского это нашло отражение в игнорировании судеб Литовской Руси и Украины, отсутствии изображения государственного роста и внешней политики, резкости отрыва великорусского периода от киевского. Данная черта рассматривалась Г.П. Федотовым как еще одна, отличающая подход В.О. Ключевского к историческому процессу от подхода государственно-правовой школы.

Г.П. Федотову представлялось важным изучение истории государства – для него государство являлось той «плотью», в которой существует культура – «плоть России есть та хозяйственно-полити-

ческая ткань, вне которой нет бытия народного, нет и русской культуры» [3. С. 45]. Так, он замечает, что отсутствие в «Курсе» В.О. Ключевского проблемы создания и роста Империи имело и такое следствие, как недостаточное освещение негативных сторон построения государственности, раскрытия всего комплекса национальных и имперских проблем. В отличие от В.О. Ключевского, он настаивает, что строительство Империи происходило путем завоевания территорий, но не мирной экспансии, колонизации. Следствием экспансии в московский период стало самодержавие, а возможность продления каторжной Империи виделась в тоталитаризме. Результатом и того и другого становилось удушение свободы, одного из элементов христианской культуры.

Исследование представлений В.О. Ключевского об историческом процессе приводит Г.П. Федотова к заключению об органичности его взглядов идеями времени. Так, изучение государства с точки зрения прослеживания взаимовлияния государства и народа, а не уяснения механизма функционирования правительственных учреждений, было близко «отвращению русских социалистов шестидесятых и семидесятых годов к «чистой» политике, к юридическим формулам либерализма» [4. С. 337]. В.О. Ключевский, по мысли Г.П. Федотова, создаёт картину представлений о государстве в сознании народа – отношение населения к государству, определение значения государственных органов в сознании людей, а также картину обратную – отражение на психологии народа воздействия власти.

Заметим, что выявление ментальных характеристик народа объяснялось рассмотрением В.О. Ключевским истории как процесса народно-психологического, но не логического, характерного для построений С.М. Соловьева. Его интересовала внутренняя природа человека, определяемая сочетанием внешних и внутренних условий развития. Потому он рассматривает комплекс факторов, оказавших влияние на исторический процесс и формирование национального характера. Исследовательский метод В.О. Ключевского формировал представление о том, что личность является порождением исторических условий. Он учитывал изменчивость исторических событий, способствующих внесению новых характеристик в национальный характер. Однако в силу объективно-стихийного характера истории замечал и влияние обратного характера, хотя и ограниченное – влияние личности на ход истории. В.О. Ключевский полагал, что «умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития» [7. С. 58]. Г.П. Федотов, полностью разделяя эту мысль историка, – главным героем истории является человек [9, 10], – с сожалением замечал, что в его историческом построении это убеждение не отразилось [4. С. 342].

Исследование национального характера проводилось В.О. Ключевским с точки зрения влияния

природного фактора – «внешняя природа ... наблюдается как сила, поскольку она влияет на быт и духовный склад людей» [7. С. 40]. Ключевский дает красочную картину влияния различных составляющих природной зоны России на психологическую характеристику великоросса, образ жизни и экономический строй [7. С. 82–88, 312, 315–317]. В характеристике географической природы русской земли, русского быта народа Г.П. Федотов справедливо видел влияние этнографической школы шестидесятых годов. Несмотря на то, что он не принимал ее натурализма, результатом чего становилось «привнесение в жертву интереса им (низшим классам – Ж.Г.) культурной утонченности и сложности» [4. С. 332], Федотов признавал проницательность Ключевского-художника, создавшего классическую характеристику великоросса.

Отметим, что историко-культурная тема, занимающая определяющее место в концепции Г.П. Федотова, освещается и в «Курсе» В.О. Ключевского, однако очень лаконично. Ключевский затрагивает проблему культурного диалога с Византией (X–XVII вв.) и Западом (XVII–XX вв.) и рассматривает ее как проблему влияния – влияния византийского, направленного к религиозно-нравственным целям и имеющего положительное значение в той духовной цельности, которую придавало всем классам общества, а также в том, что оставляло простор самобытному национальному творчеству [11. С. 244–245]; и как влияния западного, постепенно проникающего во все сферы жизни, изменяющего понятия и отношения, «напирающего», по мнению великого историка, на государственный порядок, общественный и буднично-быт, в целом перелицовывающего наружный вид и перестраивающего духовный склад русского человека [11. С. 244]. Изучение других работ историка дает более полное представление о специфике изложения им рассматриваемого вопроса [12, 13].

Тем не менее, в «Курсе русской истории» отсутствовало исследование духовной культуры, что рассматривалось Г.П. Федотовым как существенный недостаток. Причину Федотов видел не в некомпетентности историка, призванного для синтетического построения всей русской культурной истории [4. С. 340], но в требовании своего времени – «он чувствовал себя обязанным оправдывать свою историческую работу перед судом Социологии» [4. С. 340]. Еще в своих первых работах Г.П. Федотов замечал, что ранее интерес историков привлекала история социальная, затенив «глубокое духовное содержание» [3. С. 40], что прежде русские историки не пытались учесть «накопившийся материал специальных исследований для постановки общих вопросов древнерусской культуры» [4. С. 348]. И В.О. Ключевский в этом плане не был исключением для Г.П. Федотова – в его истории он также не видел изложения эстетических идеалов и идейного содержания древнерусской культуры. Как уже отмечалось, В.О. Ключевский подходил к изучению истории с точки зрения выявления социаль-

ной и экономической составляющих, что не позволило ему, в частности, выявить ценную информацию при изучении агиографических памятников. Так, Г.П. Федотов объяснял неудовлетворение В.О. Ключевского выводами, сделанными им в титанической работе «Древнерусские жития святых как исторический источник» личным подходом историка, обратившегося к источнику не как к памятнику духовной жизни, но как к материалам по изучению колонизации древнерусского Севера [14. С. 9]. Это, однако, не мешало мыслителю положительно оценить ту большую работу, которую проделал Ключевский-исследователь при изучении исторического источника.

Г.П. Федотов обратил внимание на то, что В.О. Ключевский, отказавшись от социологического истолкования духовной культуры, от ее механизации, направил творческую энергию на одухотворение истории социальной и экономической: «Сочинения Ключевского могут служить превосходным материалом для построения психологии и идеологии «православного», то есть церковно-бытового хозяйства. Задолго до Макса Вебера, Ключевский, не теоретизируя, нащупал религиозно-психологические основы хозяйства» [4. С. 339]. Так, экономическая сторона жизни рассматривалась им с точки зрения выявления особенностей быта и нравственных основ жизни.

Историк создает портреты определенных социальных групп, выявляет их характерные черты – портреты московского князя XIV–XV вв., служилого человека, московского боярина и, таким образом, затрагивает проблему исторических типов: «...из отдельных лиц составляются постоянные союзы, переживающие личные существования и образующие более или менее сложные *исторические типы*» [7. С. 41]. Заметим, что рассмотрение социальных слоев общества явилось следствием социологического подхода к истории, однако В.О. Ключевский, как верно заметил Г.П. Федотов, создал социальную характерологию, выходящую за узкие рамки социологической схемы. В своих изысканиях В.О. Ключевский учитывал законы социально-исторической психологии и законы психологии конкретной исторической личности, обращал внимание на взаимовлияние индивида и общества в формировании системы ценностей – «между индивидуальным умом и коллективным сознанием происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок ... воспитывает характеры, служит предметом личных убеждений ... и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание» [7. С. 54].

Целью воссоздания исторических типов являлось выявление их роли в жизни общества и постижение исторического процесса. Данный подход был характерен и для работ Г.П. Федотова, но с тем условием, что его интересовала духовная и этическая сторона жизни.

В многочисленных речах В.О. Ключевского, не вошедших в «Курс русской истории», Г.П. Федо-

тов отмечал обращение к нравственной стороне жизни, к духовной составляющей русского человека. Это рассмотрение влияния христианства, проявившегося в глубоком проникновении в душу человека Древней Руси такой заповеди как любовь к ближнему; наблюдение целительной силы милостины, заключающейся в сострадании, переживании чувства человеколюбия [15. С. 78]; признание важности заповеди любви к ближнему в нравственных установках русского человека в современном ему обществе. Обратил внимание Г.П. Федотов и на то значение, которое В.О. Ключевский придавал святым, их воздействию, прежде всего, на дух всего общества. В частности, он отметил статью «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства», в которой В.О. Ключевский показал огромную роль святого, рассмотрел его в качестве вечно деятельного нравственного двигателя, составляющей духовного богатства народа [16. С. 75]. Значение святого виделось историку в нравственном уроке, который тот преподавал русскому обществу, благодаря которому стали возможны культурно-религиозное и политическое возрождение. В.О. Ключевский представил не только религиозное, но и общественное, государственное значение Сергия Радонежского, в связи с этим у Г.П. Федотова возникал вопрос об отсутствии даже упоминания этого имени в «Курсе» В.О. Ключевского. Ответ он видел опять же в столкновении давления исторической схемы на историка с его внутренней потребностью, следствием чего обнаруживалась противоречивость исторической концепции последнего.

Несмотря на то, что нравственный, психологический образ человека Древней Руси, созданный В.О. Ключевским в рамках историко-социологического подхода, необходимо вычленять и собирать из этнографических характеристик, разнообразных сторон экономической жизни, социальных отношений, а также из различных его исследований, Г.П. Федотов отмечал в этом интересе к изучению духовной культуры прошлого чуткость и широту ума историка.

Итак, фигура В.О. Ключевского занимает одно из ведущих мест в федотовском исследовании русской историографии XIX в., что объяснялось в целом большой значимостью его наследия в начале XX в., рассматривающегося как константная величина, не требующая критического изучения. Исследование Г.П. Федотовым образа истории России В.О. Ключевского выявило взгляды мыслителя на исторический процесс, расхождения с историком, заключающиеся в следующем: Г.П. Федотов говорит о необходимости изучения вопросов истории государства, государственного роста, внешней политики России, вскрывающих комплекс национальных и культурных проблем страны. Мыслитель поднимает вопрос о всемирно-историческом месте России, смысле русской культуры, что требует отказа от «местной» истории В.О. Ключевского. Г.П. Федотов акцентирует внимание на духовной

культуре, через призму которой рассматривает исторический процесс – «политико-экономические кризисы являются лишь отражением более глубокого кризиса, протекающего во всех сферах культуры. Их источник в тяжелом недуге духа, который творит эту культуру» [17. С. 82]. В специфике изучения В.О. Ключевским общественного сознания, обращения к историко-культурной теме он видит влияние социального заказа времени, а также порой и «нечувствие» художника: «Автор «Русских житий», по принципиальному воздержанию, с од-

ной стороны, и по нечувствию – с другой, не пожелал оценить этой эпохи как золотого века русской святости. Но остается фактом: он оценил положительную работу этих веков, завещав будущему их углубленное изучение» [4. С. 344]. Таким образом, Г.П. Федотов возвращается к проблематике 1840-х гг., однако исследует ее в культурологическом аспекте, он «пробует» ниши, до которых не дошел В.О. Ключевский, исследует историю России не только как историю культуры, но изучает проблему на путях религиозности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.
2. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Степун Ф.А. Сочинения. – М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – 1000 с.
3. Федотов Г.П. Лицо России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории культуры: в 2 т. Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 42–46.
4. Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 329–348.
5. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. – М.: Мартис, 2004. – С. 127–153.
6. Медушевский А.Н. Историческая концепция Ключевского // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Прометей, 1991. – С. 305–321.
7. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
8. Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди древней Руси. – М.: Ладомир, 1994. – 570 с.
9. Федотов Г.П. Христианская трагедия // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. – М.: Мартис, 2004. – С. 323–339.
10. Федотов Г.П. Правда победленных // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 15–40.
11. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
12. Ключевский В.О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей // Ключевский В.О. Православие в России. – М.: Мысль, 2000. – С. 430–522.
13. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
14. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. – М.: Мартис, 2000. – 266 с.
15. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 77–94.
16. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 63–76.
17. Федотов Г.П. Как бороться с фашизмом? // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Мартис, 2004. – С. 67–84.

Поступила 21.01.2012 г.

Summaries

UDC 519.865

**Andreeva U.V., Danilyuk E.Yu., [Demin N.S.],
Rozhkova S.V., Pakhomova E.G.**
**APPLICATION OF PROBABILITY METHODS
TO INVESTIGATION OF EXOTIC PURCHASE OPTIONS
OF EUROPEAN TYPE BASED ON EXTREME VALUES
OF RISK ASSETS PRICE**

The article considers two types of exotic purchase options of European type in diffusion model of (B, S) -financial market based on extreme values of risk assets price on which the dividends are paid. The authors have obtained the formulas determining the options prices, portfolios (hedging strategies) and capitals conforming to them. The paper considers the properties of the solution.

UDC 519.865

**Andreeva U.V., Danilyuk E.Yu., [Demin N.S.],
Rozhkova S.V., Pakhomova E.G.**
**EUROPEAN PURCHASE LOOK BACK OPTION
WITH FLOATING STRIKE**

The authors consider the exotic purchase options of European type on diffusion (B, S) -financial market based on extreme values of risk assets price on which the dividends are paid. The authors have obtained the formulas determining the options prices, portfolios (hedging strategies) and capitals conforming to them. The paper considers the properties of the solution.

UDC 621.37

Barysheva G.A., Cherdantseva I.V.
**MIGRATORY PROCESSES DURING
THE INNOVATIVE REFORMATION
IN REGIONAL ECONOMICS**

The paper considers the issues of migration flows intensity by the example of Tomsk region; the authors analyze the migratory statistics, determine migration tendencies, estimate the influence of foreign labor on labor market and propose the ways of increasing the migration attractiveness of the region.

UDC 336.71:378.09(47+57)

Nikulina I.E.
**RUSSIAN BANKING SYSTEM: DEVELOPMENT
PROBLEMS AND INTERRELATION WITH UNIVERSITIES**

The author has studied the role of Russian banking system in development of school of economics infrastructure including universities. The problems of Russian banking system have been analyzed. These problems are still the barriers for Russia to surmount the crisis; they don't promote the development of universities. The article introduces the directions of joint financial interests and contact points of commercial interests of banks and universities.

UDC 620.9:658.5

Yakovlev A.S., Barysheva G.A.
**ENERGY EFFICIENCY AND ENERGY CONSERVATION
IN RUSSIA AGAINST THE BACKGROUND
OF FOREIGN COUNTRIES EXPERIENCE**

The article is devoted to the problems and prospects of development of legislation on energy conservation and growth of energy efficiency. The authors pay attention to the direct incentive schemes of energy conservation which should be applied only to the direct consumer of energy resources or to the manufacturer of energy efficient technologies. The incentive schemes in different countries have been analyzed; the article introduces the results of the analysis.

UDC 332.122

Engelbrekht-Zenkina Z.V.
**INNOVATIVE STATUS OF METROPOLITAN
REGION RHEIN-NECKAR IN THE SYSTEM
EUROPEAN METROPOLITAN REGIONS**

The article considers the necessity of analyzing the innovative area of European Metropolitan regions and a separate Metropolitan region in Germany, the role of innovation infrastructure of Rhein-Neckar area in developing the competitive regional economics. Regional innovative economics of Metropolitan region with its innovation infrastructure and strategy is interesting as the innovative experience for Russian technology development zones.

UDC 338.242.4

Antonova Z.G.
**STRATEGIC DEVELOPMENT OF RUSSIA
AT THE PRESENT STAGE**

The author has considered the issues of strategic development of Russia and determined the main reasons of losing the positions on the world and domestic markets. The issues mentioned are connected with imperfection of law and tax policy as well as with financial crisis and general problems of national economics. It was ascertained that Russian innovative component and modernization of the economy are the conditions for conserving Russia positioning in the present-day world for a variety of objective external and internal circumstances. Under reforming the national economics the author considers the strategic development in terms of the new Concept of the country long-term development creating the investment-innovative climate. The latter would enhance the economic growth of the country and turn Russia into a leading world power by developing state-corporate sector of economy.

UDC 332.334.4:62:330.322.2(985)

Bolsunovskaya L.M., Bolsunovskaya Yu.A.
**THE IMPACT OF RISKS ON INVESTMENT POTENTIAL OF
ARCTIC CONTINENTAL SHELF OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The authors have analyzed the factors of forming the investment climate as well as the types of risks affecting the investment potential of Arctic continental shelf of the Russian Federation. The article describes the consequences and the degree of their impact on implementation of oil and gas projects in the region.

UDC 330.101

Sklyarova E.E.
**THE PROBLEM OF ESTIMATING THE EFFICIENCY
OF INNOVATIVE ECONOMY AND SELECTING
THE DEVELOPMENT MODEL FOR MODERN RUSSIA**

The article describes the author's methodology and results of evaluating the effectiveness of an innovative economy and makes recommendations on the choice of model for the innovative development of Russia.

UDC 339.9

Borodin A.I., Kochugueva M.N.
**THE STRATEGY OF DEVELOPING THE CLUSTERS OF ENTER-
PRISES IN INTER-SECTORIAL REGIONAL INTEGRATION**

The authors reveal the features and advantages of using clusters within tightening Russian regional integration. The factors of regional economics which encourage the growth of efficiency of clusters and territory as the whole on micro- and macrolevel were determined and the constituents of the cluster development strategy were grounded.

UDC 334.726

Gustap N.N.
**EUROPEAN TECHNOLOGICAL PLATFORMS:
NOTION, ORIGIN, CHARACTERISTIC**

The article introduces the notion of technological platform. The author has studied the origin of European technological platforms. The paper describes the process of forming the first European technological platform and the reasons of its establishment, the principles of forming the European technological platforms. The characteristic of European technological platforms and their life cycle is given.

UDC 334.758.2

Taran E.A.
**FIGHTING WITH RAID AS THE INFORMAL
INSTITUTE OF PROPERTY REPARTITION**

The author has been studied the informal institute of property repartition. It is the raid. The current state of the phenomenon is shown. The main methods for fighting with the raid on micro- and macrolevels are determined.

UDC 332.87:338.46

Spitsyna L.V.
**CLASSIFICATION OF RISKS IN HOUSING
AND COMMUNAL SERVICES UNDER CURRENT CONDITIONS**

Risks in housing and communal services under current conditions are determined and classified. The article considers the set of risks management directions in housing and communal services. The author gives the recommendations of risk situations at the level of urban and municipal districts.

UDC 316.46:17

Cherepanova N.V., Tuhvatulina L.R.
**ETHICS OF LEADERSHIP
IN CONTEMPORARY MANAGEMENT**

The authors analyze the ethical aspect of a leader influence on staff behavior in a modern organization. The article considers the principle levels of manager influence being charged for organizational ethics. The levels of leader moral development and the influence of national features of leadership on business ethics in the organization have been analyzed.

UDC 339.133.017;330.16

Ryzhkova M.V.
**THE ADVANTAGES OF HEURISTICS
WHEN MAKING CONSUMER DECISION**

The article introduces the evolution of heuristics understanding in science and economics; the shade of meaning for the notion «heuristics» is proposed to analyze the consumer decisions. The author introduces the main social theories explaining the heuristic thinking; the economic benefit of heuristic existence is shown in each of them. The reasons of heuristics superiority over the rational choice at consumer decision making have been classified.

UDC 316:330.567.22

Ryzhkova M.V.
**THE ANALYSIS OF A CONSTRAINT SYSTEM
OF CONSUMER CHOICE**

Based on a general scheme of rational action the author introduces the classification of economic factors of consumer behavior; the possibilities of characterizing each group of factors for three main direction of economic thought (politeconomical, neo-classical, keynesian) have been determined; the classification of economic consumer risks has been proposed based on the analysis of situations of uncertainty.

UDC 339.17

Serikova G.N., Serikov A.L.
MOTIVATIONAL MECHANISMS OF MULTI-LEVEL SELLING

The authors have researched the operation of multi-level selling companies and determined the character of goods distributed by network marketing. The main motivational mechanisms used in multi-level marketing companies were determined. Common myths typical for different network companies: hypochondriac and economical were mentioned. The authors have discussed the consequences of this ideology for economic and social welfare of company goods distributors working in the system of multi-level selling. The conclusion was made on significant presence of network marketing in modern economics and the use of myth-making as the motivational mechanisms.

UDC 332.72:339.13.07

Pluchevskaya E.V., Kondratyeva A.A.
**APPLICATION OF PESTEL-ANALYSIS FOR CONTROL
SYSTEM OPTIMIZATION AT ENTERPRISES
BY THE EXAMPLE OF REAL ESTATE MARKET**

The use of several analytical instruments for forming further development strategies was assumed to be the necessary to expand the area of estimating the state of enterprises functioning on industry market. Using the example of the real estate market the authors proved the efficiency of combining the PESTEL-analysis technique with the results of SWOT-analysis determining factors which influence on the real estate market and estimating the probability of their occurrence when predicting enterprise development in this field and defining probable response procedures of management at the enterprises functioning on the real estate market.

UDC 332.05:005

Pinkovetskaya Yu.S.
**SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES:
LAWS OF DEVELOPMENT**

The paper introduces the analysis of the development level achieved by small and medium enterprises as well as by individual entrepreneurs in the Russian Federation. The author considers the main indices of business organization functioning by types of economic activity. The dependences demonstrating the distribution of an average quantity of employees are given. The article introduces the possibility of developing the production functions for totality of small, medium enterprises and individual entrepreneurs. The conclusion has been made on the principle laws of development of business organizations.

UDC 621.7:658.51

Petrushin S.I., Gubaydulina R.Kh.
**PRINCIPLES OF OPTIMIZATION
OF ENGINEERING PRODUCT LIFE CYCLE**

The article introduces the analysis of the main stages of the engineering product life cycle. The authors have set three problems of optimization for design, manufacture and exploitation of the unit. The principles of rational product exploitation and design have been stated. The authors have proposed the techniques for determining optimal production program and calculation of the top profit for the machine building enterprise. The authors have made the conclusion that manufacturing should be organized by a new mass quick-change type.

UDC 332.146:316.422(571.16)

Spitsyn V.V., Chernonog S.V.
**THE COMPETITIVENESS AND STRATEGIC PRIORITIES
OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT IN TOMSK REGION**

The necessity of estimating region competitiveness from two positions is shown. The first position is the region ability to attract the external environment resources and the second one is the region as the producer of goods and services sold on the external markets.

These approaches should supplement each other for the correct estimation of the competitiveness. The authors have developed the technical approach to estimation of the competitiveness of the region as the producer of goods and services and tested it by the example of Tomsk region. The assessment of Tomsk region competitiveness was specified; the opportunities, problems and mechanisms of implementing the development priorities were stated. It was shown that orientation of the produced goods to the external markets should become the most important criterion for choosing the priorities.

UDC 130.2:32

Korniienko An.A.
PREREQUISITES AND BASES FOR FORMING NEW MODELS OF HISTORICAL-CULTURAL SCIENCE RECONSTRUCTION

The author studies the bases for forming models of historical-cultural science reconstruction and analyses the potential of categorical series of microsociological investigations of science. The notion «science internal sociality» is studied; the role of debates and differences in the development of scientific knowledge is revealed.

UDC 130.2:32

Korniienko An.A.
THEMATIZATION OF SYNTHESIS AS THE ENTITY OF COGNITIVE AND SOCIAL CULTURAL COMPONENTS IN WEST SCIENCE SOCIOLOGY: DETERMINATION OF TENDENCIES AND APPROACHES

The author analyses the formation of cognitive science sociology in the object field of which there is the interrelation of cognitive and social structures of science. The role of context in science knowledge formation is defined. The author affirms that reconsideration of a standard concept of science as a totality of gnoseological, epistemological and methodological interpretations of the nature and morphology of the formed scientific knowledge, ways of its substantiation and scientific content ideal became the bases for formation of cognitive science sociology.

UDC 111

Chernikova D.V., Chernikova I.V.
HUMAN ENHANCEMENT: COGNITIVE TECHNOLOGIES AND THEIR RISKS

The authors analyze social and humanistic consequences of human enhancement program. It is shown that the modern stage of the program development conditioned by application of cognitive technologies represents a new level on which the human evolution becomes the process controlled consciously. The authors pay special attention to philosophical issues actualized by application of cognitive technologies. The problem of preserving human identity, problems of freedom and responsibility are discussed in the paper.

UDC 16

Ardashkin I.B.
EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCHING PERSON CORPORALITY

The article considers the phenomenon of a person corporality as a source of a person epistemological activity. The author refers to a number of philosophical traditions (phenomenology, psychoanalysis, postmodernism) for revealing the specification of the phenomenon of a body as one of measurements of human life. It is ascertained that the body in the course of epistemology development represents the important source of person informative prospects which allow being guided by the complete attitude.

UDC 165.8

Chmykhalo A.Yu.
SOCIAL EPISTEMOLOGY AS THE APPROACH TO THE SOLUTION OF CURRENT PROBLEMS IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article states that development of modern information technologies impacts greatly on changes in different spheres of social life,

on production, transfer and use of knowledge. One of possible approaches in studying the scientific knowledge under conditions of new society formation was given the name «social epistemology». Within the present article the author attempts to specify the social epistemology potential in the solution of the modern epistemological problems connected with the development of scientific knowledge. Based on the example of the analysis of the facts of repeating (repeated, being crossed) discoveries happened in the history of science, identification of social conditions of their implementation the conclusion is drawn that ability of the scientist to join the communicative process within the scientific community plays a significant role in success or, on the contrary, the failure of scientific research, oblivion of its results. The success of this process depends in its turn on a number of social conditions (society openness, width of access to scientific communication funds, existence of social mechanisms for including scientific knowledge into a concrete social practice, etc.)

UDC 123.1

Naletova A.I.
THE CONCEPT «IMAGE OF THE FUTURE» IN EPISTEMOLOGICAL CONSTRUCTIVISM

The article introduces the analysis of constructivism as the philosophical direction. The issue of constructing the future has been considered from the point of view of epistemological constructivism. The author affirms that the process of the future construction is the cognitive process which may be presented as three stages (by the theory of three interpretants of Ch.S. Peirce) – the first (the idea of the future), the second (project, concept of the future), the third (laws and rules of relation between the concept «image of the future» and the dynamic of the present).

UDC 130.2

Chubik A.P.
REALITY IN MASS MEDIA

It is proved that one cannot say about the objectiveness of reality proposed in communication media in spite of visible reliability of video image and photo which have represented the ideal of mimetic art tending to reflect the world as it is. The information there always occurs as the construct; the task of the latter is to hide the reality but not to represent it.

UDC 001

Cherepanova M.V.
PHILOSOPHIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF DEVELOPING THE CODE OF ETHICS FOR SCIENTIFIC COMMUNITY

The article considers the philosophical and methodological problems of developing the code of ethics for scientific community. Based on interdisciplinary approach the prospects of their solution are defined.

UDC 001.2

Chubik A.P.
COMMUNICATION TOTALITY

Based on the notion «simulation» becoming more and more popular and oriented to the development of artificial demands in advertisement and positive political image of a candidate standing for this or that post the change of the communication status in modern society is shown. The total manipulation purposing for hiding the reality under the mask of expectation occurs instead of the expected dialogue.

UDC 130.2

Minchenko T.P.
RELIGION, FREEDOM OF CONSCIENCE AND NEW TECHNOLOGIES IN THE POSTSECULAR WORLD

The author has singled out the main approaches to understanding the postsecular space as a new one connected with transformation of previous division into secular and religious. The influence of computer

technologies, including the Internet, on religiousness transformation was studied. The types of religiously conditioned spaces in virtual world and the extreme positions in substantiation of religion place and role in cyberspace were determined. The article demonstrates the role of the conscience freedom principle as a condition for the existence authenticity.

UDC 113/.119:504.03

Chubik M.P.
THE PROSPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF HUMAN ECOSYSTEMS

The author substantiates the necessity of forming the civilization approach which meet new human demands and agreed with new environment realities. The prerequisites of ecological modernization oriented to development of enterprises which do not destroy the steady state of ecosphere and fit well into its natural biogeochemical cycles have been analyzed. The author approves the thesis according to which the noted modernization is the base for harmonization of relations in the system «man–nature–society».

UDC 130.3

Migurenko R.A.
POST NON-CLASSICAL STRATEGIES IN SOLVING THE CONSCIOUSNESS PROBLEM AND COMMON SENSE

The author determines the substance of post non-classical interpretations of consciousness, defines obvious or latent presence of the common sense truth in them. And the relation of the main positions of the reflexive consciousness with the attitudes of natural (non-reflexive) one is determined.

UDC 114

Makogon T.I.
THE ORIGIN OF TOPOLOGICAL SPACE PERCEPTION IN THEORIES OF SOCIAL FIELDS

The article demonstrates the origin of topological perception of social space in social and philosophic discourse. The author has defined the possibility of describing the social world, human–society relations, the place of social activities, communities involving the topological methods. The issues of origin of social fields theory in works of K. Levin and P. Bourdieu have been analyzed. The paper states the opportunity to consider social situations as power fields, to interpret the individual vital space as a psychological field, to link all structural relations of everyday activity to the place, space of social action by means of topology. Social fields are represented by constellation of «power», «capitals» and actors. Field concepts are represented by multilayer contexts and functioning of conceptual media in certain fields. The author defined the notions «habitus», «field» for systematic practice determination.

UDC 114

Makogon T.I.
«SPATIAL TURN» AND OPPORTUNITY OF NOVATIVE APPROACHES IN SOCIAL AND PHILOSOPHIC DISCOURSE

The author has carried out the historical analysis of philosophical research studying the spatial, social, historical as the similar and equivalent prospects of existence. It was shown that space comes to the first place in the defined horizons of the research of communities, social systems, places where human-society communications take place.

UDC 316. 3/4

Kirdyashkin I.V.
YOUTH AS DEFINITION OF TRANSITION

The author studies the feature of youth transitivity as a cultural phenomenon. The article reveals its representativity to transitivity of a modern society as a whole.

UDC 316.46: 316.423.2

Ivankina L.I., Martynova N.V.
LEADERSHIP AS THE MECHANISM OF ORDER INSTITUTIONALIZATION AND SOCIAL SYSTEM DEVELOPMENT

It was shown that management should possess a special mechanism for transferring the external actions to the level of subject individual behavior for the result not to be accidental. The authors consider the leadership to be such mechanism. It was proved that the leadership acts as the modernization prerequisite of social changes as the mechanism of ordered interaction.

UDC 130.2

Sycheva S.G.
VYACHESLAV IVANOVICH IVANOV ABOUT ANDREY BELY AND ANDREY BELY ABOUT VYACHESLAV IVANOVICH IVANOV: ART PROBLEMS

The artistic attitudes of A. Bely and V.I. Ivanov were contradictory: on the one hand both of them admitted the necessity of «co-authorship», but on the other hand they were always polemicalizing toughly on theoretical issues of symbolism.

UDC 325.1+314.74

Demytyeva S.V., Giniyatova E.V.
STUDY MIGRATION INTO TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY: MECHANISMS AND PRACTICES OF THE EFFICIENT ADAPTATION

The article introduces the university experience in development of international education. The authors present the intermediate results of the research of mutual adaption difficulties and problems of migrants from foreign and domestic universities. The current population issues in Russia related to the existing policy in the field of higher education have been identified. The ways of simulation and management of study migration development were planned.

UDC 101.1.:316.773.2

Lukyanova N.A.
SUBORDINATION LEVELS OF SEMIOTIC ELEMENTS IN THE COMMUNICATIVE SPACE

The article introduces the hypothesis of subordination levels of semiotic elements in the communicative space. The author states that semiotic elements of the communicative space may be represented in three levels: sign–interpretant–communicative event. A sign is a certain matrix for developing texts of culture by communications. An interpretant represents the result of sign action, something that is formed in the interpreter mind. The interpretant patterns form the communicative events in various bonds which act as conflicting or similar meanings being in the communicative space between the total identity and absolute non-contact.

UDC 32

Korobeynikova L.A.
CULTURAL DIVERSITY WITHIN THE CONTEXT OF MULTICULTURALISM

The article introduces the analysis of multiculturalism as the school of west philosophy formed as the response to the cultural and religious diversities. The author has studied the policy of identity, diversity and recognition. The paper considers the theoretical sources of multiculturalism: the theory of V. Kimlik based on liberal values of autonomy and equality; «policy of recognition» of Ch. Taylor; the idea of dialogue directed against the monologic «Ego» in classical culture and forming pluralism of modern culture. Different estimations of multiculturalism as the intelligent movement have been considered. The scientific problems of multiculturalism have been analyzed. The range of problems involves the wide sphere of issues: search for new forms of political action; formation of the alternative culture; development of post-traditional paradigms in political philosophy and philosophy of culture; analysis of connection, identity, equality issues. The author has singled out the key issues in discussions of multiculturalism.

UDC 75.041.5

Likhatskaya L.N.
PORTRAIT WITHIN THE CONTEXT
OF CULTURAL AND PHILOSOPHIC ISSUES

The author has set up the problem of studying the art work as the cultural artifact and attempted to relate the notion of portrait as the cultural artifact to the notion of mirror in mechanisms of functioning. The paper considers the similarity and difference in the notions of mirror and portrait. The system approach in studying cultural objects (art works) is updated. The author has proposed the diagrams representing the image in portrait and in mirror.

UDC 658.512.23

Zakharov A.I., Kukhta M.S.
THE FEATURES OF SHAPING PROCESS
OF OBJECT-FUNCTIONAL STRUCTURES IN DESIGN

The authors have analyzed the dynamic and morphological bases of design objects. The role of semantic in shaping process and specific character of visual perception of object-functional structures are studied. The technique for estimating the shape in design is proposed.

UDC 338.48:947

Kolupanova I.A.
THE PRINCIPLE DIRECTIONS IN DEVELOPMENT OF FOREIGN
TOURISM IN RUSSIA AND ABROAD IN 1950–1960-s

The article describes the prerequisites for developing foreign tourism in the USSR and abroad. The paper introduces the statistic data of foreign tourism development in the USSR and abroad in 1960-s; the growth rates of the international tourism in the given period are shown. The historical data of the indices of foreign tourism development in Siberia are of major interest.

UDC 39

Babuta M.N.
UKRAINIAN ETHNOLOCAL GROUPS
IN EAST EUROPE (THE END OF XIX – XX cc.)

The author considers the issues of formation and quantity of Ukrainian diasporic communities in East Europe. The paper describes the role of Ukrainian immigration in development of national cultural communities; that influenced the preservation of ethnical self-consciousness, devotion to the bases of intellectual culture.

UDC 378.1:338.36 (571.1/6)

Petrik V.V.
CREATIVE COOPERATION OF THE MEN OF SCIENCE
AND MANUFACTURE AT THE END OF 1950–1960-s
(BASED ON THE MATERIALS OF HIGHER SCHOOLS
OF THE SIBERIAN REGION)

Based on archives documentation and materials the author analyzes the activity of higher schools in Siberia at the end of the 50–60-s of the XXth century aimed to strengthening the relations of higher school science and manufacture. The article reveals the organizational forms of science and manufacture cooperation.

UDC 378.014.54 (571.53)

Petrik V.V.
THE DEVELOPMENT OF TEACHING AND MATERIAL
RESOURCES OF THE HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF IRKUTSK IN 1960–1980-s

Based on a wide documentary basis the author gives the characteristic of the development of the teaching material resources in Irkutsk higher schools in 1960–1980-s. The article considers in detail the activity of central and territorial managing structures and higher school staff in providing the Irkutsk higher schools with the buildings for classes and laboratory works, hostels, apartments for the teaching staff, canteens and cultural establishments. The hardships and problems preventing the development of the teaching and material resources of higher schools are analyzed.

UDC 331.105.44;502.35(571.16)

Pershikov A.N.
THE ROLE OF SOCIAL ORGANIZATIONS
IN WESTERN SIBERIA WHEN SOLVING
THE ENVIRONMENTAL PROBLEMS. 1950–1960-s

The paper demonstrates the activity of social organizations in Western Siberia when solving regional environmental problems. The author has determined the degree and the level of their participation in the process. The conclusion is made that information and practical activity of social organizations in the environmental safety field was enhanced because of their transformation.

UDC 329.154(571.16)

Guzarov V.N.
PARTY AND SOVIET LEADERS OF TOMSK GUBERNIYA
(1920–1923)

The author has studied the body of party and soviet leaders of Tomsk guberniya in the beginning of 20-s of XX c. The management of the guberniya was formed by Central Committee of Russian Communist Bolshevik Party and represents its bureaucratic establishment related in no way with local society. Election was practically exchanged by assignment. For the majority of party organizers Tomsk was only a step in a long career ladder.

UDC 930.2(054)/94(327.56)(479.24+479.25) «1988»

Yumatov K.V.
THE ROLE OF THE NEWSPAPER «SOVIET KARABAKH»
IN FORMATION OF ARMENIAN-AZERBAIJAN
OPPOSITION IN NAGORNY KARABAKH
(FEBRUARY–MARCH 1988)

Using the materials of the newspaper «Soviet Karabakh» (1988) and other information sources the author has retraced the dynamic in formation of Armenian national movement in Nagorny Karabakh autonomous region (NKAR). In 1988 the official bulletin of party and soviet authorities of NKAR became the first legal edition supporting openly the idea of Nagorny Karabakh (Artsakh) reunification with Armenian SSR. «Soviet Karabakh» became the platform for promoting the idea of Miatsum by intelligentsia and party authority of NKAR. It is the material of the edition which allows retracing the evolution of opinions and methods of Armenian national movement in Karabakh in 1988.

UDC 94(430)01

Konkov D.S.
GOTHS AND THE EMPIRE: GAINAS REBELLION
AS THE IDENTITY CRISIS

The article considers the rebellion of magister militum forces of Gainas East Roman empire in 399–400. The data of information sources on this rebellion have been interpreted from the point of view of identity crisis possibility of the general of gothic origin in Roman political culture both as the reasons for the rebellion itself and its failure. The conclusions were made on considerable value of the identity crisis for the failure of integration policy of Goths-federates of the first generation into Roman military hierarchy.

UDC 930.1

Gumerova Zh.A.
G.P. FEDOTOV ABOUT THE CONCEPT OF THE HISTORY
OF RUSSIA IN THE WORKS OF V.O. KLYUCHEVSKY

The concept of the history of Russia in the works of V.O. Klyuchevsky was interpreted and the current and non-topical elements of this image for Russian historical science of the XXth century were revealed by G.P. Fedotov. The conclusion was made that G.P. Fedotov accepting the scientific achievements of V.O. Klyuchevsky proposed a new vision of the history, new image of the history of Russia being the reflection of historical and theoretical ideas of the beginning of the XX century.

Сведения об авторах

- Андреева Ульяна Викторовна**, аспирант кафедры прикладной математики факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета. Р.т. (3822) 529-599. E-mail: egi@sibmail.com. Область научных интересов: математическая теория финансового анализа.
- Антонова Зоя Георгиевна**, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: economics@tpu.ru. Область научных интересов: государственное регулирование, корпоративный бизнес, экономический рост.
- Ардашкин Игорь Борисович**, 1972 г.р., д-р филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: ibardashkin@mail.ru. Область научных интересов: философия и методология научного познания.
- Бабута Марина Николаевна**, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и регионоведения Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-02. E-mail: babuta_m@gambler.ru. Область научных интересов: этнология, диаспоры, миграции.
- Барышева Галина Анзельмовна**, 1961 г.р., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики ИСГТ. Р.т. 56-35-82 E-mail: ganb@tpu.ru. Область научных интересов: анализ факторов развития инновационной экономики, интеллектуальной собственности и рынка.
- Болсуновская Людмила Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент, профессор РАЕ, заведующая кафедрой Иностранных языков Института природных ресурсов ТПУ. Р.т.: 42-63-49. E-mail: bolsunovskaya@inbox.ru. Область научных интересов: межкультурный менеджмент, образовательные технологии.
- Болсуновская Юлия Александровна**, аспирант кафедры Экономики природных ресурсов Института природных ресурсов ТПУ, эксперт Информационно-исследовательского центра Информационно-аналитического управления ТПУ. Р.т.: 70-56-77. E-mail: bolsunovskayaua@tpu.ru. Область научных интересов: управление проектными рисками, стратегическое планирование.
- Борodin Александр Иванович**, 1970 г.р., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и финансов фирмы НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва. Р.т. 8-(495)-621-91-92. E-mail: aib-2004@yandex.ru. Область научных интересов: региональная экономика, бухгалтерский учет и аудит, бюджетирование, финансы предприятий.
- Гениятова Елена Владимировна**, канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: evg@tpu.ru. Область научных интересов: интернет-коммуникации, визуалистика, современное образование.
- Губайдулина Рауза Хамидовна**, канд. техн. наук, доцент кафедры механики и инженерной графики Юргинского технологического института (филиала) ТПУ. Р.т. 8-(384-51)-5-39-23. E-mail: Victory_28@mail.ru. Область научных интересов: оптимизация жизненного цикла изделий машиностроения.
- Гузаров Владимир Николаевич**, 1950 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-02. E-mail: regionoved@mail.ru. Область научных интересов: политическая история двадцатого века.
- Гумерова Жанна Анатольевна**, 1980 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ, р.т. 52-84-04. E-mail: janet80@inbox.ru. Область научных интересов: философия истории русского зарубежья, русское национальное сознание, история исторической мысли, история русской культуры XIX-н. XX вв.
- Густап Наталия Николаевна**, 1989 г.р., аспирант кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ, специалист по маркетингу в Институте физики прочности и материаловедения СО РАН, г. Томск. Р.т. 56-35-82. E-mail: gustapn@mail.ru. Область научных интересов: вывод инновационного продукта на рынок, Европейские технологические платформы, технологическая платформа «Медицина будущего», дорожные карты.
- Данилюк Елена Юрьевна**, ассистент кафедры прикладной математики факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета. Р.т. (3822) 529-599. E-mail: daniluc_elena@sibmail.com. Область научных интересов: исследование опционных контрактов, изучение макроэкономических моделей.
- Дементьева Светлана Валерьевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: demten-svetlana@yandex.ru. Область научных интересов: интеллектуальная, учебная миграция, социально-философские основания миграции, судебные и внесудебные механизмы защиты прав мигрантов.
- Демин Николай Серапионович**, 1944–2011 г., д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры прикладной математики факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета. Область научных интересов: фильтрация, интерполяция, экстраполяция, распознавание стохастических процессов, передача стохастических сигналов по непрерывно-дискретным каналам с памятью; обнаружение аномальных помех; математическая теория финансового анализа.
- Захаров Александр Иванович**, 1959 г.р., канд. техн. наук, зав. кафедрой общей технологии силикатов Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, г. Москва. Р.т. 8-(495)-496-93-24. E-mail: alezakharov@gambler.ru. Область научных интересов: философия науки и техники, формообразование и дизайн керамических изделий, синтез и спекание ультрадисперсных порошков, экологические проблемы керамического производства.
- Иванкина Любовь Ивановна**, д-р филос. наук, профессор кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: ivankina@tpu.ru. Область научных интересов: философские, социологические и психологические аспекты современного общества и человека.

- Кирдяшкин Иван Владимирович**, 1971 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета. Р.т. 52-73-35. E-mail: kirdjshkin@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия.
- Колупанова Ирина Алексеевна**, 1974 г.р., канд. истор. наук, доцент кафедры сервиса и туризма Факультета Социальных коммуникаций и туризма Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул. Р.т. 8-(385-2)-36-45-59 E-mail: kolupanova@mail.ru. Область научных интересов: история развития туризма в Сибири, в России и за рубежом, развитие внутреннего и международного туризма.
- Кондратьева Анастасия Александровна**, ст. преподаватель кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: kondrateva@tpu.ru. Область научных интересов: инвестиционная привлекательность, рынок недвижимости.
- Коньков Дмитрий Сергеевич**, 1978 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ. E-mail: dkonkov@mail.ru. Область научных интересов: политогенез традиционных обществ, история раннего средневековья, историческая антропология, политическая антропология.
- Корниенко Анна Анатольевна**, канд. техн. наук, доцент кафедры инженерного предпринимательства Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-29. E-mail: anna_kornienko@mail.ru. Область научных интересов: трансформация статуса знания в условиях коммуникативного общества.
- Коробейникова Лариса Александровна**, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры ТГУ, рабочий телефон: 529606, e-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru, область научных интересов: философия культуры, социальная философия, философия глобализации.
- Кочугуева Маргарита Николаевна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов фирмы НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва. Р.т. 8-(495)-621-91-92. E-mail: mnk44@rambler.ru. Область научных интересов: стратегический менеджмент, экономика предприятий, управленческий учет.
- Кухта Мария Сергеевна**, 1963 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры автоматизации и роботизации в машиностроении Института кибернетики ТПУ. Р.т. 41-96-74. E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru. Область научных интересов: философия науки и техники, теория промышленного дизайна, композиция в технике, философия искусства, методология моделирования визуального восприятия.
- Лихацкая Людмила Николаевна**, 1956 г.р., кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Реклама и культурология» Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, г. Барнаул. Р.т. 29-09-11. Email: RIK_426a@mail.ru. Область научных интересов: системный подход в изучении объектов культуры (произведений художественного творчества).
- Лукьянова Наталия Александровна**, д-р филос. наук, заведующая кафедрой социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-45. E-mail: Lukianova@tpu.ru. Область научных интересов: философия коммуникации, семиотика.
- Макогон Татьяна Ивановна**, канд. филос. наук, докторант кафедры философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета. Р.т. 56-22-78. E-mail: makogon@admin.tomsk.ru. Область научных интересов: исследование категории «пространства», топология социально философского дискурса, теории социальных систем, выявление логических констант в пространстве местных сообществ.
- Мартьянова Наталия Валентиновна**, аспирант кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: mn13@sibmail.com. Область научных интересов: философия управления, философия лидерства, философские аспекты социальной организации.
- Мигуренко Раиса Афанасьевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: tatarova47@mail.ru. Область научных интересов: онтология и теория познания, проблема «сознание и миф», проблема сознания в философии и науке, исследования в области искусственного интеллекта.
- Минченко Татьяна Петровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Томского научного центра СО РАН. Р.т. 49-25-01. E-mail: mtp70@mail.ru. Область научных интересов: история и теория культуры, социальная философия, религия и право.
- Налетова Александра Ивановна**, аспирант, ассистент кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. E-mail: sashadem@sibmail.com. Область научных интересов: эпистемологический конструктивизм, теория познания, прогнозирование.
- Никулина Ирина Евгеньевна**, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента Инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: dss@tpu.ru. Область научных интересов: финансовый менеджмент, современный менеджмент, региональная экономика.
- Пахомова Елена Григорьевна**, канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры высшей математики Физико-технического института Томского политехнического университета. Р.т. (3822) 563-729. E-mail: pahomova@tpu.ru. Область научных интересов: алгебра, Абелевы группы, модули.
- Першиков Анатолий Николаевич**, 1946 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-02. E-mail: regionoved@mail.ru. Область научных интересов: проблемы развития региональной промышленности
- Петрик Валерий Владимирович**, 1960 г.р., д-р ист. наук, профессор кафедры истории и регионоведения Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-02. E-mail: v.v.petrik@mail.ru. Область научных интересов: история образования и науки в России и Сибири; история науки и техники; культура России (Сибири) и стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея); дипломатия и внешняя политика России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона; профессорско-преподавательский корпус Томского политехнического университета.
- Петрушин Сергей Иванович**, 1949 г.р., д-р техн. наук, профессор кафедры технологии машиностроения Юргинского технологического института (филиала) ТПУ. Р.т. 8-(384-51)-6-22-48. E-mail: Victory_28@mail.ru. Область научных интересов: оптимизация процессов механической обработки и режущих инструментов.
- Пиньковецкая Юлия Семеновна**, канд. экон. наук, ассистент кафедры экономико-математических методов и информационных технологий, факультета финансов и учета, Ульяновского государственного университета, заведую-

- щий отделом ОАО «ПИКАП». Р.т. 8-(951-0)-95-55-84. E-mail: judy54@yandex.ru. Область научных интересов: малые предприятия, средние предприятия, индивидуальные предприниматели, экономико-математическое моделирование.
- Плучевская Эмилия Валерьевна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: emilyval@gambler.ru. Область научных интересов: эффективные системы управления предприятиями в различных отраслях, прогнозирование деятельности предприятий и организаций, стратегическое планирование, методики анализа.
- Рожкова Светлана Владимировна**, д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры высшей математики Физико-технического института Томского политехнического университета. Р.т. (3822) 563-729. E-mail: rozhkova@tpu.ru. Область научных интересов: фильтрация, интерполяция, экстраполяция, распознавание стохастических процессов, передача стохастических сигналов по непрерывно-дискретным каналам с памятью; обнаружение аномальных помех; математическая теория финансового анализа.
- Рыжкова Марина Вячеславовна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: marybox@tpu.ru. Область научных интересов: потребительское поведение, дизайн рынка, экономический эксперимент.
- Сериков Андрей Леонидович**, 1970 г.р., канд. мед. наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии факультета повышения квалификации и переподготовки специалистов Сибирского государственного медицинского университета, г. Томск. Р.т. 52-02-43. E-mail: andrey_serikov@mail.ru. Область научных интересов: исследования манипулирования сознанием.
- Серикова Галина Николаевна**, доцент кафедры менеджмента инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-38-36, 56-37-89. E-mail: gnserikova@mail.ru. Область научных интересов: психологические аспекты управления персоналом.
- Склярова Екатерина Евгеньевна**, 1984 г.р., аспирант кафедры менеджмента и экономической теории НОУ ВПО Международного института компьютерных технологий, г. Воронеж. Р.т. 8-(473)-246-37-65. E-mail: SEE1-business@yandex.ru. Область научных интересов: экономика и менеджмент.
- Спицын Владислав Владимирович**, 1976 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: spitsin_vv@mail.ru. Область научных интересов: конкурентоспособность региона, инновационное развитие, региональная экономика, научно-образовательный комплекс.
- Спицына Люция Валерьевна**, 1977 г.р., аспирант кафедры экономики природных ресурсов Томского политехнического университета, главный бухгалтер Управления жилищно-коммунальным хозяйством администрации г. Прокопьевска, Р.т. 8 (3846) 62-71-27. E-mail: slv2007-77@mail.ru. Область научных знаний: экономика, жилищно-коммунальное хозяйство.
- Сычева Светлана Георгиевна**, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: svet-such@mail.ru. Область научных интересов: история и теория культуры.
- Таран Екатерина Александровна**, ст. преподаватель кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: ekbaran@tpu.ru. Область научных интересов: интеграционные процессы в экономике, корпоративное управление.
- Тухватулина Лилия Равильевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: ltuhvatulina@tpu.ru. Область научных интересов: современное управление, особенности современного менеджмента, российская модель современного менеджмента.
- Черданцева Ирина Васильевна**, 1975 г.р., кандидат экон. наук, доцент кафедры экономики, р.т. 56-35-82 E-mail: cherdan@tpu.ru. Область научных интересов: анализ социально-экономических процессов, прогнозирование, стратегическое планирование.
- Черепанова Мария Владимировна**, 1987 г.р., аспирант, ассистент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: cherepanovamv@tpu.ru. Область научных интересов: моральная кодификация, социально-философские основания научной этики.
- Черепанова Наталья Владимировна**, канд. филос. наук, доцент кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: cherepanova_natalia@tpu.ru. Область научных интересов: этические аспекты современного управления, бизнес этика, развитие этической философии управления.
- Черникова Дарья Васильевна**, канд. фил. наук, доцент кафедры философии ИСГТ ТПУ. Р.т. 56-34-06. E-mail: chdv@tpu.ru. Область научных интересов: природа человека, психология управления, когнитивные науки, синергетика, социосинергетика.
- Черникова Ирина Васильевна**, д-р фил. наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета. Р.т. 53-32-73. E-mail: chernic@mail.tsu.ru. Область научных интересов: философия и эпистемология науки, глобальный эволюционизм и цивилизационное развитие, междисциплинарное знание, технаука.
- Черноног Сергей Викторович**, аспирант очной формы обучения ТПУ. E-mail: teney2007@sibmail.com. Область научных интересов: конкурентоспособность региона, методика оценки конкурентоспособности, инновационное развитие, влияние инноваций на конкурентоспособность региона.
- Чмыхало Александр Юрьевич**, 1973 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: sanichtom@inbox.ru. Область научных интересов: философия науки, история философии науки, философия образования.
- Чубик Анна Петровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 70-56-70. E-mail: chubikap@tpu.ru. Область научных интересов: проблемы информационной власти.
- Чубик Максим Петрович**, 1975 г.р., к.м.н, директор информационно-исследовательского центра ИАУ ТПУ, доцент кафедры геоэкологии и геохимии ИПР ТПУ. Тел.: 8(3822)-70-56-77 Вн. телефон: 2070. E-mail: mchubik@tpu.ru. Область научных интересов: Экология, экологическая биотехнология, экологическая медицина, «зеленые» технологии, теория ресурсоэффективности.
- Энгельбрехт-Зенкина Зоя Валерьевна**, 1987 г.р., ассистент кафедры экономики природных ресурсов института

природных ресурсов ТПУ. Р.т. 41-75-98. E-mail: engelbrehz@tpu.ru. Область научных интересов: инновационная экономика, особые экономические области, инновационная инфраструктура, кластеризация экономики.

Юматов Константин Владимирович, 1972 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Р.т. 8(384-2)-58-33-97. E-mail: yumatov@list.ru. Область научных интересов: история и источниковедение Нагорно-Карабахского конфликта, периодическая печать как исторический источник, международные отношения на Кавказе.

Яковлев Александр Сергеевич, 1990 г.р., магистр кафедры интегрированных компьютерных систем управления Института кибернетики, студент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий. Р.т. 8-(923)-428-66-42. E-mail: alexyakovlev90@gmail.com. Область научных интересов: национальная экономика, эффективное использование природных ресурсов, изучение законодательства в области энергосбережения и энергоэффективности.

Редактирование и корректура *А.С. Глазырин*
Компьютерная верстка *О.Ю. Аршинова*
Перевод на англ. язык *С.В. Жаркова*

Подписано к печати 28.12.2012. Формат 60x84/8. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 30,71. Уч.-изд. л. 27,77.
Заказ 10-13. Тираж 500 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Издательства Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту BS EN ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ . 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. Тел./факс: 8(3822) 563-291, www.tpu.ru, izv@tpu.ru